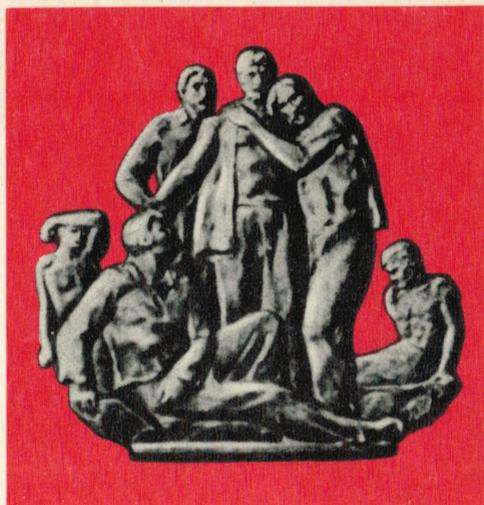

А.И.Микоян

ДОРОГОЙ
БОРЬБЫ

А.И.Микоян

ДОРОГОЙ
БОРЬБЫ

Книга первая

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1971

Я давно заметил, что, чем старше становится человек, тем острее ощущает он потребность в каком-то итоговом осмыслении прожитой жизни — для передачи накопленного опыта и знаний новым поколениям, идущим на смену нашему. Это естественно и закономерно. В особенности применительно к людям, жизненный путь которых проходил в периоды больших общественно-политических событий.

Более полувека я был свидетелем и участником многих событий нашей жизни. Мне довелось повидать немало интереснейших людей. Побывал во многих странах мира, встречался с руководителями правительств этих стран, с их общественно-политическими, культурными и другими деятелями, а также с обыкновенными, простыми людьми. Долгие годы я работал с выдающимися деятелями нашей партии и государства. И конечно, величайшим счастьем своей жизни я считаю личные встречи с Лениным, то время, когда мне довелось работать под его руководством.

Не без робости и сомнений взялся я за перо.

Я не писатель. И то, что я пишу, не художественное повествование, а всего-навсего правдивый

рассказ о событиях, свидетелем и участником которых я был, о людях, с которыми я работал и встречался в своей жизни. Большинство из нас были в те годы совсем еще юными. Вообще надо сказать, что в периоды больших и острых социальных сдвигов и потрясений молодежь необычайно быстро взрослеет. Так в годы Великой Октябрьской социалистической революции в России в революционную борьбу нередко вступали 14—15-летние юноши и девушки, быстро набравшие силы и к 18—20 годам становившиеся зрелыми политическими работниками и даже руководителями.

Мои воспоминания — не история, которая должна быть всесторонним и глубоко научным анализом всей совокупности фактов и событий общественной жизни. Я не претендую на такое систематическое, а тем более всестороннее описание событий, которых здесь касаюсь: такой задачи я перед собой не ставил.

Повторяю, эта книга — лишь воспоминания о лично пережитом, увиденном и услышанном. Ни на что большее она не претендует.

В те далекие и бурные революционные годы никто из нас, как правило, не вел дневников или хотя бы простых записей происходящих событий, многочисленных встреч и бесед. У большинства из нас не сохранились не только тексты собственных выступлений, но даже и их конспекты. Мы их обычно тогда и не писали: речи читались не по бумажке, а произносились с ходу, часто в порядке импровизации. Только при особо ответственных выступлениях удавалось сделать коротенький набросок или конспект речи, да и то почти всегда такой набросок тут же, после выступления, уничтожался. Стенографисток у нас вначале не было: протоколы часто вели недостаточно грамотные люди, записывавшие не главное, а второстепенное. Часовой доклад излагался на одной страничке такого протокола, и притом не всегда точно. Во всяком случае, пользоваться сейчас этими записями трудно, хотя они, конечно, и помогают восстановить в памяти кое-какие детали и факты из пережитого...

Мы тогда не собирали и не хранили документы и материалы «для истории»: об этом мы как-то даже не задумывались.

Помню, когда я впервые прочитал знаменитую ленинскую книгу «Государство и революция», то обратил внимание на имевшееся там авторское послесловие. Ленин писал, что, опубликовав работу, он составил уже план следующей ее главы, но, кроме заглавия, не успел написать ни строчки: ему «помешал» политический кризис, канун Октябрьской революции 1917 года. «Такой «помехе», — писал Ленин, — можно только радоваться». Сейчас, говорил он, «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

Было, конечно, очень жаль, что мы не сможем увидеть скоро новых глав этой ленинской работы, но хорошо помню, что настроение, о котором писал Ленин, было тогда многим из нас очень близко и понятно.

Мои воспоминания, как, впрочем, и любые воспоминания, неизбежно носят субъективный характер. События описываются здесь такими, какими я их запомнил, как я воспринимал их тогда, в те давние дни. Попутно я высказываю и свое сегодняшнее отношение к некоторым из них.

Я смотрю на описываемые события глазами их участника или наблюдателя, а не историка. Вот почему некоторым фактам и событиям, которые тесно связаны со мною лично, я уделяю больше внимания, чем другим, может быть и более важным с точки зрения истории. События, которые прошли без моего непосредственного личного участия или наблюдения, поразили меня в меньшей степени или вообще не коснулись меня, описаны здесь кратко и схематично или вообще остались за пределами воспоминаний. В Закавказье было, конечно, немало замечательных людей, отличных коммунистов и политически активных беспартийных рабочих. Назвав многих из них, других я даже не упоминаю в своих воспоминаниях, хотя они, несомненно, вполне заслуживают этого. В памяти моей, более чем за полвека, не могли сохраниться имена всех этих людей.

Вообще же воспоминания, если они правдивы, ценны, по-моему, прежде всего тем, что дают читателю конкретный исторический материал, увиденный глазами людей того времени: в этом главная польза нашей мемуарной литературы.

Поскольку это личные воспоминания, имя автора довольно часто в них фигурирует, хотя я всемерно стремился не выходить за пределы необходимого для объективного отображения правды жизни. К тому же личный момент, личные переживания, как мне кажется, небезынтересны для широкого читателя, который обычно хочет знать, как воспринимали те или иные события их непосредственные участники, как они смотрели на них, что тогда думали, чем руководствовались в своих поступках. Все это помогает не только лучше узнать и глубже понять самые факты и события, но и получить определенное представление об атмосфере, в которой они происходили, о настроениях людей тех дней, об их надеждах и чаяниях, об их радостях и огорчениях...

Если читатель найдет это в предлагаемых воспоминаниях, я буду вправе считать, что цель моя достигнута.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Семья и родители. — Школа. — Поезд в Тифлис. — Поступление в семинарию.

Первые мои воспоминания, относящиеся к раннему детству, довольно случайны и очень отрывочны. Порой представляется даже малопонятным, почему это вдруг в памяти сохранились именно эти, а не какие-то другие факты и события тех далеких лет...

Я хорошо помню свою родную деревню Санаин, расположенную в одном из живописных уголков Армении.

...Высоко над крутыми скалами по обе стороны ущелья раскинулись несколько плато в сотню гектаров пашни. За этими плато возвышаются горы, покрытые лесом. А за ними — необозримые альпийские пастбища. И все вокруг покрыто зеленой травой и множеством дикорастущих цветов.

У самых склонов гор сразу же после плато ютилась наша деревня. Помню маленькие домики, тесно лепившиеся друг к другу...

В годы моего детства это была одна из многих тогда отсталых деревень далекой национальной окраины царской России. Кругом бескультурье, забитость, несправедливость...

Достаточно сказать, что на всю нашу деревню было только два грамотных человека, да и те поп и монах, служившие в местном монастыре. Остальное население было сплошь неграмотным (не исключая и моих родителей) и весьма туманно представляло себе, что такое настоящая школа, учитель, учебник, не говоря уже о газете или журнале...

Здесь я родился, тут прошло мое детство. Наш род — Микоянов — жил в этой деревне издавна, и жил очень «компакт-

но». В небольшом домике, имевшем две комнаты, подвал и веранду, размещались две семьи: наша и дяди Гево. Впритык к нашему дому, наполовину в земле, была комната, в которой жила бабушка (по отцу) Вартитер, а с ней другой мой дядя — Варган. Впереди дома — по склону горы — находились два небольших домика с общей плоской крышей, служившей нам одновременно «двором»: там жили дядя Гриша и дядя Велихан. Немного ниже их домов жил дядя Мкртич, а чуть дальше — дядя Гигол...

Почему-то запомнился такой эпизод. Как-то я играл один на крыше.

Я выдумал игру «в мельницу»: лежа на животе головой вниз, я руками сгребал с крыши глину и ссыпал ее вниз. Получалось, вроде бы сыплется мука на настоящей мельнице...

Занятие это меня так увлекло, что я не заметил, как пополз по крыше и, сорвавшись, полетел на землю вниз головой. Я ударился лицом о землю и сильно разбил нос. Заорав от испуга и боли, я побежал к матери. Мать вытерла мне нос. Все кончилось благополучно.

Очевидно, игра «в мельницу» запала в память потому, что за несколько дней до этого отец взял меня с собой на настоящую мельницу. Наша деревня находилась на плоскогорье, а мельница для двух сел была расположена в овраге. Мельница была маленькая, водяная. Чтобы перемолоть мешок зерна, мы с отцом пробыли там полсуток: потом пришли еще раз вечером и вернулись только на следующее утро. Помню, что было там много крестьян; они сидели на мешках с зерном в ожидании своей очереди...

Мне было лет шесть-семь. Как-то я играл во дворе со своими двоюродными братьями. Время было осеннее. К вечеру стало прохладно. Мы зашли к дяде Велихану. У него дома был очаг, а перед очагом низко висела маленькая жестяная лампа. Кто-то из детей случайно задел горевшую лампу, и она упала на моего двоюродного брата, сына дяди Гриши. Мгновенно керосин разлился по одежде брата. Весь в огне, он стал метаться по комнате. Мы перепугались и выбежали на улицу. Брат, объятый пламенем, — впереди, мы с дикими криками за ним.

Бежали мы очень быстро. Ветер раздувал пламя; казалось, что по улице движется огромный огненный факел. Мальчик

получил тяжелейшие ожоги, кожа у него стала совсем черная. Врачей не было. Через несколько часов он умер.

Все это произвело на меня ужасное впечатление. Я долго потом видел перед глазами этот живой огненный факел...

Обычно осенью отец ходил в лес и заготавливал дрова на всю зиму. Несколько раз он брал меня с собой. Когда мы шли в лес, он сажал меня верхом на нашего осла — это был тогда наш единственный транспорт. Сидя на этом «коне», я, конечно, был наверху блаженства. В лесу помогал отцу собирать хворост. Обратного приходилось идти уже пешком.

Помню, как отец брал меня с собой в дальний лес, где было много диких яблоневых и грушевых деревьев. С раннего утра и до вечера мы собирали фрукты, наполняли ими свои хурджины и грузили все на того же выносливого ослика...

В ближний лес мы ходили с матерью, собирая там кизил. Я с наслаждением взбирался на деревья и помогал матери. Обычно мы набирали много кизила.

Помнится также, как мы вместе с соседями и родственниками ходили в теплое ущелье, где в лесу по берегу речки росли огромные деревья грецкого ореха. Парни половчее обычно взбирались на деревья и палками сбивали плоды, а мы, дети, собирали их среди камней. Затем весь сбор делился между семьями. Домой возвращались лишь к вечеру.

Во всех этих походах я перестал участвовать после того, как начал учиться в Тифлисе, куда уезжал в конце августа, а все эти дары природы собирают обычно в сентябре и октябре.

Вспоминаю, что помимо употребления кизила в свежем виде мы сушили его в большом количестве, а зимой варили из него фруктовый суп, который все очень любили. Дикие груши и яблоки обычно солили в бочках на зиму. Часть сушили. Большое количество диких фруктов шло на изготовление фруктовой водки.

Вспоминаю, как отец вставал на рассвете, когда все мы еще были в постелях. Подходил к окну, где на подоконнике уже лежал приготовленный ему матерью немудреный завтрак: хлеб, сыр и немного водки. Отец наливал маленькую рюмку, закусывал и уходил на работу. Я не помню отца пьяным. Даже в гостях, на свадьбах он пил не больше одной-двух рюмок. Старший брат и мать не пили совсем, дети — тем более...

Осенью 1905 года в связи с начавшейся революцией волна крестьянских восстаний перекинулась на деревни нашего района. Начались захваты помещичьих земель. Эта волна докатилась и до нашего села. Однако влияние князей Аргутинских, владевших этой землей, было чень сильно. Поэтому у нас крестьяне захватить землю не решались. К тому же, вскоре царские власти прислали войсковую часть карательного отряда из казачьих пластунских частей.

Такие отряды сначала появились в других селах, и начались репрессии. В Ахпате, соседнем селе, дело дошло не только до возврата земель, но и до ареста многих активистов-крестьян.

В наше село тоже прибыл отряд пластунов. Они разместились на окраине села. Крестьяне, особенно женщины, избегали попадаться им на глаза. Мы же, мальчуганы, очень интересовались ими, горели любопытством и однажды, набравшись смелости, пошли посмотреть, что это за люди.

Мы робко подошли к ним. Разбив палатки, они развели костры готовили пищу. Мы посмелели и подошли совсем близко. Против ожидания казаки нас не прогнали и не ругали. Завязать с ними беседу мы не могли, потому что не умели говорить по-русски.

Через день отряд снялся и ушел.

Вспоминаю случай, имевший место в 1906 году. Армянский епископ, восседавший в Тифлисе и приезжавший на дачу, находившуюся во дворе древнего Санаинского монастыря, уговорил какого-то бакинского армянина-нефтепромышленника ассигновать деньги на строительство хорошей дороги к нашему селу — через скалистый горный склон, — по которой было бы удобно ходить фаэтонам. У нас, крестьян, фаэтонов не было, и в такой дороге мы не нуждались, она была нужна самому епископу. На это дело было ассигновано около 6—7 тысяч рублей. По тому времени это были большие деньги. На строительстве дороги работали крестьяне нашей деревни.

Летом 1906 года строительство дороги было закончено. Как-то нам стало известно, что наавтра из Баку приезжает поездом «наш благодетель» — нефтепромышленник. Деревне предложили выделить хорошую подводку, чтобы провезти высокого гостя по новой дороге: он захотел лично ее осмотреть.

На следующий день, в ожидании гостя, мы, мальчишки,

и многие жители деревни собрались во дворе монастыря. В монастыре для гостя была отведена комната. Когда подвода въехала во двор, мы увидели «благодетеля» и ахнули. Это был человек огромного роста, уже немолодой, невероятно толстый и к тому же паралитик.

Неожиданно, вместо того чтобы поскорее устроить гостя в отведенных покоях, из толпы выступил какой-то крестьянин и, обращаясь к толпе (которая, видимо, была заранее к этому подготовлена), заявил, что, так как часть зарплаты за строительство дороги им еще не выплачена и все их хлопоты по этому вопросу успехом не увенчались, он предлагает привязать нашего «благодетеля» к дереву и держать до тех пор, пока он не даст телеграмму в Баку о присылке всей причитающейся им суммы.

Подвода стояла близко к роднику, у которого росло большое старое грушевое дерево. «Гость» пытался что-то сказать, но ему не дали. Шесть или семь крестьян с большим трудом подняли его и привязали к дереву веревками.

Он стал объяснять, что у него не было злого умысла и что он ничего не знал о задолженности. Наоборот, он думал, что все оплачено, и ожидал, что население села примет его с благодарностью...

Не веря ему, крестьяне подняли шум.

Наконец потерпевший предложил приехавшему с ним человеку послать в Баку телеграмму. Еще будучи привязанным, он подписал ее. После этого он стал умолять отвязать его и дать возможность где-нибудь полежать. Крестьяне решили отвязать его и устроить в комнате, но из села не выпускать до тех пор, пока не поступят деньги. Так и было сделано.

Через день поступили деньги. Подрядчик расплатился полностью со всеми крестьянами, а «благодетель» поторопился убраться восвояси.

Крестьяне были в восторге от того, что одержали победу.

Эта дорога служила потом нашей деревне шестьдесят лет. Правда, ею мало пользовались. Когда же появились автомобили и автобусы, стала ясна непригодность этой дороги, проходящей по скалистой горе, с ее крутыми поворотами. И только в 1966 году была построена другая, хорошая, асфальтированная дорога, пригодная для автомобилей и автобусов, перевозящих рабочих, которые живут в деревне на горном плато, а работают на медеплавильном заводе в ущелье.

Расскажу еще об одном эпизоде, который может представить некоторый интерес для понимания психологии крестьян того времени.

Существовала трудовая повинность для крестьян по дорожному строительству. Работа эта не оплачивалась, и крестьяне всячески избегали ее.

Как-то объявили, что в предстоящее воскресенье все трудоспособные мужчины должны выйти на расчистку дороги на участке от нашего села до железнодорожной станции — это около трех километров. Мне было лет девять, но я попросил отца взять меня с собой. Забрав лопаты, мы пошли.

Уже тогда на меня произвело впечатление отношение крестьян к этой работе. Ворчали, работали неохотно, лениво. Когда глаз урядника «ослабевал», камни на дороге оставались неубранными. Было видно, что крестьяне работают из-под палки. Я тогда никак не мог понять, почему это так: ведь дорогу-то они расчищали главным образом для себя — «власти» появлялись на ней очень редко. Лишь после я понял, что в то время это была естественная реакция на длительное угнетение, выражение ненависти крестьян к враждебной им власти.

Недалеко от нашего дома был древний монастырь. Мы часто играли во дворе этого монастыря и иногда встречали жившего там монаха. Это был высокий, черноволосый, очень спокойный и рассудительный человек. Все его уважали, в том числе, конечно, и мы, дети.

Раз я увидел, что монах читал какую-то книгу. Я ею заинтересовался. Монаху это понравилось. Постепенно он начал учить меня грамоте. Через несколько месяцев я стал читать и писать по-армянски.

Мой отец, проработав около шести лет подмастерьем у тифлисского мастера-плотника и постоянно общаясь в этом большом, многонациональном городе с людьми самых разных национальностей, постепенно научился немного объясняться на разных языках. Конечно, его познания не шли дальше простейших бытовых разговоров и ограничивались обычным в таких случаях набором фраз, наиболее распространенных в житейском обиходе. Однако он научил и меня считать до ста на известных ему языках и очень этому радовался. Я же просто заучил все эти цифры на память, так и не научившись производить с ними никаких арифметических действий.

Помню, в доме у дяди Гигола была свадьба. Было много

народу. Все стояли, потому что сидеть было негде. Чтобы удивить родственников и приглашенных гостей, отец поднял меня на плечи и сказал, чтобы я сосчитал до ста «на всех языках». Я охотно выполнил эту просьбу: отец остался очень доволен, а все присутствующие, как мне потом рассказывали, разинули рты от изумления. Для них было чудом, что ребенок умеет считать на армянском, русском, грузинском, азербайджанском и греческом. Наверное, они подумали, что я на самом деле знаю все эти языки.

Когда я научился читать и писать, я рассказал об этом отцу: до этого он ничего не знал о моих занятиях. У него появилось желание дать мне настоящее образование. Но у нас в деревне не было школы.

В это время к нам в деревню неожиданно приехал какой-то интеллигентный армянин. По всему было видно, что он не из наших краев. Видимо, скрывался у нас — в глухой деревне — от преследований властей.

Поселившись в нашей деревне, он вскоре обратился к сельчанам, в том числе и к моему отцу, с предложением открыть у нас школу, тем более что в монастыре был свободный домик из двух-трех комнат, которые вполне можно было для этого приспособить.

Сам он соглашался стать учителем этой школы и просил установить ему за это самую скромную оплату — такую, чтобы хватило на пропитание. Мне кажется, что он был из народников.

Отец и двое других крестьян согласились сложиться по 4 рубля, с тем, однако, чтобы он учил за эти 12 рублей не только их детей, но и других детей деревни. Записалось в школу ребят двадцать. Он учил нас писать, читать, учил арифметике, много занимался с нами физкультурой. Большое внимание уделял нашему общему воспитанию: учил, чтобы мы следили за собой, чтобы были опрятными, мыли руки перед едой, полоскали рот после еды, благо родник был рядом с нашей школой. Учил, чтобы мы ходили в чистой одежде, чистили обувь, чинили дырки в одежде — словом, прививал нам элементарные навыки культуры. Сам он, хотя был и одинок, одевался чисто и аккуратно и в этом отношении служил хорошим примером.

Он всегда придумывал для нас разные интересные игры. Помню, как весной он выводил нас в поле — играть в мяч,

который сам смастерил. Потом он заразил нас идеей разобрать камни во дворе монастыря и посадить там фруктовые деревья. Вместе с ним мы с увлечением перетаскивали камни, мечтая о своем будущем саде. Но сада не получилось. Родители были возмущены, случайно узнав, что их дети вместо учения перетаскивают камни. Особенно разозлился почему-то мой отец. Он потребовал, чтобы это «пустое дело» было немедленно прекращено. Мы были огорчены. Но кажется, больше всех огорчился наш хороший, добрый учитель. Вскоре он уехал из деревни, и школа закрылась.

Целый год мы не учились, а меня уже стало безудержно тянуть к книгам...

На следующий год летом из Тифлиса в нашу деревню — на дачу приехал армянский епископ Тифлисской епархии. Он поселился в монастырском доме, заняв и тот домик, где была наша школа. Но домик этот он решил расширить и достроить.

Отец был занят на этом строительстве, сооружая черепичную крышу. Я попросился помогать ему. Обычно он сидел на крыше, а я снизу подавал ему черепицу то правой, то левой рукой.

Как-то раз, видимо чем-то увлекшись, я подал черепицу не в нужную сторону. Отец автоматически опустил руку вниз в ожидании, что я подам ему черепицу. Но из-за моей рассеянности произошла вынужденная пауза. Отец крикнул:

— Почему ты не подаешь черепицу?

Я ответил, что подаю, а когда посмотрел, куда я ее подаю, то убедился в своей ошибке. Отец рассердился и в сердцах ударил меня по голове.

Надо сказать, что до этого раза он никогда меня не бил. Не скажу, что мне тогда было так уж больно, но обида захлестнула сердце, и я заявил отцу, что больше никогда с ним работать не буду.

И действительно, с тех пор мы никогда с отцом вместе уже не работали, да и сам он не понуждал меня к этому, видимо понимая, что тогда он поступил неправильно.

Видя, что я все время кручусь возле отца, епископ как-то спросил у меня, умею ли я читать. Я ответил, что немного умею, но очень хочу учиться, а школы у нас нет.

На это он сказал, что не обязательно учиться только здесь, в деревне, можно устроиться и в Тифлисе...

Никогда не думая о такой возможности, я, конечно, очень

обрадовался и тут же рассказал отцу о своем разговоре с епископом. Тот подошел к епископу и стал говорить, как бы он был рад, если бы его сына устроили учиться в Тифлисе. Епископ на это ответил:

— Привезите своего сына осенью в Тифлис, я устрою его учиться в Тифлисскую духовную семинарию.

Счастью нашему не было границ.

В конце августа 1906 года отец повез меня в Тифлис. Я впервые тогда ехал в поезде.

В Тифлисе отец отвел меня к нашей родственнице — двоюродной сестре моей матери, тете Вергинии, которая была замужем за Лазарем Туманяном. Помню, что дом их находился где-то в овраге, никакой дороги к нему не было. Мы шли с отцом пешеходной тропой.

В доме тетки было пять маленьких комнат, в которых и жила она с мужем и детьми. Отец просил, чтобы тетка взяла меня к себе на время учебы. Но она сказала, что он слишком поздно привез меня: она уже приютила у себя двух ребят — тоже родственников, которые должны учиться в Тифлисе.

Отец стал искать, куда бы меня пристроить. Вскоре он нашел женщину, которая жила с сыном в одной комнате. Сын был на год старше меня. Отец сговорился с ней: за 6 рублей в месяц она взяла меня в «нахлебники».

Но надо было устроить для меня не только жилье. Главное — поступить в семинарию.

Почему-то отец не захотел сразу обратиться к епископу. Он вспомнил, что поваром у епископа служит наш односельчанин — Мартирос Симонян, хороший его приятель, к тому же человек грамотный. Так мы очутились на кухне в епископском доме.

После первых разговоров отец попросил Мартироса написать прошение о моем приеме в семинарию, потому что сам он был неграмотный. Отец говорил — Мартирос записывал.

Мне было очень приятно, когда много лет спустя мои товарищи из Армении нашли в старых архивах семинарии подлинник прошения отца, написанного рукой Мартироса Симоняна, и прислали мне фотокопию этого интересного документа.

Прошение было написано на армянском языке. Вот его перевод.

*От жителя села Санаин
Ованеса Микояна*

Покорное прошение

Я не стану отнимать драгоценное время у г-д попечителей своим длинным письмом, но скажу, что и я — отец и у меня благие намерения по отношению к своим сыновьям, я беден, забытый крестьянин, но и я желаю, чтобы мой сын стал грамотным, и очень верю, что он — мой сын — в один день благодаря попечителям станет полезным и для себя, и для своих крестьян. И поэтому с большим трудом, сладкими надеждами привел сына в город и прошу гг. попечителей устроить моего сына Анастаса в одном уголке Нерсеянской семинарии; он родился 12 октября 1895 года. Свидетельство о рождении представлю в ближайшее время. Сын мой умсет читать и писать и добавляю, что очень способен.

Из-за неграмотности Ованеса Микояна по его просьбе написал Мартирос Симонян.

11 сентября 1906 года
г. Тифлис

Поясняя это прошение, хочу сказать, что на самом деле мой отец был не крестьянин, а рабочий-плотник. Но в то время в официальных документах люди делились не по классам и занятиям, а по сословиям: мещане, крестьяне, дворяне. Поскольку дед мой был крепостным, а отец жил в деревне, он и причислял себя обычно к крестьянам...

Меня допустили к приемным экзаменам.

В семинарии был тогда одиннадцатилетний срок обучения: четыре подготовительных и семь основных классов. После проверки знаний я был принят во второй подготовительный класс.

Отец уехал обратно в деревню. Я чувствовал себя в городе очень одиноким. Женщина, у которой отец устроил меня на жильё, относилась ко мне неплохо, но теплых отношений у нас так и не сложилось. А они были мне очень нужны, потому что тогда я впервые оказался вне родительского дома.

Сын моей хозяйки и его товарищи смотрели на меня свысока, как на «деревенщину», частенько зло подсмеивались надо мной. Один раз они меня даже побили. Вначале я как-то терпеливо все это переносил, но потом терпение мое лопнуло. Я решил, что дольше мне оставаться здесь нельзя.

Вспомнив о Мартиросе Симоняне, я пошел к нему и, рассказав ему все о своей нелегкой жизни, попросил купить мне билет и отправить домой, к родителям. Он выполнил мою просьбу.

Приехав в деревню, я заявил родителям, что в Тифлис больше не поеду.

Помню, каким угрюмым стал отец, как плакала мать...

Отец считал, что раз я начал учиться, то надо продолжать.

— Поедем обратно, к тете Вергуш, и я постараюсь уговорить ее, чтобы она приняла тебя, — сказал он мне.

Я долго сопротивлялся, но, видя, что отец упорно стоит на своем, и понимая сам, что мне надо учиться, в конце концов сказал:

— Я согласен с тобой, отец. Но только без мамы я никуда не поеду.

Начались сборы. Родители заготовили сыра, масла, сухого кизила, домашних сладких изделий, и вскоре мы все втроем — отец, мать и я — вновь отправились в Тифлис.

...Как сейчас, помню разговор моих родителей с тетей Вергуш. Мы все сидели на балконе, за столом. Отец очень просил Вергуш, чтобы она взяла меня к себе.

— Куда я его возьму? — отвечала тетка. — У меня даже спать ему негде.

Отец продолжал настаивать. Его нажим был настолько энергичным, что Вергуш в конце концов согласилась дать мне место на тахте в углу своей столовой.

Но я по-прежнему не хотел оставаться в Тифлисе без родителей. На некоторое время мама задержалась, но потом она должна была уехать.

Однако на этот раз чувство одиночества владело мной недолго. Дети у тети Вергуш были хотя и моложе меня, но быстро со мной подружились.

Я стал ходить в семинарию, постепенно там освоился, присмотрелся к ребятам. Встретили они меня хорошо: скоро мне стало с ними легко и приятно.

* *
*

Желание учиться было у меня, как я уже говорил, огромное: Учеба давалась легко.

Не повезло мне с пением. Дело в том, что нас с первых же классов стали учить петь песни, и это мне поначалу очень нравилось. Мне казалось, что у меня хороший голос и я хорошо пою. Но неожиданно, когда я перешел в первый основной класс семинарии, произошел конфуз. Новый учитель пения, которого раньше мы не знали, вдруг вызвал меня одного

(до этого обычно мы пели хором) и предложил спеть какую-нибудь знакомую мне песню. (Видимо, он хотел проверить мой слух и «певческие возможности».)

Не сомневаясь в успехе, я весьма самоуверенно начал громко петь (голос у меня, действительно, был довольно сильный). Но не прошло и минуты, как учитель ударил камертоном по столу и с раздражением крикнул: «Перестаньте!»

Я оторопел. Потом, красный от стыда и обиды, сел на свое место. Оказалось, я безбожно фальшивил, потому что у меня был плохой слух. И учитель (а это был, как мы потом узнали, известный в ту пору знаток музыки, композитор Романос Меликян) быстро раскусил мой певческий «талант».

С тех пор я сидел обычно на уроках пения молча, избегая встречаться с учителем даже взглядами.

Как-то через некоторое время он вызвал меня опять и предложил написать несколько нот. Я это выполнил как будто неплохо. Потом он предложил мне спеть. Я отказался. Он стал настаивать. Тогда я заявил ему, что никогда больше в классе петь не буду, а что касается теории музыки, то все свои обязанности по этому предмету выполняю.

Несколько раз в течение года Меликян добивался, чтобы я пел, но ему так это и не удалось. В конце года он поставил мне по музыке единицу и назначил переэкзаменовку. Это меня не взволновало: по большинству предметов у меня стояли пятерки и четверки, и я был уверен, что из-за пения меня не могут ни оставить на второй год, ни исключить.

Так и получилось. При переэкзаменовке по теории музыки я получил четверку, а петь снова отказался. Тогда мне вывели по музыке три с минусом, и, таким образом, я перешел во второй класс. Позднее в аттестате, который я получил при окончании семинарии, по музыке мне все же вывели тройку. Так бесславно закончилась моя музыкальная карьера.

Вскоре я попал в довольно скандальное положение еще по одному предмету — и на этот раз уже не второстепенному — по закону божьему.

В раннем детстве мы всей нашей семьей ходили по воскресеньям в церковь. Хорошо помню это древнее сооружение X—XIII веков, построенное из больших темных и хорошо обтесанных камней. Из этих камней были сделаны и стены, и крыши, и полы церкви. Помню, что, когда надо было становиться на колени — а я повторял за отцом все, что он делал, — коленям было очень холодно.

В ту пору я, естественно, не задумывался над смыслом богослужения: сомнений в том, что бог есть, у меня не появлялось. Так продолжалось до второго класса семинарии, когда я столкнулся со священником — нашим учителем закона божьего.

Это был суровый, никогда не улыбавшийся человек. Ласково он к нам не обращался, не допускал шуток, поэтому особого расположения к себе не вызывал. Он был явно не умен, твердя одно: бог есть, все, что делается на свете, все от бога, делается по божьему велению, бог справедлив во всем. Никаких аргументов при этом не приводилось: мы должны были верить на слово.

Постепенно я стал размышлять над всем этим и у меня (да и не только у меня) стали возникать сомнения: «Если бог так всемогущ и так справедлив, то почему он не поможет людям, когда они болеют или голодают?..» «Почему одни люди имеют все (хотя они и не лучшие, а порой даже худшие), а другие (и добрые и хорошие) нищенствуют?..»

Количество таких «почему» с годами у меня возрастало.

Все объяснения священника, что бог наказывает одних за грехи, а другим делает благо за их хорошие дела, и другие подобные «доказательства» ни в чем меня не убеждали. Я стал часто спорить на уроках. Это раздражало священника. Он видел, что мои одноклассники начинают одобрительно относиться к тому, что я говорю. В споры втягивались и мои товарищи по классу.

Так продолжалось целый год.

Я стал таким яростным спорщиком в классе по вопросу о боге, что мои товарищи стали звать меня уже не Анастас, а Анастава, что по-армянски значит «безбожник». Эта кличка так и осталась потом за мной до окончания семинарии.

Надо сказать, что в ходе всех этих споров, дискуссий и особенно размышлений наедине я как-то окончательно уверился в существовании бога. Так же как и другие, я, правда, продолжал исправно учить то, что называлось у нас «законом божьим». Формально по этому предмету я не был отстающим учеником, и учителю было очень трудно придираться ко мне. Но все же в конце года он поставил мне единицу и назначил переэкзаменовку.

Предмет я знал и поэтому на переэкзаменовке ответил на все вопросы. Правда, вопрос о том, есть ли бог или нет, не возникал. Мне поставили тройку и перевели в следующий класс. Эта тройка так и осталась за мной до конца: ее повторили и в выпускном аттестате.

Несколько позднее, когда мне было около 15 лет и я считал себя уже убежденным атеистом, у меня произошел конфликт с матерью, о котором впоследствии я очень сожалел.

Мать была верующей женщиной и строго соблюдала все посты. Работая целый день, она, как говорится, держалась на одном хлебе и картошке или ела кашу на растительном масле. Ни сыру, ни мацона (простокваша), ничего мясного она не брала в рот. Зато нас, детей, она вдоволь кормила всеми молочными продуктами.

Я видел, как трудно ей приходится, как она слабеет. Стал уговаривать ее есть, как и мы. Она отказалась. Один раз я сказал, что она губит себя, подрывает здоровье.

— Никакого бога нет, — говорил я ей, — а если бы он и был, то какое ему дело до того, что ты ешь!

Но все мои уговоры покушать хоть что-нибудь молочное на нее не действовали.

— Боже упаси, — говорила она, — я этого никогда не сделаю!

Я был возбужден, даже накричал на нее, чего никогда до этого себе не позволял, потому что нежно любил мать.

Она умоляла меня не приставать к ней с едой, все равно она не нарушит пост. Тогда я не выдержал и с досады разбил первую попавшуюся мне под руку тарелку об пол. А тарелок у нас было не так уж много. Потом я выскочил из дома и куда-то убежал.

Немного погодя, одумавшись, я стал рассуждать: «Какой же я глупец! Ведь мать верит во все эти обряды. Вероятно, ее упорство их не нарушать есть проявление ее веры.

Когда я вернулся домой, мать встретила меня очень ласково, как будто ничего между нами и не произошло.

Больше в разговорах с матерью я вопроса о постах и о боге не затрагивал...

Как-то летом мы сидели всей семьей на веранде и ужинали. Весь наш ужин состоял из картофельного пюре. Я не был голоден и положил себе в тарелку немного этого пюре. Но мать хотела, чтобы я съел больше, и, как я ни сопротивлялся, положила мне в тарелку еще несколько ложек.

В результате я не смог доесть всей порции и часть картошки осталась в тарелке.

Отец сидел рядом и, видя это, заметил, что «надо съесть все, что кладешь себе в тарелку».

— Зачем ты взял больше, чем можешь съесть? Нельзя так обращаться с божьим добром!

Я возразил, сказав, что больше съесть не могу и что вообще так много картошки я себе не клал, а это сделала мама, вопреки моему желанию.

Не знаю, что случилось с отцом, но в ответ на мои слова он размахнулся и ударил меня по щеке. Было не больно, но обида была велика. Я выскочил из-за стола и, не смотря на темноту, убежал в поле, где росла высокая пшеница.

Мне кричали вслед: «Вернись, остановись!» Но я забежал уже далеко и лег так, что меня не было видно. Однако вскоре я услышал голоса матери, брата, сестры и отца. Все они бросились меня искать. «Арташес, где ты?» — слышал я голоса (дома меня звали Арташес).

Я не откликался.

Уже вечерело. Провести ночь в поле, за селом мне было страшно: я отчаянно боялся волков (а они водились тогда в наших местах), но и возвращаться домой, по своей, так сказать, воле мне тоже не хотелось: я был обижен отцом, обижен его несправедливостью и гордость не позволяла мне идти «на попятную».

Наконец, к тайной моей радости, родные обнаружили меня.

Сначала я для видимости сопротивлялся и не хотел идти с ними. Но они были рады, что нашли меня, я был тоже этому рад. Родные взяли меня за руки и привели домой.

После этого случая отец никогда не поднимал на меня руку. Наверное, ему к тому же попало от матери: хотя при мне она ничего ему не сказала, но я догадался, что между ними был крупный разговор из-за меня. Вообще же наши отношения с отцом были всегда самые теплые.

Не помню, чтобы мать или отец ссорились между собой. Они обычно не повышали голоса, даже когда делали нам, детям, какие-либо замечания.

Помню такой случай. Мне было лет семь-восемь. Как-то мать убиралась дома, сметая веником пыль с нашего глинобитного пола. Только что к нам заходил сосед и попросил займы три рубля. Отец дал ему эти деньги, сказав, чтобы он поскорее их вернул. После ухода соседа мать ворчала на отца:

— Вот ты раздаешь последние деньги, не знаешь, вернут их тебе или нет! Сами сидим без денег. Ты нас так по мирупустишь!

Она повторила это несколько раз. Я ждал вспышки со

староны отца. Но он походил немного по комнате, потом подошел к матери и, сделав жест, будто хочет ущипнуть ее за щеку, сказал:

— Помолчи, Отарова дочь! (Отар — имя отца моей матери.) Не твоего ума это дело!

В то время мало у кого из крестьян водились деньги, а если и были, то всегда в обрез. Хозяйство было натуральное: каждый обеспечивал семью продуктами со своего огорода. Тогда сами ткали, сами шили себе одежду, обувь, шапки. Деньги были нужны лишь на уплату налогов, на покупку чая, сахара, тканей, керосина, спичек. Поэтому у нас в деревне было только несколько дворов, где пили чай с сахаром, да и то вприкуску.

Я родился, когда моего деда Нерсеса уже не было в живых. Но я хорошо помню свою бабушку Варгигер, что в переводе на русский язык значит «лепесток розы». В несоответствии с этим она была крупной женщиной, высокого роста, со строгим лицом, ходила всегда в длинном, до пола, черном платье, опираясь на палку.

Помню, я был как-то с матерью дома. Стуча палкой, бабушка поднялась к нам на веранду, вошла в комнату и что-то спросила у моей матери.

По старинным обычаям замужняя женщина не имела права разговаривать ни с мужчиной, ни с женщиной старше себя по возрасту. Поэтому мать потихоньку прошептала мне на ухо нужный ответ, а я уже громко повторил его бабушке. (Теперь все это показалось бы странным, даже смешным. Но обычай есть обычай!)

Мне всегда казалось, что моя мать побаивалась бабушки, а может быть, воспитанная в духе старых национальных обычаев и традиций, она ее как-то стеснялась. Судя по всему, бабушка была женщиной хорошей, хотя и очень строгой. Она прожила большую трудовую жизнь, родив и воспитав восьмерых детей, а это было не так-то легко при крепостном праве. Вероятно, именно потому, что она была (или казалась) суровой, мы, внуки, не были к ней так сильно привязаны...

В детстве, до поступления в семинарию, я несколько раз бывал на деревенских свадьбах. Обычно они устраивались у нас осенью. Собирались в какой-нибудь одной комнате. Если было тепло, выходили на улицу. Было очень весело. Играла зурна, били барабаны... Нам, мальчишкам, было раздольно и интересно.

Как правило, девушки собирались в одной стороне, парни — в другой. И поглядывали друг на друга. У каждого парня была своя любимая, и он хотел привлечь ее внимание. Между парнями происходило как бы дружеское соревнование. Но если одна девушка нравилась сразу нескольким парням, то иногда это кончалось плохо. Парни обычно ходили с кинжалами. Однажды между двумя парнями, которые увлекались одной и той же девушкой, разгорелся горячий спор, перешедший в ссору и драку, во время которой один из парней ударил другого кинжалом. Тот упал. К счастью, парень оказался крепким и все-таки выжил. Но бывали и другие исходы.

Интересно было смотреть на начало свадьбы, когда невесту привозили из другой деревни. Обычно мы смотрели на это шествие с плоских крыш домов. Зрелище было занятное.

Все родственники невесты на конях ехали «представлять» невесту жителям деревни жениха. Шествие сопровождалось выстрелами из ружей, игрой на зурне и барабанным боем. В деревне кони шли шагом. Впереди — молодежь, затевавшая на ходу борьбу, танцы. Свадьбу устраивали с приглашением многочисленных родственников и жителей всего села. Тот, кто приходил на свадьбу, обычно приносил один-два рубля или равноценный подарок. Это не было, конечно, обязательным, но считалось неприличным приходить на свадьбу без такого дара. Как-никак свадьба требовала больших затрат, и этот подарок был своеобразной компенсацией семьям жениха и невесты за понесенные расходы.

Проработав, как я уже говорил, несколько лет в Тифлисе, отец во многом внешне стал походить на тамошних цеховых мастеров. Одевался он аккуратно, носил не обычную кавказскую папаху, а городскую шапку. У него был широкий серебряный пояс, обувь он носил городскую, в отличие от всех наших деревенских жителей, которые ходили в самодельной обуви.

Были у отца и свои странности. Очень давно он заимел серебряную ложку, которую постоянно носил во внутреннем кармане чухи. Когда он приходил в гости, то доставал эту ложку, ел ею, а после еды аккуратно вытирал и бережно опускал в карман. Видимо, он брезгал пользоваться самодельными деревянными ложками, которые были тогда в каждой семье.

Будучи неграмотным, отец тем не менее всегда носил в кармане записную книжку и карандаш. В этой книжке он делал ему только одному известными «иероглифами» записи,

сколько дней он проработал, сколько ему должен заплатить хозяин и т. п.

Мне было лет одиннадцать. Я уже неплохо знал арифметику. Как-то совершенно неожиданно отец мне сказал:

— Реши-ка мне задачу.

Я взял карандаш и бумагу.

— Я проработал столько-то дней. Полагается мне за день столько-то. Вычеты хозяина составят столько-то. Сколько мне предстоит получить в окончательный расчет?

Задание отца было простым, но неожиданным, что я как-то даже растерялся, разволновался и никак не мог быстро произвести нужных действий. Отец смотрел на меня, смотрел, а потом с огорчением сказал:

— Не старайся! Пока ты тут высчитывал на бумаге, я уже все подсчитал в уме. Удивляюсь, зачем только кормят вашего учителя хлебом, если он вас так учит, что ты не можешь решить самую простую задачу...

Пока я был в семье самым маленьким, отец все время возился со мной. Лет через пять родилась младшая сестра, и, когда она стала что-то лопотать, отец перестал обращать на меня внимание. Теперь все свое свободное время он уделял сестренке. То же самое, но уже по отношению к сестре, произошло, когда через пять лет родился пятый ребенок — мой младший брат Артем, которого дома звали Анушаван (впоследствии он стал авиаконструктором)¹; на этот раз отец все свое внимание обратил на него, забыв и про меня, и про сестру, хотя, конечно, относился он и к нам всегда по-отечески и любил нас.

Когда младшему брату стало пять-шесть лет, отец разговаривал с ним в нашем присутствии как с равным. Обычно немногословный, отец становился в таких случаях словоохот-

¹ От редакции: когда книга находилась в производстве, Генеральный конструктор А. И. Микоян скончался. В газетах 10 декабря 1970 года было опубликовано следующее сообщение:

«От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР»

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 9 декабря 1970 года на 66-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся конструктор самолетов, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, генерал-полковник инженерно-технической службы, академик Артем Иванович Микоян.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КПСС

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СССР

ливым. У меня сохранились приятные воспоминания о теплых беседах, которые он вел ранее и со мной.

Когда младший брат стал чуть старше, отец стал поручать ему пасти наших двух коз. Должность козопаса была незавидной. Вспоминаю, как в свое время мне приходилось заниматься этим делом и как мне было тяжело: козы бежали по крутым каменистым горным склонам, покрытым кустарником и лесом, так быстро, что я еле успевал их догонять. Мы носили тогда самодельную обувь (типа кожаных мокасин без твердой подошвы). От хождения по каменистым склонам обувь эта быстро продырявливалась. Ходить было больно, пальцы сбивались о камень до крови. Я, правда, подкладывал под носок и пятку кусочки кожи, но это мало помогало, так как эти кусочки при ходьбе быстро съезжали со своих мест.

До сих пор не могу забыть одной неприятности, которая произошла у меня с этими козами. Однажды, устав гоняться за ними по склону горы, я присел отдохнуть и о чем-то задумался. Когда очнулся и огляделся вокруг — коз уже не было видно. Стал бегать в поисках их туда-сюда, измучился, но так и не нашел. Огорченный, я вернулся к вечеру домой, не зная, что и сказать родителям.

Встретив меня, мать с горечью, но без обиды для меня рассказала, что наши козы попали на чьи-то пшеничные посе-вы, их поймали, привели и заперли. Отцу пришлось заплатить штраф за потраву — 20 копеек. Тогда в деревне это была довольно ощутимая сумма.

Отец не сказал мне ни единого слова, но сам я был очень огорчен и долго не мог простить себе эту оплошность.

Когда же все заботы о козах легли на моего младшего брата, я не мог не сочувствовать ему, хотя и испытывал облегчение, что эта «гора» наконец-то свалилась с моих плеч.

К тому времени у меня появились новые интересы. Я уже много читал и в целом ряде вопросов начинал разбираться не хуже, а подчас и лучше самого отца. Это понимал и он сам.

Интересно, что, когда я возвращался из Тифлиса в деревню на летние каникулы, отец обычно никогда не спрашивал, перешел ли я в другой класс или нет, как перешел, какие у меня отметки. Почему-то он стеснялся спрашивать меня об этом. А я сам тоже ничего ему не говорил. С матерью отношения у меня были проще. Я сразу же ей все рассказывал о своей жизни, об учебе, и она была этому очень рада.

Помню только один раз ночью, когда мы всей семьей уже лежали на нашей тахте (старший брат, который работал тогда

ка заводе, спал на отдельной деревянной кровати), отец, думая, очевидно, что мы спим, спросил у матери, как я учусь и перешел ли в другой класс. Мать меня похвалила, сказала, что учусь я хорошо и успешно перешел в следующий класс. Видимо, отец остался этим очень доволен. Утром он был со мной ласковее обычного.

В другой раз, когда мы тоже уже легли спать, отец вдруг сказал матери:

— А ты знаешь, по-моему, Арташеса надо взять из школы и послать работать на завод.

Мать возразила:

— Не понимаю, для чего это нужно! Он ведь хорошо учится! Пускай продолжает учебу, человеком станет.

На это отец сказал:

— Боюсь, что в конце концов он сойдет с ума.

Мать удивленно спросила:

— Что за чепуху ты говоришь, Ованес! Почему он должен сойти с ума?

Тут отец, назвав имя какого-то князя, жившего недалеко от нас, рассказал, как этот князь сошел с ума оттого, что «все время читал книги».

— Так вот и наш Арташес,— заключил он,— читает, читает с утра до вечера, а потом, глядишь, и с ума от этих книг сойдет.

— Нет, Ованес! — ответила мать.— Арташес многое уже знает, пускай продолжает учебу и дальше.

Спор у них затянулся. Я все ждал, чем он закончится, но так и не дождался — заснул.

А наутро у нас с отцом произошел такой разговор:

— Арташес! Как ты смотришь, если я тебя устройю работать на завод?

— А зачем, папа? Ты ведь знаешь, что учусь я хорошо, учиться мне хочется — на завод я всегда успею попасть.

— Так ты не хочешь идти на завод?

— Нет, отец. Я с удовольствием буду работать на заводе летом, во время каникул, чтобы помочь тебе и маме. Но учебу я бросить не хочу и не брошу!

Я говорил с отцом так смело потому, что в то время родители не тратили на меня ни одного рубля. Учился я действительно хорошо, и Армянское благотворительное общество, которое занималось обеспечением особо нуждавшихся семинаристов, предоставляло мне бесплатные обеды и оплачивало комнату, в которой я жил вместе с тремя другими уче-

никами. Кроме того, я немного подрабатывал и сам, занимаясь с отстающими учениками-одноклассниками, имевшими обеспеченных родителей. За это репетиторство мне перепало от 3 до 9 рублей в месяц, а по тем временам для скромной жизни это было не так уж плохо.

Спорить отец не стал. Однако, воспользовавшись моим согласием, он решил все же устроить меня на завод на время летних каникул, надеясь, видимо, что, проработав несколько месяцев, я привыкну к заводской обстановке и останусь там работать навсегда.

Мы пошли с ним на медеплавильный завод. Там в конторе у отца был знакомый человек, ведавший набором рабочей силы. Отец обратился к нему с просьбой устроить меня на работу. Тот посмотрел на меня, на отца и сказал, что, как ни хорошо он относится к моему отцу и как бы ни хотелось ему исполнить нашу просьбу, принять меня он не может.

— Не могу же я уволить рабочего, чтобы принять твоего сына, — сказал он. А потом, наклонившись к отцу, сказал ему тихо:

— Даже если бы у меня на заводе и была свободная вакансия, я все равно бы его не принял. Ты посмотри на него: ну какую серьезную физическую работу ему можно поручить?

Вид у меня в то время был действительно не рабочий. Я был худеньким, тщедушным пареньком. На вид мне можно было дать гораздо меньше лет, чем было на самом деле.

Отец не стал, да и не мог спорить. Так окончательно провалилось мое поступление на завод.

Как-то я узнал, что некоторые деревенские ребята собирают в лесу малину и продают ее на заводе женам инженеров, имея таким образом небольшой заработок. Я решил воспользоваться их «опытом» и доставить удовольствие матери. Затемно вышел из дому, пошел в горы и спустился на край узкого ущелья, где росла малина. Я испытывал невольный страх от возможной встречи с медведями, которые, как известно, принадлежат к большим любителям малины. Однако, преодолев свои страхи, я все же к восходу солнца был на месте. Набрав полную корзинку спелой душистой лесной малины, я спустился вниз в ущелье и вышел прямо к заводу. Проходя мимо домов, в которых жили инженеры, продал свою малину, выручив за нее 40 копеек: это было больше

дневной зарплаты моего старшего брата-молотобойца. Деньги я отдал матери. Она была очень рада, а я сам радовался еще больше, что смог хоть чем-то помочь своей семье.

После этого я еще четыре или пять раз ходил за малиной и каждый раз, выручая за нее по 30—40 копеек, отдавал деньги матери...

Моя троюродная сестра Ашхен, дочь тетки Вергинии, неплохо училась в школе. Но как-то учитель очень ее обидел, сделав ей при всех в классе грубое замечание без всяких к тому оснований. Ашхен была очень самолюбивой: она обиделась и перестала заниматься. Посыпались новые замечания, и, чем чаще она их получала, тем хуже стала учиться, хотя в общем-то была довольно способной ученицей. Кончилось дело тем, что она осталась на второй год, а на следующий учебный год получила по четырем предметам переэкзаменовки.

Тетя Вергиния попросила меня взять Ашхен с собой в деревню и подготовить ее за лето к переэкзаменованиям, иначе ее могли бы исключить из школы. Я, конечно, согласился.

К тому времени отец заканчивал пристройку к нашему старому дому еще одной комнаты и менял черепичную крышу для всего дома. Оставались только отделочные работы. Вдруг неожиданно хозяин участка, на котором стоял наш дом, заявил, что земля не наша, что мы не имеем права ничего здесь строить, и запретил отцу достраивать комнату. Поэтому одна сторона дома так и осталась недостроенной. Однако летом в недостроенной комнате вполне можно было жить. К тому же хозяин не требовал, чтобы мы ее разрушили.

Вот в этой-то комнате мы и устроили временное жилье для Ашхен. Я жил на чердаке — занимался и спал. Вся остальная семья жила внизу.

Начались занятия с Ашхен. Занимался я с ней по два-три часа, во второй половине дня: утром она выполняла полученные от меня задания. Я был с ней очень строг, никаких бесед на посторонние темы не вел, стараясь помочь ей, как мог. Ашхен со своей стороны была очень старательной. Занималась много, добросовестно выполняя все мои задания. В те свободные часы, когда она отдыхала от занятий, она обычно уходила с нашими деревенскими девушками в поле или в лес, собирала цветы или шишвик — съедобный сорняк с пшеничных полей.

Должен сказать, что Ашхен очень нравилась моему отцу. Он охотно с ней разговаривал, был с ней приветлив и внимателен.

Вспоминаю один веселый эпизод. У нас, как я уже говорил, было две козы: крупного рогатого скота мы не имели. Однако козьего молока на лето нам хватало. Мы пили это молоко и делали из него сыры и мацон.

Трудности с козами наступали обычно зимой. Содержать коз зимой было делом хлопотным. Поэтому отец отдавал их на зиму в соседнюю деревню Акнер, знакомому крестьянину, который за определенную плату держал наших коз у себя, а весной приводил обратно.

В ту весну, о которой я хочу рассказать, крестьянин этот что-то задержался с возвратом наших коз. Мы все уже забеспокоились.

Тогда отец обратился к Ашхен с просьбой написать моему «козоводу», чтобы он поскорее привез коз. Ашхен согласилась. Отец сказал: «Напиши, а потом прочти мне, что написала!»

Ашхен начала читать: «Господин козопас...»

Тут раздался громкий смех отца. Услышав, как торжественно прозвучало это обращение к бедному крестьянину, отец не смог сдержаться от веселого хохота и долго смеялся, продолжая повторять: «Господин козопас, господин, господин...» Ашхен же рассердилась:

— Тогда пускай твой сын напишет лучше, — обиженно сказала она и выбежала из комнаты.

Однако отец почему-то не дал мне такого поручения.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЮНОСТЬ

Увлечение книгами. — Ученическая забастовка. — Мы организуем марксистский кружок. — Первое знакомство с произведениями В. И. Ленина. — Я попадаю на заметку к жандармам. — Поездка на фронт.

Я уже говорил, что рано пристрастился к книгам. Читал, что попадало под руки. Первые годы в семинарии я читал только армянские книги, потому что не знал еще русского языка.

С большим интересом читал я исторические романы армянского писателя Раффи — «Давид-бек», «Самуэл» и другие. Меня увлекала романтика борьбы армянского народа против чужеземных угнетателей, и романы Раффи оставили заметный след в моем сознании. С. Г. Шаумян называл Раффи одним из любимых романистов армянского общества.

С увлечением знакомился я с творчеством классика армянской литературы Ованеса Туманяна — моего великого земляка, которого мне посчастливилось впоследствии узнать лично. Это был большой художник, ярко и талантливо описавший в своих произведениях природу родного края, жизнь крестьян. Меня особенно привлекали в его книгах близкие мне места и люди родного района Лори. Мне нравилось, что в языке Туманяна я встречал много слов и выражений нашего лорийского диалекта, что, однако, нисколько не портило армянский литературный язык, а обогащало его.

Я познакомился с книгами Ширван-заде, Пароняна и других авторов. Зачитывался стихами зачинателя армянской пролетарской поэзии старого революционера Акопа Акопяна и с волнением читал мужественные стихи Шушаник Кургинян, воспевавшей героизм людей революции и гневно осуждавшей царизм. Очень нравились мне тогда — в переводе Кургинян — стихи популярной итальянской поэтессы Ады Негри, раннее творчество которой было несомненно прогрессивным.

Потом, не помню, под чьим именно влиянием, у меня появился большой интерес к естествознанию.

К тому времени я уже настолько овладел русским языком, что мог свободно читать русские книги. Вначале я читал популярные брошюры по естествознанию, с захватывающим интересом прочитал книги К. А. Тимирязева «Жизнь растений» и Ч. Дарвина «Происхождение видов», «Происхождение человека и половой отбор». Они произвели настоящий поворот в моем представлении о возникновении и развитии жизни на земле. Эти книги положили начало моему сознательному атеизму. Начинал я читать и книгу Палладина «Физиология растений», но она не увлекла меня.

Наступило время, и я увлекся химией. Началось это с классных занятий, а когда я узнал о Д. И. Менделееве, то решил взять с собой на лето в деревню и протудировать его труд «Основы химии». Первые страниц двести хотя и с трудом, но все же прочитал. Потом пошли страницы, понять которые я уже не мог: они требовали серьезных знаний в области высшей математики, а их у меня не было. Все это

меня сильно огорчило. Книгу эту увидел у меня учитель семинарии Мучаян, приехавший на лето в нашу деревню. Он был очень удивлен и отсоветовал мне читать ее дальше, объяснив, что она рассчитана на студентов и никакие старания не помогут мне ее сейчас понять.

На формирование моего сознания несомненно оказала влияние та социальная среда, из которой я вышел. Наша деревня расположена в двух километрах от существующего Алавердского медно-химического комбината — старейшего предприятия среди всех ныне действующих медеплавильных и медеэлектродных заводов страны. В 1970 году ему исполнилось 200 лет.

В 1801 году район этого завода перешел из подчинения Персии в состав России. Тогда же с Урала туда прибыли специалисты, которые взамен «азиатского способа» выплавки меди внедрили свой, более передовой метод ее производства. В 1888 году завод с рудником был отдан в концессию французской акционерной компании. Максимальное производство меди до революции было 3800 тонн в год, что составляло $\frac{1}{4}$ часть выплавки меди всей России.

Отец мой работал на этом заводе плотником, а старший брат — молотобойцем. Одно время наша семья жила в бараке на территории завода, занимая одну комнату. В других комнатах барака на нарах спало по 5—6 человек. Еще ребенком я видел, как плохо жили рабочие завода, какими измученными возвращались они домой после непосильного 12-часового рабочего дня.

Уехав учиться, я летом приезжал на каникулы в деревню, бывал на заводе, встречался с рабочими. Как-то в один из приездов я первый раз в жизни побывал в штольне, где добывали медную руду. То, что я увидел там, произвело на меня неизгладимое впечатление.

Я не могу забыть и того, как мой брат поднимался на крутую гору в деревню после работы. Обессиленный, он буквально валился на койку, чтобы отдышаться. А с рассветом он был снова на ногах и шел на работу.

На заводе, в невероятно трудных условиях, работало около трех тысяч человек, в том числе около тысячи иностранных рабочих — одиночек, выходцев из Северного Ирана, которых использовали на самой черной работе. Шахтерами, как правило, работали греки, жившие вблизи от шахты в деревне. Состав рабочих был многонациональный. Но никаких межнациональных распрей не было.

Контрастом нищенского существования рабочих были жизнь и роскошь высшей администрации. Они занимали хорошие дома с теннисными кортами (тогда я и увидел их впервые). Жены инженеров разъезжали в костюмах амазонок на прекрасных лошадях.

Инженеры и высшая администрация завода — человек пятнадцать — были из французов. Контторскими служащими были армяне, русские и другие. Рабочие в подавляющем большинстве своем были безграмотными.

Обо всем, что я видел, я рассказывал товарищам по семинарии. Искал объяснения существующему и в книгах, особенно по революционной истории.

У нас в классе учился некий Еремян. Он был старше меня года на два, много читал и вообще считался у нас одним из самых начитанных, хотя в общем учился весьма посредственно. Как-то я увидел у него одну из книг многотомной «Истории Рима» Моммзена и заинтересовался ею.

Побеседовав с Еремянном, я понял, как мало знаю историю и как она вместе с тем интересна. Сначала решил сразу прочитать все тома Моммзена. Но потом передумал: «Если об одной римской истории надо прочесть несколько томов, то сколько же мне предстоит читать об остальной истории?» А особенно об истории новейшего времени, которая тогда меня больше всего интересовала.

Мне попалась книга Жана Жореса «История Великой Французской революции». Чтение захватило меня. Я выписывал в отдельные тетрадки все важнейшие факты, даты, по нескольку раз перечитывал эти свои записи и в конце концов запомнил их наизусть.

Читал я книги также и об английской буржуазной революции, но они как-то не произвели на меня такого сильного впечатления. Французская же революция оставила в моем сознании неизгладимый след острыми событиями и в особенности яркими фигурами своих вдохновителей и вождей — Марата, Робеспьера и других. Я буквально ими бредил.

Немного позднее ко мне попал каким-то путем первый том сочинений Д. И. Писарева. После этого я, что называется, залпом прочел все четыре вышедших тогда тома его сочинений. Должен сказать, что в формировании моего мировоззрения, в общем моем воспитании, в выработке характера Писарев сыграл очень большую роль. После прочтения его произведений я почувствовал, как многое для меня прояснилось; я как бы очистился от многих старых предрассудков

и рутины. Появилась большая уверенность в себе, стало выработываться чувство критического подхода ко многим явлениям действительности. Одним словом, Д. И. Писарев заставил меня повзреть.

После Д. И. Писарева я начал читать В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова. Они возбудили во мне огромный интерес к русской классической литературе и помогли преодолеть сложившийся у меня тогда неправильный взгляд на художественную литературу.

Надо сказать, что до этого я любил читать главным образом исторические книги, считая, что только в них отображены подлинные факты, события и люди. Художественная же литература интересовала меня мало. Я считал, что в ней все выдуманно, оторвано от действительной, реальной жизни, все — плод фантазии писателя, и поэтому не видел в этих книгах большого для себя интереса. Я утвердился в этом мнении в особенности после прочтения книг, посвященных проблемам любви.

Знакомство же с произведениями Белинского и Добролюбова раскрыло мне глаза. Мне стало ясно, как глубоко я ошибался. Я понял высокое общественное назначение художественной литературы, понял, что хотя в ее произведениях и не отражаются подчас конкретные исторические события и лица, но она тем не менее построена на фактах и характерах, взятых из реальной жизни, обобщенных и синтезированных творческой фантазией писателя.

Я с жадностью стал читать романы И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. «Накануне», «Рудин», «Обломов» были «проглочены» мною мгновенно.

Потом пришло знакомство с книгами Льва Толстого. Огромное впечатление произвели на меня «Воскресение», «Хаджи Мурат», «Хозяин и работник». «Крейцерову сонату» я не понял. Когда я перечитал ее уже взрослым, то мне стало ясно, что тогда я не был еще подготовлен для понимания этого произведения великого писателя.

Помню, с каким волнением читал я «Овод» Э. Войнич! После «Овода» я познакомился с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Чернышевский привел меня к сочинениям Фурье, Томаса Мора, Сен-Симона и Роберта Оуэна. Конечно, многое в их работах я воспринимал очень еще наивно, упрощенно, но читал я книги великих утопистов с захватывающим интересом. Все в них было для меня ново, интересно, а главное, ка-

залось, что я нахожу в этих книгах ответы на многие волновавшие меня тогда вопросы.

Позднее я познакомился с произведениями Ф. М. Достоевского, но после чтения его книг мне становилось как-то очень тяжело и мрачно на душе...

Большой интерес вызвала книга Вересаева «Записки врача». С увлечением читал Гаршина.

Как ни странно, но Пушкин понравился мне тогда не своей бессмертной поэзией, а прежде всего прозой. Я с упоением зачитывался «Историей Пугачевского бунта», «Капитанской дочкой», «Дубровским»...

Из иностранной литературы я читал тогда Диккенса, Джека Лондона, Виктора Гюго, Александра Дюма, Ибсена и хорошо запомнил «Разбойников» Шиллера. Следует сказать, что моему увлечению классиками художественной литературы в известной мере способствовал и наш прогрессивно настроенный учитель русского языка Капанакян.

А между тем занятия в семинарии продолжались. Лето я по-прежнему проводил в деревне, у родителей. Много читал. Осенью возвращался обратно в Тифлис.

...Вспоминая время, когда мы только начали заниматься в прекрасном новом здании из розового армянского туфового камня, построенном для семинарии в 1912 году бакинским нефтяником-миллионером Манташевым.

Здание это находилось на окраине Тифлиса, на возвышенности, с которой открывался замечательный вид на город. Она имела большие светлые аудитории, богато оснащенные учебные лаборатории. Только бедновато было вокруг, на территории, примыкающей к зданию. Нам самим пришлось заниматься посадкой молодых деревьев, из которых впоследствии вырос хороший парк.

Когда началась война, здание это, как и многие другие, забрали под лазарет, а мы опять вернулись в свою старую, плохо оборудованную семинарию, расположенную в пыльном центре Тифлиса.

* *

*

...Вспоминается один из эпизодов, происшедших в нашей семинарии незадолго до войны.

Как-то в середине учебного года ушел из семинарии один из учителей, преподававших в нашем классе. Взамен него к нам прислали нового, до этого работавшего преподавателем армянской семинарии в Шуше, по фамилии Ахназарян.

С первых же дней у всех нас возникли с новым учителем неприязненные отношения. Он был с нами очень груб, постоянно придирался к мелочам.

Вначале мы все это переносили безропотно. Но чаша нашего терпения все наполнялась и наполнялась... И вот однажды, когда учитель позволил себе по отношению к одному из учеников очередную грубость, мы возмутились.

Несколько ребят встали и сказали учителю, что не хотят больше терпеть его издевательств, не желают его слушать и впредь не будут приходить на его уроки.

Учитель выскочил из класса и побежал, видимо, к ректору семинарии, но того не оказалось на месте. Через некоторое время к нам в класс вошел один из уважаемых в семинарии учителей. Он стал выяснять причину нашего «бунта» и потребовал, чтобы мы подчинились дисциплине, потому что, как он сказал, «учителей выбирают не ученики, а их назначает администрация».

Мы внимательно его выслушали, но твердо заявили, что в принципе с ним согласны, но с этим учителем заниматься больше не будем и требуем его замены.

Отклонив наш протест, он ушел. Мы обсудили создавшееся положение и решили объявить всем классом забастовку — не ходить на занятия, пока ненавистный нам учитель не будет заменен.

Была весна, и мы договорились собраться на следующий день в тифлисском Ботаническом саду, чтобы еще раз обсудить, что делать дальше.

Когда мы там собрались, то возник вопрос: правильно ли мы поступаем?

Все единодушно пришли к выводу, что мы правы. «Для крепости» мы даже проголосовали по этому поводу, решив держаться до конца, пока руководители семинарии не удовлетворят наше справедливое требование.

Так продолжалось несколько дней. Мы собирались каждый день в Ботаническом саду, чтобы быть вместе, избежать нажима со стороны родителей и подбодрить, поддержать своих наиболее слабых, колеблющихся товарищей (а такие были).

Однако, чем дальше, тем острее чувствовалось, что нажим со стороны родителей растет с каждым днем. Выяснилось, что отцы некоторых из наших ребят были вызваны к ректору семинарии и им было заявлено, что если их дети не вернуться к занятиям в семинарии, то будут исключены.

Положение осложнялось. Тем не менее мы решили стоять на своем, взяв с каждого слово, что без нашего общего согласия он не вернется в семинарию и тем самым не станет штрейкбрехером.

Прошло больше недели. Нажим родителей нарастал. Некоторые ребята уже готовы были капитулировать, не находя в себе достаточных сил для сопротивления.

Как-то в один из воскресных дней (по воскресеньям мы не собирались), идя по улице, я встретил Андреасяна, учившегося классом ниже. Он задал мне вопрос:

— А ты знаешь, что забастовка уже кончилась?

Я ответил, что мне ничего не известно: ведь мы ничего по этому поводу не решали.

Тогда он рассказал мне, что он узнал об этом от семинариста Алиханяна. Именно в тот воскресный день, утром, всех забастовщиков вызвали к епископу, и он уговорил их кончить забастовку и в понедельник выйти на занятия. Он заявил им, что учителю сделано внушение и он будет вести себя правильно.

Я удивился:

— А почему же мне никто об этом ничего не сказал и туда не вызывал?

Надо сказать, что главными заправилами забастовки были Еремян и я. Меня не вызвали, а Еремян, оказывается, был вызван к епископу, но сломился одним из первых, обратившись к остальным забастовщикам с призывом выйти в понедельник на занятия.

На другой день мне ничего не оставалось, как вместе с другими прийти в семинарию.

Я тогда не очень как-то досадовал на поведение большинства ребят: как-никак их понять было можно. Но поведение Еремяна меня возмутило. Поэтому, увидя его, подошел к нему и очень резко сказал, что считаю его изменником, не хочу иметь с ним ничего общего и не буду подавать ему руки.

Должен, однако, ради справедливости сказать, что неполюбившийся нам учитель стал «шелковым». Мои же отношения с Еремянном со временем наладились, и мы снова стали близкими товарищами...

* *
*

В 1911—1912 годах и до нашей семинарии докатилась революционная волна, вызванная новым подъемом рабочего движения, начавшимся в 1910 году. Помню, как много вся-

ких разговоров было среди учащихся старших классов о разных политических партиях! Были эти разговоры, конечно, и среди моих одноклассников. Мы спорили между собой и в конце концов решили, что, для того чтобы не допустить ошибки в выборе, к какой партии примкнуть, нам нужно самим, самостоятельно изучить необходимую революционную литературу. Для этой цели мы образовали политический кружок. Не помню точно, по чьему совету мы решили начать с изучения книги Каутского «Экономическое учение Карла Маркса».

Было нас в этом кружке шесть человек. Мы хорошо знали и доверяли друг другу и не хотели расширять состав нашего кружка: так нам казалось вернее.

Собирались мы регулярно в течение всего 1912/13 учебного года. Главу за главой мы прочитали всю книгу Каутского, попутно обсуждая, кто как что понял. Такой метод очень помог нам в освоении этой довольно сложной работы.

В следующем учебном году кружок наш несколько расширился — до 14 человек: мы приняли небольшую группу учеников из младшего класса, а кроме того, к нам вошли ребята из распавшегося литературного кружка во главе с их организатором Еремянном.

Нам пришлось повторить с ними изучение экономической теории Маркса, но уже по книге Богданова. Параллельно мы, «старики», читали и другую марксистскую литературу — книгу Бебея «Женщина и социализм» и Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Как-то до нас дошли слухи, что кружки, подобные нашему, организованы в некоторых тифлиссских гимназиях, коммерческом училище, где обучались на русском языке представители разных национальностей, а также в дворянской гимназии, где учились преимущественно грузины.

Мы решили установить связь с этими кружками, и весной 1914 года состоялось первое заседание представителей всех этих кружков — по одному от каждого.

Заседание проходило на квартире гимназистки Люси Лисиной — впоследствии московской студентки-коммунистки, героини погибшей на октябрьских баррикадах в Москве и похороненной у Кремлевской стены.

Люся играла на этом собрании очень активную роль. Это была умная, начитанная, достаточно теоретически подготовленная девушка, к тому же обладавшая обаятельной внешностью. Мне она тогда очень понравилась.

Случилось так, что немного позднее, летом 1914 года, совершенно неожиданно, когда я был уже у себя в деревне, Люся приехала туда со своей семьей отдыхать на лето. Обычно днем мы оба были заняты чтением и не видели друг друга. Но зато по вечерам мы встречались с ней, ее подругой и еще одним гимназистом, по-дружески беседовали и играли в крокет (до встречи с ними я не имел представления об этой игре).

Мы обычно почти каждый вечер при встречах беседовали с ней о прочитанном, обменивались мнениями по интересующим нас политическим вопросам.

Из разговоров с ней я узнал, что Люся была любимой ученицей Елены Дмитриевны Стасовой, когда та учительствовала в Тифлисе, и под ее влиянием стала на революционный путь.

Другой девушкой, тоже по-своему интересной судьбы, была на том собрании гимназистка Женя. Под влиянием старого коммуниста Бограта Боряна Женя стала тоже большевичкой. Переехав после окончания гимназии в Баку, она вышла замуж за младшего Боряна, погибшего затем в числе 26 бакинских комиссаров. Женя Борян жила в Москве. Скончалась в 1970 году.

Мне почему-то врезались в память именно эти две девушки — участницы того собрания, хотя там было много и других интересных парней и девушек...

В ту весну 1914 года в моих руках оказалась книга Н. Ильина «Развитие капитализма в России». Произошло это при таких обстоятельствах. Как-то я зашел на квартиру к своему дальнему родственнику Данушу Шавердяну, работавшему в Тифлисе присяжным поверенным (и как я узнал немного позднее, состоявшему в подпольной большевистской организации).

Поговорив с ним о своей жизни, я рассказал ему и о наших занятиях. Дануш уже знал о существовании политического подпольного кружка в семинарии и относился к этому одобрительно.

Прощаясь, он протянул мне какую-то книгу и сказал:

— Вот, Анастас, прочитай-ка это повнимательнее!.. Это очень полезная книга. И вообще не стесняйся, приходи ко мне почаще, я буду рад не только давать тебе советы, что вам следует изучать в своем кружке, но и помогу достать книги, которых ты не найдешь в городской библиотеке. Только будь с ними поосторожнее!

Он тут же пояснил мне, что настоящая фамилия автора этой книги — теоретика и руководителя социал-демократов (большевиков) Ульянов-Ленин, который иногда в целях конспирации выступает под псевдонимом Н. Ильин.

Так впервые благодаря Шавердяну я открыл тогда для себя Ленина.

Должен сказать, что Дануш Шавердян сыграл на первых порах довольно большую роль в моей партийно-политической жизни. Но об этом — дальше.

Как от Шавердяна, так и от Стасовой и от Боряна, проникало в наши кружки марксистское влияние.

Вдвоем с товарищем, членом нашего семинарского подпольного кружка, мы изучили эту ленинскую книжку. Помню, как поразила нас кропотливая, невероятно сложная работа Ленина над статистическими данными, которые отражали очень серьезные изменения в русской экономике, подтверждающие неизбежность развития капитализма в России и его последующей гибели.

...Той же весной 1914 года, когда занятия в семинарии фактически уже закончились, со мной произошел неожиданный казус. Честно говоря, до последнего времени я думал, что происшествие это нигде не зафиксировано, но мои друзья случайно обнаружили в архивах упоминание о нем. Поэтому я и хочу рассказать, что тогда произошло.

Я жил в ту пору со своими двумя товарищами по семинарии в одной комнате, которую мы сообща оплачивали владельцу квартиры.

Как-то я задержался в гостях у товарища, жившего далеко, на окраине Тифлиса. Вдруг ко мне прибегает запыхавшийся и взволнованный товарищ, с которым я жил в той комнате, и рассказывает, что только что у нас были полицейские, искали меня, потом произвели обыск, забрали какие-то бумаги, тетради и, узнав, где я нахожусь, отправились за мной, видимо, для того, чтобы арестовать.

— Я дождался их ухода, выбежал и дворами прибежал сюда, чтобы предупредить тебя, — закончил свой рассказ мой друг.

Действительно, двое полицейских поспешно направлялись к дому, где я находился.

Конечно, я не стал их дожидаться, вышел через черный ход и по закоулкам незаметно скрылся.

На свою квартиру я, понятно, заходить не стал, опасаясь засады, а пошел к товарищу, переночевал у него, а на сле-

дующий день взял железнодорожный билет и уехал в деревню.

В архивах сохранился любопытный документ — ордер, выданный 22 мая 1914 года начальником Тифлисского губернского жандармского управления полковником Пастрюзиным на право производства у меня «самого тщательного и всестороннего обыска». В этом ордере сказано: «...всем обнаруженным по обыску бесцензурным изданиям, всей без исключения переписки, фотографическим и визитным карточкам и адресам, а равно всем предметам, запрещенным к хранению или могущим свидетельствовать о преступности или неблагонадежности обыскиваемого лица, должна быть составлена опись, после чего их надлежит опечатать, надписать, кому вещи принадлежат и где именно обнаружены и при протоколе обыска препроводить с нарочным в управление при надписи на сем же.

Документам арестованного, а равно и ценностям, буде таковые будут отобраны, следует составить особую опись, опечатать их в отдельный пакет, надписать подробно, кому принадлежат, и также препроводить в управление. Обыскиваемый же подлежит задержанию в зависимости от результатов обыска.

Обнаруженные в квартире обыскиваемого лица без документов, неизвестные полиции или имеющие документы, подлинность коих возбуждает сомнение, подлежат безусловному задержанию впредь до выяснения личности».

Обыск у меня был произведен. Вот что записано жандармами по этому поводу в акте:

«...Произведенным обыском обнаружено в кармане брюк обыскиваемого Микояна два клочка письма на русском и немецком языках, шесть заметок на армянском и русском языках, в числе их одна заметка адресована Левану Айвазяну за подписью «А. Микоянц, 18 апреля»: «Леван, прошу следующее коллективное собрание назначить у меня»».

Следует указать, что «коллективными собраниями» тогда назывались собрания представителей марксистских кружков учащейся молодежи разных учебных заведений города. Айвазян был руководителем нелегального кружка Тифлисского коммерческого училища.

Таким образом, замахнувшись на многое, жандармы сняли у меня на квартире слишком небольшую для себя «жатву».

Я вообще никак не мог понять, почему полиция решила произвести обыск, а тем более арестовать меня. Для этого у

нее не было достаточных оснований. Я не состоял еще тогда в партии. Единственное, что я мог предположить, — это возможный донос о нашем кружке и о том, что я читаю кое-какую нелегальную литературу.

Не найдя у меня ничего особо предосудительного, полицейские, видимо, успокоились.

* *
*

Когда началась империалистическая война, я был в деревне на каникулах после окончания пятого класса семинарии.

Новый учебный год начался как обычно. Но события на фронте всех нас волновали.

Война на турецком фронте касалась непосредственно армян: с успехами русского оружия в войне против Турции связывались надежды на освобождение от турецкого ига западных армян, а их там жило около двух миллионов.

Начались формирования добровольческих армянских дружин для отправки на турецкий фронт в поддержку русским войскам и освободительному движению западных армян.

Среди учащихся семинарии шли обсуждения и споры — идти или не идти на фронт. Националистически настроенные учителя, всячески восхваляя добровольческое движение среди молодежи, вместе с тем выступали против того, чтобы мы бросали учебу и шли в армию. Главным аргументом при этом было утверждение, что армянам нужны образованные люди, а их пока очень мало. Поэтому надо продолжать образование, чтобы стать действительно полезными для своей нации.

Мы, группа наиболее воинственно настроенных учащихся, видели в добровольческих армянских отрядах возможность участия в национально-освободительном движении. В спорах, которые были у нас по этому поводу, мы приводили в пример болгар, которые выступили на стороне русских войск против Турции в борьбе за свое национальное освобождение. Помню, что для утверждения своей позиции мы ссылались и на благородный поступок знаменитого английского поэта Байрона, который смело выступил в поддержку войны греков за их национальное освобождение от султанской Турции и, несмотря на свою хромоту, пошел добровольцем на фронт...

Короче говоря, чем больше учителя отговаривали нас идти на фронт, тем сильнее мы утверждались в своем решении. Правда, мы опасались, как бы в последнюю минуту админи-

страция семинарии, сговорившись с нашими родителями и родственниками, не сорвала нам отправку на фронт из-за нашего непризывного возраста. Поэтому мы делали все втайне от родственников.

Записавшись добровольцами, в один из ноябрьских дней 1914 года, мы, ничего не сказав дома, сели в воинский эшелон на станции Навтлуг и благополучно добрались до пограничного города Джульфа. Там в течение одной недели мы прошли небольшую подготовку, после чего нас отправили на фронт.

Помню, что накануне этого отец одного из моих близких товарищей — Арама Шахгяльдяна, проживавший недалеко, в городе Нахичевани, неожиданно появился в воинском лагере и силой забрал своего сына домой. Но это был единственный случай.

Нас направили для пополнения дружины Андраника, которая находилась на территории Персии около границы с Турцией.

Андраник, немолодой человек, был в то время уже прославленным воином. О его героическом поведении в партизанской войне армян в султанской Турции и в освободительной борьбе болгарского народа ходили легенды. Грудь его украшали высшие болгарские ордена. Среди армян имя Андраника было окружено ореолом славы. Как потом мы убедились, он и среди бойцов пользовался непререкаемым авторитетом.

Интересно отметить, что до 1907 года Андраник непродолжительное время, да и то формально, состоял в дашнакской партии, но потом порвал с ней и считался независимым патриотом, народным героем¹.

¹ В 1918 году, когда я был комиссаром бригады Красной Армии на фронте против наступавших на Баку турок, я прочитал как-то в газете «Бакинский рабочий» сообщение об Андранике, о котором с 1915 года не имел никаких сведений. В газете были опубликованы две телеграммы. Одна — от 14 июня 1918 года — была адресована Андраником чрезвычайному комиссару Кавказа Шаумяну. Андраник сообщал, что Нахичеванский уезд, где он находился тогда со своим отрядом, объявлен им неотделимой частью Российской республики, и просил Шаумяна известить кого следует, что он со своим отрядом находится в полном распоряжении Российского центрального правительства и подчиняется ему. Вторая телеграмма была от Шаумяна: «Джульфа. Народному вождю Андранику. Вашу телеграмму получил. Полный текст сообщил в Москву центральному правительству. Со своей стороны приветствую в Вашем лице истинного героя...»

После временного падения Советской власти в Закавказье, очутив-

Наше прибытие на фронт совпало с наступательными действиями на этом участке.

Местность вокруг была гористая, бездорожная. В горах лежал снег. Большого сопротивления противник нам не оказывал. Во всяком случае, ожесточенного характера бои не носили. В течение ряда дней наше наступление продолжалось весьма успешно. Мы заняли много мелких сел по 10—15 дворов, расположенных в ущельях. Дома были пустые. Население заранее выселили в тылы. Все было заброшено. Кругом невероятная бедность.

После мы получили команду начать отступление, хотя противник нас к этому здесь и не принуждал. Говорили, что южнее турецкие войска в обход перешли в контрнаступление. Не будучи преследуемыми противником, мы постепенно подошли к русской границе. Наши части остановились в Джульфе.

Мои товарищи одноклассники, с которыми я вместе был на фронт, решили вернуться домой, жалуясь на трудности похода и усталость. Начальство против их ухода не возражало. Мое же самолюбие не позволяло к ним присоединиться. Я считал мальчишеством, пробыв на фронте меньше месяца и ничего здесь не сделав, уйти.

После небольшого отдыха наша дружина вступила на территорию персидского Азербайджана, в районе города Хойя. Личный состав дружины был почти весь из бакинских рабочих. Люди были простые, хорошие. Ко мне они относились с уважением, хотя я был моложе их всех. Они рассматривали меня как интеллигента, но ценили, что я, как рядовой солдат, веду себя точно так же, как и они, перенося все тяготы военной службы.

Вскоре наша дружина стала участницей большого сражения на персидской территории с наступавшими турецкими войсками. На нашем участке фронта действовали наряду с русскими частями три армянские дружины. Мы занимали выгодные оборонительные позиции, хорошо окопавшись на вы-

шед в новообразованном буржуазном государстве Армении, Андраник не мог примириться с политикой дашнакского правительства, которое ориентировалось на Англию и Америку и находилось в связи с Деникиным. Он покинул пределы Армении и через Батум эмигрировал в Болгарию.

Знаменательно, что после установления Советской власти в Армении Андраник переслал свою шашку в дар Ереванскому музею в знак преклонения перед Советской Арменией.

сэких холмах. Турецкие позиции находились, наоборот, на равнине.

С раннего утра началось ожесточенное сражение. Несмотря на большие потери, турецкие войска продолжали наступать. Сидя в окопах, мы стреляли в них из винтовок. Видели, как под нашим огнем падали наступавшие турецкие солдаты.

Турки шли цепями. По нашим позициям била турецкая артиллерия, но снаряды большей частью разрывались за окопами. И тем не менее наши потери были значительны, особенно от шрапнели. Но конечно, они не шли в сравнение с тем количеством трупов, которые лежали перед нами.

К вечеру, когда стемнело, турецкие цепи подошли вплотную к подножию холмов, в нескольких сотнях метров от наших окопов, и залегли там. Перестрелка прекратилась. Наступило затишье.

Через некоторое время, когда мы уже успели использовать передышку, чтобы поесть, поступил приказ готовиться к ночному штыковому бою: русское командование считало, что турки не будут ждать рассвета, а, пользуясь темнотой, предпримут штыковую атаку.

Надо сказать, что в первых боях я уже привык немного к военной обстановке. Тут же нам предстоял штыковой бой. Как и другие бойцы, я находился в хорошем настроении и не чувствовал особого страха, хотя не скрою — предстоящий штыковой бой меня мало устраивал. Я не был ему еще обучен и поэтому сказал своим товарищам, что мне трудно орудовать штыком. Попросил у одного из них, на время ночного боя, его револьвер: мне хотелось идти в бой не со штыком, а с револьвером. Скажу по совести, мне как-то претила даже мысль о том, что я должен буду воткнуть штык в тело человека. Психологически я не был к этому подготовлен. Винтовка же и револьвер не вызывали у меня таких чувств.

Получив револьвер, я успокоился.

Нам было приказано спать в окопах по очереди, чтобы не быть застигнутым врасплох. Должно быть, товарищи жалели меня и поэтому не будили. Только с восходом солнца я открыл глаза.

Никаких турок не было видно. Оказалось, что они имитировали подготовку к ночной атаке для прикрытия своего отступления. За ночь они отступили, унеся с собой раненых. На поле боя остались только трупы убитых.

Мы спустились с холма и пошли вперед. Раньше я не мог даже и представить себе то, что увидел. Справа и слева в разных позах лежали убитые. Мы шли между ними. Некоторые солдаты обшаривали карманы убитых, особенно офицеров, очевидно в поисках ценностей. Меня это очень покорило.

Это было самое большое сражение, которое мне пришлось тогда наблюдать. Понеся большие потери, турки начали отступать. Мы находились уже на турецкой территории. Бои, в которых мы участвовали, были уже сравнительно легкими.

Второе крупное сражение произошло, когда мы подходили к городу Вану, одной из древних столиц Армении. Это сражение было, как мне казалось, менее кровопролитным, чем первое, но турецкие войска и здесь потерпели серьезное поражение.

Мое физическое состояние в это время стало сильно ухудшаться. Дело в том, что я с детства не ел мяса. Стоило мне съесть кусок мяса, как на моей коже появлялась сыпь. Только в 1918 году, уже в Баку, я постепенно приучил себя к мясной пище. До фронта мясо мне заменяли молочные продукты, особенно сыр, который я ел с хлебом три раза в день. На фронте же такой возможности не было. Я жил буквально на хлебе и на каше, очень исхудал, появились признаки дистрофии. Длительные походы вконец изнурили мой организм. А тут случилась новая беда: на подступах к Вану я заболел острой формой малярии. Меня замучила лихорадка, сопровождаемая очень высокой температурой. Трясло через день.

В начале апреля 1915 года, через несколько дней после вступления в Ван, меня вместе с другими больными и ранеными эвакуировали — сначала в Ереван, а оттуда в Тифлис, где поместили в госпиталь, специально организованный для раненых армянских дружинников.

Город Ван произвел на меня приятное впечатление изобилием зелени, фруктовых садов, в которых утопали одноэтажные чистенькие домики. Недалеко от города я видел глубокое зеркало озера Ван, окруженное с трех сторон горами...

В госпитале меня так напичкали хинином, что я чуть не оглох. От слабости у меня продолжались головокружения и обмороки. Но приступы малярии пошли на убыль, а потом и вообще прекратились.

...В середине мая я уже вышел из госпиталя и чувствовал себя вполне окрепшим.

Обдумывая все, что произошло за время моего пребывания на фронте, я понял, что вряд ли принес какую-то пользу. Утешало лишь то, что, уйдя на фронт совсем еще неопытным, наивным мальчиком, я вернулся, как мне казалось, повзрослевшим, обогащенным жизненным опытом.

Во время одного из весенних походов, когда мое здоровье было еще крепким, мы попали под проливной дождь. Промокли до нитки. А дождь все продолжался. Наконец мы остановились на ночевку. Мечтали развести костер, согреться и хотя бы немного обсушиться. Но ни дров, ни хвороста вокруг не оказалось. Мы еле стояли на ногах от усталости. Безумно хотелось спать.

Каждый из нас поставил свою палатку прямо на мокрую траву. Легли на эту траву, укрылись мокрыми шинелями и заснули. Засыпая, я думал, что, наверное, простужусь, схвачу воспаление легких. Когда мы проснулись, было яркое солнце. Счастливые, мы вышли из палаток, разделись, стали сушиться и согреваться.

Каково же было потом наше удивление, когда после этой ночи ни у кого не было даже насморка!

Из прочитанных ранее книг у меня сложилось мнение, что человек не знает, что он собой представляет, до тех пор, пока не испытает себя в опасности. Теперь я был доволен, что испытал себя в трудностях и выдержал их вполне достойно. Сознание этого порождало чувство определенного удовлетворения.

Еще в госпитале меня поразило и ошеломило сообщение о трагедии, постигшей западных армян на территории Турции. Реакционное султанское правительство учинило с ними зверскую расправу, уничтожив около полутора миллионов мирных жителей-армян.

Я осмысливал происходящие события и очень нуждался тогда в добром совете и разъяснениях компетентного человека. Появилась потребность повидать Шавердяна: я видел в нем своего старшего советчика и наставника.

Шавердян принял меня очень приветливо. Спросил, почему я не зашел к нему посоветоваться перед поездкой на фронт. Я ответил, что хотя такая мысль у меня и возникала, но я боялся, что он, как и другие взрослые, будет меня отговаривать.

Потом в нашей беседе он подробно рассказал о ленинской оценке происходящей войны, о тактике большевиков в ходе этой войны. Позже, осенью он познакомил меня с реше-

ниями совещания кавказских организаций РСДРП(б), состоявшегося в октябре 1915 года в Баку под руководством Шаумяна. Эти решения были подготовлены Шаумяном в соответствии с ленинской оценкой империалистической войны и нашего отношения к ней. В них указывалось также и об отрицательном отношении кавказских большевиков к организованным тогда национальным дружинам.

Он достал из какого-то ящика отпечатанную на тонкой папиросной бумаге газету «Социал-демократ», изданную в Женеве, в которой была напечатана статья Ленина «Война и российская социал-демократия». Это была не просто статья, а политическая платформа большевистского центра о войне.

Я попросил у Шавердяна газету, Программу и Устав партии. Он дал мне все это, а кроме того, уже по своей инициативе, подарил брошюру Ленина «Что делать?».

Я с жадностью набросился на изучение этих драгоценных документов. Еще никогда чтение политических книг не производило на меня такого сильного впечатления.

Это и понятно. В ленинских работах я нашел ответы на многие мучившие меня тогда вопросы. Особенно увлекла меня книга «Что делать?», которая и определила мои политические взгляды.

Неотразимая логика ленинских аргументов, острая и ясная постановка им вопроса о войне и классовой ее подоплеке, о позиции большевиков — все это было мне очень близко, понятно, нашло во мне глубокую внутреннюю поддержку и прямо окрылило меня.

Я понял, что единственно правильным пролетарским лозунгом для всех истинно революционных социал-демократов является борьба за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

После изучения этих ленинских материалов я вновь пошел к Шавердяну и поделился с ним своими впечатлениями от прочитанного. Дануш был искренне рад моему, как он сказал, прогрессу. Это еще более окрылило меня, и я решил открыть ему свою мечту:

— Знаете, Дануш, я решил вступить в партию... Мне кажется, что в какой-то степени я для этого подготовлен.

Затем, подавив в себе чувство внутреннего стеснения, я спросил его, считает ли он возможным помочь мне в осуществлении этого моего искреннего, сильного и продуманного желания.

Дануш улыбнулся и сказал, что мне не стоит очень торопиться, что надо получше подготовить себя к такому решительному шагу, почитать кое-какую литературу, благо у меня уже выработались навыки к чтению серьезных политических книг.

— Кроме того, я познакомлю тебя с некоторыми партийными товарищами, и эдак месяцев через пять-шесть можно будет и осуществить твое желание.

Он предложил мне обязательно прочитать за это время несколько ленинских работ, в частности книгу «Шаг вперед, два шага назад» и работу «О праве наций на самоопределение», которая около года назад была опубликована в трех номерах петербургского журнала большевистского направления «Просвещение». Кроме того, он посоветовал мне познакомиться с брошюрами Шаумяна и Сталина по национальному вопросу, а также прочитать книгу Плеханова «Наши разногласия».

Я поблагодарил его и сказал, что скоро уезжаю в деревню и собираюсь там начать изучение первого тома «Капитала» Маркса.

— Думаю, — сказал я Шавердяну, — что это не помешает мне осилить те книги, которые вы рекомендуете. У меня впереди больше трех месяцев. С 1 сентября я собираюсь вернуться в семинарию и навестать все упущенное.

Дануш одобрил мой план. Забрав у него книги, я распрощался с ним до осени.

Побывав после этого еще один-два раза на занятиях нашего марксистского кружка (он не прекращал своей работы и когда меня не было в Тифлисе), я вскоре уехал в деревню.

«МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ»

Вступление в партию. — Первые партийные поручения. — Окончание семинарии. — О моих однокашниках. — В стенах духовной академии. — Наши преподаватели. — Споры по аграрному вопросу.

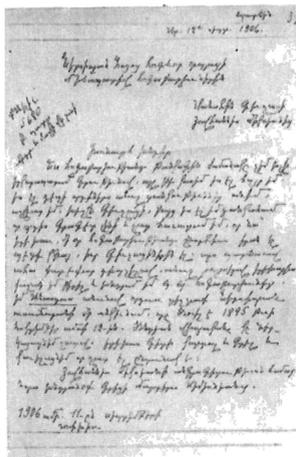
Моему приезду мать была бесконечно рада. Отец тоже был доволен, но он не любил бурно выражать своих чувств. Мать очень боялась, как бы меня не убили на фронте. Теперь же от радости, что я вер-

**«Я хорошо помню свою родную деревню «Санаин».
Так она выглядит теперь».**

«В нашей семье было пятеро детей... Отношения с отцом у нас были самые теплые. Мать я нежно любил». В первом ряду слева направо: старший брат Ерванд, мать Талита, отец Ованес, старшая сестра с сыном (Сергей Симонян, ныне полковник танковых войск в запасе), Анастас Микоян. Во втором ряду: Артем Микоян и младшая сестра Астхик.

«Много лет спустя мои товарищи нашли в архивах подлинник прошения отца о приеме меня в семинарию, написанного рукой Мартироса Симоняна».

«В Тифлисе отец отвел меня к нашей родственнице тете Вергинии Туманян. Она активно помогала многим революционерам».

Группа одноклассников А. И. Микояна по семинарии. Слева направо: М. Саркисян, А. Шахгяльдян, О. Погосян, В. Еремян, А. Микоян, С. Саакян.

нулся живой и невредимый, она решила по-старинному, торжественно отметить это событие. Я всячески возражал, считая, что для торжеств нет оснований, но мать упорствовала, и сломить ее решение было невозможно. А торжества состояли в том, что был куплен баран, в ближайший воскресный день его зарезали во дворе монастыря, разрезали на кусочки и так, в сыром виде, роздали собравшимся к монастырю односельчанам. Это было сделано по старинному обычаю.

В то лето я поработал довольно плодотворно. Прежде всего были, конечно, прочитаны и проконспектированы книги, которыми снабдил меня перед отъездом в деревню Шавердян.

Неизгладимое впечатление произвела на меня книга «Шаг вперед, два шага назад». После ее прочтения мне стали ясны корни возникновения и суть расхождений между меньшевиками и большевиками.

Помню, что без особого труда дались мне тогда работы по национальному вопросу. Я этому очень радовался. Прочитанные книги были очень важны для правильного формирования моего мировоззрения, для ясного понимания принципов пролетарского интернационализма, самой сути национального вопроса и путей его разрешения.

Впоследствии все это очень помогло мне и в повседневной практической партийной работе, и в ряде специальных выступлений по национальному вопросу.

Однако настоящие трудности начались у меня, когда я приступил к изучению первого тома «Капитала» Карла Маркса.

Помню, что прочитав первую главу «Капитала», я многого просто не понял. Однако решил не сдаваться. Стал читать второй раз. На этот раз кое-что из непонятого при первом чтении стало яснее.

Тогда я решил попытаться изложить письменно то, что мною было прочитано. Читал вновь и записывал.

Но что за странность! Я думал, что буду кратко конспектировать прочитанное своими словами, а на деле производил весьма пространственные записи, и притом... словами самого Маркса, так и не сумев найти для конспекта своих собственных слов и кратких выражений...

Однако я решил все же продолжать такое «конспектирование», потому что в его процессе мне становилось все легче и легче понимать Маркса. Постепенно я привык к его стилю

и манере изложения, и дальнейшее чтение шло уже вполне нормально. Во всяком случае, до отъезда из деревни первый том «Капитала» был прочитан до конца, и я был очень доволен полученными результатами.

Вернувшись в Тифлис в конце августа, я, естественно, первым делом решил навестить Шавердяна.

Поделился с ним результатами своей учебы, рассказал, что и как понял из прочитанного. Рассказал о своих планах занятий в семинарии и о дальнейшем изучении марксистской литературы.

Расставаясь, Шавердян дал мне очередную порцию книг по марксистской теории и составил довольно большой список книг, которых у него в личной библиотеке не оказалось: он сказал, чтобы я сходил с этим списком в городскую библиотеку имени Пушкина к работавшей там коммунистке Джаваире Тер-Петросян (сестре знаменитого Камо), которая, по словам Шавердяна, достанет для меня все рекомендованные им по списку книги.

Впоследствии я делал это неоднократно, и Тер-Петросян стала моей второй «благодетельницей» по части снабжения марксистской литературой.

Я чувствовал себя все смелее и увереннее. Чаше стал бывать у Шавердяна. Он познакомил меня с коммунистами Асканазом Мравяном и Серго Ханояном.

Мне удалось познакомиться еще с несколькими активными партийцами: с рабочим Кахояном (который, кстати сказать, родом был из соседнего с моим села), с Гарагашем и другими.

Кахоян был одним из руководителей нелегальной ахпатско-алавердской районной организации большевиков. В это лето и в дальнейшем, когда я бывал в деревне, мы с ним встречались на собраниях рабочих Алавердского медеплавильного завода. Кахоян был значительно старше меня по возрасту и с большим практическим партийным опытом. Он многому научил меня, связал меня с рядом рабочих.

Все эти встречи помогли мне войти в курс текущих политических событий и в жизнь партийной организации.

Как-то я напомнил Шавердяну о его обещании помочь мне вступить в партию.

— Ну что ж! — ответил он. — Теперь ты, по-моему, уже достаточно созрел для этого. Тебя хорошо знают наши активисты. Можно подумать и о твоём приеме. И действительно, в ноябре 1915 года я был принят в партию.

Мне сразу дали и партийное поручение: вести пропагандистскую работу среди учащейся молодежи и готовить наиболее достойных из них для вступления в партию. Кроме того, мне было сказано, чтобы в нашем марксистском кружке помимо изучения литературы мы обсуждали также и вопросы текущей политики, всячески стремясь, чтобы участники кружка научились связывать изучение революционной теории с практикой. Главными вопросами наших собеседований стали актуальные проблемы войны, задача борьбы за свержение самодержавия, национальный вопрос.

Наиболее подготовленные взялись даже за написание рефератов. Помню, что Арам Шахгяльдян подготовил реферат на тему «Женский вопрос и социал-демократия». Темой моего реферата был «Национальный вопрос и социал-демократия».

Зимой 1915 года нам удалось закончить работу над своими рефератами и даже обсудить их в кружке.

Тексты этих рефератов не сохранились. Но, вспоминая их содержание, должен сказать, что они были, конечно, очень еще ученические. Ничего нового, своего в обсуждаемые проблемы мы не вносили, да, собственно говоря, и не могли внести. Это были скорее компилятивные работы, суммирующие все то, что мы прочли по обсуждаемым вопросам.

Но и это было для нас большим достижением и принесло несомненную пользу.

Перед началом нового 1915/16 учебного года я пришел в семинарию и попросил у администрации разрешения поступить в тот же шестой класс, из которого я ушел при отъезде на фронт. При этом я дал обязательство пройти программу шестого класса за первое полугодие, сдать по всем предметам экзамены, а со второго полугодия перейти в седьмой, последний, класс и закончить его вместе со всеми, то есть фактически за один год пройти два класса.

Нагрузка у меня была очень большая. Я ни на что постороннее не отвлекался, занимался и в дни каникул и по праздникам, находя к тому же время и для чтения марксистской литературы.

Наш марксистский кружок продолжал работать. Надо сказать, что и после окончания мною школы он продолжал действовать, вплоть до революции. Его возглавляли Андреасян и Алиханян, а затем и Восканян.

В декабре 1915 года я успешно окончил шестой класс и начал заниматься в седьмом классе.

Учиться мне стало легче, и я смог уделить больше времени чтению марксистской литературы, которой увлекался все больше и больше: иногда я занимался целые дни, забывая о еде и отдыхе.

Жил я тогда в отдельной комнате моего одноклассника и близкого товарища Геворга Алиханяна. Его отец был относительно обеспеченным человеком. Когда я осенью приехал из деревни, Геворг жил в отдельной комнате на втором этаже их небольшого дома, расположенного во дворе армянской церкви. Он предложил мне жить в его комнате, а сам перебрался к родителям. Несмотря на все мои уговоры жить вместе, поставив в комнате дополнительную кровать, он отказался, заявив: «Ты очень много занимаешься, а мое присутствие будет тебя отвлекать».

Когда до выпускных экзаменов было еще далеко, я более недели подряд не ходил в школу, занимаясь чтением марксистской литературы. Никто не мешал мне. Изредка заходил Алиханян, чтобы рассказать, что происходит в семинарии.

Однажды в полдень я взял уже прочитанную мною книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и отправился в городскую библиотеку имени Пушкина, чтобы вернуть ее.

Спокойно иду по улице. Невдалеке от семинарии я совершенно неожиданно столкнулся с нашим ректором Хунунцем. Это был высокий, широкоплечий, упитанный, солидно и гордо державшийся человек. Будучи богатым, он пользовался в городе большим влиянием. Мы, школьники, его не любили. Он в свою очередь тоже не искал с нами сближения.

Я его не сразу заметил, погруженный в свои думы.

Вдруг он неожиданно остановил меня и довольно надменно спросил:

— Что вы делаете тут на улице в то время, когда должны быть на занятиях?

Не знаю, как это у меня получилось, но я ему в тон, довольно дерзко ответил, что отвечать на эти вопросы, и к тому же на улице, я не обязан. Резанул с плеча и пошел дальше. Он заметил, что в руках у меня была книга.

В тот же день, после окончания занятий в семинарии, ко мне зашел Алиханян с одним близким мне товарищем. Они рассказали, что в семинарии назревает скандал, связанный со мной. Им стало известно от близкого всем нам, ученикам, надзирателя Симака, что после встречи со мной ректор при-

шел страшно возмущенный, отправился тут же в учительскую, рассказал собравшимся там учителям о моем поведении и заявил, что меня необходимо исключить из семинарии.

Как я уже говорил, больше недели я не был в семинарии. Но это время я потратил не только, конечно, на чтение. Как и в другие дни, я два раза в неделю занимался репетиторством с отстающими учениками. Это был мой заработок, потому что на помощь отца рассчитывать было трудно, а старший брат находился на фронте.

Алиханян и пришедший с ним товарищ стали уговаривать меня прийти на другой же день на занятия.

— Ты же знаешь характер нашего ректора! — убеждали они меня. — Если ты и завтра не появишься в семинарии, дело может обернуться совсем плохо.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с ними. На следующее утро я появился в классе. Учителя никаких замечаний мне не сделали: «хвостов» за мной не было, а кроме того, они знали, что если я за эти дни и поотстал немного, то быстро догоню.

В конце последнего урока в класс вошел ректор. Обратившись ко всему классу, он с возмущением рассказал о том, как я не захотел говорить с ним на улице и не ответил на его вопрос. Рассказал о том, что я, будучи совершенно здоровым, без всяких уважительных причин отсутствовал в классе десять дней и неизвестно чем занимался. Кроме того, он увидел по классному журналу, что я и раньше, до этого случая, без указания причин, несколько раз пропускал занятия.

— Дальше терпеть такое безобразие в семинарии я, как ее ректор, не могу, и речь идет о возможности дальнейшего пребывания Микояна в семинарии.

Все слушали его внимательно. Я хотя и был возмущен, но сдерживал себя, сохраняя внешнее спокойствие. Как и всегда, я сидел на последней парте. Делал я это вполне сознательно: сидя там, было удобнее во время уроков, незаметно для учителя, читать книги.

Когда ректор кончил говорить, в классе воцарилась полная тишина.

Я встал из-за своей парты и сказал примерно следующее:

— Господин ректор! Видимо, вам трудно будет понять меня и мое поведение — мы с вами люди разных классов. Вы не имеете никакого представления, как и чем мы живем. Вам легко рассуждать. Вы сказали тут обо мне много очень обид-

ного, несправедливого и высказали даже угрозу об исключении из семинарии. Власть у вас, действительно, большая. Вы все это можете сделать, но прежде послушайте меня.

Не знаю, как это получилось, но я с ходу решил использовать этот случай для открытой революционной пропаганды.

— Все мы знаем, — заявил я, больше обращаясь уже к классу, чем к ректору, — что ваш сын ездит в гимназию в фаятоне, хотя он плохо учится, бездельничает и оставался в классе на второй год. Вы вынуждены за большую плату нанимать ему репетиторов. Наверное, вы считаете это вполне для себя нормальным. Мы не знаем, говорили ли вы по этому поводу со своим сыном и что именно, да это, собственно говоря, для нас и не представляет интереса.

Я отвечаю на вопрос, заданный вами мне на улице, а заодно и на ваши сегодняшние обидные слова в мой адрес.

Видите ли, мой старший брат сейчас находится на фронте. Отец уже немолод; ему приходится содержать всю семью, и мне совестно просить у него для себя деньги.

Я живу тем, что зарабатываю в качестве репетитора. Этого мне хватает на еду. Живу я в комнате, которую мне бесплатно уступил один хороший товарищ. И тем не менее за шесть месяцев я успешно прошел полугодовой курс семинарии, имею хорошие отметки и никаких замечаний о плохом поведении у меня нет.

Вы хотите знать, что я делал, отсутствуя в классе? Так я вам отвечаю — занимался со своими учениками и читал интересные меня полезные книги. Как я понимаю, делал я все это без ущерба для учебы и сдачи экзаменов.

Вы угрожаете мне исключением из семинарии, хотя до ее окончания осталось всего лишь три месяца. Ну что же! Сила на вашей стороне. От учителей вы можете узнать, что я способен выдержать все экзамены. Я буду регулярно ходить в семинарию, если, конечно, согласятся оставить меня здесь.

Все это было сказано мною с молодым задором, но довольно ровным и твердым голосом. Хотел или не хотел меня слушать ректор, но ему пришлось выслушать меня до конца.

Я почувствовал, что мои слова произвели на него какое-то впечатление, хотя он никак этого внешне и не проявил. Но он не стал вступать со мной в пререкания и, сказав, что вопрос будет окончательно решен позднее, ушел из класса.

Товарищи окружили меня, возбужденные, сочувствующие.

— Молодец, хорошо сказал, так и надо! — У меня на душе стало как-то легче.

На следующее утро я был на занятиях вовремя.

Прошло два-три дня, мы с нетерпением ожидали решения педагогического совета, но так и не дождались. А еще через несколько дней, во время перемены, наш доброжелатель — надзиратель Симак незаметно отвел меня в сторону и сказал:

— Уже обсуждали твой вопрос. Долго и бурно спорили с ректором и сняли вопрос с обсуждения. Большую роль при этом, — добавил он, — сыграло твое заявление, что впредь ты будешь аккуратно посещать занятия.

Я был очень благодарен Симаку за такую радостную весть. К слову хочу сказать, что Симак уже тогда был членом нашей партии и оказал влияние на нас. В дальнейшем он стал председателем Верховного Совета Армянской ССР...

Как я и предполагал, выпускные экзамены прошли у меня вполне успешно. Лишь по злосчастному пению да закону божьему у меня остались стабильные тройки, хотя по трем другим религиозным предметам у меня в аттестате были и четверки. По общеобразовательным предметам я получил пятерки. Только по русскому языку мне поставили — и притом справедливо — четверку: подвела устная речь. У меня тогда почти не было разговорной практики на русском языке, хотя по русской литературе и письменной работе я имел отличные отметки...

* *
*

Возвращаясь к давним временам своей учебы в семинарии, невольно удивляешься, как много воспитанников семинарии, и в первую очередь учеников нашего класса, впоследствии стали видными советскими и партийными деятелями! Тому были, конечно, свои причины. И дело тут, понятно, не в каких-то особых заслугах самой семинарии, а в известных объективных обстоятельствах:

во-первых, в семинарию поступали дети необеспеченных или малообеспеченных родителей. Состоятельные родители отдавали своих детей в гимназии, реальные или коммерческие училища, где было платное обучение. Поэтому в семинарии создавалась более однородная — по своей материальной обеспеченности — демократическая среда, наиболее восприимчивая к революционным идеям;

во-вторых, время, в которое мы учились, было периодом нарастания революционных сил между двумя русскими революциями. Революция шла к своему подъему и увлекала за

собой все жадно к ней тянувшееся, все органически близкое ей и родное. Марксистский кружок, который мы организовали в семинарии во второй половине 1912 года, все те годы впитывал все новых и новых, способных и революционно настроенных юношей. Все они к 1915—1918 годам вступили в Коммунистическую партию и вели в ней активную деятельность.

Известную роль играло и то обстоятельство, что преподавание в семинарии находилось на достаточно высоком уровне. Большинство наших учителей получили высшее образование в Германии, Швейцарии и Франции. Многие из них придерживались либерально-демократических взглядов.

Вообще же следует сказать, что, хотя наше учебное заведение и именовалось по-русски духовной семинарией, на самом деле, по существу, семинарией в точном смысле слова оно не было. Не случайно среди администрации семинарии не было ни одного духовного лица. Среди учителей был только один священник, преподававший закон божий. В нашей программе помимо закона божьего было еще четыре религиозных предмета, касающихся в основном церковной истории и теологии, но их нам преподавали гражданские учителя, и эти предметы не занимали у нас более двух часов в неделю. Остальное время было целиком посвящено изучению общеобразовательных предметов: математики (включая алгебру и геометрию), географии, литературы, физики, химии, ботаники, зоологии, психологии и физиологии. По сравнению с гимназией у нас был обязателен только один иностранный язык: французский или немецкий — по выбору (в гимназии были обязательны греческий, латинский, немецкий и французский языки). Правда, помимо современного армянского языка мы изучали еще и древнеармянский язык. Кроме того, у нас дополнительно преподавались история и география Армении и педагогика. Преподавание педагогики объяснялось тем, что фактически из нас готовили преподавателей для армянских школ.

Все это имеет свое объяснение. Дело в том, что при царском строе в России запрещалось иметь школы, гимназии и высшие учебные заведения с преподаванием на армянском языке. Исключения допускались лишь для некоторых церковноприходских школ, духовных семинарий и духовной академии. Поэтому в обход царского закона учебные заведения, формально называвшиеся духовными семинариями, по существу были армянскими гимназиями, дававшими закончен-

ное одиннадцатилетнее среднее образование. Правда, аттестат семинарии не давал права поступать в высшие учебные заведения России. Зато в Европе с таким аттестатом беспрепятственно принимали в высшие учебные заведения. Те, кто не имел материальной возможности учиться за границей, как правило, становились учителями армянской школы.

Знаменательно, что наша семинария была создана еще в 1824 году католиком Нерсесом, имя которого она и носила. На армянском языке она именовалась Тифлисская Нерсеянская армянская духовная школа, а не семинария. Мне неизвестно ни одного случая, чтобы кто-либо из выпускников нашей семинарии тех лет стал бы на духовное поприще.

Может быть, представит известный интерес, если я хотя бы перечислю наиболее запомнившихся мне товарищей, вышедших из Тифлисской семинарии:

Гевог Алиханян — который потом вел активную партийную работу в Тифлисе, Баку, Армении, на Северном Кавказе, в Ленинграде. Затем он стал работать в Коминтерне в качестве заведующего одним из его отделов;

Айказ Костанян — выдающийся партийный организатор. В течение ряда лет работал секретарем ЦК Компартии Армении. Потом он перешел на работу секретарем Профинтерна;

Ваган Бальян — ответственный партийный работник, заместитель начальника Политуправления Наркомата путей сообщения СССР;

Наполеон Андреасян — после активной партийной работы на Кавказе был избран первым секретарем одного из московских райкомов партии, стал членом бюро Московского горкома партии, а после этого работал заместителем наркома пищевой промышленности СССР; делегат двух партийных съездов с решающим голосом;

Сурен Акопян — был первым секретарем Вятского (ныне Кировского) обкома партии, а после этого работал инспектором ЦК ВКП(б);

Каро Алабян — после гражданской войны получил высшее архитектурное образование и стал одним из выдающихся руководителей советской архитектуры, долгие годы занимал пост руководителя Союза архитекторов СССР и одновременно был вице-президентом Академии архитектуры СССР; его именем названа одна из улиц в Москве.

Шаварш Амирханян — сыграл выдающуюся роль в установлении Советской власти в Армении. Потом был в Москве одним из руководящих работников Министерства путей сообщения СССР;

Арам Шахгяльдян — вел большую партийную работу в Армении, затем в Москве;

Артак Стамбольцян — вел активную партийную работу в Закавказье, потом учился на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), работал начальником политотдела Омской железной дороги, в орготделе ЦК ВКП(б), секретарем Лисичанского городского комитета партии;

Геворг Гевондян — активный коммунист, получил высшее медицинское образование и стал одним из выдающихся организаторов советского здравоохранения. Много лет был наркомом здравоохранения Армянской ССР;

Геворг Абов — поэт, научный работник-литературовед, директор Института древних рукописей Армении;

Ваган Еремян — был сперва наркомом финансов Армении, а затем всей Закавказской Федерации;

Гарегин Гардашьян — один из организаторов комсомола Закавказья. После окончания гражданской войны получил высшее медицинское образование и стал талантливым хирургом. Вместе с Очкиным был главным помощником знаменитого советского хирурга Розанова, затем он был наркомом здравоохранения Советской Армении;

Ованес Погосян — руководящий деятель Коммунистической партии Армении, член бюро Центрального Комитета партии республики, ректор Ереванского государственного университета;

Даниэл Дзнуни — много лет был руководителем кинематографии Армянской республики;

Сурен Аветисян — стал видным врачом;

Телемак Арутюнян — получил высшее образование и стал профессором;

Арутюн Григорян — возглавлял районную партийную организацию. Активно проявил себя в борьбе с дашнаками, в которой и погиб смертью храбрых;

Сергей Парсаданян — старый коммунист, хозяйственник, руководитель крупнейшего цветочного комбината в нашей стране;

Тигран Галстян — был редактором одного из московских журналов;

Артем Баблумян (Етум) — старый коммунист, занимавший ответственные посты в руководящих партийных органах и в печати;

Михаил Саркисян — бывший главный рентгенолог Абхазской АССР, ныне находится на пенсии;

Шамрханян — видный театральный деятель Армении;

Драстамат Тер-Симонян — впоследствии один из руководителей майского восстания в Армении против буржуазного правительства, затем видный деятель республики;

Татевос Мандалян — участник Шанхайского восстания, один из руководящих работников Профинтерна;

Геворг Периханян — крупный инженер-энергетик Армении;

Гурген Восканян — видный партийный и советский работник;

Седрак Маркарян — бывший руководящий работник центрального аппарата органов безопасности;

Ерванд Кочар и Микаел Мазманиян — активные коммунисты, успешно работали в области скульптуры и архитектуры;

Артавазд Егиазарьян — старый коммунист, работал наркомом просвещения Армянской ССР, в настоящее время занимается научной деятельностью, доктор наук;

Семен Саркисов — академик медицинских наук, директор Института мозга;

Ованес Банналян — ответственный партийный работник в ряде районов, одно время был первым секретарем Новороссийского горкома партии.

Это далеко не полный список школьных товарищей, учившихся как в одном со мной классе, так и в старших и в младших. Все они давно стали на путь беззаветного служения великому делу нашей партии и советскому народу. Следует отметить, что среди них был и выдающийся советский полководец, герой гражданской войны Гай (Бжшкян).

Не могу не сослаться еще на один примечательный факт. Сохранилась фотография, снятая в моей кремлевской квартире в Москве. На ней запечатлена группа товарищей, из которых шестеро учились вместе со мной и были членами марксистского кружка; Алиханян (Алиханов) — Ленинград, Акопян — Москва, Амирханян — Армения, Артак (Стамболцян) — Азербайджан, Бальян — Донской округ, так же как и я, были делегатами XV съезда партии. Итак, семь делегатов с решающим голосом на Всесоюзном съезде партии, учившихся вместе в армянской семинарии Нерсисян!

Многих из моих одноклассников нет уже в живых. Некоторые из них — Алиханян, Стамболцян, Костанян, Бальян, Гардашьян, Акопян, Еремян, Маркарян, к сожалению, стали жертвами нарушения социалистической законности, но все они посмертно реабилитированы, и честь их безупречных имен коммунистов полностью восстановлена...

* *
*

Еще не закончив всех выпускных экзаменов, я, как и другие мои однокашники, много думал о том, что буду делать после окончания семинарии.

В то время главной задачей я ставил во что бы то ни стало продолжить свое политическое образование, чтобы стать вполне грамотным марксистом и посвятить себя революционной работе.

Мне надо было еще два-три года целиком посвятить упорной политической учебе. Мне казалось, что только после этого я, чувствуя себя в какой-то степени теоретически подготовленным марксистом, смогу более уверенно и активно участвовать в революционной борьбе. Это стремление охватило меня целиком.

С этой целью я решил поступить в армянскую духовную академию. Она находилась в древнем городке Эчмиадзине и была единственным в Армении высшим учебным заведением, куда абитуриенты из семинарии принимались без экзаменов. Плата за обучение в этой академии не взималась. Более того, ее студенты находились на полном бесплатном обеспечении и жили в интернате. Последнее обстоятельство было для меня немаловажным, принимая во внимание мое незавидное материальное положение.

Я решил добиваться приема в академию. В создавшейся обстановке для меня это было идеальным решением вопроса. Хорошие отметки в моем аттестате зрелости служили известной гарантией, что меня в академию примут.

Такое же решение приняло и большинство семинаристов — моих товарищей по марксистскому кружку.

Сохранилось прошение о моем приеме в академию, написанное 16 июля 1916 года. В переводе на русский язык там было сказано следующее:

ВЫСОКОПОЧТЕННОМУ ПРАВЛЕНИЮ
ЭЧМИАДЗИНСКОЙ ГЕВОРКЯН
АРМЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

*От выпускника Нерсесянской школы
Анастаса Ив. Микояна*

П р о ш е н и е

Окончив полный курс Тифлисской Нерсесянской армянской духовной школы и мечтая продолжить учебу, прошу высокопочтенное правление принять меня на первый курс академии.

К прошению направляю копию свидетельства об образовании. Свидетельство о рождении принесу сам, а при надобности можно сослаться на копию свидетельства об образовании, где отмечен день моего рождения.

Анастас Микоян

18 сентября 1916 года я получил уведомление, что меня приняли в число студентов I курса академии, а через два дня я подал прошение тифлисскому воинскому начальнику об отсрочке призыва в армию до окончания обучения в академии.

Просьба моя была удовлетворена.

Условия для изучения марксистской литературы в академии были самые благоприятные. Книгами меня достаточно снабдил Шавердян. Ими пользовались и мои друзья по академии. Мы получали трехразовое питание. Жили в хороших светлых комнатах; хотя в нашей, например, комнате было около двадцати кроватей, но все было чисто, опрятно, аккуратно.

В академии существовал твердый режим: вставали все одновременно в шесть часов утра, в семь завтракали, а в восемь часов уже начинались учебные занятия. Спать ложились в девять часов вечера.

Кроме трех курсов академии в одном здании с нами размещалась еще и семинария, так что это был, говоря современным языком, настоящий учебный комбинат, объединяющий среднее и высшее образование.

В академии, кроме ректора и преподавателя греческого языка, все были гражданскими, а не духовными лицами. Изучали мы в основном историю древней Армении, средних веков и нового времени; историческую географию Армении; армянскую литературу и язык — начиная с древних времен.

По существу, академия готовила специалистов по армяноведению, а не служителей культа.

Я довольно быстро освоился в новой обстановке и уже через несколько дней разработал план своих занятий — и по

основной программе академии, и по изучению марксистской литературы.

С однокурсником Арамом Шахгяльдяном мы раздобыли керосиновую лампу, вставляли обычно в три часа ночи (когда все еще спали), отправлялись в ту аудиторию, в которой занимался весь наш курс, и работали там до 7 часов утра, до завтрака. Я изучал тогда третий том «Капитала» Маркса (второй том я прочитал еще летом, когда жил в деревне). Надо сказать, что после первого тома «Капитала» второй и третий тома усваивались мною довольно легко. Потом, вслед за третьим томом, я прочитал две неоконченные тетради Маркса, вошедшие, как известно, в четвертый том «Капитала» («Теории прибавочной стоимости»).

Арам читал тогда первый том «Капитала». Как и я в свое время, он с трудом одолевал эту работу Маркса. Я старался всячески помочь ему в этом.

Мы занимались ежедневно, часа по три-четыре, обычно до утреннего завтрака. Были мы тогда оба молоды, и, конечно, такая перегрузка ощущалась нами не так уж сильно. Хотя хорошо помню, что на первых академических уроках мы все же чувствовали определенную усталость.

Сидели мы с Арамом на последней парте, в самом конце аудитории. Рядом с нами стояла этажерка для книг: в ней-то мы и хранили десятка полтора книг Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и других авторов.

Вспоминаю, как во время общих курсовых занятий я незаметно вытаскивал два экземпляра книги Каутского «Аграрный вопрос» (на немецком и русском языках) и с увлечением читал эту книгу, одновременно «убивая двух зайцев»: постигая содержание книги по существу и овладевая немецким языком.

Дело в том, что в академии изучали два «мертвых» языка: латынь и древнегреческий. Я ими почти не занимался, решив лучше хорошо овладеть одним немецким языком, чтобы иметь возможность читать классиков марксизма в подлинниках. Занятия эти шли у меня довольно успешно.

Я занимался немецким во время общих курсовых занятий. Преподаватели не замечали или делали вид, что не замечают этого. Они вообще очень редко подходили к нашей последней парте. Во всяком случае, мне это сходило с рук.

Вскоре по приезде в Эчмиадзин мы организовали марксистский кружок. В него вошли все товарищи, прибывшие из Тифлиса, и двое окончивших Шушинскую семинарию:

один из них, Товмасян, сразу примкнул к нам, а Саркис Данилян — через несколько месяцев.

Собирался наш кружок регулярно. Хотя по уровню теоретической подготовки состав участников кружка был довольно пестрый, занятия проходили интересно. Изучали марксистскую литературу мы индивидуально, а когда собирались все вместе, то обсуждали главным образом текущие общеполитические проблемы или дискутировали по тем вопросам, которые возникали у каждого в процессе чтения.

Мы регулярно получали еженедельную газету «Пайкар», издаваемую в Тифлисе на армянском языке, и активно обсуждали отдельные статьи, которые в ней публиковались. Это меня увлекало.

В декабре 1916 года я написал свою первую статью и направил ее в редакцию «Пайкара» с просьбой опубликовать. Статья была острой, полемической, направленной против печатного выступления одного видного дашнакского деятеля по национальному вопросу. Статья появилась в «Пайкаре» без всяких изменений со стороны редакции, но цензура основательно поработала над ней ножницами. В результате она вышла с тремя белыми полосами вместо вырезанных абзацев: цензура не тронула критическую часть статьи, а вырезала те места, в которых излагалась наша позиция.

Когда мы, участники кружка, достаточно хорошо присмотрелись друг к другу, стали думать над тем, как нам распространить свое влияние на остальную часть студенчества академии и на старшеклассников семинарии, с которыми мы часто сталкивались, живя и учась в одном здании.

Надо сказать, что та часть студенчества, которая приехала из Тифлиса, была гораздо политически подготовленнее, чем местная молодежь. Когда мы стали проводить общие дискуссии, то выяснилось, что местные студенты вообще ничего не знают о политической экономии. Исключение представлял лишь студент третьего курса Манукян, который читал кое-что по этому вопросу у Адама Смита и Туган-Барановского. Но он никогда не читал Маркса и судил о марксизме в основном с позиций Туган-Барановского, извращавшего, как известно, учение Маркса.

Я к тому времени с работами Адама Смита знаком не был, но Туган-Барановского уже читал. Когда у нас начались дискуссии, пришлось взяться и за Адама Смита.

Помню разгоревшиеся споры вокруг теории трудовой стоимости. Манукян, рьяно отстаивая в этом вопросе взгляды

австрийского буржуазного экономиста Бем-Баверка, который, отвергая марксову теорию трудовой и прибавочной стоимости, выдвинул свою «теорию предельной полезности». Для неподготовленного человека эта теория была более доступна, нежели теория Маркса, требующая для своего понимания серьезной теоретической подготовки. Поэтому я, выступая в защиту теории Маркса, часто чувствовал, что далеко не всех присутствовавших мне удастся убедить и повести за собой, хотя по многим положениям марксизма в дискуссиях и спорах мы всегда брали верх.

В поисках выхода из создавшегося положения я обратился за помощью к профессору нашего курса Ашоту Ионесяну. Мне было известно, что он — старый, подготовленный марксист, получивший образование в Германии и ставший доктором наук.

Я спросил Ионесяна, нет ли у него какой-нибудь книги, содержащей серьезную критику теории Бем-Баверка, объяснив, что у меня в спорах часто не хватает нужных аргументов для опровержения его теории.

Через день он дал мне австрийский журнал «Маркс штудиум», в котором была опубликована статья на эту тему. С помощью словаря я одолел ее, и она оказала мне большую помощь в дальнейших дискуссиях.

Кстати, должен сказать, что Ашот Ионесян после победы Советской власти стал секретарем ЦК Компартии Армении. Сейчас он — действительный член Армянской академии наук и ведет большую научную работу в области истории армянской общественной мысли.

В свое время он оказал всем нам, и мне в частности, большую помощь. Он познакомил нас с Геворгом Атарбекяном — членом большевистской партии, который жил тогда в Эчмиадзине, с тем самым Атарбекяном, который впоследствии прославился в борьбе с контрреволюцией в 1918—1919 годах на Северном Кавказе. Потом он был на руководящей работе в Закавказской Федерации и в 1925 году погиб при авиационной катастрофе вместе с Мясникяном и Могилевским.

Ионесян познакомил нас также с большевиком Макинцянном — образованным, способным литератором, который при Советской власти играл в Армении видную роль.

Все эти встречи и знакомства со старыми, опытными и образованными марксистами во многом способствовали нашему росту — тогда еще очень молодых коммунистов.

Мой товарищ по академии Погосян отлично владел грузинским языком. Я попросил его научить меня читать, писать и говорить по-грузински, считая, что это может очень пригодиться мне в предстоящей революционной работе. В течение нескольких месяцев я так усердно занимался с Погосяном, что мог уже без большого труда читать на грузинском языке газеты, которые выписывал мой товарищ. К сожалению, полвека, прожитые без практики разговорной речи по-грузински, изгладили из моей памяти полученные в те годы небольшие знания грузинского языка.

Потом мы условились с Товмасыном из Шуши, что он, работая над совершенствованием своих знаний в азербайджанском языке, будет обучать этому языку и меня. Он охотно согласился мне помочь, выписал книги, и мы усердно стали заниматься азербайджанским языком, который я скоро неплохо знал. Впоследствии это пригодилось мне в практической партийной работе.

* *
*

Мне представляется полезным рассказать о нескольких эпизодах из нашей тогдашней студенческой жизни в академии.

Ректором нашей академии был отец Гарегин — человек лет сорока пяти, ниже среднего роста, с симпатичным лицом и красивой бородой. Он был очень спокойный и уравновешенный: никогда не повышал голоса и не допускал никаких грубостей в отношении студентов и семинаристов.

В академии существовал порядок: до начала утренних занятий студенты всех курсов выстраивались в две шеренги по обеим сторонам коридора, в конце которого обычно стояли преподаватели. Все вместе пели «Отче наш». Только после этого начинались занятия.

С самого начала учебы в академии я больше двух недель не участвовал в этом коллективном пении, а сидел в аудитории и читал. Один раз в аудиторию неожиданно вошел ректор и спросил у меня:

— Почему вы сидите здесь, вместо того чтобы вместе со всеми молиться?

Я сказал, что я атеист и поэтому не могу молиться.

Видимо, он знал по слухам, что я атеист, но, как человек умный, не стал меня ни о чем расспрашивать, а спокойно, но строго сказал:

— Тогда вы могли бы, по крайней мере, не нарушать порядок, установленный в академии. Никто не заставляет вас петь молитву, но стоять в строю вместе со всеми вы обязаны!

Мне понравилась такая прямота ректора, и я, не задумываясь, дал свое согласие впредь находиться в строю. А сам при этом подумал: «Будь он человеком менее широких взглядов, пришлось бы мне навсегда распрощаться с академией и таким образом лишиться благоприятных условий для изучения марксизма!»

Через некоторое время ректор вызвал меня к себе и сказал:

— Неплохо бы организовать в академии несколько земляческих вечеров самодеятельности. Не могли бы вы вместе с другими студентами, прибывшими к нам из Тифлиса, начать это дело? А вслед за вами могли бы выступить студенты и из Шуши, и из Эривани, а также и местные, эчмиадзинские. Это помогло бы внести известное оживление в жизнь академии...

Выразив свое согласие, я сказал, что мы этот вопрос еще обсудим с другими тифлисцами.

Переговорив по этому поводу со своими товарищами, мы пришли к выводу, что на предложение ректора надо согласиться: оно было для нас настоящей находкой. Дело это, действительно, может быть очень интересным, не говоря уже о том, что такой вечер самодеятельности мы могли широко использовать для пропагандистской работы среди студенчества.

Поэтому я пошел к ректору и заявил ему, что все мои товарищи согласны участвовать в вечере и для подготовки нам потребуется дней десять.

Ректор согласился с этим сроком, назначил время нашего выступления и заявил, что на вечер будут приглашены все студенты академии, учащиеся из старших классов семинарии, преподаватели и гости от монахов. К счастью, он не потребовал от меня представления на одобрение ни программы вечера, ни состава его участников.

Мы активно принялись за подготовку своего выступления, решив провести его в революционном и интернациональном духе.

У меня было тогда несколько номеров петроградского журнала «Просвещение» за 1914 год. Мы выбрали оттуда какое-то стихотворение для чтения на русском языке. Название этого стихотворения я не помню, но содержание его было очень боевым, революционным. На мою долю выпала декла-

мация одного острого антиклерикального стихотворения Шушаник Кургинян. Ованес Погосян, обладавший хорошим голосом, взялся спеть грузинскую народную песню «Гаприндис шаво». Товмасян из Шуши, которого мы тоже включили в нашу «артистическую труппу» взялся спеть на вечере азербайджанскую песню. Артаку Стамбольяну, нашему признанному юмористу, было поручено прочитать рассказ армянского писателя Акопа Пароняна, большого мастера социально-политической сатиры.

В рассказе высмеивался один армянин, изображавший из себя великого патриота, а на самом деле трус и предатель. Этот «храбрец» покинул поле боя... «чтобы не уменьшилась численность армянской нации». Было подготовлено и еще несколько номеров, которых я сейчас не помню.

В день нашего выступления актовый зал академии был переполнен. Присутствовало до десятка видных духовных лиц.

Все, что нами исполнялось, было неожиданностью для присутствовавших. Вечер, на котором прозвучали четыре языка, сам по себе уже символизировал идею интернационализма, чего здесь раньше не бывало.

Содержание выступлений, их революционная направленность были вообще неожиданны для стен академии. Все слушали нас внимательно, но не переставали удивляться. Качество исполнения, как нам казалось по тогдашним понятиям, было довольно сносным.

Однако чашу терпения у духовенства переполнило стихотворение Шушаник Кургинян «Рабочие», которое я прочитал почти в конце вечера.

В этом стихотворении есть примерно такие строки (передаю их в вольном переводе):

Это мы идем —
в истрепанных куртках,
в потертых фуражках,
бледные и голодные,
рано состарившиеся...
Но мы полны неукротимого гнева,
презрения и мести...
И мы твердо верим в лучшую жизнь для нас...
Это — мы идем...

Нетрудно понять, что тогда в стенах духовной академии слова эти прозвучали как взрыв бомбы.

Монахи один за другим стали покидать зал.

Когда окончился вечер, никто из студентов не хотел расходиться. В коридорах начались горячие дискуссии и споры. Одни нас критиковали, другие хвалили. Все коридоры академии гудели, как потревоженный улей...

Мы думали, что ректор даст нам за этот вечер взбучку, но он и на этот раз оказался достаточно сдержанным. Не сказав нам ни слова, он навсегда похоронил идею устройства таких вечеров в стенах академии; с «художественной самодеятельностью» было покончено.

Ректор решил заинтересовать нас письменностью и древнеармянской литературой. Он пригласил нас как-то в монастырь, где хранились древние рукописи. То, что мы там увидели, нас поразило. Мы не представляли, что у нас существует такое ценное собрание старинных рукописей, с необычайной красотой и любовью написанных на папирусах, пергаментах и кожах, богато иллюстрированных талантливыми художниками. Поражало разнообразие и свежесть красок. Были очень толстые книги в кожаных, с богатой отделкой, переплетках.

Мы искренне благодарили ректора за то, что он все это нам показал и дал при этом подробные и интересные пояснения.

Все эти богатства теперь находятся в Матенадаране — известном хранилище древних рукописей в Ереване.

После этого удачного мероприятия ректор затеял новое. Он заявил, что хочет пригласить студентов — земляческими группами — к себе в гости. «Начнем с тифлисского землячества», — сказал он при этом.

Мы, конечно, с удовольствием согласились.

Помню, в воскресенье в послеобеденное время мы отправились на квартиру ректора. Там для нас было устроено угощение: чай, разные закуски, местное вино. Видно было по всему, что ректор хотел завязать с нами душевную беседу, чтобы еще больше заинтересовать нас культурным наследием древних армян. Я не помню сейчас содержания этой беседы. Но говорил ректор очень увлеченно. Вначале все это нас очень заинтересовало, и мы внимательно его слушали.

Рассказывая, ректор предлагал нам закусывать, пить вино, чай. Я сидел рядом с ним. Через некоторое время кое-кто из наших товарищей, сидевших подальше от ректора, выпили, развеселились, начали оживленно разговаривать, смеяться.

Я продолжал внимательно слушать, что говорил ректор. Мне было и интересно, а кроме того, я понимал, что надо сс-

блюдать элементарное приличие и уважение к хозяину дома.

Ректор, конечно, замечал поведение моих товарищей, но не подавал виду. Я делал им всякие незаметные для ректора знаки, чтобы они достойно вели себя, но, видимо, на них повлияло вино, и они продолжали шуметь и смеяться.

Мне стало неловко, что так нарушается закон гостеприимства. Так продолжалось около часа. Ректор стал свертывать свою беседу, видя, что многие его уже не слушают, а продолжают рассказывать друг другу что-то очень смешное. Смущенные, мы разошлись. Ректор был явно огорчен.

Других земляческих групп студентов он к себе домой больше не приглашал.

...Помню, как-то зимой ректор зашел к нам и сказал, что в воскресенье состоится богослужение, которое будет совершать сам католикос Георг V. Все мы обязаны были присутствовать на этом богослужении.

Когда ректор вышел из аудитории, мы, кружковцы, стали обсуждать, как нам быть. До этого мы ни разу в церковь не ходили, с духовенством связи не поддерживали. Больше того, мы открыто высмеивали некоторых студентов из Шуши, которые, в силу развитого у карабахцев чувства землячества, ходили в гости в кельи к монахам — выходцам из Карабаха.

Бойкотировать богослужение — значит дать повод к изгнанию из академии, со всеми вытекающими из этого последствиями. Тогда мы решили пойти на это богослужение, но не целовать руку католикосу, как это было принято.

Мы чинно появились на богослужении. Когда к концу богослужения подошла наша очередь целовать руку у сидевшего на троне католикоса, мы — как и уговорились — подошли к нему, вежливо поклонились и, не прикоснувшись к его протянутой руке, отошли в сторону.

Хотя после этого все вокруг оставалось так же тихо и спокойно, на лицах присутствовавших, особенно монахов, было написано невероятное удивление и даже возмущение нашим дерзким поступком.

После богослужения в стенах академии начались пересуды. Раздавались голоса о нашем изгнании из академии. Другие, более трезвые, осуждая нас, отвергали исключение из академии, заявляя, что если все раскроется и царской полиции станет известно, что в духовной академии существует очаг большевизма, то это послужит поводом для закрытия академии; они предлагали никакого шума по этому поводу не поднимать.

Так это дело и было замято.

Может быть, здесь уместно сказать, что второй раз в своей жизни я встретился с католиком армянской церкви много лет спустя, совсем уже в иных условиях.

В 1958 году я был в Ереване на встрече с избирателями перед выборами в Верховный Совет СССР. Руководители республики устроили прием, на котором присутствовало около двухсот человек.

Я заметил в конце зала нескольких духовных лиц и спросил, кто они. Мне ответили, что это новый всеармянский католик Вазген I со своей свитой, что он образованный и умный человек, хорошо относится к Советской власти и пользуется уважением не только среди наших, но и зарубежных армян.

Я налил бокал вина и вместе с руководителями республики пошел через весь зал к этой группе.

Подойдя к католику, я поздоровался с ним и его свитой и, улыбаясь, сказал в шутовском тоне, что чувствую за собой какую-то вину перед армянской церковью, поскольку я не оправдал ее надежд и усилий, потраченных на мое обучение.

— Говоря на экономическом языке, — сказал я, — из меня, студента армянской духовной академии, получился «брак производства».

Все вокруг рассмеялись. Католик приятно улыбнулся и сказал:

— Вы ошибаетесь! Мы не только этим не огорчены, но даже гордимся тем, что такой человек, как вы, вышел из стен нашей академии. Побольше бы нам такого «производственного брака»!

Я понял, что это была любезность хорошо воспитанного человека.

Провозгласив тост за процветание Советской Армении, мы чокнулись с католиком бокалами и выпили.

* *
*

Преподавателем древнегреческого языка у нас в академии был образованный монах, лет сорока, высокого роста, худой. Он был очень застенчив, замкнут и старался поменьше сталкиваться со студентами, которые зачастую зло подшучивали над ним.

Мне было его искренне жаль. Я говорил этим студентам, чтобы они перестали над ним издеваться. Ведь не вели

же они себя так по отношению к другим преподавателям, которые относились к нам строже, но были сильнее характером.

В конце концов мне удалось их убедить. То ли им стало совестно, то ли просто надоело, но издевательства над монахом прекратились.

Этот преподаватель знал, что языком я не занимаюсь. Но вел я себя на его уроках очень спокойно и серьезно. Передо мной всегда лежала раскрытая книга. Вероятно, поэтому он относился ко мне с подчеркнутым уважением.

...Зима в Эчмиадзине, помню, была теплая, дни стояли солнечные. С утра я выходил в сад, садился на скамейку и в то время, как шли курсовые лекции, читал марксистскую литературу. Здесь мне никто не мешал, и можно было по-настоящему сосредоточиться.

Однажды, когда я сидел так в саду, ко мне подошел этот монах и спросил, хорошо ли я помню алгебру, которую проходил в семинарии. Я ответил, что помню, и довольно хорошо. Тогда он объяснил, что спрашивает меня об этом потому, что сам он репетирует сына католика (наш католикос вышел из священников, а они имели право жениться) и перед ним возникли трудности с алгеброй, которую он подзабыл. Так вот, не могу ли я помочь ему в решении некоторых наиболее трудных алгебраических задач?

Я согласился.

После этого он несколько раз приходил в парк с задачкой по алгебре, и я помогал ему. Он был мне за это очень благодарен. Он увидел, что я никому и ничего не рассказываю о наших с ним занятиях — иначе слух об этом пошел бы по всей академии.

...В один из дней, когда я занимался в парке, прибежал близкий мне друг Артак и с большой тревогой рассказал, что в академии появился новый преподаватель Навасардян, очень образованный, хорошо начитанный в области общественных наук, великолепно владеющий словом. Он произвел отличное впечатление на студентов, которые его слушали с большим интересом.

— Теперь, — сказал Артак, — нам будет очень трудно сохранить свое положение среди студентов в политических спорах.

Я сказал Артаку, чтобы он не волновался, что ничего страшного в появлении этого преподавателя я не вижу, но где-то в душе и у меня появилась тревога.

На следующий день я пошел послушать этого нового пророка. Действительно, говорил он красиво, держался самоуверенно, с видом знатока — одним словом, производил впечатление. Все его внимательно слушали.

В середине лекции он стал восхвалять Екатерину Вторую как «просветительницу России», ссылаясь на ее переписку с Вольтером и называя ее чуть ли не «русским Вольтером».

Незадолго до этого я прочитал брошюру Шишкина, в которой разоблачалась жизнь и деятельность Екатерины, вся политика которой была подчинена реакционным интересам русского дворянства.

В брошюре раскрывалась жизнь Екатерины, полная интриг, демагогии и сумасбродств. Автор брошюры рассказывал, в частности, как Екатерина раздавала своим фаворитам деревни с тысячами крепостных душ. Я хорошо запомнил все, связанное с ее фаворитом графом Орловым, которому она подарила много земель и крестьян.

Я попросил слова. Преподаватель прервал лекцию и разрешил мне высказаться. Я выложил все, что мне было известно из прочитанной брошюры.

— Какая же она просветительница? — задавал я вопрос. — Разве несколько писем к Вольтеру дают основания так ее называть?

Мое выступление произвело большое впечатление на студентов.

Был ошарашен и Навасардян. Не будучи, видимо, подготовленным к опровержению приведенных мною фактов, он стал оправдывать Екатерину, ссылаясь на ту же переписку ее с Вольтером. Но так или иначе, самоуверенность Навасардяна была поколеблена и он уже не мог изменить впечатления, произведенного на студентов моим выступлением.

Через два-три урока я убедился, что Навасардян — человек действительно способный и язык у него подвешен очень хорошо. Однако знания у него были поверхностные. По характеру его выступления было ясно, что он знаком с эсеровской идеологией: он сослался на «Историю русской общественной мысли» Иванова-Разумника, впоследствии ставшего одним из идеологов эсеров.

Я эту книгу тоже читал, но поскольку я читал тогда еще и блестящие работы Плеханова, разоблачавшего идеологию

народников, то понял, что наш новый преподаватель — противник не такой уж опасный.

На одном из уроков Навасардян решил блеснуть своим знанием Маркса. Он наизусть процитировал какую-то фразу, принадлежавшую якобы Марксу, а по сути, явно антимарксистскую. Я подал с места реплику:

— Это не похоже на Маркса!

— Нет, это Маркс, — возразил он мне.

— Тогда скажите, пожалуйста, — не унимался я, — в какой книге Маркса вы это прочитали?

— В первом томе «Капитала», — ответил он, глазом не моргнув.

Я хорошо знал первый том «Капитала» и смело заявил ему, что приведенной им цитаты нет в первом томе. Он стал настаивать, полагая, что я не смогу его опровергнуть.

Тогда я достал с этажерки первый том «Капитала» и обратился к Навасардян с просьбой показать, где написано процитированное им.

Удивленный, он подошел, взял книгу и начал ее листать. Все студенты с напряжением следили, чем же кончится эта наша «дуэль».

Наконец Навасардян, не найдя, понятно, нужной ему цитаты, повернул обложку «Капитала» и, увидя там подпись: «Перевод И. И. Степанова-Скворцова», вернул мне книгу обратно, заявив, что он читал Маркса в другом переводе и цитату взял из этого редкого издания «Капитала».

Тогда я решил окончательно добить его и сказал:

— Я знаю и тот перевод, о котором вы говорите. Это под редакцией Струве. Вот он.

Я взял с этажерки «Капитал», принадлежавший Араму, и протянул эту книгу Навасардян.

Он был совершенно обескуражен. Однако от прямого ответа на мой вопрос он на этот раз увернулся. Быстро нашелся и стал спрашивать, откуда у меня такой редкий экземпляр, не могу ли я дать ему эту книгу почитать.

Книгу я ему дал.

Через несколько дней на занятиях он вернул ее мне, поблагодарил, но по поводу нашего спора ничего не сказал. Все поняли, что он сел в лужу. Поэтому я не счел нужным допытываться насчет цитаты: лежачего не бьют.

Больше мы к этой теме не возвращались.

После этого случая он притих, спесь с него была сбита. Впоследствии выяснилось, что Навасардян был активным чле-

ном партии дашнаков и считал себя сторонником эсеровской идеологии. Мы столкнулись с ним еще раз, но уже после Февральской революции. Но об этом несколько позже...

Однажды к нам пришли два семинариста-шестиклассника с жалобой на нашего общего преподавателя древней армянской литературы Гянджецяна.

Они рассказали, что на перемене ребята их класса веселились, пели, танцевали. В это время мимо их окна проходил тучный человек, держа под руку свою жену, тоже изрядно толстую. Это была чета Гянджецянов.

Ребята как раз пели куплеты на армянском языке из азербайджанской оперетты «Аршин мал-аллан». Там есть такие примерно слова: «Иди сюда, моя милая, иди ко мне...»

Гянджецян принял эти слова как выпад против его жены. Разъяренный, он влетел в класс, накричал на учеников, заявив: «Вы все мерзавцы и отцы ваши тоже мерзавцы!»

Я спросил ребят:

— Точно ли вы передаете его слова, не ошибаетесь ли и не приписываете ли Гянджецяну того, чего он не говорил?

Ребята ответили, что они всем классом могут подтвердить, что были произнесены именно эти, а не другие слова.

Тогда мы сказали им:

— Идите к себе. Мы этого ему не простим!

Ребята ушли, а мы собрались и обсудили это происшествие. Решили, что в первый же день, когда Гянджецян придет к нам на занятия, каждый из нас обратится к нему с такими примерно словами: «Я не могу слушать лекции преподавателя, который считает наших отцов мерзавцами, как вы изволили выразиться по отношению к отцам учеников 6-го класса семинарии. Наши отцы такие же, как и их».

Первым должен был высказаться я; сказать — и выйти из класса. Следом за мной то же самое должны были проделать еще 5—6 студентов. Мы полагали, что больше не потребуется.

Хорошо помню то утро. Гянджецян вошел в аудиторию, положил на кафедру две толстые книги и сел.

Я попросил слова. Не успел я закончить подготовленную фразу, как он, схватив свои книги, пулей выскочил из аудитории.

Мы сидели и ждали, что будет дальше. Вошел надзиратель и сказал, что Микояна вызывает ректор.

Ректор поздоровался со мной, предложил сесть и стал спрашивать, почему я так поступил — сорвал занятия и оскорбил преподавателя. Я ответил:

— Отец Гарегин! Я не сказал нашему преподавателю ни одного оскорбительного или грубого слова. Я лишь сказал ему, что не могу слушать его лекцию и ухожу из класса, потому что он незаслуженно обозвал школьников и их родителей мерзавцами, а они такие же простые люди, рабочие и крестьяне, как мы и наши отцы, которых мы любим и уважаем. Не мы оскорбили его, а он оскорбил наших родителей. Мы не можем этого терпеть. Вы должны нас понять.

Ректор был настроен миролюбиво. Он стал меня уговаривать, убеждать, что, вероятно, Гянджецян был в возбужденном состоянии и т. п.

На это я ответил, что, в каком бы состоянии он ни находился, это его нисколько не оправдывает и что не один я, а большинство студентов нашего курса не хотят после этого заниматься у него.

— Что же, вы хотите, чтобы мы его уволили? — спросил ректор. — Об этом не может быть и речи.

— Ну если это невозможно, — ответил я, — тогда пускай он хотя бы извинится перед школьниками и возьмет свои слова обратно!

На этом наш разговор закончился.

Впоследствии Гянджецян извинился перед семинаристами, и наши занятия с ним возобновились.

В конце 1916 Ашот Ионесян сообщил нам, что на днях созывается нелегальное межпартийное совещание, на котором будет обсуждаться аграрный вопрос и перспективы его разрешения в условиях Эриванской губернии. Ашот советовал всей нашей группе принять участие в этом совещании. Мы охотно согласились.

Помню, что собрались мы вечером в каком-то мрачном, полуподвальном помещении. Присутствовало человек около тридцати. Там были меньшевики, эсеры и большевики.

В информации, которую сделал незнакомый мне человек, было сообщено, в каком тяжелом положении находилось тогда армянское крестьянство, стонущее под гнетом помещиков. Тогда в деревнях, где жили и армянские и азербайджанские крестьяне, подавляющее большинство среди помещиков составляли азербайджанцы: так уж сложилось это исторически.

Говоря о путях разрешения аграрного вопроса, докладчик стоял на узконационалистических позициях. Он предлагал армянскому крестьянству организовать обособленно — для

ликвидации помещичьего землевладения. Он связывал это с недавно состоявшимся решением Государственной думы, которая назначила комиссию по изучению положения крестьян в Эриванской губернии. Во главе этой комиссии был член Думы кадет Аджемов, армянин по национальности. Докладчик предлагал всемерно поддержать работу этой думской комиссии, наивно строя при этом иллюзии, что комиссия, возглавляемая к тому же кадетом, захочет и сможет решить земельный вопрос в пользу крестьян.

Все это было, конечно, утопией, уводящей далеко в сторону от подлинных задач борьбы за решение аграрного вопроса. Выступали «за» и «против». Больше «за».

Я попросил слова и выступил резко против позиции докладчика, говоря о его ошибочном узконационалистическом подходе к решению важнейшей проблемы классовой борьбы крестьянства с помещиками. Я высмеял его надежды на решение такого вопроса через думскую комиссию Аджемова.

Говорил я о том, что земельный вопрос имеет значение не только для армянского, но и для азербайджанского и для грузинского крестьянства... Ведь они тоже жестоко страдали в то время от помещичьего гнета.

Вместо сепаратных действий в рамках Армении я предлагал объединить все революционные силы Закавказья для общей борьбы за ликвидацию помещичьего землевладения, подняв на эту борьбу трудовое крестьянство всех национальностей.

Я считал, что единственно правильный подход к решению аграрного вопроса — классовый, а не национальный и решаться он должен силами не одного только крестьянства, а в тесном союзе с промышленным пролетариатом, объединенными усилиями всех революционных партий Закавказья.

Меня поддержали некоторые товарищи с мест, главным образом из нашей группы.

Когда же было предоставлено заключительное слово докладчику, он, вместо серьезных возражений по существу, грубо обрушился на меня, сказав, что исторический материализм, которым я пользовался в своей аргументации, напоминает ему скорее... «ресторанный материализм».

Поднялся шум. Мои друзья из кружка, конечно, не давали меня в обиду и довольно горячо выражали свой протест против такой формы дискуссии.

Как помнится, мы ни до чего не договорились и закончили бесславно это первое и последнее межпартийное совещание.

В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работа среди солдат.— Первое легальное собрание тифлисских большевиков.— Отъезд в Баку.— Знакомство с Шаумяном и Джапаридзе.— Работа в Бакинском комитете партии.— Раскол с меньшевиками.— В родной семье.

Империалистическая война вскрыла и обострила все основные противоречия империализма. Вместо обещанной скорой победы последовало поражение царской армии на ряде фронтов. Русская армия несла огромные потери в людях. Явной для всех стала плохая подготовленность царского режима к войне. В армии ощущалась острейшая нехватка оружия, патронов, снарядов. Это действовало на настроение солдат, а через них на весь народ.

Начались серьезные экономические затруднения. Ощущалась нехватка продовольствия. С каждым днем рабочим и крестьянам жить становилось все труднее и труднее. Чудовищно росли цены на предметы первой необходимости. Стало не хватать хлеба. В стране усилилась общая разруха. Повсеместно зрело недовольство народа войной. Наряду с этим продолжалось невиданное обогащение кучки фабрикантов и спекулянтов, наживавших миллионные состояния на военных поставках. Все острее сказывалась общая усталость народа от войны и лишений, ею вызванных. В промышленных центрах в стране начались стачки, забастовки, массовые народные демонстрации, для подавления которых царское правительство стало широко применять винтовки и пулеметы, уже во многих городах пролилась кровь участников демонстраций.

В стране назрела подлинная революционная ситуация. Революция стояла у порога.

Однако обо всем этом мы знали понаслышке, потому что царская цензура умело прятала от широкой общественности, особенно от провинции, факты многочисленных забастовок рабочих в Петрограде, бунты женщин в очередях, столкновения рабочих и солдат с полицией, фактически принявшие 7 февраля 1917 года характер гражданской войны.

Вот почему для нас было даже несколько неожиданным сообщение по телеграфу о свержении самодержавия, созда-

нии Временного буржуазного правительства и образовании Совета рабочих депутатов.

Нашей радости не было границ!

В Эчмиадзине не было никаких промышленных предприятий и поэтому не было и рабочего класса. Здесь находился только запасной батальон, состоявший по преимуществу из великовозрастных солдат, обремененных семьями, мечтавших о том дне, когда кончится война.

Мы пошли в этот батальон и организовали там солдатское собрание. Я рассказал солдатам о значении падения самодержавия, о задачах революции, призывал покончить с войной. Говорил, что народ сам должен решать теперь все вопросы революции, и в том числе вопрос о войне и мире.

Солдаты единодушно поддержали нас. Особенно их вдохновило требование окончания войны. Была принята короткая резолюция и образован солдатский комитет батальона.

У солдат же создалось такое впечатление, что раз они проголосовали против войны, значит, война должна немедленно кончиться. С радости они напились.

Надо сказать, что еще в начале империалистической войны царское правительство ввело так называемый сухой закон, запрещающий продажу водки и вина по всей России. Этот запрет не распространялся только на Кавказ, потому что вино, особенно у грузин и армян, всегда было неотъемлемой частью их быта. Царь не решался пойти с этими народами на открытый конфликт. Поэтому вино продавалось здесь свободно.

Кто-то из пьяных солдат поджег торговые лавки на базаре, начался грабеж. Солдаты шли по улицам, горланили песни. Помню, мы пытались им объяснить, что делать этого нельзя, просили, чтобы они не допускали впредь подобных бесчинств и грабежей, объясняли, почему им надо сохранять хорошие отношения с местным населением, большинство которого — такие же трудовые люди, как и они сами.

Солдаты это хорошо поняли, а солдатский комитет обещал наладить дисциплину. Мы были уверены, что дальше все пойдет хорошо.

После того как нам удалось успокоить солдат, товарищи из нашей группы случайно узнали, что дашнакское руководство Эчмиадзина во главе с нашим преподавателем Навасардяном решило собрать часть студентов и местной армянской молодежи и ночью, когда солдаты будут спать, разоружить батальон.

Мы поняли, что такое выступление приведет неизбежно к

столкновению солдат с местным населением, к новому взрыву националистических волнений, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Мы решили сорвать выполнение этого плана, пойти к Навасардяну и предъявить ему ультиматум: если дашнакские руководители не откажутся от задуманной провокации, то мы пойдем в батальон, предупредим солдатский комитет и с помощью солдат арестуем дашнакское руководство.

По поручению товарищей я пошел к Навасардяну. Он жил на той же улице, где находилось наше общежитие и учебный корпус академии, в небольшом двухэтажном доме.

— Если вы немедленно отмените свой план, — сказал я ему, — то вопрос можно считать исчерпанным. Если же вы откажетесь это сделать и даже не отпустите отсюда меня, все равно мои товарищи не позднее чем через час пойдут в солдатский комитет, поднимут батальон и арестуют всех ваших сторонников.

В комнате с Навасардяном был еще какой-то человек. Я же был один и притом безоружный.

Выслушав меня, Навасардян сначала побледнел, потом разозлился и стал грубо говорить, что у нас нет никакого чувства национальной гордости, что мы безнаказанно позволили ограбить армянский базар и сжечь его, что мы выступаем вместе с русскими солдатами против армян и т. п.

Я ответил, что он совершенно неправ. Поджог базара был стихийным явлением, которое можно понять. Мы добились порядка в батальоне и гордимся тем, что нам удается наладить хорошие отношения между солдатами и местным населением.

После долгих пререканий Навасардян дал согласие отменить намеченные ими мероприятия.

На следующий день я пошел в солдатский комитет. Ничего не говоря о намечавшейся провокации, я вновь подробно объяснил им, что необходимо сделать для укрепления революционной дисциплины среди солдат и налаживания хороших отношений с местным населением.

Вдруг Ашот Ионесян и я неожиданно получили повестки о призыве в армию. Мы были удивлены, ибо оба имели освобождение от призыва по линии академии. У нас возникло подозрение, что местное дашнакское руководство, желая избавиться от нас, как наиболее опасных большевиков, добилось от военного начальства, чтобы нас мобилизовали в армию.

Чтобы сорвать затею, мы поехали в Александрополь (ныне Лениканан) к воинскому начальнику. Там Ионесян и я за-

явили протест против нашего призыва, ссылаясь на то, что даже при самодержавии мы были от него освобождены. Закон, на основании которого это делалось тогда, никем не отменялся.

— Почему же теперь, после революции, военные власти нарушают этот закон и допускают в отношении нас произвол? Видимо, тут дело упирается в нашу принадлежность к большевистской партии. Теперь революция дала свободу всем партиям.

Мы заявили, что так просто этого дела не оставим.

Видимо, такое энергичное заявление повлияло на воинского начальника. Он согласился отменить распоряжение о нашем призыве. Довольные таким исходом дела, мы вернулись в Эчмиадзин.

* *
*

В академии готовились к весенним экзаменам. Я решил уехать и в академию больше не возвращаться. Но порывать с академией официально я не собирался, не желая терять права на освобождение от воинской повинности. Я заявил ректору, что сдам экзамены осенью, так как вынужден уехать по своим делам в Тифлис. То ли ректора устраивало, что он на время избавляется от одного из «бузотеров», то ли по другим соображениям, но он дал мне на это свое согласие.

Я торопился в Тифлис, где разгорались революционные события. Там я мог вести более активную партийную работу. Кроме того, меня торопило туда и другое обстоятельство: в первой декаде марта 1917 года в Тифлисе должно было состояться совещание представителей марксистских кружков Закавказья (по примеру первого такого совещания, которое созывалось в декабре 1916 года в Кутаисе).

Прибыв в Тифлис через Эривань я сразу же пошел к Шавердяну, чтобы узнать у него все новости партийной жизни. Он сказал мне, что завтра должно состояться первое легальное собрание большевиков в зале Народного дома Зубалова.

Я пошел на это собрание.

Два товарища сидели у входа в Народный дом и, регистрируя всех входящих, собирали с них членские взносы (как сейчас помню, по 50 копеек) и выдавали квитанции.

На заседании присутствовало примерно 250 человек. В президиум собрания были избраны три человека: Алеша Джапаридзе, Миша Окуджава и Амаяк Назаретян.

Алеша Джапаридзе находился тогда в Тифлисе проездом

«Моя троюродная сестра Аш-хен стала впоследствии моей женой».

«Весной 1914 года на квартире Люси Лисиновой состоялось первое заседание нашего марксистского кружка. Это была умная, начитанная девушка».

«Надзиратель нашей семинарии, будущий председатель Верховного Совета Армянской ССР Симак уже тогда был членом большевистской партии».

с фронта из Трапезунда. Он, видный деятель нашей партии, работал преимущественно в Баку. И на этот раз он направлялся туда, но задержался в Тифлисе, чтобы принять участие в этом собрании тифлисских большевиков.

Собрание вел Миша Окуджава. Главной темой был вопрос об объединении большевиков с меньшевиками. В обоснование необходимости этого объединения, как помнится, приводили тот факт, что после свержения самодержавия создалась новая ситуация: ряд тактических разногласий был снят самой жизнью после Февральской революции и завоевания народом широких демократических свобод и политических прав. «В сложившихся условиях объединение всех социал-демократов в одну партию должно поднять ее роль в политической жизни страны» — так категорично заявляли сторонники объединения.

Насколько помню, очень резко выступил против объединения Федор Калантадзе, который считал, что при этом большевики неизбежно утратят самостоятельность своей политической линии и, как бы организационно растворятся в единой партии. Но сторонники объединения возражали: объединившись, мы сохраним фракцию большевиков и будем издавать собственную газету.

После долгого обсуждения большинством голосов было принято решение об объединении.

Однако, как нам стало ясно позднее, уже после возвращения Ленина из Швейцарии, такое решение было неправильным принципиально и практически, особенно в условиях Тифлиса, где соотношение сил в объединенной партийной организации по числу ее членов складывалось явно не в пользу большевиков. Меньшевиков было значительно больше. Практически это сильно вредило делу, ослабляя влияние большевиков в рабочем классе, что и подтвердили последующие события.

Летом 1917 года большевикам все же пришлось организационно отколоться от меньшевиков.

В первые же дни после прибытия в Тифлис нам удалось созвать и совещание представителей марксистских кружков учащейся молодежи, о котором уже упоминалось. Делегатами на этом совещании было по 10—15 человек от нескольких учебных заведений. Было и несколько гостей из числа актива, кружков. Заседали мы на первом этаже в здании городской управы. Совещание продолжалось два дня. Развернулись горячие споры между меньшевиками и большевиками. Наибо-

лее активно от большевиков выступали Дзнеладзе, Акиртава, Алиханян и я.

...Мне приходилось много раз выступать на собраниях тифлисских учащихся (на армянском языке) по проблемам мира и русской революции. Помню свою лекцию на тему «Социал-демократия и национальный вопрос»; лекцию эту мне пришлось потом неоднократно повторять в разных аудиториях, потому что интерес к этой теме был очень велик. Я выступал также с лекциями на темы: «О возникновении и развитии империализма», «О «самоуничтожении» капитализма», «Исторический материализм и программа социал-демократии». Выступал я и на рабочих собраниях как пропагандист Тифлисского комитета партии.

Крупных предприятий тогда в Тифлисе не было, кроме железнодорожных мастерских, где насчитывалось несколько тысяч рабочих. В городе были еще небольшие табачные фабрики, несколько маленьких типографий, сапожных и швейных мастерских.

Пожалуй, наиболее крупной среди этих предприятий была коженно-обувная фабрика Адельханова: там работало около трехсот рабочих.

Как-то нам удалось собрать почти всех этих рабочих во дворе фабрики. На собрании было два оратора: Джугели, который выступил на грузинском языке, и я — на армянском (на фабрике работали грузины и армяне).

Говорил Джугели очень убедительно и просто. Судьба этого человека такова: после революции он, будучи большевиком, встал во главе Красной гвардии, созданной Тифлиским Советом. Но через несколько месяцев перешел к меньшевикам, а во время меньшевистского правительства играл роль палача, подавлявшего крестьянские восстания. О нем я еще скажу позднее.

Почти каждое утро я приходил в те дни в редакцию большевистской ежедневной газеты «Кавказский рабочий». В редакции можно было всегда узнать о всех новостях, а также почитать питерскую «Правду». Редактором газеты был хорошо подготовленный марксист Сергей Кавтарадзе. Он был старше меня лет на десять и по возрасту и по партийному стажу.

Тифлиссский большевистский центр заседал и размещался тогда в здании городской управы; меньшевистский комитет — в бывшем дворце наместника.

Каждый вечер после работы, часов в семь-восемь, в здании городской управы начиналось заседание большевистского центра. На эти заседания допускались и активисты-партийцы. Я, например, присутствовал на этих заседаниях почти каждый вечер, и для меня, молодого еще тогда коммуниста, они были хорошей партийной школой, значительно расширившей общий мой кругозор.

На этих заседаниях присутствовало обычно человек 17—18, обсуждались самые разные вопросы: общеполитические, организационные, местного значения, внутрипартийные, отношений с меньшевиками, работы среди солдат, служащих, с молодежью... Помню, что среди присутствовавших на этих заседаниях наибольшей активностью выделялись Махарадзе (он председательствовал), Окуджава, Торошевидзе, Назаритян, Кавтарадзе, Мравян, Ханоян, Думбадзе и другие. Их я больше запомнил.

В конце марта 1917 года на одном из заседаний, где я присутствовал, обсуждалось присланное из Баку письмо Шаумяна. Он сообщал об общей обстановке в Баку и в конце письма просил направить к ним нашего старого большевика Мравяна для усиления политической работы среди рабочих-армян. Таких рабочих у нас очень много, сообщал Шаумян, а вот квалифицированных пропагандистов, к тому же владеющих армянским языком, у нас не хватает. Дашнаки, пользуясь этим обстоятельством, сумели подчинить своему влиянию многих рабочих-армян.

После прочтения этого письма выступил Мравян и сказал, что ехать в Баку он не может.

Взамен Мравяна не назвали никакого другого и никому не поручили подобрать нужную кандидатуру.

После заседания я зашел к Шавердяну.

— Дануш! Вы хорошо меня знаете, — сказал я, — как, по-вашему, смогу ли я справиться с той работой, о которой пишет Шаумян?

Подумав, Дануш ответил:

— Если ты действительно хочешь поехать в Баку, это уже полдела. Конечно, первое время тебе будет там довольно трудно. Обстановка там очень сложная. Но я уверен, что ты освоишься с ней и сумеешь справиться с этим делом.

Я подтвердил свое желание.

— Поезжай! — тогда уже твердо сказал мне Шавердян. — Я уверен, что все у тебя будет хорошо. Я даже помогу тебе: Шаумян — мой близкий друг. Я дам к нему рекомендательную

записку. Там тебя устроят на какую-нибудь службу, чтобы ты мог зарабатывать на жизнь и одновременно заниматься партийной работой.

И он тут же написал на своей визитной карточке несколько строк Шаумяну, запечатал карточку в конверт и передал мне.

В Тифлисском большевистском центре согласились на мою поездку, выдали мне командировочное удостоверение, и на другой день, не заезжая в деревню к родителям, я уехал в Баку.

* *
*

Бакинцы дружно приветствовали февральскую победу петроградского пролетариата, отметив ее всеобщей забастовкой, охватившей все нефтяные промыслы, заводы и мастерские.

В Баку я приехал в конце марта 1917 года.

Я знал, что большевики пользовались большим доверием и авторитетом среди бакинских рабочих еще в дореволюционную пору. В этом отношении характерен хотя бы такой факт, рассказанный мне тифлисскими товарищами незадолго до отъезда в Баку. Когда 7 марта 1917 года (сразу после Февральской революции) в Баку был созван Совет рабочих депутатов, на первом же его заседании возник вопрос о председателе Совета. Большевики составляли в Совете явное меньшинство. И, несмотря на это, председателем Бакинского Совета был избран — и притом заочно — большевик Степан Шаумян, находившийся в то время еще в пути из царской ссылки. Конечно, немалую роль здесь сыграл личный авторитет Шаумяна, давно известного трудящимся Баку. Но факт этот несомненно свидетельствовал и о большом доверии, которым пользовались большевики у бакинских рабочих.

— И тем не менее, — говорили мне тифлисские друзья, — учти, что обстановка в Баку очень сложная.

По совести говоря, я тогда еще не очень ясно представлял себе эту обстановку и разобрался в ней только несколько позже.

А международное и внутреннее положение бакинского района было в те годы, действительно, очень сложным. Это объяснялось многими причинами политического, социально-экономического и даже географического характера.

Дело в том, что бакинская нефть значительно раньше, чем персидская, привлекла внимание мирового капитала: до революции почти 15 процентов всей мировой добычи нефти

падало на Баку. К 1917 году здесь орудовали крупнейшие иностранные акционерные общества — Нобеля, Ротшильда и другие, а также русские, азербайджанские и армянские нефтепромышленники.

Интересы капитала, встречая постоянное противодействие со стороны рабочего класса, объединили все эти капиталистические группировки в единый «Союз нефтепромышленников», хотя надо сказать, что единство это было весьма условным: нефтяных королей постоянно разъединяла существовавшая между ними звериная конкурентная борьба, еще более усилившаяся во время мировой войны, когда возникли острейшие противоречия между двумя основными воюющими между собой мировыми империалистическими коалициями: германо-австро-турецкой и Антантой (Англия, Франция, Россия).

В этих условиях большое значение приобретала гибкая тактика массовых рабочих организаций, прежде всего нашей большевистской партии, которая тогда находилась в поисках новых, более совершенных форм руководства трудящимися массами.

Большие трудности возникали перед нашей партией в связи с национальными противоречиями, постоянно разжигаемыми и царизмом и шовинистами из армянской и азербайджанской буржуазии. Это ослабляло фронт борьбы рабочих против капитализма, расшатывало единство рядов бакинского пролетариата.

Обстановка в Баку была сложной еще и потому, что сразу же после Февральской революции в активную политическую борьбу были вовлечены новые миллионы трудящихся. «...Политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и капиталистов, — писал о них Ленин, — они ...проснулись и потянулись к работе». Раньше политикой они не интересовались, стояли от нее в стороне и часто даже не знали, что существуют какие-то политические партии, имеющие свои особые программы действий.

Теперь на митингах и собраниях они стали прислушиваться к выступлениям представителей этих партий. Ораторы от мелкобуржуазных и буржуазных партий, желая завоевать на свою сторону большинство трудящихся, не скупились на самые яркие и броские «революционные» фразы, щедро обещающая от имени своих партий всяческие свободы, демократию, равенство и прочие блага для народа.

Широкие массы трудящихся становились непосредственными свидетелями, а потом и участниками борьбы между

большевиками и примыкавшими к ним гумметистами¹, адалетистами², с одной стороны, и с другой — меньшевиками, эсерами, мусаватистами³, дашнаками⁴...

Неподготовленному рядовому бакинскому рабочему, а тем более недавно пришедшему в ряды пролетариата забитому крестьянину (а таких было немало) зачастую трудно было разобраться в существовании всех этих политических споров и разногласий. Поэтому он нередко шел по течению, попадая «на удочки» архиреволюционной фразы. Вот, в частности, почему наиболее многочисленной партией в Баку оказались в то время эсеры: расправчатость и архиреволюционность их программы, умение приспособляться и использовать обывательские настроения делали свое дело.

Забегая несколько вперед, хочу рассказать, как на массовых рабочих митингах того времени часто выступал один из лидеров местных эсеров, некий Звоницкий. Надо сказать, что оратор он был очень опытный. Обычно он произносил яркие и звонкие, но по сути очень пустые, демагогические речи, пытаясь доказать, что программа эсеров лучше всех остальных разрешает всех тогда волновавший земельный вопрос. Он приводил даже подсчеты: если крестьяне пойдут за эсерами и примут их программу, то каждый из них получит по... 37 десятин земли. Отсюда он всегда делал вывод: вступайте в партию эсеров! После окончания каждого такого собрания обычно производилась запись в партию эсеров, и надо сказать, что нередко «улов» Звоницкого был достаточно велик.

Дашнаки и мусаватисты гнули на собраниях свою линию, очень тонко и умело играя на отсталых националистических настроениях и предрассудках, которыми были тогда забиты головы многих азербайджанских и армянских трудящихся.

Во всей этой пестроте и разногласии политических про-

¹ «Гуммет» («Энергия») — азербайджанская социал-демократическая организация, созданная в конце 1904 года при Бакинском комитете партии, специально для массовой политической работы среди азербайджанских трудящихся. В основном эта организация стояла на правильных большевистских позициях, хотя в некоторые периоды известную роль в ней играли и меньшевики.

² «Адалет» («Справедливость») — социал-демократическая организация, работавшая под общим руководством Бакинского комитета партии большевиков и объединявшая коммунистов — выходцев из Ирана.

³ «Мусават» («Равенство») — азербайджанская националистическая партия, оформившаяся в Баку в 1912 году.

⁴ «Дашнакцутюн» («Союз») — армянская националистическая партия, возникшая в начале 90-х годов XIX века в Закавказье.

грамм и платформ бакинским рабочим надо было разобраться. А единственная партия, которая могла помочь им это сделать, — большевистская партия — была в то время еще довольно малочисленной. В отличие от других партий, большевики очень строго подходили к приему новых членов: мы принимали тогда в основном только рабочий актив. В дальнейшем, когда мы стали перед лицом больших испытаний, такой строгий подход вполне себя оправдал, но пока что большевикам Баку приходилось работать в очень трудных, сложных и неравных — с другими партиями — условиях.

Пестрота политических партий, существовавших тогда в Баку, нашла свое отражение и в первых составах Бакинского Совета. И хотя его первым председателем (до июльских событий 1917 года) был большевик, все же большинство в Совете составляли тогда представители других политических партий.

Нельзя было забывать и о том, что наряду с Советом в Баку на первых порах существовала выборная дума, большинство в которой захватили капиталисты, представители правых социалистических партий, а также дашнаки и мусаватисты. Вскоре после падения Временного правительства эта дума стала претендовать уже не только на выполнение муниципальных функций, но и на политическую власть, противопоставляя себя тем самым Бакинскому Совету. Обстановка была настолько сложной, что большевики в Бакинском Совете, не обладавшие полнотой власти, в течение нескольких месяцев находились, образно выражаясь, как бы на пороховой бочке.

До этого в Баку я никогда не бывал. Знал, что это самый крупный промышленный центр Закавказья, славящийся своими нефтяными богатствами, развитой промышленностью и крепким отрядом рабочего класса, уже имевшего давние революционные традиции.

Внешне город поразил меня своей хаотической застройкой и запущенностью.

Современный Баку — это большой индустриальный и портовый город. По красоте его часто сравнивают то с Неаполем, то с Марселем. Не знаю, насколько справедливы эти сравнения. Но могу смело сказать, что таким величественным и благоустроенным, каким этот город стал за годы Советской власти, тогда, в 1917—1918 годах, он не мог грезиться нам даже в мечтах...

Сейчас, например, очень трудно представить себе Баку замусоренным, захлавленным городом, вечно засыпанным мелким, я бы даже сказал, мельчайшим песком, который постоянно несут с собой ураганные северные ветры. Трудно представить современный Баку без трамваев и автобусов, без троллейбусов и автомобилей — с допотопной конкой, в которую иной раз впрягались сами пассажиры, чтобы помочь лошади втащить вагон в горку, или с тоскливым перезвоном колокольцев, прикрепленных к шеям верблюдов, лениво шествующих небольшими караванами по тогдашним пустырям — там, где сейчас раскинулись массивы лесных насаждений и жилых домов. Трудно представить Баку и без зелени парков и садов, без фуникулера, без самой обыкновенной канализации и водопровода...

А именно таким захудалым, утопающим в пыли городом и был Баку в далекие годы моей юности, в дни моего первого с ним знакомства.

Шагая по улицам и путаным переулкам этого старого города, я не мог даже и представить себе тогда, что вскоре мне придется пережить здесь один из самых ярких революционных периодов своей жизни.

Прямо с вокзала я отправился на Меркурьевскую улицу (ныне улица Шаумяна), где тогда помещался Бакинский комитет РСДРП. Там я представился секретарю комитета Котэ Цинцадзе, передал ему свои документы, рассказал, что хочу встретиться с Шаумяном, к которому у меня есть письмо из Тифлиса, и спросил, где и когда я мог бы его увидеть.

— Вам придется подождать, — ответил мне Цинцадзе. — Обычно Шаумян днем работает в Совете и только к вечеру приходит сюда к нам, в комитет партии.

Комната, в которой мы разговаривали, была большая. Сюда постоянно приходили все новые и новые люди. Мне было интересно послушать, о чем они говорят, чем дышат. Я сел в угол и стал ждать.

Вскоре в комнату буквально ворвался человек средних лет, с портфелем и направился прямо к Цинцадзе. Он был невысок ростом, коренаст и очень подвижен. Я его сразу узнал. Это был Алеша Джапаридзе, которого я совсем недавно впервые увидел на легальном собрании большевиков в Тифлисе (об этой встрече я уже раньше рассказывал).

Как сейчас, помню его мужественное, волевое лицо, с небольшой бородкой и усами. Говорил он скороговоркой, очень

энергично и выразительно при этом жестикулируя. У меня навсегда осталось такое впечатление, что Алеша вечно куда-то спешил...

Он поздоровался с Цинцадзе и стал ему говорить:

— Понимаешь, Котэ, получается очень нескладно. На нефтепромысле Манташева подготовлено организационное собрание рабочих-армян для вовлечения их в профсоюз. А выступать на армянском языке некому. Не может ли Бакинский комитет партии найти подходящего товарища? Иначе такое важное собрание будет сорвано. Там на месте это собрание организует один наш хороший партиец, лезгин Мухтадир, но он малограмотный, опыта не имеет, к тому же не знает армянского языка и толком ничего не сумеет объяснить рабочим. (Несколько позже я узнал, что Джапаридзе в ту пору был председателем профсоюза нефтепромысловых рабочих и возглавлял всю работу по вовлечению их в профсоюз.)

Цинцадзе задумался и минуту спустя ответил, что такого товарища у них сейчас нет. Потом взглянув на меня, и он совершенно неожиданно сказал:

— Вот приехал товарищ из Тифлиса. Может быть, он подойдет?

Джапаридзе быстро подошел ко мне, поздоровался, спросил, кто я, откуда и зачем приехал, а потом сказал:

— А почему же не подойдет? Подойдет!

Я стал возражать, говоря, что человек я здесь новый, обстановки не знаю, и вряд ли смогу справиться с таким поручением, тем более что в профсоюзах никогда не работал.

Но Алеша настаивал:

— Справишься. Выступишь и скажешь об общих задачах революции, о значении организации рабочего класса, о роли профсоюзов, а остальную, чисто организационную работу обеспечит Мухтадир. Он же проведет после собрания и запись рабочих в профсоюз.

Я продолжал еще колебаться, но Джапаридзе как-то очень мягко, но вместе с тем и упорно продолжал стоять на своем:

— Иди, иди! Я уверен, что все у тебя пройдет хорошо. Это будет твое хорошее начало здесь, в Баку. Собрание состоится в Забратах, во дворе школы Союза нефтепромышленников — там тебе ее покажут. Когда подойдешь к школе, найди Мухтадира и скажи, что ты от Джапаридзе, и он сделает все, что нужно.

Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, я согласился. Расспросив, как мне добраться до Забрат, отправился

на вокзал, сел в пригородный поезд и доехал до конечной станции Сабунчи. Оттуда я пошел дальше пешком и часам к 4—5 вечера был уже в Забратах.

Действительно, около школы я увидел толпу рабочих. Их было человек сто.

Один из них, выше среднего роста, худощавый, все время смотрел на дорогу и, видимо, кого-то ожидал. Я понял, что это, наверное, и есть мой «организатор», и направился прямо к нему.

Это был, действительно, Мухтадир. Через несколько минут он открыл собрание и предоставил мне слово. Говорил я минут пятнадцать-двадцать, примерно по той программе, что мне подсказал Алеша. Слушали меня внимательно. В конце речи я призвал всех рабочих вступить в профсоюз. Мухтадир тут же стал записывать желающих, получать вступительные взносы и выдавать квитанции...

Помню, что записалось тогда в профсоюз довольно много рабочих. Во всяком случае, мной Мухтадир был доволен.

Так, с благословения Джапаридзе, началась моя политическая работа в Баку, и я впервые выступил как профсоюзный деятель.

Поздно вечером, вернувшись после этого профсоюзного «дебюта», я опять зашел в Бакинский комитет партии и на этот раз застал там Шаумяна.

Рассказав ему о цели своего приезда, я передал ему конверт от Шавердяна.

Тот писал Шаумяну на обороте своей визитной карточки следующее¹:

«Любимый Степан! Предъявитель сей записки — Анастас Микоян является новокрещенным эсдеком (социал-демократом.— А. М.), в достаточной степени подготовленным. Направляю его к тебе для борьбы против дашнаков. Он очень способный парень. Прошу уделить особое внимание. О здешнем положении дел он расскажет тебе.

Твой Дануш».

Шаумяна я раньше никогда не видел, но много слышал о нем и от Шавердяна, и от других старых большевиков.

Я знал, что Степан — один из наших признанных большевистских лидеров, лично связанный с Лениным и пользующийся его безграничным доверием.

Знал я также и то, что Шаумян стал на революционный

¹ Содержание записки Шавердяна я узнал много лет спустя, когда младший сын Шаумяна — Сергей прислал мне в подарок эту визитную карточку, бережно сохраненную его матерью.

путь еще в юные годы, когда учился в Тифлисском реальном училище.

В 1899 году организовал в местечке Джалалоглы (ныне город Степанаван) первый в Армении марксистский кружок. После окончания училища он поступил в Рижский политехнический институт, откуда через два года его исключили за участие в революционных выступлениях студенчества.

В 1902 году вместе с Кнунянцем Шаумян возглавил первую армянскую социал-демократическую организацию — «Союз армянских социал-демократов», сразу же вошедшую в состав РСДРП. В первом номере органа этого союза — газете «Пролетариат» был опубликован Манифест союза, написанный Шаумяном. По поводу этого Манифеста Ленин писал в «Искре»: «Мы от всей души приветствуем Манифест «Союза армянских социал-демократов» и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу».

Осенью того же года Шаумян поступает на философский факультет Берлинского университета. Он деятельно участвует в работе русского революционного землячества, систематически посещает партийные собрания немецких социал-демократов, знакомится с их видными деятелями.

В 1903 году Шаумяну удалось осуществить заветную мечту — встретиться с Лениным. Некоторое время Шаумян под руководством Ленина работал в Женеве по налаживанию издания марксистской литературы на армянском и грузинском языках, и здесь завязалась на всю его жизнь прочная дружба с Владимиром Ильичем.

В бурные годы первой русской революции Шаумян был одним из руководителей закавказских большевиков. В годы реакции и нового революционного подъема Шаумян твердо стоял на ленинских позициях, активно борясь против ликвидаторов, троцкистов, отзовистов, примиренцев, за сохранение и укрепление революционной партии российского пролетариата. «Мы твердо убеждены в правильности позиции Ильича...» — писал он 27 июля 1908 года в письме к М. Цхакая.

В июне 1911 года Шаумян по предложению Ленина был включен в состав Российской организационной комиссии по созыву VI Всероссийской (Пражской) партийной конференции. Совещание этой комиссии было организовано в Баку специально приехавшим из-за границы Серго Орджоникидзе. В ходе совещания Шаумян с группой бакинских коммунистов

был арестован и лишен возможности участвовать в дальнейшей работе комиссии и на самой конференции. Но по предложению Ленина Шаумян был заочно кооптирован кандидатом в члены Центрального Комитета большевиков.

Владимир Ильич высоко ценил мнение Шаумяна по различным вопросам политики и тактики, просил в письмах, чтобы тот почаще писал ему за границу. И Шаумян это делал, снабжая Ленина необходимой информацией о положении дел в стране и партии. Владимира Ильича особенно интересовало мнение Шаумяна по проблемам теории и практики разрешения национального вопроса.

6 декабря 1913 года Владимир Ильич писал: «Дорогой друг! Очень рад был Вашему письму от 15.XI. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценю отзывы товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый отклик был поэтому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма». Далее в письме указывалось: «Популярная брошюра по национальному вопросу очень нужна. Пишите. Жду ответа и крепко, крепко жму руку».

Изучением национального вопроса Шаумян занимался давно. Еще в 1906 году он выпустил брошюру под названием «Национальный вопрос и социал-демократия». В 1914 году Шаумян написал работу «О национально-культурной автономии», где разоблачал тех националистов социал-демократов, которые вели линию на разобщение рабочих разных национальностей. Ленин из Поронина просил Шаумяна дать изложение этой брошюры для опубликования в большевистском журнале «Просвещение».

В 1914 году Шаумян, возвратившись из ссылки в Баку, возглавил здесь большевистскую партийную организацию. Он руководил знаменитой всеобщей стачкой нефтепромышленных рабочих и подробно информировал о ее ходе Ленина. Осенью следующего года в Баку состоялась конференция большевистских организаций Кавказа. В докладах и выступлениях Шаумяна, в резолюциях, написанных им, по-ленински освещались отношения к войне, национальная политика, вопросы строительства партии. В начале 1916 года Шаумян был вновь арестован, а в декабре выслан в Саратов, где его и застала Февральская революция.

Среди бакинских рабочих Шаумян пользовался огромным авторитетом, его искренне и горячо любили все, кому приходилось общаться с ним. Друг и верный спутник всей жизни

Степана, Екатерина Сергеевна Шаумян рассказывала, как в самые трудные дни, когда Степан сидел в царских тюрьмах, рабочие собирали по грошам иногда два, иногда три рубля и через своих жен приносили их «степановой бабе» (как они звали между собой Екатерину Сергеевну, которую успели крепко полюбить).

Несколько позднее нашей первой встречи Шаумян участвовал на I Всероссийском съезде Советов в Петрограде, где его избрали членом ВЦИК, а еще позднее, на VI съезде партии, — членом Центрального Комитета партии (причем, заочно). После этого съезда Степан был введен в так называемый узкий состав ЦК партии и вскоре вызван в Петроград, участвовал в историческом заседании ЦК партии, где обсуждались знаменитые письма В. И. Ленина о вооруженном восстании.

До сих пор я нахожусь под огромным впечатлением, которое произвел на меня Шаумян в день нашего первого знакомства.

Это был мужчина роста немного выше среднего, стройный и очень красивый, с легко запоминающимся, умным, как тогда говорили, интеллигентным лицом, по которому часто пробегала добрая и, я бы даже сказал, нежная улыбка. Его несколько бледному лицу с голубыми глазами — что довольно редко встречается среди кавказцев — очень шли темные усики и аккуратной подстриженная маленькая бородка (между прочим, стараясь потом во всем подражать Шаумяну, которого очень уважал и любил, я, в свои молодые годы, даже и стригся довольно долго «под Шаумяна»).

В отличие от шумного и несколько даже экспансивного Алеши Джапаридзе, Шаумян был человек очень спокойный и уравновешенный. Он не был многоречив: чувствовалось, что он всегда тщательно обдумывал буквально каждое свое слово. Все, что он говорил, было взвешено, логично и убедительно. Впоследствии, слушая его выступления на массовых рабочих митингах и собраниях, я убедился, какой это был в то же время страстный оратор, подлинный народный трибун. В этом отношении они были близки с Джапаридзе: оба говорили просто, доступно и вместе с тем так доказательно, что вступать с ними в полемику было делом нелегким. Но что главное — массы им верили и шли за ними.

Со своей стороны должен сказать, что общение с ними было всегда для меня не только отличной школой воспитания, но и подлинным счастьем.

Однако возвращаюсь к нашей первой встрече.

Когда Шаумян прочитал записку Шавердяна, он сказал:

— Ну вот и хорошо, что вы приехали! Нам сейчас очень нужны хорошие партийные пропагандисты, а Шавердян вас хвалит! Постараемся вас устроить и на какую-нибудь службу. На первое время хотя бы телефонистом. Работа эта немудреная, особых знаний и опыта не требует...

И он тут же написал письмо своему знакомому — одному из управляющих нефтяными промыслами Манташева, прося его устроить меня телефонистом в свою контору.

Переночевав, с разрешения Цинцадзе, в помещении комитета партии, я на другой день, рано утром, отправился по адресу, указанному мне Шаумяном. Пешком добрался до Балаханов, разыскал управляющего и передал ему записку Шаумяна. Тот прочитал, покачал головой и сказал, что, к сожалению, не может выполнить просьбу Шаумяна: у него нет ни одной вакантной должности.

Ничего не оставалось делать, как вернуться обратно в Баку.

Денег на гостиницу у меня не было. Пришлось ночевать опять на столе и газетах в Бакинском комитете партии.

Утром я отправился к Шаумяну в Совет, рассказал ему о своей неудачной поездке и спросил, нет ли какой-нибудь другой возможности устроиться на работу.

— Вам придется сходить в Биби-Эйбат (это район Баилова), — ответил мне на это Шаумян. — Там на нефтяной фирме Питоева работает инженер Пирумов. Это социал-демократ, очень хороший товарищ. Обратитесь к нему от моего имени, передайте эту записку (он ее тут же быстро написал на клочке бумаги), — возможно, он подыщет для вас какую-нибудь техническую работу.

С трудом добрался я до этого района, нашел контору, но Пирумова там не оказалось: мне сказали, что он где-то на промысле, среди вышек.

Пошел искать. Спросил одного, другого. Наконец Пирумов нашелся. Прочитав записку Шаумяна, он был явно смущен и долго извинялся, что ничего не может для меня сделать... Пришлось вновь идти к Шаумяну. Опять «прогулка», на этот раз в Белый город — и опять неудача.

Я совсем отчаялся. Обращаться к Шаумяну еще раз мне было как-то неудобно, и я решил поговорить о своих делах с Цинцадзе, тем более что все мои финансовые запасы полностью иссякли.

Цинцадзе выдал мне из средств комитета небольшое денежное пособие на еду. Его мне хватило дней на десять. А тем временем я стал выполнять отдельные поручения комитета партии — ездить по районам, ходить на собрания, беседовать с рабочими, выступать с речами.

Вскоре товарищи из комитета, видимо убедившись, что я могу быть полезным партийным работником, взяли меня на платную работу, и я стал пропагандистом Бакинского комитета партии.

* *
*

Каждый день с раннего утра и до позднего вечера я находился в нефтепромысловых районах Сабунчи, Балаханы, Забрат, Биби-Эйбат.

В районе Балахан, Сабунчи и Забрат организатором рабочих собраний был обычно пожилой дагестанец, по имени Казы Мамед — человек выше среднего роста, с загорелым лицом, худой, с острым длинным носом и яркими «южными» глазами. К сожалению, он был неграмотным, по-русски говорил очень плохо, но зато был безгранично, прямо до фанатизма, предан революции, делу рабочего класса. Хорошо зная город, он водил меня с промысла на промысел, знакомил с людьми, объяснял условия их труда и быта. Ходили мы с ним пешком — другого транспорта тогда у нас не было.

Первое время собрания проводились нами главным образом среди рабочих-армян. На промыслах рабочих клубов тогда еще не было. Собирались обычно в рабочих столовых — до обеда и после обеда. На таких собраниях участвовало человек 50—60. Основной оратор говорил минут 40—50, а потом выступали сами рабочие. Задавалось много вопросов, на которые приходилось отвечать.

Я был тогда очень загружен пропагандистской работой. Рабочие, среди которых мне тогда приходилось выступать, в большинстве своем были политически отсталые, сознание их было забито всякими предрассудками, главным образом националистического характера. Главной задачей всех моих выступлений было сплочение рабочих вокруг нашей партии, разъяснение необходимости борьбы за прекращение войны и заключение справедливого мира, за переход всех помещичьих земель в руки крестьян, за рабочий контроль над производством, за переход власти к Советам рабочих депутатов.

Основное содержание моих речей на всех этих собраниях было примерно одинаковым, потому что состав слушающих

меня был почти всегда разным, но одного уровня развития. Поэтому я старался лишь раз от раза улучшать свои речи и наглядно видел — по самой аудитории, — как мои аргументы, доводы, факты становятся для рабочих все более понятными, доходчивыми. Я радовался тому, что с каждым разом на собраниях возрастало число рабочих, слушавших меня.

Но по-прежнему денег у меня хватало еле-еле только на еду. О квартире нечего было и думать. Поэтому я договорился с Цинцадзе и еще одним работником комитета — Султановым, что буду ночевать в помещении Бакинского комитета. Поздно вечером, когда работа в комитете кончалась, я расстилал на столе газеты, сооружал себе из кипы разных бумаг подобие подушки и ложился спать. Одеядо было не нужно: стояла жаркая погода, к тому же и спал я не раздеваясь. Было условлено, что вставать я должен рано, часов в шесть, привести в порядок помещение, потому что утром в комитет по дороге на работу приходили рабочие-активисты, чтобы забрать по несколько экземпляров газеты «Бакинский рабочий»¹ — для дальнейшего распространения среди рабочих на промыслах.

Признаюсь, что мне в ту пору приходилось трудновато. Хотя человек я был совсем еще молодой и сил у меня было много, но я почти никогда не высыпался. Обычно возвращался я «домой» довольно поздно, уставший за день, спать было не совсем удобно, а тут — на тебе — в шесть часов утра надо было уже быть на ногах!..

И тем не менее с каким-то особым теплом всегда вспоминаю это время...

Я находился в самом центре политической жизни Баку, знал, чем живет наша большевистская организация.

Как-то в мае 1917 года меня пригласил к себе домой Шаумян. Жил он тогда на окраине города, в домике, который стоял на самом склоне горы. Квартира его находилась на втором этаже и состояла из трех небольших комнат, очень скромно, я бы даже сказал, бедно обставленных. Зашел я в квартиру со двора, со стороны гор. Мне не пришлось даже подниматься по лестнице: наоборот, я спустился на несколько ступенек вниз и сразу попал на веранду. Тут я впервые увидел жену и детей Степана: у него было трое сыновей и одна дочь.

¹ «Бакинский рабочий» — большевистская газета, издававшаяся в Баку с 1906 года.

Шаумян и его семья очень тепло, по-дружески встретили меня. Я думаю, что товарищи из комитета дали Шаумяну неплохую характеристику о моей работе, потому что он как-то сразу проявил ко мне доверие и расположение. Помню, как-то он предложил мне включиться в работу редакции еженедельной газеты «Социал-демократ» (на армянском языке). Степан был назначен редактором этой газеты, но из-за большой перегрузки по основной работе в Совете и Бакинском комитете партии не мог уделять ей должного внимания и времени. Поэтому он хотел, чтобы я, хорошо знавший армянский язык, помог ему в редактировании газеты.

Я согласился, сказав, однако, что всецело полагаюсь на его помощь, потому что опыта газетной работы тогда еще не имел. Так я начал работать в этой газете и впоследствии стал даже ее фактическим редактором, не прекращая, однако, вести и организационно-пропагандистскую работу по линии Бакинского комитета партии...

В ту пору душой солдат, властителем их дум был военный комендант Баку — прапорщик Авакян. О нем мне хочется сказать несколько слов. Авакян был смелый, самоотверженный человек. У него были, правда, свои особенности: он, например, упорно считал себя социал-демократом, но не примыкал ни к партии большевиков, ни к партии меньшевиков, держась одиночкой. Став после Февральской революции комендантом Баку, Авакян был целиком поглощен участием в солдатских митингах. Это была его страсть.

Помню, в июньские дни, когда спадала жара, на площади Свободы начинались эти бесконечные митинги. Солдаты соорудили на площади специальный деревянный помост, на нем — трибуну, с которой Авакян и выступал, иногда по два-три раза за вечер. Почти всегда во время митинга Авакян находился на помосте, недалеко от трибуны, сидя на своем складном трехножном стульчике, который всегда таскал с собой. Внешний вид у него был необычен: черный плащ, на голове какой-то странный убор — ни офицерский, ни солдатский. Он был высокого роста и очень худой. Мне он казался похожим на Мефистофеля.

Авакян знал, что солдаты его любят. Говорил он очень хорошо, всегда находя простые, убедительные слова и аргументы.

На митингах выступали самые различные ораторы. Не было только, как правило, официальных представителей партий. В своих речах, подчас нескладных, сумбурных, но идущих

щих от души, ораторы высказывали затаенные думы и чаяния народа. Поэтому солдаты слушали их очень охотно и внимательно, живо реагируя на многие выступления.

подавляющее большинство солдат было тогда еще в плену лозунгов «революционного оборончества». Меня так и подмывало выступить и рассказать о позиции большевиков по этому вопросу, хотя это было и небезопасно, потому что открытое выступление против войны могло тогда вызвать недовольство солдат и грозило расправой. Я сам был свидетелем, как кричали с мест и бесцеремонно прерывали выступавших за прекращение войны. Но все же я как-то отважился: будь, что будет!

И вот на одном из митингов я выступил и рассказал о позиции большевистской партии. Продумывая свое выступление, я решил в доступной форме рассказать об общих принципах нашей политики, а если удастся овладеть вниманием слушателей, то в конце выступления поставить вопрос и о войне. Я говорил, что хватит общих речей о передаче земли крестьянам: сколько месяцев мы уже говорим об этом! Крестьянам надо немедленно взять землю в свои руки, и для этого нечего ждать Учредительного собрания.

Увидев, что мои слова вызывают одобрение, я продолжал: «В то время как наши братья в окопах терпят невероятные лишения, полураздетые, голодные и грязные погибают на войне, а их семьи страдают в нищете и голоде, капиталистам война приносит огромные барыши, они утопают в роскоши, пируют в ночных ресторанах, а своих сынков стараются спрятать подальше от фронта, в тылу». Так как эти слова вызвали еще большее одобрение слушателей, я подошел к главной своей мысли: «Ясно, кому на пользу война — она нужна только капиталистам. Поэтому надо кончать с войной. Но этого не хочет и этого не может сделать Временное правительство Керенского; значит, надо его свергнуть и передать власть рабочим и крестьянам».

Последние мои слова были выслушаны с напряженным вниманием. Потом раздались выкрики недовольства. К трибуне стала приближаться группа воинственно настроенных солдат. Поднялся шум. Но я уже закончил выступление, сошел с трибуны и, не задерживаясь, ушел. Товарищ, который был вместе со мной, потом говорил, что я хорошо сделал, уйдя вовремя, так как со мной хотели расправиться.

Во время моего выступления Авакян упорно молчал. Вскоре он вместе с солдатами стал очень быстро «леветь», а

в октябрьские дни перешел полностью на позиции большевиков, повел бакинский гарнизон на поддержку Советской власти и стал одной из самых ненавистных фигур для правых партий. Авакян погиб смертью храбрых, как коммунист, вместе с бакинскими комиссарами.

* *
*

В то время мы еще организационно не размежевались с меньшевиками: у нас была с ними единая, объединенная организация. Однако в самом составе Бакинского комитета партии большевики и численностью (из девяти членов комитета семь были большевиками), и влиянием были сильнее меньшевиков.

И тем не менее такое «объединение» очень мешало усилению большевистского влияния в рабочих массах и несколько сковывало позицию нашего основного печатного партийного органа — газеты «Бакинский рабочий» — в разьяснении важнейших вопросов текущей политической жизни.

Раза два мне, как активисту, приходилось присутствовать на заседаниях объединенного Бакинского комитета партии, и я был живым свидетелем острейших споров между Шаумяном и Джапаридзе, с одной стороны, и лидерами меньшевиков Айолло и Садовским — с другой. Было понятно, что их позиции по важнейшим вопросам политики были диаметрально противоположны и, более того, враждебны.

Это и привело к тому, что внутри, казалось бы, единой организации социал-демократов фактически уже существовало две партии. Члены Бакинского комитета — большевики еженедельно собирались отдельно от меньшевиков, обсуждали свои вопросы, связывались с большевиками из многих районов города, где постепенно большевики захватывали все командные высоты, подготавливая неизбежный организационный разрыв с меньшевиками.

Вред, который приносило дальнейшее существование в Баку объединенной социал-демократической организации, стал всем нам особенно ясен после первых же апрельских выступлений Ленина, вернувшегося в Россию из эмиграции. Задача перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую настоятельно требовала скорейшего и окончательного разрыва с меньшевиками.

Предрешив принципиально такой разрыв на заседании большевистского бакинского руководства, наши товарищи хо-

тели провести этот раскол практически так, чтобы сохранить за собой максимум партийного аппарата в районах, а также тех рабочих, которые еще колебались между меньшевиками и большевиками. Кроме того, нам хотелось сохранить за собой и так называемых меньшевиков-интернационалистов, которые в вопросах войны стояли тогда на большевистских позициях.

Так или иначе, но главным образом именно по этим соображениям дело раскола с меньшевиками затянулось.

Помню, в начале мая из Петрограда приехали Миха Цхакая и Филипп Махарадзе. Они участвовали в VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции большевиков, проходившей под руководством Ленина.

Встреча с ними состоялась на квартире члена Бакинского комитета Виктора Нанейшвили. Присутствовало человек десять — двенадцать. Меня тоже пригласили на это заседание. Миха Цхакая подробно рассказал нам, как был организован выезд из Швейцарии Ленина и группы большевиков, в которую входил и сам Миха Цхакая.

Он говорил, что, как только до Ленина дошло известие о свержении царя, тот стал рваться в Россию. Выезд из Швейцарии был возможен тогда только через Францию и Англию — страны — союзницы России. Но правительства этих стран беспрепятственно пропускали в Россию только тех русских революционеров-эмигрантов, которые стояли на позициях оборончества, то есть были за продолжение войны вместе с союзниками. Революционеров же — противников войны — в Россию они не пропускали.

Было предпринято много попыток получить визы, но они ни к чему не привели. Тогда Ленин через Ф. Платтена — швейцарского социалиста-интернационалиста, впоследствии одного из видных деятелей коммунистического движения, организовал переговоры с германскими властями по поводу того, чтобы Германия разрешила группе большевиков во главе с Лениным проезд через свою территорию в Россию. Сам Ленин переговоры с немцами не вел и с ними не встречался. Было оговорено условие, что вагон, в котором будет ехать Ленин и группа большевиков, запломбируют, чтобы никакого общения с немцами у них не было. Все переговоры с германскими властями по этим вопросам вел непосредственно Платтен, чтобы Ленина и его товарищей никто не мог обвинить в каком-то «сговоре» с немцами. Цхакая рассказывал, что немецкие социал-демократы — сторонники войны с

Россией хотели на какой-то станции встретиться с Лениным, но он категорически отказался от этой встречи.

Цхакая подробно рассказал нам, как встречали Ленина в Петрограде, на Финляндском вокзале, о его первых выступлениях, говорил о значении Апрельских тезисов Ленина, к тому времени уже опубликованных в печати.

О работе Апрельской конференции докладывал Филипп Махарадзе, который был на этой конференции делегатом от тифлисской организации.

Выступая после Махарадзе, Шаумян сообщил приехавшим товарищам, что в ближайшее время большевики собираются отколоться от меньшевиков, но это нужно произвести так, чтобы по возможности полностью изолировать меньшевиков и сохранить за партией большинство социал-демократов из рабочих.

Цхакая не знал, что у нас в Баку большевики работают с меньшевиками в объединенной организации. Как только он это узнал, возмущению его не было границ. Он шумно встал с места и, объяснив, что не может присутствовать на заседании с «объединенными», демонстративно вышел из комнаты.

Тогда Алеша Джапаридзе, Виктор Нанейшвили и некоторые другие товарищи вышли вслед за ним и долго объясняли ему, почему у нас так получилось, что мы уже приняли решение о разведении, что бакинские большевики поддерживают ленинские Апрельские тезисы и полностью согласны с решениями Апрельской конференции большевиков.

Цхакая вернулся, и беседа продолжалась до поздней ночи.

Вскоре на объединенном заседании Бакинского комитета было принято решение о созыве Общебакинской партийной конференции.

Большевицкое руководство комитета наметило провести большую подготовительную работу в районных ячейках, чтобы обеспечить на конференции большинство делегатов от большевиков, а там, где это невозможно, добиваться избрания делегатами меньшевиков-интернационалистов. Когда выборы делегатов закончились, большевицким руководством был назначен день созыва конференции — это было 25 июня, причем конференция созывалась не в Баку, а в Балаханах. Извещения о дне созыва конференции были разсланы только большевицким делегатам и меньшевикам-интернационалистам. Делегаты-меньшевики извещения не получили. Поэтому, когда конференция открылась, меньшевики оказались «за бортом».

Кажется, на второй день работы конференции, когда факт раскола и наше нежелание идти вместе с меньшевиками стали уже широко известны, на конференцию прибыла делегация от меньшевиков в составе Исидора Рамишвили и Богатурова.

Исидор Рамишвили, небольшого роста, худощавый старик с белой бородой, обладавший хорошо поставленным голосом, внешне был похож на пророка. Он выступил примерно с таким призывом: «Товарищи, не уходите от нас, давайте оставаться вместе, в одних рядах марксистов. Если вы уйдете, то еще больше полевеее, станете ближе к анархистам, а меньшевики еще больше поправеют, будут ближе к правым партиям. Если мы сегодня разойдемся, то никогда больше не сойдемся. Призываю вас, товарищи, восстановить единство наших рядов!»

Речь Рамишвили, хотя он произнес ее очень вдохновенно и красиво, не была, однако, поддержана никем, даже ни одним меньшевиком-интернационалистом. Так, ничего и не добившись, делегация меньшевиков покинула конференцию. Раскол был окончательно завершен.

Миха Цхакая привез с собой несколько интересных зарубежных большевистских изданий 1916 года, два или три номера журнала «Коммунист», отпечатанных на тонкой бумаге в Швейцарии. Я запомнил декабрьский номер. Там был опубликован некролог от имени ЦК партии в связи со смертью члена ЦК Тимофея (это была кличка Сурена Спандарьяна). Он умер в туруханской ссылке.

Цхакая оставил по одному номеру всех привезенных им журналов для нашего Бакинского комитета.

Самое сильное впечатление произвела на меня тогда статья В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая его знаменитые Апрельские тезисы.

Ленин как молнией озарил наш дальнейший путь, призвав приступить к непосредственной подготовке социалистической революции, четко определив основные движущие силы этой революции, наметив тактику партии в условиях существовавшего тогда двоевластия, всесторонне обосновав лозунг «Вся власть Советам!»

Апрельским тезисам Ленина суждено было вообще сыграть великую роль. Они составили тогда теоретическую основу нового политического курса нашей партии и стали боевой программой ее практической деятельности.

Помню, однако, что выдвинутое Лениным предложение о

переименовании нашей партии в Коммунистическую тогда не встретило поддержки у многих старых членов партии в Баку: как-то уж очень они свыклись и не хотели расставаться со старым названием — «социал-демократ». Как известно, наша партия стала называться Коммунистической почти через год после этого.

Мне же это предложение сразу понравилось. Я не понимал, как мы можем называть себя «социал-демократами» после того, как Маркс и Энгельс назвали свой исторический Манифест Коммунистическим. Название «коммунист» так мне тогда понравилось, что я избрал его даже своим литературным псевдонимом и с тех пор стал подписывать свои статьи гораздо чаще именно этим псевдонимом: «Коммунист» или, сокращенно, «К-ст».

* *
*

К концу июля 1917 года здоровье мое резко ухудшилось. Сказались перегрузка работой, постоянное недоедание и недосыпание. Все эти месяцы я с раннего утра уезжал в промысловые районы Баку, переносил там утомительные пешие переходы от промысла к промыслу. Приходилось по два-три раза в день выступать на рабочих и партийных собраниях. Начавшаяся необычная для меня бакинская жара вконец подорвала мое здоровье. Я сильно исхудал. Появились головокружения.

Как-то по приглашению Шаумяна я зашел к нему на квартиру. Он подробно расспросил меня о работе, о моих впечатлениях, поинтересовался, почему я так плохо выгляжу. Выяснив, в каких условиях я живу и как приходится работать, он предложил мне немедленно уехать в деревню к родным, набраться сил, поправиться и только после этого вернуться вновь к работе. «Бакинская жара может еще усилиться, — сказал он, — зачем же вам подрывать окончательно свое здоровье!»

Потом Шаумян сказал мне, что собирается отправить своего второго сына Леву в деревню, к родным, чтобы тоже дать ему возможность отдохнуть и покрепнуть. «Деревня наших родных, — говорил Шаумян, — находится недалеко от вашей деревни, в одном районе. Было бы неплохо, если бы Лева поехал вместе с вами».

Я согласился, чувствуя, что мне действительно надо отдохнуть, подкрепить силы на будущее.

В начале августа мы с Левой были уже в Тифлисе, где пересели на поезд, идущий в Ереван. До моей деревни было около 100 километров, а место, куда ехал Лева, — небольшой дачный поселок (ныне город Степанаван), находилось от Тифлиса километрах в ста двадцати.

Когда наш поезд въехал в узкое Лорийское ущелье реки Дебет, мы все время восхищались красотой дикой природы, гигантскими скалами, протянувшимися по обеим сторонам ущелья... На этих скалах каким-то чудом росли не только маленькие, но и большие деревья. Река Дебет — небольшая, но очень быстрая, сплошь была покрыта на крутых порогах пеной... Воздух становился все свежее. Мне казалось, что в мире нет более красивого места. Хотя мира я тогда еще не видел и не представлял себе, что существуют такие красивые места, как побережье Черного моря, озеро Рица и дорога к нему, курорт Джермук в Армении, как Теберда на северном склоне Кавказского хребта, красоты Кольского полуострова, изумительная красота острова Кубы, острова Бали в Индонезии, Большого Каньона в США и другие замечательные уголки мира.

Я сошел на станции Алаверды, а Лева поехал дальше.

Мать, встретив меня, как всегда, не знала, что ей делать от радости. Обнимала меня, целовала. Охала и ахала, как я похудел. Сразу же стала хлопотать, чем бы меня повкуснее накормить. Отец, конечно, радовался не меньше, но внешне был сдержан, как всегда.

Особенно радовались мои младшие сестра и брат. Я их, конечно, очень любил, но, как и отец, не давал волю своим чувствам, я их даже не поцеловал — одним словом, вел себя как «истинный мужчина», во всем подражая отцу.

Мне показалось, что братишка и сестренка сильно выросли. Сестра стала совсем барышней: ей шел 17-й год. Младшему брату вот-вот должно было исполниться 12. Он вытянулся, был худой, щуплый, как и я в свое время. Он учился в школе. На мои вопросы, как идет учеба, Артем отвечал, что учится хорошо. Мать это подтвердила, похвалив его.

Старшая моя сестра была в то время уже замужем и жила в доме мужа на краю деревни. Слух о моем приезде быстро дошел до нее, и она тоже пришла к нам.

Первое время я действительно набирался сил. Наслаждался чистым горным воздухом, теплыми, солнечными днями. Много спал, неплохо питался. Немного читал.

Когда я начал поправляться, стал все чаще беседовать с

односельчанами. Они изменились. Раньше мысли о политике и не приходили им в голову. Теперь же все их интересовало: что где происходит, что будет дальше? Свержение царя казалось им невероятным событием: настолько прочно уверовали они раньше в его всемогущество. Они расспрашивали меня буквально обо всем, зная, что я только что вернулся из Тифлиса и Баку. Не зная этого, они вряд ли заинтересовались бы моим мнением о происходящих событиях, так как в их понимании я был еще слишком для этого молод...

Именно поэтому я чувствовал, что многие из них при всем внешнем уважении и внимании к тому, что я рассказывал о перспективах социалистической революции, не могли скрыть своего скептицизма. Они никак не могли, например, поверить, им казалось невероятным, что простые рабочие, в большинстве неграмотные (как это было на нашем Алавердском медеплавильном заводе), могут прогнать хозяев (да еще французов!) и сами управлять предприятием. Или что они вместе с неграмотными крестьянами смогут прогнать князей, дворян, захватить их земли и взять власть в свои руки. Их очень волновало и было близко сердцу требование большевиков о прекращении войны: все они долго ожидали возвращения своих сыновей с фронтов.

Я, конечно, связался с партийной организацией нашего завода, побывал на нескольких заседаниях местной партийной организации. Выступал там с сообщениями о политической обстановке в стране, о положении в партии, о тактике ее борьбы. Дважды мне довелось выступить на общих рабочих митингах завода.

Побывал я и в других ближних селах, в том числе в Ахпате — наиболее революционном селе, где большинство крестьян были коммунистами. Крестьяне Ахпата вели тогда активную борьбу за немедленный захват помещичьих земель по всей округе.

В деревнях нашего района вообще давно существовала антипомещичья атмосфера, и это вызывало постоянные беспокойства уездных и губернских властей. Большинство крестьян нашего района и заводских рабочих шли за нашей партией.

В ту пору главным нашим врагом были дашнаки; эсеры и меньшевики играли меньшую роль.

Характерно, что, в отличие от других районов Армении и Грузии, на выборах в местные органы самоуправления ком-

мунистам нашего района удалось провести туда в пять раз больше своих представителей, чем дашнакам, и тем самым обеспечить в этих органах свое решающее влияние. В нашей партийной организации тогда не было ни одного интеллигента: весь актив состоял из передовых рабочих и крестьян. Некоторые из них имели дореволюционный партийный стаж и большой опыт революционной борьбы. Их вдохновителем и вожакom был большевик Кахоян — выходец из Ахпата.

После первых же моих выступлений вся деревня узнала, что я большевик. Узнала об этом и моя мать.

Как-то она подсела ко мне и начала примерно такой разговор:

— Ты такой у меня ученый, умный, а кругом говорят, что ты большевик. Есть же, как я слыхала, много хороших партий: дашнаки там, эсеры, меньшевики... Самые почтенные и уважаемые люди нашей деревни стали на сторону этих партий. А ты вступил, говорят, в самую плохую партию, стал большевиком. Ведь ты умный человек, брось большевиков, перейди в другую партию!

Говорила она так просяще, что я стал обдумывать, как бы мне получше ответить, чтобы ее разубедить.

Я сказал, что партия большевиков — самая хорошая, что она борется за правду, за бедных, против богатей, за справедливость для людей труда.

— То, что ты слыхала о большевиках, — сказал я ей, — это ложь, которую распространяют самые плохие люди. А те партии, о которых тебе говорят, что они хорошие, на самом деле плохие.

Мать слушала меня, но по ее глазам я видел, что мои аргументы мало на нее подействовали.

Тогда мне неожиданно пришла в голову такая мысль убедить мать.

— Майрик (мамочка), — сказал я, — ты можешь отказаться от христианской религии и стать мусульманкой?

Мать сразу встрепенулась, перекрестилась и взволнованно сказала:

— Что ты, сынок, что ты говоришь, разве это можно! Скорее я умру, но никогда этого не сделаю.

Тогда я сказал ей:

— Я тебя понимаю. Пойми и ты меня. Большевики — это моя вера, такая же, как для тебя христианство. Я не могу от них отказаться. Прошу тебя, никогда больше меня не угова-

ривай — это бесполезно! Со временем ты сама убедишься, что я и большевики правильно поступаем, а пока поверь мне на слово...

Это на нее повлияло, хоть и не очень обрадовало. Однако она примирилась, поверив мне, и никогда больше к этому вопросу не возвращалась.

С 1923 года она жила со мной сначала в Ростове, а потом в Москве, в Кремле, очень довольная тем, что ее сын пользуется в стране большим уважением.

Характерно, что при мне она ни разу не молилась, не ходила в церковь. Возможно, она и не знала, что в Москве есть армянская церковь. Я со своей стороны никогда с ней о боге или религии не разговаривал, да и она об этом никогда меня не спрашивала. В нашей семье разговоров о религии она никогда не слышала. Я уж думал, что она вообще перестала верить в бога.

Когда в 1959 году я возвращался из поездки в Америку на самолете Скандинавской авиакомпании, над океаном отпали два мотора из четырех. Нависла угроза катастрофы. Сведения об этом как-то дошли до моей матери. Вернувшись домой, я спросил у нее:

— Ну, как ты живешь, майрик?

Как обычно, она ответила:

— Хорошо. Я вот только очень беспокоилась о тебе и все время молилась богу, чтобы ты живым вернулся из этой страны!

Я удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Майрик, а разве ты еще веришь в бога?

— А как же без бога? — просто ответила она.

Умерла моя мать в 1960 году, в Москве, в возрасте 93 лет.

С отцом на политические темы я не разговаривал. Вопросы по этому поводу он мне никаких не задавал, а сам я как-то стеснялся навязываться ему с этими разговорами, а тем более в чем-то его поучать.

Работая плотником на заводе, отец был в курсе политических событий и разговоров среди рабочих. Как-то ему стало известно, что на заводе появились социалисты, которые хотят свергать хозяев.

Отец работал тогда у одного подрядчика-грека, который высоко его ценил, не только как квалифицированного рабочего, но и вообще как достойного человека. Иногда отец при мне рассказывал матери, что хозяин приглашал его к себе после работы «попить чайку» на террасе своего дома. Ви-

димо, такие приглашения были лестны для отца: во всяком случае, он всегда с уважением отзывался о своем хозяине.

Отец мой в свои шестьдесят лет к революционным разговорам относился скептически. Как-то совершенно неожиданно он не без подковырки сказал мне:

— Знаешь, на заводе появились какие-то там социал-модциалы. Про тебя говорят, что и ты такой же. Одумайся! Ведь вы еще мальчишки, а хотите свергать таких почтенных, сильных хозяев. Ничего у вас из этого не получится!

Я ответил, что он глубоко ошибается.

— Хозяева не такие уж почтенные люди, как тебе кажется, — возразил я ему, — все они живут за счет пота рабочих. Сейчас нас, социалистов, конечно, немного и мы еще слабы. Но ты еще увидишь, что мы одержим победу и своего добьемся!

Я постарался тогда избежать дальнейшего спора с отцом, зная, что этот спор ничего бы не дал, кроме ссоры.

Отец дождал до Октябрьской революции и перед смертью многое понял. Умер он в 1918 году, до победы Советской власти в Армении, от воспаления легких, без медицинской помощи, в возрасте 62 лет.

ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ

Создание Союза молодежи. — Меня избирают секретарем Тифлисского комитета партии. — Общекавказский партийный съезд. — Накануне.

В конце августа 1917 года, окрепший, полный сил и энергии, я попрощался с деревней и приехал в Тифлис. Встретился с товарищами, побывал в Тифлисском комитете партии, узнал все политические новости. Это заняло несколько дней.

К тому времени некоторые из моих школьных товарищей решили поступить в высшие учебные заведения. Они стали уговаривать и меня последовать их примеру, утверждая, что скоро пролетарская революция окончательно победит и для строительства социализма потребуются высокообразованные люди.

Все это было довольно убедительно, и на какое-то время я даже поддался этим уговорам, тем более что Тифлисская городская управа назначила мне, как успешно кончившему среднюю школу, довольно хорошую стипендию, а по нашему аттестату зрелости после Февральской революции можно было поступить в любой вуз России.

Однако через несколько дней я отказался от идеи поступления в вуз, решив продолжать свое образование в «университете Революции». Никогда потом я об этом решении не жалел.

Мои товарищи по марксистским кружкам, особенно Борис Дзэнладзе и Геворг Алиханян, уговорили меня взяться немедленно за создание большевистского Союза молодежи на Кавказе.

Мы выработали проект устава организации. Мне было поручено написать манифест, который должен был заменить программу союза.

Учредительное собрание Союза молодежи состоялось в клубе на Авлабаре. Собрание прошло на большом подъеме. После всестороннего обсуждения оба документа, предложенные инициативной группой, были одобрены. Мы избрали временный комитет союза «Спартак».

Манифест организации молодых социалистов-интернационалистов «Спартак» (как был назван вновь созданный Союз молодежи) был обращен ко всей трудящейся молодежи Кавказа. В нем, в частности, говорилось:

«Товарищи! Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак» обращается к вам, ко всем тем, кому дороги интересы и будущее пролетариата, которые заинтересованы в освобождении человека от ига рабства и угнетения, которым еще не вскружил голову шовинистический угар, которые не загрязнили великие принципы боевого социализма патриотическим хламом, — организация «Спартак» обращается к вам, ко всем молодым борцам будущего, призывая вас создать свои местные и общие организации... и всегда и всюду горячо поддерживать революционное движение интернационального пролетариата... в особенности на Кавказе, где атмосфера пропитана шовинистическим угаром и национальной рознью, являющейся наиболее благоприятнейшей почвой для оппортунизма всех оттенков: здесь еще больше трудностей придется побороть организациям интернационалистической молодежи.

Товарищи! Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак» взялась за эту трудную задачу сплочения и организации интернациональной молодежи на Кавказе, руководствуясь основными положениями данного манифеста.

Организация «Спартак», полная надежд и стремлений, начинает свою деятельность и призывает всех молодых социалистов-интернационалистов Кавказа ко всемерной поддержке и помощи интернационалистской организации молодежи на Кавказе».

Название «Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак»» было заимствовано нами у революционного союза «Спартак», созданного в Германии Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Надо сказать, что слова в названии «социалисты-интернационалисты», а не «социал-демократы большевики» были выбраны нами тоже не случайно. Имелось в виду, что такое название облегчит приток в наш союз тех левых элементов из молодежи, которые еще не самоопределились как большевики, но склонялись к нашей тактике в революции.

Надо сказать, что примерно в то же время грузинские меньшевики вместе с буржуазными партиями приступили к организации интерпартийного, то есть общенационального Союза грузинской молодежи. То же самое сделали армянские националисты во главе с дашнаками.

В связи с этим «Спартак» принял в конце сентября 1917 года обращение «Ко всем трудящимся Кавказа». В нем было подвергнуто резкой критике создание грузинского и армянского союзов молодежи. Разоблачался предательский, антинародный характер этой затеи.

Молодежь призывалась противопоставить буржуазному национальному единению и «классовому перемирию» интернациональное объединение трудящихся и непримиримую классовую борьбу против контрреволюционных имущих классов.

Обращение заканчивалось таким призывом:

«Товарищи, вместе с нами объявите беспощадную войну национализму и шовинизму, в данном случае выразившемуся в создании интерпартийного Совета и армянского всенационального совещания.

Долой контрреволюционные классы капиталистов и помещиков!

Да здравствует международная солидарность трудящихся всех стран!

Да здравствует российская революция!

Временный комитет организации молодых социалистов-интернационалистов «Спартак».

Тем временем Тифлисский комитет повседневно загружал меня выполнением многочисленных организационных и пропагандистских поручений. Я охотно за них брался, так как не был связан какой-либо службой. Жил я тогда на квартире своих родственников — Лазаря и Вергинии Туманянов, собираясь в ближайшее время вернуться в Баку, как о том мы условились с Шаумяном.

Тифлисские товарищи стали уговаривать меня отложить поездку в Баку, так как скоро в Тифлисе, по совместному решению тифлисской и бакинской партийных организаций, должен был состояться общекавказский партийный съезд. «Поработаешь у нас, в Тифлисском комитете, по подготовке этого съезда и примешь участие в его работе», — говорили они мне.

Однако съезд был перенесен с 15 сентября на 1 октября 1917 года в связи с тем, что два основных большевистских лидера Закавказья — Шаумян и Цхакая выехали в Петроград.

* *
*

Работа в Тифлисском комитете партии все разрасталась, а ни одного освобожденного для партийной работы руководящего работника в комитете не было. Все задания комитета выполнялись членами комитета и отдельными коммунистами в порядке партийных поручений в свободное от основной работы вечернее время. С мест ежедневно приезжали представители низовых партийных организаций, но никого в комитете днем застать не могли. В связи с таким ненормальным положением Тифлисский комитет партии принял в середине сентября 1917 года решение, в котором было сказано:

«Все члены комитета находят необходимым иметь штатного секретаря, с постоянным его пребыванием в бюро, ведущего дела не только Тифлисского комитета, но до созыва краевого съезда поддерживающего сношения с провинциальными организациями. Секретарем избирается товарищ Микоян».

Так я стал секретарем Тифлисского комитета партии и сразу же с головой окунулся в исполнение возложенных на

меня обязанностей, связанных главным образом с решением многочисленных оперативных организационных вопросов.

Забегая несколько вперед, хочу сказать, что после Кавказского партийного съезда часть видных членов бюро Тифлисского комитета партии вошли в состав краевого комитета партии и перешли работать туда. В связи с этим был избран новый состав бюро Тифлисского комитета партии, и я вновь был избран его секретарем.

Руководство работой Тифлисского комитета осуществляло бюро комитета. Председательствовал на его заседаниях обычно Филипп Махарадзе, хотя формально поста председателя комитета у нас не было.

В ту пору в комитет приходило и приезжало много людей не только из районов самого Тифлиса, но и из Батума, Сухума, Кутаиса, Карса, Александрополя, Сарыкамыша (где была большая концентрация войск), а также из Эривана и Елизаветполя (ныне Кировабад). Они приносили свежую и важную информацию о положении дел на местах и о том, с какой быстротой растет влияние большевиков среди трудящихся масс. Помню, что особенно разительные сдвиги происходили тогда в воинских частях: целые полки и гарнизоны переходили на нашу сторону.

Представители с мест жаловались на то, что заседавшие в руководстве местных военных организаций эсеры и меньшевики (не говоря уже об офицерстве) ставят всяческие препятствия работе большевиков в воинских частях, лишая их свободы слова и печати, запрещая распространять в воинских частях «Петроградскую правду» и «Кавказский рабочий».

Заседавшее ежедневно по вечерам бюро Тифлисского комитета партии обсуждало наиболее важные из этих информационных и принимало соответствующие решения.

Наше основное внимание было обращено на подготовку Общекавказского съезда партии: бюро комитета постоянно обсуждало конкретные вопросы, связанные со съездом, а на местах в это время проходили партийные собрания, где обсуждались вопросы текущего положения, задачи партии и избирались делегаты на краевой съезд партии.

1 октября открытия съезда не состоялось. В этот день было проведено предварительное совещание членов Тифлисского комитета партии совместно с прибывшими на съезд делегатами. Было выяснено, сколько и откуда прибыло делегатов, обсуждена повестка дня работы съезда, а также вопрос о докладчиках.

В связи с тем что приближались выборы в Учредительное собрание, было решено заслушать и обсудить на съезде доклад Шавердяна о подготовке к выборам в Учредительное собрание.

На совещании выступил прибывший с фронта Корганов, который информировал нас о политическом положении на фронте в связи с запрещением свободы слова и печати и предложил себя содокладчиком по вопросу подготовки в воинских частях к выборам в Учредительное собрание. Его предложение было принято.

Открытие съезда состоялось 2 октября 1917 года, как и было решено накануне на нашем совещании в Тифлисском комитете партии.

Незадолго до первого Общекавказского партийного съезда в 1917 году я снова побывал в родных местах. Снова выступал на Алавердском заводе, большевики которого избрали меня своим делегатом на съезд, снова выступал на партийных и общих собраниях Ахпата, Манеса.

На съезд съехались 26 делегатов с решающим голосом. Среди них были делегаты от некоторых районов Северного Кавказа. Я участвовал в работе съезда как делегат от партийных организаций районов Алаверды, Манеса и Ахпата¹.

Съезд открыл Махарадзе, отметивший важное значение первого Общекавказского партийного съезда, который должен в исключительный момент, переживаемый революцией, собрать и сплотить вокруг одного центра партийные организации, разбросанные в тылу и на фронте нашего большого и многонационального края.

Под единодушные аплодисменты всех делегатов почетным председателем съезда был избран вождь пролетариата Ленин, находившийся в то время на нелегальном положении.

С докладом о работе VI Всероссийского партийного съезда, состоявшегося в июле — августе 1917 года, выступил делегат от Тифлиса Кавтарадзе.

Съезд был вынужден работать нелегально, в условиях дикого разгула репрессий, террора, лжи и клеветы против большевиков со стороны буржуазных и так называемых социалистических партий. Главное значение съезда мы усматри-

¹ В селе Ахпат в июле 1903 года была создана первая в Армении коммунистическая ячейка. Эта организация послала своими делегатами на V съезд партии Степана Шаумяна, Миху Цхакая, Асатура Кахояна.

вали в том, что он в своих решениях принял ленинскую идею о подготовке вооруженного захвата власти. Это имело огромное значение и для нас на Кавказе, для перестройки умов коммунистов, для их переориентировки в тактике дальнейшей борьбы, для их мобилизации в местных условиях на решение общепартийной задачи.

Большое место в работе съезда заняли доклады с мест. Их было довольно много. Но они представляли огромный интерес, поскольку давали самые последние сведения о политических сдвигах, происходивших на местах, о тех условиях, в которых боролись большевики, об успехах и трудностях их борьбы.

С докладом от Баку выступил Георгий Стуруа. С огромным воодушевлением делегаты выслушали его сообщение об успехах всеобщей забастовки бакинских нефтепромышленных рабочих, вызвавшей горячий отклик рабочих всей России. Когда же в ходе съезда поступило сообщение о победоносном завершении забастовки, съезд направил специальное приветствие мужественным бакинцам.

Делегат от Кутаиса Далакишвили рассказал, что, хотя в Кутаисе самостоятельная большевистская организация существует всего лишь две недели, она уже сумела объединить вокруг себя 239 человек.

От Александрополя выступил Арвеладзе. Он предложил обратить особое внимание на проведение выборов в Учредительное собрание в армии. Наша задача, сказал он, «организовать массы вокруг знамени революционного пролетариата и вести беспощадную борьбу против мелкобуржуазных иллюзий меньшевиков и эсеров».

После окончания работы этого съезда Арвеладзе поехал вместе с Шаумяном в Александрополь, где Шаумян провел большую работу по укреплению местной партийной организации и с успехом выступал на широких солдатских собраниях.

Выступая от Елизаветполя, делегат Мравян сказал, что в связи с преобладанием большевиков в объединенной партийной организации меньшевики сами в начале июня ушли из организации. В тяжелых условиях мы провели в думу трех товарищей, собрав 1200 голосов. Настроение гарнизона в пользу большевиков.

Я выступал с докладом о положении в Алаверды, Манесе и Ахпате. Как сказано в опубликованном отчете, я говорил, в частности, о том, что «это единственная провинция, где

армянское малоземельное и безземельное крестьянство организовано под флагом революционной социал-демократии. Это объясняется условиями местной экономической жизни, где классовая борьба между полупролетарским крестьянством и землевладельческими классами достигла высшей обостренности и напряженности».

Сообщение о положении во фронтовых частях сделал Корганов. Он же говорил и о подготовке к выборам в Учредительное собрание в войсках. Помню, что многих делегатов поразило тогда тот факт, что в некоторых районах отменена свобода слова и печати.

С обстоятельным докладом на съезде выступил Дануш Шавердян. По его докладу развернулись большие прения и споры.

Шаумян прибыл на наш съезд с небольшим опозданием: он только что вернулся из Петрограда, где участвовал в работе ЦК партии, как член его узкого состава, по подготовке вооруженного восстания. Шаумян активно включился в работу съезда. Он выступил по докладу Шавердяна, дав правильное направление его обсуждению.

Шаумян сказал:

«Учредительное собрание не обычный парламент, оно будет иметь громаднейшее значение. В нашей агитации мы должны указывать на то, что если до Учредительного собрания не произойдет новая революция, то она может произойти после созыва Учредительного собрания, если оно окажется не в силах разрешить задачи, поставленные революцией. Оно не есть орган, перед которым мы смело должны сложить оружие. Мы должны мобилизовать все свои силы и оказывать давление не только снизу вне Учредительного собрания, но и сверху, внутри него».

До него я также выступал среди других ораторов по докладу Шавердяна. Полемизируя, в частности, с Багратом Борьяном — очень уважаемым большевиком, политкаторжанином, я сказал, что мы, прибегая к революционно-массовым действиям, не отказываемся и не можем отказываться от использования в своих интересах парламента. Поэтому, говорил я, для нас не безразлично, революционным или реакционным окажется Учредительное собрание. Вот почему, подготавливая и организуя массы к революционным действиям, мы должны одновременно принять участие и в выборах в Учредительное собрание и стараться провести туда побольше своих депутатов. Я утверждал, что Борьян недооценивает

значение нашей борьбы в период выборной кампании в Учредительное собрание и явно преувеличивает реакционные влияния среди крестьянства.

С докладом по национальному вопросу на съезде выступал Торшелидзе, который фактически в вопросе о формах самоопределения наций придерживался старого, программного положения о так называемом местном самоуправлении. Судя по всему, он не был согласен с резолюцией Апрельской партийной конференции 1917 года, которой предусматривалась областная автономия как новое программное требование партии по национальному вопросу. Его позиция стала особенно ясна из предложенного им проекта резолюции съезда, где он выдвигал требование областного общекавказского самоуправления (автономии). Это была путаная формулировка, ставящая ясный вопрос «вверх ногами». Между самоуправлением и автономией существует принципиальная разница: они не равнозначны и одно другого не заменяет. В этом вопросе на его позиции сказалось, очевидно, влияние Ф. Махарадзе, который на Апрельской конференции выступал против областной автономии.

Шаумян выступил на съезде с критикой путаных и устаревших положений и выдвинул свое, как подтвердила история, в целом правильное предложение, которое кратко было так изложено тогда в газете:

«Тов. Шаумян указывает на два недостатка в докладе тов. Торшелидзе. Он говорит, что к национальному вопросу мы должны подойти не только с теоретической стороны, но главным образом с практической. Докладчик упустил из виду, что наша программа по национальному вопросу была составлена много лет тому назад, а теперь мы стоим перед социальной революцией и не в рамках буржуазного строя должен разрешаться национальный вопрос. Какие же формы самоопределения мы предлагаем? Финляндия не ждала, что скажет Россия о самоопределении нации, тоже и Украина, и мы не можем все откладывать до Учредительного собрания. Мы должны поставить вопрос конкретно. Грузинские и армянские националистические партии уже выработали свои программы.

В нашей программе сказано: создаются областные самоуправления, причем принимаются во внимание хозяйственные и бытовые признаки. Помимо этого был пункт о самоопределении наций, вплоть до создания самостоятельного государства, общая демократизация страны и право препода-

вания на родном языке. Но на конференции большевиков в 1913 году программа наша по национальному вопросу была расширена и вместо областного самоуправления была принята по предложению тов. Ленина автономия областей. Какова разница между областным самоуправлением, автономией и федерацией?

Областное самоуправление не имеет законодательных прав. Оно сосредоточивает в своих руках культурные и хозяйственно-административные функции. Пользуется правом обложения.

Автономия отличается от самоуправления тем, что имеет сейм с широкими законодательными правами. При автономии местным автономным областям центральным правительством отводится определенный круг вопросов.

Федерация есть союз равных единиц. Имеет свое Учредительное собрание.

Согласно теперешней нашей программе, мы должны признать автономию областей. Мы близко подходим к социальной революции, следовательно, нам меньше следует бояться децентрализации. Что касается Закавказья, я считаю необходимым некоторую перестройку административных единиц...»

Шаумян предлагал создать в Закавказье три национальные автономные области, определив при этом и примерную схему их границ. Он высказывался за федеративный характер связи этих автономных областей с Россией.

Шаумян указывал в своем выступлении, что Торошелидзе не учитывает тех изменений, которые произошли во взглядах большевиков на разрешение национального вопроса в России еще накануне первой мировой войны, что нашло свое отражение и в решениях Апрельской партийной конференции, признавшей за всеми нациями, входившими в Россию, права на образование самостоятельных государств и свободное отделение. Наконец, он указал на то, что Ленин, выступая на I съезде Советов и разоблачая шовинистическую, великодержавную политику эсеров и меньшевиков, в частности в отношении Финляндии и Украины, выдвинул лозунг: «Пусть Россия будет союзом свободных республик!»

К сожалению, большинство делегатов, догматически придерживаясь старых положений программы, не поняли и не поддержали предложения Шаумяна. Все же под влиянием его выступления в проект резолюции, предложенной Торошелидзе, была внесена поправка. В принятой съездом резолюции вместо «областного общекавказского самоуправления

(автономии)» было записано: «автономия Кавказа, с созданием сейма... широкое местное самоуправление с установлением новых административно-хозяйственных единиц внутри Кавказа».

В принятой резолюции есть такое место: «Съезд заявляет, что он не рекомендует ни отделения, ни образования федеративных государств кавказским национальностям». Этим отвергалось соответствующее предложение Шаумяна.

Надо признать, что такая позиция была в то время серьезной политической ошибкой кавказских большевиков. Через полтора года, уже в Баку, мы исправили эту ошибку. Другие же товарищи, во главе с Махарадзе, не изменили своей позиции в этом вопросе в течение трех лет, до тех пор, пока в Грузии и Армении не возникли самостоятельные советские республики.

На съезде с очень интересным и содержательным докладом по текущему моменту выступил Шаумян. Он дал короткий обзор пройденных этапов революции и соответствующих изменений тактики партии.

В частности, он сказал: «После 3—5 июля можно было говорить лишь о завоевании власти, но не о переходе ее... Наша задача — стать во главе революции и взять власть в свои руки».

Этот доклад был принят съездом с удовлетворением, без прений.

В резолюции съезда «О текущем моменте», предложенной Шаумяном, отмечалось:

«Очередной задачей революции мы считаем, в полном согласии с ЦК партии, созыв Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который должен взять в свои руки всю государственную власть, объявив себя революционным конвентом и приступив к немедленному осуществлению основных требований революции.

Съезд не закрывает глаза на то, что буржуазия и ее прислужники Керенские, Церетели, бывшие и настоящие так называемые министры-социалисты, не сдадут без боя своих позиций.

Но рабочий класс, солдаты, революционные представители крестьянства не должны останавливаться перед трудностями и жертвами и должны смело идти к завоеванию власти и спасению страны и революции от гибели...»

Может быть, представит интерес решение нашего краевого Общекавказского съезда партии о средствах для финан-

сирования кампании по выборам в Учредительное собрание. Для этого нужны были деньги, и деньги не малые. Они нужны были для издания специальной литературы, плакатов, листовок, для командировок наших пропагандистов и агитаторов в города и села края.

Пожалуй, здесь стоит сделать маленькое отступление и хотя бы в нескольких словах рассказать, в каком трудном положении вообще находилась тогда наша партийная касса.

Кроме членских взносов да кое-каких незначительных денежных поступлений от платных лекций, которые мы тогда организовывали, никаких других источников денежных доходов у нас не было.

В связи с такой бедностью нашей партийной кассы вспоминается эпизод, связанный с Михой Цхакая. После возвращения из Швейцарии Цхакая приехал в Тифлис и устроился жить в доме для престарелых имени Зубалова: там содержали бесплатно.

В конце сентября у нас в Тифлисском комитете партии был поднят вопрос о назначении Цхакая хотя бы небольшого денежного пособия из партийной кассы, чтобы он мог покинуть дом для престарелых.

Однако обычная скромность и невероятная щепетильность Цхакая в денежных делах помешали нам добиться своего. Зная нищенское состояние нашей кассы, Цхакая категорически заявил, что он не может стать бременем для нашего партийного бюджета, что он отказывается от каких-либо денежных пособий и вообще в них не нуждается, так как «материально устроен вполне удовлетворительно».

Ничто не могло его поколебать: ни наши уговоры, ни наши просьбы. Финансовое положение Тифлисской партийной организации было в ту пору действительно очень бедственным, и Цхакая хорошо это знал. Так он и остался жить в доме для престарелых, пока в середине 1919 года пришедшие к власти меньшевики не арестовали и не посадили его в Кутаисскую тюрьму.

Вполне естественно, когда возник вопрос о финансировании избирательной кампании в связи с выборами в Учредительное собрание, потребовалось специальное решение краевого съезда о дополнительных поступлениях в нашу партийную кассу.

Съезд принял тогда решение обязать всех членов партии внести в партийный бюджет свой однодневный заработок, а кроме того, провести специальный сбор добровольных по-

жертвований, расширить проведение платных лекций и концертов с передачей всех доходов от проведения в нашу партийную кассу. К тому же съезд принял решение половину всех поступающих к нам средств перечислять в специальный фонд ЦК партии на ведение избирательной кампании по всей стране.

8 октября 1917 года работа нашего краевого съезда подходила к концу. С большим подъемом съезд послал приветственную телеграмму Ленину: «Первый съезд кавказских организаций социал-демократов большевиков, заканчивая свою работу, шлет горячий привет славному вождю русской революции, лучшему представителю III Интернационала, энергичному борцу за мировую пролетарскую революцию товарищу Ленину...

Съезд выражает твердую уверенность, что в ближайшем будущем рабочий класс России и революционное крестьянство своей новой революцией сбросят иго Милюковых и их лакеев Керенских и создадут возможность для т. Ленина выйти из подполья и открыто занять свой пост вождя нашей партии, вождя великой русской революции».

* *
*

В то время мне приходилось много выступать на рабочих и солдатских собраниях, а также перед рабочей и учащейся молодежью, особенно в связи с организацией молодежного союза «Спартак».

Оборонческие настроения в солдатских массах стали ослабевать. Процесс этот усилился после провозглашенного Керенским наступления, сразу же потерпевшего позорное поражение. Временное правительство ввело на фронтах смертную казнь, что не могло не вызвать всеобщее возмущение в стране и в особенности среди солдат.

В сентябре — октябре почти на всех солдатских митингах большевикам удавалось одерживать верх в спорах с меньшевиками и правыми эсерами по вопросам войны и мира.

Помню, какие овации вызывало повсюду провозглашение большевистских лозунгов: «Долой империалистическую войну, обогащающую капиталистов и разоряющую страну!», «Немедленно прекратить войну и заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций!», «Долой правительство Керенского, проводящее политику русских капиталистов и их заграничных хозяев!»

Резолюции большевиков на собраниях проходили без особых споров и усиллий, принимались почти всегда единогласно. Эсеры и меньшевики уходили с таких собраний как побитые собаки.

Однажды на солдатском собрании мне не удалось завоевать большинства голосов по другому, очень животрепещущему для солдат-крестьян вопросу — о земле. Как я ни старался убедить солдат в правильности нашей большевистской программы национализации земли, эсеровскому агитатору все-таки удалось проташить свою резолюцию.

Эсеры оказались здесь достаточно хорошо подготовленными и умело повели агитацию, пользуясь, как всегда, демагогией, требуя «социализации земли», передачи ее сельским общинам, заявляя, что, каким бы ни было государство, оно далеко от крестьян и поэтому они должны отвергнуть предложение большевиков о национализации земли, то есть о передаче ее в собственность государства, и добиваться передачи земли крестьянским общинам. Надо сказать, что вся эта демагогия произвела сильное впечатление на политически слабо подготовленных солдат, и я потерпел на том собрании поражение.

Удрученный этой неудачей, я решил обратиться за помощью к Михе Цхакая, которого мы все уважали и любили, зная его как эрудированного, прославленного революционера, соратника Ленина. Мне казалось, что, будучи убежденным в правильности национализации, я не знаю, не умею найти нужные слова и аргументы, чтобы убедить крестьян, одетых в солдатские шинели, в правильности своей позиции.

Объяснив все это Цхакая, я попросил его выступить на солдатском митинге по аграрному вопросу, с тем чтобы мы, более молодые агитаторы и пропагандисты, смогли поучиться у него — старого и многоопытного партийного пропагандиста, как надо защищать нашу аграрную программу.

Цхакая охотно согласился на мое предложение.

Мы собрали солдат на митинг в здание клуба, расположенного рядом с солдатскими казармами.

Зал был битком набит. Цхакая был, что называется, на большом подъеме, сумел приковать к себе всеобщее внимание.

Говорил он горячо, с энтузиазмом: об Антанте, против войны, даже о Древней Греции. Однако в своем увлечении он, к нашему огорчению, не коснулся аграрного вопроса.

Собрание кончилось овацией. Солдаты были довольны.

Цхакая — тоже. Мне же было как-то совестно спросить его, почему же он не коснулся вопроса, из-за которого мы, собственно говоря, и устроили это собрание.

Надо сказать, что все мы очень любили Миха. Он был человеком кристальной чистоты, революционной совести и до конца жизни пользовался общим уважением. Он участвовал на всех конгрессах Коминтерна (кроме первого), состоял членом Исполкома Коминтерна, а затем членом Президиума Интернациональной контрольной комиссии. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Умер в 1950 году в возрасте 85 лет.

Но вернусь к событиям тех дней.

Я никак не мог примириться со своей неудачей на митинге и продолжал упорно искать выход из создавшегося положения.

Тогда я решил несколько изменить тактику в своем подходе к солдатам. Решил перенести центр тяжести в своих выступлениях на требование немедленного захвата земель крестьянскими комитетами: эсеры же, как известно, откладывали решение земельного вопроса на усмотрение Учредительного собрания и выступали против немедленного захвата земли.

На следующем же солдатском собрании я применил эту тактику. «Многие из вас, — говорил я солдатам, — голосуют за политику эсеров о земле. Значит, вы их в этом вопросе поддерживаете. Но почему вы не зададите им вопрос: а сколько месяцев эсеры и меньшевики находятся во главе Временного правительства и одурачивают вас обещаниями когда-то в будущем принять на Учредительном собрании закон, по которому земля перейдет крестьянам?! Почему крестьяне должны ждать, находясь под игмом помещиков? Давайте не будем сегодня спорить о том, каким должно быть землепользование крестьян: главное сегодня не в этом.

Большевики борются за осуществление выдвинутого В. И. Лениным лозунга «Немедленный захват помещичьих земель и передача их в распоряжение крестьянских комитетов!» Мы, большевики, против откладывания решения земельного вопроса до Учредительного собрания. Эсеры с нами не согласны.

Вот в чем главное разногласие по аграрному вопросу между большевиками, с одной стороны, эсерами и меньшевиками — с другой.

Сегодня вопрос стоит так: захватывать ли землю крестьянам сейчас, немедленно или отложить это дело до того дале-

кого будущего, когда «учредилка», потратив неизвестно сколько времени на обсуждение этого вопроса, примет по нему неизвестно какой закон.

Поэтому давайте сегодня спорить не о национализации или социализации земли — этот вопрос мы сумеем лучше решить, когда земля будет уже фактически находиться в распоряжении крестьянских комитетов».

Когда я все это говорил, то видел и понимал по глазам солдат, по их выкрикам, что необходимый перелом в их настроении произошел. Для эсеровских представителей такой мой маневр был неожиданным: они явно растерялись и не знали, что возразить.

Большевистская резолюция была принята большинством голосов. Солдаты отвернулись от эсеров.

Завоевав большинство солдат по вопросам о войне, о мире, о земле, нам нетрудно уже было настроить их против правительства Керенского — за власть Советов, за рабоче-крестьянское правительство.

К октябрю 1917 года большинство солдат не только тифлисского гарнизона, но частей и гарнизонов всего Кавказского фронта встало на сторону большевиков. За меньшевиками еще оставались юнкерские и офицерские школы, служащие военного аппарата фронта, отдельные воинские подразделения и почти все офицерство.

Солдатская масса была готова с оружием в руках добиваться установления Советской власти на Кавказе. Что же касается местного населения, то здесь соотношение сил было несколько иным и далеко не в нашу пользу.

Не считая крупного рабочего центра — Баку, где Советская власть перешла к Советам в первые же дни Октября, в остальных районах пролетарская прослойка была еще очень слаба.

Усилилась борьба крестьян за землю, против помещиков в Азербайджане и западных районах Грузии.

Если же взять все вместе: положение и влияние бакинского пролетариата, активное меньшинство, повсеместно шедшее за большевиками в городе и в деревне (особенно после победы Советской власти в России), то было вполне возможно, опираясь на огромную вооруженную силу революционно настроенных солдат русской армии, установить и в Закавказье Советскую власть, отстранив меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. После этого можно было перетянуть на свою сторону колеблющиеся массы города и деревни и

так укрепить Советскую власть в крае, чтобы даже после возврата русских солдат к себе на родину она при поддержке центральной Советской власти оставалась бы прочной.

Иначе говоря, в дни Октябрьской революции и сразу же после нее в Закавказье сложились довольно благоприятные условия для распространения власти Советов на все районы.

Через два дня после выстрела «Авроры» Кавказский краевой комитет партии своим большинством, но без участия Шаумяна (он тогда находился в Баку) принял специальное обращение, в котором ориентировал партийные организации края не на завоевание власти, а на «безболезненный и мирный переход» ее к Советам, хотя условий для этого в крае не было.

Делегатское собрание, избранное большинством 80-тысячного гарнизона Тифлиса и возглавлявшееся большевиком Кузнецовым, стояло на платформе Петроградского Совета и требовало от местных органов власти признания Советского правительства. Оно привлекало на свою сторону все новые и новые воинские части, контролировало выдачу оружия из Тифлисского арсенала и для достижения своих революционных целей готовило вооруженную демонстрацию. Лидеры меньшевистского Совета Тифлиса сразу заняли отрицательную позицию по отношению к этому революционному органу гарнизона и решили распустить его. Руководимая тем же Кузнецовым большевистская фракция Тифлисского Совета выразила резкий протест против этого решения Совета, заявила о выходе большевиков из состава исполкома и Совета Тифлиса и предупредила руководство Совета, что в случае принятия исполкомом каких-либо мер к роспуску Делегатского собрания последнее окажет решительное сопротивление.

Я помню, как проходило обсуждение этого вопроса в крайкоме партии (хотя я и не был членом крайкома, но как секретарь Тифлисского комитета присутствовал на заседании).

Сторонники мирного перехода власти во главе с Махарадзе отстаивали роспуск Делегатского собрания и отмену вооруженной демонстрации.

Цхакая колебался. Сначала он был за революционную тактику, но потом, после острых споров, при голосовании резолюции воздержался. Такое его поведение очень разочаровало нас, молодых коммунистов, которые возлагали именно на Цхакая большие надежды.

Воспользовавшись ошибочным решением крайкома партии о мирном переходе, недооценкой им значения Делегатского собрания и роли русских революционных войск в судьбах революции в Закавказье, меньшевики перешли к активным действиям. Они пытались вытеснить из Тифлиса некоторые большевистски настроенные войска и препятствовали вступлению в город новых революционных частей, возвращавшихся с фронта: они просто отправляли их по маршруту подальше от Тифлиса, без заезда в город. Создавали национальные полки и в союзе с помещиками и капиталистами края укрепляли силы контрреволюции.

Большинство крайкома партии не смогло занять правильную тактическую линию в решении конфликта между большевистски настроенным Делегатским собранием представителей 76 воинских частей тифлисского гарнизона и меньшевистским Советом Тифлиса в тот решающий момент для судьбы революции в Закавказье. В этой сложной обстановке 11 ноября 1917 года, рассмотрев создавшееся в крае положение и удовлетворившись тем, что меньшевики на словах пошли на некоторые «уступки» большевикам (перевыборы Тифлисского Совета, созыв второго армейского съезда и т. д.), крайком партии признал «роль Делегатского собрания... исчерпанной», отозвал всех большевиков из Делегатского собрания «ввиду мирного разрешения» конфликта, тем самым предрешив участь этого революционного органа, который мог бы сыграть решающую роль в борьбе за Советскую власть в крае. Тем самым крайком лишил себя единственной мощной вооруженной силы в борьбе за победу пролетарской революции.

А через день после этого меньшевики, объявив военное положение в Тифлисе, произвели вооруженное нападение на арсенал, который охранялся большевистски настроенными солдатами, и овладели им. Захваченное оружие они использовали для вооружения своих воинских частей.

Представляет интерес, как реагировал на все это Ленин. К. Цинцадзе, посланный крайкомом партии в декабре 1917 года в Петроград для сообщения Ленину о положении дел в Закавказье, так пишет об этом в своих воспоминаниях:

«Когда я коснулся арсенала и указал на овладение им меньшевиками, он (Ленин) остановил меня и переспросил: «Значит, арсенал уступили меньшевикам?» Я хотел указать на причины, объяснить, почему это так вышло, и продолжал.

Но он вновь прервал меня и вторично спросил: «Арсенал-то все же сдали меньшевикам?» Ленину из этого факта стала ясна вся глубина ошибки крайкома.

Прибыв в эти критические дни в Тифлис, Шаумян начал сразу же активно выступать за революционную тактику. Используя опыт большевиков Баку, он добивался исправления ошибочной линии крайкома, предлагал готовить трудящихся к открытому вооруженному выступлению против контрреволюционной буржуазно-националистической власти Закавказского комиссариата, призывал опираться на русские революционные войска тифлисского гарнизона и всего Кавказа.

Разногласия, возникшие в крайкоме партии, вынудили Шаумяна 23 ноября телеграфировать Ленину:

«Мы объявили бой Закавказскому комиссариату, как контрреволюционному. Большая часть гарнизона на нашей стороне. Мы можем с помощью армии заставить комиссариат признать власть Совета Народных Комиссаров. Просим немедленно сообщить, как быть».

Ответа не поступило.

25 ноября Шаумян вновь направляет Ленину аналогичную телеграмму. Ответа и на эту телеграмму не последовало.

В тот момент еще можно было исправить ошибку крайкома, поскольку в Тифлисе и Закавказье находились достаточно мощные вооруженные силы русской армии, стоявшие на позициях Советской власти.

Своими телеграммами Шаумян хотел, опираясь на ЦК и Ленина, заставить крайком отказаться от его ошибочного курса и обеспечить победу Советской власти на Кавказе.

Но телеграммы Шаумяна, не подозревавшего об этом, были перехвачены меньшевиками и до Ленина не дошли.

Тогда Шаумян направляет Камо с письмом к Ленину, а сам уезжает в Баку.

Преодолев невероятные трудности, Камо выполнил поручение Шаумяна. Спустя месяц он привозит в Тифлис мандат о назначении Шаумяна чрезвычайным комиссаром Кавказа.

В конце ноября 1917 года, когда Шаумян собирался уехать в Баку, он посоветовал мне вернуться в Баку, где Советская власть победила и предстояла большая работа по ее укреплению.

«Возвращайтесь в Баку!» — несколько раз повторил мне Шаумян при прощании.

Я последовал его совету и вскоре уехал в Баку.

ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В БАКУ

Переход власти в руки Бакинского Совета.— Контрреволюционное восстание в марте 1918 года и его подавление.— Образование Бакинского Совнаркома.— Борьба за крестьянство.

Влияние большевиков среди бакинского пролетариата очень сильно возросло после всеобщей забастовки рабочих нефтепромыслов в сентябре 1917 года, удачно проведенной под руководством Алеши Джапаридзе и Вани Фиолетова. Тогда была одержана крупная победа — рабочие добились коллективного договора с капиталистами: договор этот установил, в частности, 8-часовой рабочий день.

15 октября 1917 года состоялось расширенное заседание Бакинского Совета совместно с представителями промышленно-заводских комиссий, полковых, судовых и ротных комитетов. Большинство участников заседания было уже на стороне большевиков и поддерживавших их левых эсеров.

Шаумян предложил собранию объявить себя временным расширенным Бакинским Советом рабочих и солдатских депутатов, так как ранее избранный Бакинский Совет фактически уже умер. Лидер меньшевиков Садовский выступил против Шаумяна, заявив, что это собрание ничего общего не имеет с Советом. Однако предложение Шаумяна активно поддержал руководитель левых эсеров Сухарцев, заявив, что данное собрание может считать себя вполне правомочным, так как Совет в старом составе больше не собирается, а воля бакинского пролетариата и военного гарнизона вполне авторитетно выражается настоящим собранием. При голосовании предложение Шаумяна было принято подавляющим большинством голосов.

Совет, избрав делегатов на II Всероссийский съезд Советов, принял предложенную Шаумяном резолюцию, в которой содержалось требование «отобрать власть у врагов народа и передать ее в руки самого народа в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

26 октября 1917 года в Баку пришло известие, что революционные силы Петрограда свергли Временное правительство и провозгласили в России власть Советов.

Большевики встретили это известие общим ликованием. На следующий же день было созвано заседание Бакинского Совета. Однако на этот раз меньшевикам, эсерам и дашнакам, отказавшимся признать Советскую Россию, удалось сорвать решение о переходе местной власти к Бакинскому Совету.

Тогда Бакинский комитет партии обратился непосредственно к бакинским рабочим с призывом исправить допущенную ошибку и «встать горой» за власть Советов. Начались массовые митинги на промыслах и заводах, а также в воинских частях, где принимались резолюции в поддержку Советской власти.

В острой борьбе с правыми партиями на заседании Бакинского Совета 31 октября 1917 года удалось принять такое решение: «Поддерживая, в противовес буржуазии и калединцам, нарождающееся новое правительство во всероссийском масштабе, Бакинский Совет находит необходимым поставить перед собой задачу расширения власти Совета и в Бакинском районе, вплоть до перехода всей власти в его руки».

Когда началось следующее заседание Совета — 2 ноября 1917 года, меньшевик Богданов в знак протеста призвал своих сторонников — правых эсеров, меньшевиков и дашнаков — покинуть заседание Совета. Из 468 присутствовавших ушли 124, которые вскоре организовали так называемый «Комитет общественной безопасности», противопоставив его Бакинскому Совету и пытаясь выдать этот «комитет» за якобы единственный демократический орган местной власти.

В Бакинском Совете остались лишь большевики да блокировавшие тогда с ними левые эсеры и беспартийные.

По предложению Шаумяна Совет избрал новый состав исполкома, способный проводить линию Советской власти. Было решено упразднить «Исполком общественных организаций», существовавший тогда в качестве местного органа Временного правительства, а также подчинить все вооружен-

ные силы гарнизона Бакинскому Совету и не допускать их передвижения без его ведома и согласия.

На этом же заседании Совета было принято постановление о том, что «высшей властью в городе Баку является Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов».

Так, без вооруженной борьбы в Баку был провозглашен переход власти в руки Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Бакинская организация большевиков после Октября развернула широкую агитационную и пропагандистскую работу в массах, разоблачая врагов Советской власти. Главное внимание было обращено на укрепление вооруженной опоры Совета. При Бакинском комитете была создана боевая партийная дружина, в промысловых районах организовывались отряды красногвардейцев. Серьезную опору Совету имели в Каспийской военной флотилии, где большинство матросов поддерживало Советскую власть. Одним из вожаков матросов был ныне здравствующий Аркадий Кузьминский. Бакинский гарнизон, состоявший из различных частей старой армии, в своем большинстве тоже был на стороне Советов.

В связи с объявлением демобилизации и изданием декрета о передаче земли крестьянам солдаты бакинского гарнизона, в большинстве своем состоявшие из крестьян Центральной России, стали уезжать на родину. Остатки старой армии, поддерживавшие Советскую власть, таяли изо дня в день и наконец, как и в других местах, совершенно распались. Встала задача создания новой, социалистической армии.

В феврале 1918 года в Петрограде и Москве уже началось формирование частей Красной Армии. Такая же задача была поставлена и перед бакинской партийной организацией.

Однако создание вооруженных сил в Баку развернулось не сразу с должным размахом. Положение стало резко меняться к лучшему после того, как в Баку переехала из Тифлиса группа большевиков — руководителей Кавказского краевого военного совета. (В Тифлисе они не имели достаточной опоры, так как господствовавшие там меньшевики создали свое военное руководство.) В эту группу входили товарищи: Корганов, Шеболдаев, Малыгин, Солнцев, Габышев, Коганов, Ганин и другие, согласившиеся остаться в Закавказье для создания Красной Армии.

Работа по организации армии широко развернулась примерно в конце февраля — начале марта 1918 года. Ее возгла-

вдл старый большевик Григорий Корганов, пользовавшийся огромным авторитетом среди солдат Кавказского фронта. Его заместителем стал Борис Шеболдаев, тоже большевик с дореволюционным стажем.

Вся их деятельность шла под руководством Шаумяна.

Были созданы интернациональные батальоны, полки, вспомогательные войсковые части, сформировано три бронепоезда. Главный контингент составили солдаты, в прошлом бакинские рабочие, а также молодежь, еще не прошедшая военной службы. Вскоре Шеболдаев сообщил в Москву, что к июню 1918 года в районе Баку удалось собрать до 13 тысяч красноармейцев, сформировать их в батальоны, объединить в четыре бригады и в основном закончить формирование штаба корпуса.

Для подготовки командных армейских кадров в Баку была создана инструкторская школа во главе с очень способным военным организатором, членом Военно-революционного комитета Солнцевым, прибывшим с турецкого фронта.

Войсковые части Красной Армии по своему составу до мая 1918 года были интернациональными. Лишь когда нависла угроза немецко-турецкого нашествия на Баку, Армянский национальный совет предложил передать в состав Красной Армии свои армянские национальные части.

Несколько слов об этих воинских национальных частях. Вопрос этот имеет свою историю.

Дело в том, что буржуазные националисты и дашнаки, в частности, соглашаясь на словах (дабы сойти за «социалистов»), что рабочие и крестьяне всех наций имеют общие классовые интересы, одновременно утверждали, что все армяне, независимо от их классовой принадлежности, для защиты этих своих «общих» интересов должны быть организованы в особый национальный совет, союз, иметь свои особые воинские части и т. п.

И в Баку, действительно, существовали тогда такие национальные (армянский и азербайджанский) советы, где вместе с другими реакционными буржуазными партиями орудовали мусаватисты и дашнаки, опиравшиеся на огромную финансовую поддержку со стороны бакинских нефтепромышленников. Из демобилизованных солдат и офицеров эти советы создали в Баку и свои собственные национальные воинские части.

Нам приходилось тратить немало сил, чтобы доказать трудящимся массам весь вред антисоциалистических, враждеб-

ных для пролетариата «идей», представлявших тогда особую опасность в условиях многонационального Кавказа. Такая политика буржуазных националистов вела не к объединению, а к сознательному разобщению рабочих и крестьян разных национальностей и ослаблению классовых связей между ними.

Поэтому мы решительно выступали против этой политики.

Однако, когда в мае 1918 года над Баку нависла грозная опасность немецко-турецкого вторжения, мы были вынуждены принять предложение Армянского национального совета о включении в нашу армию армянских национальных частей — для борьбы с турецкими интервентами. Это был вынужденный компромисс, несомненно таивший скрытые опасности. Солдаты армянских национальных частей в подавляющем большинстве воевали против турок хорошо, честно. Вполне добросовестно относились к своим обязанностям и многие офицеры. Но среди них, и особенно среди высшего состава, были и дашнаки, которые действовали по указке своей партии. Вот эта-то группа и сыграла самую предательскую роль в период отступления нашей армии.

Для усиления влияния Советов в массах азербайджанского населения важное значение имело издание газеты «Известия Советов» на азербайджанском языке. Очень удачно нами была подобрана кандидатура редактора этой газеты — Рухулы Ахундова. Он принадлежал к партии левых социалистов-революционеров. За короткий период совместной работы мы с ним очень сблизились и крепко подружились. Молодой, начитанный, политически развитый, твердый сторонник Советской власти, хороший литератор, Ахундов перешел в партию коммунистов при английской оккупации и мусаватском правительстве в середине 1919 года и сыграл активную роль в подготовке свержения мусаватского правительства. После восстановления в Баку Советской власти в 1920 году он стал одним из выдающихся руководителей Компартии Азербайджана. (Я еще расскажу о нем подробнее несколько позже.)

В 1917—1919 годах появились мои статьи. Они печатались в «Известиях Бакинского Совета» (на русском и армянском языках) и в газетах «Социал-демократ», «Бакинский рабочий», позднее в газетах «Набат», «Рабочий путь», «Коммунист» и других.

Почти все эти статьи сохранились. Просматривая их недавно, я как бы заново пережил то давно прошедшее время,

ощутил атмосферу тех лет, почувствовал биение пульса жизни в те горячие, сложные, а порой и очень тревожные дни...

Пожалуй, достаточно назвать только заголовки нескольких из этих статей, чтобы узнать круг тех вопросов, которые всех нас тогда остро волновали: «Братания на фронте», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Крестьянские национальные союзы и положение на Кавказе», «Что значит мир без аннексий и контрибуций», «Кто такие большевики и меньшевики?», «О минувшей забастовке», «Коллективный договор», «8-часовой рабочий день и текущий момент», «Аграрный вопрос и помещичья контрреволюция в Закавказье», «Грузинские националисты и демократия», «Формы буржуазной и пролетарской власти», «Новые задачи и методы рабочего движения», «Мирная политика Совета Народных Комиссаров» (в защиту Брестского мира), «Меньшевистское лицемерие», «О чистоте принципов у меньшевиков», «Защитники народа», «О левых дашнаках», «Ренегатам марксизма», «О национализации нефтяной промышленности», «Нищета и наш долг», «Жилищный вопрос и капитализм», «О положении дел на фронте и уборке урожая», «Культурно-просветительные задачи рабочего Совета»...

Это только часть написанного в те годы. Конечно, с тех пор развитие общественной мысли шагнуло так далеко вперед, что кое-что в этих статьях может показаться теперь в чем-то устаревшим, в чем-то спорным, а иной раз и просто «незрелым».

Это и понятно: мы шли по целине, буквально на ощупь. Многие, с чем приходилось сталкиваться, было для нас в диковинку.

Однако что радует? Просматривая все эти ранние выступления с вышки прожитых лет и всего пережитого, видишь, что в основном и главном мы и тогда были исторически правы: жизнь подтвердила большинство из наших предположений, прогнозов, выводов.

И этим мы обязаны прежде всего великому учению Маркса, Энгельса и Ленина, которое мы постигали в те дни не только из их книг, статей и выступлений Ленина, но и в каждодневной борьбе, в боях и жестоких схватках с силами старого мира.

Я уже говорил о существовавших в Баку национальных воинских частях, щедро субсидируемых — через националь-

ные советы — местной буржуазией. Азербайджанские национальные вооруженные силы были тогда объединены в так называемую «дикую дивизию». Опираясь на эту дивизию, азербайджанские буржуазно-помещичьи круги подняли в марте 1918 года восстание против Бакинского Совета рабочих депутатов. Однако в ходе трехдневных уличных боев это восстание было подавлено.

Такому довольно быстрому окончанию уличных боев во многом способствовала большая работа по мирному урегулированию конфликта, которую провели в те дни Нариманов, Азизбеков и Джапаридзе. Солдаты и офицеры «дикой дивизии» разбежались, присоединившись к контрреволюционным частям в тех районах Азербайджана, где еще не было Советской власти. Центром их был Елизаветполь.

Следует отметить, что еще до всех этих событий между азербайджанским и армянским национальными советами была достигнута договоренность о том, что Армянский совет своими вооруженными силами поддержит восстание, которое готовилось партией мусаватистов. Однако, когда восстание началось, Армянский национальный совет объявил о своем нейтралитете, а когда победа Красной Армии была уже ясна, некоторые национальные армянские части даже приняли участие в боях на стороне Красной Армии.

В то самое время, когда в Баку было поднято восстание, реакционные банды имама Гоцинского из Дагестана пошли походом на Хачмас и продвинулись вплотную к Баку. В их составе был полк «дикой дивизии», прошедший школу мировой войны. Однако в тот день, когда восстание в Баку было подавлено, они находились еще в 15 километрах от города и соединиться с восставшими не успели. Части Красной Армии численностью около 2 тысяч человек выступили против них и сильно потрепали их в бою, отбросили далеко от Баку.

Затем были освобождены районы Азербайджана, захваченные Гоцинским, а также дагестанские города Дербент и Петровск (ныне Махачкала). Посланный из Баку отряд Красной Армии, который проводил эту операцию вместе с дагестанскими товарищами, возглавлял Виктор Нанейшвили, назначенный чрезвычайным комиссаром Дагестанской области.

В результате этой победы было открыто сухопутное сообщение между Северным Кавказом и Баку, столь необходимое для доставки хлеба голодающему населению Баку. Об этом успешном продвижении Красной Армии в Дагестане Шаумян специально сообщал Ленину.

В дальнейшем имели место реакционные выступления на юге от Баку — в основных хлебных районах: Ленкоранском и Сальянском. Туда были направлены красноармейские части, которые вскоре и здесь одержали победу.

В уличных мартовских боях я был ранен и находился в военном госпитале. Шаумяну стало известно, что скоро я выхожу из госпиталя, но у меня по-прежнему нет квартиры — до этого, как я уже рассказывал, мне приходилось ночевать в конторском помещении Бакинского комитета партии. Шаумян буквально потребовал, чтобы я поселился в его новой квартире, и я долгое время жил у Шаумяна фактически как член его семьи. Это дало мне возможность часто общаться с Шаумяном и с людьми, которые приходили к нему. Обычно это происходило по ночам. В результате я оказался больше, чем при иных обстоятельствах, в курсе многих партийных и государственных дел, что, несомненно, способствовало моему политическому росту.

* *
*

Подавление мартовского восстания еще более укрепило власть Бакинского Совета. Была окончательно развенчана городская дума, претендовавшая на власть: влияние национальных советов заметно ослабло, а их деятельность Бакинский Совет взял под свой контроль. Против нефтепромышленников были приняты репрессивные меры. В частности, Бакинский комитет революционной обороны наложил на нефтепромышленников контрибуцию в сумме 50 миллионов рублей: тогда это были большие деньги, столь необходимые для укрепления наших вооруженных сил и органов Советской власти. Нефтепромышленники отказались платить эту сумму. Тогда комитет решил арестовать некоторых видных представителей бакинского нефтяного мира. Мне, по мандату комитета, пришлось арестовывать трех видных нефтепромышленников: Лесснера, Тагианосова и Гукасова, игравших руководящую роль в Союзе нефтепромышленников. В осуществлении этой операции участвовал старший сын Шаумяна — Сурен, впоследствии один из организаторов и военачальников советских танковых войск.

Помню, мы взяли маленький грузовичок, двух или трех красногвардейцев и подъехали к двухэтажному дому, где жил Лесснер. Его особняк находился в одном из рабочих районов Баку, где было очень пыльно и грязно. Вокруг в беспорядке ютились бедные рабочие лачуги, возле которых не росло ни

одного деревца. Зато особняк Лесснера был расположен в глубине отличного тенистого парка, засаженного красивыми декоративными деревьями, кустарником и цветами. Все это еще резче подчеркивало существовавшие в тогдашней жизни контрасты...

Дело было под вечер. Парадные двери в особняк были уже закрыты. Мы вошли с черного хода. Лесснер, толстый, холеный мужчина, лежал на кровати. Видимо, он уже давно ждал своего ареста и не удивился нашему приходу. Мы посадили его в кузов нашего грузовичка, где никакого сиденья не было. К нашему удовольствию, Лесснера изрядно там порастрясло, пока мы ехали по разбитым булыжным бакинским мостовым.

Примерно так же были арестованы нами и другие бакинские магнаты-нефтепромышленники. Все это возымело свое действие: в ту же ночь они дали фирмам распоряжение выплатить установленную для них контрибуцию.

После мартовских событий в Баку все газеты буржуазных партий, а также газеты меньшевиков были закрыты. Печатные органы других мелкобуржуазных партий продолжали выходить, как, впрочем, продолжали деятельность и сами эти партии.

Пока дела у нас шли хорошо, особого ущерба эти партии нам не наносили, но, как только положение с хлебом стало напряженным, они использовали недовольство населения для борьбы с нами.

Вскоре после того как националистические партии оторвали Закавказье от Советской России, положение осложнилось. Этому способствовало и то, что султанская Турция, нарушив свои обязательства по Брестскому мирному договору, двинула свои войска в Закавказье. Красная Армия под натиском турецких войск отступила к Баку, и правые партии выдвинули вопрос о приглашении в Баку англичан.

Противоречия дошли до крайнего предела. Мы ни в чем не уступали, давая, как всегда, в таких случаях, должный отпор спорящим с нами представителям других партий.

Перед бакинской партийной организацией возникли очень сложные задачи. Надо было во что бы то ни стало отстоять Советскую власть в Баку, распространить ее на все Закавказье или хотя бы на Азербайджан.

В этом смысле особый интерес представляет ленинский совет Шаумяну о том, какую нам надо было тогда проводить политику. Ленин писал: «Дорогой товарищ Шаумян! Большое

спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны. *Пока* нас спасают *только* противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: *пока* надо научиться дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям»¹.

Я уже говорил, что в самом начале перехода власти в руки Бакинского Совета меньшевики и правые эсеры во главе с меньшевиком Богдановым демонстративно покинули исполком Совета. Однако, оказавшись очень скоро «на мели», они вновь вернулись в Совет и стали участвовать в его работе.

Это осложнило обстановку. Создалось положение, при котором исполком, крайне пестрый по составу, оказался бессильным принимать радикальные решения в области социалистических преобразований и не мог успешно противодействовать реакционным элементам.

Поэтому в апреле 1918 года Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов образовал Бакинский Совет Народных Комиссаров, куда вошли только большевики и несколько левых эсеров. Представители правых партий не были допущены в состав Совнаркома, хотя они этого усиленно добивались.

Председателем Совнаркома был утвержден Шаумян, народными комиссарами — Джапаридзе, Нариманов, Корганов, Фиолетов, Колесникова, Везиров, Зевин, Каринян и другие. На бакинского губернского комиссара Азизбекова была возложена труднейшая задача создания сельских Советов в Бакинской губернии, иначе говоря, задача упрочения советского строя в азербайджанской деревне.

В целях привлечения деревни на сторону Советской власти мы стали организовывать землячества бакинских рабочих — выходцев из разных уездов — азербайджанцев, армян, русских, дагестанцев и других. Еще в январе 1918 года был создан Временный комитет Союза интернациональных рабочих земляществ. Мне было поручено участвовать в некоторых организационных заседаниях этого комитета и выступать на собраниях рабочих интернациональных земляществ.

Эта организация имела своей главной задачей установление регулярных связей и активное воздействие на своих одно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 73—74.

сельчан, земляков, с целью мобилизации их на борьбу против помещиков, за захват земель, за организацию крестьянских Советов.

Угроза нашествия германо-турецких войск на Баку со всей остротой поставила вопрос о привлечении на сторону Советской власти основной массы азербайджанского крестьянства, находившегося в значительной степени под влиянием беков, ханов, мусаватистов и реакционного духовенства. Несмотря на общую и политическую отсталость этого крестьянства, экономические противоречия между крестьянами и помещиками были настолько острыми, что классовая борьба за захват власти, за уничтожение помещичьего гнета все более углублялась. Особенно сильные классовые схватки развернулись в Казахском уезде и Карабахе.

Провозглашенный Лениным декрет о передаче земли крестьянам взбудоражил и азербайджанские крестьянские массы.

В апреле 1918 года Бакинский Совет Народных Комиссаров издал свой декрет о передаче всех помещичьих земель крестьянам. Были приняты меры для распространения в уездах и деревнях этого декрета на азербайджанском языке. В Бакинском Совете был организован специальный отдел для работы среди азербайджанского и армянского крестьянства.

Большую работу среди азербайджанского крестьянства вела тогда большевистская организация «Гуммет», организаторами и видными деятелями которой были Нариманов, Азизбеков, Эфендиев, а также Султанов, Буниат-заде, Исрафилюлы и другие. Всей деятельностью «Гуммета» руководил Нариман Нариманов. Однако его болезненное состояние вынудило нас еще в июне 1918 года отправить его в Россию на лечение.

В конце мая 1918 года при активном участии Азизбекова был созван представительный съезд Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда. Съезд проходил под руководством Нариманова. На этом съезде выступили с речами Джапаридзе, Шаумян, Нариманов и Азизбеков. Состоялось совместное заседание Бакинского Совета и делегатов этого съезда. Было решено включить делегатов съезда в состав Бакинского Совета, превратив его в Совет рабочих и крестьянских депутатов. Решили также провести съезды Советов в других уездах губернии, а затем созвать губернский съезд Советов крестьянских депутатов. Работа в этом направлении развивалась хорошо. Особенно успешно она проходила в Шема-

хинском уезде, где ею руководил Азизбеков, а также в Кубинском, Сальянском и Ленкоранском уездах, где вскоре и установилась Советская власть. Однако в связи с обострением военных действий созвать губернский съезд Советов крестьянских депутатов так и не удалось.

Шаумян проездом из Тифлиса в Баку узнал неизвестные нам до этого факты массовых стихийных крестьянских восстаний против помещиков. Он рассказал о них потом в газетной статье. Крестьяне захватывали земли, поджигали помещичьи усадьбы. Нередко эта борьба принимала довольно жестокие формы, настолько сильно была многовековая ненависть крестьян к угнетателям-помещикам. В Елизаветпольской губернии не хватало большевистских кадров для организации и руководства крестьянским движением. С помощью турецких регулярных войск, прибывших в Елизаветполь, помещикам удалось подавить крестьянское восстание.

Вспоминая это время, я хочу сказать о нашем пламенном революционере Мешади Азизбекове. Это был опытный, хорошо подготовленный партийный деятель. В его внешнем облике было много схожего с Алешей Джапаридзе. Да и по характеру он был такой же горячий и вспыльчивый, как Алеша. Мешади был революционным энтузиастом, я бы даже сказал, с каким-то оттенком революционного фанатизма в самом лучшем понимании этого слова. Разъезжая из одной деревни в другую, он все время находился среди народа, агитируя и организуя крестьян. Его не смущала и не удерживала поджидающая на каждом шагу опасность быть убитым от руки мусаватистов и помещиков. Даже в самые трудные моменты борьбы он оставался жизнерадостным и уверенным в правоте и победе нашего дела. Мешади пользовался заслуженной любовью и уважением масс. Особенно впечатляла нас задушевные отношения, та дружеская близость и полное взаимное понимание и доверие, которые всегда существовали между ним, Шаумяном, Джапаридзе и другими товарищами...

Я вспоминаю, как активно проходили всегда в бакинской партийной организации обсуждения самых актуальных вопросов общего и местного значения. На собраниях и заседаниях обычно очень остро и откровенно высказывались разные мнения по обсуждаемым вопросам. Бывали и острые разногласия и горячие споры... Но я не помню ни одного случая, когда кто-либо оспаривал принятое решение. Даже, кто возражал при обсуждении, старался особенно тщательно выполнить решение, чтобы не было косвенного влияния его пози-

ции на ходе реализации решения. В организации царил дух большевистской дисциплины.

Характерен в этом отношении такой эпизод: в феврале 1918 года на заседании Бакинского Совета по требованию эсеров и меньшевиков должен был обсуждаться вопрос о Брестском мире, против которого они вели бешеную агитацию. Накануне этого заседания вопрос о Брестском мире обсуждал Бакинский комитет партии. Шаумян, поддерживавший линию Ленина о заключении мира, находился в это время в Тифлисе. Самый авторитетный после него человек в партийной организации — Джапаридзе, тогда председатель Бакинского Совета, выступил против заключения мира. За заключение мира горячо выступили среди других Виктор Нанейшвили и я. Большинством голосов было принято решение, одобряющее мирную политику партии. Джапаридзе остался в меньшинстве. В связи с этим он заявил, что ему трудно, да и неудобно выступать на заседании Бакинского Совета в защиту Брестского мира, и поэтому просил поручить это выступление другому товарищу — стороннику Брестского мира. Однако мы все единодушно возразили против этого, понимая, что в противном случае меньшевики и эсеры неизбежно догадаются, что у нас в этом вопросе нет единства, что председатель Бакинского Совета не поддерживает Брестский мир, и мы можем вообще провалиться.

Мы поручили Джапаридзе выступить на заседании Бакинского Совета в защиту политики Советского правительства о заключении Брестского мира.

Надо было присутствовать на том заседании Совета, чтобы видеть и слышать, как блестяще, какими вескими аргументами защищал там Джапаридзе ленинскую мирную политику! Нельзя было не понять, что, обдумывая свою речь, он во многом пересмотрел и свои собственные взгляды, убедившись в неотвратимой логике ленинской позиции. Выступление Джапаридзе произвело огромное впечатление на всех депутатов Совета, и многие, даже колебавшиеся, поддержали резолюцию большевистской фракции, получившую тогда значительное большинство голосов.

Кроме споров вокруг ленинской мирной политики был у нас тогда и другой весьма дискуссионный вопрос: включать ли в состав Бакинского Совета Народных Комиссаров помимо большевиков и левых эсеров еще и членов правых социалистических партий, представленных в Бакинском Совете? Большинство Бакинского комитета партии было против.

После решения Бакинского комитета партии я выступил в газете «Известия» со статьей «Почему дашнакцанов и эсеров лишаем представительства в Бакинском Совете Народных Комиссаров». В этой статье я писал, что в Совнарком должны войти представители только тех партий, которые «являются искренними и последовательными защитниками Советской власти» и не только принимают ее на словах, но и «способны проводить в жизнь советскую политику».

Дашнаки же и правые эсеры, писал я в своей статье, претендующие на представительство в Совнаркоме, не могут быть последовательными и решительными защитниками Советской власти, потому что до последнего времени они вели «бешеную, не разбирающуюся в средствах борьбу против Советской власти». Свидетельством тому — их «выход из исполкома Совета в результате провозглашения — после Октябрьской революции — власти Бакинского Совета; проводимая ими двуличная политика в городской думе по отношению к Совету; их бешеная борьба против Советской власти и рабоче-крестьянского правительства в связи с разгоном Учредительного собрания... их участие — независимо от деклараций... в Закавказском комиссариате и сейме, которые своей политикой отделили Закавказье от Советской России, оказали всяческую помощь ее классовым врагам (генералу Каледину и другим), национализировали войска, обезоружили и — вместо благодарности за освобождение от долголетних страданий — окунули в реки крови возвращающиеся русские войска и организовали силы бекской контрреволюции против Бакинского Совета».

Статья давала резкий, но вполне справедливый отпор притязаниям правых — откровенно буржуазных партий на представительство в Бакинском Совнаркоме. Вместе с тем в статье не было даже и намека на имевшиеся расхождения среди большевиков, хотя в этом вопросе против линии партийной организации выступили тогда некоторые видные и весьма уважаемые нами товарищи.

Дискуссии в руководящих партийных инстанциях Баку не вели к каким-либо нарушениям партийной дисциплины и товарищеской атмосферы. Не только деловые, политические, но даже и личные наши отношения не испытывали при всех этих, даже самых острых, спорах какого бы то ни было урона. Поэтому никаких внутрипартийных группировок или фракций в связи с обсуждением любых спорных вопросов не возникло. Правда, такие вопросы решались порой не сразу,

а лишь после длительного их обсуждения внутри партии; при этом на страницы газет они не выносились. Коммунисты считали своим долгом выполнять решения, принятые большинством; это относилось в равной мере и к тем, кто голосовал за эти решения, и к тем, кто был против них.

Помню, когда решался вопрос о нефтяной промышленности, Джапаридзе высказывал сомнения. Тогда Шаумян предложил ему провести в центре промыслового района Сабунчи собрание актива коммунистов промысловых районов, выступить на нем с изложением позиций — за и против национализации — и узнать, что по этому поводу думают сами коммунисты, рабочие-нефтяники. Так и было сделано.

Я вместе с Гогоберидзе, тоже тогда молодым коммунистом, решили поехать на это собрание.

Выступления были спокойные, деловые, аргументированные, принципиальные. По всему чувствовалось, что люди пришли посоветоваться с коммунистами; никто не пытался навязать собранию свою точку зрения.

Почти все выступившие потом коммунисты высказались за национализацию, приведя на этот счет свои дополнительные аргументы. Собрание не принимало никаких резолюций, да они и не были нужны.

На бакинской партийной конференции Джапаридзе голосовал уже вместе со всеми за национализацию нефтяной промышленности, оставив, вероятно, все свои сомнения и колебания на сабунчинском собрании.

Я привел этот факт как дополнительную иллюстрацию, чтобы еще раз подчеркнуть отличный, подлинно большевистский, ленинский стиль работы Шаумяна и Джапаридзе. Именно в этом духе воспитывалась и вся бакинская партийная организация.

Своей сплоченностью, единством и верностью ленинизму бакинские коммунисты в значительной мере были обязаны кристальной партийной честности, подлинно марксистскому воспитанию, ленинской непоколебимой идейности, которые были характерными чертами всей жизни и стиля работы Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Нариманова, Фиолетова и других руководящих деятелей бакинских большевиков. Их примеру следовали и многие другие партийные работники Баку, да и просто рядовые члены партии.

Лично для меня, в то время молодого коммуниста (мне не было тогда еще 23 лет), это была неоценимая школа большевистского воспитания.

ПЕРВЫЕ ШАГИ КОММУНЫ

Национализация банков и нефтяной промышленности. — Отряд Бичерахова. — Начало вооруженной иностранной интервенции в Закавказье. — Я отправляюсь на фронт.

Вопрос о национализации банков встал в Бакинском Совнаркоме недели через три после мартовских событий. Национализацию Русского для внешней торговли банка пришлось осуществлять мне, по мандату Совнаркома. В составе отряда, участвовавшего в этой операции, был второй сын Шаумяна — Лев, в то время 14-летний подросток (ныне — первый заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии).

По совести говоря, до той поры о финансах и банках вообще у меня было весьма приблизительное представление, хотя я уже прочитал книгу известного немецкого экономиста Гильфердинга «Финансовый капитал». Сам я в банках не бывал — не было надобности, хотя, конечно, хорошо знал, что именно там в специальных сейфах и хранятся огромные ценности.

Помню, как в точно назначенный час мы со своим немногочисленным отрядом, вооруженные револьверами, пришли в банк, заняли все входы и выходы и поднялись на второй этаж. Видим, в большой комнате сидят много людей и что-то усердно пишут, щелкают на счетах. Мы вошли и скомандовали: «Встать, руки вверх!» Позвали управляющего. Спрашиваю его: «Где у вас сейфы?» Он подводит меня к сейфу. Я предлагаю ему открыть сейф. Он отвечает: «Не могу. У сейфа два ключа: один у меня, другой у хозяина. Мы можем открыть сейф только вдвоем». Сначала я возмутился, решив, что управляющий просто не хочет подчиняться представителям новой власти, но потом поверил его словам. Посмотрел вокруг: все как будто в порядке. Тогда я разрешил служащим сесть и продолжать работать. Оставил в банке комиссара, несколько человек из отряда, а сам ушел. Банковские сейфы были опечатаны, позже вскрыты, а после учета все ценности банка перешли в руки Советской власти.

Так были национализированы в Баку и остальные банки, которых тогда насчитывалось в городе что-то около десяти.

Нельзя, конечно, сказать, что национализация банков прошла очень уж спокойно. Было упорное сопротивление, гневные протесты, угрожающие телеграммы в Бакинский Совнарком... Но в конце концов все это было преодолено.

А как осуществлялась национализация нефтяной промышленности в Баку? Надо сказать, что начиная с февраля 1918 года этот вопрос был предметом неоднократных обсуждений на бакинских партийных конференциях и заседаниях Бакинского комитета партии. Инициатором постановления этого вопроса был обычно Шаумян. Среди коммунистов по этому поводу шли большие споры. Некоторые руководящие работники высказывали опасение, как бы в результате национализации не сократилась добыча нефти, столь необходимой для Советской России: они считали, что инженерно-технический персонал и администрация нефтепромыслов, крепко держась за своих хозяев, пойдут против национализации и будут проводить саботаж; у нас же тогда своих инженерно-технических кадров почти не было.

Вопрос о национализации бакинской нефтяной промышленности имел исключительно важное значение для всей страны. От количества нефти, отправляемой тогда из Баку, фактически во многом зависела участь власти Советов в России. Шаумян несколько раз советовался с Лениным по этому вопросу. Ленин поддержал Шаумяна в решении о немедленной национализации. Было принято соответствующее решение Совета Народных Комиссаров. Однако представители нефтяных фирм, сидя в Москве, вели соответствующую «работу», в том числе и среди специалистов ВСНХ. Те в свою очередь пугали неизбежным развалом нефтепромыслов в случае их национализации. Промышленники, пользуясь оттяжкой, всячески саботировали поставку нефти. ВСНХ довольно долго не принимал практических мер и не давал в Баку никаких указаний по этому вопросу. Более того, из ВСНХ была даже получена телеграмма о временной задержке национализации, а телеграмма из Главнефти фактически отменяла национализацию.

Спокойный, всегда уравновешенный, Шаумян на этот раз был выведен из терпения. Он был вынужден обратиться к Ленину со следующей телеграммой: «...такая политика непонятна для нас, крайне вредна, как я уже протестовал один раз и повторяю еще — решительно протестую. После того,

что уже сделано, и сделано очень хорошо, возврата быть не может. Эти телеграммы приносят только дезорганизацию. Прошу вашего личного вмешательства для предупреждения тяжелых последствий для промышленности».

В мае 1918 года на Бакинской партийной конференции было решено немедленно провести национализацию нефтяной промышленности, хотя декрет о национализации не был еще получен из Москвы.

После партийной конференции Бакинский Совет Народных Комиссаров принял постановление о национализации нефтяной промышленности. Был образован Бакинский совет народного хозяйства, в подчинение которому и была передана вся нефтяная промышленность. Одновременно с этим Совнарком провел национализацию Каспийского торгового флота, занимавшегося главным образом перевозкой нефти в Астрахань.

Во главе Бакинского Совнархоза был поставлен Ваня Фиолетов — большевик, много лет являвшийся одним из руководителей профсоюза рабочих нефтяной промышленности. К слову сказать, Фиолетов был одним из тех, кто выступал вначале тоже против национализации нефтяной промышленности. Однако, когда вопрос о национализации был решен окончательно, он всей душой отдался этому делу, что еще больше подняло наше уважение и любовь к нему.

Все опасения насчет того, что национализация нефтяной промышленности приведет к упадку добычи и вывоза нефти, не оправдались. Наоборот, добыча не сократилась, а вывоз нефти — что было в то время особо важно — резко увеличился.

* *
*

Весной 1918 года стало известно, что в Иране находится хорошо сколоченная группировка войск из северокавказского казачества во главе с полковником Лазарем Бичераховым, принимавшая участие в боях против турок в составе русского экспедиционного корпуса. Этот отряд получал жалованье от англичан, поскольку те оплачивали вообще весь русский экспедиционный корпус на условиях последующего перерасчета с русским правительством.

Бичерахов уже не раз обращался через разных лиц с просьбой, чтобы его отряду численностью более 1500 человек, с полным вооружением, разрешили в организованном порядке эвакуироваться из Ирана в Баку. Он заявлял, что хотя в

Советах он и не разбирается и не хочет вмешиваться в нашу внутреннюю политику, но он готов сражаться против турецко-немецких войск и поддерживать центральную Советскую власть, потому что, кроме нее, нет другой такой силы в стране, которая могла бы отстоять Россию.

В течение мая — июня 1918 года шли переговоры по поводу этого отряда. Было немало оснований опасаться, не является ли Бичерахов английским агентом и не повлечет ли каких-либо опасных последствий принятие такого большого и организованного отряда в Баку.

Несколько раз по этому вопросу Шаумян писал Ленину, высказывая свои сомнения и передавая ему имевшуюся по этому вопросу информацию. С другой стороны, он говорил и о желательности получить такую сильную военную поддержку. К тому же мы стали получать сведения о том, что в отряде Бичерахова все более зреют настроения в пользу Советской России. После долгих колебаний, раздумий, переговоров укрепилось мнение, что правильнее все же принять Бичерахова. Такому решению способствовало то обстоятельство, что Бичерахов вез с собой довольно большой запас вооружения и воинского имущества, так остро необходимого тогда для Баку.

После того как Шаумян согласовал с Лениным вопрос о принятии Бичерахова, он доложил об этом на заседании Бакинского Совета в июне 1918 года.

Шаумян огласил тогда и последнюю телеграмму, полученную от Бичерахова: «Все ваши условия, предложенные комиссаром Коргановым, признаю не потому, чтобы получить какое-нибудь ответственное назначение, а потому, что вижу спасение России в Советской власти, в ее целесообразности. В спасение России Учредительным собранием или Земским собором не верю, ибо некому провести в жизнь постановления их до тех пор, пока Советская власть не будет сильна. Всякое выступление против Советской власти считаю преступным предательством. Саботаж Советской власти считаю преступлением. Ни к власти, ни к ответственному посту не стремлюсь. Ни в политике, ни в социализме ничего не понимаю, к строительству новой жизни не подготовлен. Я казак, умею немного воевать, немного понимаю в военном деле, и только».

Шаумян сообщил, что Бакинский Совет Народных Комиссаров заключил следующее соглашение с уполномоченным Бичерахова Альхави: «Бичерахов признает Советскую

власть — как всероссийскую, так и бакинскую. Он назначается командующим одной из частей Кавказской красной армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В оперативном отношении он пользуется самостоятельностью, но все его приказы скрепляются подписью комиссара. Временное приостановление или прекращение военных действий зависит от Бакинского Совета Народных Комиссаров. Боевые задачи разрешаются штабом и приводятся в исполнение командующим самостоятельно. Отряд Бичерахова получает содержание от Бакинского Совета Народных Комиссаров, который берет на себя содержание всех отрядов, которые могут быть организованы Бичераховым в дальнейшем на Северном Кавказе и которые также войдут в состав Красной Армии».

В начале июля Бичерахов с отрядом прибыл в район Баку. На всякий случай было решено принять его не в Баку, а на станции Алят, что, кроме всего прочего, давало возможность двинуть его отряд сразу на фронт. Бичерахов командовал войсками правого крыла фронта.

Первоначально в боях против турок войска под командованием Бичерахова показали себя неплохо. Однако дальнейшее развитие событий — отступление Красной Армии к Баку, а также успехи агитации правых партий за приглашение англичан в Баку — изменили поведение Бичерахова. Без всякого предупреждения он увел свои войска в сторону Дагестана и оголил фронт. Предательство Бичерахова сыграло роковую роль в обороне Баку.

* *
*

Летом 1918 года над Бакинской коммуной нависла серьезная военная угроза. Немецко-турецкое командование начало поход в Закавказье, чтобы захватить Баку — кладовую нефти.

Следует напомнить, что в ту пору в Закавказье Советская власть существовала лишь в Баку, его пригородах и в нескольких уездах Бакинской губернии. В остальном Закавказье господствовала власть контрреволюционного Закавказского комиссариата, возглавляемого грузинскими меньшевиками, азербайджанскими мусаватистами и армянскими дашнаками.

Смертельно боясь нарастающего революционного подъема в Закавказье, этот комиссариат шел на крайние меры, проводя политику жестокого террора против рабочих и кре-

стьян. Однако вскоре, поняв, что предательская политика комиссариата вызывает возмущение народных масс, стоящие за его спиной партии решили прибегнуть к новой хитрости, еще раз обмануть трудящихся. В феврале 1918 года они созвали «широкопредставительный» закавказский сейм, который, однако, по-прежнему состоял из меньшевиков, мусаватов, дашнаков, эсеров и кадетов. Сейм создал свое правительство во главе с меньшевиком Чхеидзе и объявил независимой Закавказскую республику, тем самым юридически оформив ее отделение от Российской Республики (хотя фактически уже Закавказский комиссариат и раньше не признавал центральной власти Советской России, выжидая провала большевиков и прихода к власти эсеро-меньшевистского правительства).

Вскоре закавказский сейм открыто вступил в переговоры и сговор с Германией и Турцией. Было объявлено об образовании Грузинской республики во главе с лидером грузинских меньшевиков Жордания. Грузинская республика была формально признана Германией, которая тем самым нарушила свои обязательства по Брестскому миру. Правительство Грузии дало разрешение на ввод немецких войск на территорию республики и их проход в Баку. Вскоре то же сделали азербайджанские и армянские помещики и капиталисты, объявившие об образовании своих государств.

Большевики Закавказья развернули широкую кампанию против сейма, разоблачая истинные намерения его организаторов и вдохновителей. Надо сказать, что вообще в тот период коммунистические организации Закавказья значительно выросли и организационно окрепли. Это немало способствовало революционному подъему народных масс.

Следует отметить, что раньше не только социалистические, но и все буржуазные закавказские партии не требовали в своих программах выхода из России, за исключением небольшой реакционной пантюркистской группы в Азербайджане и Дагестане, которая упорно добивалась присоединения к Турции. Грузинская партия федералистов и армянская партия дашнаков требовали федеративного положения в составе России. Меньшевики вместе с большевиками до Октябрьской революции высказывались за единство республиканской России — за областные самоуправления. Это предусматривалось и в программе РСДРП.

Еще в начале октября 1917 года на первом Кавказском краевом съезде большевиков, как я уже говорил выше, среди

других обсуждался национальный вопрос. Докладчик — Ма-
лакья Торошелидзе — отстаивал старую позицию областного
самоуправления, не предлагая ничего нового в национальной
политике партии.

Шаумян выдвинул новое предложение: разделить Закав-
казье на три территориальные национальные автономные об-
ласти с учетом национального состава населения этих тер-
риторий. К сожалению, съезд не понял новых требований
изменившейся политической обстановки и отклонил тогда
предложение Шаумяна. Я был делегатом этого съезда и тоже
(хотя и считал себя человеком, понимающим национальную
политику нашей партии) оказался среди тех, кто не понял
и не поддержал предложение Шаумяна. Это было нашей по-
литической ошибкой.

Эту свою ошибку бакинские коммунисты признали
только в 1919 году, выдвинув правильный лозунг борьбы за
самостоятельное национальное государство — за Советский
Азербайджан, тесно связанный с Советской Россией.

В свою очередь нам очень долго пришлось убеждать руко-
водящих тифлисских товарищей-большевиков стать на такую
же позицию. Мы пошли тогда с ними на компромисс: они не
выступают против нашего лозунга Советского Азербайджана,
а мы не поднимаем пока вопроса о создании советских рес-
публик в Грузии и Армении. После победы Советской власти
в Азербайджане, в апреле 1920 года, старая позиция тифлис-
ских товарищей стала уже просто невозможной.

* *
*

Правящие круги султанской Турции всячески добивались
включения Азербайджана в состав своего государства. Вы-
ступившие вскоре турецкие войска шли на Баку; им всячески
помогали азербайджанские помещики, правительство кото-
рых находилось в Елизаветполе и держало в своем подчине-
нии те районы Азербайджана, где не было Советской власти.

Фактически началась вооруженная интервенция в Закав-
казье силами германо-турецких империалистов в союзе с
внутренней контрреволюцией. В то время положение Совет-
ской власти в Центральной России было также крайне тяже-
лым. Помощь из России к нам шла, но, конечно, не в тех
масштабах, какие были нам нужны в столь критический мо-
мент.

Тогда Шаумян направил к Ленину старого большевика, председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Саака Тер-Габриэляна¹, чтобы добиться получения военной и материальной помощи. Он был принят Лениным, который обещал оказать помощь и, кроме того, возложил на него обязанность всемерно ускорить вывоз нефти из Баку в Россию, выдав ему удостоверение за своей подписью. Одновременно Ленин написал Троцкому 24 мая 1918 года следующую записку: «Податель тов. Тер-Габриэлян едет в Баку с военным отрядом, с деньгами и пр. Прошу принять его вне очереди и воспользоваться поездкой отряда для экстренных мер военной помощи бакинцам»².

Эти строки яснее ясного показывают, какое значение придавал Ленин защите Баку.

Указания Ленина были выполнены. Тер-Габриэлян получил вне очереди все необходимое. У него возникли трудности с перевозкой отряда, предоставленного в его распоряжение. 5 июня Тер-Габриэлян был на заседании Совнаркома и написал Ленину записку: «Глубокоуважаемый Владимир Ильич! Умоляю Вас, прикажите Центробронь, чтобы она завтра непременно погрузила бы Бакинский отряд, иначе я буду бессилён сделать что-нибудь для немедленного отъезда».

Ленин на этой же записке написал ему:

«Почему не обратились ко мне раньше? Ваш телефон? Что такое *центробронь*? ее телефон?»

Тер-Габриэлян ответил: «Центробронь — организация, имеющая в своем распоряжении все броневые автомобили. Телефона — нет. Адрес: Знаменка, № 5, особняк Долгорукова. Мой телефон: 5.29.00, комн. 436».

В результате энергичного вмешательства Ленина Тер-Габриэлян с вооруженным отрядом и деньгами выехал, но эта помощь не поспела вовремя³.

Приближалось решающее сражение. Где встретить врага? Ждать ли его под стенами Баку и тут дать ему бой? Или, не дожидаясь его приближения, самим перейти в наступление, достичь Елизаветполя и там разбить противника? Было принято второе решение, как наиболее правильное.

¹ Впоследствии Тер-Габриэлян стал председателем СНК Армении и успешно работал на этом посту.

² Ленинский сборник XXXVII, стр. 83.

³ Переписка Тер-Габриэляна с Лениным опубликована впервые в середине 1970 года в XXXVII Ленинском сборнике, стр. 86—87.

Когда в начале июня 1918 года было принято решение о наступлении Красной Армии, мне разрешили уехать на фронт. Я был назначен комиссаром 3-й бригады, которой командовал известный дашнак Амазасп. Место моего назначения — правый фланг фронта, севернее железнодорожной магистрали Баку — Елизаветполь, в направлении Шемахинского и Геокчайского уездов.

Положение мое было не из легких. Мне, не имевшему военного опыта, предстояло знакомиться с командными кадрами и солдатами в ходе самого наступления. Нужно было завоевать доверие своих подчиненных, организовать среди них воспитательную политическую работу. Кроме того, я должен был участвовать как в принятии решений о проведении военных операций, так и в их непосредственном осуществлении.

В течение первого месяца мы продвинулись довольно далеко вперед. Дела наши шли неплохо, хотя и трудностей было много. Мусаватисты, например, всячески старались, отступая, уводить с собой местное азербайджанское население. А между тем подошла пора убирать созревшие хлеба. Мы проводили мобилизацию местного населения на уборку хлеба, но рабочих рук все-таки не хватало. Задерживаться же воинским частям было нельзя. Помню, я послал тогда телеграмму Джапаридзе и Шаумяну. Привожу сохранившийся текст этой телеграммы:

«Баку, из Кордамира. Военно-революционный комитет. Народному комиссару П. Джапаридзе. Копия Шаумяну.

...В долине рек Шемахинского, Геокчайского уездов, занятых нами, хлеб уже созрел и некому убирать его. С целью спасти небывало богатый урожай мною сделано предписание Геокчайскому и Шемахинскому уездным комиссарам о немедленной организации в указанных местностях уборки хлеба. С этой целью предложил объявить обязательную трудовую повинность и приготовить к этой работе рабочие руки... О необходимых орудиях труда обратиться к вам... И, продолжая уборку хлеба, ждать вашего распоряжения. У привлеченных рабочих работа должна производиться коммунально под руководством местной Советской власти и назначенных мною особых лиц. Через неделю у нас будет новый хлеб для армии. Пока только жду распоряжений и помощи.

Комиссар 3-й бригады *Микоян*».
(Газ. «Кавказская Красная Армия» № 29, июня 1918 г.)

Недели через две после начала нашего наступления на станцию Аджикабул, где был штаб, приехал Шаумян. Он провел широкое военное совещание. Я должен был присутствовать на этом совещании как комиссар бригады и очень

хотел этого, но не смог поехать: понадобилась бы отлучка на день-два, а события развивались так быстро и стремительно, что мой отъезд из бригады даже на один день был невозможен. Так я не попал на это совещание и очень жалел об этом.

Успешно наступая, мы вскоре подошли к уездному центру Геокчаю. В это время турки ввели в бой свежие части и ударили во фланг наших войск. Чтобы не допустить окружения своих передовых частей, мы должны были вывести их из города. Началось отступление с боями.

Участье в этих боях было для меня хорошей военной школой. До этого у меня не было никаких столкновений ни с командиром бригады, ни с начальником штаба. В частях меня узнавали и, судя по всему, признавали. Влияла не столько моя политическая работа — выступления перед солдатами, беседы с ними и т. д., — но, пожалуй, больше всего солдатам пришлось по душе то, что, в отличие от командира бригады Амазаспа, я долго не засиживался в штабе, а большую часть времени проводил в окопах среди солдат — то в одном, то в другом батальоне.

С начала отступления я шел с арьергардом, в последних рядах отступающих войск, чтобы не допустить среди солдат паники. Отступая, мы перешли через перевал и закрепились на другой его стороне. Вершина горы была в руках турок. Позиция их по сравнению с нашей была более выгодной. К тому же у нас не было резервов. Командир нашей бригады Амазасп и командующий отрядом (к тому времени на Шемахинском направлении сформировался отряд в составе нашей бригады и других соседних воинских частей под командованием бывшего полковника царской армии Казарова) все время повторяли, что турки при поддержке кавалерии могут ударить по левому флангу наших позиций, прорвать его, отрезать от тыла и разгромить. Мы ждали подкрепления. Часть прибывшего из России отряда Петрова ожидалась через день-два в Шемахе.

Заяла позицию на фронте и дружина из нескольких сот молокан — русских крестьян Шемахинского уезда. Это была подмога. Но все-таки достаточного резерва, который можно было бы использовать, у нас не было. Мы могли располагать лишь кавалерийской сотней, да и то неполной.

В такой трудной обстановке, когда мы находились в штабной палатке, командир бригады стал жаловаться, что у него якобы сильно заболел живот, и он не в силах больше оставаться здесь. Он взял коня, телохранителей и уехал. Только

через несколько дней я догадался, что болезнь Амазаспа была выдумкой.

На следующий день утром турки усилили огонь. В штаб стали поступать донесения из батальонов о напряженности положения, просьбы дать подкрепление. Некоторые доклады вали, что без подкреплений они не смогут удержать занимаемых позиций. Возникла угроза, что та или другая часть может сняться с позиций и убежать, а это привело бы к катастрофическим последствиям для всего отряда.

Командующий отрядом Казаров говорил, что единственный выход — отступить организованно до Шемахи, а затем до Маразы; но это нужно сделать только ночью, потому что отступить днем по открытому месту значило дать туркам возможность разгромить все части.

Вдруг, еще до обеда, Казаров заявил мне, что он тоже плохо себя чувствует и должен уехать в госпиталь в Шемаху. Это меня возмутило: вчера заболел командир бригады, а сегодня — командующий отрядом! Надо сказать, что командующий отрядом был опытным военным командиром и его присутствие в части было крайне необходимо, тем более в такой напряженный момент. Но он очень настойчиво твердил, что заболел тяжело. Я ничего не мог с ним поделать. Он уехал. Войска остались без командования. Старшим здесь оказался я — комиссар, почти не имеющий опыта военной работы.

Я понимал, что в создавшихся условиях моя главная задача состоит в том, чтобы выстоять до темноты, а ночью организованно отойти к холмам перед Шемахой.

Соединившись по полевому телефону с командирами батальонов, я проинформировал их о положении дел, дал строгие указания во что бы то ни стало удерживать позиции и ночью, когда будет дан сигнал, организованно отойти на намеченные рубежи. Командиры обещали мне все это выполнить, хотя и сетовали на трудности.

Я пошел проверить положение на батарее. Снарядов там оставалось мало — десятка полтора. Но командир батареи и весь расчет оказались спокойными, опытными военными: они берегли снаряды до решающей схватки.

Вернувшись в штабную палатку, чтобы выяснить, не было ли каких новых сообщений, я узнал от командира батальона, что молоканская дружина хочет разойтись по домам. Образовывался прорыв фронта, и нам нечем было его прикрыть. Я сразу же отправился на позиции, занятые молоканами. Они находились рядом с нашей бригадой. Добровольная дружина

молокан состояла, как я уже говорил, из русских поселенцев этого района. Их села были в непосредственной близости от передовых позиций. До этого дня молokane вели себя твердо, никаких колебаний у них не было.

Придя в расположение молокан, я выяснил, что их волнует, чем они недовольны. Они мне сказали:

— Мы отступали до этого места, где сейчас стоим и где находятся наши родные села. Но если придется отступить еще дальше, наши села попадут в руки турок.

Они не верили в то, что нам удастся удержать занятые позиции, и потому собрались разойтись по домам. Я стал их увещевать, они же продолжали настаивать на своем:

— Мы, крестьяне, добровольно пришли вам на помощь, но сейчас мы не можем бросить свои семьи на произвол судьбы.

В результате долгих переговоров мне все же удалось уговорить их держать занятые позиции до тех пор, пока их занимает наша бригада; если же нам придется отступить, то и они, не допуская прорыва, могут отойти в организованном порядке, а потом разойтись по домам. На том и порешили.

Вернувшись в штаб, я застал там Сафарова — командира конной сотни партизанского отряда Татевоса Амирова. До этого я с ним уже встречался несколько раз, и он производил на меня весьма приятное впечатление. Это был человек волевой, прямой, хорошо относящийся к Советской власти. Он и его начальник Амиров особенно хорошо относились к Шаумяну. (Об Амирове, который впоследствии погиб в числе 26 бакинских комиссаров, о его своеобразной и противоречивой личности я расскажу дальше несколько подробнее.)

В это время к нам поступило сообщение, что турецкие войска начали какие-то подозрительные передвижения на левом фланге. Конная сотня Сафарова стояла в запасе в овраге. Мы с ним договорились: он выведет свою сотню из оврага, чтобы дезориентировать противника, и инсценирует передвижение нашей конницы. Ему это успешно удалось: он двинул сотню по склону горы, как бы в обход турецких позиций. Все это происходило во второй половине дня. Я был уверен, что до ночи нам удастся удержаться на своих позициях. Однако положение было весьма неустойчивым и усугублялось еще тем, что командиры батальонов, позвонив в штаб, узнали, что ни командира бригады, ни командующего отрядом на месте нет. Это, естественно, их смутило.

Я направился к батальону, занимавшему нашу центральную позицию. Он имел две цепи окопов. Побеседовав с солдатами, я не заметил у них особой тревоги. Командир батальона находился в несколько минорном настроении, хотя внешне был спокоен. Однако никакой собственной инициативы он не проявлял.

Мы находились во второй линии окопов; бой шел на первой линии, до которой было около трехсот метров. Путь к ней шел через овраг. Часть этого пути простреливалась противником, а сам овраг был в относительной безопасности. Я спросил командира батальона, был ли он сегодня на передовой.

— Нет, сегодня не был,— ответил он.— Но был там вчера ночью.

Тогда я предложил ему:

— Пойдемте сейчас вместе, побеседуем с бойцами и выясним обстановку.

В ответ я услышал:

— Туда идти сейчас опасно, турки все время обстреливают.

Я обозлился:

— Да, но на фронте всегда опасно! Что вы так трусите? Пойдем-то ведь вместе!

— Нет, пока не стемнеет, я не пойду. Не хочу зря рисковать!

Мне показалось, что в нем говорила не столько осторожность, сколько трусость. Эта трусость меня не только возмутила, но и вызвала какое-то чувство брезгливости к нему. Однако я сдержался и лишь резко сказал, что, раз так, я пойду один. И стал спускаться в овраг.

Только сделал несколько десятков шагов, как с разных сторон засвистели пули. Я упал на землю, как бы убитый. Свист пуль некоторое время продолжался. Инстинктивно я стал потихоньку придвигать к себе близлежащие камни, чтобы спрятать за ними голову, не то можно было погибнуть даже и от шальной пули. Потом, немного отдохнув, я воспользовался затишьем, вскочил и быстро побежал вперед. Пули засвистели снова. Я опять упал. В это время я подумал, что вообще, выскочив в овраг, я сделал глупость, проявил горячность: ведь меня могли легко убить или ранить. И все это в такой момент, когда нет ни командира бригады, ни командующего отрядом. Тут я еще больше разозлился на командира батальона, но уже не столько за то, что тот не за-

хотел идти со мной, сколько за то, что он не отговорил меня.

Турки, видимо, решили, что я убит, и перестали стрелять. До безопасной зоны оставалось не более двух десятков шагов. Я вновь рванулся вперед и ввалился в овраг. Чувство какого-то облегчения овладело мной. Я стал спокойно подниматься по склону горы к передовым окопам. Находившиеся там солдаты оборачивались, удивляясь, откуда я взялся.

Выяснилось, что настроение у солдат хорошее, патроны и хлеб есть, жалоб особых нет. Солдаты расспрашивали меня об общем положении на фронте.

— Положение, сами знаете, неважное, — ответил я. Затем похвалил их, сказал, что надо и впредь так держать, что отступать назад без приказа нельзя ни на шаг. Так я обошел всю цепь. Поговорил с командирами двух рот. Им я прямо сказал, что ночью мы, очевидно, начнем отступление и что их роты будут отступать последними, прикрывая наш отход.

Командиры рот мне очень понравились, им можно было верить. Мое появление у них, судя по всему, тоже произвело хорошее впечатление. Но они по-товарищески журили меня за то, что я подверг себя такой опасности и к тому же неправильно выбрал путь. Оказывается, надо было идти через овраг чуть дальше: там простреливалось значительно меньшее расстояние. Один из красноармейцев, который хорошо знал именно этот, менее опасный путь, проводил меня. Отпуская меня, командир роты сказал, что, когда я достигну опасной зоны, они откроют сильный ружейный огонь и тем отвлекут от меня внимание турок. Так все и произошло.

Одним словом, я благополучно вернулся назад. В штабе узнал, что за время моего отсутствия все было спокойно. Войска продолжали удерживать позиции.

С наступлением темноты наши части стали сниматься и организованно отходить в сторону города Шемахи. Турки не заметили нашего отступления и не преследовали нас. Наши части расположились на холмах перед городом.

В Шемахе я застал командующего нашим отрядом. По его виду никак нельзя было сказать, что он серьезно болен. Стал его спрашивать, что же мы будем делать дальше. Казаров сказал, что нужны день-два на то, чтобы привести наши войска в порядок и что боя туркам под Шемахой давать нельзя. Нужно отойти в район села Маразы — это один переход от Шемахи в сторону Баку. На все мои возражения он заявил:

— Войска устали, а к туркам подошло свежее подкрепление, и если здесь дать бой, то мы его можем проиграть и понести большие потери, что будет хуже для обороны Баку. И позиции для боя не очень для нас выгодны. Если же мы организованно отступим до села Маразы, то сможем там закрепиться, тем более что там мы будем обеспечены снабжением, а турки, оторвавшись от своих обозов, попадут в более трудное положение. К тому же, — говорил он, — на нашем левом фланге части Красной Армии отступают.

Я оказался не в состоянии доказать ему обратное, так как и сам еще не был окончательно уверен в своей правоте. К тому же Казаров, участник мировой войны, был действительно опытный военный. Я не знал еще тогда, что он уже давно за моей спиной договорился обо всем с Амазаспом. Но тогда подозревать их в предательстве у меня не было оснований.

На следующее утро я проверил, как идет эвакуация раненых. Их всех удалось вывезти. Успели также погрузить на конный транспорт и отправить имевшийся у нас небольшой запас боеприпасов.

В середине дня вдруг подбегает ко мне командир одной роты и докладывает, что его солдаты без разрешения снялись с позиции и уходят по соседней улице в сторону Баку. Мы с ним побежали на ту улицу. Увидя толпу солдат, действительно идущих в направлении Баку, я выхватил револьвер и закричал:

— Стой, стрелять буду!

Уверенности в благополучном исходе своего шага у меня не было. Я понимал: «Их много, они вооружены, а я один с их командиром, к тому же угрожаю револьвером; что им стоит убить нас?» Однако я еще раз крикнул. Солдаты остановились. Я приказал им немедленно вернуться обратно. Они послушались и вернулись. Однако минут через пятнадцать мне сообщили, что те же солдаты вновь бегут, но уже по другой улице.

Как раз в этот момент в Шемаху прибыла часть отряда Петрова. В моем распоряжении оказалась надежная группа матросов, к тому же на грузовике и с пулеметом. Вместе с ними я бросился за убегающими красноармейцами. Догнали, направили на них пулемет. Наконец-то их удалось остановить, а затем и вернуть на место.

Когда стемнело, мы подняли пехоту, оставив конницу в арьергарде, на подступах к Шемахе. Командный состав на

конях двигался с пехотой. Не прошли мы и 5—10 километров, как начался проливной дождь, который лил всю ночь; все промокли до костей, грязь была по колено.

До рассвета мы шли по раскисшему чернозему с боевым снаряжением. Коням было трудно передвигаться по грязи. Солдаты совершенно выбились из сил.

Мы верхом ехали шагом, не отрываясь от пехоты. Рядом со мной ехал командующий отрядом. Мне не хотелось с ним говорить, поэтому мы молчали, каждый погруженный в свои думы. Меня тревожила тогда обстановка на других участках фронта. Думал я и о том, какие указания мы получим из Баку по прибытии в Маразы. Тут я впервые стал серьезно думать о странной позиции командующего отрядом и «заболевшего» командира бригады. У меня мелькнула мысль: а нет ли у них какого сговора, уж очень дружно они «заболели» и как-то подозрительно схожи были их рассуждения.

Внешне и тот и другой были очень вежливы. Но... В общем, в голову закрадывались подозрения. Я понимал, что одному мне с ними не справиться: не хватит ни сил, ни знаний. Я решил, что по прибытии в Маразы потребую, чтобы Шемболдаев или кто-нибудь другой приехал к нам из Баку, помог разобраться и правильно организовать оборону.

Совершенно промокший, уставший, в эту ночь я впервые в жизни, спал... сидя верхом на коне. Засыпая, я вдруг чувствовал, что падаю. Сразу просыпался. И так много раз. До этого я никак не мог себе представить, как это можно спать верхом. Оказывается, человеческий организм способен и на это.

В Маразах мы собрали весь командный состав и приказали привести части в боевой порядок, занять позиции, выставить охрану и послать конную разведку в сторону Шемахи.

Старший командир из отряда Петрова доложил мне, что ночью при отступлении застрял в грязи их броневедомо-мобиль — единственный на нашем участке фронта. Чтобы его вытащить, мы направили туда конницу.

К этому времени конная разведка донесла, что турки вступили в Шемаху, но дальше не продвигаются. Стало ясно, что мы оторвались от противника на большое расстояние. Видимо, турки приводили в порядок свои войска.

Я сообщил в Баку о положении дел, просил принять меры к обеспечению снабжения войск, а также прислать Шемболдаева для помощи в составлении плана нашей обороны.

В Маразах я остановился отдельно от командующего отрядом, в крестьянской избе. Поскольку из Баку мне обещали, что Шеболдаев приедет, я спокойно лег спать.

Встаю на другой день и вижу: все войска выстроены. Впереди на конях — командующий отрядом и неожиданно появившийся командир нашей бригады. Оказывается, уже дана команда — двигаться в сторону Баку, прибыть в район Водокачки, который находится в нескольких километрах от станции Сумгаит.

Я был поражен: как это без меня, комиссара, было принято такое решение? Чем оно вызвано? Ведь турок не видно, зачем же так поспешно отступать? С этими вопросами я обратился к Амазаспу. Он ответил:

— Командую бригадой я, и сам отвечаю за свои действия, — и двинул коня вперед.

Я остановился, ошеломленный всем происшедшим.

Вскоре я встретил командира конной сотни Сафарова и предложил ему вместе с его сотней остаться в моем распоряжении. Он охотно согласился. Мы направились с ним на телеграф, чтобы немедленно сообщить о происшедшем в Баку.

По пути я спросил Сафарова, как он думает, оправдано ли такое отступление. Противника не видно, продовольствие не поступило. Отряд ушел без продовольствия и без воды, а путь от Маразов до Водокачки безводный. Сафаров согласился, что столь поспешный отход отряда ничем не оправдан. Тут я вспомнил и сопоставил все поступки и рассуждения командующего отрядом и командира бригады за последние дни. Получалась цепь заранее продуманных действий. «Предательство!» Придя к такому выводу, я направил в Баку в адрес Шаумяна телеграмму: «Вопреки моим усилиям, по приказу Амазаспа отошел обоз, а за ним постепенно двинулась пехота. Виновники должны быть преданы суду».

Отправив телеграмму, я поручил Сафарову послать конную разведку в сторону Шемахи, чтобы получить свежие данные о нахождении головной колонны турецких войск. Сами мы остались в Маразах.

Во второй половине дня разведчики вернулись и сообщили, что турки находятся еще в Шемахе и никакого продвижения их войск в нашу сторону не происходит. Получив такое донесение, мы с сотней Сафарова спокойно отошли к Водокачке.

Переночевав в расположении отряда Петрова (который уже стоял в районе Водокачки) и не заходя ни к Казарову,

ни к Амазаспу, я направился в расположение батальонов, чтобы побеседовать с солдатами, находившимися на отдыхе, выяснить моральное состояние частей и их боеспособность. Солдаты жаловались на большую усталость от многодневных боев и на трудности последнего отхода без продовольствия и воды. На мой вопрос, готовы ли они занять позиции, они ответили, что будут готовы, если им дадут хотя бы три дня, чтобы отдохнуть, помыться и выспаться. А пока просили отвести их в тыл, временно заменив свежими частями.

Это, конечно, было бы очень хорошо, но мы не знали, имелась ли такая возможность в Баку. Вместе с тем мы понимали: чтобы войти в соприкосновение с нашими войсками, туркам потребуется еще несколько дней. Это время и можно было бы использовать для отдыха.

Командирам батальонов были даны соответствующие указания. Они попросили только обеспечить их необходимым продовольствием. Я обещал выполнить их просьбу.

В то утро из Баку в мое распоряжение неожиданно поступила легковая машина. Она оказалась весьма кстати. Сразу я поехал на железнодорожную станцию Сумгаит, где имелась телеграфная связь с органами управления фронта. Получив гарантию, что продовольствие в нашу часть будет обязательно доставлено, я вернулся в расположение бригады.

Подъезжая к зданию водокачки, где был размещен штаб бригады, на расстоянии 100—150 метров от него я увидел около дороги несколько сот отдыхающих на земле красноармейцев. Машина моя была открытая, я сидел на заднем сиденье. Вдруг вижу, как один из красноармейцев лениво поднялся с земли и, опираясь на винтовку, обратился к шоферу, требуя остановить машину. Почему он обратился с этим вопросом к шоферу, а не ко мне, комиссару? Шофер не подчинился, машина продолжала двигаться. Тогда я приказал шоферу остановить машину и, выйдя из нее, строго спросил красноармейца:

— В чем дело, что случилось?

Подошли еще несколько бойцов. Первый красноармеец, смущаясь и волнуясь, спросил:

— Правда ли, товарищ комиссар, что вы предали нашего командира Амазаспа военному суду?

Этот вопрос крайне удивил меня. Откуда они могли узнать о моей телеграмме Шаумяну? Сразу мелькнула мысль: «Против меня, видимо, что-то задумано Амазаспом, так как, помимо него, солдаты ничего не могли знать о телеграмме».

Я ответил не сразу, а в свою очередь задал встречный вопрос:

— Вы видели турок, когда уходили из Маразов?

— Нет, — отвечают, — не видели.

— Зачем же тогда вы так поспешно отступали? Ведь у вас не было ни хлеба, ни воды.

— Да, не было.

— Тогда почему же, — продолжаю я, — не дожидаясь доставки продовольствия и воды, вы были переведены на новые позиции? Если военные обстоятельства требовали отхода, то и тогда надо бы подождать продовольствия. Турки находились далеко, прямой опасности столкновения с ними не было. Все эти вопросы и требуют разъяснения. Поэтому я и попросил военный суд разобраться, кто в этом виноват.

В это время нас уже окружало много десятков красноармейцев. Началась обычная мирная беседа солдат с комиссаром.

Во время этого разговора я увидел, что метрах в 100—150 от нас стоит Амазасп в окружении нескольких своих приближенных, пристально смотрит в нашу сторону и видит: задуманного самосуда надо мной не произошло. Тогда, видимо, по указанию Амазаспа, двое его телохранителей-кавалеристов побежали в нашу сторону, растолкали окружавших меня красноармейцев, а один из них размахнулся и ударил меня плетью по голове и шее. Я инстинктивно схватился за револьвер. Он тоже выхватил маузер. Но тут вмешались красноармейцы и разняли нас, предотвратив неизбежное кровопролитие. Я молча сел в машину и уехал. Всю дорогу я думал: как могло получиться, что Амазаспу стала известна моя телеграмма Шаумяну? Но так и не смог тогда найти ответа.

В Сумгаите первым делом я постарался достать газету «Бакинский рабочий», чтобы узнать новости. И вдруг в номере за 22 июля вижу дословный текст своей телеграммы Шаумяну. «Как это могло произойти? — возмущенно думал я. — Амазасп не арестован, не предан суду, а телеграмма опубликована в газете? Кому и зачем это понадобилось! Кому от этого польза?»

Позже, в Баку, выяснилось, что моя телеграмма была передана в газету по неопытности секретарем Шаумяна Ольгой Шатуновской, которая хотела обнародовать факт предательства дашнаков на фронте, чтобы подорвать их влияние на бакинских рабочих-армян.

Про себя я решил тогда же, что поеду в Баку, буду всячески добиваться ареста Амазаспа, а после этого вернусь на фронт.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Меньшевики, эсеры, дашнаки — за приглашение англичан. — Шаумян клеймит предательство. — Революционный Баку борется.

В газете за 25 июля я прочитал сообщение, которое взволновало меня еще больше. Оказывается, накануне во всех районах Баку состоялись массовые митинги, на которых обсуждался вопрос о приглашении английских войск в Баку. Большевики выступали против, а меньшевики, эсеры и дашнаки, являвшиеся прямой агентурой английского военного командования, открыто выступали за приглашение англичан.

О том, что бакинские эсеры были в те дни тесно связаны с англичанами, впоследствии достаточно красноречиво рассказал в своих мемуарах английский генерал Денстервиль, возглавлявший в Баку английские оккупационные войска. «Связь с Баку, — пишет этот генерал, — у меня была налажена при посредстве почты ежедневных курьеров... наши друзья социал-революционеры... были в состоянии в скором времени... свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан.

Я неоднократно, — признает далее Денстервиль, — вел переговоры с руководителями партии эсеров, программа которых гораздо больше соответствует нашим целям... Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с эсерами, и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки».

Рабочие Баку, обманутые и запутанные эсерами, дашнаками и меньшевиками, измученные голодом, напуганные нашествием турок и, видимо, недостаточно еще понимая всю опасность вторжения англичан, предпочли тогда английское зло немецко-турецкому и на митингах выступали за приглашение английских войск.

По существу, это было выражением открытого недоверия части рабочих политике большевиков. Я был поражен, что по такому важнейшему вопросу, да еще в такое грозное военное время, когда английские войска захватили Мурманск и Архангельск, когда началась общая интервенция против Советской власти и было ясно, что приглашение английских войск в Баку означает фактическое открытие дверей для оккупации ими города, могут еще устраиваться столь опасные дискуссии на митингах! Непоправимая ошибка, думал я.

Правда, в газетах я увидел и другие сообщения — о собраниях рабочих и красноармейцев, где принимались большевистские резолюции, направленные против приглашения англичан, требующие мобилизации рабочих на фронт. Это был голос сознательной, передовой части бакинского пролетариата.

Очень взволнованный всем происходящим, я немедленно отправился в Баку.

Приехал я туда 25 июля. В этот день заседал Бакинский Совет, на котором присутствовали члены районных Советов, судебных комитетов и представители Красной Армии.

* *
*

Заседание Совета подходило уже к концу. Был перерыв, после которого выступил Шаумян. Шаумян сделал доклад о политическом и военном положении и решительно осудил призывы меньшевиков, дашнаков и эсеров о приглашении в Баку англичан. Как чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, он сделал заявление от имени центральной Советской власти, сообщив, что V Всероссийский съезд Советов высказался за независимую политику Советской России — независимую от немцев и от англичан. Шаумян настоятельно требовал снять с обсуждения вопрос о приглашении английских войск. Он привел данные о помощи, оказанной нам Советской Россией, назвал цифры о количестве оружия, которое уже прибыло или находится по пути из Астрахани в Баку. Шаумян предлагал: в ожидании новой помощи из России мобилизовать и укрепить армию и флот, создав мощную оборону Баку.

Затем один за другим выступили представители правых партий с возражениями против предложения Шаумяна, со злобными нападками на Бакинский Совнарком, на Красную

Армию. Против правых со страстными речами выступили Азизбеков, Джапаридзе, Зевин и другие большевики.

В обстановке острой борьбы, несмотря на все усилия коммунистов, незначительным большинством одержала верх резолюция правых о приглашении английских войск в Баку и образовании нового коалиционного правительства с участием всех партий, представленных в Совете (за резолюцию объединенного блока меньшевиков, дашнаков и эсеров было подано 258 голосов, а за резолюцию большевиков, левых эсеров и левых дашнаков, предложенную Шаумяном, — 236).

Сыграл свою роковую роль и переход группы моряков Каспийской военной флотилии — частью обманутых, частью подкупленных английской агентурой — на сторону правых партий. Об этом прямо говорил Шаумян в своем выступлении. Он сказал также, что они еще пожалеют об этой роковой своей ошибке, но будет поздно.

После голосования Шаумян заявил, что, как представитель центральной Советской власти, он протестует против этого предательства.

Был объявлен перерыв, во время которого заседала большевистская фракция Бакинского Совета.

Я был уже в зале, когда возобновилось заседание Совета. С заявлением от имени фракции большевиков выступил Шаумян. Приглашение англичан, сказал он, есть не что иное, как акт черной неблагодарности и предательства по отношению к революционной России. Он заклеил эсеров, меньшевиков и дашнаков как врагов Советской власти и заявил, что большевики снимают с себя ответственность за эту преступную политику и отказываются от постов народных комиссаров.

Все это ошеломило меня тогда своей неожиданностью — я ведь не был в курсе всех событий, приведших к этому. Позже, когда изгладились первые впечатления и можно было более спокойно и тщательно разобраться во всей сложной обстановке тех дней, я писал: «Меньшевикам, эсерам и дашнакам действительно удалось посулами помощи англичан против осаждавших Баку турок запутать значительную часть бакинских рабочих. Рабочие дрогнули. Не было хлеба: Баку уже был отрезан от Северного Кавказа казачьими бандами. Голод гулял по рабочим кварталам. Баку был отрезан от источника доброкачественной воды. Под стенами города скапливалось все больше и больше контрреволюционных полчищ. Гул артиллерийского огня заглушал притихшие заводские

гудки. Страх возможной расправы контрреволюции подтачивал силы рабочих. Пользуясь легальностью, эсеро-меньшевистские прохвосты безнаказанно отравляли сознание рабочих мыслью о том, что стоит им захотеть, и несчетное количество «культурных» английских войск придет на помощь своим «братьям-союзникам» против турок, спасет город. На митингах в районах и на заседании Совета рабочих депутатов социал-предательское предложение о приглашении англичан получило большинство».

В ту же ночь, сразу после заседания Совета, состоялось экстренное расширенное заседание Бакинского комитета партии.

Многие из нас выступили против решения фракции большевиков об уходе народных комиссаров со своих постов. Было принято предложение власти не сдавать, к тому же новой власти Совет, по существу, не избрал. Все ранее существовавшие органы власти — исполком Совета, Совет Народных Комиссаров — должны продолжать свою работу. Было решено провести мобилизацию среди бакинских рабочих для пополнения рядов Красной Армии, ввести чрезвычайное положение в городе и принять меры против лиц, ведущих контрреволюционную агитацию. Ввиду особой сложности обстановки было решено созвать общебакинскую партийную конференцию. Она состоялась 27 июля 1918 года и подтвердила все решения, принятые на заседании Бакинского комитета партии.

На следующий день было созвано чрезвычайное заседание Бакинского Совета под председательством Джапаридзе.

28 июля Бакинский Совнарком издал приказ о дополнительной мобилизации в ряды Красной Армии. В тот же день исполком Бакинского Совета обратился с воззванием к населению, в котором сообщал в своем решении «довести до сведения населения гор. Баку, что Исполнительный комитет в полном своем составе по-прежнему продолжает стоять на страже рабоче-крестьянской Советской власти и всякая попытка, направленная против Совета, будет беспощадно подавлена Советом... Исполнительный комитет обращается ко всем войсковым частям, матросам и рабочим и ко всем, кто искренне дорожит Советской властью, быть на страже и железным кольцом сплотиться вокруг Совета, чтобы дать должный отпор осмеливающимся поднять голову в такой критический момент врагам Совета и достойно встретить надвигающегося на нас обнаглевшего врага».

Утром того же дня состоялись митинг и мощная демонстрация на площади Свободы с лозунгами: «Да здравствует новая мобилизация!», «Позор трусам, отклоняющимся от мобилизации!», «Смерть предателям и изменникам!», «Все к оружию, в ряды рабоче-крестьянской социалистической армии!», «Да здравствует РСФСР!», «Баку — только для Советской республики!», «Долой германо-турецких и английских империалистов!», «Англичане захватили всю Персию, хотят захватить Восточное Закавказье. Долой захватчиков!», «Германо-турки захватили все Закавказье, хотят захватить и Баку. Долой насильников и захватчиков!», «Долой предателей, которые хотят сдать Баку англичанам!», «Агитация за англичан вносит рознь в нашу братскую семью и ослабляет фронт. Долой эту агитацию!»

Джапаридзе приветствовал участников митинга и демонстрации от имени Бакинского Совета, заявив, что бакинский пролетариат с оружием в руках готов защищать Советскую власть. С пламенными речами выступили также Корганов, Зевин, Петров, Везиров, представители красноармейцев и моряков. Везиров говорил, в частности, что «прорыпающееся от векового сна мусульманское крестьянство связывает свою судьбу с судьбами социализма в России. Записываясь в армию десятками, мусульманские крестьяне отстаивают и будут отстаивать великую Россию».

Вечером в переполненном зале оперного театра состоялось собрание бойцов и командиров бакинского гарнизона. Выступая на этом собрании, Шаумян сказал, что «революционный фронт стиснут с двух сторон — извне и изнутри». Отвечая на вопрос, откуда бакинцам надо ждать помощи, Шаумян сказал: «...только из России! Только от революционных товарищей из центра мы можем получить поддержку. Пролетариат с точки зрения революционности не может обратиться к кому бы то ни было из угнетателей и целовать его руку за то, что рука эта, вооруженная кнутом, будет бить менее беспощадно, чем другой угнетатель. Это — рабская логика, рабская постановка вопроса, рабская психология». Он призвал бакинский пролетариат бороться «не только за свой город, за свой дом, но и за всю Россию. Эта историческая миссия, — заявил Шаумян, — должна наполнить гордостью бакинских товарищей-рабочих и призвать их к славной борьбе до конца — победить или умереть с честью».

Выступивший на собрании командир отряда Петров тоже призывал бойцов продолжать героическую оборону проле-

тарского Баку. От имени красноармейцев он выразил благодарность Шаумяну за его неустанную работу по укреплению Советской власти в Баку.

* *
*

Шаумян, информировав Ленина о положении и о мерах, которые принимаются на месте, просил его оказать в кратчайший срок помощь свежими войсковыми частями.

Надо сказать, что Ленин поддерживал постоянную связь с Шаумяном или непосредственно из Москвы, или через Сталина, который находился в Царицыне. «...Вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну»¹, — писал Ленин в августе 1918 года председателю Астраханского совдепа.

В ответ на просьбу Шаумяна о срочной присылке войск 29 июля была получена телеграмма Ленина: «Насчет посылки войск примем меры, но обещать навверное не можем»².

Такой недостаточно определенный ответ был вполне понятен и объясним. 1918 год был крайне тяжелым для Советской России. Прибалтику, Белоруссию, Украину оккупировали немцы. С Мурманска и Архангельска в центр России двигались английские войска. Во Владивостоке высадились японские и американские войска. Началось восстание чехословацкого экспедиционного корпуса, занявшего при поддержке белогвардейцев ряд важнейших городов на Урале и Средней Волге. Подняла голову казачья контрреволюция на Северном Кавказе. Банды Краснова шли на Царицын. Оренбургское казачество рвалось к Астрахани. В центре страны — Москве, затем в Ярославле, Астрахани вспыхивали левоэсеровские мятежи. Началось наступление англичан на Туркестан. Всюду были нужны вооруженные силы. Красная Армия в это время только еще начинала формироваться. Трудно было переводить войска с одного фронта на другой, везде ощущалась их нехватка.

Советская власть билась в смертельной схватке с восставшей контрреволюцией и иностранной интервенцией 14 государств.

В эти дни все наши лучшие пропагандисты пошли в массы, организуя митинги рабочих и солдат в поддержку Советской власти и против предателей. Организация «Гуммет»

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 142.

² Там же, стр. 129.

провела в разных частях города митинги азербайджанских трудящихся. Партийные деятели выступали с призывами защищать Советскую власть, пролетарский Баку от нашествия турецко-мусаватских полчищ.

Участники этих собраний выражали твердую решимость вместе со всем бакинским пролетариатом отстоять дело революции.

Однако не зевали и наши противники. Проходили тайные сборища заговорщиков — лидеров партии меньшевиков, правых эсеров и дашнаков вместе с заправилami Центрокаспия (Центральный комитет Каспийской военной флотилии) с представителем Бичерахова, являвшегося проводником воли английского военного командования.

Военно-революционный комитет Красной Армии принимал все меры для укрепления фронта.

Как член Бакинского комитета партии, я участвовал в те дни во всей партийной, политической и военной работе. И все же я стремился поскорее вернуться на фронт. Остро переживая наши общие трудности, я (чего греха таить!) никак не мог забыть чувства личной обиды, оскорбления и предательства Амазаспа.

В категорической форме я потребовал от Шаумяна немедленно арестовать Амазаспа и назначить вместо него одного из командиров батальонов.

— При этом условии, — говорил я Шаумяну, — я немедленно возвращусь на фронт и уверен, что нам удастся привести бригаду — в военном отношении вообще опытную — в полный боевой порядок и организовать на нашем участке фронта оборону Баку.

Шаумян понимал и разделял мои настроения и в то же время с большой терпимостью убеждал не торопиться:

— Ты пойми, — говорил он, — Амазасп находится в бригаде, он знает о твоём требовании предать его суду и, наверное, уже принял меры к самозащите. За его спиной Армянский национальный совет, а у нас нет такой силы, чтобы сейчас же осуществить то, чего ты требуешь. Если нам придется послать туда вооруженный отряд, то неминуемо начнется вооруженное столкновение, а это еще больше обострит положение на этом участке фронта.

При таких условиях мне уже нельзя было возвращаться в свою бригаду.

Когда было принято решение не сдавать власти в Баку, оставаться и сражаться здесь до конца, мы решили эвакуировать в Астрахань членов семей партийных и советских работников. Как и до этого, я жил на квартире Шаумяна. Екатерина Сергеевна всячески тянула с отъездом, не желая оставлять Шаумяна и двух сыновей-подростков — Сурена и Леву, участвовавших в боевой дружине большевиков. Шаумян день и ночь был занят на работе, на различных заседаниях и редко заглядывал домой. Я уговаривал Екатерину Сергеевну как можно быстрее уехать, потому что ее присутствие в Баку, да еще с малолетними детьми, волнует Степана. Не хотела уезжать также и жена Джапаридзе — Варвара Михайловна, имевшая на руках двух маленьких дочерей — Елену и Люцию. Приходилось и ее уговаривать ехать. В конце концов удалось заставить их собрать необходимые вещи.

Вечером 29 июля мне позвонил по телефону Шаумян.

— С фронта идут очень тревожные вести, — сказал он. — Турки прорвали фронт, а наши войска отступили до Баладжар — первой железнодорожной станции от Баку. Положение создалось очень запутанное. Поезжай туда сам, посмотри своими глазами, что там происходит, прими возможные меры и сообщи нам.

Я позвонил на железнодорожную станцию, чтобы мне подготовили паровоз для поездки на фронт.

Придя на вокзал, где уже стоял паровоз, я вдруг увидел около паровоза с винтовкой в руках Ольгу Шатуновскую. Спрашиваю ее:

— Откуда ты появилась, что здесь делаешь?

Оказалось, что Шаумян поручил ей сопровождать меня. Я решительно возражал, считая, что ей незачем ехать со мной, что она больше принесет пользы, исполняя свои обязанности секретаря Шаумяна.

Но она настаивала на своем, и я ничего не мог с ней поделать. Шатуновская поехала со мной.

Приехав в Баладжары, я прежде всего узнал, где находится штаб фронта. Он был в служебном салон-вагоне, куда я и направился. Встретил меня начальник штаба Аветисов. Это был опытный командир, бывший офицер царской армии, полковник, много старше меня. Однако он казался малопривлекательным. Вежливо с ним поздоровавшись, я спросил:

— Расскажите, пожалуйста, о положении дел на фронте в данный момент. Какие позиции занимают наши войска, какие — турки?

Я видел, что на столе у него лежала карта фронта, на которой были обозначены позиции. Несколько возбужденно Аветисов ответил, что положение очень плохое и по-настоящему он даже не знает, какое оно. Аветисов был явно растерян. Тогда я сказал ему:

— Ваше положение обязывает вас знать, как обстоят дела на фронте. К тому же на карте я вижу обозначение расположения наших сил и сил противника. Вероятно, это последние данные. Прошу не волноваться и доложить спокойно.

В таком же возбужденном состоянии Аветисов мне ответил, что все эти обозначения на карте ровно ничего не значат, так как на фронте хаос, части отступают, не спрашивая разрешения командования. Я стал расспрашивать, какими конкретно воинскими частями он располагает на подступах к Баку. Он назвал несколько батальонов, два бронепоезда и отряд Петрова. Тогда я спросил:

— А где же Бичерахов с его отрядом?

— Сегодня, — ответил он, — Бичерахов заявил об отказе воевать в составе Красной Армии против турок и, сняв свои части, оголил правый фланг нашей обороны.

Это был новый серьезный удар. Что было делать в таких условиях? Я предложил Аветисову приняться за восстановление связи с частями фронта и решить вопрос о переброске некоторых из них на участок фронта, оголенный Бичераховым. Он стал лепетать о том, что «не в силах что-либо сделать». Я понял, что продолжать с ним разговор бесполезно, и отправился искать вагон, в котором находился комиссар штаба Ганин. Застал я там также и бригадного комиссара Габышева. Рассказал им о разговоре с Аветисовым и стал расспрашивать о действительном положении дел. Они подтвердили, что положение на фронте тяжелое и что особенно оно усугубилось в связи с уходом отряда Бичерахова. На мой вопрос, какие части можно двинуть на позиции, оставленные казаками Бичерахова, они сказали, что более надежным было бы направить туда части отряда Петрова, находившиеся здесь, пополнить их подкреплением, полученным из Баку.

В Баладжарах не было воинского порядка. Как рассказывали товарищи, красноармейцы группами оставляли позиции и болтались на станции, внося тем самым еще большую дезорганизацию. Мы решили возложить на небольшую группу

матросов из отряда Петрова обязанности по наведению порядка на станции, вызвали командиров подразделений отряда Петрова, находившихся в Баладжарах, и приказали занять оставленные Бичераховым позиции, что и было ими выполнено.

Потом мы связались с Шеболдаевым и попросили его срочно прислать из Баку пополнение для отряда Петрова. Кроме того, просили направить две-три роты из числа вновь мобилизованных рабочих, которые проходят обучение. Шеболдаев обещал по возможности выполнить просьбу. Он сообщил нам как новость, что вместо Бичерахова командиром этого участка фронта назначен Петров, и рассказал, что Бичерахов мотивировал свой уход тем, что он не согласен с политикой, проводимой против англичан, поэтому снимает с себя обязанности командующего этим участком фронта и, выполняя желание своих казаков, направляется с ними на Северный Кавказ.

Поспав несколько часов, мы поднялись и вышли на станцию. Приятно было узнать и увидеть самим, что группе революционных моряков удалось навести порядок на станции. Вскоре стало известно, что отряд Петрова занял указанные ему позиции.

Зайдя в штаб к Аветисову, чтобы узнать от него хоть какие-нибудь новости, я вновь застал его в паническом состоянии. Он считал, что для сопротивления у нас нет сил, что турки могут нас быстро смять, что обещанная из Баку помощь не подходит и вряд ли подойдет. Все же я узнал от него, что какие-то армянские национальные части, подготовленные к выступлению на фронт, задерживаются в Баку. Пошел на вокзал, думая соединиться по телефону с Шаумяном. Однако он был занят на заседании Совета. Я снова зашел к Ганину и Габышеву. Вместе мы стали принимать меры для укрепления фронта.

Тем временем нам сообщили, что отряд Петрова стойко встретил на своем новом участке атаку турок и в кровопролитной схватке удержал позиции, хотя и понес большие потери в людях. В связи с этим стало еще более необходимым немедленное пополнение наших частей. Оно ожидалось с часу на час.

Снова, в третий раз, я зашел к Аветисову. Он находился в прежнем состоянии. На него даже не произвело никакого впечатления, что отряд Петрова отбил атаку турок. Я сказал ему, что никак не могу связаться с Шаумяном. Пока мы с ним

беседовали, в штаб зашел человек с железнодорожной станции и сказал, что сейчас как раз можно соединиться по телефону с Шаумяном. Аветисов выразил желание пойти со мной. Сначала я подумал: «Зачем ему идти со мной?» Потом решил: «А вдруг его присутствие окажется полезным для получения каких-либо данных, которые могут заинтересовать Шаумяна?» И мы пошли вместе.

В комнате, где стоял телефон, кроме нас с Аветисовым, никого не было. Я сразу же спросил Шаумяна, что происходит, что нам делать. Шаумян ответил, что политическое положение оказалось сложнее военного, что идут непрерывные заседания, бесконечные совещания представителей правых партий, Центрокаспия и Армянского национального совета. Меншевикам и эсерам удалось повести за собой руководителей Центрокаспия: они договорились послать корабли за англичанами в персидский порт Энзели. Армянский национальный совет не только отказывается послать на фронт против турок несколько хорошо организованных частей, но и требует начать мирные переговоры с турками и уже связался по этому поводу со шведским консульством как с посредником. Есть подозрение, что национальный совет готовится самостоятельно направить своих представителей к туркам. Делается это под благовидным предлогом: все равно фронт не удержать, а мирные переговоры могут спасти армянское население от резни, которая может произойти в случае захвата турками Баку. Одновременно национальный совет связался с эсерами из Центрокаспия и ведет двойную игру: с одной стороны, поддерживая немецко-турецкую линию, с другой — английскую. Мы, само собой разумеется, не можем согласиться ни с меньшевиками, ни с эсерами, ни с дашнаками. Они, по существу, разваливают тыл и тем самым ослабляют фронт. Мы будем продолжать борьбу. Затем Шаумян сказал то, что меня особенно поразило: оказывается, Аветисов еще вчера ночью сообщил Армянскому национальному совету, что через три-четыре часа турки займут Баку, и поэтому он предлагает поднять белый флаг. В связи с этим национальный совет требует от Совета Народных Комиссаров дать приказ фронту поднять белый флаг. Это меня так возмутило, что я по телефону крикнул:

— Какой белый флаг?! Мы здесь никакого белого флага поднимать не собираемся и не поднимем!

— Совнарком тоже против поднятия белого флага,— сказал Шаумян.

После окончания разговора по телефону Аветисов в крайне возбужденном состоянии заявил мне:

— Нет, господин комиссар, белый флаг поднять придется. Мы заставим поднять его вас лично, как комиссара!

Я тоже был уже взбешен до предела, достал револьвер и сказал, чеканя каждое слово: «Господин полковник! Эта затея с белым флагом у вас не пройдет! Вы не должны забывать, с кем имеете дело, и знать, что в этом револьвере для вас хватит пули!»

Аветисов побледнел, боясь, что я здесь же на месте застрелю его. Но я его только предупредил. Он это понял и безмолвно вышел.

Я отправился к Ганину и Габышеву, чтобы рассказать им обо всем случившемся. Мы составили телеграмму в Баку, которую тут же втроем и подписали. В ней говорилось, что Аветисов угрожает вынудить нас, комиссаров, поднять белый флаг и сдаться туркам. Никакая угроза расстрела не заставит нас пойти на такой позорный шаг.

Затем мы стали обсуждать, чем может закончиться борьба за власть в Баку, удастся ли нашим товарищам удержаться у власти или ее захватят меньшевики, эсеры и дашнаки. Какие приказы можно ожидать из Баку? У нас все еще теплилась надежда, что в Баку удастся удержать Советскую власть.

С фронта стали поступать сообщения о том, что турки начали продвижение и заняли небольшую высоту недалеко от Баладжар. Потом до нас дошли сведения, что на фронт прибывает Корганов, а затем Шеболдаев. Это нас несколько приободрило. Однако время шло, а они не приезжали.

Стало темнеть. Турки подняли на занятую ими высоту орудие и начали обстрел Баладжар. Стало ясно, что наш штаб оставаться в Баладжарах больше не может. Тогда мы вызвали к себе прибывшего начальника военных сообщений кавказской армии Арвеладзе, которого я хорошо знал по работе в Баку. Посоветовавшись, решили начать поочередное отправление в Баку воинских составов.

...Было около 11 часов ночи, когда наш поезд остановился на станции Баку. Взяв с собой карабин, я вышел на перрон. На станции было спокойно, никакой суматохи, как будто все идет нормально. Встречаю на перроне комиссара бронепоезда левого эсера Ашота Тер-Саакяна, бывшего московского студента, которого я знал раньше как хорошего революционера. Он сразу мне в упор:

— А знаешь, в Баку переворот!

Я растерялся.

— Какой переворот? Откуда ты знаешь? — спросил я его.

— Об этом все говорят.

— Не верю, — ответил я, — пойду в ревком.

— Будь осторожен, могут арестовать!

Но я все же пошел.

Ревком помещался в здании гостиницы «Астория», на площади Свободы. Иду по улице. Никаких изменений не чувствуется. Около ревкома все по-прежнему. Те же часовые у подъезда. С подчеркнуто уверенным видом вошел я в здание ревкома, поднялся на второй этаж, но направился не к кабинетам высшего начальства, а в помещение, расположенное в конце коридора, где обычно сидели рядовые служащие. Открыл дверь в одну из комнат. Вижу, сидит Полухин, член коллегии военно-морского флота, прибывший из центра уполномоченным в Баку. Это был матрос высокого роста, лет тридцати пяти, очень всеми уважаемый. С ним — начальник бакинской школы командных кадров Солнцев. Они спокойно разговаривали.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю их.

— А сами не знаем.

— Как же так?

— Да мы тоже только что зашли в ревком и узнали, что наши товарищи эвакуировались в Астрахань.

— Неужели это верно?

— К сожалению, — отвечают, — факт.

— Как же так, — говорю я, возмущаясь, — приняв решение об эвакуации, даже не нашли возможности предупредить нас об этом в Баладжарах?

— А может, они и принимали меры, чтобы известить вас, но им, очевидно, не удалось с вами связаться, — возразили мне товарищи. Их тоже никто не известил — настолько все неожиданно и экстренно произошло.

Потом они рассказали мне, что власть захватили в свои руки меньшевики, эсеры и дашнаки, образовавшие 1 августа 1918 года от имени тогда уже фактически прекратившего свое существование Центрокаспия так называемую «Диктатуру Центрокаспия и временного президиума Исполнительного комитета Совета». Каспийский флот уже направил суда за англичанами в Энзели. Словом, контрреволюция победила.

— Не знаете ли, кто глава контрреволюционного правительства? — спросил я их.

Оказывается, что, как им известно, главой правительства назначен меньшевик Садовский, а командующим войсками — Бичерахов.

— Что же вы сидите и так спокойно разговариваете? Что вы собираетесь делать?

— Нам остается одно, — отвечают они, — во что бы то ни стало добраться в Советскую Россию, где мы будем еще нужны.

— А каким путем?

— Сами еще не решили, вот сидим и думаем. Путь на Северный Кавказ и в Закавказье закрыт. В Закаспии — контрреволюционное правительство, опирающееся на английские штыки. С Астраханью нет пароходного сообщения. А вот между Баку и Энзели пароходы свободно ходят. Думаем пробраться в Энзели, а оттуда через Персию и Афганистан добраться до Ташкента, где Советская власть. А ты, что ты будешь делать?

— А я останусь в Баку, перейду на нелегальное положение и буду вести партийную работу, хотя и не знаю пока адресов, где бы можно было скрыться. Попытаюсь зайти в казарму партийной дружины. Может, там кто-нибудь остался, кто поможет мне скрыться у какого-нибудь рабочего.

Я поторопился уйти, посоветовав и им поискать для себя убежище у знакомых. К сожалению, я не мог дать им никакого адреса, так как сам еще не знал, где буду скрываться. Я сказал им, что постараюсь сообщить обо всем Ганину и Габышеву, которые тоже ничего еще не знали о происшедшем.

Я не курил вообще, но тут попросил их дать мне папиросу для того, чтобы, закурив, с «важным видом» пройти мимо часовых. На прощание договорились до их отъезда попытаться установить связь друг с другом через местных жителей.

После этого я прошел через коридор, спустился по лестнице, спокойно миновал часовых и наконец вышел на улицу. Я был доволен, что выбрался из этого здания на свободу. Прошел по Телефонной улице к большому многоэтажному дому, реквизируемому нами под казармы для партийной дружины. Поднялся на второй этаж. Вижу, в большом зале на паркетном полу спят люди. Было около полуночи. Среди спящих я узнал своего близкого товарища еще со школьной

скамьи, а теперь комиссара отряда Артака Стамбольяна. Меня взяло зло: коммунисты, а в такой момент спокойно спят, в том числе и Артак. С досады я ударил его ногой в бок. Он вскочил и, еще не понимая, в чем дело, уставился на меня.

— Где Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков? — спросил я его.
— Не знаю.

И рассказал, что он с отрядом остался охранять Государственный банк, но затем, получив распоряжение, недавно отсюда вернулся. И вот теперь отдыхает со своей дружиной в ожидании указаний. Мы немедленно подняли дружину, приказав всем разойтись по домам, так, чтобы не попадаться на глаза контрреволюционерам, ждать распоряжений.

Я спросил Артака, нет ли у него адреса, где мне можно было бы остановиться. Где он думает устроиться сам? Он назвал адрес кого-то из товарищей по своей дружине, сказав, что хорошо его знает и думает у него устроиться. Мне он предложил остановиться на квартире Татевоса Амирова, если, конечно, я ему доверяю. Я ответил, что хотя Амиров и не коммунист, но вполне порядочный человек, к тому же хорошо относящийся к Шаумяну: когда он был на фронте со своей конницей, мы несколько раз встречались с ним и сблизились. Не думаю, чтобы он отказал мне в приюте.

Артак дал мне его адрес.

Была полночь. Я подошел к дому, постучал в дверь. Открыл сам Татевос Амиров. Он, видимо, встал с постели. Я сказал, что наши уехали, я остался, не может ли он пустить меня переночевать.

— Пожалуйста, — любезно ответил мне Татевос.

Ночь я провел в его доме. Когда проснулся, Амиров был уже на ногах. Оказывается, он успел побывать в городе и принес мне новость: все пароходы, на которых пытались выехать наши товарищи и с ними отряд Петрова, возвращены в Баку. Сейчас они стоят на Петровской пристани.

Я немедленно пошел туда.

ПАДЕНИЕ БАКИНСКОЙ КОММУНЫ

Удержим ли Советскую власть? — Арест бакинских комиссаров и наша борьба за их освобождение. — Мы даем бой меньшевикам в Совете. — Турки вошли в Баку.

Придя на пристань, я узнал, что пароходы с отрядом Петрова, не успев даже выйти из бухты, были остановлены и возвращены к причалу. В море, к пароходу, на котором находился Шаумян, подошел катер с представителями Центрокаспия, которые потребовали выдачи и ареста Шаумяна, Джапаридзе и Шеболдаева. Джапаридзе на этом пароходе не было, а Шеболдаеву удалось, смешавшись с командой, скрыться в трюме. Шаумян был арестован и перевезен на военное судно «Астрабад». Оставшиеся на пароходе товарищи, причалив к берегу, сообщили о случившемся Петрову и Амирову, которые сразу же поехали в Центрокаспий. Там они предъявили ультиматум о немедленном освобождении Шаумяна, пригрозив в противном случае прибегнуть к помощи своих отрядов. Шаумян тут же был освобожден.

Я поднялся на борт парохода «Колесников», где находился Шаумян, чтобы узнать, как все случилось. Он рассказал мне, что к вечеру 31 июля положение в городе крайне обострилось. Аветисов докладывал, что через три-четыре часа турки будут в Баку. В связи с этим Аветисов и Армянский национальный совет стали упорно настаивать на поднятии белого флага. Мы, говорил Шаумян, честно говоря, даже думали, что он уже поднят в национальных частях или что вот-вот это будет сделано без нашего согласия. По указке англичан эсеры, меньшевики и дашнаки, опираясь на предательскую позицию руководства Центрокаспия, фактически уже создали свое контрреволюционное правительство. Начальник штаба отряда Петров сообщил нам, что отряд понес в боях большие потери личного состава и под натиском врага отступил к городу. «На фронте дело окончательно проиграно», — заявил он.

В этих условиях, продолжал Шаумян, фактически, в минуты вторжения в Баку турецких войск, мы сочли невозможным развязывать гражданскую войну. Поэтому Совет Народ-

ных Комиссаров решил сложить полномочия и эвакуировать воинские части и государственное имущество Советской России на пароходах в Астрахань. Позже выяснилось, что под нажимом англичан Центрокаспий пригрозил Армянскому совету и тот, ожидая помощи англичан, не поднял белого флага и даже согласился направить на фронт воинские части, которые еще не были в боях.

1 августа турки продолжали сильную атаку на Баку, стремясь захватить город. Наконец они прорвались через Волчи ворота в район Биби-Эйбата. Войска Центрокаспия бежали.

Посоветовавшись с другими руководителями, Шаумян предложил Петрову выгрузить на сушу артиллерию и открыть огонь с пристани по Биби-Эйбату, где находились турки, и, кроме того, направить на этот участок фронта, находившийся в нескольких километрах от пристани, группу красноармейцев и матросов.

Панические чувства городского населения сменились радостью, когда открылся сильный орудийный огонь по турецким позициям. Снаряды со свистом пролетали над головами бакинцев и падали в расположении турецких войск. Обстрел застал турок врасплох. Они понесли большие потери и отступили.

Когда в районах Баку узнали, что комиссары и отряд Петрова находятся на Петровской площади, рабочие, красноармейцы — группами и поодиночке, кто с оружием, а кто и без него — стали собираться и записываться в отряд Петрова. С 400 человек он вырос до 2000.

Точно не помню, 2 или 3 августа была созвана партийная конференция, чтобы обсудить создавшееся положение и решить, как быть дальше. После долгих споров конференция постановила: вооруженные силы в Астрахань не эвакуировать, а, наоборот, используя перелом в настроении бакинцев в пользу большевиков, вновь захватить власть в свои руки. Практически это было возможно. Противник располагал в городе меньшими силами, нежели мы, а подтянуть войска с фронта он бы все равно не успел. Мы надеялись, собрав все свои силы в Баку и получив помощь войсками из Астрахани, отстоять наш город.

В связи с тем что наш печатный партийный орган газета «Бакинский рабочий»¹ была закрыта, сразу же по окончании

¹ Редактором «Бакинского рабочего» после С. Шаумяна стал Арсен Амирян — стойкий и принципиальный большевик. Почти каждый день га-

партийной конференции в одной из типографий было отпечатано воззвание к бакинским рабочим, написанное Шаумяном и подписанное Бакинским комитетом РКП (большевиков). В воззвании подробно излагался ход событий за последние два-три дня, разоблачались ложь и клевета, распространяемые контрреволюцией против нас, изобличалось предательство партий дашнаков, эсеров и меньшевиков, объяснялось, в силу каких обстоятельств было принято решение об эвакуации наших военных сил. В воззвании говорилось, что в эти критические дни Баку отстоял от турок отряд Петрова, который героически бился, поддерживаемый бакинским пролетариатом.

Воззвание заканчивалось словами уверенности, что скоро подойдут войска из России и Баку будет спасен. «...Не белым флагом действительно трусливых Аветисовых и Амазаспов ...и не мифической помощью англичан и их прислужников, а войсками рабоче-крестьянской России, идущей к нам на выручку, советскими войсками.

Бакинский пролетариат, геройски вставший на защиту своего города, имеет истинных друзей и защитников только в лице советских войск из России. Только они, вместе с бакинским пролетариатом, будут отстаивать Баку от германотурецких и английских империалистов. Отряд военного комиссара от центральной власти т. Петрова уже ведет такую борьбу.

Товарищи рабочие! Идите под знамена отряда т. Петрова, под знамена дорогой нам рабоче-крестьянской России, откуда он прислан!

Да здравствует борющийся бакинский пролетариат!

Да здравствует Великая Российская Социалистическая Республика Советов!

Да здравствует нераздельный от России и независимый от империалистов революционный город Баку!»

* *
*

На Петровской площади, вокруг зданий, занятых нашими войсками, на нескольких кварталах вокруг, было выставлено сторожевое охранение. В районы города были разосланы

зета выходила с его короткими, острыми, содержательными передовыми статьями. Амирян погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

партийные организаторы для вовлечения коммунистов и наших сторонников в отряд Петрова. Успешно проходило обучение войск.

4 августа с нашей пристани стало видно, как к другим пристаням Бакинского порта начали подходить корабли с английскими войсками, приглашенными в Баку руководителями «Диктатуры Центрокаспия». Эти предатели организовали англичанам торжественную встречу. Высадившись на берег, английские солдаты стали дефилировать по главным улицам Баку. Всего их прибыло в тот день человек двести. Однако, чтобы «произвести впечатление» на обывателей, отряд англичан дважды проходил по одним и тем же улицам. В последующие дни английские войска продолжали прибывать, но их было все еще очень мало: в Баку прибыло около тысячи солдат вместо обещанных и разрекламированных эсерами 16 тысяч. Англичане направили на фронт не все свои войска, оставив значительную их часть в городе. Видимо, они преследовали две цели: во-первых, держать под контролем правительство, используя свои войска для выполнения чисто оккупационных функций, и, во-вторых, избежать слишком больших потерь на фронте.

После того как артиллерия отряда Петрова успешно прорвала прорыв турок, настроение поднялось. Я ходил по городу и видел сам, как охотно обучаются военному делу большие группы рабочих в то время, как колонны других рабочих с боевыми песнями идут на фронт. На пароходах и на самой Петровской площади в ту пору находилось под ружьем около 3 тысяч красноармейцев, среди которых подавляющее большинство составляли бакинские коммунисты.

Однако общее положение оставалось все еще очень неясным. Не случайно В. И. Ленин, обеспокоенный судьбой Советской власти в Азербайджане, телеграфно запрашивал 9 августа председателя Астраханского Совета о действительном положении дел в Баку, о том, кто там находится у власти, где Шаумян, потому что из Москвы ему «нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро». При этом Ленин дал указание действовать на месте в зависимости от сложившихся обстоятельств.

10 августа 1918 года собралась вторая (после падения Советской власти в Баку) партийная конференция. В докладе Шаумяна на этой конференции был сделан обстоятельный обзор внешнего положения и состояния на фронтах Советской России. Поступающие сведения говорили об ухудшении

положения, особенно на Северном Кавказе, где казачья контрреволюция, возглавляемая Деникиным и Красновым, одержала ряд побед и заняла Краснодар. Войска Краснова шли на Царицын, отрезав Северный Кавказ.

В ту пору борьбой с наступающими силами контрреволюции на Северном Кавказе руководил Серго Орджоникидзе.

Шаумян сообщил, что, по имеющимся сведениям, турки, не сумев в начале августа завладеть Баку, перебрасывают свои новые части с Месопотамского фронта для нанесения решительного удара по Баку. Пока нет сведений, говорил он, идут ли нам на помощь советские войска из Центральной России: ввиду крайне тяжелого положения на Волге нам очень трудно рассчитывать на эту помощь. Захватить власть, продолжал Шаумян, у нас еще хватит сил, но вот удержать ее и выстоять в борьбе с турками, с одной стороны, и английскими вооруженными силами, с другой, нам вряд ли удастся. Поэтому разумнее, предлагал он, вывезти наши войска из Баку через Астрахань в Россию, сохранив их тем самым и для участия в боях на Волге, и для подготовки к дальнейшему возвращению через полгода — год в Баку для восстановления здесь Советской власти. Это предложение Шаумяна было поддержано большинством.

Небольшая группа товарищей выступила против этого предложения, настаивая на проведении в жизнь решения, принятого предыдущей партконференцией, то есть свержения «Диктатуры Центрокаспия», взятия власти в свои руки и изгнания интервентов своими силами при поддержке бакинского пролетариата. Не надо забывать, говорили эти товарищи, что местное население уже разочаровалось в эффективности английской помощи, распознает предательский характер деятельности правых партий и со все большим доверием стало относиться к Советской власти.

За предложение об эвакуации наших войск в Астрахань на конференции было подано 22 голоса, против — 8 (в том числе и мой голос).

Еще до конференции возникла мысль о возобновлении издания газеты «Бакинский рабочий», запрещенной в свое время властями «Диктатуры Центрокаспия». Накануне партийной конференции я сказал об этом Шаумяну. Он ответил:

— Это было бы хорошо, но ведь у нас нет типографии.

— У нас действительно ее пока нет, — ответил я ему, — но вот недалеко, за пределами зоны наших войск, есть неплохая типография общества «Кооперация». Почему бы нам ее не

захватить, тем более что меньшевики вряд ли наберутся смелости оказать нам вооруженное сопротивление.

Посоветовавшись с другими членами Бакинского комитета, Шаумян одобрил мое предложение. Он сказал, что материал для первого номера подготовит он сам вместе с Джапаридзе, а мне поручил захват типографии и организацию ее работы.

Для этой операции я подобрал группу красноармейцев, среди которых были два сына Шаумяна, Мусеиб Дадашев, два наборщика и «готовый» корректор — Ольга Шатуновская.

Когда стемнело, мы направились на броневике к зданию типографии. Окружили дом, выставили сторожевые посты, спокойно заняли типографию и приступили к работе.

Все шло хорошо. Набрали первую полосу, проверили корректуру и стали печатать газету.

Настроение у нас было приподнятое, потому что вся эта операция проходила отлично.

Вскоре с улицы нам донесли, что к нашим сторожевым постам подходили патрули меньшевиков, но никаких стычек пока не было.

Однако не успели мы напечатать немногим более ста экземпляров газеты, как погас свет. Остановился печатный станок. Мы оказались в полной темноте.

Зажгли взятые у жильцов дома свечи, керосиновые лампы, фонари и стали продолжать печатать газету, крутя станок вручную.

Поздно ночью, отпечатав еще несколько сот экземпляров газеты, мы забрали все эти отпечатанные номера, а заодно ящик со шрифтом и ручной печатный станок (авось пригодятся для печати прокламаций!) и отправились из типографии. На следующее утро с помощью красногвардейцев, рабочих и комсомольцев мы организовали широкое распространение своей газеты по всему Баку; в номере были опубликованы две статьи Шаумяна, в которых нашли отражение решения последней партийной конференции.

Вскоре после партийной конференции состоялось заседание Бакинского комитета партии. Обсуждался вопрос о том, как наладить партийную работу в Баку в связи с отъездом партийного актива и уходом войск, кого из членов Бакинского комитета следует оставить для руководства подпольной работой. Все единогласно высказались за то, чтобы не оставлять ни Шаумяна, ни Азизбекова, ни Джапаридзе, ни Фиолетова, ни Корганова — их слишком хорошо знали в лицо. Их

кандидатуры решили даже не обсуждать. Речь могла идти только о других товарищах. Шаумяну и Джапаридзе было поручено обдумать этот вопрос и решить, кого именно надо оставить.

На следующее утро, придя к Шаумяну, я сказал, что хочу остаться для нелегальной работы в Баку как член Бакинского комитета партии. Он ответил:

— Это, конечно, хорошо, но для тебя это вдвойне опасно: ты ведь знаешь, что, помимо всего прочего, Амазасп крайне обозлен на тебя и дал указание своим головорезам уничтожить тебя. Поэтому тебе нужно вести себя очень и очень осторожно.

Я ответил, что все это мне хорошо известно: меня уже предупредил командир конной сотни Сафаров.

— А кроме того, ведь не так страшен черт, как его малюют,— сказал я Шаумяну, но, конечно, обещал ему быть осторожным.

— Все же тебе долго оставаться в Баку нельзя,— продолжал Шаумян,— поэтому, как только мы прибудем в Астрахань, сразу же пришлем тебе замену.

Потом он предложил установить шифр для связи с Астраханью и посоветовал мне пользоваться в переписке простейшим шифром. Под руками на пароходе оказалась изданная в Москве брошюра «Международное положение и наши задачи». Раскрыв эту брошюру на одной из страниц, Шаумян сказал: «Вот с этой страницы, начиная с 10-й строки сверху, и будет начало шифра». С первой буквы этой строки каждая последующая буква (без повторения) должна быть обозначена цифрой — от единицы и до конца алфавита. Этими цифровыми обозначениями и следовало зашифровывать текст. (Правда, воспользоваться этим шифром нам впоследствии так и не пришлось.)

Наши еще один день были на пристани. Мы, оставшиеся для работы на месте, условились о нелегальной квартире, договорились о нелегальной типографии, в которой предполагалось использовать шрифт и ручную печатную машину, взятые в типографии общества «Кооперация».

В тот же день мы решили этот шрифт и станок перенести на нелегальную квартиру и создать там типографию. К сожалению, поручили мы это ответственное дело совсем неопытным людям. Под типографию нам предложил свое жилье один студент-азербайджанец. Мы поручили «маленькому Геворку» (как звали в подполье одного из наших товарищей,

большевика Аветисяна) пойти с этим студентом и отнести шрифт на его квартиру. Она была расположена в мусульманской части города, что в данных условиях было очень выгодно, в особенности в случае захвата города турками. Вместо того чтобы переправить шрифт с соблюдением положенной в этих случаях конспирации, Геворг, по наивности, завернул тяжелый ящик со шрифтом в одеяло и погрузил на амбала (перс-носильщик, который накидывал на спину специальное устройство для укладки тяжестей). «Маленький Геворг» пошел рядом. Размер груза, завернутого в одеяло, был небольшой, но он был так тяжел, что вызвал подозрение, и на одной из улиц вооруженный охранник остановил амбала и спросил его, что за тяжесть он несет, если от нее так прогибается его спина. Потом он заставил снять груз, чтобы проверить его. Видя, что дело плохо, «маленький Геворг» скрылся. Шрифт попал в полицию.

Первое организационное совещание оставшихся в Баку подпольщиков мы устроили еще до отъезда в Астрахань наших старших товарищей. Было предварительно выявлено, кто же остался, и между ними были распределены обязанности, условились, где кого искать, определили явочные квартиры и т. п.

В связи с провалом нашей подпольной типографии стали думать, какие все-таки принять меры, чтобы иметь возможность выпускать прокламации и листовки. Помещение для новой типографии обещал найти Артак, а шрифт раздобыть взялся я, поскольку немного познакомился с типографским делом в бытность мою редактором.

* *
*

После того как Бакинский комитет партии принял решение эвакуировать советский отряд из Баку, специальным уполномоченным было поручено вступить в переговоры с представителями «Диктатуры Центрокаспия», чтобы получить их согласие на беспрепятственный выезд отряда в Астрахань. Большевики были рады избавиться от такой значительной большевистской силы и сразу дали на это согласие, потребовав, однако, чтобы мы оставили им все оружие и боеприпасы. Это их требование Шаумян категорически отклонил. Он поручил нашим представителям заявить, что оружие принадлежит Советской России; оно нужно для борьбы Советской власти на других фронтах и поэтому не может быть

оставлено. После долгих споров представители «Диктатуры» нехотя дали согласие на эвакуацию советского отряда с оружием. Одновременно комиссар Каспийской военной флотилии от Центрального Совнаркома Полухин договорился с командой корабля «Ардаган» о том, что она берет на себя обязанности по охране и обеспечению безопасности всей эвакуации.

14 августа 1918 года во второй половине дня 17 пароходов, на которые были погружены наши воинские части и техника, один за другим стали отчаливать от пристани Баку. Первым ушел «Колесников», на котором находились народные комиссары и многие другие ответственные работники. Мы стояли на пристани и махали им руками, провожая своих друзей, как мы тогда все еще думали, в добрый путь. Мы не стали ждать отхода последних пароходов и ушли: с минуты на минуту на площадь мог нагрянуть отряд «Диктатуры Центрокаспия» и арестовать нас.

Шли мы тогда от пристани с тяжелым чувством. Мы только что расстались с очень близкими нам, родными людьми, опытными, более зрелыми, нежели мы, коммунистами-руководителями. Но наряду с этим у нас рождалось и другое — чувство большой партийной ответственности, сознание того, что мы остаемся вместо них для выполнения своего партийного долга. И — не скрою — сознание этого наполняло наши сердца революционной гордостью.

На третий день мы были поражены, узнав, что все корабли были окружены около острова Жилого военной флотилией «Диктатуры Центрокаспия» и насильно возвращены в военный порт. Войска разоружены и на этих же кораблях отправлены в Астрахань. Бакинские же комиссары и другие руководящие работники (35 человек) во главе с Шаумяном арестованы и заключены в тюрьму.

Сообщая об этом, «Диктатура Центрокаспия» злобно клеветала на наших комиссаров, обвиняя их в бегстве с фронта и попытке увести с собой ценности, стараясь всячески скомпрометировать в глазах населения и оправдать свое вероломство.

Мы немедленно собрались и решили, что главная задача — спасти наших товарищей, над которыми нависла угроза расправы. Было принято решение: в качестве экстренной меры договориться с представителями партии левых эсеров и левых дашнаков о предъявлении «Диктатуре Центрокаспия» нашего совместного ультиматума.

В нем предлагалось немедленно освободить всех арестованных товарищей и предоставить им возможность выезда в Астрахань, поскольку они были задержаны незаконно, без всяких оснований и к тому же в нарушение взятых властями обязательств об их беспрепятственной эвакуации. В случае, если с головы наших товарищей упадет хотя бы один волос, предупреждали членов «Диктатуры» Бакинский комитет партии большевиков, а также партии левых эсеров и левых дашнаков, в отношении всех членов «Диктатуры» будет применен личный террор.

Следует сказать, что для большей координации своих действий и совместных выступлений перед «Диктатурой Центрокаспия» три партии (большевиков, левых эсеров и левых дашнаков) образовали в ту пору так называемое бюро левых социалистических партий.

Такое решение было вполне оправданным в сложившихся условиях борьбы. Надо иметь в виду, что партия левых дашнаков была небольшой группой рабочих, отколовшихся от партии дашнаков и поддерживавших Советскую власть. Ее возглавлял Авис Нуриджанян, который вскоре, при второй английской оккупации Баку, вступил в партию большевиков. В 1920 году он участвовал в борьбе за свержение правительства дашнаков и вошел в состав правительства Советской Армении.

Так вот, взяв подписанное нами обращение, я и представители от левых эсеров и дашнаков направились в «Диктатуру Центрокаспия» и потребовали свидания с ее председателем Садовским. С Садовским мы были до этого знакомы. Я передал ему наше обращение. Когда он кончил его читать, я подождал немного и сказал:

— Вы хорошо знаете партии, от имени которых написано это обращение. Можете не сомневаться в нашей способности осуществить указанную здесь угрозу. Если вы арестуете нас до выхода из этого здания, ничто не изменится. В каждой из наших партий уже созданы группы террористов, которые будут действовать согласованно, как только наступит необходимый момент.

Все это произвело на Садовского большое впечатление. Он стал оправдываться, уверять нас, что жизни арестованных ничто не угрожает, что с ними никто не собирается расправляться, что будет проведено расследование, после которого состоится решение, как с ними поступить. Мы не стали вступать в пререкания, оставили заявление и ушли. Все мы хо-

рошо понимали, что предатели никакого доверия не заслуживают, что на их слова полагаться нельзя и что наш ультиматум может только временно задержать расправу; ее угроза по-прежнему остается. Чтобы спасти арестованных товарищей, нам нужно было развернуть широкую политическую борьбу.

Кое-чего мы добились. Не прошло и нескольких дней, как вокруг нас собралось довольно много коммунистов из разных районов, особенно когда им стало известно об аресте наших товарищей.

В эти дни в городе появился Георгий Стуруа, видный бакинский партийный деятель. Последние месяцы он находился на Северном Кавказе в качестве уполномоченного Бакинского Совета Народных Комиссаров по заготовке и доставке хлеба в Баку. В связи с тем что железнодорожное сообщение между Баку и Северным Кавказом было прервано, он отправлял хлеб на пароходах, отгружая его с одной из пристаней Кизлярского района. Узнав о событиях в Баку, но не зная точно, что там произошло, он прибыл в Бакинский порт, где и был арестован. Это был человек с крутым складом характера, настойчивый, волевой, неуступчивый, опытный конспиратор, прошедший хорошую школу подпольной работы при царизме. Еще в начале 900-х годов он работал в Москве в нелегальной партийной типографии.

Будучи арестованным, он сумел доказать незаконность своего ареста, так как все последнее время он не занимался ничем, кроме доставки хлеба голодающим жителям Баку. Появление этого опытного коммуниста-подпольщика, к тому же члена Бакинского комитета большевиков, очень нас обрадовало.

Мы сформировали новый состав Бакинского комитета партии большевиков. Учтя создавшуюся обстановку, мы решили всю развернуть легальную работу: систематически выступать на собраниях, в различных заседаниях, в рабочих организациях и т. п. — и наряду с этим сохранить и укрепить строго законспирированную партийную организацию как в центре, так и в районах. Выделили несколько членов Бакинского комитета, которые должны были целиком сосредоточиться на конспиративной организационной работе, не выступая при этом на открытых собраниях и никак себя не выявляя. Это было поручено Саркису и Плешакову. Вместе с ними среди азербайджанских рабочих вел работу Мир Башир Касумов, активный рабочий-коммунист, возглавлявший пар-

тийную организацию на заводе имени лейтенанта Шмидта; впоследствии он был председателем ЦИК Азербайджана. Активную работу вели также молодой печатник Джафар Бабаев, один из основателей Бакинского союза молодежи, и трое братьев Агаевых — активные коммунисты, возглавлявшие парторганизацию азербайджанских рабочих — выходцев из Персии. Из левых эсеров работой среди азербайджанских рабочих руководил, в контакте с нами, Рухула Ахундов. Профсоюзную работу мы поручили Губанову, председателю Союза водников, и тогда еще совсем молодому Левону Мирзояну. Большую работу в Бакинском комитете партии вели тогда также Мартикян, Шагуновская, Агамиров, Стамбольцян, Крамаренко.

На выпуск газеты мы рассчитывать не могли. Встал вопрос об организации подпольной типографии для печатания прокламаций и листовок. Артак нашел на Станиславской улице помещение: там жила ныне здравствующая старая большевичка Маро Туманян. «Заведование» типографией взяли на себя Артак и Маруся Крамаренко, поселившиеся там же. Наборщика-коммуниста подыскали из той типографии, где ранее издавалась газета «Известия». Добывать шрифт пришлось опять мне. Придя к заведующему типографией «Известий» (мы с ним до этого были хорошо знакомы), я сказал: если он заметит в типографии пропажу шрифта, то пусть не обращает на это внимания — это не воровство. Сказал, что целиком на него полагаюсь, и выразил уверенность, что он никого из рабочих не подведет, если они и попадутся ему со шрифтом. Он понимающе посмотрел на меня и, не сказав ни слова, одобрительно кивнул головой.

Подысканный нами коммунист-наборщик и его товарищи в течение нескольких дней прятали в карманах шрифт и приносили его к нам. Через них же мы раздобыли небольшой ручной печатный станок. Это позволило наладить печатание прокламаций. Первая из них была обращением Бакинского комитета партии большевиков к рабочим Баку с призывом требовать на своих собраниях немедленного освобождения незаконно арестованных вождей бакинского пролетариата. Мы использовали тогда любые собрания рабочих, фабзавкомы и другие рабочие организации, чтобы разоблачать предательскую политику «Диктатуры Центрокаспия» и требовать немедленного освобождения бакинских комиссаров.

Предательские партии меньшевиков и эсеров, чувствуя волнения в народе в связи с арестом бакинских комиссаров,

созвали в августе 1918 года специальную конференцию фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов, надеясь укрепить свое положение в рабочем классе.

Как и следовало ожидать, рабочих на этой конференции оказалось очень мало. Произошло это и потому, что лучшая часть их (и коммунисты прежде всего) находилась в ту пору в рядах Красной Армии (потом они были разоружены Центрокаспием и высланы в Астрахань), а также и потому, что организаторы конференции постарались протащить на конференцию главным образом своих сторонников, которые никак не представляли интересы бакинских рабочих.

Большевики поручили мне выступить в самом начале этой конференции с внеочередным заявлением, краткое изложение которого было опубликовано 26 августа 1918 года в меньшевистской газете «Искра».

«Слово предоставляется, — сообщалось в газете, — т. Микояну для заявления от имени фракции большевиков.

Он протестует против того, что о конференции были плохо информированы районы. Официальное объявление было помещено лишь в последний день перед самой конференцией.

Наша фракция, заявляет т. Микоян, усматривает в этом подтасовку».

Помню, с каким трудом мне удалось добиться на этой конференции слова второй раз — для выступления по докладу главара «Диктатуры» — меньшевика Садовского.

Надо сказать, что Садовский был искусным демагогом, ловко жонглировал аргументами. То он пытался демагогически утверждать, что существующая диктатура является временной властью — до созыва нового Совета рабочих депутатов, который и определит, какая власть будет в Баку; то призывал к замене «большевистского режима» властью подлинных представителей народа на основе «всеобщего избирательного права». Маскируя преступные связи руководителей «Диктатуры Центрокаспия» с английскими войсками, он «доказывал», что эти войска находятся в полном подчинении у местного русского командования, что никаких особых политических целей они в Баку не имеют и ни в какие внутренние бакинские дела не вмешиваются. Он лживо заявил, что меньшевики хотят «сохранить Баку для России, ибо Россия без бакинского топлива нуль, а Баку без России нуль еще большего размера», распространяя лживую версию об эвакуации частей Красной Армии и бакинских комиссаров, оп-

равдывая предательский арест Шаумяна и других большевистских руководителей.

Выступая на конференции повторно, я на ряде фактов доказал полную зависимость «Диктатуры Центрокаспия» от английского командования и охарактеризовал ее как игрушку в руках оккупантов, показал, какой огромный вред нанесло Баку предательство эсеров, меньшевиков и дашнаков, рассказал о белом терроре, который применяет «Диктатура» против большевиков. Нас лишили руководителей, говорил я, запрягли их за тюремные решетки, закрыли наши газеты, запретили выступать на собраниях, среди военных и рабочих, прикрывая все это фальшивыми лозунгами «демократии». В заключение я потребовал немедленного освобождения из тюрьмы вождей бакинского пролетариата.

Мне кажется, читателям будет интересно ознакомиться с изложением моего выступления в том виде, как это было сделано редакторами «Бюллетеня Центрокаспия» от 24 августа 1918 года. Привожу это «изложение» дословно.

«Микоян (от фракции большевиков). Здесь делалось много провокационных выпадов против нашей партии. В течение 20 минут нет возможности ответить на все.

Отряд Петрова и все мы были все время на позициях, а они, дашнакцаканы, хотели сдать город (сильный шум). Почему мы сложили полномочия? Потому что в грозный момент, когда наступал враг, дашнакцаканы отказались защищаться. На фронте не было никого, а в городе было много сил. Всюду мы видели саботаж со стороны правых партий. 25 июля, после решения Совета о приглашении англичан, мы, не считая возможным пригласить их, подали в отставку, чтобы партии, которые желают взять в руки власть, сделали бы это.

Как не стыдно говорить Садовскому, что у Петрова было 200 человек. Не 200, а 1300, и 600 из них погибло на позициях. До 31 июля только они удерживали позиции на левом фланге и в Баладжарах (шум).

Я мог бы привести много фактов, доказывающих истинную причину поражения, но я должен ответить на другие выпады против нас. Помните ли вы слух о том, что приехал представитель немецкого штаба с письмом от Ленина Шаумяну. Была назначена комиссия по разбору этого дела, и там было выяснено, что все это неправда.

Говорили и о том, что большевики захватили деньги и удержали. 10 дней тому назад местная власть, так называемая дик-

татура, предложила Совету Народных Комиссаров уехать отсюда. Если они знали, что за ними числятся деньги, то они были бы преступниками, разрешая им выехать (аплодисменты слева). Все знали, что Шаумяна, Корганова, Джапаридзе нельзя обвинить в этом.

В «Бюллетенях» пишут: все задержанные будут преданы суду и препровождены в тюрьму.

Нам же затыкают рот, запрещают агитировать в армии, не разрешают высказывать свое мнение. Когда мы были у власти, все партии, кроме меньшевиков, имели свои органы, и даже меньшевики имели возможность на собраниях свободно излагать свои мысли.

Еще в июле месяце прошлого года вы хотели натравить массу на нас, и пролетариат в июле месяце прошлого года был настроен против нас, но потом пошел за нами. Он пойдет за нами и теперь.

Когда кричат о том, что нужна единая Россия, с единой центральной властью, то забывают о том, что решением о приглашении англичан они сами нарушили этот принцип. На пятом съезде где были представлены все Советы, было вынесено решение не приглашать союзников, помимо центральной власти.

Мы, товарищ Шаумян и т. Петров, как представители центральной власти, не могли идти воевать вместе с Англией, в то время как англичане вооружают чехословаков, немецких и австрийских военнопленных (смех).

Когда наемники английского империализма начинают давить Россию и занимать русские города, когда они растерзывают тех, кто называет себя большевиками (сильный шум), когда на Западе немецкий империализм наложил свою лапу на Россию... (сильный шум, слов оратора не слышно).

Ваш спаситель Бичерахов убегает на Северный Кавказ и требует от вас помощи.

При этих условиях представители центральной власти, Петров и Шаумян, должны были покинуть город. Отряд Петрова не сбежал. Это могут утверждать только бесстыдные лжецы. Он готовился к отъезду два дня, и все было видно на глазах у всех.

Далее говорят, что англичане не будут вмешиваться во внутренние дела. Таким образом, выходит, что англичане будут проливать свою кровь ради наших прекрасных глаз. Нет, они уже наложили свою лапу на продовольствие, говоря, что фронт не может быть укреплен при плохом состоянии про-

довольственного дела. Все правые эсеры говорят, что продовольственный вопрос есть политический вопрос. Значит, англичане вмешиваются уже в политические дела.

Пример Грузии и Украины нам достаточно показал... (сильный шум).

Говорят, что здесь будет образована власть на основах всеобщего избирательного права. Этим отрицают рабочую власть. Как ни однобока была прежняя власть, она все же была рабочей, а всеобщее избирательное право означает то, что во власти будут принимать участие тузы, спекулянты... (шум. Оратор сходит с эстрады)».

С поддержкой нашей линии на конференции выступил от партии левых дашнаков Нуриджанян. Вслед за ним от большевиков выступил т. Блюмин, разоблачивший многие лживые утверждения Садовского и двуличную позицию правых дашнаков.

Чтобы свести на нет впечатление от наших выступлений, с пространной и клеветнической речью вновь выступил Садовский, а вслед за ним меньшевик Багатуров, поддержанные своими приспешниками и подпевалами, которые составляли большинство на этой конференции.

После прекращения прений на конференции была оглашена очень обтекаемая демагогическая резолюция эсеров, в которой, однако, прямо выражалось доверие и поддержка «Диктатуре Центрокаспия». Большевики пошли еще дальше: они предложили записать в резолюции, что бакинские комиссары — предатели и враги народа. Резолюция была принята 117 голосами против 20.

Тогда с заявлением от фракции большевиков выступил т. Бекер. Привожу его заявление в том виде, как оно было опубликовано в том же «Бюллетене»: «Мы считаем конференцию созванной неправильно и потому неполномочной (сильный шум). На ней отсутствуют рабочие (сильный шум, оратор старается перекричать собрание). Поэтому мы не вносим никаких резолюций!»

После этой конференции мы, договорившись с левыми эсерами и левыми дашнаками, подготовили письменное обращение от имени наших трех левых партий, в котором требовали немедленного освобождения из тюрьмы бакинских комиссаров и создания межпартийной следственной комиссии из представителей всех социалистических партий Баку, с тем чтобы передать на ее рассмотрение выдвинутые против бакинских комиссаров обвинения. Мы отнесли этот документ

Садовскому, который, видимо, не желая открывать нам своих намерений, не вступил с нами тогда в спор, а только сказал, что наше обращение он доложит «Диктатуре» и о принятом решении нам сообщат.

На следующий день из газет стало известно, что правительство Центрокаспия отклонило наши требования и передало арестованных комиссаров в распоряжение своей чрезвычайной комиссии, которую возглавляли работники «Диктатуры Центрокаспия» Васин и Далин.

Первой нашей заботой было как можно скорее установить связь с арестованными товарищами, узнать об их состоянии, оказать им помощь в питании. Мы стали собирать средства и закупать продукты. Организацию этого дела мы возложили на одного из наших активных работников среди молодежи — Агамирова и секретаря-машинистку Шаумяна Степанову, которая здравствует и в наши дни, проживая в Москве. Степанова поддерживала связь с арестованным Коргановым, который был избран заключенными их старостой.

Вскоре включилась в эту работу и Варвара Михайловна — жена Джапаридзе. После эвакуации в Астрахань вместе с семьей Шаумяна она оставила двух своих малолетних дочерей на попечение жены Шаумяна, а сама возвратилась на одном из пароходов в Баку.

У Степановой сохранилось письмо, присланное ей Коргановым из баилловской тюрьмы. В этом письме Корганов подробно излагал свои соображения о том, как лучше организовать доставку продуктов в тюрьму для поддержания арестованных. Он рекомендовал Степановой переговорить со мной и передать мне его практические соображения на этот счет. Любопытно отметить, что в этом письме Корганов просил все посылаемое в тюрьму обертывать в свежие газеты, а на внутренних сторонах этих «мешочков» что-нибудь писать о жизни на воле. «Но ответственные послания, — предупреждал он, — надо посылать только через специальных лиц».

Нам удалось организовать ряд встреч родственников с арестованными. В частности, Варвара Михайловна добилась встречи с мужем. После настоятельных просьб мне удалось получить разрешение на одну встречу с Шаумяном. Он стоял по одну сторону решетки, а я — по другую (Шаумян еще при царизме в этой же тюрьме имел подобные свидания с товарищами и членами своей семьи). Выглядел он утомленным и бледным, внимательно слушал мой рассказ о том, что мы делаем, и мне даже показалось, что в его взгляде появился при-

знак как бы удивления: оставшаяся на воле молодежь, такая еще зеленая, много и хорошо работает. Он был этому искренне рад.

Помню, я возмущался тем, что меньшевики, которые когда-то считались нашими товарищами и даже были с нами в одной партии, теперь так бесстыдно распространяют клевету на кристально чистых революционеров; я говорил, что возмущение всем этим высказывают не только рабочие, но и многие простые обыватели.

Шаумян сказал мне тогда:

— Не надо волноваться. Ложь долго не продержится, она будет разоблачена самой жизнью. Правда на нашей стороне, и она победит.

Я просил его дать указания, какой тактики нам придерживаться в дальнейшем.

— Мероприятия, намеченные Бакинским комитетом партии, правильные, — ответил мне Степан, — и надо их проводить в жизнь.

Вскоре после ареста комиссаров нам удалось добиться освобождения из тюрьмы сына Шаумяна — Левы, как малолетнего (ему исполнилось тогда 14 лет). Несколько позже удалось взять на поруки и его старшего сына — Сурена, которому в то время шел 18-й год.

От Сурена мы узнали все подробности о том, как были задержаны пароходы у острова Жилого, который расположен недалеко от Баку. Ждали, когда подойдут остальные пароходы. (Особенно долго пришлось ждать прихода двух последних судов: они попали в шторм, опасный для нефтеналивных судов, на низких палубах которых были размещены красноармейцы и оружие).

Их окружили суда военной Каспийской флотилии, которые направили на них дула своих орудий, предъявив ультиматум о возвращении в Баку. Шаумян и другие отклонили это требование как незаконное. В ответ по ним открыли огонь. Были жертвы.

В этот момент многие товарищи потребовали, чтобы Шаумян, Джапаридзе и Азизбеков отделились от остальных комиссаров, высадились на острове Жилом и оттуда на баркасе или рыбацкой лодке добирались до Астрахани. Но все трое категорически отказались оставить товарищей.

Вскоре подошли военные суда «Диктатуры Центрокаспия», под конвоем которых наши пароходы были пригнаны в

Баку и разоружены. Бакинские комиссары, а с ними и некоторые другие руководящие советские и партийные работники были арестованы и заключены в тюрьму.

* *
*

Политическая обстановка в Баку накалялась. Передовые рабочие на митингах и собраниях требовали освобождения арестованных комиссаров. Однако правые, опираясь на английские штыки, готовили не освобождение, а расправу над арестованными.

Желая подвести общественную демократическую базу под существовавшую тогда в Баку власть и одновременно начисто избавиться от большевиков в Совете, меньшевики и эсеры затеяли проведение выборов нового состава Бакинского Совета рабочих депутатов, назначив их на 28 августа 1918 года.

Мы со своей стороны решили принять участие в этих выборах, превратив избирательную кампанию в широкое движение рабочих за освобождение наших арестованных товарищей. Однако хорошо подготовиться к этому мы не имели возможности.

Избирательная кампания проводилась меньшевиками с нарушением элементарных демократических прав нашей партии. Большевикам не разрешалось выпускать каких-либо легальных печатных изданий, нас не допускали к участию в собраниях военных. Стремясь во что бы то ни стало выиграть хотя бы несколько дней, чтобы охватить своим влиянием ряд крупных предприятий, мы от имени бюро трех левых социалистических партий подали в центральную избирательную комиссию заявление, в котором просили об отсрочке выборов на неделю, мотивируя это серьезными нарушениями правил проведения предвыборной кампании.

Выборы были назначены на 28 августа, а накануне, в день подачи нами заявления, в газетах еще не были опубликованы списки кандидатов в депутаты. Мы заявили, что отклонение нашего требования мы будем рассматривать как новый шаг к подтасовке.

Отклонив наше требование, они, продолжая играть в демократию, через два дня после того, как состоялись выборы, опубликовали в эсеровской газете текст нашего заявления.

Мы все же успели издать в нелегальной типографии предвыборную листовку с призывом голосовать за большевист-

ских депутатов. В разных районах Баку мы выдвинули в Совет кандидатуры арестованных бакинских комиссаров, а также наиболее активных рабочих. Несмотря на всяческие преграды, рабочие Баку сумели избрать в Совет 28 депутатов-большевиков, в том числе девять арестованных бакинских комиссаров — Шаумяна, Джапаридзе, Зевина, Фиолетова, Азизбекова, Басина, Корганова, Малыгина и Богданова. Были избраны также Стуруа, я и другие коммунисты. Из числа левых эсеров и левых дашнаков было избрано семь депутатов, в том числе нарком Везиров.

Ставка меньшевиков и эсеров на полную изоляцию большевиков провалилась. Передовые бакинские рабочие поддержали и наше требование о немедленном освобождении из тюрем арестованных товарищей.

Все это совпало с новой атакой турецких войск на Баку. Атака была отбита. Турки, а также английские части понесли большие потери. Однако вскоре турки все же заняли одну из высот, поставили на ней артиллерию и стали систематически обстреливать Баку.

Первое заседание нового Совета было созвано в здании исполкома. Когда депутаты собрались и заседание должно было уже открыться, в здание исполкома попал снаряд. Меньшевики предложили перенести заседание Совета в помещение ресторана на Морской улице. Ресторан этот находился на первом этаже дома в несколько этажей, с фасадом, выходящим в сторону моря, что до известной степени гарантировало безопасность. Предложение было принято. В зале ресторана расставили стулья, стол для председателя. Мы, большевики, и вместе с нами левые эсеры и левые дашнаки сидели компактно в левой стороне зала.

После того как стали известны результаты выборов, мы передали «Диктатуре Центрокаспия» письменное требование освободить арестованных комиссаров, избранных депутатами Бакинского Совета и тем самым получивших вотум доверия рабочего класса.

5 сентября на заседании Бакинского Совета по поручению фракции большевиков выступил Георгий Стуруа с категорическим требованием освободить из тюрем арестованных товарищей, избранных депутатами Совета, дать им возможность участвовать в работе Совета и тем самым выполнить функции избранников рабочего класса.

Через три дня в «Бюллетене Центрокаспия» было опубликовано сообщение, что «на заседании Совета представи-

тель большевиков Стуруа, а вслед за ним Микоян, Бекер и левые эсеры-интернационалисты Тер-Саакян и другие возбудили вопрос о немедленном освобождении томящихся в заключении бывших народных комиссаров, прошедших по партийным спискам в Совет».

Выступления некоторых представителей левого блока по этому вопросу были вызваны тем, что несколько лидеров меньшевиков и эсеров выступали против освобождения арестованных комиссаров. Главный оратор Садовский заявил, что требование коммунистов, заявленное «Диктатуре Центрочкаспия», об освобождении комиссаров рассмотрено и принято к сведению, то есть тем самым отклонено. Он и другие ораторы из меньшевиков и эсеров старались доказать, что арестованные комиссары не могут быть освобождены в связи с тем, что им предъявлены обвинения в совершении преступлений и что окончательно это будет доказано на суде.

Большевики и левые эсеры настаивали на том, чтобы материалы обвинения бакинских комиссаров были изъяты из следственных органов «Диктатуры Центрочкаспия» — старых царских судебных прислужников и переданы на рассмотрение специальной межпартийной комиссии, составленной из представителей всех политических партий, представленных в Совете. При этом мы ссылались на письмо арестованных бакинских комиссаров, в котором они мотивированно заявляли о своем отказе давать какие-либо показания следственным властям Центрочкаспия, требуя, чтобы им дали возможность после освобождения из тюрем самим отчитаться о своих действиях перед Бакинским Советом.

Споры были длительными. В конце концов правые партии добились прекращения прений, так как их продолжение вскрывало лживость обвинений, выдвинутых против бакинских комиссаров.

Председатель заседания поставил на голосование предложение фракции коммунистов о том, чтобы Совет, не дожидаясь следствия и суда, немедленно освободил всех арестованных депутатов. Голосование дало следующие результаты: за — 27, против — 122, воздержалось — 19.

Затем на голосование было поставлено наше второе предложение — назначить специальную следственную комиссию из представителей всех политических партий, представленных в Совете. За это предложение было подано 42 голоса, трое воздержались, остальные были против.

Таким образом, оба предложения фракции большевиков оказались отвергнутыми. Это вызвало с нашей стороны резкое возмущение. Несмотря на звонки и окрики председательствующего, наши депутаты вскакивали с мест, громко заявляя свои протесты.

Сильный шум поднялся и на скамьях правых партий. Началась подлинная схватка двух враждебных лагерей.

С большим трудом председательствующему удалось восстановить порядок и, пользуясь подавляющим большинством своих сторонников на заседании, провести голосованием решение, предложенное фракцией правых социалистов-революционеров: «Заслушав заявление фракции коммунистов и объяснение временной диктатуры Центрокаспия и исполнительного комитета, Совет переходит к очередным делам».

Выступил лидер меньшевиков Айолло — один из самых заклятых врагов большевиков. Он предложил принять от имени Совета воззвание к населению и армии.

Тогда я от имени большевистской фракции внес предложение — прежде чем рассматривать вопрос о воззвании, решить основной вопрос — о власти.

— В Баку, — говорил я, — управляет самочинно возникшая, никем не избранная «Диктатура Центрокаспия». Теперь, когда избран новый Совет, он должен распустить этот незаконный орган и взять всю полноту власти в свои руки (по тактическим соображениям это предложение было тогда целесообразным). Только после этого можно будет обсуждать вопрос о воззвании и о его содержании.

Совет игнорировал это наше предложение и не стал его даже обсуждать.

Айолло огласил «Тезисы воззвания», состоявшего из нескольких пунктов, составленных в духе меньшевистской политики.

По поводу этих «Тезисов» я заявил следующее:

— Фракция коммунистов, не входя в обсуждение предложенных воззваний, указывает, что все попытки замаскировать деятельность буржуазной власти именем и флагом Совета и использовать Совет для борьбы с коммунистами наша партия с негодованием отвергает и никакого участия в голосовании принимать не будет.

После того как без нашего участия воззвание было принято, председательствующий вернулся к поставленному мною вопросу о власти в Баку и заявил:

— С того момента как собрался Совет, юридически власть

диктатуры прекращается, и от нас зависит предложить ей оставаться.

С протестом против этого предложения выступил Стурау. Совет, заявил он, не может передавать кому-либо своих полномочий. Он должен сам осуществлять всю полноту власти и упразднить временную «Диктатуру Центрокаспия».

Представитель правых эсеров Велунц предложил впредь до избрания Советом новой власти всю полноту правительственной власти оставить в руках «Диктатуры Центрокаспия». Пользуясь большинством в Совете, меньшевикам и эсерам удалось протащить это предложение.

Совет принял решение на следующем заседании заслушать декларации политических партий и вопрос о конструировании власти.

* *
*

7 сентября чрезвычайная комиссия «Диктатуры Центрокаспия» опубликовала сообщение, в котором Джапаридзе, Петрову и некоторым другим комиссарам инкриминировалось совершение «уголовных преступлений». Это было настолько нелепо и бессмысленно, что уже на следующий день, под давлением нашего протеста во время переговоров с представителями партий эсеров и меньшевиков, чрезвычайная комиссия была вынуждена опубликовать письмо, в котором было сказано о «неудачных формулировках», данных в их сообщении.

На втором и третьем заседаниях Совета, состоявшихся 10—11 сентября, столкновения между двумя лагерями Совета крайне обострились. Чтение деклараций правых партий, восхвалявших политику этих партий и содержавших злостные выпады против коммунистов, сопровождалось громкими протестами со скамей левых депутатов.

Надо сказать, что декларация фракции коммунистов была заранее хорошо подготовлена, обсуждена в Бакинском комитете партии и на большевистской фракции Совета, тайно была передана в тюрьму, где получила одобрение Шаумяна и других наших товарищей.

Получив слово, я по поручению фракции большевиков начал оглашать эту декларацию. К сожалению, текст декларации не сохранился. Поэтому я привожу ее здесь по памяти.

Декларация начиналась краткой оценкой международного положения, мировой войны, предательской роли эсеров, меньшевиков, дашнаков, мусаватистов и других сил внутренней

контрреволюции, развязавших в стране ожесточенную гражданскую войну.

В декларации шла речь о том, как внутренняя контрреволюция сомкнулась с иностранными империалистическими государствами Антанты. Разоблачалось предательство правых партий в Баку, которые, заявляя на словах, что они за Россию и что, приглашая англичан в Баку, они стремятся сохранить город для России, на деле отказываются признать центральное правительство России и тем самым стремятся оторвать Баку от России. Декларация утверждала, что англичане пришли в Баку не с целью его сохранения для России и не для борьбы против турок, а с целью захвата. Так ведут они себя не только здесь, говорилось далее в нашей декларации, но и во всем Закавказье, в Средней Азии и в России. Англичане ставят перед собой задачу задушить социалистическую революцию в России, расчленив Россию на куски, захватить ее богатые окраинные районы и превратить их в свои колонии. Такие же цели преследуют и другие империалистические державы Антанты.

В этой смертельной схватке революционной России с империалистическими захватчиками партии, называющие себя «социалистическими», как и созданная ими власть в Баку, играют роль марионеток интервентов и находятся в лагере контрреволюции.

В декларации разоблачалась предательская роль дашнаков, измена Каспийской военной флотилии, личный состав которой оказался частью обманутым, частью подкупленным англичанами.

В результате, говорилось в декларации, Баку оказался отрезанным от России. Подлинными хозяевами здесь стали англичане, «Диктатура Центрокаспия» — их прислужницей, а вожди бакинского пролетариата посажены за решетку. С негодованием отвергали мы ничем не обоснованные, клеветнические обвинения, выдвинутые против арестованных бакинских комиссаров, и требовали немедленного их освобождения.

Несмотря на все трудности, переживаемые Советской Россией, говорилось в заключение, гражданская война закончится полной победой Советской власти и на развалинах капитализма победит мировая революция.

Чтение декларации проходило в крайне напряженной обстановке. Меня часто прерывал звонок председательствующего. Мешали исступленные выкрики с мест наиболее огол-

телей меньшевиков, эсеров и дашнаков. Несмотря на все это, я продолжал читать декларацию, все больше и больше повышая голос, чтобы перекрыть шум, поднявшийся в зале.

Председательствовал старый меньшевик Михайличенко, член I Государственной думы. Он не играл тогда большой политической роли в Баку и был выдвинут на пост председательствующего скорее для того, чтобы придать «респектабельность» меньшевистскому Совету. Михайличенко, хотя и прерывал меня своим звонком, справиться с создавшимся на заседании положением не мог. Тогда сидевший рядом с ним Осинцев вырвал у него звонок.

Когда я огласил то место декларации, где говорилось, что Каспийский военный флот частью обманут, частью подкуплен англичанами, на меня стали набрасываться поднявшиеся со скамей наиболее оголтелые противники с выкриками и угрозами, а Осинцев, размахивая председательским звонком, чуть ли не бил им меня по носу. Тогда, не сдержавшись, я сделал попытку выхватить револьвер, который почти всегда носил с собой заткнутым за поясной ремень. К счастью, его там не оказалось. В тот день я случайно забыл его дома. Поняв мое намерение, несколько человек направили на меня пистолеты. Тогда я сунул руку в карман брюк. Думая, что я полез за револьвером, на меня набросились и схватили за руку. Когда мою руку вытащили, в ней оказался... носовой платок.

Все левое крыло депутатов, подняв над головами стулья, двинулись к столу президиума на мою защиту. Началась обшая потасовка. Все смешалось.

Каким-то образом Осинцеву все же удалось навести некоторый порядок. Наши противники требовали лишить меня слова и не дать оглашать декларацию до конца. Однако председательствующий, очевидно, чтобы доказать свой «демократизм», стал уговаривать дать мне возможность закончить чтение декларации.

При невероятном шуме и криках со всех сторон мне удалось закончить чтение декларации. В зале стали раздаваться голоса, требовавшие лишить меня депутатских прав, предать суду за оскорбление военных моряков... Представитель моряков заявил, что они привлекут к суду за клевету всю партию большевиков...

После моего выступления представитель эсеров предложил резолюцию, отвергавшую «желание коммунистов оплевать наш доблестный флот» и предлагавшую «выразить флоту

от имени Совета благодарность за бескорыстное и беззаветное служение обороне города». В дикой сумятице эта резолюция была объявлена принятой большинством голосов.

Вновь вспыхнули крики и шум. Кричали левые депутаты, клеймя позором предателей. Невероятный шум раздавался со скамей правых. Навести порядок было уже невозможно. Заседание объявили прерванным.

На следующий день, утром 11 сентября, мы прочитали в «Бюллетене диктатуры» сообщение, которое привело нас в ярость: в связи с окончанием работы военно-следственной комиссии арестованные бакинские комиссары предаются военному суду. Специально для этого случая было утверждено временное положение о военно-полевом суде. По всему было видно, что подготовлялась именно расправа.

Тогда мы решили переключить всю свою работу на немедленное освобождение наших товарищей. Была развернута широкая кампания в районах против военно-полевого суда. Предстоявшее в тот день третье заседание Совета мы решили использовать полностью для обсуждения вопроса о положении арестованных комиссаров.

Когда заседание Совета было открыто, я по поручению фракции большевиков потребовал слова для внеочередного заявления о новом акте беззакония, допущенного «Диктатурой», — предании военно-полевому суду вождей бакинского пролетариата.

Несмотря на предупреждение председательствующего, я стал в самых острых и резких выражениях разоблачать меньшевиков, эсеров и дашнаков и потребовал, чтобы Совет отменил позорное решение о предании комиссаров суду и освободил их. За судьбу и жизнь бакинских комиссаров, заявил я, будут своими головами отвечать лидеры господствующих в Совете партий.

Выступивший от меньшевиков Айолло вновь клеветал на бакинских комиссаров и на нашу партию.

Тогда взял слово Георгий Стуруа. Он говорил очень резко. Убедительно разоблачая предательскую политику правых партий, обвиняя их в том, что они становятся палачами революционеров, он заявил, что им не уйти от ответственности перед рабочим классом и историей.

Поднялся всеобщий шум. Выступления Садовского, потом Бекера потонули в сплошном гуле голосов. Председатель не давал слова другим нашим товарищам, им пришлось выступить, так сказать, в захватном порядке. Создалось положе-

ние, при котором дальнейшая работа Совета становилась невозможной. Меньшевики, поняв, что дело идет к срыву заседания, перешептывались. Председательствующий объявил о закрытии заседания.

Для характеристики того, как тенденциозно освещался тогда в меньшевистской печати ход двух последних заседаний Бакинского Совета, привожу некоторые выдержки из их газеты «Искра»:

«...Атмосфера в зале сразу накалилась, когда выступили коммунисты с обширной декларацией. Обычная брань, узость и инсинуации пропитывали ее насквозь, как вода губку...

...Коммунисты выступают с очень длинной декларацией, представляющей обычную ламентацию коммунистов в обычном «стиле» газеты «Бакинский рабочий». Декларация эта изобилует таким количеством ругательств, клеветнических выпадов и лжи, что крики негодования со всех скамей не дают Микояну читать декларацию своей партии. Особенное негодование вызывает инсинуация коммунистов о том, что флот в большинстве своем подкуплен английским золотом.

Терпение членов Совета не выдерживает. Огромное большинство Совета требует, чтобы Микоян был лишен слова и чтобы декларация больше не читалась.

С трудом удастся установить спокойствие и дать Микояну возможность дочитать декларацию.

...Если исключить из этой, с позволения сказать, «декларации» всю брань по адресу всех небольшевиков, все инсинуации и клевету по адресу отдельных частей флота и армии, то что дает эта декларация трудовой массе? Ровно ничего.

Но вы узнаете из нее следующее весьма важные и великие, а главное, «весьма новые» истины:

- 1) что происходит мировая война;
- 2) что за ней по пятам следует мировая социалистическая революция;
- 3) что единственным факелом, освещающим путь этой мировой революции, шествующим впереди ее, как библейский огненный столб впереди освобожденного из египетского рабства еврейского народа, является большевистская советская власть и
- 4) что вследствие совокупности всех этих условий партия коммунистов будет добиваться непрерывной гражданской войны, уничтожения буржуазии, захвата власти и установления на развалинах «старого режима» коммунистического строя...

...Коммунисты с определенной целью сорвать заседание начинают вносить бесконечные запросы и делать заявления. Форма запросов и заявлений настолько неприличная, что со всех скамей Совета беспрерывно раздаются крики с требованием лишить коммунистов слова. Тов. Михайличенко из сил выбивается, чтобы водворить порядок. Наконец он передает председательство тов. Осинцеву, которому благодаря его несомненному умению председательствовать удастся водворить тишину и установить порядок.

Настроение настолько нервное, что заседание дальше продолжить не представляется возможным».

...14 сентября, рано утром, когда я еще спал на балконе у Мартикяна¹, прибежала Варвара Михайловна Джапаридзе и сказала, что меньшевики и эсеры убегают из Баку, скоро в город войдут турки, надо немедленно спасать арестованных.

Только накануне мы, собравшись, выработывали мероприятия по спасению наших товарищей из тюрьмы. Но с приближением турок обстановка менялась. В нашем распоряжении оставались считанные часы.

Мне, как члену Бакинского Совета рабочих депутатов, было поручено пойти к властям «Диктатуры Центрокаспия» и потребовать освобождения наших товарищей из тюрьмы. В случае отказа потребовать их эвакуации, чтобы не оставлять туркам на растерзание. Кроме того, мы организовали боевой отряд из шести-семи человек, который возглавлял старший сын Шаумяна. Вооружили этот отряд револьверами и гранатами. Договорились, что, если мне не удастся добиться освобождения наших товарищей, этот отряд при появлении в городе турок, не ожидая никаких дополнительных указаний, должен напасть на тюрьму и освободить арестованных. Для этого отряду было предложено все время находиться в районе баиловской тюрьмы. Мы договорились с командованием советского парохода «Севан» доставить освобожденных из тюрьмы в Астрахань.

Пароход «Севан» прибыл из Астрахани за несколько дней до этого с группой делегатов — формально для ведения переговоров о товарообмене между Астраханью и Баку. Через местных моряков-коммунистов мы узнали, что действительная цель прихода «Севана» в Баку состояла в том, чтобы вы-

¹ Серго Мартикян — большевик, близкий друг С. Шаумяна. Впоследствии был председателем ЦИК Советской Армении.

яснить общее положение в городе, какова судьба арестованных бакинских руководителей. Поэтому сговориться нам было нетрудно.

Мы условились, что к вечеру «Севан» станет в районе Баилова у причала, недалеко от тюрьмы.

Я поехал в Центрокаспий. Несколько часов добивался приема. Никого из большого начальства там не оказалось, все они в панике сбежали. Я узнал, что ночью остатки английских войск поспешно бежали из Баку на пароходах.

Наконец вечером появился член «Диктатуры Центрокаспия» Велунц. Я прямо-таки напал на него, заявив, что они трусы и мерзавцы, если оставляют наших товарищей на растерзание туркам, что все это черное дело фактически делается их грязными руками. Сказал, что это подлость, которая даром не пройдет.

— Вы, Велунц, — сказал я ему, — будете головой отвечать за это.

Он заявил, что не может освободить людей из тюрьмы, не имеет на это права, но и не хочет оставлять арестованных туркам. Тогда я спросил: если он не имеет права освободить, то почему не может их эвакуировать? Велунц ответил, что не имеет для этого никаких возможностей, а кто вообще может это осуществить, он сам не знает. Тогда я заявил, что могу это сделать сам, поскольку являюсь членом Бакинского Совета депутатов трудящихся.

Неожиданно Велунц со мной согласился и сказал, что даст соответствующее указание заместителю начальника контрразведки Далину. Я попросил его написать об этом письменный приказ. Он написал. С этим документом я пошел к Далину. К счастью, застал его на месте.

— Вот вам распоряжение, — заявил я Далину, — прошу обеспечить эвакуацию арестованных бакинских большевиков.

— Этого я сделать не могу, — сказал мне Далин, — у меня нет пароходов, да и отправить арестованных не с кем: у меня нет для них охраны.

На это я ответил ему, что у нас в резерве стоит пароход, который мы можем для этой цели предоставить. Он поинтересовался, откуда взялся этот пароход и где он стоит. Я, конечно, уклонился от ответа, сказав только, что у нас все уже организовано для эвакуации. Тогда он вновь заявил, что у него нет конвоя — отпустить же арестованных, фактически на волю, он не может. На это я заявил ему:

— Мне, как члену Бакинского Совета депутатов, избранному при вашей власти, даны полномочия сопровождать и эвакуировать арестованных. Я пойду в тюрьму и все сделаю сам.

Но он продолжал настаивать, что ему нужны солдаты-конвоиры; без этого он не может выполнить указание об эвакуации. Еще до этого я заметил, что в здании ЧК находилось несколько старых солдат из рабочих. Я подошел к ним, стал уговаривать. Рассказал, что наши товарищи находятся в тюрьме, их могут растерзать турки, назвал их фамилии. Очень просил их пойти со мной в качестве охраны. Сперва они отказывались, ссылаясь на то, что торопятся к своим семьям, поскольку турки уже врываются в город. Но все же мне удалось их уговорить.

— Вы только дойдете до тюрьмы,— сказал я им,— а там можете идти куда хотите.

Далин еще долго артачился, но в конце концов подписал распоряжение о том, что члену Бакинского Совета А. Миркояну поручается вместе с приданной ему охраной эвакуировать из Баку арестованных бакинских комиссаров.

С приданной «охраной» я отправился пешком из центра города на Баилов, к зданию тюрьмы. Было часов 8—9 вечера. Мне хотелось сначала найти наш отряд, который, как мы условились, должен был находиться в районе тюрьмы. Но не нашел его. Это меня удивило. «Видимо,— подумал я,— что-то случилось». (Как потом я узнал, отряд до моего прихода к тюрьме был задержан какими-то матросами-эсерами.)

У дверей тюрьмы стоял ее начальник, сильно возбужденный и не знавший, что ему делать. Я подошел к нему, представился, показал документ и попросил выдать в мое распоряжение арестованных. Он очень этому обрадовался. Я буквально вбежал в тюремный коридор и увидел, что все мои товарищи стояли в камерах у дверей, как бы в ожидании чего-то. Они уже слышали артиллерийские и винтовочные выстрелы. Я громко сказал, что сейчас они будут освобождены, выведены из тюрьмы и посажены на пароход «Севан», прибывший из Астрахани.

Однако отряда по-прежнему нигде не было. Не оказалось в условленном месте и парохода. Встречные сказали мне, что «Севан» захватили войска «Диктатуры Центрокаспия» и куда-то угнали.

Оставался единственный выход: идти в город и искать, где можно скрыться.

В это время турки уже обстреливали Баилов ружейно-пулеметным огнем. Пули свистели над нашими головами. Мы шли, укрываясь за стенами домов. Когда подошли к району набережной, то увидели людей, спешивших попасть на стоящие у причалов пароходы.

Здесь нам повстречался верхом на коне Татевос Амиров. Он очень обрадовался этой встрече и сразу же сказал Шаумяну:

— Вы можете эвакуироваться из Баку на пароходе «Туркмен».

Все мы направились к пристани, чтобы сесть на пароход, который нам указал Амиров. Пароход «Туркмен» был набит беженцами и вооруженными солдатами.

По распоряжению Амирова верхняя палуба и кают-компания были отведены для бакинских комиссаров и тех, кто был с ними. Там же устроился и сам Амиров. Пароход вот-вот должен был отчалить...

Так закончился первый период бакинского подполья после падения Бакинской коммуны. Турки вошли в Баку.

* *
*

Несколько дальше я продолжу свой рассказ о том, что произошло с нами на пароходе «Туркмен», и о трагической гибели 26 бакинских комиссаров. А сейчас я хочу привести здесь то, что мне рассказала одна из активных бакинских коммунисток, оставшаяся в Баку после нашего отъезда, Ольга Шатуновская:

Ворвавшись в Баку 15 сентября 1918 года, турки оставались здесь до ноября (когда по Версальскому договору они должны были уйти из Баку), и на их место снова пришли англичане.

Турецкие интервенты зверствовали, убивали, насильовали. Они вырезали много жителей — армян, русских, азербайджанцев.

Это были ужасные дни! Кто оставался еще в Баку, отсиживался в подвалах, в трубах, где только было можно.

Я и еще два большевика — Сурен Агамиров и Александр Баранов — скрывались на квартире Серго Мартикяна. Потом к нам присоединились Леван Гогоберидзе и Костя Румянцев. В ту пору в бакинском подполье находились еще братья Агаевы (Бахрам, Магеррам и Имран), Левон Мирзоян, Юлия и Ваня Тевосяны¹, Амалия Тонянц и многие другие.

¹ Тевосян Иван Федорович (1902—1958) — выдающийся советский государственный и партийный деятель. Один из организаторов и руководителей тяжелой промышленности, заместитель Председателя Советского правительства.

Вскоре стало известно, что восстанавливается железнодорожное сообщение с Грузией. Леван сказал, что нам надо уехать с первым же поездом в Тифлис, так как оставаться дальше в Баку было опасно.

Но как уехать? На вокзале охрана. Гогоберидзе решил достать для себя удостоверение и форму грузинского офицера, а Костю Румянцева «сделать» своим денщиком. Эта операция удалась: с первым же поездом Гогоберидзе и Румянцев благополучно уехали.

Агамиров, Баранов и я тоже сумели достать для себя билеты и фиктивные документы как учащиеся и с ними пришли на вокзал, чтобы уехать. Но на вокзале нас узнали два бывших служащих Военно-революционного комитета, которые после взятия Баку турками стали предателями и поступили работать в турецкую охранку. Мгновенно нас окружила цепочка жандармов. Случайно вместе с нами жандармы оттеснили еще каких-то двух молодых людей, на которых те же провокаторы указали, что это Бекер и Румянцев. Те стали протестовать, и их начали избивать. Потом всех нас повели в турецкую охранку.

Охранка помещалась в бывшем губернаторском доме. Начальником охраны был Бехаэддин-бай, по кличке «Рыжий турок». Двух молодых людей, случайно задержанных с нами, впоследствии отпустили: за ними пришли родственники и доказали, кто они.

А нас продолжали держать в охранке. Сурена и Шуру сильно избили. Меня тоже били кулаками по голове: зная, что я была личным секретарем Шаумяна, «Рыжий турок» добивался от меня, где Шаумян. Потом моих товарищей стали бить нагайками. Но мы упорно продолжали говорить, что ничего не знаем, как не знаем и друг друга. «Где Шаумян?» — вот вопрос, ответа на который они от нас добивались. Я сказала, что все они отплыли на пароходах. Мне не верили, кричали, что я лгу, что у них точные сведения, что Шаумян здесь, в Баку.

Нас продержали несколько недель и потом объявили, что главнокомандующий турецкой армией Нури-паша подписал и утвердил приговор о нашем повешении: завтра в шесть часов утра мы будем повешены на площади Паранет.

Прошло несколько часов. Ко мне в камеру вошел конвой. Дали команду выходить. Куда — не знаю. Меня повели через бывший губернаторский сад вверх по Николаевской улице, потом по Губернской. На этой улице находилось здание суда. Я думала, что меня ведут в суд. Напротив здания суда находился дом нефтепромышленника Ротшильда. Меня повели почему-то в этот дом. Ввели в огромный кабинет, где, к моему изумлению, я увидела Бейбута Джеваншира. Это был друг детства Степана Шаумяна: они вместе выросли, вместе поехали учиться в Германию. Степан окончил философский факультет и стал профессионалом-революционером, а Джеваншир — инженером-заводчиком, капиталистом. Надо сказать правду, что и после этого Джеваншир в память старой дружбы со Степаном еще до революции не раз выручал Степана из тюрем, помогал ему деньгами, прятал подпольные материалы и т. п.

Первые я увидела Джеваншира при следующих обстоятельствах. Во время мартовского (1918) восстания мусаватистов наш отряд обстреливал дом, где жил Джеваншир: с крыши этого дома стреляли в наших из пулемета. Джеваншир сумел дать знать Степану Шаумяну, прося его о спасении. Шаумян послал Сурена Агамирова и своего сына Сурена с поручением доставить к нему Джеваншира с женой. Их благополучно привели на квартиру Шаумяна, где была тогда и я. Они прожили здесь недели две.

Вот откуда Джеваншир знал меня, а также Сурена Агамирова, который вывел его тогда из обстреливаемого дома.

Когда турки сформировали азербайджанское правительство, Джеваншир был назначен министром внутренних дел. Как министру, ему было доложено, что завтра утром я, Сурен Агамиров и Шура Баранов будем повешены на Парапете.

Увидев перед собой Джеваншира, я была поражена. Мы остались вдвоем. «Подойдите ближе, Оля, — сказал мне Джеваншир. — Я министр внутренних дел. Мне доложили, что Степан в городе и что вы не хотите давать его адрес. Я вас позвал специально для того, чтобы вы дали мне его адрес. Я друг Степана. Он спас меня от смерти, теперь я хочу спасти его. Если Степана найдут, то могут убить на месте. Дайте мне его адрес!»

Я ответила, что Шаумяна в Баку нет, что это — заблуждение.

Но Джеваншир мне не верил. Он продолжал просить, умолять меня, чтобы я дала ему адрес, клялся, что он обязан спасти Степана. Я доказывала и тоже клялась ему, что говорю чистую правду. Тогда он впал в ярость, кричал: «Вы проклятые фанатики, вы погубите Степана!» Окончательно рассвирепев, он вызвал конвой и приказал: «Уведите ее обратно!» Я была даже не в состоянии напомнить ему о том, что завтра по приговору Нури-паши нас повесят. Меня увели обратно в тюрьму.

К вечеру в камеру вошел старший надзиратель (это был турок из военнопленных, он немного говорил по-русски) и, посмотрев на меня, сочувственно сказал: «Бедная девочка, завтра утром... знаешь?» — и показал мне рукой петлю вокруг шеи. Я ответила, что знаю. Тогда он кинул мне кисть винограда и ушел.

Через час заходит опять: «Ой, бедная, завтра ты будешь (опять тот же жест вокруг шеи). На стакан вина, выпей!»

Пришел он и в третий раз, принес подушку: «Последняя ночь. Поспи на подушке!»

Тогда я решилась и говорю: «Внизу мои братья, хочу с ними проститься, поведи меня к ним». Он отказывается, видимо очень боится. Тогда я бросила ему принесенную подушку, виноград и кричу: «Уходи вон! Хочу видеть братьев!»

Он «растаял». «Подожди, — говорит, — вечером начальник уйдет, тогда проведу».

Вечером он действительно повел меня через двор, оттуда — в глубокий подвал, где я нашла Сурена и Шуру. Они бросились меня обнимать. Оказывается, и они знали о том, что завтра нас всех повесят.

Надзиратель боялся долго оставлять меня с друзьями и потащил обратно. Мы успели только условиться, что когда нас поведут на казнь, то будем петь «Интернационал».

Сижу в камере и жду, когда через стеклянную полоску дверной рамы начнет рассветать: последний день.

Вдруг слышу какой-то шум, стук жандармских шашек и шаги около моей камеры. Неужели за мной? Ведь еще ночь! В камеру вошли «Рыжий турок» с переводчиком и стражей. Бехаэддин-бай обращается ко мне по-французски (зная, что я немного говорю по-французски): «По распоряжению министра Джеваншира вы освобождены. Смертная казнь заменена вам выслойкой из пределов Азербайджана».

Сначала не поверилась. Я подумала: «Может быть, он хочет чтобы я не упиралась и без всякого сопротивления шла на казнь?» Говорю: «Зачем обманываете? Ведите на казнь — я готова». Но он вновь повторяет по-французски: «Вы свободны». И переводчик все это повторяет по-русски.

Тут я что-то стала понимать. Значит, Дживаншир все же вмешался! Но в то же мгновение в голову пришла ужасная мысль: «А вдруг это только для меня?» Спрашиваю: «А как мои друзья?» Начальник охраны хохочет: «Теперь они стали вашими друзьями?! Ведь совсем недавно вы все отпирались, говорили, что друг друга не знаете?» Наконец, кончив смеяться, он сказал, что их тоже сейчас освободят.

Меня повели в контору, где взяли подписку, что я явлюсь через три дня в полицию для высылки за пределы Азербайджана.

Потом меня вытолкнули за ворота. Неожиданно вижу: стоит мой отец. Оказывается, ему сказали, что меня на вокзале забрали жандармы, и он все время ходил и просил за меня. Вчера ему объявили, что завтра меня поведут на площадь вешать, и он простоял у ворот охраны всю ночь, ожидая, когда же меня выведут.

Он смотрит на меня и ничего не может понять. А я в свою очередь не верю своим глазам: откуда здесь отец? Отец не выдержал, ноги у него подкосились, он упал на колени, схватил меня за руки и громко-громко рыдался...

Через 10—15 минут выходит из ворот Сурен Агамиров, еще через некоторое время — Шура Баранов. Они тоже дали подписку, что через три дня явятся в полицию для высылки.

Два дня и две ночи отец просил, умолял меня бросить все, идти учиться. «Большевики, — говорил он, — вас покинули, сами удрали, оставь их, хватит...» Ни на минуту он не давал мне покоя своими просьбами и требованиями. На третью ночь я не выдержала. Мы сильно поссорились, и в час ночи я ушла из дому.

Иду, в городе полная темнота. Кое-где слышны выстрелы, крики. Решила пойти к знакомой мне Зине — портнихе. Она меня и приютила.

На другой день повидала Сурена и Шуру. Мы решили в полицию не являться. Ведь нас могли вывезти за границу, в Петровск, а там были белые, Бичерахов со своей бандой — там большевиков тоже вешали. Мы решили сами пробираться в Грузию.

Я прожила некоторое время у Амалии Тонянц, а вскоре нам удалось уехать в Тифлис. Туда у нас были явки. Там мы нашли Гогоберидзе и Румянцева.

УХОДИМ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ С ПОБЕДОЙ

Решаем идти в Астрахань. — Предательство судебного комитета. — Наш арест в Красноводске. — В арестном доме.

Прежде чем отчалить от пристани, мы более двух часов пробыли на пароходе. Вскоре, узнав, что освобожденные из тюрьмы находятся на пароходе, к нам пришли Сурен Шаумян и другие члены его отряда.

Вместе с нами на пароходе был и Лев Шаумян, который до этого, все последние дни после освобождения из тюрьмы

(под поручительство комитета левых эсеров), жил на квартире Татевоса Амирова. Джапаридзе послал его на квартиру Серго Маргикяна, где в ту пору находились жена Джапаридзе и жены других наших товарищей. Вскоре Лева привел их всех к нам на пароход.

В присутствии всех нас, сидевших тогда в кают-компании, жена Джапаридзе предложила мужу сойти с парохода и остаться в Баку, скрываясь от турок. При этом она сказала, что знает человека, который может его спрятать у себя на квартире. Это вызвало у многих из нас удивление, потому что надежно спрятаться такому известному в Баку человеку, как Джапаридзе, практически было невозможно. К тому же никакой предварительной подготовки к этому не проводилось. Что за человек берется за это дело, насколько надежна его квартира, не было известно. Товарищи высказали мнение, что это еще более опасно, чем оставаться на пароходе. Джапаридзе заявил, что он остается на пароходе вместе с товарищами.

Когда наконец «Туркмен» отчалил от пристани и стал выходить из бакинской бухты, я подошел к Степану Шаумяну и сказал, что капитаны всех пароходов имеют предписание идти в Петровск, куда эвакуировалось правительство Центрокаспия и где орудовал Бичерахов. Чтобы уйти от опасности, я предложил Шаумяну уговорить капитана «Туркмена», пользуясь покровом ночи, постепенно отделиться от каравана судов и взять курс прямо на Астрахань. Вряд ли при сложившейся обстановке военная флотилия окажется в состоянии преследовать нас.

Шаумян поставил вопрос на обсуждение. Все отнеслись к этому предложению одобрительно. А затем Шаумян повел разговор с капитаном один на один. Капитан оказался сговорчивым человеком: сам он латыш, семья его живет в Риге и он рвется в Астрахань, надеясь оттуда пробраться к семье. Вот почему он и дал согласие Шаумяну направить «Туркмен» на Астрахань. Он только попросил, чтобы Шаумян обеспечил ему самому возможность эвакуации из Астрахани в Латвию. Шаумян, как представитель центральной власти, дал на это капитану полную гарантию.

Нас охватило радостное настроение, все, конечно, мечтали поскорее попасть в Астрахань, в Советскую Россию. Эта мечта казалась тогда такой близкой и возможной...

Погода была хорошая, море спокойное. Мы вышли на палубу и увидели, как постепенно наш пароход удаляется от

огней других пароходов каравана. Вскоре мы оказались в открытом море. Никаких других огней пароходов не было видно.

Однако наше ликование продолжалось недолго.

Неожиданно в кают-компанин появился капитан судна и, обратившись к Шаумяну, стал показывать ему на карте, где находится пароход «Туркмен», а где караван, идущий в Петровск. Было видно, что мы оторвались от каравана и находимся на прямом курсе в Астрахань. Но, оказывается, судовой комитет нашего парохода, состоявший из эсеров, узнав, что мы изменили курс и идем на Астрахань, собрался и принял решение на Астрахань не идти, а повернуть на Красноводск.

— Матросы говорят, — сказал капитан, — что в Астрахани голод, а по их данным, в Красноводске продовольствия хватает, и поэтому они отказались идти в Астрахань.

Это было для нас полной неожиданностью.

Тогда Шаумян предложил Полухину, представителю центральной морской власти, пойти с капитаном и попытаться убедить судовой комитет отменить принятое им решение и продолжить путь на Астрахань. Через некоторое время Полухин вернулся. Вид у него был мрачный. Он сказал, что из его уговоров ничего не вышло; матросы упорно настаивают на своем и не желают никому подчиняться. Оказалось, что главным заправилкой у них был механик парохода — закоренелый контрреволюционер.

Выяснилось, что и беженцы, находившиеся на пароходе, и многие солдаты тоже не хотят идти в Астрахань и поддерживают решение судового комитета. Таким образом, против нас оказалась не только команда парохода, но вооруженные солдаты и беженцы, фактически занимавшие весь пароход (кроме верхней палубы). Только позже мы узнали, какую бешеную агитационную кампанию против нас развернули среди беженцев и солдат находившиеся на «Туркмене» дашнакские командиры, успевшие спеться с двумя английскими офицерами из отряда генерала Денстервиля, оказавшимися на нашем пароходе.

Нетрудно себе представить, какое тяжелое настроение создалось у всех нас. Думали, гадали: что можно предпринять? До этого я не принимал участия в обсуждении создавшегося положения, так как полагал, что более опытные товарищи и без меня найдут правильное решение. Но когда они стали обсуждать, каким путем избежать захода в Красноводск, я не сдержался и сказал, что, учитывая опасность, которая нам грозит, если мы попадем в оккупированный англичанами Крас-

новодск, надо силой заставить команду подчиниться нам и продолжать курс на Астрахань.

— Но где взять такую силу? — задали мне вопрос.

— У начальника отряда Амирова, — ответил я, — найдется на пароходе десятка два верных ему вооруженных людей, которых он может незаметно, по одному вызвать на верхнюю палубу и с их помощью разоружить всех тех военных, которые не хотят идти в Астрахань, а их оружие передать нам. Вооруженные, мы сможем добиться от команды подчинения, пригрозив, на всякий случай, выбросить в море тех, кто будет наиболее яростно сопротивляться.

Алеша Джапаридзе, наиболее экспансивный среди нас, закричал на меня:

— Ты что, зверь, что ли? Как это выбросить в море?..

Надо сказать, что я любил, даже больше, обожал Алешу, но его слова показались мне тогда очень обидными. Я ничего ему не ответил, только замкнулся в себе. Конечно, я понимал, что разоружение солдат — дело непростое; могло произойти столкновение, и полной гарантии в успехе у нас не было. Но все же были определенные шансы одержать верх и попытаться силой оружия сломить сопротивление отдельных враждебно настроенных против нас матросов. Так я думал тогда. Остальные товарищи тоже молчали. Наступила гнетущая тишина. Тогда я подумал: «Зачем кипячусь? Ведь они опытнее меня, знают, что делают!» И, чувствуя себя каким-то разбитым, подавленным и усталым, лег под стол в кают-компании и скоро заснул.

Спал очень долго. Проснулся я поздно, когда был уже день. В кают-компании никого не было. Вышел на палубу. Море было совершенно спокойно. Солнце приятно грело, но не было жарко. Некоторые наши товарищи сидели на палубе группами по два-три человека, разговаривали, другие спокойно прогуливались по палубе.

Весь этот внешний покой — и природы и людей — резко контрастировал с той внутренней тревогой за нашу общую судьбу, которая не покидала лично меня, да, думаю, и многих моих друзей.

Сохранилось в памяти, как на возвышавшейся над палубой низкой надстройке лежал на спине Петров. Заложив руки за голову, он задумчиво смотрел в безоблачное синее небо. Это продолжалось довольно долго. Я думал о нем, храбром революционном командире. Петров был из левых эсеров, но он не пошел за вожаками своей партии по пути предательства

Советской власти и добросовестно служил в Красной Армии. В Баку я лично с ним не сталкивался. Близко к нему я присмотрелся на Петровской площади, в день, когда его артиллерия разгромила турецкие позиции и предотвратила вторжение турок в город. Петров был спокойным, хладнокровным, боевым командиром, которого уважали подчиненные. Мне рассказывали, что иной раз в его поведении проявлялись элементы стихийности, но в целом он вел себя дисциплинированно и преданно по отношению к Бакинскому Совету Народных Комиссаров и чрезвычайному комиссару Кавказа Шаумяну.

Тогда, глядя на Петрова, я думал: «Почему вчера при обсуждении вопроса, как пробраться в Астрахань, он не внес ни одного предложения, а сидел молча?» Видя его задумчиво лежащим на спине, я хотел узнать, о чем он думал, какие у него мысли. Мечтал ли он о своей далекой родине или воскрешал в памяти славные эпизоды борьбы, участником которых он был не один раз? А может быть, он вспоминал павших в бою товарищей или строил догадки, чем закончится вся эта эпопея с бакинскими товарищами?..

Я никак не мог понять, почему такие опытные военные руководители, как Корганов и другие, не поддержали вчера моего предложения о насильственном угоне парохода в Астрахань?

Однако в беседах с товарищами я считал неуместным возвращаться к этому вопросу.

Тревога за судьбу товарищей не проходила, хотя их спокойное и мужественное поведение несколько приглушало ее. Да и длительный сон успокоил мои нервы. К тому же я был еще очень молод, первый раз в жизни оказался на пароходе в открытом море и буквально наслаждался чудесным морским пейзажем, синим небом и лазурной гладью Каспийского моря, освещенного ярким солнцем...

Глядя на спокойные лица окружавших меня товарищей, я думал: только ли личной храбростью и мужеством объясняется такой их, казалось бы, безмятежный вид и внешнее спокойствие? Или, может быть, в их сознании теплилась еще смутная надежда, что английский командование, представляющее, так сказать, цивилизованное европейское государство, будет руководствоваться в своих поступках установленными нормами международного права и все с ними закончится без трагедии. Видимо, они еще не представляли себе, какая грозная опасность неотвратимо нависала над их жизнями.

К вечеру 16 сентября, еще засветло, мы подошли к рейду Красноводска, где были остановлены портовым баркасом «Бугас» с какими-то вооруженными военными. Они приказали нашему капитану стать на якорь на рейде якобы для проведения карантина во избежание «заноса» заразных болезней. С парохода разрешили сойти только двум английским офицерам (обстоятельства появления которых на пароходе были неизвестны) и армянину с георгиевским крестом, который заявил, что «имеет сообщить местным властям важные сведения».

Все это было для нас первым тревожным сигналом. В нормальных условиях пароход должен был спокойно войти в порт и стать на разгрузку. Здесь же что-то готовилось. Как и в предыдущую ночь, наши товарищи спали — кто сидя за столом в кают-компании, кто устроился на полу по углам.

Утром, когда мы встали, был яркий солнечный день. К нашему пароходу вновь подошел баркас «Бугас». По его приказу «Туркмен» медленно двинулся к пристани Урфа, находящейся в нескольких километрах от Красноводска. На пристани мы увидели необычную картину. По обеим сторонам причала стояли шеренги солдат в туркменских папахах с винтовками, а перед ними — три-четыре офицера, отряд милиции и местная эсеровская боевая дружина. В стороне стояла английская артиллерийская батарея, а по пристани расхаживало несколько английских офицеров, среди которых были и те два офицера, которые накануне сошли с «Туркмена»; однако открыто они ни во что не вмешивались. Кроме того, на пристани были чиновники из правительственного аппарата во главе с Кондаковым и армянин с георгиевским крестом, о котором я говорил выше. Стало очевидным, что нам предстоит арест.

Мы собрались в кают-компанию. Шаумян сказал, что, видимо, нас будут арестовывать, поэтому надо сейчас же спуститься вниз, смешаться с пассажирами-беженцами, попытаться проскочить через контрольные пункты, пробраться в город и скрыться от властей, с тем чтобы потом добираться до Астрахани или Ташкента, где была Советская власть. Никто не внес других предложений, да их и не могло быть в создавшейся обстановке.

Тогда я сообщил всем (до этого я говорил об этом только Шаумяну), что у меня находятся деньги из партийной кассы. Шаумян предложил раздать их всем поровну. Помнится, каж-

дому досталось что-то по 500 рублей, что равнялось примерно месячному жалованью среднего служащего.

Вещей у наших товарищей не было, кроме пальто и некоторых мелочей, да и то не у всех. Исключение составлял Су-рен Овсепян, который последние месяцы был редактором газеты «Известия» Совета рабочих депутатов Баку. У него был довольно тяжелый ящик. Когда еще в Баку мы шли из тюрьмы под турецкими пулями и вынуждены были перебе-гать опасные места, он нес этот ящик на плече. Учитывая обстановку, я сказал Сурену:

— Брось, пожалуйста, свой ящик!

Помню, он тогда даже немножко обиделся на меня за такое «пренебрежительное» отношение к его грузу. В ящике были его рукописи и печатные труды. Он сказал, что нести ящик не так уж трудно и он его не бросит, так как в нем очень ценный для него груз. Его можно было понять. Он был активный партийный работник-ленинец, сотрудничал в «Правде» и в «Просвещении» перед первой мировой войной.

Нижняя палуба была забита людьми; негде было, как гово-рится, иголке упасть. Мы смешались с публикой. Было очень тесно. Ближе около себя никого из наших товарищей я не уви-дел.

Чем ближе мы подходили к пристани, тем яснее для нас становилась обстановка.

Когда «Туркмен» подошел к пристани и был поставлен трап, стали выпускать пассажиров. Внешне казалось, что идет обычная проверка. Люди медленно проходили один за другим. Подошла моя очередь. Меня обыскали быстро, по-тому что у меня ничего не было. Одет я был в суконную гим-настерку военного образца, подтянутую ремнем, галифе и сапоги, на голове — форменная фуражка без кокарды. В ру-ках тоже ничего не было. Только за поясом в складках у меня был револьвер. Я был тогда очень худым и надеялся, что при обыске револьвера у меня не обнаружат. Так и слу-чилось. При первой проверке я поднял руки вверх, какой-то военный быстро ощупал меня и, ничего не обнаружив, отпу-стил.

Пройдя шагов 20—30 по пристани, я увидел второй пункт проверки. Меня вновь бегло ощупали и, ничего не найдя, пропустили дальше. Документов вообще у нас не спраши-вали: пассажирами парохода были беженцы, спасавшиеся от турок, и, естественно, у многих из них документов не было.

Поэтому о документах при проверке даже не заговаривали. Пройдя еще шагов десять, я увидел, что есть и третий пункт проверки. Я уже не волновался, думая, что если два раза меня удачно «проверили», то и на третий сойдет.

Не замечая ничего подозрительного, я все же осторожно, чтобы не привлекать внимания, осматривался вокруг. Вдруг, когда я подошел к третьему пункту проверки, кто-то схватил меня за плечо. Обернувшись, я увидел чиновника порта в белоснежном форменном кителе и морской фуражке. Он сделал мне знак головой и сказал:

— Идите за мной.

Мы шли молча. Он подвел меня к краю пристани, где стоял небольшой портовый пароходик «Вятка».

Неожиданно на палубе «Вятки» я увидел сидящих за столом и тихо беседовавших между собой Шаумяна и Джапаридзе. За другим столиком сидел Фиолетов с женой. Там была также жена Джапаридзе. Я увидел, как Азизбеков спустился в нижнее помещение парохода с чайником в руках. Вскоре он поднялся на палубу и, держа чайник и стаканы, довольно бодро сказал:

— Друзья, я приготовил вам хороший чай. Давайте пить.

По всему его поведению было видно, что он хотел подбодрить товарищей, создать у них хорошее настроение.

Заметив меня, все обернулись, но посмотрели на меня без удивления: оказалось, что на этом пароходе уже находится много наших товарищей; постепенно приводили остальных. Стали рассказывать, кто и при каких обстоятельствах был задержан. Оказалось, что среди беженцев были провокаторы (в первую очередь человек с георгиевским крестом), которые знали в лицо многих наших товарищей, и полиция задерживала и препровождала их на «Вятку».

Скоро число арестованных достигло 35 человек. Все сидели спокойно, разговаривали между собой, не зная, что их ждет.

Пришло начальство с вооруженными людьми, и начался обыск. Обыскивали каждого в отдельности, очень тщательно. Заставляли снимать верхнюю одежду, ошупывали с головы до ног. По всему было видно, что искали деньги. Строго обыскивали те немногие скудные вещи, которые были у некоторых наших товарищей. Искали, не зашиты ли документы и ценности в одежде.

Особенно тщательно обыскивали Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Петрова, Корганова, Везирова и Фиолетова.

У товарищей оказались только те деньги, которые им роздал я. Лишь у Петрова обнаружили еще какую-то небольшую сумму денег.

Подходила и моя очередь. Я все думал, что мне делать с кольцом, спрятанным под гимнастеркой. Ведь он мог пригодиться и в тюрьме, я не хотел с ним расставаться. Пока шел обыск, я решил где-нибудь его спрятать. Попросился вниз в туалет, хотел поискать там какое-нибудь местечко для этого. Но там стоял часовой, пришлось вернуться назад. Раздосадованный тем, что с кольцом придется расстаться, я решил вдруг хоть как-то насолить полицейским.

— Ваши вещи?

Я сунул руку за пояс и резким движением выдернул кольцо.

Видимо, полицейским показалось, что я собираюсь стрелять. В страхе они отпрянули от меня, а один с криком:

— Что вы делаете?! — схватил меня за руку.

— Как что я делаю? — ответил я «возмущенно», — отдаю вам единственную вещь, других у меня нет!

Внутренне я был удовлетворен, что полицейские обнаружили себя жалкими трусами. По улыбкам товарищей, наблюдавших эту сцену, я видел, что и они довольны.

Никаких грубостей при обыске не было. Допросов — тоже. Обыскивавшие были явно разочарованы, что у нас не оказалось никаких ценностей, а найти их они мечтали. Женщин, которые были с нами, тоже подвергли обыску, но производили его женщины из полиции и не на палубе, а внизу, в каютах.

Наконец наш пароходик отошел в сторону от пристани и бросил якорь. Оказалось, что красноводские власти, опасаясь реакции населения на отправку арестованных комиссаров в тюрьму, распорядились задержать нас до темноты на «Вятке» и только ночью водворить в тюрьму.

После окончания обыска нам объявили, что мы арестованы и находимся в распоряжении Красноводского стачкома (так называлось контрреволюционное правительство города, руководимое эсерами). Шаумян заявил протест против насилия, сказав, что за нами нет никакой вины, а кроме того, местное правительство не имеет к нам никакого отношения и тем более не имеет права нас арестовывать, поскольку мы еще даже не ступили на территорию Закаспия.

Старший из чиновников, нас арестовавших, Кондаков, сказал, что он не имеет намерения вступать с нами в дискус-

сию по этому вопросу, так как выполняет распоряжение своего правительства.

Когда Кондаков куда-то удалился, мы стали обсуждать, какие меры можно принять в создавшемся положении. Пришли к выводу, что мы оказались в еще более опасном положении, попав в лапы закаспийских правых эсеров и английского командования, чем если бы мы оставались в распоряжении «Диктатуры Центрокаспия». Нам казалось тогда, что бакинские меньшевики и эсеры, входившие в Центрокаспий, находясь в прямой зависимости от английского военного командования, но все же боясь ответственности перед бакинским рабочим классом, могли испугаться и не пойти на расправу с нами. Правда, в Петровске находился Бичерахов с отрядом, но нам казалось, что отношение Советской власти к нему не давало ему повода для такой расправы.

Я высказал мнение, что мне следует использовать положение члена меньшевистско-эсеровского Бакинского Совета и имевшееся у меня официальное разрешение на эвакуацию арестованных комиссаров и послать телеграмму «Диктатуре Центрокаспия» в Петровск, с тем чтобы они потребовали отправить нас из Красноводска в Петровск.

Шаумян согласился, но сказал, что этого мало. Необходимо всем официальным представителям Советской власти, арестованным Центрокаспием, так же прямо обратиться к «Диктатуре Центрокаспия» по радио. С этим все согласились. Шаумян вызвал представителя местной власти и потребовал, чтобы он принял радиотелеграмму для передачи в Петровск. Согласие было получено. Шаумян вместе с Джапаридзе стали составлять текст радиограммы, который сохранился:

«РАДИОГРАММА ДИКТАТУРЕ ЦЕНТРОКАСПИЯ

Четырнадцатого ночью постановлением Диктатуры и по распоряжению товарища председателя Чрезвычайной комиссии Далина мы были освобождены из Баилловской тюрьмы. Охрана, пришедшая за нами, заявила, что нам разрешено сесть на пароход «Севан», на котором находилась делегация Астраханского Совета и флотилии, приехавшая по вопросу об освобождении нас. Так как «Севан» не оказался в военном порту, где он должен был принять нас, охрана доставила нас в город в Чрезвычайную комиссию. Здесь уже никого не оказалось, и охрана доставила нас на ближайшую пристань Камво на пароход «Туркмен». Здесь охрана из 10 человек, ввиду эвакуации Чрезвычайной комиссии и отсутствия других пароходов, просила начальника отряда принять и их на «Туркмен», что было им разрешено. Пароход «Туркмен» в числе многих пароходов по указанию военных судов после временной стоянки у Наргена и Жилого 15 числа

направился в Петровск. Утром 16 числа мы узнали, что пароход направляется в Красноводск, так как поднявшийся норд затруднял движение на север, воды и топлива на пароходе было мало, в то время как на пароходе оказалось до 800 человек, преимущественно женщин и детей, сидевших совсем без провизии. Как оказалось, администрация парохода и начальник отряда, ввиду этих условий, решили ехать против ветра и направиться в Красноводск, высадив скорее беженцев и, получив топливо, воду в Красноводске, возвратиться обратно в Петровск.

Утром матросы нам заявляют, что Красноводск беженцев не примет, и, с другой стороны, погода улучшилась. Возник вопрос о том, что беженцев было бы лучше всего доставить в Астрахань, но опасались, что в Астрахани большевики не примут беженцев, а пароход задержат и т. д. Нам, конечно, было бы также лучше всего поехать в Астрахань, во избежание первых возможных неприятностей в Красноводске, где идет борьба против большевиков, и мы обещали настоять в Астрахани на принятии беженцев и возвращении «Туркмена» в Петровск. После этого пароход взял курс на Астрахань. Но ввиду того что судовой комитет заявил протест и нежелание ехать в Астрахань, курс вновь был взят на Красноводск, куда мы прибыли 16-го вечером. Здесь благодаря провокационным заявлениям некоторых пассажиров у местной власти возникли сомнения в том, что мы во время паники бежали из тюрьмы и уехали из Баку без ведома Диктатуры. Это вызвало наш арест, вместе с нами арестовали еще десяток других лиц, в их числе и самого начальника отряда Амирова.

Просим Диктатуру Центрокаспия подтвердить, что мы были освобождены и выехали по вашему распоряжению. Если не найдете возможным распорядиться, чтобы нас отправили в Астрахань, пусть пошлют нас в Петровск. Вы в курсе нашего дела, там же можете выяснить все обстоятельства нашей поездки в Красноводск через пассажиров и команду парохода «Туркмен», которые отправляются в Петровск. Просим вашего срочного распоряжения.

По уполномочию всех:
Джапаридзе, Фиолетов, Шаумян, Корганов, Петров, Я. Зевин».

Из тактических соображений мы в радиограмме кое в чем отошли от действительности. В том же духе написал телеграмму и я.

Местные власти приняли наши телеграммы для передачи, но у нас не было уверенности, что они их передадут. Шло время, ответа не поступало. Мы стали думать, что нас обманули и что наши телеграммы никуда не посланы. Только через несколько лет телеграмма Шаумяна и других товарищей была обнаружена в архивах. Моя же так и осталась ненайденной.

Вечером наш пароходик двинулся к городской пристани. Нам сообщили, что, поскольку в тюрьме на всех арестованных мест не хватит, некоторые из нас будут помещены в городском арестном доме. Начальник красноводской полиции Алания зачитал список арестованных, которые подлежали помещению в этот дом. Все остальные были размещены

в тюрьме. В списке направляемых в арестный дом значились Шаумян, еще 11 мужчин и пять арестованных с ними женщин. Меня в этом списке не было.

Я понял, что меня отправляют в тюрьму. Я подошел к Шаумяну и сказал, что хочу находиться вместе с ним, так как не исключена возможность организации побега, а в таком деле я мог бы быть полезным. Шаумян ответил:

— Хорошо, попробуй, что выйдет!

Обратившись к Алания, я сказал, что очень прошу поместить меня не в тюрьму, а в арестный дом. Он внимательно посмотрел на меня и, не спросив ни о чем, сказал: «Хорошо». Я очень этому обрадовался.

* *
*

Красноводск — город маленький. Арестный дом оказался недалеко от пристани, и нас пешком под конвоем быстро туда доставили. Мужчин разместили в одной камере, а женщин — в другой.

Дом этот был одноэтажный, в нем, насколько я помню, было шесть камер — по три с каждой стороны коридора. Во дворе находился небольшой домик, где жил начальник арестного дома. Камера, в которую нас поместили, была относительно небольшой, со сплошными нарами вдоль одной стены. Асфальтовый пол. Не было ни матрацев, ни подушек, ни одеял и никакой мебели, кроме обычной тюремной парши в углу. Старшие товарищи, устроившись на нарах, легли спать, а кто помоложе — человек шесть — легли прямо на пол.

Прошло три томительных дня. В Красноводске стояла душлимая жара. В камере было крайне тесно. На прогулки нас не выпускали, кормили плохо. Однако все это нас не очень волновало. Чувствовалось, что каждый про себя думает о неопределенности нашей судьбы. Внешне непринужденно и даже весело вели себя Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Амиров, которые расположились на нарах и стали шумно играть в преферанс. Карты нашлись у Амирова.

В подавленном настроении находился Арсен Амирян, коммунист, редактор газеты «Бакинский рабочий». С нами в камере сидел его родной брат — Татевос. Через одну-две недели к нам в камеру привели еще двух их беспартийных братьев. Старший — Александр — был болен туберкулезом; он все время тяжело кашлял. С младшим братом — Армена-

ком — я впервые встретился в камере. Из его рассказов я узнал, что он большой любитель игры на бильярде и все время проводил в бильярдных Баку. Жил он за счет материальной поддержки Татевоса. Тогда об игре на бильярде я не имел ни малейшего представления и удивлялся его азартному интересу к ней. К слову сказать, оба эти брата Амиряна никакой политической роли не играли.

Арсен Амирян ходил взад и вперед по камере, делая пять-шесть шагов по диагонали, с угрюмым лицом, весь какой-то сосредоточенный. У меня сложилось тогда впечатление, что Арсен был крайне пессимистически настроен и, возможно, один из всех был уверен в самом плохом конце, считая наше положение безнадежным. Он ни с кем не заговаривал, и никто не мешал его раздумьям. Никак не реагировал он и на разговоры других товарищей, оставаясь равнодушным даже к очень остроумным, почти анекдотическим рассказам «из своей жизни» прапорщика Авакяна. Я уже ранее упоминал о некоторых странностях Авакяна. Он и в камере не разлучался со своим треножным складным стульчиком. В то время, когда одни сидели на нарах, другие — на полу, Авакян водрузил свой стульчик на нары и восседал на нем. У него сохранился и стакан с подстаканником. Меня удивило, как эти вещи у него не отняли при обыске. Оказалось, что он очень об этом просил и ему уступили. Но он жалел, что еще при первом аресте, в Баку, у него отняли... клетку с канарейкой. С большим сожалением и горечью вспоминал он о своей любимой канарейке, как об очень большой потере...

Авакян водрузил свой стульчик по соседству с Шаумяном, который обычно сидел на нарах, прислонившись спиной к стене. Авакян занимал его своими рассказами, которым, казалось, не было конца. Он был мастером слова, любил рассказывать и, видимо, сам получал от этого удовольствие. Мы слушали его с большим интересом. Особенно запомнился мне один эпизод из жизни Авакяна, который впоследствии я часто вспоминал и пересказывал своим товарищам. Авакян с юмором рассказывал, как много лет он был «вечным студентом» Московского университета. Будучи социал-демократом, он участвовал в студенческом движении, был активным и даже несколько буйным молодым человеком. Как-то накануне первой мировой войны он присутствовал на Всероссийском Пироговском съезде врачей. Ему удалось устроиться с группой студентов на галерке в зале заседаний съезда. В один из дней съезда, когда уже было

заслушано несколько докладов и выступлений участников съезда, Авакян поднялся с места и своим громовым голосом властно крикнул:

— Господа, прошу слова!

Весь зал слышал этот возглас, но президиум не обратил на него внимания. Авакян вновь, еще громче, повторил:

— Господа, я прошу слова!

Председатель, желая уйти от неприятного инцидента, намеревался уже предоставить слово очередному оратору. Однако Авакян в третий раз, еще громче и настойчивее, потребовал слова, спустился в зал и поднялся на трибуну. Обращаясь к собранию, он сказал примерно следующее:

— Уважаемые господа! Здесь много говорилось об охране здоровья народа, о том, в каких тяжелых условиях, нищете и отсталости живут простые люди в деревнях и во многих городах, как ничтожно мало больниц, врачей, медикаментов, как много деревень и поселков, лишенных какой бы то ни было медицинской помощи. Уважаемые ораторы, выступавшие здесь, выдвинули много всяких предложений, направленных на то, как выбрать из этого нетерпимого положения, как поставить на современный уровень охрану здоровья нашего народа. Думаю, что все здесь сказанное и предложенное правильно. Но чтобы быть честным перед своим народом и своей совестью, надо сказать, что все здесь предложенное — это только жалкие паллиативы. Для излечения тяжелых недугов нашего народа надо сделать главное. А это главное заключается в том, чтобы свергнуть самодержавие, этот источник всех бед нашей жизни. Долой самодержавие!

Авакяна слушали напряженно, с большим вниманием. Когда же он дошел до последних фраз, в зале началось что-то невообразимое. Одни кричали, другие размахивали руками. Поняв, чем все это может кончиться, Авакян быстро сошел с трибуны и, пользуясь суматохой, прошмыгнул за кулисы и черным ходом выбежал из здания. Так он спасся от неминуемого ареста. Все это он рассказывал нам с большим воодушевлением и присущим ему талантом рассказчика.

Шаумян разговаривал мало. Он лишь отвечал на вопросы, но сам каких-либо серьезных проблем не затрагивал.

Большинство сидевших в камере были в тюрьме не впервые, обстановка для них была привычной. Вели они себя спокойно, с достоинством и, как мне казалось, с каким-то подсознательным чувством оптимизма.

В первый же день нашего пребывания в арестном доме, под вечер, дверь камеры открылась, и к нам вошел плотный мужчина в полувоенной форме, лет под пятьдесят, и с ним еще два или три человека. Как потом мы узнали, это был глава красноводского контрреволюционного правительства Кун со своей свитой.

Они стали выяснять, кто из нас Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков... Каждого они осматривали, как бы изучая. Особых вопросов не задавали. Джапаридзе спросил о причинах нашего ареста, требуя объяснить, какие нам предъявляются обвинения. Они ответили, что не знают. О нашем аресте они-де донесли правительству Закаспийской области и ждут ответа, что с нами делать.

На второй день вечером пришел начальник красноводской полиции Алания с какими-то высшими чинами, которым он показал наших руководящих товарищей. Потом Алания сообщил, что наши товарищи, которые сидят в тюремном здании, предъявили за подписями Корганова и других письменное требование — обеспечить всех арестантов матрацами и подушками, нормальным питанием и всем тем, что арестованным положено по закону. (На другой день мы узнали от того же Алания, что на этом заявлении наших товарищей Кун наложил резолюцию: «Тюрьма не место для комфорта!»)

Алания с каким-то пренебрежением, ехидством и издевкой сказал тогда нам:

— Что касается подушек, то мы их вам дадим!

Он явно вкладывал злобещий смысл в эти свои слова. На вопрос Джапаридзе, есть ли от «Диктатуры Центрокаспия» ответ на нашу радиотелеграмму, Алания лаконично ответил: «Нет».

В первом часу ночи с 19 на 20 сентября нас разбудили. Пришел опять Алания с группой каких-то высших чинов. Некоторые из них были явно навеселе. Как потом мы узнали от надзирателя, среди них были председатель эсеровского закаспийского правительства в Ашхабаде Фунтиков, Кун и еще несколько членов их правительства.

Наши ночные посетители, войдя в камеру, стали у полуоткрытой двери. Мы оставались на своих местах. Алания объявил, что по решению закаспийского правительства часть арестованных должна быть сегодня переведена в Ашхабадскую центральную областную тюрьму, где их будут судить, а остальные будут освобождены. Он стал зачитывать список

товарищей, подлежащих переводу в Ашхабадскую тюрьму. Все мы встали с мест.

Когда список был зачитан и меня в нем не оказалось, я понял, что попал в группу, подлежащую освобождению. Подойдя к Шаумяну, я сказал, что хочу просить, чтобы меня включили в их группу: меня не покидала мысль об организации побега. Посмотрев на меня, Шаумян ответил: «Попробуй».

Обратившись к Алания, я сказал, что хочу быть с товарищами, переводимыми в Ашхабад. Он ответил, что не имеет права вносить какие-либо изменения в этот список.

Тогда Шаумян, отведя меня в сторону, сказал:

— Это ничего, что твою просьбу отклонили. Вас освободят — ты вместе с Суриком и Левой (сыновья Шаумяна) постарайся пробраться в Астрахань, оттуда в Москву, встретишься с Лениным, расскажешь ему обо всем, что здесь с нами произошло. От моего имени вы сделаете предложение арестовать нескольких видных правых эсеров и меньшевиков (если нет уже арестованных), объявить их заложниками и предложить закаспийскому правительству в обмен на нас.

Я ответил, что, конечно, все это сделаю. Тогда Шаумян подошел к Сурику и Леве, положил им руки на плечи и сказал:

— Вам надо вместе с Анастасом добраться до Астрахани, а затем в Москву, к Ленину.

Он поручил им передать привет матери, беречь ее, а также передать привет Мане и Сереже (другим его детям).

— Передайте маме, — сказал он, — чтобы она не волновалась. С нами ничего страшного не случится. Ленин добьется, чтобы нас обменяли на арестованных эсеров и меньшевиков. Скоро мы будем вместе.

Мы стали тепло, по-братски прощаться. Надо сказать, что, несмотря ни на что, настроение у всех нас было довольно бодрое. Мы наивно думали, что раз для одних обещано освобождение, а для других — суд, то наши дела не так уж плохи, потому что товарищи, идущие на суд, никаких преступлений не совершали. Мы еще не осознавали всей опасности назревающей трагедии. В те минуты мы не сомневались, что нас освободят, и нам в голову даже не могла прийти мысль, что на следующий день наших товарищей уже не будет в живых. Только во взгляде Шаумяна, когда он со мной прощался, я почувствовал какую-то скрытую тревогу...

Чем руководствовались закаспийское правительство и представители английского командования, составляя список 26 из 35 арестованных товарищей, видно из письменного показания, данного в июне 1925 года Суреном Шаумяном, допрошенным в качестве свидетеля по делу Фунтикова:

«...В середине августа 1918 года мы были арестованы в Баку правительством англо-эсеро-меньшевиков. В числе арестованных были кроме 25 погибших впоследствии товарищей еще: Мудрый, Месхи, я — Сурен Шаумян, Самсон Канделаки, Клевцов — итого 30 человек.

Тюремным старостой был Павел Зевин¹ (из 26), у которого находился список всех арестованных, по которому он раздавал провизию, принесенную нам товарищами с воли.

За несколько дней до занятия турками Баку и нашим «освобождением» из тюрьмы заболел дизентерией тов. Канделаки, и его поместили в тюремную больницу. Поэтому из списка довольствующихся он был вычеркнут.

Я был освобожден за два дня до эвакуации из Баку на поруки. Моя фамилия также была вычеркнута из списка.

Месхи, Мудрый и Клевцов с нами на Красноводск на наш пароход не попали и на каком-то другом судне вместе с беженцами попали в Петровск (к бичераховцам), а оттуда пробрались в Советскую Россию.

Когда нас арестовали в Красноводске, у старосты тов. Зевина при обыске случайно нашли список, о котором я говорил выше. После этого уже стали арестовывать и вылавливать из общей массы беженцев (600 чел.) по этому списку.

Кроме имевшихся в списке арестовали еще нескольких товарищей, а именно: 1) Анастаса Микояна, 2) Самсона Канделаки, 3) Варвару Джапаридзе, 4) меня, 5) моего младшего брата — Леона, 6) Ольгу Фиолетову, 7) Татевоса Амирова, 8) Марию Амирову, 9) Сатеник Мартикян и 10) Маро Туманян. Всех перечисленных красноводские власти не знали и арестовали лишь по указаниям провокаторов из числа беженцев. Лишь Татевоса Амирова они знали как известного советского партизана, поэтому его впоследствии добавили к цифре «25», и, таким образом, получилась цифра «26».

Этим объясняется то обстоятельство, что такие видные большевики, как Анастас Микоян и Самсон Канделаки, остались живы, тогда как в число 26-ти попали несколько работников незначительной величины (Николайшвили, Метакса, младший Богданов) и даже случайные тт. (Мишне), арестованные в Баку по недоразумению. Будучи случайно арестованными в Баку, они попали в список старосты, впоследствии оказавшийся прокрипционным.

Не будь у тов. Канделаки дизентерии — попал бы и он так же, как попал бы и я, если бы меня не освободили на поруки накануне эвакуации.

Красноводские же эсеры рассуждали так, что, раз лица, перечисленные в списке, были арестованы в Баку, значит, это и есть то, что им нужно, и их следует уничтожить.

В случае, если бы этого списка у тов. Зевина не нашли, то могло бы случиться, что 1) расстреляли бы всех арестованных 35 человек или 2) расстреляли бы наиболее крупных работников, фамилии коих им были известны...»

¹ Это ошибка: тюремным старостой был не Зевин, а Корганов. — А. М.

Точно в таком же положении, как Канделаки, оказался и член Военно-революционного комитета кавказской Красной Армии Эммануил Гигоян, ныне здравствующий. Он был арестован в Баку вместе со всеми товарищами, но также не оказался в списке, обнаруженном у Корганова, ввиду того, что заболел и попал в тюремную больницу.

Хочу к этому добавить, что все аресты бакинских товарищей были произведены на пароходах по пути в Советскую Астрахань, куда они хотели эвакуироваться из Баку. (Следует отметить, что власти старались в то время обмануть бакинских трудящихся, распространив ложный слух, будто бы все эти аресты произошли потому, что бакинские комиссары намеревались предательски убежать с фронта против турок.)

Что касается меня, то я вообще никуда не выезжал из Баку, а как член Бакинского комитета партии был оставлен там для нелегальной партийной работы — и при контрреволюционной власти и после победы турок.

Находясь на свободе, я принимал меры к спасению арестованных товарищей.

Именно потому, что в Баку я арестован тогда не был, фамилии моей не могло быть и в упоминаемом выше списке тюремного старосты, по которому позднее, в Красноводске, были арестованы бакинские комиссары (в этом списке не было имен и жен комиссаров — большевичек Варвары Джапаридзе и Ольги Фиолетовой, которые в Баку тоже не арестовывались).

Так сложились обстоятельства, вследствие которых трагическая судьба 26 бакинских комиссаров миновала нас троих — Канделаки, Гигояна и меня — ответственных работников Бакинской коммуны, а также Варвары Джапаридзе и Ольги Фиолетовой.

ИХ БЫЛО 26

Зверская расправа над бакинскими комиссарами. — Памяти погибших товарищей. — Кто несет ответственность за злодеяние? — Маллесон-младший ходатайствует. — Некоторые размышления.

Проводив наших товарищей, ночь мы спали спокойно. Проснулись бодрые, полные надежд, что скоро нас освободят. Мы знали, что в городе находятся

некоторые наши товарищи, которые приехали с нами на пароходе и сумели избежать ареста. Среди них, в частности, был старый коммунист Серго Мартикян. Жена его была арестована вместе с нами, а ему как-то удалось проскользнуть через все пропускные пункты. В ожидании освобождения мы думали о том, как, выйдя на свободу и связавшись с местными товарищами, мы будем искать какой-либо транспорт, чтобы добраться до Астрахани...

Когда днем появился наконец надзиратель, мы спросили его: когда же нас освободят? Он ответил, что на этот счет никаких распоряжений не имеет. Это вызвало у нас недоумение. Но мы все еще обманывались, полагая, что бумага о нашем освобождении еще не оформлена. Мы думали: «Какой им смысл обманывать нас? Они могли вообще ничего не говорить нам об освобождении».

Через два-три дня в камеру попали ашхабадские газеты за 20 сентября. В них были напечатаны сообщения о том, что в Красноводске арестованы бакинские большевики во главе с «кавказским Лениным» — Степаном Шаумяном и что при аресте у них найдено громадное количество денег и оружия. Такая грязная клевета нас крайне поразила и возмутила: ведь это гнусное сообщение распространялось уже после тщательных обысков у всех арестованных, когда ничего подобного обнаружено не было.

В газете содержалась угроза, что закаспийское правительство расправится с комиссарами, отомстит большевикам «за их зверства в России» и не остановится даже перед их четвертованием. Это вызвало у нас большую тревогу за судьбы наших товарищей.

Примерно через неделю один новый арестованный, приведенный в нашу камеру, сообщил, что в Красноводске широко распространен слух о том, будто арестованные бакинские комиссары вывезены из Красноводска, переданы английскому командованию, которое переправило их через Персию в Индию. Мы ломали головы над тем, что лучше: суд в Ашхабаде, могущий окончиться вынесением им смертного приговора, или то, что их отправили в Индию? Иной раз нам даже казалось, что их отправка в Индию лучше, ибо тем самым выигрывалось время для их обмена.

Прошло еще около месяца, и в нашу камеру пришла ужасная весть. Проводник с железной дороги рассказал красноводским товарищам, что был в поезде, на котором везли бакинских комиссаров, и стал очевидцем, как на рассвете

20 сентября между станциями Ахча-Куйма и Перевал, на 207-й версте от Красноводска, комиссары были выведены из вагона в пески и частью расстреляны, а частью зарублены.

Это ужасное известие мы всеми силами старались скрыть от Левы Шаумяна, и на какое-то время нам это удалось, пока он случайно не услышал об этом от одного из арестованных. К слову сказать, Лева, несмотря на свой возраст, так же стойко, как все мы, перенес этот удар.

Глава закаспийского правительства Фунтиков уже имел до этого опыт расправы над многими видными большевистскими деятелями Закаспия. Выходец из крестьян Саратовской губернии, он работал машинистом на Туркестанской железной дороге и считался с 1905 года членом партии социалистов-революционеров.

Используя отсталых рабочих и опираясь на поддержку меньшевиков, Фунтиков организовал в июне — июле 1918 года выступление против Советской власти в Кизыл-Арвате, потом в Ашхабаде, а затем в Казанджике и Красноводске. Там были организованы так называемые стачечные комитеты (стачкомы) рабочих, ставшие фактически органами контрреволюционной власти. Стачкомы производили повальные аресты большевиков.

В связи с этим Советское правительство Туркестанской республики направило из Ташкента в Закаспийскую область народного комиссара труда, видного революционера-большевика, рабочего Полторацкого, для выяснения обстановки на месте и наведения порядка.

Полторацкий прибыл в город Мерв (Мары), где еще была Советская власть. Обманным путем Фунтиков пригласил Полторацкого приехать в Ашхабад для беседы. По дороге Полторацкий был арестован отрядом эсеровских головорезов Фунтикова и без следствия и суда расстрелян.

Через несколько дней тот же Фунтиков организовал убийство — также без следствия и суда — девяти арестованных ашхабадских комиссаров: Молибожко, Розанова, Батминова, Житникова, Теллия, Петросова, Колостова, Смелянского и Хренова, которые в ночь на 23 июля были вывезены в специальном поезде на перегон Аннау и Гяуре и под личным руководством Фунтикова расстреляны.

В тот трагический день, 20 сентября 1918 года, по злодейскому плану, составленному эсеровскими наймитами сообща с английским командованием и по указке последнего, от рук

палачей Фунтикова, Седых и их подручных пали смертью храбрых:

Степан Шаумян — чрезвычайный комиссар Кавказа, председатель Бакинского Совнаркома, член ЦК Коммунистической партии, народный комиссар иностранных дел, член Военно-революционного комитета Кавказской армии, член Учредительного собрания;

Прокофий Джапаридзе (партийная кличка Алеша) — председатель Бакинского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов, народный комиссар внутренних дел и народный комиссар продовольствия, кандидат в члены ЦК Коммунистической партии;

Мешади Азизбеков — бакинский губернский комиссар, председатель исполкома крестьянского Совета, заместитель народного комиссара внутренних дел, коммунист;

Иван Фиолетов — председатель Совета народного хозяйства, коммунист;

Мир-Гасан Везиров — народный комиссар земледелия, левый эсер;

Григорий Корганов — председатель Военно-революционного комитета Кавказской армии, комиссар по военно-морским делам Бакинского Совнаркома, коммунист;

Яков Зевин — народный комиссар труда, коммунист;

Григорий Петров — представитель центральной военной власти в Баку, командир отряда, левый эсер;

Владимир Полухин — комиссар по военно-морским делам из Центра, коммунист;

Арсен Амирян — редактор газеты «Бакинский рабочий», коммунист;

Сурен Овсепян — редактор газеты «Известия Бакинского Совета», член Военно-революционного комитета, коммунист;

Иван Малыгин — заместитель председателя Военно-революционного комитета Кавказской армии, коммунист;

Багдасар Авакян — комендант города Баку, коммунист;

Меер Басин — член Военно-революционного комитета Кавказской армии, коммунист;

Марк Коганов — член Военно-революционного комитета, коммунист;

Федор Солнцец — военный работник, коммунист;

Арам Костандян — заместитель народного комиссара продовольствия, балаханский районный продовольственный комиссар, коммунист;

Соломон Богданов — член Военно-революционного комитета, комиссар государственного контроля, коммунист;
Анатолий Богданов — советский служащий, коммунист;
Арменак Борян — советский работник, журналист, коммунист;

Эйжен Берг — матрос, комиссар связи Кавказской армии, коммунист;

Иван Габышев — бригадный комиссар, коммунист;

Татевос Амиров — командир кавалерийского отряда, входившего в 1-й Кавказский красный корпус;

Иракий Метакса и Иван Николайшвили — коммунисты, назначенные партией для личной охраны Шаумяна и Джапаридзе;

Исай Мишне — делопроизводитель Военно-революционного комитета, беспартийный.

Выходцы из народа, люди в расцвете сил, молодые, у которых все еще было впереди, бакинские комиссары были беззаветно преданы делу борьбы пролетариата. У каждого из них была своя яркая революционная биография, годы героической борьбы с царизмом, крепкие связи с рабочим классом. Непосредственные организаторы и участники многих революционных событий, представители восьми разных национальностей, начавшие свой революционный путь в различных концах России. Судьба свела всех их на земле Азербайджана, в стенах древнего Баку, где они создали и в кровопролитных боях отстаивали Бакинскую коммуну — оплот Советской власти в Закавказье.

Они пали на боевом посту. Но они не умерли для революции. Их имена и их дела стали знаменем бакинских рабочих и всех трудящихся Кавказа в их борьбе за дальнейшее сплочение революционных сил против буржуазных, контрреволюционных, националистических правительств в Закавказье, за окончательную победу Советской власти на Кавказе.

Уходя из Баку, Шаумян заявил от имени большевиков: *«Мы уходим, но скоро мы вернемся».*

И эти слова оказались поистине пророческими. Через год и девять месяцев, в ночь на 28 апреля 1920 года, в Азербайджане была провозглашена Советская власть — был создан Советский Азербайджан. 29 ноября 1920 года Советская власть победила в Армении. В конце февраля 1921 года Красное знамя революции стало развеиваться над Тбилиси. Кавказ стал советским...

Более полувека прошло со дня трагической гибели бакинских комиссаров. Но время не стерло, да и не может стереть в благодарной памяти народа светлые образы этих бесстрашных рыцарей революции. Нельзя забыть дела и саму жизнь этих людей — героическую, полную революционного накала, насыщенную борьбой и так беззаветно отданную на заре нашей победы, во имя грядущего торжества великих идей коммунизма.

Не могу не вспомнить вновь Степана Шаумяна. Сколько нереализованных человеческих возможностей ушло вместе с ним! Когда он погиб, ему было всего лишь сорок лет; для крупного государственного и политического деятеля это лишь начало активной жизни. А Степан был богато наделен для такой жизни самыми разными талантами: образованнейший марксист, выдающийся организатор, блестящий оратор, человек идейно непоколебимый, решительный, смелый, принципиальный в политике и вместе с тем очень гибкий в вопросах стратегии и тактики классовой борьбы. Не случайно великий Ленин, который, как известно, не был излишне щедр на похвалы, писал в 1918 году Шаумяну: «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики...» В некоторых тогдашних газетах Шаумяна иначе и не называли как «кавказский Ленин». И в этом было немало правды.

Шаумян счастливо соединял в себе высокие достоинства профессионального революционера с мягким, каким-то по-особому очаровательным характером. Он располагал к себе каждого честного человека, с ним было легко, под его руководством каждый мог найти применение своим силам. В газетном листке, изданном еще в 1919 году Бакинским комитетом партии в память погибших комиссаров, я писал о нем:

«...Шаумян был крупным революционером и выдающейся личностью не только в русском, но и в международном масштабе. Он обладал неоценимыми сокровищами души и ума, умел проникнуть в сущность вещей, понимать и определять причины каждого проявления общественной жизни, легко и скоро ориентироваться в многочисленных вопросах политики, обнаруживать классовую подоплеку всех явлений и определять правильную линию поведения по отношению к ним с точки зрения интересов международного пролетариата. У него была редко встречающаяся у других хладнокровная уверенность — как при победе, так и при поражении, — связанная с горячим энтузиазмом и непреклонным фанатизмом...»

...Сколько горечи ни причиняли ему грязные потоки лжи и клеветы, пущенные в ход газетами «Бюллетень Диктатуры», «Вперед», и другие

провокационные и просто хулиганские выступления проходимцев печальной памяти Садовского и других, их открытые, наглые призывы к погрому и самосуду над большевиками, он всегда одерживал верх над бурными взрывами негодования и ненависти к этим обнагчевшим хамам, выброшенным волнами человеческого моря вместе с грязью и сором на берег бакинской жизни и оказавшимся на час у власти. Он говорил мне на свидании в Баилловской тюрьме: «Ты не очень поддавайся чувству возмущения и удерживай себя. Не забывай, что все это временно, что править, вести за собой массу наглой лужью и клеветой можно день, два, но не больше. Скоро откроется настоящая правда, и тогда одержанная таким подлым способом победа сменится потрясающим крахом и страшным провалом аферы всех этих проходимцев и лжецов...»

Пример неподкупной идейной честности и беспредельной преданности идеям коммунизма являл собой и другой бакинский комиссар — Мешади Азизбеков.

Выходец из богатой семьи, получив высшее образование в царском Петербурге, он нашел в себе силы порвать все связи с породившей его средой и навсегда связать свою жизнь с трудовым народом. Участник революционного движения с 1890 года, он пронес через аресты и тюрьмы великую веру в рабочий класс и трудовое крестьянство. В Баку по поручению РСДРП он создал боевую организацию мусульманских рабочих («Бейдаги нусрет», что значит «Знамя победы»).

«Мусульманская пролетарская демократия,— писал я в том же газетном листке 1919 года,— так хорошо знакомая с деятельностью своего вождя, революционера, с особенным сознательным упорством послала Азизбекова в Совет рабочих депутатов, и Азизбеков был деятельнейшим членом рабочего парламента и социалистического правительства. Но Азизбеков остался не только вождем и защитником интересов городского пролетариата: невзирая ни на какие опасности, ни на угрозы контрреволюционного «Мусавата», ходил он по деревням и селам, ведя энергичную социалистическую пропаганду в пользу Совета, связав тем самым терроризованный беками и ханами мусульманский деревенский пролетариат с революционными отрядами интернационального пролетариата.

Яркой звездой в великолепном созвездии бакинских коммунистов останется навсегда Алеша Джапаридзе.

Весь огонь, весь благородный порыв. Он буквально горел на революционно-созидательной работе. Подлинный вождь и стойкий коммунист, Алеша был всюду. В профессиональных союзах, в учреждениях рабочего правительства он вносил порядок, деловое оживление, честное отношение к своим обязанностям, заражал работников своей неутомимой и революционной энергией... Это был замечательный организатор и практический деятель, прекрасный знаток закавказской действительности и души кавказского пролетариата, горевший непоборимым желанием разрушения власти феодалов, буржуазии и распространения власти рабочих и крестьян социалистической России...

Кто из кавказских пролетариев не знал нашего Алешу?

Старые рабочие с особым энтузиазмом рассказывают, как он энергично и неустанно работал среди них, как организовывал рабочие профсоюзы и популяризовал идеи и основы научного социализма.

Молодые рабочие — рабочие второго периода жизни Алеши — отлично знают, как он совмещал одновременно три ответственных поста: он был председателем исполкома Совета, комиссаром внутренних дел и продовольствия...»

С большой любовью и нежностью я вспоминаю Ваню Фиолетова — сына бедного русского крестьянина, с юности связавшего свою жизнь с судьбами бакинского пролетариата. Участник знаменитой забастовки 1903 года в Баку, он не раз побывал в царских тюрьмах и ссылках. Вместе с Джапаридзе он был душой и подлинным организатором Союза нефтяных рабочих.

Все любили нашего Ванечку за его молодую кипучую энергию. Мимо него не проходило ни одно крупное событие общественной жизни Баку. Он был везде...

«...Несмотря на слабое здоровье, сильно подорванное вечным скитальничеством, Ваня Фиолетов поражал своей неутомимой трудоспособностью. Весь окунувшись в работу, он почти не замечал ту подлую, предательскую паутину, которой враги собирались опутать его и его единомышленников...»

Григорий Корганов еще юношей, при царизме, вступил в нашу большевистскую партию. Находясь в рядах старой армии, он завоевал сердца революционных солдат Кавказского фронта, после революции возглавил Военно-революционный комитет Кавказской армии, а затем стал народным комиссаром по военно-морским делам Бакинской коммуны и командующим Кавказской красной армией.

Этот твердый и принципиальный революционер, выдающийся полководец, обладая обаятельным характером, был душой обороны советского Баку.

Григорий Петров. Беззаветно храбрый, бесконечно преданный революции, пришедший к нам со своим отрядом с далекого севера — в знак солидарности и помощи Советской России изнывающему в неравной борьбе бакинскому пролетариату, — бок о бок с нами он отстаивал позиции Совета, бился вместе с нами... И как он бился — еще не стерлось в памяти бакинских рабочих...

Арсен Амирян. Он не обладал даром красноречия, его не видно было на собраниях комитета, в Совете, но мятушаяся, чуткая мысль его проникала во все поры партийной жизни... Он был непримирим, его неуступчивость, прозорливость в многосложной обстановке бакинской действительности поражала многих из нас, знавших его как наивного ребенка в обычных житейских вопросах...

Сурен Овсепян. Искушенный в политике с гимназических лет, с большой энергией, товарищ Сурен выступал то как организатор, то как пропагандист... И в тюрьмах Баку и Закаспия и на месте казни — везде он был с кипой рукописей и номеров «Известий»...

Я писал тогда в газетном листке:

«Память о бакинских комиссарах навеки будет жива в наших сердцах... И может быть, как и они, мы падем на полпути, ляжем рядом с нашими товарищами, но с той же светлой надеждой в душе, как и они, что нас сменят новые борцы и доведут дело до победного конца, — падем с тем же возгласом в устах, который в последнюю секунду вырвался из их уст, но был заглушен залпом винтовок и свистом пуль:

Мы умираем за коммунистическую революцию!

Да здравствует коммунизм!..»

Жизнь каждого из 26 бакинских комиссаров — это яркая страница истории нашей революции, нашего государства — великого братского многонационального содружества людей труда.

Да, жизнь таких людей, как Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиолетов, Корганов, Петров, Полухин, Везиров, Зевин, Амирян, Берг, и других бакинских комиссаров, людей восьми разных национальностей, которых Октябрьская революция сплотила в единое интернациональное братство, должна стать школой воспитания новых подрастающих поколений строителей коммунизма. Продолжать их славные революционные дела, их традиции, воспитывать в себе все те качества, которые так великолепно были воплощены в этих замечательных революционерах, — одна из первейших задач нашей советской молодежи...

В конце августа 1920 года из Баку в Закаспий была направлена специальная комиссия, в составе которой были Сурен Шаумян, старый бакинский революционер Гандюрин и другие товарищи, для того чтобы перевезти останки погибших товарищей и похоронить их с почетом в Баку.

Похороны состоялись 8 сентября. Накануне было опубликовано обращение Бакинского Совета и Бакинского комитета Компартии Азербайджана, в котором день похорон был объявлен днем всеобщего траура бакинских рабочих.

Газета «Азербайджанская беднота» писала накануне:

«Завтра день траура. Завтра бакинский пролетариат будет предавать земле прах 26 наших товарищей, зверски расстрелянных английскими палачами и белогвардейцами. 26 самоотверженных борцов коммунизма были предательски захвачены, увезены и подло, воровски расстреляны агентами империализма.

Какой удар для пролетариата... Сколько революционной энергии и любви, сколько возможностей погибло вместе с ними!

В Баку вряд ли найдется хоть один рабочий, который не помнил бы фигуры товарищей Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова, Азизбекова и других.

Их нет среди нас, но их светлые тени незримо реют над нами. Они будут с нами всегда, везде, где будут развеиваться победные знамена Третьего Интернационала, родившегося в громе и молнии гражданской войны.

А завтра, завтра, в день скорби и печали, в день похорон убитых братьев наших, мы тихо преклоним колени перед их свежей могилой».

8 сентября, на последнем заседании съезда народов Востока, после краткой речи о заслугах замученных империалистами 26 бакинских комиссаров делегаты почтили их память вставанием. Был исполнен похоронный марш.

8 сентября в Баку был ясный, солнечный день. Улицы заполнены бесчисленными колоннами трудящихся, идущих с траурными флагами, с портретами бакинских комиссаров.

На похороны прибыли семьи погибших. В траурной процессии участвовали делегаты съезда народов Востока и члены Исполкома Коминтерна, присутствовавшие на этом съезде.

К пристани медленно подошел пароход, доставивший 26 гробов с останками погибших.

Партийные и государственные деятели Азербайджана, соратники павших комиссаров, делегаты съезда народов Востока, передовые рабочие по очереди несли на руках их гробы.

Процессия двигалась по главным улицам Баку, под звуки траурных и революционных маршей, направляясь к площади Свободы, к месту погребения.

Состоялся траурный митинг. Выступали и местные деятели и представители Коминтерна.

От имени правительства Советского Азербайджана и ЦК Компартии Азербайджана Нариман Нариманов сказал:

«Сейчас мы предаем земле Советского Азербайджана наших лучших, дорогих товарищей, доблестно стоявших до последнего момента на своих революционных постах. Эти стойкие, честные герои пали от руки Англии, той Англии, которая всегда говорит о своей человечности. Вот результат этой человечности — 26 гробов. Сегодня судьбе угодно было продемонстрировать эту человечность перед Востоком. Пусть Восток знает о ней. Но знайте, что приближается час возмездия. Вчера Восток дал клятву объединенными силами свалить этих мировых разбойников. И в скором времени проснется седой Восток и со своих плеч легко сбросит этот гнет. Спите, дорогие товарищи! Идеи, за которые вы боролись, воссияют ярко по всей земле!»

Слушая и читая эту взволнованную речь Нариманова о наших погибших товарищах, многие из нас вспоминали, как тесно был связан и сам Нариманов с многолетней революционной борьбой бакинского пролетариата и с теми лучшими его сынами, останки которых с таким почетом хоронили в тот день в Баку, на площади Свободы.

Возглавив большевистскую организацию «Гуммет», Нариман Нариманов всегда получал неизменную поддержку от Шаумяна и Джапаридзе, был с ними тесно связан дружескими узами. Совместная борьба в рядах бакинского пролетариата сблизила их, как братьев. Еще до Февральской революции, при царизме, когда Шаумян и Нариманов находились в астраханской ссылке, между ними установилась и личная дружба и атмосфера взаимопомощи. Нариманов не раз помогал Шаумяну и его семье, когда они в этом нуждались.

В первый же день мартовского мусаватского мятежа в 1918 году в Баку, когда Шаумян узнал о том, что дом, в котором живет Нариманов с семьей, находится в зоне обстрела, он немедленно направил туда группу красногвардейцев во главе со своим старшим сыном Суреном. Им удалось переправить семью Нариманова на квартиру Шаумяна, находившуюся в безопасной зоне. Несколько тревожных дней семья Нариманова вместе с семьей Азизбекова провела у Шаумяна.

Летом 1918 года Нариманов заболел. Шаумян проявил о нем поистине братскую заботу, добился направления его в Россию для лечения. Это помогло Нариманову не только восстановить здоровье, но и избежать, к счастью, трагической участи бакинских комиссаров.

По образованию Союза Советских Социалистических Республик Нариманов стал одним из председателей ЦИК СССР. Он умер на своем посту в 1925 году в Москве и похоронен на Красной площади.

Получилось так, что Шаумян фактически спас жизнь еще двум бакинским народным комиссарам. Он отправил в Астрахань народного комиссара просвещения Надежду Николаевну Колесникову, где она была избрана председателем Астраханского губкома, и в тяжелое для Астрахани время работала там вместе с С. М. Кировым.

В 1919 году Надежда Николаевна стала заместителем Н. К. Крупской по внешкольному отделу. Бывала в Кремле, на квартире Ленина. Участвовала в беседах с ним.

Весной 1920 года, как только победила Советская власть в Азербайджане, Колесникова вновь в Баку, на старом посту

наркома просвещения; с 1923 по 1929 год руководила отделом пропаганды и агитации губкомов партии сперва в Москве, а затем в Ярославле.

С 1929 года она была отозвана в Москву и стала ректором Академии коммунистического воспитания имени Крупской.

В 1954 году, в связи с 50-летием общественно-политической деятельности, Н. Н. Колесникова награждается орденом Ленина, а через год, в связи с 50-летием первой русской революции (Надежда Николаевна была участницей Декабрьского вооруженного восстания 1905 года) удостоивается этой высокой награды второй раз. Ее муж, народный комиссар труда Яков Зевин (партийная кличка Павел), погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

По распоряжению Шаумяна выехал из Баку и народный комиссар юстиции Бакинской коммуны Арташес Каринян. Одно время Каринян работал в Москве, потом переехал в Армению, где живет и работает в настоящее время. Он действительный член Академии наук Армянской ССР.

На месте захоронения 26 бакинских комиссаров в Баку, на площади, носящей теперь их имя, воздвигнут величественный памятник — групповая скульптура, изображающая их расстрел. Скульптура эта создана выдающимся советским скульптором С. Д. Меркуровым...

Дети бакинских комиссаров достойны бессмертных имен своих героических отцов.

О детях Степана Шаумяна я уже говорил.

Знаю я также дочерей Алеши Джапаридзе — Елену и Люцию. Они коммунистки, живут в Москве. Инженер-энергетик Елена Прокофьевна Джапаридзе участвовала в строительстве Магнитки, долгие годы была заместителем наркома черной металлургии И. Ф. Тевосяна.

Ответственные посты в Азербайджане занимали сыновья Мешади Азизбекова коммунисты Азиз и Аслан.

Сын Якова Зевина Владимир находится на партийной работе в Москве.

* *
*

Менее чем через месяц рассеялись слухи, распушенные англичанами и эсерами о том, что бакинских комиссаров вывезли в Индию. Стало очевидным, что над ними учинена жестокая расправа, и всех волновал вопрос: кто же прямой виновник этого? Кто фактически и юридически несет ответственность за это злодеяние?

Арест комиссаров в Баку, предание их там военно-полевому суду созданным для этого специальным военным трибуналом и утверждение положения о нем, предусматривающего смертную казнь, были проведены «Диктатурой Центрокаспия» специально для расправы над бакинскими комиссарами. Эта «Диктатура», как я уже говорил, состояла из лидеров трех политических партий — правых эсеров, меньшевиков и дашнаков, действовавших с согласия и по прямому указанию командования английских оккупационных войск, возглавляемых генералом Денстервилем и консулом Мак-Доннелом.

План уничтожения комиссаров под флагом «законности», со всей этой процедурой военно-полевого суда, не был выполнен. Неожиданно для них самих турки прорвали фронт, и деятели «Диктатуры» вместе с английским командованием в панике бежали из Баку. Как потом стало известно, после ареста бакинских комиссаров в Красноводске руководитель местной контрреволюционной власти Кун направил радиотелеграмму в Петровск «Диктатуре Центрокаспия» и командующему ее войсками Бичерахову. Кун просил их согласия на предание арестованных военно-полевому суду и сразу же получил ответ Бичерахова о том, что он, Бичерахов, и «Диктатура Центрокаспия» согласны на это. Но уже через три дня закаспийское правительство, возглавляемое правым эсером Фунтиковым, по указанию английского командования воровски, тайком, без суда и следствия, зверски уничтожило 26 бакинских комиссаров. О факте расстрела нигде не было объявлено.

Как же все это могло получиться? Ведь эсерам — для «оправдания» — нужна была хотя бы видимость законности. К тому же, играя обычно «в демократию», они обязательно постарались бы «оформить» расправу с большевистскими комиссарами документами, пусть даже и грубо сфабрикованными. Ведь пытались же они в Баку допрашивать Степана Шаумяна (чтобы как-то «оформить» на него протокол). «Вчера приходил к нам для допроса один следователь, из старых николаевских следователей, — писал Шаумян своей жене из Баилловской тюрьмы 2 сентября 1918 года, — выгнали его и заявили, что мы не признаем никаких следователей и судов». Так и не удалось тогда допросить Шаумяна и других наших комиссаров.

В Красноводске же власти, вопреки договоренности с Бичераховым, даже и не пытались допрашивать комиссаров и вообще кого-либо из арестованных. Они лишь с наших слов

записали фамилии и имена, решив расстрелять всех тех, кто был перечислен в списке тюремного старосты, и кроме того лично известного им начальника отряда Амирова.

Мы недоумевали. Ведь среди местных властей был некто Яковлев — юрист по профессии, нотариус. Когда он появился у нас в камере, мы спросили его: почему нас не допрашивают и не предъявляют никаких обвинений? Со спокойной наглостью этот «юрист» ответил:

— Я тридцать лет служил верой и правдой царю, потом терпел власть большевиков. Теперь потерпите вы...

Начальник полиции Алания отделивался ничего не значащими фразами. Все это давало нам основание делать вывод, что местная контрреволюция действовала под давлением своих английских хозяев. А тем никакие наши допросы были не нужны. Поэтому — и отсутствие протокола допросов бакинских комиссаров, и поспешность, с какой была учинена зверская расправа над ними, и тщательное скрывание самого убийства, и, наконец, тот факт, что после этой расправы никого из нас, оставшихся в тюрьме, не допросили, — все это звенья одной цепи. Английское командование не хотело оставлять никаких следов, никаких документов, свидетельствующих о его причастности к совершенному преступлению. Как показал Фунтиков на суде в 1926 году, Тиг-Джонс, торопясь расправиться с комиссарами, всячески «подбадривая» эсеров, обещал помочь им замести следы преступления: от лица своего командования он заверил их, что выдаст официальную справку об увозе комиссаров в Индию. Однако, обещание, как и следовало ожидать, оказалось очередным обманом.

В марте 1919 года, когда мы только что вернулись из тюрьмы, в Баку появился Вадим Чайкин. Это был видный юрист, член Центрального комитета партии эсеров, избранный по их спискам в Учредительное собрание от Туркестана. Он добивался встречи со мной, и мы встретились на нелегальной квартире.

Чайкин сообщил, что находился более месяца в Закаспии, стараясь выяснить все фактические обстоятельства расправы над бакинскими комиссарами. Делал он это не только как профессиональный юрист, но и как член партии эсеров, желая лично убедиться, принимал ли кто-либо из членов его партии, входивших в правительство, участие в этом убийстве. Он хотел первым разоблачить их, осудить и тем самым смыть позорное пятно, падающее на всю партию эсеров, в которую он верил, хотя и не одобрял многих ее действий.

Чайкин считал твердо, что, не будь за спиной закаспийского эсеровского правительства английского командования, само это правительство не осмелилось бы на преступление.

В заключение Чайкин заявил мне, что он считает своим моральным долгом организовать в международном масштабе кампанию по разоблачению и привлечению к судебной ответственности всех действительных виновников этого злодеяния — как граждан России, так и англичан.

Надо сказать, что это были не пустые слова. Чайкин сразу начал активно действовать в этом направлении в Баку и в Тифлисе, и мы оказывали ему в этом всяческую поддержку. Небезынтересно привести выдержку из письма Чайкина, направленного им 3 апреля 1919 года, вскоре после нашей беседы, в Лондон, председателю палаты общин:

«Месяц назад я в качестве члена Всероссийского Учредительного собрания от Туркестана и секретаря Комитета по созыву Туркестанского Учредительного собрания посетил Закаспийскую область, где обнаружил тяжкое уголовное преступление, организованное в сентябре прошлого года при участии главы Великобританской миссии в Ашхабаде капитана Реджинальда Тиг-Джонса и председателя Закаспийского розыскного бюро Семена Дружкина, впоследствии делегированного английской миссией в качестве ее представителя в Закаспийскую директорию. Получив доказательство виновности Тиг-Джонса, Дружкина и других лиц в позорном преступлении — организации убийства на территории Туркестана 26 пленных бакинских комиссаров, я счел своей гражданской обязанностью выступить в местной прессе с открытым обвинением преступников и параллельно обратиться к генералу Маллесону, высшему дипломатическому и военному представителю Великобритании в Туркестане и Персии, с заявлением о необходимости начатия по делу предварительного следствия. Вместо способствования интересам правосудия генерал Маллесон взял на себя решимость поспешно отправить одного из главных преступников — Семена Дружкина из Ашхабада в Англию, снабдив его охранной грамотой великобританской миссии Туркестана из Закаспийской области до Константинополя. Учитывая такой образ действий генерала Маллесона, которому во время свершения преступления непосредственно был подчинен капитан Тиг-Джонс, я обратился к высшему в настоящее время представителю великобританского командования в Закавказье генералу Томсону с новым заявлением о необходимости срочного образования по данному делу следственной комиссии из представителей Англии, Туркестана и Баку, каковой комиссии я буду в состоянии сообщить имеющиеся у меня доказательства виновности Тиг-Джонса и Дружкина. Генерал Томсон решительно уклонился от образования указанной комиссии и пытался самолично, в полном противоречии с существующими законами, произвести на территории Грузии, в стенах великобританской миссии, допрос Семена Дружкина¹, которому, несмотря на предъявленные обвинения и протест

¹ Здесь Чайкин имеет в виду тот факт, что генерал Томсон самолично «допрашивал» Дружкина с целью получить нужные ему показания для реабилитации английского командования. — А. М.

«Среди наиболее активных участников молодежного движения», учившихся в нашей семинарии, были кроме тех, кто изображен в групповых снимках:

К. Алабян

Г. Восканян

А. Егиазарян

С. Саркисян

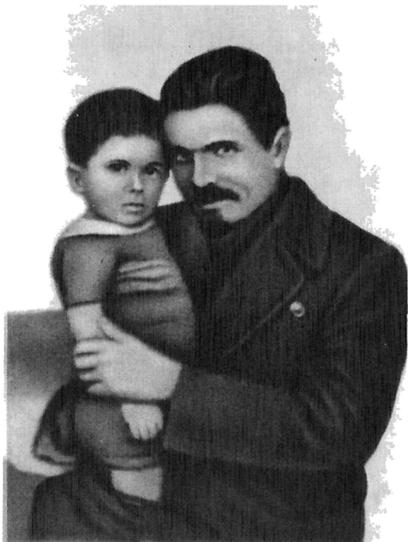

Е. Кочар

С. Парсаданян

С. Шаумян с младшим сыном
Сергеем в Баиловской тюрьме
в Баку. 1916 г.

«Я приехал в Баку в конце мар-
та 1917 года». Общий вид Баку
того периода.

«В начале мая 1917 г. в Баку из Петрограда приехал Миха Цхакая, пользовавшийся большим авторитетом среди революционеров Закавказья. Это была поистине героическая фигура».

«Филипп Махарадзе был старым и образованным марксистом-литератором. Знакомство с ним доставляло огромное удовольствие».

Кавказский Областной Съезд
р. С.-Д. Р. П. (Большевиков).
начавшийся 15-го сентября, от-
мечается на 1-ое октября
этого года.

Порядок дня съезда:

1. Доклад о партийном съезде и партийном центре.
2. Доклады съезда.
3. Текущий момент.
4. Учредительное собрание.
5. Организационные вопросы.
6. Национальный вопрос.
7. Партийная пресса.
8. Аграрный вопрос.
9. Выборы.
10. Разное.

Организационное бюро по созыву съезда.
Адрес для сношений, Тиф-
лиси, ред. „Кавк. Рабочий“.

«2 октября 1917 года открылся Краевой Общекавказский съезд партии. Я участвовал в работе съезда как делегат от партийных организаций Алаверды, Маллеса и Ахпата». Сообщение об Общекавказском съезде партии.

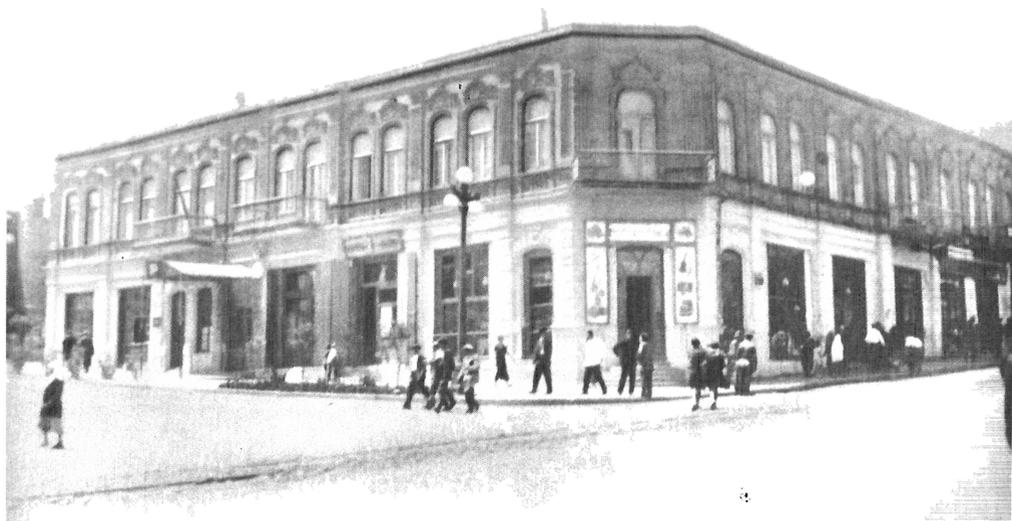

Г. К. Орджоникидзе. 1920 г.
«Ни разу он не отступил и не согнулся. Таким он был и в годы революции, и в годы гражданской войны, и в годы социалистического строительства».

«В августе 1918 года в Баку появился Георгий Стура, видный партийный деятель, человек настойчивый, опытный конспиратор».

«В Центральном рабочем клубе в Баку проходила вся наша деятельность».

В. Джапаридзе.

«Ольга Шатуновская, одна из активных бакинских коммунисток, секретарь С. Шаумяна, оставалась после нашего ареста в Баку».

«Старая большевичка Маро Туманян помогла с помещением для подпольной типографии».

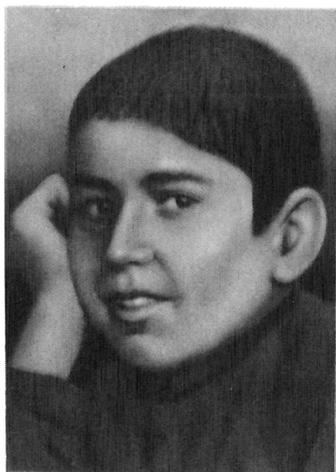
Маруся Крамаренко.

Е. С. Шаумян.

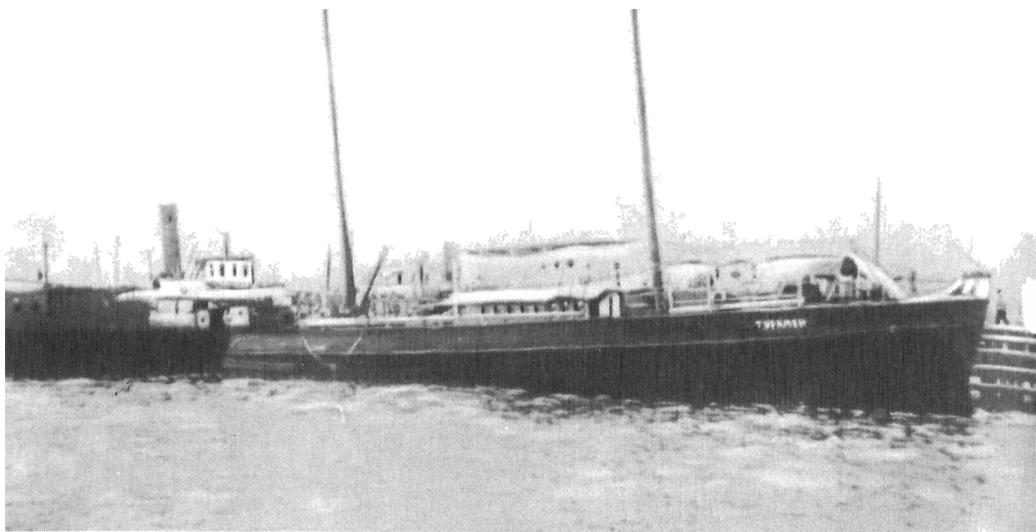
Сурен Шаумян закончил военную академию. Он стал одним из выдающихся военачальников в молодых бронетанковых силах Красной Армии.

Лев Шаумян.

А. И. Микоян. 1918.

«Пароход «Туркмен», на котором мы должны были эвакуироваться из Баку, был набит беженцами и вооруженными солдатами».

«Виктор Нанейшвили возглавил отряд Красной Армии, освобождавший от реакционных банд захваченные ими районы Азербайджана и города Дербент и Петровск (ныне Махачкала)».

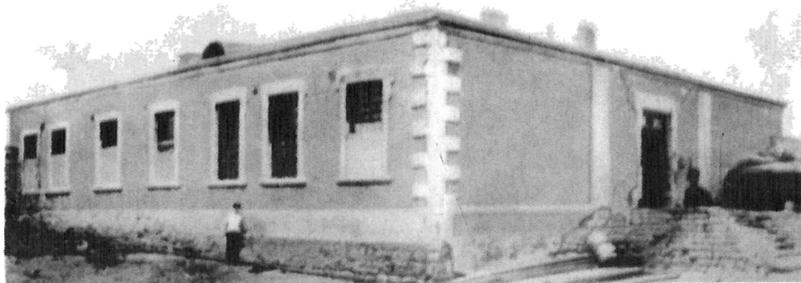

Группа партработников, членов «Боевой дружины». 1918 г. Слева направо стоят: Саркис, Артак, Бабаджанов, сидят: Микоян, Товмосян, Тер-Саркисян.

Здание, в котором в 1918 г. размещался Бакинский комитет РКП(б).

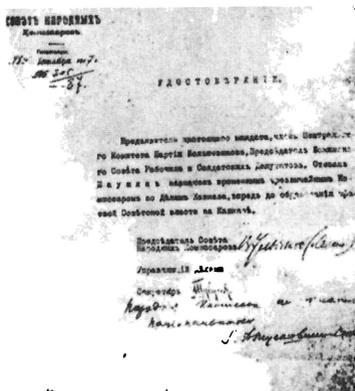

«Арестный дом в Кrasноводске оказался недалеко от пристани, и нас доставили туда пешком, под конвоем».

«Камера, куда нас поместили, была тесная, со сплошными нарами вдоль одной стены. Асфальтовый пол, ни матрацев, ни подушек...»

«Мы в восторге от Вашей твердости и решительной политики», — писал В. И. Ленин С. Шаумяну в 1918 г.». Мандат С. Шаумяна за подписью В. И. Ленина.

Саак Тер-Габриэлян был председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Впоследствии он стал председателем СНК Армении.

Незадолго до гибели бакинских комиссаров С. Шаумян отправил в Астрахань народного комиссара просвещения Н. Н. Колесникову. В то тяжелое время она работала там председателем губкома.

По поручению С. Шаумяна выехал из Баку и народный комиссар юстиции Арташес Каринян. Теперь он действительный член Академии наук Армянской ССР.

«В тот трагический день, 20 сентября 1918 г., по злодейскому плану, составленному эсеровскими наймитами сообща с английским командованием, пали смертью храбрых:

Степан Шаумян

Прокофий
Джапаридзе
(«Алеша»)

Мешади Азизбеков

Иван Фиолетов

Мир-гасан Везиров

Григорий Корганов

Яков Зевин

Григорий Петров

Владимир Полухин

Арсен Амирян

Сурен Осебянц

Иван Малыгин

Багдасар Авакян

Меер Басин

Марк Коганов

Федор Солнцев

Арам Костандян

Соломон Богданов

Анатолий Богданов

Арменах Борян

Эйжен Берг

Иван Габышев

Татевос Амиров

Иван
Николайшвили

Иракий Метакса

Исай Мишне

Нариман Нариманов

«Мир Башир Касумов был в 1926 г. в числе других видных большевиков членом суда, рассмотревшего дело об убийстве 26 бакинских комиссаров».

«8 сентября 1920 г. на площади Свободы состоялось погребение останков трагически погибших 26 бакинских комиссаров. Ныне площадь носит их имя».

Бахрам Агаев, большевик, один из руководителей «Адалет», коммунистической организации азербайджанцев — выходцев из Персии.

«Среди арестованных английскими оккупантами в декабре 1918 г. большевиков был бакинский рабочий И. И. Анашкин».

«А. Г. Караев был председателем Бакинской рабочей конференции».

Даниил Александрович
Шавердовъ

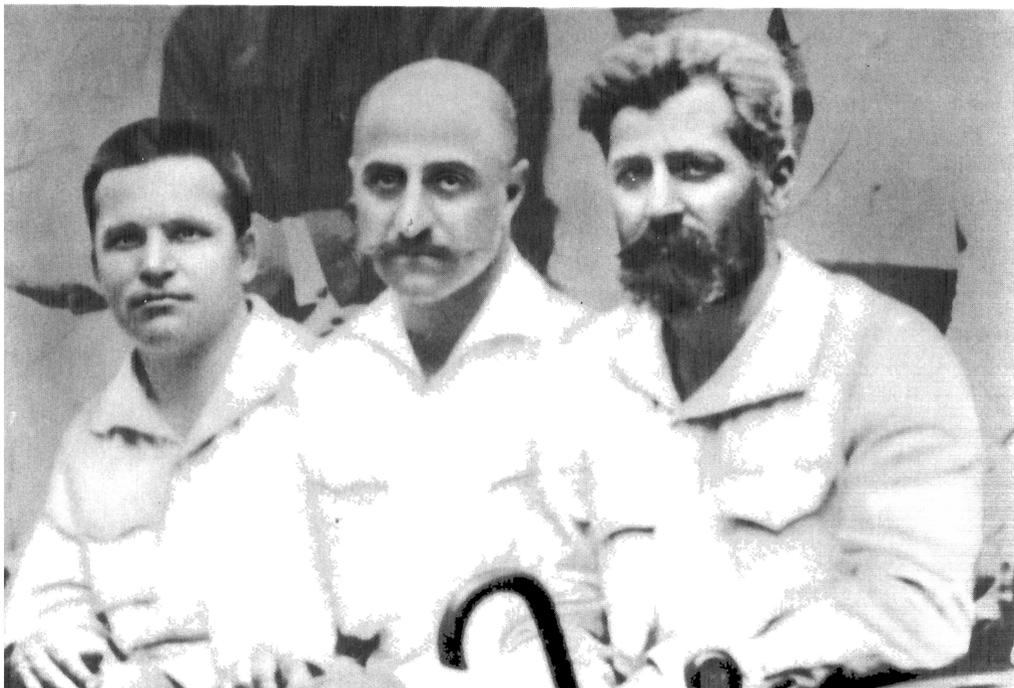
Присяжный поверенный

Тифлиси, Кочубевская 20

Шурце, Курфюрст! Мамияшвили
Мамияшвили, Курфюрст, Курфюрст
Курфюрст, Курфюрст, Курфюрст

«Дануш Шавердян – близкий мне человек, сыгравший большую роль в формировании моих политических взглядов и моем вступлении в партию, работал в 1919 г. в Тифлисе присяжным поверенным». Это его визитная карточка.

«С Мамия Орахелашвили я впервые познакомился в октябре 1917 г. Врач по образованию, он вел большую политическую работу среди солдат». С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, М. Орахелашвили.

общественных организаций Закавказья, по-прежнему предоставляется беспрепятственная возможность выезда за границу под охрану великобританского оружия. Считаю своим общественным долгом, как избранный населения Туркестана и секретарь учреждения, которое ставит своей задачей торжество в крае начал права и справедливости, сообщить об изложенных фактах палате общин и просить принять исключительные меры к расследованию кошмарного и предательского убийства 26 безоружных, сдавшихся в плен людей».

Конечно, ни английский парламент, ни английские судебные органы, ни тем более английское военное командование не захотели расследовать это дело.

Следствие по делу об убийстве 26 бакинских комиссаров началось у нас в 1925 году. Весной 1926 года выездная сессия Верховного Суда СССР рассмотрела в Баку дело Фунтикова. В состав суда входили: председатель суда Камерон (Москва), члены суда Мир Башир Касумов, Анашкин И. И., видные бакинские рабочие, активные большевики, хорошо знавшие бакинских комиссаров по совместной работе. Государственным обвинителем выступал Сергей Кавтарадзе — старый большевик.

Многие лица, причастные к убийству бакинских комиссаров, сумели уйти от ответственности и бежать за границу еще до победы Советской власти в Закаспии и в Закавказье. Но один из главных виновников, вдохновитель и непосредственный исполнитель расправы над бакинскими комиссарами, Федор Фунтиков, был пойман в 1925 году и предстал перед судом.

Верховный Суд СССР установил, что Фунтиков в контрреволюционных целях организовал в 1918 году вооруженное восстание против Советской власти в ряде городов бывшей Закаспийской области и, опираясь на так называемый «Союз фронтовиков» и боевые кадры партии эсеров в Закаспии, сверг там Советскую власть и вместе с другими членами партии социалистов-революционеров захватил власть в свои руки; в том же 1918 году вступил в преступную связь с английским командованием, ставя задачей захват Закаспийской области войсками империалистической Англии, вооруженную борьбу с войсками Советского Туркестана, свержение там Советской власти и захват его богатых хлопком областей; организовал и 24 июля 1918 года осуществил убийство девяти комиссаров Ашхабада, а также вместе с другими членами партии эсеров и представителями английского командования в лице генерала Маллесона и начальника штаба английских экспедиционных войск в Закаспии Реджинальда Тиг-Джонса

подготовил и осуществил зверское убийство Степана Шаумяна и вместе с ним других 25 бакинских комиссаров.

За совершенные преступления предатель Фунтиков был приговорен Верховным Судом СССР к высшей мере наказания и расстрелян.

* *
*

Мне кажется, что в моих воспоминаниях о давно прошедших днях следует рассказать и о некоторых более поздних эпизодах, которые произошли не так давно.

В августе 1966 года я получил письмо от сына английского генерала Маллесона.

Вот что писал мне Маллесон-младший, подполковник королевского военно-морского флота в отставке:

«...Более чем по одному случаю Вы ставили в вину британскому военному командующему на Юге планирование этого массового убийства. Человек этот был моим отцом — генерал-майор сэр Уилфред Маллесон (умер в 1946 г.). Хочу заверить, что из всего им когда-либо рассказанного мне вытекает его полная невиновность в этом. Насколько ему было известно, это задумали и исполнили сами белогвардейцы. Пишу Вам потому, что не хочу, чтобы Вы до конца жизни думали, что мой отец организовал убийство ваших товарищей...»

Никаких объективных материалов в подтверждение невиновности своего отца Маллесон-младший не представил; вопрос этот им не был изучен, он писал со слов своего отца, который старался, естественно, обелить себя в глазах сына и общественности.

Маллесон-младший не успокоился на этом и направил новое письмо примерно аналогичного содержания в редакцию журнала «Советский Союз» в связи с тем, что незадолго до того в этом журнале была опубликована запись беседы с сыном Шаумяна о гибели 26 бакинских комиссаров.

В третьем номере журнала «Советский Союз» за 1967 год был опубликован ответ Льва Шаумяна господину Маллесону-младшему, в котором, в частности, говорилось:

«...Англичане в Закавказье и в Закаспии, да и не только там, всеми средствами поддерживали любые антисоветские силы. Больше того, в Баку, в Ашхабаде, Красноводске контрреволюционеры находились в прямой зависимости от воли и решений английских офицеров. Не без самодовольства писал генерал Маллесон, что в те дни он со своими офицерами «в течение примерно восьми месяцев фактически держал под контролем территорию к востоку от Каспийского моря, равную половине площади

Европы». Генерал получил официальную санкцию «поддерживать временное правительство Закаспия против большевиков». Все это писал генерал Маллесон в статье 1933 года («Фортнайтли ревью»), а в 1922 году в журнале Центрального азиатского общества он откровенно утверждал: «...я совсем не боялся ответственности и был уверен на основании полученных сообщений, что наши превосходные войска не будут иметь трудностей и расправятся как следует с большевистским сбродом...»

Далее Лев Шаумян привел любопытный документ — свидетельство бывшего председателя Временного исполнительного комитета Закаспийской области Фунтикова:

«...Представитель английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонс, глава миссии, говорил мне лично до расстрела комиссаров о необходимости расстрела, а после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен.

Г. Ашхабад, 1919 г., марта второго дня, 4 ч. 35 м».

Год, день, час — очень важная деталь в заявлении Фунтикова: ведь он написал это собственноручно, когда английские войска еще хозяйничали в Ашхабаде...

Следует подчеркнуть, что Тиг-Джонс, будучи начальником штаба английских экспедиционных войск в Закаспии, говоря об участии бакинских комиссаров, выражал не только свое мнение, но и мнение своего непосредственного начальника — генерала Маллесона.

Английский офицер Эллис в своей книге «Закаспийский эпизод», вышедшей в 1967 году в Лондоне, пытается реабилитировать миссию Маллесона. Сам автор был не только офицером в составе миссии, но и находился в то время в Ашхабаде. Однако реабилитации у него не получается. Напротив, приводимые факты, даже при всех умолчаниях и «поправках», внесенных им, убеждают в обратном.

Эллис пишет, что Дохов, представитель ашхабадского правительства при Маллесоне, утром 18 сентября попросил немедленной встречи с генералом и «очень возбужденно» сообщил о только что полученной телеграмме из Ашхабада. Эсеровское правительство извещало об аресте комиссаров во главе с Шаумяном и запрашивало Маллесона, какие принять меры в отношении арестованных. «Генерал Маллесон ответил, — говорится в книге, — что он считает, что ни при каких обстоятельствах комиссарам не должно быть позволено совершить переезд по железной дороге до Ашхабада». Генерал предоставил директории «решать, какие именно меры предложить для предотвращения этого».

После такого недвусмысленного ответа Эллис приводит высказанное якобы, но уже далеко не столь категоричное предложение Маллесона подумать, есть ли возможность передать ему комиссаров в качестве заложников. И это рассматривается как реабилитация!

Капитан Тиг-Джонс также, по свидетельству Эллиса, был полностью осведомлен об этом разговоре и обо всех событиях, происходивших после нашего ареста в Красноводске. Ему была немедленно послана — следовательно, за два дня до расстрела — инструктивная телеграмма по этому поводу. Он поддерживал постоянный контакт в течение этих двух дней с Фунтиковым, Зиминим и другими ашхабадскими главварями. А каков был контакт правительства Фунтикова с англичанами, известно нам и без Эллиса. Последние осуществляли непосредственное руководство деятельностью директории.

Наконец, в книге «Закаспийский эпизод» рассказывается, что Маллесон тогда же, утром 18 сентября, сообщил своему начальству в Симлу — в штаб-квартиру вице-короля Индии — об аресте бакинских комиссаров и о принятых им мерах.

Все это дает основания предполагать, что архивы тогдашних английских властей в Индии могли бы дополнительно пролить свет на подлинный ход событий. Интересно, что соответствующие папки документов значатся в описи нынешнего Национального архива Индии (к которому 15 августа 1947 года перешли архивы правительства вице-короля). С этим фактом случайно столкнулся мой сын, находясь в научной командировке в Дели. Когда он попытался ознакомиться с этими документами, выяснилось, что соответствующих папок в архиве не существует — они либо изъяты, либо уничтожены. Если роль миссии Маллесона была столь невинной, как пытаются до сих пор утверждать некоторые, то зачем английским властям потребовалось накануне предоставления Индии независимости уничтожить или изымать архивные документы о деятельности миссии?

Никакие ухищрения не помогут английским империалистам. Никогда им не смыть позора за гибель 26 бакинских комиссаров!

* *
*

У читателей этих воспоминаний могут возникнуть вопросы: какие решения или поступки бакинских комиссаров были правильными, а какие ошибочными? Как могли бы сложиться обстоятельства, если бы комиссарами принимались другие

решения и вообще если б они действовали иначе? Как все это могло бы повлиять на ход и исход событий и в целом на судьбу Бакинской коммуны?

Ожидая моих ответов, читатель будет, конечно, исходить из *своих* представлений о всех этих событиях, будет давать им *свои* оценки, подсказанные ему обстоятельствами и позицией *сегодняшнего* дня, с учетом всего того, что произошло уже после падения Бакинской коммуны.

В связи с этим мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что я старался излагать описываемые события так, как они сохранились в моей памяти; старался давать им те оценки, которых придерживался *тогда*, в дни, когда эти события непосредственно происходили. *Так* это было. *Так* это мною оценивалось. *Так* я это помню.

Заканчивая воспоминания о днях Бакинской коммуны, я хочу найти ответ на вопрос: была ли какая-нибудь возможность избежать трагической участи бакинских комиссаров?

Рассматривая конкретную ситуацию, мне кажется, что наличие такой возможности можно предположить в двух случаях. Первый раз такая возможность была, когда комиссары вместе с отрядом Петрова эвакуировались из Баку в Астрахань. Если бы они тогда не стали ждать у острова Жилого подхода двух оставшихся судов с вооруженными красноармейцами. Или бы, оставив на острове военное командование — начальника отряда Петрова и, возможно, народного комиссара по военным делам Корганова, комиссары и другие политические работники, без остановки, направились бы в Астрахань. Ведь военная флотилия Центрокаспия окружила их только через сутки, а за это время они могли бы уйти далеко. Стоявшая тогда штормовая погода им способствовала бы. Но они этого не сделали из чувства ответственности политических руководителей перед остальными, из чувства товарищеской солидарности.

Второй раз, когда пароход «Туркмен» удачно вырвался из каравана судов Центрокаспия и взял курс на Астрахань. Бакинские комиссары могли бы сделать попытку, применив оружие, заставить команду идти в Астрахань.

Относительно возможности удержания Советской власти в Баку.

Мне представляется теперь, что тогда, в 1918 году, мы имели реальную возможность продержаться примерно еще два-три месяца, не допустить англичан в Баку и успешно обороняться против турецких войск своими силами, в ожидании

помощи из Астрахани. (Впоследствии из документов стало известно, что по указанию Ленина в Астрахань, вскоре после сдачи нами власти, прибыл полк Красной Армии для направления в Баку.) В то же время еще продолжалась (правда, не в таких размерах, как это было нам нужно) помощь из Астрахани и снабжение хлебом через Шендрикловскую пристань в районе Кизляра. К тому же Советская власть тогда еще существовала в некоторых районах Северного Кавказа, в том числе в восточной его части. Поэтому с закрытием навигации по Каспию еще оставалась возможность нашей связи с Астраханью через Северный Кавказ.

Однако вскоре дела сложились так, что белогвардейская контрреволюция на Северном Кавказе одержала верх над Советской властью и Красной Армией. К концу 1918 — началу 1919 года 11-я армия, понеся большие потери в боях с наседавшей на Северном Кавказе контрреволюцией, стала отступать из района Пятигорска. При дальнейшем отступлении — к Астрахани — она понесла новые большие потери. Другая группа красноармейских частей во главе с Орджоникидзе, сражаясь до последнего патрона, отступила в Кавказские горы и, создавая партизанские отряды из горцев, стала перемещаться в Закавказье.

Таким образом, к концу 1918 года Баку, по существу, лишился всякой помощи со стороны Северного Кавказа. С наступлением же зимы должна была прекратиться навигация в устье Волги и северной части Каспийского моря. В результате была бы совершенно прекращена доставка боеприпасов и всякая другая помощь из России. Все это означало бы полнейшую блокаду Баку, поражение Советской власти в Баку, и притом с еще большими жертвами.

Правда, вскоре Турция а за ней и Германия потерпели поражение в войне, подписали перемирие с Антантой, и в начале ноября 1918 года турецкие войска ушли из Баку. Но буквально по пятам за ними туда вернулись английские оккупационные войска. Если при первом их приходе в Баку было всего около тысячи английских солдат, то теперь англичане располагали значительной силой и разместили свои гарнизоны в различных городах Закавказья.

После победы Антанты над Германией Советская власть в Баку, если бы она и продержалась там до конца года, неизбежно столкнулась бы с превосходящими во много раз английскими войсками и вряд ли в условиях блокады устояла. Англичане к этому времени освободились от турецкого фрон-

та и имели больше сил, а мы до весны 1919 года не имели бы связи с Советской Россией и не могли получать от нее нужной помощи.

Осенью 1918 года и зимой 1919 года сложилась наиболее тяжелая военно-политическая ситуация для всей Советской России, и особенно для юга страны. В этот период все сухопутные и морские связи Баку с Советской Россией были полностью прерваны.

Поэтому, когда рассуждаешь *теперь* — с учетом обстоятельств, возникших после падения Советской власти в Баку, — приходишь к выводу, что временное поражение пролетарской революции в Баку было неизбежным следствием того, что Баку явился ареной столкновения двух мировых воюющих империалистических коалиций, стремившихся овладеть и бакинской нефтью, и важным стратегическим узлом для господства над Ближним Востоком.

В тот момент Советская Россия на юге страны оказалась слабее своих противников и потерпела поражение на этом участке.

Гениальная способность Ленина — располагая небольшим количеством фактов и данных, уметь делать из них правильные политические обобщения и давать им правильную оценку — проявилась также и в оценке событий, происшедших в то время в Баку.

29 июля 1918 года, как раз в дни падения Советской власти в Баку, Ленин выступал на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. В то время связь Баку с Москвой была прервана, и мы этого выступления Ленина не знали.

Ленин говорил о тяжелом военно-экономическом положении Советской России, об опасности, в которой она оказалась. Особенно подробно, с разбором всех имевшихся в его распоряжении фактов, Ленин анализировал тактику и методы борьбы англо-французского империализма с Советской Россией.

Ленин говорил о том, что из полученных сообщений видно, что англичане, обосновавшиеся в Индии и Афганистане, пытаются нападать на Советскую Россию; часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан. «И вот теперь, — говорил Ленин, — когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение».

ние нашей республики. Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой».

Он прочитал пространное, только что полученное им донесение об отчаянном военном положении, сложившемся в Баку, и о том, что большевики вместе с левыми эсерами оказались в меньшинстве в Совете при голосовании вопроса о приглашении англичан на борьбу против турок.

Ленин одобрил отказ бакинских большевиков сотрудничать с английскими интервентами против турок. «Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами, — говорил Ленин, — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны».

Примечательно, что Ленин обратил внимание на тот факт, что бакинские левые эсеры в эти критические минуты для Советской власти оказались вместе с большевиками. Ленин говорил о тех левых эсерах, «к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских левых эсеров, а остались с Советской властью против империализма и войны».

Далее Ленин говорил: «Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии».

Касаясь далее международного положения, Ленин сказал: «...мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а стало быть, и мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться... англо-французский империализм одержал крупный успех и, окружив нас кольцом, направил все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой... Поэтому несколько не удивительно, что теперешние обострения ме-

ждународного положения Советской республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны».

Ленин говорил, что, когда большевики видят явное преимущество сил интервентов, наступающих на каком-либо участке фронта, они — в отличие от меньшевиков и других соглашательских партий — не вступают с империалистами ни в какие союзы, не приглашают их на роли «спасителей», а временно отступают для перегруппировки и укрепления своих сил.

Мы еще не знали об этих высказываниях Ленина. Но решение Шаумяна о временном выводе большевистских сил из Баку как бы перекликалось с этими мыслями Ленина.

Из всего сказанного напрашивается основной вывод — что главной причиной временного поражения Советской власти в Баку было неблагоприятное для пролетарской революции соотношение сил на Кавказе в стыке противоречий и столкновений двух воюющих империалистических коалиций, совершивших военную интервенцию в Закавказье.

Обозревая весь ход событий, прихожу к такому мнению: предложение Шаумяна об эвакуации большевистских сил в середине августа 1918 года, принятое большинством на Бакинской партийной конференции, было целесообразным, и последующие события подтвердили его правильность.

Естественно, я не могу претендовать на исчерпывающую оценку событий, происшедших в тот период. Это — дело ученых-историков.

В КРАСНОВОДСКЕ

Мы узнаем подробности гибели бакинских комиссаров. — Пестрые «го-сти». — Нас переводят в Кизыл-Арват. — Рассказ Артака и Маруси Крамаренко.

Итак, в ночь на 20 сентября 1918 года, как об этом я уже рассказывал раньше, бакинских комиссаров вывезли из арестного дома и Красноводской тюрьмы, и на рассвете над ними была учинена зверская расправа.

В нашей тюремной камере остались только четыре человека: два сына Шаумяна — Сурен и Лева, Самсон Канделаки и я. В женской камере арестного дома продолжали оставаться Варвара Джапаридзе, Мария Амирова, Ольга Банникова (жена Фиолетова) и Сатеник Мартикян.

До этого мы лежали на полу камеры, потому что мест для всех на нарах не хватало. Теперь нары опустели, и мы вчетвером довольно свободно на них разместились. Можно было сидеть, свесив вниз ноги, или хотя бы прислониться к стене.

Вскоре в нашу камеру поместили еще двух арестованных — братьев Амировых — Александра и Арменака. Но от этого теснее на нарах не стало.

Несколько дней мы тщетно ожидали обещанного освобождения из тюрьмы. При посещении нашей камеры тюремным надзирателем или начальником местной полиции Алания мы настойчиво спрашивали их, когда же наконец нас освободят. Но они неизменно отвечали, что «ждут распоряжения», или что у них «нет еще распоряжения», или что они вообще не знают, когда такое распоряжение последует.

Вскоре мы убедились, что обещанное освобождение было очередным обманом, и перестали задавать такие вопросы.

После того как увели комиссаров, кое-кто из бакинских большевиков оставался не только в арестном доме, но и в тюрьме — о чем мы тогда, сидя в своей камере, не знали. Их не вывезли вместе с комиссарами только потому, что они не фигурировали в списке «двадцати пяти», который был найден у старосты (Корганова). Среди них был видный военный деятель, член Военно-революционного комитета Кавказской красной армии Гигоян, а также еще два-три товарища, фамилии которых я сейчас не помню. Впоследствии все они были из тюрьмы освобождены.

Мне очень хотелось, чтобы из тюрьмы освободили Лева Шаумяна. Но на все мои просьбы и обращения по этому поводу тюремный надзиратель отвечал, что он ничего сделать не может, хотя и обещал передать мою просьбу начальнику полиции Алания.

При всех этих моих переговорах Лева молчал, но было заметно, что он крайне недоволен моими требованиями: то ли он не хотел оставлять своих товарищей, то ли им владело естественное — по возрасту — желание разделить с нами все тяготы тюремного заключения. Мальчик он был смелый. Все время ему упорно хотелось выглядеть более взрослым. У него была с собой в тюрьме дагестанская черкеска с башлыком. Иногда он облачался в этот наряд и тогда действительно казался более взрослым, внешне походя на зрелого юношу. Я запрещал ему надевать эту черкеску и башлык, особенно в ожидании посещения нас начальством. Лева прекрасно понимал, почему я запрещаю ему это делать. Иногда он меня слушался, но не всегда. Как-то раз, как будто назло, когда он был в этой одежде и сидел на нарах, в камеру неожиданно вошел начальник полиции Алания. Я обратился к нему тогда: «Господин Алания, вы не освобождаете нас, взрослых. Ну и черт с вами! Но освободите этого мальчика. Содержание его в тюрьме нарушает все законы». Алания обернулся в сторону Левы, посмотрел на него и сказал: «Вы что, с ума сошли? Какой же это мальчик? По всему видно, что это настоящий бандит с Кавказских гор». Мои возражения не подействовали. Лева же, видимо, было очень доволен таким исходом дела. И я, и Сурен, и Самсон всячески ругали его за такое мальчишеское поведение. Но Лева с гордым видом продолжал красоваться в своей черкеске почти все время пребывания в тюрьме: мы уже не мешали ему.

Вспоминаю еще об одном эпизоде из жизни Левы, о котором он рассказал мне во время одной из наших многочисленных тюремных бесед.

Однажды он решил через отца послать Ленину значок с изображением Карла Маркса. Дело было так. Вскоре после Февральской революции какой-то бакинский предприимчивый делец изготовил и пустил в продажу революционные значки. На одном из них — небольшом металлическом квадрате с припаянной булавкой — в ярко-красную рамочку был вмонтирован миниатюрный портрет Маркса. Когда Степан Шаумян направлялся в Петроград на первый съезд Советов, Лева дал ему этот значок со строгим наказом вручить его лично Ленину. Лева с гордостью говорил мне о том, что Ленин, по словам отца, носил на груди этот его значок.

Много лет спустя я припомнил этот рассказ Левы, читая воспоминания Н. К. Крупской о Ленине. В том месте, где описываются события июня 1917 года, есть такие строки:

«Когда Владимир Ильич возвращался домой усталый, у меня язык не поворачивался спрашивать его о делах. Но и ему и мне хотелось поговорить так, как привыкли, — во время прогулки. И мы иногда, редко, впрочем, ходили гулять по более глухим улицам Петроградской стороны. Раз, помню, ходили на такую прогулку вместе с тт. Шаумяном и Енукидзе. Шаумян тогда передал Ильичу красные значки, которые его сыновья заказали ему передать Ленину. Ильич улыбался».

В бумагах Екатерины Сергеевны Шаумян сохранилось письмо Левы отцу в Петроград.

«Дорогой папа! — писал он. — Как ты себя чувствуешь? Какого числа ты приехал в Питер? Передал ли т. Ленину Карла Маркса и поклон от меня? Если нет — то передай. Привези мне оттуда всякие брошюры и сборники песен, если где-нибудь увидишь».

Не думал тогда Лева, что ровно через год, в июне 1918 года, он поедет в Москву с письмами Шаумяна Ленину. С мандатом, подписанным Шаумяном, Джапаридзе, Коргановым и Шеболдаевым, он с большими трудностями пробирался через Астрахань и Камышин в Москву. В Москве его тепло встретил и обласкал управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич. А когда он хотел повести Леву к Владимиру Ильичу, Лева уперся и не пошел, застенялся, главным образом потому, что у него были рваные сапоги, подошва совсем отвалилась и была подвязана веревочкой. И только на следующий день, кое-как починив сапоги, Лева побывал у Ленина.

...Размеренная, монотонная жизнь наша в тюремной камере продолжалась. Мы были подавлены дошедшим до нас известием о трагической гибели бакинских комиссаров. Собственная судьба уже перестала нас волновать: о ней мы почти не думали. Все наши мысли были прикованы к судьбам революции, которая отбивала атаки поднявшей с помощью империалистических держав голову контрреволюции. У нас не было никаких сомнений, что Советская власть выйдет победительницей из этой исторической борьбы. Но нас мучило сознание, что мы лишены возможности участвовать в завоевании этой победы.

Мы старались не говорить между собой о гибели друзей не только потому, что не хотели лишний раз бередить живую рану сыновей Шаумяна, но и потому, что самим нам обсуждать эту тему было очень тяжело. Каждый из нас переживал все случившееся молча. Помню, что даже ночью мы просыпались от кошмарных сновидений. Чувства, которые я тогда переживал, нашли известное отражение в статье, написанной мною спустя четыре года в Ростове, где я тогда работал. Опубликована она в газете «Бакинский рабочий» 20 сентября 1922 года под названием «К кровавой годовщине». Привожу из нее выдержку:

«Это было ровно четыре года назад, в маленькой грязной камере Красноводского арестного дома.

Прошло три дня, как мы попали в этот застенок. В нашей камере — Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и другие — всего 16 человек.

Ночь на 20 сентября. Лежали кто на нарах, кто на полу. Одни спят, другие дремлют. В окно смотрит коварная луна, яркая, светлая.

Два часа ночи. Слышится шум, стук железа. Открывается дверь. Врывается банда «социалистических палачей». Начинают перекличку. Разбивают всех обитателей на три группы. Выводят первые две группы из камеры...

На вопрос: «Куда ведут?» — отвечают: «Здесь мест мало. Перевозим вас в Ашхабад, в областную тюрьму».

Настает гнетущий час разлуки с лучшими друзьями и товарищами, беззаветными борцами рабочего дела, революционными вождями бакинского пролетариата.

Потом проходят мучительные дни и недели безвестия...

Где они, куда их повезли — установить не можем. Одни говорят, что они в Ашхабаде, другие — в Персии. Мы не знаем, где наши близкие друзья, бакинский пролетариат — где его вожди. Советская власть — где ее лучшие борцы.

Сомнения вкрадываются в душу, терзают ее. Тяжело думать, что нет больше в живых Степана, Алеша, Мешади, Ванечки...

Вдруг неожиданно некто с воли сообщает нам в тюрьму страшную правду, открывает перед нами кошмарную картину неслыханного злодеяния эсеровских палачей. Этот неизвестный нам, не знавший нас — железнодорожных рабочих из Красноводска, кажется, проводник.

В ту ночь он был на вокзале. Видел людей подозрительных, вооруженных, переодетых, в белых чалмах. В вагонах — лопаты.

Почувяв, что готовится что-то недоброе, страшное, он решил стать свидетелем готовящейся кровавой расправы. Незаметно, тайком пролез меж вагонов и устроился на буферах. Он видел своими глазами, как в далекой степи остановили поезд, вывели из вагонов по группам пленных и недалеко от полотна зверски растерзали их.

В пулеметной трескотне он слышал последние слова жертв белого террора: «Мы умираем за коммунизм. Да здравствует коммунизм!»

...Рассветало. Убийцы торопились и не успели зарыть все трупы.

Вожди бакинского пролетариата своею кровью обагрили пески пустынных степей далекого Закаспия. Всю свою жизнь они принесли в жертву делу коммунизма. Своей героической смертью они раскрыли глаза обманутой части бакинских рабочих и направили их на правильный путь — борьбы за коммунизм.

Их смертью закрылась самая мрачная страница рабочего движения Баку, страница предательства и авантюризма наемников капитала — партии эсеров и меньшевиков.

Пусть бакинские рабочие вспомнят последнее заседание Бакинского Совета (25 июля 1918 года), когда большинство Совета под руководством социал-предателей стало на сторону англичан, против российского пролетариата. Торжествовавшие эсеры и меньшевики с наглостью лакеев предлагали и большевикам идти за ними на услужение империализму: иначе угрожали смертью и гибелью. Тов. Шаумян, бледный от ненависти и презрения, пророчески заявил: «Победившие изменники пытаются и нас свернуть на путь предательства. Но мы предпочитаем умереть на славном посту революционера, чем спасти свою жизнь ценою измены и предательства».

И они пали славной смертью так, как подобает подлинным пролетарским борцам...»

* * *

*

Часто, в особенности по ночам, дверь в нашу камеру открывалась, и тюремный надзиратель бросал на пол камеры очередного арестованного.

Постепенно мы уже привыкли к этому. Обычно это были или лихие молодцы, задержанные при пьяном дебоширстве на улице или в ресторане, или другие лица, по каким-либо причинам попавшие в лапы ночной полиции. Как правило, они оказывались обыкновенными обывателями, довольно охотно рассказывавшими, что с ними произошло ночью. Они вносили некоторое оживление в нашу однообразную, оторванную от внешнего мира жизнь. Рассказывали, за что попали в арестный дом, чем занимались; мы расспрашивали их о том, что волнует народ, что пишут и говорят о гражданской войне,

что нового и интересного сообщают в газетах (к нам они попадали редко). Так, побывав у нас день-два, некоторые из таких «гостей» привязывались к нам, а уходя на волю, обещали присылать книги, газеты и еду. Надо сказать, что большинство из них свои обещания выполняли.

Мне запомнилось в связи с этим появление в нашей камере одного такого ночного «гостя», который наутро представлялся нам присяжным поверенным графом Тарновским. Был ли этот Тарновский действительно тем, за кого выдавал себя, или нет, нас тогда мало интересовало. Но он оказался на редкость занимательным собеседником, и мы с удовольствием слушали его рассказы. Высокий, средних лет, красивый, с темными усиками, упитанный, хорошо одетый — таким мне запомнился этот граф. Он нам сказал, что приехал из Персии через порт Энзели (Пехлеви). На пристани в Красноводске при проверке документов его арестовали. Однако он успел передать кому-то на пристани, чтобы его знакомые, живущие в Красноводске, помогли ему освободиться из тюрьмы. Тарновский очень уверенно говорил, что его скоро освободят, что у него большие связи и что арестован он к тому же совершенно необоснованно. Он рассказал нам много интересного о Персии, об английской оккупации, о жизни русских, оставшихся в Персии, о положении на фронтах и о некоторых событиях международной жизни. Видимо, компания ему наша нравилась: он охотно делился с нами весьма любопытными историями из своей жизни, а кроме того, умел очень выразительно и смачно рассказывать остроумные анекдоты, вызывавшие у нас неизменно дружный хохот. Все это как-то разряжало мрачную обстановку нашей тюремной жизни.

В тюрьму графа посадили почти без вещей, без пальто. Был у него больших размеров хурджин — переметная сума. Ночи были прохладными, и Тарновский придумал: раскладывал на нарах свой хурджин, ноги засовывал в одну суму, голову и плечи — в другую, а середину он накрывал синим пиджачком. Было смешно, но зато тепло.

Убедившись, как не хватает нам книг и газет, Тарновский дал нам слово, что, как только выйдет на свободу, сразу же пришлет нам книги. Когда его освободили (это было через два-три дня), мы получили от него пять или шесть томов сочинений Мопассана, томик Амфитеатрова, а также корзину отличного винограда.

Книги были для нас настоящим счастьем. Да и виноград тоже пришелся кстати.

Однажды в нашу камеру привели армянина из торговцев. Узнав, что он попал в камеру, где сидят большевики, он страшно перепугался, боясь, как бы ему не «пришили» какого-нибудь нового серьезного обвинения и не засадили в тюрьму надолго. Однако вскоре он успокоился.

Очень он был удивлен тем, как плохо нас кормят. Все охал и ахал, искренне удивляясь, как мы так спокойно это переносим. Клялся и божился, что, как только его освободят, первое, что он сделает, это пришлет нам хороший обед. Действительно, на следующий день после его освобождения мы получили в большой посудине отлично приготовленную армянскую долму (голубцы из виноградных листьев), а также вкусный фруктовый плов. Добрым словом помянули мы в тот день нашего «благодетеля»: так вкусно и обильно мы уже очень дабно не ели...

Как-то в нашей камере тяжело заболел сидевший с нами армянин Зарафян. Его надо было срочно отправить в больницу, но каким образом? И начальство, в нарушение всех правил, заставило нас (в сопровождении часового) нести его на носилках. Мы обрадовались случаю хоть немного побывать на воле. Идя по улицам города, мы, по существу, впервые увидели, что представляет собой Красноводск. Узкие улицы, кирпичные одно- и двухэтажные дома. Мало зелени. Как мы узнали, Красноводск не имел никаких источников пресной воды. Ее добывали путем опреснения морской воды на специальной установке, а какую-то часть привозили маленькими танкерами из Баку.

Красноводск в ту пору был маленьким городом с населением что-то менее 10 тысяч. Предприятий, кроме кустарных мастерских, в нем не было. Железнодорожная станция и морской порт со своими служащими и грузчиками. Вот и все. В городе было относительно много лавок, которые обслуживали не только население Красноводска, но и туркменское население, проживавшее в прилегающих районах и занимавшееся скотоводством, а также рыбной ловлей. Орошаемого земледелия здесь не было, тоже из-за отсутствия пресной воды. В основном население города состояло из русских, персов, азербайджанцев, армян. Туркмены появлялись в городе наездами — на базар или по другим делам.

Мы шли, обрадованные тем, что наконец-то получили возможность подышать свежим воздухом, увидеть город и людей... Наше шествие по улицам города под охраной воору-

женного солдата вызывало любопытство многочисленных прохожих. Приходили мысли о побеге, но у нас не было ни времени, ни плана побега. Конечно, мы могли разбежаться, но вырваться из города нам бы все равно не удалось, так как вокруг Красноводска с одной стороны была безводная пустыня, а с другой — море. Единственный путь побега — это выход на железнодорожные пути в глубь Закаспия, но станция и железнодорожные пути находились под сильной охраной, и, конечно, в случае нашего побега нас сразу бы поймали.

Морской порт также усиленно охранялся. Судов в нем было мало, и нас там ждала тоже неминуемая неудача. Никаких связей и явок в городе мы тогда не имели. Рассчитывать же на помощь наших случайных «гостей» по тюремной камере мы тоже не могли, так как все они были в общем-то обывателями, дрожавшими за свою жизнь. К тому же мы и не знали их адресов.

Не помню точно, в конце октября или в начале ноября 1918 года в нашу камеру привели еще одного арестованного. Это был человек лет сорока, выше среднего роста, худощавый, стройный, с вьющимися черными волосами, хорошо оттенявшими его симпатичное, интеллигентное лицо. Оказалось, что это бакинец Ибрагим Абилов. В Баку я слышал о нем, хотя никогда не встречал. Оказывается, Абилов приехал в эти края по поручению советских властей из Астрахани для выяснения судьбы бакинских комиссаров. Астраханский совдеп послал для этой цели в Красноводск помимо него еще двух молодых коммунистов: Марусю Крамаренко и Артака Стамболчяна. Снабдив необходимыми средствами, астраханские товарищи посадили их на небольшой пароходик «Аветик», который был отправлен в целях маскировки якобы для вывоза из Астрахани бакинских беженцев, стремившихся попасть в Красноводск из-за голода, который был тогда в Астрахани. Абилов, Артак и Маруся находились на этом пароходе тоже под видом беженцев, ищущих приюта в Закаспии. Хотя в Астрахани они были между собой хорошо знакомы, в пути делали вид, что друг друга не знают.

Все шло у них нормально. Однако по прибытии в Красноводск Абилов был после обыска неожиданно арестован и попал в нашу камеру. Своих товарищей он потерял из виду.

Абилов был образованным человеком и оказался очень приятным собеседником. Он рассказал нам много интересного и важного об общем положении дел в Советской Рос-

сии, и в частности в Астрахани. От него мы узнали, что жена Шаумяна с двумя маленькими детьми не уехала в Москву (как мы предполагали), а осталась в Астрахани в надежде на скорое спасение бакинских комиссаров: она еще не знала об их трагической гибели.

Из бесед с Абиловым мы узнали, что сам он сын кустика. Несколько лет работал рабочим на промыслах. В 1905 году вступил в РСДРП. В последующие годы принимал активное участие в партийной работе в Баку. В 1913 году был арестован и выслан в Астрахань. Хорошо знал Шаумяна и Нариманова не только по работе в Баку, но встречался с ними и в Астрахани, когда они были там также в ссылке.

Надо сказать, что хотя Абилов и не был еще большевиком, но поддерживал Советскую власть и пользовался ее большим доверием.

Забегая несколько вперед, хочу сказать, что вскоре после того, как нас вывезли из Красноводска, Абилов был освобожден и выехал в Баку. Приехав в начале марта 1919 года в Баку, мы застали там Абилова в роли члена азербайджанского парламента. Он примыкал тогда к фракции социалистического парламента Абилов выступал против мусаватистского правительства. После провозглашения в 1920 году Азербайджанской Советской Республики он окончательно примкнул к большевикам.

По окончании съезда народов Востока Абилов работал секретарем «Совета пропаганды и действий», образованного этим съездом, а потом, в 1921 году, стал первым полномочным представителем Азербайджанской Советской Социалистической Республики в Турции и на этом высоком посту проявил подлинный талант советского дипломата. Об этой его деятельности очень тепло написал в своих воспоминаниях советский посол в Турции Аралов. Деятельность Абилова высоко оценили Нариман Нариманов и Александр Мясникян в своих статьях, посвященных его памяти. Умер Абилов в Турции после тяжелой болезни в 1923 году...

Жизнь наша в тюрьме продолжала идти однообразно и по-прежнему в изоляции от внешнего мира. Единственно, с кем нам приходилось общаться, были наш тюремный начальник Алтунин и его правая рука — надзиратель.

Упитанный, краснощекий, с длинными пушистыми усами, Алтунин всем своим видом походил на русского провинциального купца. Жена его, как нам казалось, была не злая, а даже скорее добрая женщина. Сам Алтунин был, что назы-

вается, добросовестный служака, аккуратно выполнявший свои обязанности. Не создавая нам никаких особых трудностей, он в то же время редко отступал и от установленных правил. В тюремный двор мы не выпускались, с арестованными, находившимися даже в соседних камерах, общаться нам не разрешалось.

Только один Лева Шаумян имел возможность выходить во двор, и то потому, что в его обязанность входило кипятить огромный самовар, из которого вся тюрьма пила чай. Это было большим удовольствием для Левы, потому что он мог хоть некоторое время побыть на свежем воздухе и при этом сознавать, что он и для нас делает что-то полезное и приятное.

Через день после того, как в нашу камеру посадили Абилова, Лева сообщил нам, что, проходя по нашему коридору, он через глазок одной из камер мельком увидел новую арестантку — знакомую ему Марусю Крамаренко, однако из конспиративных соображений не подал виду, что узнал ее.

Когда после этого нам приходилось проходить мимо камеры, где сидела Крамаренко (а это бывало всякий раз, когда нас водили в уборную), мы тоже старались «не узнавать» Марусю, если нам и доводилось заглядывать в ее глазок. Такая маскировка удалась нам до конца. В противном случае Марусю могли бы «привязать» к нам, раскрыть ее как большевичку.

Таким образом, мы узнали, что из трех товарищей, направленных в Красноводск из Астрахани, двое сидят вместе с нами в арестном доме и, к счастью, не раскрыты. Следовательно, третий — Артак Стамбольцян — сумел проскользнуть через все рогатки и препоны обысков и досмотров и обвести вокруг пальца красноводскую полицию.

Артака я хорошо знал с детства. Как я уже рассказывал ранее, мы учились в одном классе Тбилисской армянской семинарии. Артак был профессиональным революционером. До революции мы состояли с ним в одних и тех же подпольных марксистских кружках. Вместе входили в боевую дружину большевиков при Бакинском комитете партии, участвовали в уличных боях, защищая Советскую власть в марте 1918 года. Наша дружба и взаимное доверие не раз подвергались испытаниям, и всякий раз наши отношения ничем не омрачались, а крепили все больше. Артак всегда отличался беззаветной преданностью большевистской партии и своим товарищам по революционной борьбе. Мы все его очень любили.

Артак был смел до дерзости, ловок и мог всегда выйти из любого, казалось бы, безвыходного положения. Эти качества никак не вязались с его неказистой внешностью: маленький, щупленький, с каким-то детским выражением лица, которое он мог, однако, по желанию изменять, благодаря исключительно подвижной мимике. Артак был к тому же искусным комиком, имел всегда огромный запас смешных рассказов, обладал острым языком, удачно имитировал и по-дружески высмеивал товарищей, ловко подхватывая малейшие особенности или слабости в их характере и поведении. Но какой-то особенный, проникновенный взгляд Артака, умение в любой обстановке владеть собой говорили о том, что перед вами — волевой, сильный духом мужчина.

Крайне плохие условия нашей жизни в арестном доме, скудное, на грани голода питание вконец подточили наши силы. Оставшихся денег не хватило бы и на несколько дней сытной еды, но мы не решались их тратить, считая, что они еще могут нам пригодиться. Постоянное недоедание особенно остро сказалось на моем физическом состоянии, потому что еще до прибытия в Красноводск я был сильно истощен. У меня стали болеть десны. Я почти совсем не мог есть черствый хлеб. Наконец я обратился к начальнику арестного дома с просьбой направить меня к какому-нибудь зубному врачу. Алтунин на это согласился.

Однажды под охраной часового он направил меня в частный городской зубоучастный кабинет. Кабинет находился на первом этаже небольшого домика. Открыв дверь, часовой пропустил меня, а сам остался за дверью. Комната врача была маленькая, очень бедно обставленная, оборудования и мебели в ней было мало. Со мной поздоровалась врач — молодая женщина приятной внешности. Она была предупреждена о том, кто я, поэтому у меня не было надобности представляться. Ее имени и фамилии я также не спросил. Она внимательно меня осмотрела и сказала: «Единственное лечение для вас — свежие фрукты и как можно больше времени проводить на воздухе». Я удивился и подумал: «Не издевается ли она надо мной? Ведь она же знает, в каком я нахожусь положении!» Но она все это говорила вполне серьезно. Я почувствовал даже, что она глядит на меня с каким-то уважением. Это было видно по ее глазам, приятной улыбке, ласковому голосу. Однако, слушая ее, я продолжал думать: «Как же я могу покупать фрукты и дышать свежим воздухом

в моем положении арестанта?» Но сказать ей об этом мне помешала гордость. А к тому же чем она могла мне помочь? Я поблагодарил ее и ушел¹.

* * *

*

Наше пребывание в тюрьме продолжалось. Дни проходили один похожий на другой. Мы не знали, что нас ожидает, да это нас не очень беспокоило. Мы уже совсем свыклись со своим положением. Но вдруг однажды к вечеру (дело было в начале ноября) совсем неожиданно нам объявили, что через два часа нас переводят из Красноводска в город Кизыл-Арват. Мы были поражены и старались понять причину столь необычной поспешности. Какой смысл переводить нас из арестного дома одного города в такой же дом другого города? Лишь одна деталь помогла нам кое-что понять: нас переводили не всех — Абилов, который попал в тюрьму отдельно от нас, оставался на месте. Мы сразу вспомнили, что бакинских комиссаров из нашей камеры выводили примерно так же, под тем же предлогом, а по дороге их расстреляли. Мы без колебаний пришли к выводу: судьба наша решена, с нами этой ночью поступят так же, как с нашими товарищами. Нас отвезут куда-нибудь в сторону Ашхабада и там, в пустыне, расстреляют.

Хотя в данный момент это было неожиданно, но ранее мы настолько уже были психологически подготовлены к такому

¹ Бывают же в жизни такие случаи! Через сорок один год после этих событий случилось так, что эта женщина-врач, живя в Америке, случайно увидела меня. В 1959 году во время поездки по США я попал в Чикаго в один из дней, когда в большом концертном зале этого города выступал наш знаменитый советский ансамбль «Березка» под руководством Н. Надеждиной.

Известный организатор выступлений советских артистов в Америке господин Юрок любезно прислал мне билеты в отдельную ложу. После концерта я зашел за кулисы, приветствуя и поздравляя наших замечательных девушек.

Впоследствии я получил от редактора одной из газет штата Висконсин Фреда К. Стейнке такое письмо: «Уважаемый г-н Микоян! Я уверен, что прилагаемая статья окажется для вас интересной».

В газете было помещено интервью Юдит Шуйской, той самой женщины — зубного врача, которая меня осматривала в 1918 году в Красноводске. Она была на выступлении «Березки» и по глазам узнала во мне своего давнишнего пациента.

Интервью довольно точно передавало детали нашей встречи. И хотя общий тон его был благожелательным, госпожа Шуйская поторопилась откреститься от «большевистского руководителя». «Не создавайте впечатления, что я являюсь другом правителя России», — заканчивала она свое интервью.

исходу, что особого волнения, как ни странно, не испытывали.

Не было никаких сомнений, что нас ведут на расстрел.

Вспоминаю одну деталь: у нас оставалось 120 рублей. С общего согласия я оставил у себя 40 рублей («керенками») — на всякий случай. Они могли пригодиться в самый последний момент — ну, скажем, дать какому-нибудь солдату, чтобы он подал нам воды, если захочется пить. Остальные деньги я передал Абилову, сказав, что теперь они нам уже не нужны, а ему еще могут пригодиться. Мы оставили ему также и наш чайник, который тоже теперь был нам не нужен. Тепло попрощавшись с Абиловым, мы под охраной вышли из камеры. Проходя по коридору, заметили, что через смотровое отверстие одной из камер на нас смотрит Маруся Крамаренко, привлеченная шумом. Наши взгляды встретились, и мы молча и незаметно для конвойных попрощались друг с другом...

В это время открылась дверь женской камеры, и четверо арестованных с нами женщин вышли в коридор. Вместе с ними вышла и пятая — Маро Туманян, которая была арестована несколько позже нас. Мы впервые за эти месяцы с ними встретились. Всех нас вывели под охраной во двор. Было уже темно. Пешком по улицам города нас привели на железнодорожную станцию. Шли мы с достоинством, без волнения. Один только больной Амиров-старший явно нервничал, но и он старался внешне себя всячески сдерживать.

На станции нас погрузили в теплушку, оборудованную для перевозки почты. Одна треть вагона была отгорожена и предназначалась, очевидно, для почтовых служащих. Всех женщин и мужчин посадили вместе в грузовую половину вагона, а в другой его половине расположилась охрана. Нас разделяла перегородка с небольшим окном, в котором была решетка. Через него на нас все время смотрели несколько пар глаз охранников.

Та половина вагона, где нас разместили, была очень маленькой. Скамеек или нар не было. Поэтому мы сидели и лежали на полу: женщины — в одной стороне, мужчины — в другой. Погода стояла холодная. Через щели в тонких стенах вагона дул сильный ветер, пронизывая до костей. Особенно холодно было мне, одетому только в гимнастерку военного образца, брюки (как сейчас помню, галифе), сапоги и военную фуражку. У других товарищей были пальто. Сурен Шаумян был одет, как и я, в военную форму, но у него, к сча-

стью, была еще шинель. Лева и здесь не расставался со своей черкеской, которая на этот раз очень ему пригодилась. От холода я дрожал и потому лег междулевой и Суреном, чтобы хоть немного согреться.

Меня волновало тогда только одно: если нас выведут на расстрел до восхода солнца (которое могло бы меня немного согреть), не подумают ли наши убийцы, что я дрожу от страха, а не от холода? Мысль о самой гибели как-то отошла на второй план. (Подобное направление мыслей в такие моменты, очевидно, есть одна из психологических загадок жизни!) Мне хотелось, чтобы с нами расправились после восхода солнца, когда будет теплее. Тогда я и другие товарищи, немного отогревшись, смогли бы держаться с большим достоинством.

...Все больше и больше росла в нас уверенность, что нас везут на расстрел. Дополнительное тому подтверждение мы видели и в том, что нас посадили не в обычный арестантский вагон, а почему-то в почтовый, а самое главное — что поместили нас вместе с женщинами, тогда как арестованных женщин и мужчин обычно не сажают вместе ни в камеру, ни в вагоны. К тому же в нашей половине вагона не было ни парши, ни уборной.

Мы были полны чувств глубочайшего возмущения, стыда и позора. Лишенный возможности пользоваться уборной, больной желудком старший Амиров, а за ним и женщины, длительное время страдая и мучаясь, были вынуждены отправлять естественные надобности прямо там, где они лежали. На полу вагона было мокро, дышать становилось все труднее. Понимая, что переживают наши несчастные женщины и в то же время сознавая свою беспомощность, мы испытывали жгучую боль.

Медленно тянулись часы, такие длинные и тягостные...

Каждый думал о своем. Я по-прежнему лежал междулевой и Суреном. Половинками шинели Сурена и черкески Левы они прикрывали меня. Мы близко придвинулись друг к другу. Стало тепло, и дрожь от холода прошла. Но мы не могли уснуть. В голове все время проносились мысли: «А что удалось нам сделать за это время? Что я сделал для революции? Только-только начал что-то полезное, только начал набирать силы, опыт, приобрел какую-то уверенность, испытал себя в революционной работе, начал получать кое-какое признание товарищей — и вдруг жизнь твоя должна так нелепо оборваться! Как хорошо было бы послужить революции хотя

бы еще годика два-три, и уж если придется погибнуть, то в открытом бою, совершив что-то по-настоящему полезное!» Жаль мне было сыновей Шаумяна, которые так рано вошли в революцию и так стойко себя вели. Такие способные, преданные — и вдруг смерть! Все это казалось мне нелепым и несправедливым.

Я думал и о том, что происходит в Баку. Где товарищи, оставшиеся там, кто из них жив, кто спасся, кто погиб, существует ли наша партийная организация или она разгромлена?

Все это волновало, но ответа на эти вопросы найти было невозможно. Догадки не могли быть ответом.

Думал я и о своей семье: особенно меня волновало, что мать, наверное, уже решила, что мы погибли, потому что о нас давно не было никаких известий. Она, вероятно, уже знала, что бакинских большевиков расстреляли, но не могла знать, что я еще жив. Мне безумно стало жалко ее. Вспомнил я и отца, хотя в то время его не было уже на свете, вспомнил своих сестер и братьев. Вспомнил, конечно, и свою троюродную сестру Ашхен... Уже в 1913 году, за четыре года до Февральской революции, я понял, что мои чувства к ней больше, чем к сестре. Но по старинному армянскому обычаю троюродный брат не может жениться на троюродной сестре. Народный обычай требовал «семи колен», а здесь не хватало одного колена. Конечно, я давно уже был атеистом, но народные привычки имели свою силу. Я понимал, что родители и родственники будут против нашего брака и осудят меня за него.

Я все больше и больше любил Ашхен, и мне становилось труднее скрывать свои чувства. Через два-три года мне захотелось объясниться ей в любви, но я как-то испугался и не сделал этого, хотя несколько раз пытался. Я видел ее хорошее отношение ко мне, как сестры к брату. «А вдруг она откажет мне?» Мужская гордость не позволяла рисковать своей честью. Четыре года я не осмеливался признаться ей в своем чувстве: вел себя строго и отчужденно. Однако в 1917 году, летом, я не выдержал и объяснился Ашхен в любви. Она сказала, что и сама давно любит меня, только всегда поражалась моему черствому, сухому отношению к ней. Она объясняла это тем, что, очевидно, не нравилась мне.

Все это было после июльских событий 1917 года. Нам предстояло вести тяжелую вооруженную борьбу за захват власти пролетариатом.

Предвидя все эти трудности, я сказал Ашхен, что нам надо немного подождать с женитьбой: ведь в предстоящей революционной борьбе я могу погибнуть, а она может остаться вдовой, да еще, возможно, с ребенком. «Вот когда все успокоится, революция победит, тогда мы с тобой и поженимся», — говорил я. Ашхен со мной согласилась. Она все уже хорошо понимала: за три месяца до этого Ашхен вступила в партию большевиков. Мы условились, что о нашем решении никто не должен знать. Она училась тогда в последнем классе Тифлисской армянской женской средней школы. Через год окончила учебу и уехала преподавать в деревню, в район Сухума. Мне было отрадно узнать, что все это время она, в нелегальных условиях, вела партийную работу. В частности, с важным заданием крайкома партии ездила в буржуазную Армению, в Ереванский комитет партии большевиков, передала указание крайкома и получила для него информацию о положении дел в Армении.

...И вот, пока поезд вез нас, как нам казалось, в последнее путешествие, я думал об Ашхен. Узнала ли она о гибели бакинских комиссаров? Конечно, она не знает, где я нахожусь и жив ли я вообще. Наверное, думает, что я погиб, и горюет обо мне. Было мне тяжело, но я утешал себя тем, что поступил правильно, не женившись на Ашхен. Не будучи моей женой, она все же легче перенесет мою гибель.

Наконец через много часов поезд остановился на неизвестной нам станции. Через щели вагона мы хорошо слышим разговоры. Вот послышалась команда: «Отцепи вагон!» А чуть спустя: «Отцепили». Все ясно.

Однако через несколько минут совершенно неожиданно вагон наш тронулся... В углу раздался облегченный вздох, и среди общего молчания Ольга Фиолетова произнесла: «Ну, еще живем!» Мы поняли, что ночью к нашему поезду незаметно для нас прицепили еще один вагон; его-то и отцепили на этой станции. Теперь очередь за нашим. Когда мы проехали еще несколько станций, совсем рассвело. У нас впервые мелькнула мысль: «А возможно, нас везут не на расстрел, а действительно переводят в другой город?..»

Время шло невероятно медленно. Беспечеловечное отношение к нам, в особенности к женщинам, и, наконец, злость на собственную беспомощность и невозможность что-либо изменить в нашем положении продолжали вызывать тягостные чувства. Наконец поезд остановился на станции Кизыл-Арват.

Теперь мы уже не сомневались, что со станции нас поведут по улицам города в арестный дом. Было еще светло. Но нас неожиданно повели в сторону от городских улиц, и вскоре мы очутились в овраге — русле высохшей реки. Нас вели по этому оврагу в сторону от города. И вновь у меня мелькнула мысль: не ведут ли на расстрел? К этой мысли все настолько привыкли, что даже не стали спрашивать охрану, куда нас ведут. Пройдя овраг, мы оказались на другой стороне города, у стен арестного дома. Открылись ворота в глинобитной стене, окружавшей арестный дом. Перед нами был небольшой одноэтажный каменный дом, чуть меньше красноводского. Мужчин и женщин поместили в разные камеры. На вопрос, почему нас вели с вокзала таким странным маршрутом, через овраг, охранники ответили, что это было сделано для того, чтобы арестантов не видело местное население.

К нашему счастью, внутри камеры была печь, которая к тому же топилась не из коридора, а из камеры. Наконец-то мы избавлялись от холода по ночам и могли сами, по своему желанию, топить печь саксаулом, которого вдоволь было сложено у печки.

Сколько раз, сидя около раскрытой печи, мы с любовью смотрели на языки огня, радовались теплу и даже какому-то уюту. В этой тюрьме нас, а в особенности меня, ожидала еще одна приятная новость: с едой стали выдавать головки сочного, вкусного лука. Он очень дешево продавался здесь на местном рынке. Лук этот мы пекли в золе нашей печки и подавали в большом количестве. Особенно много ел я. Это было полезно для моих кровотокающих десен. Хорошо было и то, что нам из-за отсутствия сахара давали к чаю очень вкусный кишмиш. Так или иначе, но здоровье мое стало несколько улучшаться.

Старого, вконец разболевшегося Амирова администрация перевела в больницу. Это было и для него и для нас большим облегчением.

Уже несколько месяцев мы не были в бане, не меняли и не стирали белье. Завелись вши. После настоятельных просьб мы наконец добились, что однажды нас (сначала мужчин) под охраной повели в баню железнодорожных рабочих на вокзале. Баня была чистая, с горячей водой и парной. Словом, настоящая русская баня, в которую, я, кстати, попал впервые в жизни. Мыться было очень приятно. Мы парились, но у нас не было... мыла. А какая же баня без мыла! Белье свое мы

стирали тоже без мыла. Когда оно высохло там же, в бане, то оказалось, что оно почти такое же грязное, как и до стирки. Несмотря на все это, посещение бани нас подбодрило, чувствовали мы себя неплохо. Позже, в тот же день, в эту баню водили и женщин.

Когда мы вышли из тюрьмы, чтобы идти в баню, нас ожидал приятный сюрприз. Недалеко от тюремных ворот мы неожиданно увидели Артака. Чтобы не выдать себя, он, конечно, сделал вид, что нас не знает. Однако по всему нам стало понятно, что он очень доволен состоявшейся встречей. Мы поняли, что в ожидании такой встречи он уже не один день ходил возле арестного дома. Мы тоже были обрадованы этой встречей и глубоко тронуты отношением Артака: мы даже не знали, удалось ли ему спастись от лап полиции в Красноводске, а вот теперь он здесь, в Кызыл-Арвате, и изыскивает способ хоть чем-нибудь помочь.

Забегая несколько вперед, хочу сказать о том, что, когда впоследствии нас перевели в Ашхабад, там мне удалось свидеться в арестном отделении областной больницы с Артаком, и он подробно рассказал, каким образом ему удалось избежать ареста в Красноводске. Об этом он написал в 1926 году в своих воспоминаниях, которые, хотя бы частично, как мне представляется, небезынтересно здесь привести.

Я уже писал со слов Абилова, что, когда они выезжали из Астрахани в Закаспий, он, Маруся Крамаренко и Артак договорились, что будут вести себя как лица, незнакомые друг другу.

«Так как в Астрахань дошли слухи, что в Красноводске весьма тщательно обыскивают, чуть ли не догола раздевают, деньги мы решили передать кому-либо из команды, — вспоминал Артак. — Сговорились с помощником капитана неким Адольфом Рогачиком, что он передаст пакет всякому, кто ему скажет пароль «Красный фонарь».

В 20-х числах октября мы выехали из Астрахани. Все шло пока хорошо. Но вот ночью подходит ко мне наш партиец Леон Арустумов, который тоже ехал на этом пароходе, и, указывая глазами на армянина, который в Астрахани посещал семью Шаумяна, говорит: «Остерегайтесь его».

Впоследствии оказалось, что этот армянин был английским контрразведчиком и какими-то судьбами все разношал о наших планах. Выпив на пароходе маленькую рюмку самогону, он расчувствовался и разоткровенничался с Арустумовым: «Я знаю, зачем едет вот этот человек (кивок в мою сторону). Я ему устрою так, что ему голову снесут...» И он в общих чертах рассказал Арустумову о моем задании. Изменять план было поздно, и я решил выждать и смотреть, что дальше будет. С Марусей и Абиловым я держался по-прежнему как чужой.

В Красноводске нас первым делом встретил катер с английской контрразведкой. Наш армянин сошел к ним с парохода, и контрразведчики встретились с ним как старые приятели. Для меня стало ясно, что мы провалились. Всех пассажиров подвергли обыску, а нас выделили из общей массы и обыскали самым тщательным образом, вплоть до вспарывания подкладки одежды. Ничего не нашли. Отняли документы, отпустили и вменили в обязанность явиться на следующий день в штаб английского командования.

Почему нас не арестовали сразу? Очевидно, хотели вынюхать явку... А явка у меня была к Сергею Мартикяну.

Мы по-прежнему держались как чужие. Я остановился в гостинице порта, а Маруся и Абилов около вокзала.

Я решил, что необходимо получить деньги от помощника капитана Рогачика, встретил его и спрашиваю о пакете. Вижу, парень держит себя как-то беспокойно, говорит, что боится и что передаст деньги через полчаса. Делать нечего, решил ждать эти полчаса. Проходит час. Наконец он является. Опять в большом замешательстве и с большим беспокойством говорит, что сейчас боится передать пакет, передаст его завтра в 12 часов дня на площади, у пристани.

Меня взяло сомнение, почему ему хочется передать пакет завтра, но ничего нельзя было сделать. Я решил пойти к Сергею Мартикяну и разузнать у него что-либо о судьбе наших товарищей. Будучи уверен, что за мной уже организована слежка, я решил запутать шпиков. Побродив немного по городу, я вошел в гостиницу и вышел через другие двери, на другую улицу, покрутил еще немного по улицам и наконец пришел в назначенное место. Увидев меня, Серго очень заволновался: «Шаумяна и Алеши в Красноводске нет... Возможно, что их отправили в Индию, а возможно, что и расстреляли... Никакой надежды нет, и тебе надо поскорее удирать... Не ходи за деньгами... Это, наверно, ловушка...»

Серго заразил меня своей паникой, и я немного пал духом. Когда вышел от него, стал думать о том, как выбраться из Красноводска. На одной из улиц подходит ко мне армянин, который уехал с парохода с контрразведчиками, и откровенно сообщает мне, что он знает о моем задании. Потребовал за молчание денег, в противном случае угрожал выдать.

Я решил оттянуть время и пообещал дать ему денег на следующий день вечером у армянской церкви. На этом мы расстались, и я пошел к себе в номер.

Утром, встретившись с Марусей, я рассказал ей все, что случилось со мной накануне, и мы стали обдумывать, как нам выехать из Красноводска. Условившись, что Маруся будет ждать меня на пристани, я пошел к кораблю. Нам как будто повеселилось. Я встретил одного знакомого большевика-матроса и, разговорившись с ним, узнал, что он с парохода «Африка».

Он пообещал приютить нас на пароходе.

Приближалось уже 12 часов — условленное время для получения пакета с деньгами. Когда я рассказал своему матросу, что мне предстоит получить этот пакет, и спросил, приютит ли он меня после этого, мой матрос сдрейфил и стал отказываться. Все-таки я решил пойти и получить пакет.

«Если там ловушка, то я сумею откупиться частью денег», — думал я. А деньги были по тому времени немаленькие — 10 000 рублей николаев-

сками кредитками. Бросать их мне не хотелось, так как без денег трудно что-либо предпринять для помощи арестованным.

Я расстался с матросом и вышел на площадь. Было уже около половины первого. На площади никого не было. Маруся тоже куда-то исчезла. Пошел по направлению к базару и вдруг вижу: Маруся ведут под конвоем.

Впоследствии я узнал, что Маруся, ожидая меня, решила сама пойти и получить пакет, не желая подвергать меня риску.

В условленном месте она увидела разгуливавшего взад и вперед помощника капитана, подошла к нему, сказала пароль, и только он передал ей пакет, как ее внезапно схватили несколько вооруженных людей. Она успела бросить пакет на подоконник ближайшего дома. Тем не менее она этим не спасла пакета; не найдя его при ней, контрразведчики вернулись на место ареста и нашли его.

Помощник капитана Адольф Рогачик, вероятно увидев, что нас выдали, испугался и, думая, что в пакете находятся важные бумаги, боясь за свою шкуру, выдал нас.

Подавленный происшедшим, я отправился бродить по улицам. За мною неотступно, как тень, следовали шпики.

Абилова разыскать я тоже не мог, так как он был уже арестован, о чем я узнал позже.

Отвязавшись некоторыми маневрами от шпииков, я пришел на пристань и лег под штабеля леса, где пролежал до вечера. Вечером решил во что бы то ни стало уехать.

В гостинице у меня осталась шинель. Мне было жаль ее оставлять, и я решил попытаться забрать ее. Иду к гостинице и вижу, что у входа стоят вооруженные.

Сделав большой круг, подошел к другим дверям, но и там вооруженные, а с ними и тот армянин-контрразведчик. Мне стало ясно, что охотятся за мной.

Пошел к вокзалу и вижу: оттуда идут люди с чемоданами. Сообразив, что на станции что-то произошло, спрашиваю, в чем дело.

Говорят, что там прибыли какие-то большевистские шпионы и поэтому без пропуска английского командования на вокзал и в поезд не пускают.

Пробрался по путям в товарные вагоны и сквозь щели стал рассматривать, что происходит на вокзале.

По перрону с патрулями носится армянин-контрразведчик и тщательно вглядывается в публику. Фильтрует довольно серьезно.

Первый звонок. Я вылез из теплушки и пошел к поезду. Решил договориться с машинистом. Подхожу, прошу его взять меня на паровоз. Выдумываю мифическую больную мать в Ашхабаде, пропуска, мол, взять не успел. Машинист наотрез мне отказал.

Тогда решил испробовать счастье на кондукторах. Подхожу к одному, повторяю опять сказку о больной матери, предлагаю 30 рублей.

По вагонам идет проверка — кондуктор побоялся и тоже отказал.

Второй звонок. Контроль прошел в вагон. Прошу другого проводника, предлагаю уже 300 рублей. Это, очевидно, испугало его и он отказался. В это время с перрона к поезду направляется вооруженный английский отряд. Проводник уходит в вагон. В отчаянии лезу в вагон, и тут мне бросается в глаза лесенка на крышу вагона. Я быстро карабкаюсь по ней и ложусь в теневой стороне горбыля крыши.

Отряд оцепил поезд. Время тянется.

Третий звонок. Поезд не движется. Очевидно, идет обыск. Прошло полчаса, и наконец поезд тронулся.

Поезд идет очень быстро. Свистит холодный ветер, пронизывает насквозь.

На следующей станции опять обыск. Чем дальше, тем хуже себя чувствую. Руки окоченели, едва держусь. Еще некоторое время — и может случиться, что окоченевшие руки откажутся повиноваться, и я упаду.

Наконец на четвертой станции я слез с крыши и, пользуясь темнотой, прошмыгнул в вагон. Вагон был битком набит беженцами. Я продрог и дрожал от холода. Какой-то беженец, армянин, обратил на меня внимание. Я сказал, что у меня приступ малярии, и попросил его купить мне билет до Ашхабада, сказав, что свой потерял. Билет куплен, и я свободно вздохнул.

Поезд подходит к Кизыл-Арвату, и я вспоминаю, что здесь живет мой бывший ученик Навасартян, которого я когда-то готовил в Тифлисе к поступлению в духовную семинарию. Он жил у нас в доме. Обдумав хорошенько, я решил сойти в Кизыл-Арвате и остановиться у Навасартяна. Его отец имел здесь пекарню.

Обогнув депо, я направился по улице. Было уже утро, и я увидел возле небольшого дома очередь. Я у цели: очереди в 1918 году были главным образом за хлебом. Подхожу и спрашиваю Навасартяна.

— Это я, — отвечает, смеясь, мне коренастый человек.

— Ваш сын здесь?

Получив утвердительный ответ, сообщаю, что я бывший учитель его сына.

Навасартян принял меня радушно. В конце концов я открылся ему и попросил у него защиты.

Навасартян оказал мне большое содействие...»

На следующий день после встречи с Артаком на улице в арестном доме нас ожидал другой приятный сюрприз. Через подставных лиц из местного населения Артак ухитрился прислать нам и арестованным женщинам передачу, состоявшую из вкусно приготовленных блюд армянской кухни. Это повторялось несколько раз. С этими обедами мы получали короткие записки от Артака (конечно, без подписи), написанные эзоповским языком. В них он сообщал интересовавшие нас сведения и в свою очередь задавал некоторые вопросы. В том же порядке мы отвечали Артаку краткими записками, ухищряясь передавать их вместе с пустой посудой. Нам это удавалось еще и потому, что надзиратель арестного дома, старый служака, был в общем-то неплохим человеком. Непридирчивый, вежливый в обращении, он или не замечал, или смотрел на наши передачи сквозь пальцы.

Впоследствии Артак рассказывал, как трудно ему приходилось в Кизыл-Арвате зарабатывать деньги и себе на жизнь да еще и нам помогать. Он работал тогда у отца своего товарища и выполнял поручения по продаже винограда и фрук-

тов на базаре. Говорил, что плохо справляется с этой необычной и так не подходящей для него ролью.

Никто из нас, кроме Амирова, увезенного, как я уже говорил, в больницу, за время пребывания в Красноводске и Кизыл-Арвате ничем не болел.

Вдруг начались боли в ноге у Левы Шаумяна. Дело в том, что около года назад, когда он поступил в Красную гвардию, его случайно ранил из револьвера в ногу школьный товарищ, тоже красногвардеец. Врачи ногу вылечили. Казалось, все миновало. Но в тюрьме боли возобновились, нога начала пухнуть. Мы потребовали, чтобы в арестный дом вызвали врача. Вместо врача прислали какого-то фельдшера. Он осмотрел Леву в камере и дал указание делать массаж опухшего колена. «Это поможет, — сказал он. — Опухоль опадет, и боль прекратится». Я, не разбираясь в медицине и не имея никакого опыта и знаний в этой области, тем не менее стал старательно и сильно делать массаж больной Левиной ноги. Леве было очень больно, он стонал. Я же говорил ему: «Ничего, терпи, раз нужно для здоровья, терпи». Он терпел, но все-таки стонал. Потом боли усилились, и он уже был не в состоянии их переносить. Тогда я прервал массаж. Боли становились все сильнее. На следующее утро мы подняли шум, требуя, чтобы к нам прислали настоящего врача. Наконец появился врач и осмотрел Леву. Мы рассказали о массаже. Врач посмотрел на нас и с упреком сказал: «Что вы наделали? Гной, который образовался в его колене, вы распространили по всей ноге. Может быть общее заражение, и юноше придется ампутировать ногу, а может быть, и это не спасет. Больного надо взять немедленно в больницу».

Из железнодорожной больницы прислали санитаров, которые тут же и увезли Леву.

Мы тяжело переживали болезнь Левы. Нас, и меня в первую очередь, долго мучило сознание, что по указанию невежественного фельдшера здоровью Левы был нанесен такой большой вред. Однако вскоре мы немного успокоились, узнав через Артака, что, хотя Лева перенес заражение крови и гангрену, положение его несколько улучшилось. Кизыл-арватские врачи все же считали, что ему необходима серьезная операция, которую можно было сделать только в Ашхабаде.

Через некоторое время Леву увезли в тюремный корпус областной больницы.

Опять в путь.— Положение в Закаспии в 1918—1919 годах.— Сурен Шаумян.— В тюремной больнице.— Бесчинства английских оккупантов.— Я пытаюсь бежать.— Снова в Баку.

Мы сидели в Кизыл-Арвате около трех недель. Вдруг как-то рано утром нам сообщают, что нас повезут в Ашхабадскую тюрьму.

Мы и раньше никак не могли понять, почему нас из красноводского арестного дома перевели в кизыл-арватский. А теперь вдруг — в Ашхабад! Опять возникли старые мысли и сомнения. Стали думать, не предлог ли это, не та ли это самая ширма, которая была применена и по отношению к бакинским комиссарам. Вновь стало складываться мнение, что нас либо везут на расстрел, либо хотят переправить в Индию.

В связи с переездом из Кизыл-Арвата мне вспоминается один эпизод. Арменак Амиров, о котором я уже говорил, что он был страстный бильярдист и кутила, как-то в те дни сказал мне: «У тебя есть 40 рублей. Давай купим на них водки и выпьем. Станет весело, мы будем хорошо себя чувствовать при расстреле». Я ему отказал, сказав, что водку вообще не пью и буду чувствовать себя нормально и спокойно и без нее. Он стал меня уговаривать. Я упорно отказывался, говоря, что эти деньги я берегу на крайний случай. Тогда Амиров стал меня укорять, называть скрягой, скупым человеком и т. п. Вначале я обиделся, потом рассердился, не выдержал, вынул из кармана эту злосчастную сороковку, бросил ее перед ним, сказав: «Черт с тобой, бери, покупай себе эту проклятую водку!» Он отдал деньги надзирателю, который принес две бутылки самогону. Одну бутылку Амиров оставил надзирателю за услугу, другую взял себе, налил стакан, выпил залпом и предложил мне также выпить стакан самогону. Я категорически отказался.

Надо сказать, что вообще до этого я никогда в жизни не пил ни водки, ни самогона, ни коньяка. Даже виноградное вино я пил всего два раза по две-три рюмки. Первый раз, когда мне исполнилось 20 лет, и еще раз — через год.

Может вызвать удивление, как это так: кавказский человек 20-летнего возраста не пробовал вина! Но это все же подлинный факт.

Я долго отказывался от предложения Амирова. Но он продолжал настаивать, говоря: «Ну что тебе стоит, выпей! Только надо пить до конца, сразу!» В конце концов я сдался, уступил его уговорам и сгоряча натошак выпил чуть ли не полный стакан самогону. Внутри у меня все обожгло, но голова оставалась еще светлой.

Я хорошо помню, как нас вывели из тюрьмы на улицу, повели по Кизыл-Арвату на железнодорожную станцию, где посадили в товарный вагон. На одной стороне вагона на нарах устроились мужчины, на другой — женщины, а посередине стояла и сидела вооруженная охрана.

Уже в вагоне я постепенно почувствовал сильное возбуждение, опьянел, перестал себя сдерживать и начал дико ругать охранников, обзывая их палачами, мерзавцами... Более того, как мне потом рассказывали товарищи, я стал нападать на охранников. Меня сдерживали. Что было дальше, я не помню. Товарищи уложили меня спать, и я проспал до самого Ашхабада. Когда меня разбудили, я не помнил, что натворил. Все, о чем я рассказал выше, я узнал от своих товарищей. Это был первый и единственный случай в моей жизни, когда я настолько опьянел, что потерял контроль над собой. Когда нас под конвоем вели по улицам Ашхабада, я был уже трезв.

Нас привели, как и было обещано, в областную Ашхабадскую тюрьму. Тюрьма была большая, одноэтажная, человек на сто, а может, и больше. Расположена она была буквой П. Через единственный вход в центре здания нас провели в правое крыло. Камера, в которую нас поместили, оказалась невдалеке от тюремной уборной, из которой по коридору все время распространялся невероятно тошнотворный запах. Он проникал и в нашу камеру. У меня настолько развита восприимчивость к запахам, что с самого начала я почувствовал себя очень плохо: меня стало мутить, а потом и тошнить...

Наша новая камера во всех отношениях была хуже тех, в которых мы сидели в Кизыл-Арвате и Красноводске. Очень маленькая, сырая и темная, где-то под потолком имела узенькое окошечко, через которое еле-еле пробивался свет. Время было холодное, камера не отапливалась, и мы часто вспоминали нашу «спасительницу» — печку в арестном доме Кизыл-Арвата. В теперешней камере могло поместиться только три железные кровати, а нас было четверо. На одной кровати стали спать я и Сурен. Кровать была настолько узка, что, когда

Сурен лежал на спине, мне приходилось лежать на боку, и наоборот. Мы так к этому приспособились, что даже ночью, во сне, автоматически поворачивались, когда один из нас занимал другое положение. Укрывались шинелью Сурена. Кровати были такой конструкции, что на день их могли складывать, прислоняя к стене, и даже запирать на замок. К счастью, при нас этого не делали. Были даже матрацы, и мы имели возможность днем на них сидеть и лежать. Подушек не было. Между кроватями стоял небольшой деревянный столик.

Ашхабадская областная тюрьма имела то преимущество перед арестными домами, в которых мы сидели ранее, что здесь нас регулярно, один раз в день, выводили на часовые прогулки вместе с уголовниками. Надо сказать, что уголовные арестанты с большим уважением относились к нам, политическим заключенным: они понимали, что мы сидим не за какие-то корыстные дела, а за политические идеи, «за народ», как они говорили.

Надзиратели в Ашхабадской тюрьме были русские. Но на высоких, почти крепостных стенах, окружавших тюрьму, службу несли солдаты англо-индийской армии — сипаи. Когда нас выводили на прогулку, они смотрели на нас с тюремной стены, держа наготове винтовки и пулеметы. Эти солдаты находились в таком напряженном состоянии, будто каждую минуту ожидали от нас какого-то выпада, который вызвал бы необходимость с их стороны открыть огонь. Видимо, им многое наговорили про большевиков. Первый раз в жизни увидел я тогда сипаев. Это были люди великовозрастные — молодых среди них почти не было. Упитанные, даже толстые лица, такими они казались, возможно, оттого, что у них были густые, черные бороды, а на голове — белые чалмы.

В течение своего прогулочного часа мы ходили по двору группами взад и вперед, не обращая внимания на наставленные на нас дула пулеметов и винтовок. В тюрьме был налажен размеренный, строгий порядок. В 8 часов вечера надзиратель запирает камеру и передавал ключи начальнику тюрьмы. До 7 часов утра никто не мог открыть камеру. В углу камеры стояла традиционная параша. Надо сказать, что за все время никто в камере этой парашей не пользовался. Молодые, здоровые люди, мы приучились сдерживать себя. В 7 часов утра дверь камеры открывалась, и нас выпускали в уборную. Туда одновременно выпускали заключенных и из других ка-

мер. Эта уборная, у которой всегда стояла очередь, вычищалась крайне редко, что вызывало страшное зловоние.

* *

*

Находясь в это время — зимой 1918/19 года — в тюрьмах Закаспия, мы живо обсуждали все просачивавшиеся к нам отрывочные сведения о положении дел на воле. Еще в Красноводске мы узнали о капитуляции Турции, а затем Австро-Венгрии и Германии перед Антантой, а потом и об окончании мировой войны в ноябре 1918 года. Большую радость вызвало у нас сообщение, что Ленин от имени Советского правительства объявил об аннулировании Брестского мира: это было блестящим свидетельством гениальности Ленина, его умения предвидеть ход событий. Вынужденный договор, на подписании которого в свое время так настаивал Ленин (одновременно считая его похабным), просуществовал менее года. Он был подписан в марте 1918 года, когда мы были еще очень слабы. Брестский договор дал нам короткую передышку, чтобы собрать силы и организовать Красную Армию. Но Германия потерпела поражение, изменилось и соотношение сил в мире. На примере этого договора Ленин великолепно, наглядно учил всех нас умению использовать в интересах социализма противоречия в лагере противника.

Обсуждая поступившие к нам сообщения о Брестском мире, мы вспоминали, какие по этому поводу горячие споры были годом раньше среди большевиков и насколько политически заблуждались те из них, кто выступал тогда против заключения договора.

Нас очень волновал вопрос и о том, какая обстановка сложилась в Баку после ухода турок и вторичного прихода туда английских оккупационных войск. Но только в январе 1919 года (когда мы уже были в Ашхабаде) нам удалось получить подробную и достоверную информацию об этом от прибывшего из Баку товарища Топуридзе.

Темой наших горячих обсуждений было также положение на фронтах Советской России. Нас радовали сообщения, что войска генерала Краснова, продвигавшиеся к Царицыну, были остановлены у его стен, а затем отброшены и разгромлены. Огорчало сообщение о событиях, происшедших на Волге и на Урале в связи с восстанием чехословацкого корпуса и образованием в Самаре контрреволюционного правительства. Особенно печальными были известия о контррево-

люционных восстаниях в Сибири и на Урале, о захвате колчаковцами многих городов, о восстаниях оренбургского казачества.

* * *

*

С приходом к власти в Закаспии эсеровского правительства жизнь народа не только не улучшилась, как было обещано его главарями, а стала еще хуже. Английские оккупационные власти не очень-то раскошелились на оказание материальной помощи своему «союзнику». Наоборот, они буквально до основания подчистили все склады в Красноводске, где хранились хлопок, кожа, шерсть и другое сырье, предназначенное для вывоза в Советскую Россию. Все это англичане вывезли в персидский порт Энзели.

Генерал Маллесон писал: «...в августе 1918 года я заключил официальный договор, обязавшись от имени моего правительства по мере сил помогать закаспийскому правительству войсками и вооружением, пока оно будет защищаться до последней возможности». Сначала Маллесон послал пулеметный отряд. «Отряд направился к Мерву, — писал он, — и нанес там противнику большие потери. Однако противник, располагая превосходящими силами, продолжал продвижение к Ашхабаду».

Посылка англичанами своих войск из сипаев, в том числе и «доблестного» полка индийской пехоты — 19-го Пенджабского, против Туркестанской красной армии не могла изменить создавшегося положения на фронте. Индийцы неохотно воевали: в самой Индии уже происходили антианглийские выступления.

Положение внутри Закаспия быстро менялось не в пользу контрреволюционного правительства. Эсеры, которым на первых порах удалось увлечь за собой значительную часть рабочих и служащих — под флагом «учредилки» и ложными лозунгами о «демократии», — быстро себя разоблачили. Когда же банда правых эсеров, возглавляемая Фунтиковым и Седых, пришла к власти, она сразу, без суда и следствия, арестовала и расстреляла несколько советских комиссаров и активных деятелей из числа левых эсеров. Сотни других большевиков и левых эсеров были арестованы, большинство из них с помощью англичан выслано в Энзели и Петровск, где тогда господствовала контрреволюционная власть.

В связи с тем что англичане опасались нападения советских войск с моря, главари эсеровского правительства обе-

щали, по словам Маллесона, отвести все паровозы и подвижной состав из Красноводска, дать «возможность минировать красноводский порт, разрушить водокачки и заправочные станции вдоль железной дороги, сделать мосты непроходимыми и в случае необходимости снять на отдельных участках рельсы. Тотчас же английский инженер произвел осмотр всей железнодорожной линии, чтобы можно было разработать план, как помешать противнику использовать железную дорогу при наступлении».

Финансовое хозяйство Закаспийской области находилось в хаотичном состоянии. Жалование солдатом и служащим систематически задерживалось. Население, в особенности сельское туркменское, всячески уклонялось от уплаты налогов. Недовольство среди населения все усиливалось. Чашу терпения переполнил приказ правительства о новой мобилизации на фронт. Эсеровские руководители, оторвавшиеся от масс, считая, что они еще пользуются каким-то влиянием, решили созвать митинг в железнодорожном депо Ашхабада, рассчитывая получить поддержку в вопросе о мобилизации. На этом митинге, который состоялся в первых числах января 1919 года (на нем активно выступали железнодорожные рабочие-коммунисты, находившиеся в подполье), большинство высказалось против дополнительной мобилизации и отказало правительству в поддержке. Увидев, к чему идет дело, английские оккупанты не стали дожидаться окончания митинга, а ввели в депо свои войска и разогнали митинг. Если раньше английские оккупанты старались орудовать за спиной закаспийского правительства, то после победы в мировой войне они обнаглели и стали открыто распорядиться судьбой народа Закаспийской области.

Вскоре после того, как нас перевели в Ашхабадскую тюрьму, из разговоров с другими заключенными, а также из местных газет (которые все же попадали к нам) мы узнали, что в Ашхабаде произошел государственный переворот.

Областное правительство, состоявшее из двенадцати управляющих — правых эсеров и кадетствующих элементов, было свергнуто. Фунтиков, Седых и еще несколько членом этого правительства очутились в тюрьме. Все это было сделано английским экспедиционным командованием. Даже правительство Фунтикова теперь уже не устраивало англичан: не все члены этого правительства были согласны на отторжение Закаспия и Средней Азии от России и образование некоего самостоятельного государства, находящегося под прямым протек-

торатом Англии. Этот замысел был частью общего англо-американо-франко-японского плана расчленения России.

Вместо правительства Фунтикова была учреждена так называемая Директория. Во главе Директории, которую именовали также «Комитетом общественного спасения», первоначально был поставлен генерал Крутен, а через несколько дней — непосредственный палач бакинских комиссаров Семен Дружкин. Это был старый английский агент. В Директорию, состоявшую из шести человек, было введено два туркмена из числа реакционных баев. Характерно, что англичане отвели кандидатуру одного бая, предложенную туркменскими вожаками, и вместо него назначили Ораз-Сердара, который командовал туркменскими и другими частями, боровшимися против туркестанских большевиков. Этот Сердар был, по-видимому, подкуплен англичанами.

Большинство арестованных членов старого эсеровского правительства во главе с Фунтиковым и Седых было посажено не в нашу тюрьму, а в арестный дом Ашхабада.

Алания, который арестовывал нас в Красноводске, к тому времени получил повышение: как доверенное лицо англичан его назначили начальником Ашхабадской городской милиции. Именно ему был поручен арест бывших руководителей закаспийского правительства (Фунтикова и других), что он и выполнил 15 января 1919 года. Как стало известно впоследствии, арестованные члены закаспийского правительства, находившиеся в Ашхабадском арестном доме, числились не за местной Директорией, а за английским командованием.

Через некоторое время в тюрьму привели арестованного полковника, начальника штаба закаспийских войск. Его поместили в камеру рядом с нами. Это была самая маленькая, темная, сырая камера.

Как-то в нашей камере появился в сопровождении охраны и еще каких-то неизвестных нам лиц глава Директории Дружкин. Мы спросили его, почему нас продолжают держать в тюрьме, какие обвинения нам предъявляются. «Когда вы нас освободите?» — прямо спросил Сурен Шаумян. Дружкин ответил на это: «Мы держим вас как заложников. Если большевики в Ташкенте расстреляют задержанных ими правых эсеров, то мы расстреляем вас».

* * *

*

Мы жили в камере очень дружно. Еда была скудная: мы уже не имели тех передач, которые получали в арестных до-

мах. Утром и вечером нам давали кашу из какой-то крупы, а в обед — суп, сваренный из ног и голов скота. Мы называли его супом «из ножек и рожек». Что это был за суп, было ясно хотя бы из того, что на костях мы иногда находили отдельные жилки, но мяса не видели ни разу. Впоследствии мы узнали, что разносившие пищу уголовники-персы грязными руками вылавливали из супа кости, сдирали с них крохи мяса и лишь после этого приносили суп в камеры. Это рассказали нам другие уголовники. Кашу, как и суп, нам приносили в одном железном бачке на четверых. Мисок не давали. Утром, в обед и вечером приносили еще чайник с кипятком и немного кишмиша. Хлеб давали три раза в день, но в ограниченном количестве: нам его постоянно не хватало.

Как-то совершенно неожиданно в нашей камере произошел скандал. Мы с Суреном молча сидели на своей кровати, а Арменак и Самсон Канделаки о чем-то спорили. Сначала спор шел спокойно, но потом голоса стали повышаться. Особенно горячился Арменак. Началась драка. Я встал между дерущимися, чтобы разнять их, и получилось так, что они попадали кулаками больше по мне, чем друг по другу. Тем не менее нам с Суреном удалось их разнять. Шум услышал надзиратель и позвал начальника тюрьмы. Тот пришел в нашу камеру и спросил: «Что здесь происходит, господа?» Я ответил: «Был шумный спор и больше ничего. Оснований для вашего вмешательства нет». Однако надзиратель все-таки подтвердил, что помимо шума у нас была и драка. Тогда начальник тюрьмы вновь обратился к нам и категорически потребовал: «Кто виновник этой драки? Мы должны перевести его в другую камеру». Я не знал, кто в действительности затеял драку. Однако Самсона я знал как очень выдержанного человека, а Арменак был очень задирист и вполне мог первым начать драку. Поэтому, видя безвыходность положения и понимая, что все равно с кем-то из них двоих нам придется расстаться, я сказал, что в другую камеру следует перевести Арменака. Тот молча, не простившись с нами, видимо обидевшись, вышел из камеры. Когда все успокоилось, Самсон рассказал, что причиной драки был пустяковый спор, возникший из-за горячности Арменака.

Я и раньше слышал от других арестантов, бывалых людей, о том, что, когда люди длительное время сидят друг с другом в одной камере, между ними нередко возникают ссоры, споры,

и в результате даже у хороших друзей портятся отношения. За время нашего пребывания в тюрьмах рассказанный случай был единственным.

Между мной, Самсоном Канделаки,левой и Суреном Шаумянами никогда не возникало никаких споров, никто из нас ни разу не повысил на другого голос.

Очень приятный человек был Самсон Канделаки. Он и по возрасту и по стажу пребывания в партии был старше меня. Коренастый, но не полный, спокойный, без обычной кавказской горячности, хотя, если его выводили из равновесия, он мог проявить свой «кавказский характер», как это и было в случае с Арменаком, он рассказывал нам много интересных эпизодов из своей жизни. Мы с любопытством слушали его как более опытного, старшего товарища. Он не был многоречив, понимал юмор и сам им нередко пользовался. Не обижался, когда кто-нибудь из нас дружески подшучивал над ним. И мы не обижались на него.

В один из вечеров мы сидели каждый на своей койке и о чем-то думали. Я вспоминал о своей невесте, думал, где она, чем занимается в настоящее время, как пережила известие о нашей гибели.

Я невольно задумался, а потом поглядел на Самсона и, не помню уж почему, но мне вдруг пришла в голову озорная мысль пошутить. Я сказал: «Самсон, я, конечно, понимаю, в каком трудном положении ты находишься. Твоя жена осталась в Баку, а ты здесь, в тюрьме. Скоро уже пять месяцев, как она не получает от тебя никаких известий. Несомненно, она считает тебя, как и других наших товарищей, погибшим. При этих условиях ждать тебя она вряд ли станет». Самсон понял, что я шучу, посмотрел на меня и, добродушно улыбаясь, спокойно сказал: «Ты зря все это, Анастас. К нам с женой это не имеет отношения. Мы живем очень хорошо вот уже 14 лет, она меня любит, у нас двое детей, она мне будет верна и будет ждать моего возвращения». Я продолжал шутить: «Ну что же, успокаивай себя, раз тебе это приятно. Мое положение в этом отношении куда лучше твоего. Я холостой человек, совершенно свободный».

Разве я мог предположить тогда, что очень скоро пожалею об этой своей шутке. А случилось следующее.

Вскоре нас освободили, мы вернулись в Баку, и я приступил к партийной работе. Прошел день-два, а Самсона не было видно. Он не появлялся, что вообще не было на него похоже. Я решил, что, по-видимому, с ним что-то случилось, и попро-

сил товарищей разыскать его. В первый день найти его не удалось. Только на третий день его нашли в каком-то грузинском ресторане в пьяном виде. Он пришел ко мне на конспиративную квартиру. Вид у него был ужасный. Небритый, невыспавшийся, с красными, воспаленными глазами, угрюмый. Не зная еще, в чем дело, я резко сказал ему: «Самсон, я не понимаю тебя! Что ты за человек, какой у тебя вид! Я всегда был о тебе самого хорошего мнения. А ты, оказывается, алкоголик, а не революционер». Самсон огрызнулся: «Не говори про меня таких глупостей!» «Тогда в чем же дело? — говорю я. — Объясни, что случилось?» «Ты понимаешь, — ответил Самсон, — иду к себе на квартиру, поднимаюсь на балкон и вижу через окно свою жену, сидящую рядом с каким-то неизвестным мне мужчиной. Захожу в комнату, жена, растерянная, вскакивает. Видя ее очень смущенной и растерянной, спрашиваю, что здесь происходит: кто этот мужчина? Жена с плачем отвечает, что считала меня погибшим. «У нас, — говорит она, — двое детей. Как я их могла содержать одна? Встретился вот этот добрый человек. Он помогает мне их прокормить. Если бы я хоть на минуту могла представить, что ты жив, я бы никогда никого не допустила. Все говорили, что вы расстреляны». «Я, — продолжал Самсон, — слова не сказал, даже с детьми не поздоровался, хлопнул дверью, ушел из дома ипил, чтобы забыть свое горе. Вот уже три дня, как я в таком положении. Днюю и ночью в ресторане, у знакомого грузина. Я теперь не могу появиться дома, хотя и очень люблю детей. Моя семейная жизнь разбита».

Я сразу же вспомнил свой разговор с ним в тюрьме и только тогда по-настоящему понял, как глупо, необдуманно и жестоко поступил с товарищем. До сих пор не могу простить себе этот мальчишеский поступок!

Я стал успокаивать Самсона, но, поняв, что у меня ничего из этого не получается, сказал ему: «Знаешь что, Самсон! Если уже так получилось, единственное средство: тебе нужно с головой уйти в работу, а все остальное забыть. Иначе ты можешь спиться, станешь алкоголиком и будешь потерянним человеком для партии». На это Самсон заявил, что в Баку он работать не может: здесь рядом его дети и изменившая ему жена. Тогда, желая во что бы то ни стало помочь Самсону, я сказал: «Понимаю, тогда поезжай в Ленкорань». Дело в том, что коммунисты Ленкорани, опираясь на поддержку азербайджанских и русских крестьян, вели тогда борьбу за захват власти в свои руки. Чтобы упрочить эту власть, они

очень нуждались в крепких руководящих кадрах. Все это я объяснил Самсону. «Вот ты и поезжай туда, — сказал я ему. — Работы хватит тебе там по горло. Человек ты храбрый, а мужество там необходимо». Самсон посмотрел на меня, лицо его как-то сразу преобразилось, и он ответил: «Хорошо, я согласен». «Ну, вот и отлично. Завтра мы тебя и отправим на лодке, — сказал я. — Ложись здесь у меня, засни, а утром поедешь»...

В Ленкорани вскоре образовалась Советская республика. Мы считали, что это наш оплот на Побережье и с наступлением навигации советский флот сумеет подойти туда из Астрахани и высадит войска. Но время шло, а никакой высадки воинских частей не произошло. Силы оказались неравными. Продержавшись несколько месяцев в окружении белогвардейских и мусаватских контрреволюционных банд, Советская власть в Ленкорани пала. Самсон Канделаки к тому времени стал уже одним из видных руководящих деятелей Ленкоранской республики. Вместе с рядом других коммунистов республики он погиб смертью храбрых от рук контрреволюционеров...

* *
*

За время пребывания в тюрьме в нашей камере побывали люди разных характеров. Одни оставили по себе добрую память, о других и вспоминать не хочется.

Но на всю жизнь я сохраняю светлые воспоминания о детях моего друга Шаумяна.

Разместившись на одной узкой железной кровати вместе с Суреном Шаумяном, я часто думал, какой это замечательный парень! Молодой по возрасту, он был таким взрослым по поведению. Как мужественно перенес он известие о смерти любимого отца, великого революционера! Несмотря на молодость, он проявил исключительное мужество, умение владеть собой, не проронил ни одной слезы. Вспоминал я и ту ночь, когда нас везли по тем же местам, что и бакинских комиссаров, и мы думали, что нас тоже везут на расстрел. Мы лежали рядом на сыром полу вагона. Сурен и Лева были готовы разделить участь своего отца: спокойствие не покидало их. Все лишения тюремной жизни они переносили с большим достоинством, не хныкали, не жаловались.

В отношениях с товарищами старший из братьев — Сурен — вел себя как равный с равными и вызывал с их стороны

уважение и любовь. Сурен не только по внешности был похож на своего отца. Мужественное спокойствие и удивительное самообладание не покидали его даже в самые сложные и напряженные минуты. Они были не просто чертой его характера, а его природой.

Еще 15-летним школьником, вскоре после возвращения Джапаридзе с VI съезда партии, Сурен активно участвовал в организации при Бакинском комитете партии первого в Баку Союза учащейся молодежи с коммунистическим направлением.

За несколько месяцев до того, как мы попали в тюрьму, Сурен уже выполнял важные партийные поручения, которые ему давал отец. По его поручению Сурен в июне 1918 года ездил с ответственными документами — через Астрахань и Царицын — в Москву к В. И. Ленину. При разрушенном транспорте, при подстерегающей на каждом шагу опасности такое путешествие было проявлением настоящего мужества.

Сурен всегда восторженно рассказывал о своей незабываемой встрече с В. И. Лениным.

Ленин принял Сурена, вручившего ему письмо от С. Г. Шаумяна, в своем служебном кабинете в Кремле, подробно расспрашивал его о положении в Баку и тут же отдал распоряжение военному ведомству о выделении для Баку некоторого количества оружия и боеприпасов, столь необходимых для обороны города от наседавших полчищ империалистов.

Сурен рассказывал, что, когда кончилась деловая, официальная часть беседы, Владимир Ильич спросил его, сколько ему лет. И когда Сурен ответил, что ему шестнадцать, Владимир Ильич улыбнулся и сказал одному из товарищей (кажется, В. Д. Бонч-Бруевичу), присутствовавшему при беседе: «Вы видите, какие дети уже есть у нашей революции! У нас скоро будут и такие внуки!»

С поручениями от отца Сурен на обратном пути из Москвы посетил в Царицыне Сталина, через которого Бакинский Совнарком поддерживал связь с правительством РСФСР. Сурен и сопровождавшие его товарищи, среди которых были Артак, Маро Туманян, Лева и другие, прибыли в Баку с полученным оружием и боеприпасами за несколько дней до временного падения в городе Советской власти.

Очень теплые воспоминания о Сурене Шаумяне хранил Артем Иванович Микоян, который во время военной службы в 20-х годах был комсоргом в Орловской пехотной школе

имени М. В. Фрунзе, где Сурен был начальником. Большой любовью и уважением пользовался Сурен у курсантов и командиров.

Очень тепло относился к Сурену Серго Орджоникидзе. Серго приезжал в Баку в 1911 году. Наша партия была тогда на нелегальном положении. Серго зашел к Степану Шаумяну домой за какими-то важными партийными документами. Степан позвал Сурена и поручил ему принести эти бумаги. Сурен пошел куда-то за дом, откопал спрятанные в землю бумаги и принес их отцу. «Этот девятилетний мальчик уже тогда был революционным конспиратором», — закончил Серго свой рассказ.

Глубокая идейность, духовная ясность, твердая, непримиримая принципиальность сочеталась у Сурена Шаумяна с исключительной отзывчивостью и добротой ко всем товарищам, которые нуждались в его поддержке.

До сих пор живет в моей памяти и его приятный голос, его речь со свойственным ему мягким юмором. Он обладал незаурядным умом, деловитостью и выдающимися организаторскими способностями. Эти его качества все больше и больше раскрывались на военном поприще, на которое он вступил в гражданскую войну. Проявив особую изобретательность, он сумел весной 1919 года, после освобождения из тюрьмы, добраться до Москвы.

Чтобы пробраться из меньшевистского порта Потти в советский Крым, а оттуда в Москву, Сурену пришлось сначала побывать в Турции. Под видом компаньона одного «купца» он вместе с этим «купцом» направился на утлом суденышке якобы в Стамбул для продажи бензина, который на самом деле они должны были доставить по поручению большевиков Кавказа в Крым для Красной Армии.

В море на их судне испортился мотор, и они, подняв парус и в большой шторм, с трудом добрались до турецкого порта Синопа. Починив мотор, пересекли Черное море, направляясь в Севастополь. Но Севастополь был уже занят белыми.

Тогда они повернули на Евпаторию, но и там оказались белые. Продолжая маскироваться под купцов, они сошли на берег. Находясь среди белых офицеров, Сурен талантливо разыгрывал из себя коммерсанта-антибольшевика. Потом он сумел проехать в Харьков, занятый белыми, а потом в Белгород. Здесь он купил погоны подпоручика и уже под видом белого офицера направился в сторону фронта. Для солидности он все это время не брился и отпустил бороду.

Сурену удалось благополучно пересечь линию фронта, спрятавшись в возе сена, а затем через несколько дней он оказался в Москве. Правда, вся эта эпопея заняла немало времени: из Поти Сурен выехал 9 мая, а в Москву прибыл только 16 сентября 1919 года.

Свои воспоминания об этом путешествии Сурен очень живо и ярко описал в небольшой книге, изданной в 1930 году «Молодой гвардией», под названием «Большевицкая контрабанда». Эту книгу я недавно вновь прочитал и должен сказать, что она и сегодня представляет большой интерес, в особенности для молодежи.

В Москве Сурен поступил учиться в военную академию, по окончании которой занял должность начальника штаба Азербайджанской дивизии. Командиром этой дивизии был старый, кадровый офицер русской армии Джамшид Нахичеванский, с которым Сурен находился в самых лучших, дружеских, доверительных отношениях.

Потом Сурен стал начальником уже упоминавшейся мною Орловской пехотной школы, вскоре по его же инициативе реорганизованной в первое в СССР танковое училище. Затем Сурен был выдвинут на должность начальника бронетанковых войск Белорусского, а потом Ленинградского военных округов, имевших в то время особо важное стратегическое значение. Он стал одним из выдающихся всеначальников в молодых бронетанковых силах Красной Армии.

Комбриг Сурен Шаумян умер после тяжелой болезни в 1936 году, в возрасте 34 лет.

Сурен — древнеармянское имя и означает полководец. Оно как нельзя больше подходило нашему Сурену.

* *
*

В Ашхабадской областной тюрьме заболевание моих десен сильно обострилось: сказалось отсутствие в пищевом рационе овощей и фруктов.

Самсон предложил потребовать от начальства, чтобы меня немедленно перевели в больницу. Через день наше требование выполнили, и я оказался в областной больнице.

Больничное арестантское отделение не походило на тюрьму. Это была обычная больничная палата, относительно чистая, светлая, теплая, только с решетками на окнах. Уже одно то, что я переменял место, было для меня облегчением. А главное, впервые за много месяцев я с мылом вымылся в

ванне, снял свое грязное белье, надел чистое, больничное. Мое обмундирование взяли для дезинфекции.

Внимательно осмотрев меня, больничный врач без всяких колебаний установил, что у меня цинга.

Тут я узнал, что в больнице, где я находился, в общем отделении лежит Лева Шаумян. Охрана тюремной части больницы состояла из вполне приличных людей (среди которых были и беженцы из Баку). Они излишне меня не стесняли и даже разрешили в их сопровождении навестить Леву.

Я нашел Леву в бодром настроении. Он был окружен теплой заботой врачей и медицинских сестер, его там полюбили и делали все возможное для его скорейшего выздоровления. Особенно большую роль в этом сыграл бакинский врач Петросян, которого спустя четыре десятка лет я встретил в Ереване, где он был уже профессором и директором ортопедического института. В ту пору он сделал Лева несколько операций, ликвидировал начавшуюся гангрену и добился того, что надобность в ампутации ноги у Левы тогда отпала. Через некоторое время раны на ноге стали заживать, и он начал ходить на костылях.

Нашей радости от встречи не было конца. Лева рассказал мне, что, когда нас перевозили из Кизыл-Арвата в Ашхабад, в том же поезде, но в другом вагоне везли и его в областную Ашхабадскую больницу. От него я узнал также, что в Ашхабад из Кизыл-Арвата приехал и Артак Стамбольцян, что он уже навещал Леву в больнице и приносил ему еду.

Через день-два Артак появился в больнице и попросил свидания со мной. Свидание нам разрешили. Мы долго беседовали. Артак рассказал мне, как он пробрался из Астрахани в Красноводск, оттуда в Кизыл-Арват, а теперь приехал в Ашхабад, узнав, что нас перевели сюда. Жил он на случайные заработки, никаких связей с Баку не имел. От него я узнал все новости, которые были известны в Ашхабаде или сообщались в местной желтой прессе. Больше всего меня интересовали попадавшие в Ашхабад сведения о положении в Баку, на Кавказе, а также дела в Советской Туркестанской Республике и Закаспии.

Через несколько дней после первой встречи Артак пришел уже вместе с Топуридзе, работником Бакинского комитета партии, которого я хорошо знал. Это был замечательный конспиративный работник нашей организации, умевший отлично организовывать сложную технику партийного дела, налаживать связи, места явок, доставлять нелегальную лите-

ратуру и выполнять другие, по тому времени очень важные задания партии. В Ашхабад он приехал по поручению уже восстановленного Бакинского комитета партии для того, чтобы выяснить, в каком положении мы находимся. Он передал мне поручение Бакинского комитета осуществить побег из тюрьмы и пробраться в Баку. От него я узнал, что рабочие Баку резко полевели, что в массе своей они сочувствуют большевикам, однако опытных партийных руководящих работников в Баку было тогда очень мало. Поэтому во главе рабочих организаций по-прежнему находились меньшевистские лидеры.

Топуридзе привез нам от Бакинского комитета партии 30 тысяч рублей для поддержки арестованных товарищей и организации нашего побега. С ним и Артаком мы подробно обсудили план оказания помощи находящимся в тюрьме мужчинам и женщинам. Топуридзе передал мне также большое количество бакинских газет и листовок, которых мне так не доставало. После его ухода я с жадностью набросился на эти газеты.

Судя по всему, было ясно, что если в первый раз англичане прибыли в Баку как «приглашенные» и верховодили всеми делами за спиной «Диктатуры Центрокаспия», открыто и непосредственно не вмешиваясь во внутренние дела, то во второй раз они вступили в Баку уже как настоящие оккупанты-победители. В этом отношении характерна первая же «Прокламация» командующего войсками генерала В. М. Томсона, с которой он выступил 17 ноября 1918 года — в день вступления в Баку английских войск, прибывших на кораблях из персидского порта Энзели.

В этой «Прокламации» генерал Томсон пытался вновь всячески замаскировать захватнический характер вторжения английских войск на территорию Баку. Стремясь выглядеть этаким гуманным «спасителем» русского Кавказа, он, оккупируя Баку, ссылается и на полученное от «нового русского правительства» согласие (то есть, надо полагать, марионеточного правительства белогвардейца Деникина) и даже на согласие... Турции, хотя всему миру было хорошо известно, что никаких юридических прав на Баку Турция никогда не имела.

Считаю небезынтересным привести здесь текст этой вероломной и фальшивой «Прокламации» Томсона, рассчитанной, как нетрудно увидеть, на легковых обывателей.

Вот что писал тогда этот генерал:

«Вступая в Баку в качестве представителя союзных держав, объявляю во всеобщее сведение нижеследующее:

От имени союзников Баку занимается великобританскими войсками. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов, и мы здесь находимся с ведома и полного согласия нового русского правительства. На занятие нами Баку Турцией дано согласие в заключенном ею перемирии.

В момент торжества мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годы мировой войны. Союзники не могут возвратиться к себе домой, прежде чем они не восстановят порядок в России и доставят ей возможность занять свое место в ряду других народностей мира.

На Кавказе еще не спокойно: мой долг — внести успокоение в Бакинском районе. Существующее разложение является всецело работой наших врагов...

Не может быть вопроса о том, что союзники не имеют намерения оставить за собой ни одной пяди русской территории. В этом они торжественно обязались перед русским народом.

Равным образом внутреннее управление страной или любой частью ее — дело исключительно русского народа, в которое союзники ни в каком случае вмешиваться не будут. Мы приходим к вам с одной лишь целью: водворить порядок, удалив германские и турецкие центры брожения, препятствующие восстановлению законности и порядка. Наши отношения ко всем народностям и всем вероисповеданиям будут совершенно одинаковы. Мною будут временно учреждены местные и городские администрации, причем наши старания будут всецело обращены на восстановление закона и порядка. В этом деле я с уверенностью надеюсь на поддержку сознательного большинства граждан, предлагая им возвратиться к своим обязанностям и исполнить свой долг как граждан для поддержания общественного порядка. Со своей стороны издаваемые мною приказы будут как можно менее обременительны для населения.

Полагаясь на содействие всех умеренных и сознательных граждан гор. Баку, я надеюсь легко и быстро совладать с возложенной на меня и на вверенные мне войска задачей, дабы мы могли вскоре возвратиться к себе на родину, в сознании того, что мы помогли России воспользоваться плодами победы над общими нашими врагами.

Немедленно вводятся нижеследующие необходимые меры:

1. Лица, проживающие в городе и находящиеся вследствие этого под охраной войска, обязаны сдать властям все имеющиеся у них винтовки и револьверы в места и сроки, о которых будет объявлено своевременно.

2. За выдачу властям турецких или германских подданных, оказавшихся в районе города после очистки такового турецкими войсками, будет выдана награда.

3. В городе вводится военное положение, которое остается в силе до того момента, когда гражданская власть окажется настолько сильной, чтобы освободить войска от ответственности за поддержание общественного порядка».

Как видно из этой «Прокламации», генерал Томсон не посчитал даже нужным сказать, на основании каких законов и норм международного права он, придя на чужую территорию, стал здесь командовать и вместо существующей местной администрации назначил свою (пускай даже и «временно»).

Ведь он не мог не знать, что в Баку в то время существовало национальное буржуазное правительство и городские власти. Английский генерал полностью все это игнорировал, а мусаватистское правительство Ханхойского, привыкшее подчиняться турецким захватчикам, на этот раз не возражало против самоуправства и английских оккупантов, всячески перед ними пресмыкаясь.

О том, насколько «не обременительны» для местного населения были последующие приказы английских властей, свидетельствует тот «порядок», который был установлен генералом Томсоном в оккупированном Баку.

За несдачу оружия в трехдневный срок виновные, как указывалось в приказах Томсона, подвергались: «а) телесным наказаниям; б) тюремному заключению; в) денежным штрафам или комбинацией вышеуказанных наказаний».

Далее, объявлял в своих приказах Томсон, «собрания, для каких бы то ни было целей., в которых будут участвовать более 10 лиц, запрещаются без выданного на сие письменного разрешения. Это относится также к уличным скопищам, которые безусловно запрещаются». Лица, виновные в нарушении установленных правил, подлежали немедленно самому суровому наказанию. Такому наказанию должен быть подвергнут «всякий стачечник, или бунтовщик, или лицо, подстрекающее к стачке или волнению».

Более того, генерал объявил: «всякое лицо, выполняющее то, что я сочту идущим в ущерб порядку, спокойствию или безопасности граждан», подлежит такому же наказанию, а «более серьезные преступления будут разбираться лицом, уполномоченным мною приводить в исполнение немедленные суровые наказания, или специальным судом, уполномоченным выносить смертный приговор...»

Вот где генерал Томсон показал истинное лицо колониального жандарма. Не выдержав даже и двух дней своего пребывания в Баку, нарушив все свои обещания не вмешиваться во внутренние дела, Томсон выступил в местной газете с призывом к борьбе с большевиками. «Я призываю вас... — писал он, — боритесь с большевизмом во всех его видах... Союзники — враги большевизма!»

Все эти «порядки», «угрозы» и «призывы» дали бакинским рабочим реальную возможность воочию убедиться, что представляет собой на деле «цивилизованная» Англия, на своей спине почувствовать жестокий колониальный режим полнейшего произвола и бесправия.

Бакинский пролетариат, имевший славные революционные традиции, опыт многих экономических и политических стачек, создания собственных рабочих организаций на промыслах, не раз проводивший массовые собрания и демонстрации даже в худшие времена царского самодержавия, теперь, с приходом англичан, впервые был поставлен в такие условия, когда даже десяток рабочих не мог собраться и обсудить свои дела без специального на то разрешения.

Поэтому объявленные англичанами правила сразу же восстановили против них весь бакинский пролетариат. Несмотря на установленные драконовские меры, рабочие Баку продолжали собираться на своих предприятиях и обсуждать создавшееся положение. Оккупационные власти стали арестовывать многих из них за устройство собраний или участие в их проведении. Это еще больше подливало масла в огонь и озлобляло рабочих против захватчиков.

В декабре 1918 года оккупанты для устрашения населения установили на центральной площади Баку виселицы. В середине декабря в тюрьмы была брошена большая группа известных рабочих — профсоюзных и политических деятелей.

Собравшаяся рабочая конференция представителей фабзавкомов постановила начать всеобщую политическую забастовку протеста. 24 декабря забастовка охватила рабочих нефтяных промыслов, нефтеперегонных заводов и многих других предприятий.

Ни мусаватистское правительство, ни английское оккупационное командование не ожидали столь решительных действий со стороны бакинского пролетариата: они считали, что, потеряв своих испытанных вождей, бакинские рабочие будут пассивны и не способны на такие действия.

Забастовка, приняв боевой характер, усиливаясь и разрастаясь, продолжалась более четырех дней. Английское командование было вынуждено пойти на попятную — вернуть отпавших в Энзели деятелей рабочего движения, освободить из бакинских тюрем политических заключенных, а также не мешать проведению рабочих собраний. Характерно, что среди арестованных были в основном стоявшие тогда во главе рабочих организаций эсеры и меньшевики, то есть представители тех партий, которые всего лишь три-четыре месяца назад приглашали англичан в Баку как «спасителей»! Из большевиков среди арестованных оказались молодой профсоюзный деятель Левон Мирзоян, несколько более старший по возрасту рабочий Анашкин и еще несколько человек.

Победа, достигнутая в результате всеобщей политической забастовки, вдохновила рабочие массы, вселила в них веру в свои силы. Рабочие фактически отвоевали свободу собраний и право деятельности своих организаций. В результате забастовки рабочая конференция приобрела большой политический авторитет и стала постоянно действующим представительным органом рабочего класса в Баку, с которым не могли не считаться английское командование и азербайджанское буржуазное правительство.

Сразу после прихода в Баку англичане наложили лапу и на все морские суда, объявив, что «временно все торговые суда Каспийского моря и их экипаж поступают в распоряжение британского военного командования». Они объявили также, что главное богатство Азербайджана — нефть — тоже находится «в ведении английского командования». Была назначена британская администрация по нефти.

Все это нам рассказал Топуридзе, а многое мы прочли и в газетах, которые он нам привез. От Топуридзе мы узнали также, что бакинские коммунисты выдвинули перед рабочей конференцией требование об освобождении из Закаспийской тюрьмы членов семей погибших бакинских комиссаров и всех заключенных там бакинских большевиков. Рабочая конференция в свою очередь выдвинула это требование перед английским командованием.

* *
*

Когда тюремная охрана присмотрелась и привыкла ко мне, один из охранников, очевидно проникнувшись ко мне особым доверием, как-то заявил, что он коммунист. Это был латыш Отто Лидак. Оказалось, что, будучи в составе Красной Армии, в каком-то сражении на фронте он попал в плен к белогвардейцам. Не зная, что он коммунист, его взяли здесь для несения гарнизонной службы — и вот он стал охранником. С ясным, подкупающим своей честностью взглядом синих глаз Лидак сразу располагал к себе. Когда уже много позднее мы оказались в Баку, ему тоже удалось вырваться из Закаспия и приехать к нам. Он сразу зашел ко мне. Поскольку у него был некоторый военный опыт, а коммунист он был надежный, я предложил ему тогда поехать в Ленкоранскую республику, объяснив всю сложность и опасность сложившейся там обстановки. Он без колебания согласился. Потом стало известно, что его избрали секретарем Ленко-

ранского горкома партии. После падения в Ленкорани Советской власти ему с группой товарищей удалось на маленьком суденышке прорваться к закаспийскому берегу, значительно южнее Красноводска, и через туркменские пустыни пробраться до передовых частей Красной Армии, которые к тому времени заняли Небит-Даг и рвались к Красноводску (с его захватом Закаспийская область полностью очищалась от контрреволюции). Позже, когда мы вновь встретились с Лидаком, он подробно рассказал мне об обстоятельствах падения Ленкоранской республики и о том, как ему и его товарищам удалось спастись.

А пока, в тюрьме, сообщение Лидака очень меня обрадовало. Я стал его расспрашивать о том, какие коммунистические организации есть в Ашхабаде и имеет ли он с ними связь. Он сказал, что о таких организациях ему ничего не известно. Тогда я попросил его, а также Артака и Топуридзе во что бы то ни стало нащупать связи с подпольными коммунистическими организациями Ашхабада, потому что я не допускал мысли, чтобы таких организаций в Ашхабаде не было.

Вот что писал по этому поводу в 1926 году в своих воспоминаниях Артак:

«...Микоян решил собрать ашхабадскую организацию. Первое организационное собрание он поручил провести одному товарищу по имени Отто Лидак, который впоследствии был одним из организаторов и участников ленкоранского восстания в 1919 году. Мне было поручено держать связь между организацией и Микояном. Мне довелось быть на первом организационном собрании в колбасной мастерской одного из наших товарищей, который впоследствии в Баку был активным клубным работником. К сожалению, ашхабадские товарищи не смогли развить работу, так как организация была провалена».

Я решил выполнить указание Бакинского комитета партии и осуществить свой побег. Из тюрьмы такой побег был невозможен. В больнице среди охранников кроме Лидака оказался еще один солдат-армянин, который служил в тех частях, где я был комиссаром. Он меня узнал и относился ко мне хорошо.

В одно из дежурств Отто Лидака я попросил у него разрешения пойти без охраны в городскую библиотеку, чтобы найти нужные мне книги. Лидак согласился: конечно, это было очень большим риском с его стороны, хотя я обещал ему не убегать, а вернуться в больницу. Он мне поверил.

Пришел я в библиотеку, стал выбирать книги. К своему удивлению и большой радости, я случайно нашел две книги: одну — «Процесс 193-х» (революционеров-народников; про-

цесс этот состоялся в 1878 году) и другую — о суде, связанном с убийством Александра II (1 марта 1881 года). Обе книги представляли собой официальные записи судебных процессов: чтение этих записей, особенно о процессе над цареубийцами, произвело на меня потрясающее впечатление. Я и раньше слышал и читал о Желябове, Кибальчиче и Перовской. Но о том, как мужественно и поистине героически вели они себя на суде, я не знал. А тут даже при чтении сухих и косноязычных записей царских чиновников, к тому же нередко явно извращавших существо дела в угоду царскому «правосудию», перед моим мысленным взором во весь рост встали благородные образы этих революционеров, подлинных исполинов мужества, революционной страсти и бесконечной веры в дело освобождения народа, за которое они без малейших сомнений и колебаний шли на смерть с гордо поднятой головой.

До глубины души я был поражен и восхищен героическим благородством Желябова, который не только вел себя непоколебимо на процессе, но и попал-то на этот суд по своей собственной воле. Дело в том, что Желябов был арестован за несколько дней до убийства царя, вне всякой связи с этим делом. Но, узнав о том, что над непосредственным исполнителем террористического акта предстоит суд, несомненно сулящий ему смертную казнь, Желябов обратился к прокурору с требованием «приобщения его, Желябова, к делу 1 марта». Он высказал при этом свою полную солидарность с цареубийцами, заявляя, что он и до этого покушался на жизнь царя и не был со своими товарищами 1 марта лишь «по глупой случайности». Потому, писал Желябов, он опасается, что за недостатком формальных улик против него суд не привлечет его, ветерана революции, к ответственности по этому делу.

С точки зрения революционной целесообразности такой поступок Желябова может показаться безрассудным. Но он считал, что не может поступить иначе: ведь в противном случае был бы осужден юноша, фактически выполнявший его, Желябова, поручение, данное ему от имени партии «Народная воля», а он, Желябов, организатор покушения на царя, остался бы в стороне от судебного процесса, на котором к тому же он мог лучше других отстоять линию своей партии.

Сейчас и для школьника ясно, что народники шли к достижению своей великой революционной цели — освобожде-

нию народа — ошибочным путем, путем индивидуального террора. Но величие их душ, всеобъемлющее чувство боевого товарищества, высокая идейность, готовность отдать всего себя делу революции, принести себя в жертву ради достижения великой цели, которой они служили, не могли не вызвать у меня чувства преклонения перед ними.

Я долго находился под впечатлением этой книги. Мне казалось, что именно таких революционеров, но, конечно, лишенных утопических иллюзий народничества, а вооруженных марксистскими принципами, имел в виду Ленин, когда в своей работе «Что делать?» писал знаменательные слова: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» Эта ленинская мечта и сбылась: выпестованная им партия российских революционеров совершила Великую Октябрьскую революцию.

Вспоминая Шаумяна и других павших бакинских товарищей, я думал, что они и есть современные Желябовы, которые познали законы общественного развития, открытые Марксом и Энгельсом, и вооружились ленинской революционной теорией борьбы за коммунизм.

Попутно хочется заметить, что и художественный фильм «Софья Перовская», и спектакль «Народовольцы» в театре «Современник», на мой взгляд, правдиво и эмоционально-впечатляюще воссоздают образы революционеров-народников. Эти образы живы в моей памяти с юности. Тогда я был молод; к тому же нельзя забывать, что читал я о них, сам находясь в положении заключенного...

Как-то в больнице меня посетил Топуридзе и сообщил, что Артак заболел тифом и лежит на квартире у знакомых. Это было во время дежурства по палате Отто Лидака. Я решил воспользоваться этим обстоятельством и посетить больного товарища. Лидак согласился меня отпустить, и я с Топуридзе вышел в город. Хотя температура у Артака была высокая, он обрадовался нашему приходу и всячески подбадривал нас, говоря, что у него ничего страшного нет. Мы условились с Топуридзе, что он обеспечит регулярное посещение врача и лечение Артака на дому.

Это был мой второй выход в город из тюремного отделения больницы. Я торопился вернуться в больницу, опасаясь проверки: мне не хотелось подводить Лидака.

Однажды выздоровевший Артак пришел в больницу и сказал мне, что наконец-то найдена возможность организации моего побега. Через какого-то местного купца он нашел туркмена-бая, который брался за известную мзду нелегально переправить меня через границу в Персию. Из Персии я под чужой фамилией должен был по Каспийскому побережью пробраться в Баку.

Возможность побега меня окрылила, настроение поднялось, хотя я и знал, что на пути к свободе будет еще много препятствий. Можно было провалиться и при самом побеге, и при переходе через границу, можно было угодить в лапы полиции в Персии, где хозяйничали тоже англичане. Словом, опасность поджидала всюду...

Мы избрали путь через Персию, а не через Красноводск, и вот по каким соображениям. До Красноводска поезд шел около суток, кроме того, в самом Красноводске в случае необходимости трудно было спрятаться, а тем более выбраться из порта, который находился под усиленной охраной. Мы учитывали то обстоятельство, что, как только властям станет известно о моем побеге, сразу же сообщение об этом будет передано по всей сети железной дороги и в порт. Персидскую же границу можно переехать на лошадях через несколько часов, пока местные власти еще не успеют опомниться.

День побега был приурочен ко времени одного из дежурств Отто Лидака. Было условлено, что и он бежит вместе со мной.

От охватившего меня радостного чувства скорого освобождения, я не находил себе покоя. Но неожиданно накануне того дня, когда был назначен побег, вечером пришла охрана, и меня перевели в тюрьму. Так мы и не смогли догадаться, кто выдал наш план побега. Возможно, никто его и не выдавал, а просто начальство, видя, что состояние моего здоровья улучшилось, решило выписать меня из больницы и вернуть в тюремную камеру.

С появлением в Ашхабаде Топуридзе наша жизнь в тюрьме стала значительно лучше благодаря регулярным передачам продуктов, книг и местных газет. Кроме того, мы получали от него записки и умудрялись передавать ему ответы.

Мы узнали от Топуридзе, что в Баку наши товарищи усилили борьбу за наше освобождение. Через того же Топуридзе удалось установить связь и с нашими женщинами, которые содержались в женском отделении тюрьмы.

* *

*

27 февраля 1919 года нам сообщили, что мы освобождаемся из тюрьмы и будем отправлены в Баку. Радости нашей не было границ.

Мы вышли из тюрьмы и, вынужденные ждать поезда около суток, не знали, куда нам деться. Но и тут нас выручил Артак. Он нашел армянскую семью Мелкумовых, которые согласились приютить нас на ночь. У Мелкумовых был небольшой отдельный домик с садом — типичный для тогдашнего Ашхабада. В таких домиках жили обычно чиновники и купцы. Хозяйка оказалась очень радушной: она делала все, чтобы мы хорошо провели время. В первую очередь она, конечно, позаботилась о том, чтобы мы помылись, угостила нас очень вкусными армянскими блюдами — пловом, долмой, шашлыком. Мы настолько истосковались по хорошей пище, что нам казалось все это самым вкусным, что мы когда-либо ели. Обстановка была домашняя, уютная, теплая. После этого спали спокойно и долго. На следующий день без особых приключений сели на поезд.

Ехали мы из Ашхабада в бодром, приподнятом настроении, радуясь, что все тяжелые испытания остались позади. Мы, мужчины, особенно гордились стойкостью наших женщин, проявленной ими неизменно при всех тяжелых испытаниях, выпавших на их долю. Гордились, что у наших павших товарищей были такие хорошие подруги. Особое восхищение вызывали жены Джапаридзе и Фиолетова, а также Маро Туманян.

Мы знали, что, когда жена Джапаридзе получила сообщение о трагической гибели мужа, она была настолько душевно потрясена, что на какой-то период ее психика оказалась нарушенной. Однако у нее нашлось достаточно сил, чтобы все это преодолеть. Когда мы ехали в поезде, Варвара Михайловна всецело была поглощена думами о том, чтобы поскорее увидеть своих дочерей Елену и Люцию, которые находились в то время в Советской России.

Сатеник Мартыкян мечтала о встрече со своими детьми Татулом, Азатом и Эммой. Ее муж, близкий друг Шаумяна,

в то время находился с детьми где-то на Кавказе, сумев случайно избежать ареста в Красноводске, куда он прибыл вместе со всеми нами.

В поезде мы, естественно, много говорили с нашими женщинами, слушали их рассказы о том, как они жили в тюрьме, рассказывали им о своей тюремной жизни. Но у нас было достаточно времени и для более глубоких размышлений. Прошло только пять месяцев, а сколько нами пережито! Все трудности, которые мы преодолели за это время, как будто утратили свою остроту и уже стали даже каким-то приятным воспоминанием прошлого. Радовало, что у нас хватило мужества все это выдержать, ни на йоту не уронив своей партийной чести и совести. Мы чувствовали себя готовыми выдержать любое новое испытание и буквально жаждали революционной работы. Я, в частности, хорошо понимал, какая огромная по своим масштабам политическая работа предстояла нам в Баку. Предвидел ее сложности и понимал, что теперь нам придется самим разбираться во всех обстоятельствах, разрабатывать тактику борьбы, самостоятельно принимать ответственные решения. Временами у меня возникали сомнения: справимся ли мы со всем этим? Ведь Баку отрезан от Москвы: получить советы и указания от ЦК партии пока не было никакой возможности. Но сомнения эти быстро проходили: хорошие большевистские традиции, оставленные нашими старшими товарищами, собственный хотя и небольшой, но достаточно серьезный опыт революционной борьбы — все это обнадеживало. Главное же заключалось в том, что бакинский пролетариат сам прошел тяжелую школу борьбы и на своих ошибках многому научился. Опираясь на коллективный разум большевистской организации, на помощь рабочих масс, можно было рассчитывать на успех.

Каждый час пути казался бесконечно долгим. Хотелось как можно скорее с головой окунуться в гущу революционной борьбы...

В дороге нас никто не охранял. По крайней мере видимой охраны не было. Но когда мы прибыли в Красноводск, появилась и охрана. На красноводскую пристань шли уже под конвоем.

Только мы поднялись по трапу на пароход, как сразу же оказались в лапах английской охраны. На палубе торчало несколько солдат с карабинами наперевес — в полной, что называется, боевой готовности. Пока пароход стоял у пристани, мы ходили по палубе взад и вперед. Вдруг английский сер-

жант — видимо, он был старший — крикнул нам, чтобы мы не двигались. Мы сделали удивленные лица и, разводя руками, старались объяснить ему, что ничего предосудительного мы не делаем. Тогда он что-то крикнул нам по-английски и сделал угрожающее движение карабином. Не обращая на него внимания, мы продолжали ходить по палубе, смеяться и непонимающе разводив руками.

После долгих пререканий с солдатами к нам подошел английский офицер с переводчиком. Переводчик изложил офицеру наши протесты против ареста, а потом сообщил следующее: «Господин офицер просит передать вам, чтобы вы не волновались. Вы вовсе не арестованы, вы только находитесь под покровительством его величества короля английского Георга Пятого». После этого они удалились.

До нас не сразу дошел лицемерный смысл и поразительная нелепость заявления английского офицера. Позже мы вспоминали этот эпизод со смехом.

Надо сказать, что поведение англичан по отношению к нам все это время было более чем непонятно. В Ашхабаде мы почти сутки были свободны. В поезде ехали тоже без каких-либо ограничений и уже начали привыкать к мысли, что нас действительно освободили и мы, как свободные люди, едем в Баку. На пароходе оказалось, что мы вновь арестованы и содержимся под английской военной охраной. «Значит, нас не освобождают, — решили мы, — а под конвоем переводят в Баку, чтобы водворить в местную тюрьму». Такая перспектива нас не пугала, так как мы надеялись на бакинских рабочих, которые все равно заставили бы англичан освободить нас. Мы знали, что бакинские коммунисты твердо решили добиться освобождения из тюрем членов семей расстрелянных бакинских комиссаров и всех нас. Это требование находило горячее сочувствие и поддержку в самых широких массах бакинских рабочих. К этому требованию под давлением масс присоединились и меньшевики, и правые эсеры, и дашнаки. Выступая теперь за освобождение из тюрем семей бакинских комиссаров, они стремились продемонстрировать свою гуманность и в какой-то мере даже ускользнуть от ответственности за гибель комиссаров.

Когда пароход стоял еще у причала, нам удалось раздобыть русско-английский словарь: их продавали тут же, на пристани. Это было очень кстати, учитывая, что на пароходе мы попали под охрану английских солдат. Еще со школьной скамьи я относительно неплохо знал немецкий язык. Но ан-

глийского не знал совершенно, поэтому читал и произносил английские слова на немецкий манер. Получалось нечто малопонятное, но тем не менее английский сержант, видимо, что-то у меня понимал. Я относил это не столько за счет своей разговорной речи, сколько за счет мимики и жестов. Вместе с нами была жена Амирова, немка по национальности. Она отлично владела немецким языком, но английского тоже не знала. Так же как и мне, ей приходилось объясняться с нашей охраной жестами и отдельными более или менее понятными фразами.

Так или иначе, сержант не только успокоился, но даже стал проявлять к нам явное добродушие. Он подходил, говорил что-то по-английски, смеялся, улыбался; по всему было видно, что он говорит нам нечто приятное.

Когда наш пароход вышел в открытое море, начался сильный шторм. Продукты у нас с собой были: мы купили их еще в Ашхабаде. Поэтому затруднений с питанием не было. Беспokoил только шторм: пароход сильно качало, и у многих из нас пропал всякий аппетит.

При нормальных условиях пароход от Красноводска до Баку идет около суток, нам же из-за шторма пришлось находиться в пути почти двое суток. Товарищи не выдерживали качки: после долгих месяцев пребывания в тюрьме организм их ослабел. Один за другим мои друзья выходили из кают на палубу, мучаясь от морской болезни. Сам я держался довольно долго — болезнь меня не брала.

Я сидел с английским сержантом в каюте, он угощал меня консервами из своего солдатского пайка, неожиданно для меня довольно богатого.

Мне захотелось поагитировать своего сержанта. По словарику, который был у меня, я нашел слово «король» и сказал сержанту: «Кёниг Джордж нот гуд!» — и сделал рукой соответствующее движение. Сержант мгновенно возмутился, закричал: «Ноу, ноу, ноу!» — и замахал руками. Я был поражен, как это рабочий человек, а тем более лейборист, социалист (о чем сержант сказал мне до этого) так активно защищает короля. Я никак не мог понять этого странного «королевского» социалиста. Помня, что когда-то в партийной литературе хвалили Макдональда, я сказал сержанту: «Макдональд гуд?» Сержант одобрительно закивал головой: «Гуд, гуд!» Продолжая наш «разговор», я спросил: «Социализм гуд?» Он тут же ответил: «Гуд, гуд!» Тогда я рискнул спросить: «Капитализм — нот гуд?» Сержант утвердительно кивнул головой.

Моя «агитация» продолжалась, однако, недолго: видимо, вел я ее не совсем удачно, да к тому же я исчерпал весь свой тогдашний запас английских слов. Кроме того, к концу разговора я почувствовал какую-то тяжесть в голове: качка на пароходе усилилась.

Я вышел на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. Первое, что увидел, — это своих товарищей, которых морская болезнь вывернула, как говорится, наизнанку. Это подействовало на меня весьма заразительно. Морская болезнь подобралась наконец и ко мне.

Кому приходилось быть жертвой морской болезни, тот прекрасно понимает, как это тяжело, особенно если болезнь продолжается длительно. Во всяком случае, я надолго запомнил ее. Впоследствии мне много раз приходилось попадать в качку и на море и на самолетах, но никогда больше морская болезнь меня не побеждала. По-видимому, в тот раз подвела общая слабость организма, истощенного в тюрьме.

Море постепенно стало успокаиваться, качка уменьшилась. Когда наш пароход подходил к Баку, мы уже пришли в норму, хотя у многих вид был измученный, а цвет лица все еще зеленоватый.

Наконец пароход причалил. Мы ожидали, что нас будут встречать наши товарищи. Но английская охрана не выпускала нас с корабля, а никого из друзей на пристани не было видно.

Тогда мы подняли невероятный шум в надежде, что его услышат служащие порта. Обращаясь к ним, мы кричали, чтобы они передали бакинским коммунистам и Бакинской рабочей конференции, что нас надо выручать, что нас держит под арестом английская охрана...

Прошло более часа. Вдруг мы видим, в порту появился знакомый мне пренебрежительный тип, один из лидеров меньшевиков, Рохлин. Одновременно появились известная нам бакинская общественная деятельница Окиншевич — старый друг семьи Шаумяна, а также секретарь Президиума рабочей конференции большевик Восканов. Был и еще кто-то.

Рохлин поднялся на палубу и предъявил пароходному начальству документ о нашем освобождении (который, как мы потом узнали, Президиуму постоянной рабочей конференции удалось вырвать у английского командования). Нас освободили.

Выяснилось, что из-за шторма никто в Баку не знал, когда точно придет наш пароход. Меньшевики же, узнав о прибы-

тии парохода от служащих пристани, не сообщили об этом большевистской фракции.

Мы разошлись по старым бакинским квартирам, где жили наши товарищи. Леву с парохода взяла с собой Окиншевич, чтобы поместить его в больницу своего мужа — известного бакинского хирурга.

Надо ли говорить, как мы все были счастливы, встретившись с близкими друзьями!

Через несколько дней после нашего возвращения в Баку приехали Артак и Топуридзе. Они преднамеренно не присоединились к нам в Ашхабаде, чтобы не навлечь на себя подозрений и не быть арестованными.

Как я уже говорил, на пароходе у меня установились довольно хорошие отношения с английским сержантом. Во всяком случае, когда мы с ним там встречались, у него на лице всегда появлялась добродушная, приветливая улыбка. Психологически объяснить это было нетрудно: после той разнузданной антибольшевистской пропаганды, которую английское командование вело среди своих солдат, после всех этих разговоров о том, что большевики — кровожадные злодеи и бандиты, он увидел, что все мы — вполне нормальные люди. В его сознании, как это бывает довольно часто в таких случаях, произошел (и притом, заметьте, только за двое суток!) крутой поворот от подозрительности и враждебности к доверию и доброжелательности.

Как-то однажды я шел днем по улице, ведущей к рабочему клубу, где размещался наш легальный штаб — Президиум рабочей конференции. Вдруг вижу: с противоположной стороны улицы ко мне стремительным шагом направляется какой-то английский военный. Сразу мелькнула мысль: а не собирается ли он меня арестовать? Когда же он приблизился, я узнал в нем того самого сержанта, с которым познакомился на пароходе. Подойдя и широко улыбаясь, он двумя своими лапищами пожал мою руку и долго дружески ее тряс, говоря что-то по-английски, судя по всему, очень приятное.

Через некоторое время после возвращения в Баку нам стали известны некоторые обстоятельства, связанные с нашим освобождением из Ашхабадской тюрьмы.

Член Учредительного собрания правый эсер Чайкин в своих выступлениях утверждал, что мы были освобождены

из тюрьмы не английским командованием под давлением рабочей конференции, а благодаря его личному вмешательству от имени Бакинского комитета правых эсеров, по поручению которого он обратился в Ашхабаде к министру Зимину с требованием о нашем освобождении. То, что лично Чайкин принимал в этом отношении какие-то меры, пожалуй, соответствовало действительности. Ссылка же на правых эсеров и на какую-то особую роль министра Зимины скорее всего, была нужна Чайкину для того, чтобы «обелить» партию правых эсеров в глазах общественности. Но без прямого приказа англичан Зимин не мог нас освободить. Он сделал это, видимо, с согласия генерала Томсона, потому что и Директория и сам Зимин находились тогда в полной зависимости от английского командования. Это ясно и из другого документа. В день нашего освобождения в Баку состоялась встреча председателя Бакинской рабочей конференции Чураева с генералом Томсоном, о чем было сообщено в бакинской меньшевистской газете 28 февраля. На требование Чураева о полном невмешательстве англичан во внутренние дела Азербайджана и Баку генерал Томсон ответил тогда: «Но ведь освобождение женщин и детей из Ашхабада тоже внутреннее дело, приведенное, однако, в исполнение британским командованием. Хотите ли вы, чтобы все это прекратилось?»

В своих высказываниях Чайкин привел еще одно интересное обстоятельство. Оказывается, уже после нашего освобождения в Ашхабаде глава местной контрреволюционной власти в Красноводске Кун получил указание английского командования задержать нас и передать в распоряжение английского командования в качестве заложников — до освобождения арестованных советскими властями на Северном Кавказе нескольких английских офицеров и других представителей Великобритании.

Впоследствии нам стало известно, что и Москва принимала меры по организации нашего обмена. Интересно, что в дело обмена арестованных включился выдающийся армянский прогрессивный писатель, председатель Кавказского товарищества армянских писателей в Тифлисе Ованес Туманян. В марте 1919 года (в это время мы были уже освобождены из тюрьмы) Туманян сообщил в Москву, в Совет Народных Комиссаров:

«Армянским общественным деятелям стало известно, что Советская власть согласна освободить доктора Завриева и литератора Назарьяна в случае, если английское командование освободит Варвару Джапаридзе и

двух сыновей Шаумяна. Ввиду этого армянские общественные деятели употребили все свое влияние, чтобы Варвара Джапаридзе и сыновья Шаумяна были освобождены. Путем влияния на разные круги на днях удалось добиться их перевода в Баку и освобождения из тюрьмы. Хотя они выпущены на поруки, но живут совершенно свободно. Ввиду этого надеемся, что Советская власть теперь освободит доктора Завриева и литератора Назарьяна».

На полученный ответ из Москвы Туманян телеграфировал 12 апреля 1919 года секретарю ВЦИК Аванесову:

«Радио Ваше от 30 марта получено. Варвара Джапаридзе и сыновья Шаумяна ныне освобождены без всяких порук и каких-либо ограничений свободного выезда, о чем Джапаридзе сама сообщает Сталину в письме, которое послано в Москву специальным курьером. Пока ни Джапаридзе, ни сыновья Шаумяна не выражают желания выехать с Кавказа. Джапаридзе поедет в Россию, когда узнает от Сталина, где ее дети, как она пишет ему. Поэтому меры к обмену представляются ненужными, и мы просим предоставить Завриеву и Назарьяну полную свободу выезда».

Видимо, Туманян непосредственно или через кого-то установил контакт с В. М. Джапаридзе и, узнав фактическое положение дел, дал эту радиограмму в Москву. Таким образом, получилось, что Туманян первым сообщил в Москву о нашем освобождении.

Возвращаясь к вопросу о нашем освобождении, хочу сказать, что, очевидно, у англичан действительно существовал план нашего обмена на своих людей. Но, узнав о твердой позиции рабочей конференции, требовавшей нашего освобождения, и, боясь новых осложнений с бакинским пролетариатом, английское командование, взяв нас под стражу в Красноводске, вынуждено было в Баку освободить. Руководители Бакинской рабочей конференции настойчиво потребовали от английского командования мандата на наше освобождение. И такой мандат был им выдан.

Так закончились наши скитания по тюрьмам Закаспия в период английской оккупации.

БАКИНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В УСЛОВИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

БОРЬБА ЗА МАССЫ

Споры о забастовке.— Бои на заседании рабочей конференции.— В Центральном стачечном комитете.— Памяти борцов.— Собираем силы.— Бакинская конференция.

Итак, мы снова в Баку.

Я всегда любил этот город ветров, «черного золота» и вечных огней...

Баку — это город моей революционной юности. Все самые яркие и светлые воспоминания молодости связаны у меня с этим городом. Здесь впервые я встретил моих славных друзей — будущих бакинских комиссаров; прошел суровую, но прекрасную школу большевистского подполья; пережил незабываемые героические дни борьбы за Советскую власть, за торжество наших великих идей...

Сойдя на берег и разместившись в фаэтонах, мы поехали по улицам.

Я радовался, что снова в Баку, на свободе, что скоро опять буду среди своих близких друзей — бакинских коммунистов, рабочих. Но эта радость омрачалась сознанием, что нет уже среди нас Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Фиолетова и других погибших товарищей, нет и никогда не будет... Тревожила мысль: «А что нас здесь ожидает?» Хотелось поскорее узнать, какая обстановка сложилась за это время в Баку.

Перед нами мелькали знакомые улицы. Все вокруг было таким же, как и несколько месяцев назад, когда мы покидали город. Только значительно чаще попадались на глаза солдаты и офицеры в английских военных костюмах или в коротких клетчатых юбках (форма шотландских стрелков), по-хозяй-

ски прогуливающиеся по улицам города. Горько было сознавать, что кованный сапог английских оккупантов продолжал топтать родную землю...

Получилось так, что после всего пережитого в Закаспии и трудного морского путешествия нам пришлось, как говорится, с ходу включиться в бурную революционную работу.

В Баку я остановился в семье моих старых друзей. От них и от подошедших вскоре товарищей я узнал подробности событий, которые произошли здесь за несколько месяцев нашего отсутствия.

Выяснилось, что общая обстановка в Баку оставалась еще сложной и напряженной. Фактическим хозяином города уже совершенно открыто выступало оккупационное английское военное командование генерала Томсона, под дудку которого плясало и местное помещичье-буржуазное националистическое правительство Хойского и К^о. Правда, наряду с этим еще со времен декабрьской (1918 года) политической забастовки продолжала существовать постоянно действующая легальная организация рабочих — Бакинская рабочая конференция. К сожалению, в составе ее руководящего органа — Президиума большинство составляли меньшевики и эсеры. Во главе его стоял способный рабочий Чураев, хороший оратор, который хотя и был меньшевиком, но пользовался у бакинских рабочих доверием — прежде всего из-за своего славного революционного прошлого: он участвовал в восстании на броненосце «Потемкин».

Экономическое положение рабочих, говорили мои друзья, ухудшается буквально с каждым днем. Дело в том, что азербайджанские капиталисты, воспользовавшись поддержкой местного правительства и английских оккупационных властей, вновь захватили ранее национализированные предприятия и нефтяные промыслы, восстановили там старые порядки и фактически начисто ликвидировали те условия договора, которые с таким трудом были завоеваны бакинскими рабочими еще при правительстве Керенского.

К тому же нефтяная промышленность переживала в ту пору острейший кризис. Добываемую нефть трудно было сбывать. Баку был отрезан от Советской России, а она являлась основным потребителем бакинской нефти. Зарплата рабочих на промыслах снижалась, а дороговизна в городе непрерывно росла. Кризис тяжело ударил и по работникам водного транспорта. Большинство нефтеналивных судов Каспийского флота, предназначенных для транспортировки нефти, без-

действовало, было поставлено на прикол. В городе росла армия безработных. Возмущение среди бакинских рабочих становилось всеобщим.

В этих условиях и возник вопрос о рабочей забастовке. На ее проведении настаивали рабочие-нефтяники, рабочие торгового порта, матросы. У них на памяти еще были завоевания политической забастовки в декабре 1918 года, они надеялись победить и на этот раз. За проведение забастовки высказывались даже представители соглашательских партий; не рисковали выступить против стачки и меньшевики, которые хотя и не верили в успех забастовки, но не хотели идти против рабочих, стараясь сохранить среди них свое влияние.

Примерно за месяц до нашего прибытия в Баку рабочая конференция приняла решение о проведении всеобщей стачки. Был создан Центральный стачечный комитет. Слова «забастовка», «стачка» в те дни были самыми популярными среди рабочих.

Таким образом, приехав в Баку 6 марта 1919 года, мы прежде всего вплотную столкнулись с задачей организации всеобщей рабочей забастовки. В те дни это была проблема номер один.

Вечером того дня, когда мы прибыли в город, состоялось заседание Бакинского комитета партии. А на следующий день (7 марта) созывалось заседание стачечного комитета, чтобы решить вопрос о сроках проведения забастовки.

Мы много спорили, выступали по нескольку раз. Мне казалось, что начать забастовку в реально сложившихся в тот момент условиях было нежелательно и преждевременно. Особенно упорно защищал идею немедленной забастовки Леван Гогоберидзе, член стачкома, представлявший там нашу партию. Он горячо доказывал, что ему, как коммунисту, просто невозможно выступать на заседании стачкома за отсрочку. По его словам, все члены стачкома за немедленное начало забастовки, рабочие ждут ее со дня на день: чаша терпения их переполнилась. Из выступлений других товарищей нетрудно было понять мнение большинства членов комитета. Понимая настроения и требования многих бакинских рабочих, они хотели начать забастовку как можно скорее. К тому же они считали себя обязанными проводить в жизнь решение, принятое по этому поводу Бакинской рабочей конференцией.

Поэтому, когда я, человек свежий, стал задавать вопросы, связанные со стачкой, кое-кто из членов комитета как-то даже несколько растерялся.

Я, например, спрашивал, есть ли у моих друзей уверенность в успехе забастовки, учитывая социальные, экономические и другие условия, которые сложились к тому времени в Баку? Не преждевременно ли идти на забастовку, когда в Президиуме рабочей конференции и в стачкоме большевики составляют еще незначительное меньшинство? Все ли рабочие пойдут за нами? Пойдут ли капиталисты на то, чтобы хоть частично удовлетворить требования бастующих? Я говорил, что нельзя не учитывать и той опасности, что английское оккупационное командование и реакционное азербайджанское правительство могут подавить забастовку, а заодно разгромить и рабочую конференцию, а если нам удастся оттянуть забастовку на два-три месяца, то мы не только организационно и политически станем крепче, но изменится вся ситуация: установится связь с Астраханью, Красный флот сможет выйти из Волги и занять господствующее положение в Каспийском море, оказав соответствующее влияние на ход событий у нас.

Обсуждение затянулось до поздней ночи. В ходе его мне удалось значительно глубже разобраться в реальной обстановке, а моим товарищам правильно понять мои сомнения и более критически посмотреть на свои собственные позиции.

В результате нам стало ясно: для успешного проведения забастовки необходимые условия еще не созданы. Не вся бакинская партийная организация была к тому времени восстановлена. Еще не на всех крупных предприятиях были созданы партийные ячейки. В стачечном комитете и Президиуме рабочей конференции коммунисты не имели большинства. Бакинские профсоюзы, находясь в руках меньшевиков, были организационно и идейно еще очень слабы. Без твердого партийного руководства начинать стачку нельзя: меньшевики, эсеры, мусаватисты, дашнаки в ходе забастовки могут капитулировать и провалить все дело.

Помню, что, взвесив все эти обстоятельства, я внес тогда предложение, сохраняя в силе решение Бакинской рабочей конференции о проведении забастовки, не торопиться с определением ее конкретных сроков; использовать остающееся время для самой тщательной и всесторонней подготовки забастовки, для укрепления партийной организации, для завоевания большинства в стачкоме, Президиуме рабочей конференции, в руководстве профсоюзов; максимально оттянуть срок забастовки до начала речной навигации на Волге, когда нам реально сможет помочь советский военно-морской флот.

Я считал, что тогда забастовка смогла бы стать уже не только экономической, но и политической.

После длительного обсуждения Бакинский комитет партии принял мои предложения. Но возник практический вопрос: как же их реализовать?

Сложность состояла в том, что бакинские рабочие были за проведение стачки. На рабочих собраниях никто не решался даже заикнуться о том, чтобы подождать с забастовкой. Как же нам, большевикам, представителям самой революционной партии рабочего класса, поступить в этих условиях?

Мы нашли правильное решение.

Гогоберидзе — единственному представителю большевиков в стачкоме — было поручено разоблачать двуличную политику меньшевиков и эсеров: с одной стороны, они входят в стачечный комитет и выступают в нем за проведение стачки, а с другой стороны, ведут закулисные, унижительные переговоры с английским командованием, своими статьями в газетах подрывают у рабочих веру в успех забастовки. Гогоберидзе должен был потребовать прекращения переговоров с английским командованием, а в случае отклонения этого предложения — покинуть заседание.

Гогоберидзе успешно выполнил это поручение. Меньшевики и эсеры были ошеломлены такой неожиданной постановкой этого вопроса и отказались принять ультимативные требования Гогоберидзе. Тогда он демонстративно покинул заседание стачечного комитета.

Наша главная тактическая задача состояла в том, чтобы изолировать меньшевиков и эсеров в стачечном комитете и Президиуме рабочей конференции, добиться руководящего влияния большевистской партии в этих опорных рабочих органах и сплотить вокруг них широкие рабочие массы.

Мы выдвинули тогда идею организации районных рабочих конференций и стачечных комитетов (как филиалов Центрального стачечного комитета), непосредственно связанных с рабочими на предприятиях.

Это предложение было дружно поддержано всеми рабочими.

Забегая несколько вперед, хочу сказать, что в течение марта — апреля мы, большевики, входившие в Президиум Бакинской рабочей конференции, сумели провести большую и весьма плодотворную работу по созданию во всех районах Баку рабочих конференций, их президиумов, стачечных комитетов и значительно укрепить их организационные связи

с предприятиями. При этом в руководство президиумов рабочих конференций и стачечных комитетов нам удалось почти повсеместно выдвинуть большевиков и идущих с ними передовых беспартийных рабочих.

Все это не могло не привести к общему укреплению влияния нашей партии на рабочие массы Баку.

* *
*

Оставались считанные дни до 11 марта, дня, на который было назначено заседание Бакинской рабочей конференции. Мы решили предельно использовать это время для подготовки к предстоящему «сражению» с меньшевиками и эсерами.

Рабочая конференция состояла примерно из 500 делегатов, избранных фабрично-заводскими, промысловыми и судовыми комитетами или непосредственно общими собраниями рабочих. Кроме того, семь политических партий, активно действовавших тогда в Баку (большевики, «Гуммет», «Адалет», меньшевики, эсеры, дашнаки и мусаватисты), могли направить на рабочую конференцию по одному представителю, который имел право, по регламенту конференции, выступить в течение 10 минут.

Обсуждая линию своего поведения на предстоящей рабочей конференции, мы решили, что в первый же день ее работы поставим перед делегатами несколько принципиальных вопросов. Первый из них касался представителей партий дашнаков и мусаватистов на конференции. Ввиду того, что обе эти партии не являлись рабочими ни по своему составу, ни по программе, мы решили добиться, чтобы представители этих партий были лишены права участвовать в рабочей конференции. Второй вопрос был связан с Президиумом конференции. Мы решили внести предложение о переизбрании существовавшего тогда состава этого Президиума, поскольку в своем большинстве это были люди, далекие от действительных интересов рабочего класса.

Мы повели переговоры с представителем «Гуммет» Караевым, входившим в состав социалистической фракции азербайджанского парламента. Тогда я с ним и познакомился. В 1917—1918 годах он жил в Тифлисе и входил в тифлисский меньшевистский «Гуммет» (большевистского «Гуммета» там не было).

Караев оказался политически хорошо настроенным; он согласился с нашей позицией и выразил свою готовность

идти с большевиками. Кроме того, он сообщил мне, что его взгляды разделяет и другой гумметист, Гусейнов.

Такие же примерно переговоры состоялись у нас с Бахрамом Агаевым, большевиком, одним из руководителей «Адалет». Еще в 1918 году Агаев и его организация были вместе с нами. В нынешних условиях он мог быть нашим надежным соратником.

Условившись обо всем с Караевым и Агаевым, мы решили выдвинуть их кандидатуры в новый состав Президиума рабочей конференции.

Председателем Президиума рабочей конференции в ту пору был, как я уже говорил, рабочий Чураев. Мы считали возможным сохранить Чураева в новом составе Президиума в качестве его председателя. Я имел по этому поводу конфиденциальную беседу с Чураевым, объяснив ему, что мы хотим сохранить его председателем Президиума конференции, при том, однако, условии, чтобы он проводил там не политику меньшевистской партии и указания ее комитета, а решения, принимаемые большинством Президиума рабочей конференции. Он дал на это согласие. Ему можно было верить.

Сохранение Чураева во главе рабочей конференции было тогда очень важно еще и потому, что нам надо было оградить конференцию от травли, которую неизбежно организовало бы оккупационное английское военное командование и азербайджанское буржуазное правительство, избери мы руководителем Президиума рабочей конференции какого-нибудь видного большевика. Оставление же на этом посту Чураева вносило известное «успокоение». Через него нам было во много раз легче вести переговоры и с английским командованием и с местным правительством: они к нему уже успели привыкнуть.

Кроме того, Чураев мог оказаться очень полезным нам для дальнейшего привлечения рабочих, и прежде всего меньшевистски настроенных рабочих: мы ни на минуту не забывали о необходимости борьбы и за эту часть бакинского пролетариата.

Имелось в виду, что я стану его заместителем (по-тогдашнему — товарищем) и буду обеспечивать в Президиуме большевистскую линию.

Из эсеров мы решили поддержать кандидатуру Ильина. Это был «случайный» эсер, скорее он принадлежал к передовым интеллигентам-народникам. Во всяком случае, человек

он был вполне порядочный. Мы поставили перед ним те же условия, что и перед Чураевым. Он охотно их принял.

Помню, что, обсуждая все эти кандидатуры, мы думали о том, чтобы впоследствии перетянуть этих людей полностью на свою сторону. С Чураевым так вскоре и произошло: он вступил в большевистскую партию. Вступил в партию и Караев. Ильин в партию не вступал.

В состав членов Президиума конференции были назначены также кандидатуры: молодого коммуниста Левона Мирзояна, который в то время был членом Бакинского совета профсоюзов и входил в новый состав Бакинского комитета партии, а также беспартийного рабочего Ковалья, который очень хорошо зарекомендовал себя на посту председателя Бакинского совета профсоюзов и пользовался большим авторитетом у рабочих (через год Коваль вступил в ряды нашей партии). Кроме того, кандидатами в члены Президиума нами были назначены еще три товарища, в их числе два большевика: Леван Гогоберидзе и Иван Анашкин.

Таким образом, по нашему проекту из десяти членов и кандидатов в члены Президиума шестеро представляли большевистскую линию, один примыкавший к ним был беспартийным, два эсера и один меньшевик.

Такой состав вполне обеспечивал нам необходимое большинство в руководстве Бакинской рабочей конференцией.

К открытию рабочей конференции собралось немногим больше 300 делегатов. Когда председательствовавший Чураев объявил об открытии конференции, поднялся представитель партии мусаватистов и заявил, что заседание нельзя признать правомочным, так как присутствует неполный состав делегатов.

Председательствующий и некоторые делегаты выступили с обоснованным протестом против этого заявления. Подавляющим большинством голосов конференция была признана правомочной, и ее работа началась.

Первым выступил от большевиков Леван Гогоберидзе — о порядке ведения заседания. Прежде всего он потребовал лишить права присутствовать и выступать на конференции представителей партий дашнаков и мусаватистов, как представителей буржуазно-националистических партий. При этом он добавил, что тем рабочим и служащим, которые выбраны делегатами на конференцию, принадлежность к этим партиям не должна мешать при выполнении их делегатских обязан-

ностей. Таким образом, самих делегатов, примыкавших к партиям дашнаков и мусаватистов, Гогоберидзе не отводил.

Это предложение было принято конференцией. Представители партий дашнаков и мусаватистов покинули, протестуя, заседание рабочей конференции.

Так была одержана первая победа. Но предстояли еще очень сложные бои.

Мне было поручено выступить на конференции с большой программной речью от большевиков. Я должен был подробно рассказать об обстоятельствах гибели бакинских комиссаров и разоблачить при этом не только роль английского командования, но и подлинное лицо эсеров, меньшевиков и дашнаков, чтобы подготовить обстановку, при которой будет легче лишить эти партии большинства в Президиуме рабочей конференции.

Надо сказать, что бакинские рабочие толком еще не знали, как произошла кровавая трагедия с их комиссарами и кто был подлинным ее виновником; их всячески обманывали лидеры соглашательских партий, взваливая всю вину только на англичан.

По установленному регламенту наряду с представителями других партий я мог говорить лишь 10 минут. Зная настроенные большинства делегатов конференции, Гогоберидзе выступил от имени Бакинского комитета партии большевиков с предложением, чтобы мне, только что вернувшемуся из тюрьмы, где я находился вместе с бакинскими комиссарами и, следовательно, был в курсе всех событий, дали для выступления полчаса. Сама мотивировка предложения Гогоберидзе вызвала большой интерес делегатов конференции.

Раздались дружные голоса: «Дать, дать! Не надо его ограничивать во времени!» Предложение «не ограничивать во времени» было принято подавляющим большинством делегатов конференции. Это решение само по себе оказалось уже первым серьезным ударом по меньшевикам и эсерам.

Прежде чем перейти к изложению политической обстановки и задачам, стоящим перед бакинским пролетариатом, я остановился на обстоятельствах временного падения Советской власти в Баку и трагической гибели 26 бакинских комиссаров. Я разоблачил предательскую роль партий эсеров, меньшевиков и дашнаков, которые нанесли удар в спину Советской власти, став на сторону англичан, и указал на них, как на подлинных виновников — наряду с английским командованием — гибели наших товарищей. Когда я заявил, что

«руки господ лидеров меньшевиков и эсеров, сидящих в этом зале, обогрены кровью бакинских комиссаров», началось среди делегатов большое волнение. Все встали с криками: «Палачи! Позор! Долой эсеров, меньшевиков и дашнаков!» Я заметил, что при этом лица многих меньшевиков покрылись смертельной бледностью. Они были раздавлены всеобщим гневом и возмущением делегатов.

Потом я перешел к анализу обстановки, создавшейся в Баку, в свете общего положения, в котором тогда находилась Советская Россия, и стал говорить о задачах, стоящих перед бакинским пролетариатом.

В ту пору у нас, большевиков, не было еще в Баку своей газеты. Эсеровская же газета «Знамя труда», умолчав о самой политически острой части моего выступления (которое продолжалось около часа), опубликовала лишь краткое изложение моего выступления. Вот оно:

«Российский пролетариат является отрядом мирового пролетариата, борется за то, чтобы уничтожить класс угнетателей, чтобы установить справедливый строй; застрельщиком этой борьбы является партия коммунистов. Лозунги партии коммунистов являются лозунгами международного пролетариата. Пролетариат идет по пути классовой борьбы. Советская власть за полтора года показала мировому пролетариату, что можно установить справедливый строй; она борется с контрреволюционерами и будет бороться с ними. Пример российского пролетариата заставил и на Западе сделать то же, что делает у нас Советская власть, — как, например, разгон германского Учредительного собрания. Дело революции идет успешно, и близка мировая революция. Если российские рабочие борются на Мурмане с англичанами, то бакинские рабочие не могут не быть врагами англичан здесь. Бакинский пролетариат является отрядом мирового пролетариата, и не при помощи разговора с английским командованием можно одержать победу. Мы можем победить лишь при помощи испытанного средства — забастовки. Стачечный комитет не оказался на высоте своего положения. Вместо активной борьбы Стачком согласился на унижительные переговоры с генералом Томсоном. Меньшевики на заседании стачкома вели себя изменнически. Они в своих газетах пишут против забастовки, подготавливая этим почву для провала забастовки, унижая достоинство рабочих и подготавливая лишь поражение.

Какова должна быть наша политика? Прав был товарищ Чураев, сказав, что лучше быть побежденным в неравной борьбе, чем сдаться без борьбы. Коммунисты поддерживают требование забастовки, но думают, что забастовка пройдет только тогда, когда будет организованность.

Предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. И на это надо смотреть серьезно. Пусть лучше будет меньше солдат в нашей среде, но чтобы эти солдаты были преданы делу рабочих. И с этими солдатами мы можем смело идти в бой.

Я полагаю, что данный стачечный комитет должен быть переизбран. Туда не должны войти люди, которые скомпрометировали себя унижительными переговорами с генералом Томсоном.

Также необходимо переизбрать президиум конференции. Только при таких условиях мы можем одержать фактическую и моральную победу».

После меня слово было дано представителю меньшевиков Рохлину, который назвал мою речь провокационной, угрожающей расколом рядов рабочих, их разложением и т. п. Нужно сказать, что вначале аудитория слушала Рохлина довольно спокойно, но постепенно стало чувствоваться недовольство делегатов, с мест все чаще стал доноситься шум. Один из делегатов крикнул председателю: «Держитесь регламента, время вышло!» Председательствующий вынужден был поставить на голосование просьбу Рохлина о продлении ему регламента. Конференция подавляющим большинством отвергла эту просьбу. В момент голосования Рохлин, разгоряченный, снял пиджак, будучи уверен, что ему продлят время для выступления: видимо, он готовился к «большому бою». Однако собрание, не желая его слушать, отвергло и второе предложение председателя — дать возможность Рохлину закончить выступление. Весь в поту, разбитый и жалкий, Рохлин вынужден был надеть пиджак и удалиться...

Сюрпризом для меньшевиков и эсеров явились результаты обсуждения на конференции вопроса о стачке. От большевиков по этому вопросу выступил Гогоберидзе с заявлением приблизительно такого содержания: «Ввиду того, что Центральный стачечный комитет в большинстве своем состоит из меньшевиков и эсеров, которые, с одной стороны, ведут закулисные переговоры с английским командованием, а с другой стороны, на страницах своей прессы доказывают невозможность всеобщей забастовки, тем самым идя на срыв и поражение забастовки, фракция большевиков была вынуждена уйти с заседания стачечного комитета.

Мы заявляем рабочей конференции, что до тех пор, пока стачечным комитетом руководят меньшевики и эсеры, партия большевиков будет выступать против всякой забастовки под руководством такого стачкома. Пока в нашем боевом штабе сидят агенты буржуазии, заигрывающие с английским военным командованием, всякие забастовки являются провокацией. Поэтому фракция большевиков требует немедленных перевыборов стачечного комитета и удаления оттуда меньшевиков и эсеров».

Вокруг заявления Гогоберидзе разгорелся бой.

В конце концов конференция большинством голосов приняла наше предложение об избрании нового состава Президиума рабочей конференции и поручила Президиуму образовать Центральный стачечный комитет в составе всех членов Президиума конференции, а также введя в него по два пред-

ставителя от каждого района. Персональным голосованием каждого кандидата предложенный нами список членов Президиума конференции был полностью принят. В новый состав Президиума был избран и я.

На заключительном заседании по предложению ряда делегатов Бакинская рабочая конференция единогласно постановила послать приветствие второму конгрессу Коммунистического Интернационала, который проходил в то время в Москве, и пожелать ему плодотворной работы и успехов в деле победы труда над капиталом.

Факт этот сам по себе был весьма знаменателен. Товарищи бакинцы рассказывали мне, что еще в середине января на заседании рабочей конференции по предложению меньшевиков (при протестах коммунистов) большинством в две трети голосов было принято решение послать приветствие Бернскому конгрессу Второго Интернационала. И вот прошло каких-нибудь два месяца, и та же конференция подавляющим большинством приветствует Третий, Ленинский, Коммунистический Интернационал!

Помню, все это произвело на меня огромное впечатление. Я думал о том, как же выросло политическое сознание бакинских рабочих, как высоко поднялся их боевой революционный дух, как укрепилась их вера в свои собственные силы и в нашу Коммунистическую партию!

Невольно вспомнился Степан Шаумян. Еще в тяжелые дни временного падения Советской власти в Баку он с необыкновенной уверенностью говорил о том, что бакинские рабочие очень скоро убедятся на жизненном опыте, в какую пропасть тащат их все эти правые соглашательские партии.

Он оказался прав.

О том, как политически прозревали бакинские рабочие, свидетельствует и такой факт. Еще в декабре 1918 года, выступая на Бакинской рабочей конференции, рабочий завода «Электросила» говорил: «...призвали англичан для порядка, а они нас душат. Мы ошиблись, когда, веря в демократичность английской нации, думали, что приход англичан будет днем расцвета истинного демократизма в России... Я предлагаю, товарищи, завтра все застопорить, а водный транспорт отправить за большевиками в Астрахань».

Это выступление было встречено долго не смолкавшими аплодисментами делегатов конференции. Рабочий «Электросилы» очень точно отразил общее отношение рабочих делегатов к английским оккупантам. Простой рабочий, ранее вы-

ступавший вопреки позиции большевиков — за приглашение англичан, под воздействием реальных политических фактов коренным образом изменил свою точку зрения. А ведь рабочая конференция в декабре 1918 года проходила под руководством меньшевистских лидеров; от большевиков на ней выступал только один — рабочий Анашкин, член Бакинского комитета нашей партии.

Выступление представителя «Электросилы» прозвучало для эсеро-меньшевистских лидеров как гром среди ясного неба. В газете «Известия Стачкама» они вынуждены были сказать по этому поводу следующее:

«На последней рабочей конференции один из ораторов обмолвился, что надо послать водный транспорт за большевиками, причем его наградили аплодисментами. Почему бы это? Почему аплодировали тому, что несколько месяцев назад встретили бы шиканьем и свистками? Да очень просто. Наши иностранцы-гувернеры делают все от них зависящее, чтобы оправдать положение, высказанное большевиками относительно них. И как бы по существу ни были неприемлемы остальные положения большевизма, но справедливость их суждения о роли и задачах «союзников» возвращает к ним симпатии некоторой части рабочих масс. Знатные иностранцы явились к нам, чтобы заарестовать анархо-большевизм, а на деле занимаются совсем другим... Не лучше ли было бы им, этим лучшим агитаторам за дело большевизма, сказать прямо, чью работу они делают — дело демократии, дело анархии или дело мировой реакции?.. Мы это знаем, но пусть это не будет секретом и для других».

Все эти вольные или невольные признания отражали процесс окончательного прозрения большинства бакинских рабочих, в том числе и тех, кто еще шел, скорее по инерции, за меньшевиками и эсерами. Сама реальная жизнь ежедневно способствовала этому процессу.

Взять хотя бы факты предательской деятельности, которую в период английской оккупации проводило азербайджанское реакционное правительство Хойского. В день второго прихода оккупантов в Баку оно опубликовало следующее «Объявление»:

«К населению гор. Баку.

В результате переговоров между азербайджанским правительством и представителем союзных войск в Энзели генералом Томсоном достигнуто соглашение, в силу которого сегодня, 17 ноября, утром в столицу Азербайджана вступит отряд союзных войск во главе с генералом Томсоном.

Это вступление союзного отряда не является враждебным актом, могущим нарушить независимость и территориальную неприкосновенность Азербайджана.

Все государственные и общественные учреждения будут функционировать нормально, как и раньше.

Правительством приняты все меры для поддержания порядка в городе. Правительство призывает всех граждан к сохранению спокойствия и порядка, а также к дружественной встрече союзного отряда.

Председатель Совета министров
Ф. Х. Хойский
Министр внутренних дел
Б. Джаваншир».

Конечно, руководители правительства прекрасно знали, на каких условиях пришли эти «спасители»-англичане. Не случайно они посылали своего представителя к англичанам в Энзели, где у них все было заранее обусловлено. Англичане брали под свой контроль весь водный и железнодорожный транспорт, нефтяную промышленность, государственный банк. Все это делалось без какого-либо участия азербайджанского правительства. Генерал Томсон своим приказом определил распорядок всей жизни бакинского населения.

Во всех английских документах нет даже упоминания об Азербайджане и его правительстве. И азербайджанское правительство не осмеливалось возражать или протестовать против этого.

Трудно представить себе более низкое моральное падение! Ложь и обман этого правительства, антинародный режим оккупантов постепенно раскрыли глаза рабочему классу Баку, вызвали у него бурю гнева и возмущения и в декабре 1918 года привели ко всеобщей политической забастовке.

Для бакинских рабочих все это было отличной школой классовой борьбы.

Перед заседанием Президиума рабочей конференции состоялось заседание Бакинского комитета партии. На этом заседании был предварительно рассмотрен вопрос о распределении обязанностей в Президиуме рабочей конференции, которое впоследствии и утвердил Президиум.

Обсудили также вопрос о нашей тактике в связи с тем, что с отдельных предприятий поступали все новые и новые сведения о намерении рабочих начать забастовку немедленно. Мы решили всемерно препятствовать этому стихийному движению. Вместе с тем было ясно, что между нашей недостаточной организационной подготовленностью и нарастающим стихийным стремлением масс к борьбе образуется все больший и больший разрыв, что надо принимать экстренные меры, и в первую очередь срочно создавать и укреплять

партийные организации в районах. Мы решили, чтобы Саркис Мамедьяров, Чикарев, Тюхтенев, Касумов, Плешаков и Якубов сосредоточили свои усилия на ведении нелегальной партийно-организационной работы. Были утверждены ответственные парторганизаторы по районам, а также определены формы сочетания легальной и нелегальной партийной работы. Мы исходили из того, что организация партийной работы и все наши связи должны быть строго законспирированы и что в случае провала легальных партийных работников нелегальная организация должна оставаться в неприкосновенности. Одна из первоочередных задач партийно-организационной работы заключалась тогда в том, чтобы собрать воедино всех коммунистов, которые в силу ряда обстоятельств еще не приобщились к активной партийной работе. По нашим подсчетам, таких коммунистов в Баку было не менее 200—300.

Вторая задача состояла в том, чтобы смело вовлекать в ряды партии беспартийных рабочих, а также бывших эсеров, которые показали себя стойкими борцами против английской оккупации и активно участвовали в стачках.

Предметом особого обсуждения был вопрос о работе среди рабочих-азербайджанцев. По этому вопросу было решено созвать специальное совещание с участием Караева, Гусейнова и Агаева.

Комитет рассмотрел также конкретные предложения, связанные с более активным участием коммунистов в выдвижении кандидатур в руководящие органы районных рабочих конференций и стачкомов.

На другой день после рабочей конференции мы собрались на первое заседание нового состава Президиума.

Председателем Президиума был избран Чураев; меня и эсера Ильина избрали товарищами председателя. Мы сразу же договорились о том, что председатель Президиума самостоятельно не будет принимать каких-либо решений без предварительного обсуждения с членами Президиума. Договорились и о том, что в случае ареста кого-либо из членов Президиума место выбывшего автоматически занимает один из имеющихся трех кандидатов в члены Президиума, а в случае ареста председателя или товарища председателя их места занимают соответственно Гогоберидзе и Анашкин.

Надо сказать, что поведение нефтепромышленников, азербайджанского буржуазного правительства и английского оккупационного командования в отношении рабочих к тому времени становилось все более провокационным. Промышленники не только отклоняли справедливые требования рабочих об улучшении условий их труда, но перестали платить им заработную плату.

Обстановка накалялась.

15 марта собрался Центральный стачечный комитет совместно с районными стачкомами. Представители районов рассказали о нетерпимом положении, которое создалось на предприятиях, о том возмущении, которым охвачены рабочие массы.

Представитель нефтеперерабатывающего предприятия Нобея (в Черном городе) заявил, например, о том, что они уже начали забастовку и не прекратят ее до тех пор, пока рабочим не будет выплачена заработная плата. Ряд выступавших осуждали нобелевцев за такое сепаратное выступление, но вместе с тем предлагали, чтобы в случае, если промышленники будут стоять на своем, в ближайшие два-три дня начать общую экономическую забастовку.

«Левее» всех оказался Ильин. Хотя он и отрицательно отнесся к сепаратному выступлению нобелевцев, но наряду с этим сам предложил, чтобы в предстоящей забастовке вместе с экономическими были выставлены и политические требования.

От большевиков выступили Гогоберидзе и Мирзоян. Они возражали против смещения экономических и политических требований и присоединились к тем, кто предлагал объявить всеобщую экономическую забастовку, если рабочим в течение двух-трех дней не будет выплачена зарплата.

Выступили также приглашенные на заседание Стачка социалисты — члены азербайджанского парламента Абилов и Пепинов. Они решительно высказались против политической забастовки, но поддержали требование забастовки экономической. Убедительно говорили они о том, что задержка с выдачей зарплаты тесно связана с действиями английского командования. В частности, Пепинов сообщил, что англичане взяли из банка на свои нужды 100 миллионов рублей и в результате в банке не осталось денег.

Положительное отношение Пепинова и Абилова к эконо-

мической забастовке имело в тот момент существенное значение: оно способствовало уменьшению колебаний среди части рабочих-азербайджанцев (находившихся тогда еще под влиянием мусаватистов) и содействовало их сплочению со всеми остальными рабочими Баку.

Некоторое представление о спорах, проходивших на заседании Центрального стачечного комитета, дает сохранившаяся в архиве краткая запись одного из моих выступлений.

«Микоян. Указывает, что задержка выпуска бон и выплаты жалования вызвана именно английским командованием. Оно, видя, что бакинский пролетариат готовится к серьезному политическому бою, начиная с 7 по 17 марта нарочно не выдавало жалования рабочим с целью сорвать политическую забастовку и «костлявой рукой голода», как говорил миллионер Рябушинский, задуть революционное движение в Баку. Все это было известно и всемерно поддерживалось также азербайджанским правительством и нефтепромышленниками. Противодействуя всем этим интригам объединенной контрреволюции, мы не должны поддаваться их провокации и выступать тогда, когда им нужно. Но все-таки мы стоим перед фактом стихийной экономической забастовки нобелевцев. Сколько бы ни осуждали сепаратное выступление нобелевцев, нельзя отрицать, что у нобелевцев достаточно революционной энергии и внутренней «нобелевской» организованности, хотя и без тесной связи со всем бакинским пролетариатом, и что они целых четыре дня ждали от Совета профсоюзов ответа, но не дождались. Предлагаем всем товарищам отнестись к этому важному вопросу серьезно и хладнокровно и не переводить его в область чести и самолюбия тех или других. Я высказываюсь категорически против предложения Ильина об объявлении экономической и политической забастовки одновременно. В данный момент, когда рабочий голодает, возможна только экономическая забастовка.

Но если возможно, мы должны избежать этой забастовки, так как перед нами стоит борьба за коллективный договор. Надо добиться путем ультиматума немедленной выплаты жалования. Должна быть созвана конференция, и только в случае невыплаты зарплаты следует объявить общую экономическую забастовку...»

Соответствующее предложение, внесенное большевиками, было принято стачечным комитетом.

Все это немедленно дало свои результаты. Азербайджанское правительство сразу же известило Президиум рабочей конференции о том, что им приняты экстренные меры. И действительно, вскоре зарплата была выдана.

Через три дня состоялось экстренное заседание Президиума рабочей конференции.

После зачитания письма азербайджанского правительства о том, что большая часть денег на заработную плату рабочим уже переведена, а оставшая часть будет полностью переведена в ближайшее время, Президиум принял решение общую забастовку не объявлять, но начавшиеся местные забастовки

не прекращать до выдачи рабочим заработной платы полностью. Вскоре конфликт был ликвидирован.

На этом заседании Президиума обсуждался также вопрос о коллективном договоре между профессиональным союзом и нефтепромышленниками. Докладчик по этому вопросу Коваль говорил о больших разногласиях, возникших во время переговоров между профсоюзами и нефтепромышленниками. Из 49 пунктов требований нового договора нефтепромышленники приняли только 7. Президиум решил до окончательного подписания проекта коллективного договора вынести его на широкое обсуждение рабочих бакинских предприятий.

В ходе заседания мною было внесено еще одно предложение — об издании газеты «Известия рабочей конференции» на русском и тюркском (азербайджанском) языках. Предложение было принято.

В тот же день все эти вопросы были представлены на утверждение экстренно созванной рабочей конференции, которая полностью одобрила деятельность своего Президиума, Центрального стачечного комитета и утвердила все принятые нами решения.

* *
*

Через два дня, 20 марта, исполнялось шесть месяцев со дня трагической гибели 26 бакинских комиссаров. В связи с этим Бакинский комитет партии внес на обсуждение рабочей конференции предложение объявить 20-е марта днем траура, провести однодневную забастовку, а также митинги и собрания, посвященные памяти погибших товарищей. Конференция единодушно приняла это предложение.

В тот же день Президиум Бакинской рабочей конференции принял обращение ко всем бакинским рабочим, которое заканчивалось призывом:

«Товарищи рабочие! Сегодня мы все, как один, должны заявить гнусным палачам, подлым изменникам, всем явным и тайным врагам пролетариата, что от грязных рук палачей пали наши вожди — великие борцы. Они пали, но их память вечно жива в наших сердцах, и святое дело их не умерло. Оно разрослось, приняло более широкие, могучие размеры, как наилучший способ увековечения их памяти. Мы будем теснее сплываться, энергичнее бороться за их и наши общие идеалы.

Пусть сегодняшний наш протест против международных империалистов послужит венком на свежих могилах павших борцов.

Дадим, товарищи, святую клятву, что так же самоотверженно и преданно будем продолжать ту борьбу, на терновом пути которой героически пали наши вожди и товарищи!

Вечная память павшим борцам!»

Центральный стачечный комитет объявил порядок проведения однодневной забастовки. Предусматривалось, что 20 марта прекратят работу все предприятия Баку, за исключением водопровода, больниц, аптек, телеграфа, части пекарен, а городская электростанция будет работать только вечером.

Бакинский комитет партии подготовил и издал большим тиражом специальный номер однодневной газеты, посвященной памяти бакинских комиссаров.

В большой статье, написанной тогда мною для этой газеты, подробно освещались события, связанные с гибелью бакинских комиссаров, и разоблачалась преступная, предательская роль в этом злодеянии лидеров бакинских правых партий, эсеров, меньшевиков и дашнаков.

«Ровно полгода тому назад,— писал я в этой статье,— в пустынной степи Закаспия, далеко от людских глаз, совершилось величайшее злодеяние. Кучкой контрреволюционных бандитов, без суда и следствия, по одному молчаливому жесту главарей южнороссийских контрреволюционных шаек, были зверски расстреляны и растерзаны великие вожди партии коммунистов на Кавказе, руководившие революционным движением бакинского пролетариата в течение десятков лет. Трусливые преступники и подлые изменники с бесчеловечной жестокостью подвергли безоружных героев во время страшной казни невообразимым пыткам и грязным издевательствам. Равнодушными свидетелями этой гнусной, кошмарной трагедии были лишь безмолвная степь да бледная луна, освещавшая эту дикую расправу с великими носителями святых идей.

Сегодня, в день памяти героически павших товарищей, бакинский пролетариат должен отложить всякую другую работу, все другие думы и с великим торжеством отметить светлую память своих павших вождей... Сегодня весь бакинский пролетариат должен проявить свою величайшую ненависть и презрение к наглым империалистам и их подголоскам. Он должен гордо и смело заявить во всеуслышание, что слова и деятельность его великих вождей не остались «гласом вопиющего в пустыне», а глубоко проникли в души и сознание широких масс пролетариата, революционизируя и воспитывая их в духе коммунизма.

Да, мировые хищники-империалисты, зверски расстреляв великих членов пролетарской, коммунистической семьи, думали этим обезглавить рабочую массу. Но они ошиблись в своих расчетах, ибо пролетарскую семью обезглавить нельзя, ибо каждый член нашей великой Коммуны сам по себе, по природе своей — вождь и стойкий боец. Наши руководители ушли от нас — мы будем заменять их. Они боролись до конца своей жизни, и мы будем бороться до окончательного уничтожения власти наших трусливых врагов. Умерли они, да здравствуют они!»

Этот номер газеты стал обвинительным актом, изобличающим зверское лицо английских оккупантов и их подручных — правые социалистические партии.

По существу, широкие массы бакинского пролетариата

именно из этой газеты узнали подробности гибели бакинских комиссаров: ведь мое выступление — неделей раньше, на заседании рабочей конференции, — было опубликовано без этой части, и о нем знали лишь делегаты конференции и те немногие рабочие, которым они успели о нем рассказать.

Рабочие дружно поддержали призыв нашей партии о проведении 20 марта однодневной забастовки. Почти на всех предприятиях работа в этот день была прекращена.

Город бурлил. Повсеместно шли многолюдные митинги. Выступали большевики, делегаты рабочей конференции, передовые рабочие.

На улицах, в театрах, в столовых — всюду, где только могли собраться рабочие, они демонстрировали свое единство, солидарность, доверие к руководству рабочей конференции и в конечном результате — к нашей большевистской партии.

Характерно, что ни английское оккупационное командование, ни местное азербайджанское правительство не осмелились чинить какие-либо препятствия проведению забастовки и митингов.

Мне довелось в тот день выступить в Черном городе, в столовой Нобеля. Столовая вмещала около тысячи человек. После наших речей выступали рабочие. При рассказах о том, как погибли бакинские комиссары, многие рабочие плакали. Чувствовалось, что гибель комиссаров рабочие воспринимали как свое величайшее горе. Мне помнится выступление одного старого рабочего, который сказал: «В смерти наших вождей мы должны винить самих себя: мы сами их не отстояли». Он напомнил митинг накануне падения Советской власти, 25 июля 1918 года. В этой самой столовой при такой же массе рабочих выступал в последний раз Алеша Джапаридзе. Старик вспомнил, как ему не давали говорить. «Мы отчаялись и разуверились тогда в способности Советской власти отстоять Баку, поддались обману эсеров и меньшевиков и голосовали за англичан, против наших вождей. Да, мы виновники их смерти, правда слепые виновники. Но когда мы проснулись, когда мы прозрели, наших руководителей уже нет в живых. Своей смертью они раскрыли наши глаза и проложили нам путь борьбы. Так искупим свои грехи непоколебимой верой в то знамя, под которым они пали». Это выступление произвело огромное впечатление на всех.

После окончания митинга я направился в Маиловский театр, где тоже выступил на массовом митинге. Я с трудом

добрался. На улице стояла большая толпа рабочих, которые не могли проникнуть в театр; вопреки объявленному плану, люди стихийно стекались сюда из других районов города. Прилегающие улицы были запружены народом.

Митинг был здесь в полном разгаре. Собравшиеся рабочие были настолько возбуждены, что мне сперва показалось: вот-вот руководство митингом вырвется из наших рук. Возбуждение достигло высшего предела, когда один из выступавших, водник, сообщил, что прямые убийцы Шаумяна, Джапаридзе и других комиссаров — Дружкин и Алания доставлены английским военным командованием в Баку для дальнейшего следования через Батум в Англию и в данный момент находятся на пароходной пристани. Тысячеголосый митинг загудел. Раздались голоса, предлагающие идти к зданию английского военного командования и требовать выдачи убийц, а в случае отказа — разгромить здание.

Поняв, что такой необдуманый, стихийный порыв неизбежно закончится бесплодным кровопролитием и разгромом наших сил (ибо английскому 15-тысячному гарнизону не стоило большого труда расстрелять безоружную рабочую демонстрацию), мы решили воспрепятствовать этому опасному шагу. Мы твердо заявили, что такое выступление будет выгодно только нашим врагам. Прольется рабочая кровь, а цели мы не достигнем. Мы говорили и о том, что павшие товарищи, память которых мы чтим сегодня, всегда были противниками такой неорганизованной борьбы рабочего класса. Мы предложили послать делегацию от участников митинга к английскому командованию с требованием выдать убийц для проведения над ними законного суда, а кроме того, организовано пройти массовой демонстрацией по главным улицам Баку, чтобы показать и свою мощь, и свою ненависть к врагам рабочего класса.

Хотя многих все еще не оставляла мысль о «походе» на английский штаб, митинг принял наше предложение. Кто-то из водников под одобрение всех присутствующих предложил, что если англичане захотят переправить Дружкина и Алания в Персию, то рабочие-водники должны отказаться их везти. О том же самом заявили и железнодорожники.

Делегация к английскому командованию была выделена и послана, а участники митинга, вместе со скопившимися на улицах тысячами рабочих внушительной демонстрацией, с пением революционных песен прошли по улицам Баку к рабочему клубу — резиденции рабочей конференции и ее Пре-

зидиума. Мне запомнился один характерный случай. Когда мы шли по улицам со снятыми шапками и пели «Вы жертвою пали», глазевшая на нас со стороны публика была вынуждена тоже снимать шапки. Один белогвардейский офицер стоял на тротуаре и смотрел на проходящие колонны демонстрантов, не снимая фуражки. Раздались грозные окрики: «Шапку долой!» Офицер был вынужден снять фуражку.

Демонстрация мирно прошла по всем главным улицам города, дошла до рабочего клуба, где был проведен митинг.

Железнодорожники сдержали свое слово: они аккуратно проверяли все составы поездов, чтобы не пропустить Дружкина — этого главного исполнителя расстрела комиссаров — и Алания, производившего их арест в Красноводске.

Английское командование отказалось их выдать. Испугавшись, что Дружкина и Алания растерзают в поезде, англичане все же перехитрили нас и, как нам потом стало известно, отправили их на бронев автомобиле через Шемаху на станцию Аджикабул. Им удалось посадить Дружкина и Алания в поезд незамеченными и отправить в Батум.

День памяти погибших революционных вождей бакинского пролетариата стал днем массовой демонстрации торжества идей коммунизма в Баку. Мы воочию убедились, что дела и образы наших незабвенных друзей живы в сердцах бакинских рабочих. Их жизнь и их великие революционные дела вдохновляли рабочих на дальнейшую борьбу за победу коммунизма. Они по-прежнему были с нами, они жили среди нас и вели бакинский пролетариат вперед. Каждый из нас, коммунистов, не мог не радоваться этому от всей души.

Коренные изменения, которые произошли в расстановке политических сил в Баку, хорошо понимали и наши враги. Но мы не упивались первыми успехами: достигнутый уровень рабочего революционного движения ставил перед нами исключительно высокие требования. Надо было стоять во главе этого движения.

* *
*

Возбужденные, собрались мы вечером того же дня в Бакинском комитете партии. Делились впечатлениями, давали оценки, делали прогнозы. Нам стало совершенно ясно, что необходимо развернуть еще более активную работу по созданию крепких партийных организаций во всех районах. Надо было переходить к завоеванию руководящего положения и в профсоюзах, взять под руководство партийных орга-

нов рабочие клубы во всех районах, превратив их в базы для развертывания массовой политической работы среди рабочих, и вместе с тем использовать их как пункты связи и явок партийных организаций районов и предприятий. Нужно было во что бы то ни стало добиться регулярной связи с Астраханью, а через Астрахань — с Москвой, с ЦК партии.

До этого мы не получали указаний от руководства ни из края, ни из Советской России. Нам приходилось, как говорится, «вариться в собственном соку», самим определять свою тактику в ходе развивающихся событий, принимать самостоятельные решения.

События поднимали нас на новый, значительно более высокий гребень революционной волны.

В апреле на одном из заседаний Бакинского комитета партии я неожиданно узнал, что товарищи уже давно создали при Бакинском комитете партии боевую группу.

С одной стороны, это меня обрадовало. Но с другой стороны, я был поражен, когда на заседании комитета стали выступать участники этой группы товарищи Гигоян, Ковалев и Алиханян. Они рассказали, что группа их организована хорошо, что у них имеется солидный запас оружия и надо лишь решать вопрос о том, когда начать вооруженное восстание для захвата власти в Баку. Еще больше меня удивило то, что многие члены партийного комитета поддержали предложение о восстании. Мне показалось даже, что кое-кто может тут же проголосовать за это предложение.

После долгих споров члены комитета поручили мне вместе с боевой группой уточнить положение и свое мнение доложить на следующем заседании комитета.

Из боевой группы я хорошо знал Алиханяна — бывшего моего школьного товарища и близкого друга. Он был моложе меня на два-три года. Как преданный революционер, он пользовался у нас большим доверием. Правда, я знал, что Геворг Алиханян в юности увлекался анархизмом. Но то было «увлечение молодости», хотя в его характере было немало элементов бунтарства. Гигоян — член ВРК Кавказской Красной Армии, был арестован вместе с бакинскими комиссарами в Красноводске. Из красноводской тюрьмы его освободили несколько раньше нашего возвращения в Баку, и, когда мы приехали, он уже месяца два работал там в подпольной партийной организации. Он был на несколько лет старше меня, служил в старой армии и считался достаточно опытным подпольщиком. Третий член боевой группы — П. Ковалев был старше всех

нас. Он прибыл из Петровска, где работал в комитете партии. Выходец из партии максималистов, он и теперь придерживался несколько анархистских, левацких взглядов.

Когда вместе с этой тройкой я стал разбираться во всех их делах, то просто поразился, как можно было говорить серьезно о восстании при том ограниченном количестве оружия и столь малочисленных людских кадрах, которыми они располагали. Я стал их упрекать в несерьезном, авантюристическом отношении к подготовке вооруженного восстания. Они стали оправдываться, заявляя, что основная их ставка — на большевистски настроенных военных моряков. Но и этот аргумент не выдерживал никакой критики, потому что значительная часть военных моряков была к тому времени арестована, многие разоружены, а некоторые где-то скрывались. Законспирированных же моряков, еще не выявленных в военном флоте, было не так уже много. Моя тройка хотя и не сдалась, однако по всему было видно, что в душе все они сознают несостоятельность своих позиций.

На заседании Бакинского комитета партии в присутствии этой тройки я заявил, не раскрывая деталей, что у боевой группы нет реальной силы, способной на вооруженное восстание, и высказал свое мнение и о политической стороне этого вопроса.

Если бы, говорил я, у нас и было достаточно вооружения и боевых групп, то и тогда организовывать в данный момент вооруженное восстание для захвата власти было бы авантюрой, которая могла закончиться только одним — полным разгромом нашей организации. В составе Рабочей конференции немало меньшевиков и эсеров. Руководство профессиональных союзов в большинстве случаев тоже пока находится в их руках. Партийные организации в районах еще не созданы. Правда, настроение у рабочих боевое, но должной их организованности нет. Мы не имеем никакой связи ни с ЦК партии, ни с краевым комитетом в Тифлисе. Северный Кавказ и Закаспий находятся в руках контрреволюции. Одна Астрахань советская, но и с ней мы никак не связаны. Мы не в силах сейчас сами одолеть имеющийся в Баку 15-тысячный гарнизон английских оккупационных войск и несколько тысяч азербайджанских солдат. А когда Советская Россия сможет прийти к нам на помощь, никому из нас неизвестно. Таковы были основные положения моего выступления.

Поэтому, заканчивая свою речь, я предложил, чтобы боевая группа продолжала работу по собиранию сил и оружия,

а вопрос о вооруженном восстании был отложен до более подходящего времени.

Мне показалось, что члены комитета партии не только согласились со мной, но даже были довольны такой постановкой вопроса. По всему было видно, что боевая тройка, состоящая из людей весьма напористых, но несколько забегающих вперед, оказывала до сих пор определенное давление на членов партийного комитета. Наш разговор начистоту помог членам комитета избавиться от этого давления.

Размышляя о тех днях, я все больше удивляюсь, сколь проческими были многие высказывания Степана Шаумяна. Вспоминаю хотя бы его предупреждения морякам Каспийской военной флотилии.

Надо сказать, что история Каспийского военного флота вообще представляет немалый интерес.

В октябре 1917 года этот флот, став на сторону большевиков, сыграл немалую роль в революционной борьбе за переход власти в руки Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако вскоре в личном составе флота произошли довольно большие изменения. Ушли многие передовые, наиболее активные моряки. Это способствовало тому, что в критические дни боев за Баку против турецко-мусаватистских войск моряки флота, обманутые эсерами и через них же частично подкупленные англичанами, проголосовали за приглашение англичан в Баку.

Степан Шаумян, резко осуждая за это моряков флотилии, сказал тогда, обращаясь к ним, что они очень скоро убедятся в допущенной ошибке. События, развернувшиеся в ближайшие месяцы в Баку, раскрыли глаза обманутым морякам. Они поняли всю низость своего поступка, раскаялись в нем и в подавляющем большинстве вновь стали на сторону Советской России. Во всяком случае, после второго прихода английских оккупантов в Баку моряки Каспийской военной флотилии были в одних рядах с бакинскими рабочими и дружно вели общую борьбу с оккупантами. Товарищи рассказывали мне, что в день победоносного завершения всеобщей политической забастовки рабочих Баку — в декабре 1918 года — орудия всех военных кораблей Каспийской флотилии дружно салютовали в честь этой победы.

Для английского оккупационного командования Каспийская военная флотилия оказалась крепким орешком. Она была хозяином положения на море, причем хозяином, настроенным к тому времени откровенно большевистски. За-

вести здесь свой флот англичане еще не успели. Вокруг флотилии шла ожесточенная борьба. Одни меньшевики, выступая на рабочей конференции, требовали разоружить Каспийскую флотилию и превратить ее в обычный торговый флот. Другие меньшевики, как, например, Рохлин, предлагали отдать флотилию полностью в распоряжение азербайджанского правительства. Англичане, в свою очередь, мечтали передать Каспийскую флотилию деникинцам. Коммунисты же добивались, чтобы флотилия ушла в Астрахань, в распоряжение Советской власти.

В феврале 1919 года английское военное командование предъявило Каспийской флотилии ультиматум о разоружении. Это послужило сигналом к тому, чтобы флотилия по решению Бакинского комитета партии снялась с якорей и направилась из Бакинского порта в сторону Астрахани. Вместе с флотилией выехал и товарищ Гогоберидзе как представитель Бакинского партийного комитета.

Но лед в дельте Волги еще не растаял, и доступа к Астрахани не было. Флотилия вернулась в Баку. Тут-то и началось разоружение военных судов, массовое увольнение моряков, аресты «ненадежных», большевистски настроенных матросов и командиров. Бакинские коммунисты старались через рабочую конференцию всячески помочь морякам флотилии, не допускать увольнений и преследований матросов. Но в большинстве случаев это не давало нужных результатов.

С большим трудом некоторым из наших товарищей-моряков удалось вырваться из рук англичан. Вскоре мы приняли решение: через Президиум рабочей конференции предъявить англичанам ультиматум об освобождении военных моряков. Англичане долго упорствовали, но все же вынуждены были уступить. Моряки — их было около семидесяти — вышли из тюрьмы. Этот успех ободрил нас и укрепил наши позиции.

Между тем деникинская контрреволюция все усиливалась. Белогвардейцы стали укреплять свои позиции в Дагестане и на Каспийском море. По всему было видно: план этот выдвинул англичанами, которые во что бы то ни стало хотят иметь надежную опору на Каспии.

Англичане вооружили ряд торговых и наливных пароходов, таких, как «Эммануил Нобель», «Шмидт» и другие, дальнобойными орудиями и поставили на них свои команды. Одновременно оккупанты приступили к организации деникин-

ского военного флота под своим общим командованием. С этой целью они передали Деникину некоторое количество вооруженных торговых судов для несения сторожевой охраны и патрулирования северной части Каспийского моря. Они подготавливали передачу Деникину всей Каспийской военной флотилии, а также всего военного снаряжения, оставшегося в Баку.

Видя все это, Президиум рабочей конференции выступил с таким примерно дипломатическим заявлением: ввиду того что военные суда и военное снаряжение являются имуществом Российского государства, а это государство еще не на всей своей территории восстановлено, мы считаем недопустимой передачу этого имущества кому бы то ни было. Требуем интернирования всех военных судов и военного снаряжения впредь до полного восстановления Российского государства в его границах.

Хотя успех такого демарша в тех условиях казался сомнительным, нам все же удалось при поддержке большинства личного состава Каспийской флотилии добиться, чтобы военные суда были поставлены на прикол. Правда, некоторая часть военного снаряжения попала в руки деникинцев.

Не будучи уверены, что нам удастся долго удерживать военные суда на приколе, мы решили: через своих товарищей — бывших матросов этих судов — снять с кораблей ценные части машин и спрятать в надежных местах. Операция была проведена успешно. Это было очень важно; знающие люди утверждали, что такие части машин можно было найти или изготовить только в Петрограде. Таким образом, для контрреволюции эти суда оказались выведенными из строя.

Вспоминая то время, не могу не рассказать о том, как мы помогли тогда вызволить из тюрем оккупантов большую группу рабочих-революционеров.

Когда большевикам, находившимся в Закаспии на нелегальном положении, стало известно, что после нашего возвращения в Баку коммунисты стали у руководства рабочей конференции, они прислали в Баку своих представителей.

На одном из заседаний рабочей конференции мы представили им слово. Они приветствовали конференцию, выражая свое восхищение героической борьбой бакинских пролетариев, и заявили о солидарности закаспийских рабочих с этой борьбой. Вместе с тем они высказали просьбу, чтобы рабочая конференция, используя свое влияние, обратилась к английским оккупационным властям с требованием об осво-

бождении из закаспийских тюрем содержащихся там рабочих-революционеров.

Эту просьбу рабочая конференция встретила бурными аплодисментами. От имени конференции мне было поручено выступить с ответным словом. При полном одобрении зала я заявил, что рабочая конференция примет все меры к освобождению своих закаспийских товарищей.

Вскоре мы направили английскому командованию письменное требование освободить всех политических арестованных, содержащихся в тюрьмах Красноводска, Кизыл-Арвата, Ашхабада и Энзели, и направить их в распоряжение рабочей конференции. (Оставление наших товарищей после освобождения на месте все равно не дало бы толку, так как они могли вновь стать жертвами террора.)

В подкрепление своего требования мы выставили угрозу всеобщей политической забастовки.

Около двух недель шли упорные переговоры. В конце концов английское командование было вынуждено уступить. Все политические заключенные были освобождены из тюрем и переданы Бакинской рабочей конференции.

Нашего полку все прибывало!

* * *

*

В марте 1919 года нам удалось провести Бакинскую партийную конференцию — первую конференцию после гибели бакинских комиссаров.

Помню, на эту конференцию собралось до 30 делегатов со всех районов Баку. Мы слушали краткие сообщения о политическом положении и состоянии партийной организации в районах.

Из докладов было видно, что почти в каждом промышленном районе Баку организовалось крепкое ядро коммунистов. Ими руководили Анашкин, Гогоберидзе, Давлатов, Касумов, Маюмедяров, Мирзоян, Пляшаков, Родионов, Саркис, Чикарев, Якубов и другие товарищи. На Баилове, Бибиэйбате, Балаханах, Сураханах, Забрате, в Черном и Белом городе, Завокзальном, городском и портовом районах Баку, на ряде промыслов и предприятий действовали партийные ячейки, которые после этой конференции были объединены в районные организации во главе с районными комитетами партии.

Однако состояние партийной работы все еще не соответствовало общему подъему рабочего движения. На многих

предприятиях насчитывалось по одному-два коммуниста. Немало было и таких предприятий, особенно мелких, где вообще не было ни одного члена нашей партии. И хотя те коммунисты, которые остались после всех событий в Баку, были активными партийными работниками, они не были вполне подготовлены для выполнения новых, более ответственных задач, которые выдвигала жизнь. Они не были так же хорошо известны рабочим, как, например, представители меньшевиков или эсеров, которых в большинстве не коснулись аресты, казни и высылки.

Выступавшие на конференции приводили много фактов, свидетельствующих, что избранные в фабрично-заводские комитеты и в рабочие конференции беспартийные рабочие и бывшие левые эсеры вели себя очень хорошо. Стала улучшаться работа в профессиональных союзах. На конференции определилась и наша тактическая линия: поддерживать активно выступающих беспартийных рабочих, больше на них влиять в идейном отношении, оказывать им доверие и всяческую поддержку, подготавливая их для вступления в нашу партию.

Конференция приняла решение: в течение ближайшей недели провести районные партийные конференции, избрать райкомы и немедленно взяться за восстановление партийных ячеек на предприятиях. Было решено принять в партию тех беспартийных, которые во время тяжелых событий последних месяцев хорошо себя проявили, — это было лучшей формой проверки вступающих, чем обычный кандидатский стаж.

Много внимания конференция уделила вопросу о работе среди мусульманских рабочих, которая нуждалась в значительном улучшении.

Работу среди азербайджанских рабочих вела организация «Гуммет». Состав ее к тому времени заметно изменился.

Может быть, в связи с этим следует напомнить, что представитель прежнего «Гуммета» (он был при Бакинском комитете нашей партии) А. Б. Юсифзаде участвовал в VI съезде Коммунистической партии. Заканчивая свою речь на этом партийном съезде, он сказал: «... надеюсь, что партия окажет нам всякую поддержку в нашем трудном и ответственном деле».

После этого председательствовавший на съезде В. П. Ногин заявил: «Я позволю себе, товарищи, от имени съезда приветствовать товарищей мусульман, входящих в нашу партию, и делегата, впервые появившегося на нашем съезде. Я работал

в 1905—1906 гг. в Баку и знаю, какую работу приходилось вести товарищам гумметистам и какую услугу оказали они партии...

Я предлагаю съезду выразить пожелание, чтобы ЦК оказал и материальную и всякую другую поддержку «Гуммету».

Предложение Ногина было единогласно принято съездом.

Как известно, после временного падения Советской власти в Баку руководители и видные деятели коммунистической организации «Гуммет» выехали в Советскую Россию. Оставшиеся в Баку гумметисты-большевики работали в подполье. Когда бакинская организация РКП(б) стала развертывать свою деятельность, они принимали в ней самое активное участие. В это время из Тифлиса в Баку переехало руководство гумметистов-меньшевиков. Это были главным образом члены социалистической фракции бывшего закавказского сейма, а затем мусаватского парламента. Они начали свою деятельность в Баку, так же как и в Тифлисе, под названием РСДРП — «Гуммет».

После весенних бакинских событий 1919 года в руководстве «Гуммета» стало заметно усиливаться влияние большевиков и развернулась обостренная борьба между ними и правыми гумметистами.

Перед нами встал вопрос: как усилить политическую работу с азербайджанцами, используя для этого и организацию «Адалет» (объединивших азербайджанцев — выходцев из Персии), и особенно «Гуммет»? В связи с этим было решено провести совещание с руководителями гумметистов-большевиков и «Адалета».

Из руководителей этой организации я хорошо помню трех талантливых рабочих — братьев Агаевых. Эти братья хотя и не имели образования, зато были от природы даровитыми вожаками, обладали политическим опытом и были страстно преданы делу коммунизма, беззаветно, я бы даже сказал, фанатически верили в идеи партии. Они активно участвовали во всех собраниях и действовали вместе с коммунистами.

На конференции не было специального доклада о политике и тактике нашей большевистской организации, хотя об этом много говорилось в речах делегатов. По этому вопросу у нас не было никаких разногласий, потому что в основном линия нашего поведения определилась еще на последнем заседании рабочей конференции.

В тот период очень остро стоял вопрос о необходимости установления регулярных связей с Кавказским краевым ко-

митетом партии, который находился в Тифлисе. Еще осенью 1918 года в связи с преследованием большевиков Грузии меньшевистским правительством большинство членов крайкома и сам крайком перебравшись во Владикавказ (ныне Орджоникидзе), где тогда была Советская власть. В Тифлисе осталась группа членов крайкома, которая выполняла роль центра для Закавказья. После захвата деникинцами Северного Кавказа руководящие работники крайкома нелегально перебравшись из Владикавказа и Баку в Тифлис и постепенно стали налаживать работу в районах Грузии и Армении, но до Баку они не добрались.

В связи с этим конференция поручила Бакинскому комитету партии послать своих представителей в Тифлис для обсуждения с крайкомом всех текущих вопросов, и в том числе о созыве в ближайшее время Общекавказского партийного съезда, но не в Тифлисе, а в Баку. Это мотивировалось тем, что политическая жизнь тогда бурлила именно в Баку; в Грузии же и в Армении было затишье. Серьезным аргументом в пользу проведения съезда в Баку было и то, что нашим руководящим партийным работникам в тогдашних условиях нельзя было одновременно покидать Баку. Бакинская конференция избрала делегатов на Общекавказский съезд — Гогоберидзе, Ависа, Анашкина, Ольгу Корнееву, Лидака, Саркиса и меня. (Однако вследствие плохой подготовленности крайком отменил тогда его проведение.)

Конференция одобрила политику, проводимую Бакинским комитетом партии, избрала новый комитет РКП(б). Действовавший до марта Бакинский комитет партии не избирался, как обычно, на партийной конференции, а был образован путем так называемой кооптации. Так не раз случалось в нашей партии, когда в создавшихся тяжелых условиях не представлялось возможным провести ни партийного съезда, ни конференции. Вновь избранному комитету конференции поручила развернуть массовую работу среди азербайджанских рабочих во всех районах, вовлекая активных рабочих, имеющих влияние среди азербайджанцев, в составы фабрично-заводских и промысловых комитетов, в президиумы рабочих районных конференций, обратив главное внимание на работу организации «Гуммет».

На следующий же день мы устроили встречу с представителями «Гуммета» — членом Президиума рабочей конференции Али Гейдар Караевым и Мирза Давуд Гусейновым. На эту встречу был приглашен и один из руководителей «Ада-

лета» — Бахрам Агаев. От нас в этой встрече приняли участие Гогоберидзе, Саркис, Анашкин и я. Мы изложили свои взгляды на общее положение в Баку, сказали, что считаем необходимым сосредоточить внимание на работе среди азербайджанских рабочих и в «Гуммете». Они согласились с тем, что пока еще довольно малая часть азербайджанских рабочих участвует в революционной борьбе, а некоторые все еще находятся под прямым влиянием мусаватистов. Согласились и с тем, что «Гуммет» очень слабо работает среди этих рабочих. Мы обратили внимание товарищей на то, что нельзя дальше терпеть положение, когда в ряде районов гумметисты выступают против нашей линии. В этом с нами полностью согласился Агаев. Он рассказал о планах «Адалета» и заверил, что персидские рабочие будут поддерживать все наши мероприятия и пойдут вместе с русскими и армянскими рабочими. Он правильно поставил вопрос о том, чтобы на собраниях коммунистических ячеек могли бы присутствовать члены «Адалета», тем более что фактически это во многих местах уже происходило. Мы обещали дать по этому вопросу указания нашим районным организациям.

Было видно по всему, что и Караев и Гусейнов правильно нас поняли. Но они говорили о трудностях, которые стояли перед ними. Сами они лично были целиком с нами и говорили, что мы на них можем положиться, как на настоящих большевиков. Они назвали также Мирфатага Мусеви и Ашума Алиева, которым тоже можно было вполне доверять. (Ряд членов руководства «Гуммета» придерживался взглядов правых социалистов.)

Тогда мы поставили вопрос о том, что пришла пора большевикам «Гуммета» отколоться от меньшевиков, ибо при нынешнем подъеме рабочего движения и значительном общем полевении рабочих масс существование объединенного «Гуммета» шло на пользу только меньшевикам из «Гуммета» и вредило коммунистам.

Караев в силу своего мягкого характера сразу не мог согласиться на раскол — для него это был очень крутой и резкий поворот — но он обещал выяснить у своих товарищей по руководству «Гумметом» их отношение к этому вопросу, разобратся, как идет подготовка к конференции «Гуммета», чтобы обеспечить на ней преобладание сторонников большевиков. Гусейнов разделял взгляды Караева.

Мы согласились с ними. Тем более что нужно было известное время, чтобы массы сами на своем опыте убедились

в соглашательской и предательской сущности гумметистов-меньшевиков, ловко заигрывающих с национальными чувствами отсталых масс трудящихся мусульман.

Мы были единодушны в том, что большевикам-гумметистам следует оставаться в парламенте и использовать его трибуны для разоблачения антинародной политики правительства.

25 апреля 1919 года в Рабочем клубе состоялась конференция «Гуммета», на которой развернулась острая борьба между меньшевиками и большевиками. В руководство организации, состоящее из 11 человек, вошло 7 большевиков: Караев, Гусейнов, Мусеви, Алиев, Агазаде и другие.

Через некоторое время перед бакинской организацией РКП(б) практически встал вопрос о расколе «Гуммета» и о создании коммунистической организации «Гуммет». Вскоре это и было осуществлено.

Через день-два после нашей встречи с представителями «Гуммета» и «Адалета» Гогоберидзе, Анашкин и я выехали в Тифлис для участия в заседании краевого комитета партии и выполнения решений, принятых Бакинским комитетом партии.

Предлагая созыв краевого Общекавказского партийного съезда и даже избирая на него своих делегатов, мы были уверены, что наше предложение о проведении этого съезда в Баку не встретит возражений в крайкоме, так как еще в декабре 1918 года старый состав крайкома, который в то время находился во Владикавказе, обратился с призывом к парторганизациям Северного Кавказа прислать в январе 1919 года своих делегатов на созываемый во Владикавказе краевой съезд партии. В то время в Баку, да и во всем Азербайджане еще не были восстановлены партийные организации. Подверглись разгрому партийные организации Армении и Грузии, — как я уже говорил, часть коммунистов сидела в тюрьмах, часть — пряталась, а очень многие уехали на Северный Кавказ, где участвовали в гражданской войне, в борьбе за Советскую власть. Поэтому на краевом съезде, который все же состоялся в январе 1919 года во Владикавказе, из-за сложившейся обстановки многие организации не были представлены. Однако, учитывая особую сложность положения, съезд объявил себя правомочным. На этом съезде и был избран крайком партии.

Теперь, когда обстановка изменилась, созыв полномочного партийного съезда стал делом не только вполне реальным, но и

безотлагательным. Назрело много нерешенных принципиальных вопросов, связанных с дальнейшим развитием революционного рабочего движения; очень остро встала проблема сплочения и сосредоточения сил всех партийных организаций, выработки единой тактики с учетом общего состояния дел в Советской России. Мы нуждались в тесной повседневной связи с краевым комитетом партии, а ее не могло быть хотя бы потому, что в составе крайкома не было ни одного представителя Баку.

ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ РАБОЧИХ ЗАКАВКАЗЬЯ

Встречи с друзьями. — Среди родных. — Съезд профсоюзов Баку. — Вопрос о Советах. — На лодках в советскую Астрахань!

Связавшись — по явкам — с товарищами из крайкома, мы договорились с ними провести обстоятельную беседу. На наше счастье, почти все члены крайкома были в ту пору в Тифлисе, кое-кто в Кутаисе, но и они приехали на встречу с нами.

Заседание крайкома было созвано по всем правилам конспирации. Мы все давно не виделись, поэтому встреча была радостной и теплой. По-братски обнялись, вспомнили общих друзей. Тифлисские товарищи с большим интересом ждали от нас подробной информации о положении дел в Баку: слухов о наших делах у них было очень много, и в основном хороших, но достоверными сведениями они почти не располагали.

Наш рассказ вызвал большой интерес. Товарищи из крайкома радовались быстрому возрождению бакинской партийной организации и росту ее руководящей роли в рабочем движении.

В свою очередь, мы попросили членов крайкома рассказать нам, что происходит в Грузии и Армении, как работает краевой комитет, какими силами располагает здесь партия, почему краевой комитет не проявляет необходимой активности в установлении связи с Баку, почему не помогает нам руководящими кадрами, которых в Баку так не хватает.

Из сообщений тифлисских товарищей, а также Орахелашвили о Кутаисе и Мравяна об Армении вырисовывалась

следующая картина. Многие коммунисты в тюрьмах. Некоторые члены партии фактически не работают: опасаются репрессий. Но активная часть коммунистов продолжает нелегально работать, и подпольные организации существуют. Однако крайкому только недавно удалось восстановить регулярную связь с местными организациями.

Затем по нашему предложению были обсуждены вопросы о созыве Общекавказской партийной конференции в Баку, о проведении Общекавказского съезда профсоюзов. Формально в Тифлисе существовал краевой Кавказский совет профессиональных союзов, однако о его работе в Азербайджане не было ничего известно. Правда, это нас не очень огорчало: совет состоял из меньшевиков, избран он был неизвестно когда и, конечно, никаким руководящим центром краевого профсоюзного движения не являлся. Мы рассказали товарищам, что можем обеспечить от Баку на предстоящем краевом профсоюзном съезде достаточно высокий процент коммунистов и их сторонников. Мы, конечно, представляли себе, насколько сложнее обстояло дело в профсоюзах Грузии и Армении, но если хотя бы треть или четверть делегатов от профсоюзов этих двух республик будут составлять коммунисты и их сторонники, то есть реальная возможность обеспечить руководящую роль коммунистов как на самом съезде, так и в избранном им краевом совете профсоюзов.

После обсуждения крайком принял решение о необходимости созыва профсоюзного съезда. В связи с тем что наиболее широко и успешно рабочее и профессиональное движение развивалось в то время в Баку, было решено и съезд профсоюзов провести в Баку. Поэтому всю работу по подготовке съезда крайком возложил на нас, бакинцев.

Так по-деловому были тогда в крайкоме решены многие вопросы, которые всех нас очень волновали.

Вспоминая, как проходило их обсуждение, мне хочется отметить его высокий идейно-партийный уровень, деловую и товарищескую атмосферу. Мы, в частности, были очень довольны тем, что члены крайкома так хорошо, по-партийному приняли нашу критику в свой адрес, старались откровенно объяснить нам как объективные, так и субъективные причины недостатков в работе крайкома. Это обсуждение обогатило нас хорошим знанием общекавказских дел. Более ясными стали перспективы нашего общего движения. В результате этой встречи у всех нас сложились хорошие личные товарищеские отношения.

...Хожу по улицам старого Тифлиса. Смотрю на дома, разглядываю витрины магазинов, всматриваюсь в лица проходящих людей.

Удивительное дело! Все вокруг как будто и не изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз. Ни одного нового дома не построено и не строится. Магазины такие же, какими были и раньше, разве чуть псбеднее. Жители по-прежнему заняты своими заботами.

Но одно не похоже на прежний Тифлис: по улицам, как и в Баку, беззаботно разгуливают группами и в одиночку английские солдаты и офицеры. Солдаты частенько сворачивают во дворы домов и тут же с рук продают населению какое-то барахлишко или продукты из довольно обильного своего пайка: консервы, шоколад, сгущенное молоко и т. п.

Появление на улицах английских солдат в непривычных здесь шотландских юбках обычно становится предметом шуток и издевок окружающих, особенно мальчишек. Однако англичане ведут себя довольно мирно и даже добродушно; население отвечает им тем же. В какой-то мере и эта «дворовая» купля-продажа и эти шотландские наряды стали здесь уже частью каждодневного быта.

По городу мы ходили тогда свободно. Приехав сюда легально, по своим настоящим паспортам, мы были относительно спокойны: постоянно мы тут не жили и не работали, поэтому никто не мог предъявить к нам никаких особых претензий (конечно, другое дело — посещение явок и подпольных квартир; тут мы твердо соблюдали конспирацию).

В этот приезд у меня было много встреч. Особенно приятны встречи с теми тифлисскими товарищами, с которыми я работал здесь еще в 1917 году.

Самым главным, если можно так выразиться, лицом в крайкоме был тогда Филипп Махарадзе, к которому я давно уже питал чувство глубокого уважения. Филипп был старым и образованным марксистом-литератором. Мне было известно, что он входил в марксистские кружки еще задолго до образования нашей партии. В Филиппе было какое-то особое обаяние. Среднего роста, с красивыми чертами лица, синими глазами и длинной бородой, он производил впечатление библейского пророка, какими их рисовали древние живописцы. Махарадзе был немногословен в беседах, хотя доклады у него получались длинными. Был вежлив в обращении с людьми.

В ту пору в крайкоме партии работал — и я часто встречался с ним — Дануш Шавердян. Он пользовался в партий-

ной организации особенно большим доверием, как умелый и опытный конспиратор, хотя находился постоянно на легальном положении, работая в Тифлисе присяжным поверенным. Многие годы Дануш был казначеем и хранителем важнейших секретных архивов подпольного краевого центра партии. Партийная организация старательно оберегала его от полицейских ищек: никакой легальной, заметной для полиции партийной работы ему не поручалось. Он и сам был предельно осторожен. Дануш пользовался общей любовью и уважением.

Очень приятной была для меня встреча с товарищем Мравяном, на плечах которого лежала тогда основная тяжесть работы по руководству коммунистическими организациями Армении. Я знал его раньше, чем встретился с Махарадзе. Осенью 1915 года, когда я, в свои 20 лет, только что вступил в большевистскую партию, Мравян уже был старым партийцем, революционером-профессионалом. Он много помогал мне в первых шагах моей партийной деятельности. Работал он тогда в легальной газете большевистского направления «Пайкар», в редакции которой я с ним много раз встречался. После победы Советской власти в Армении он стал народным комиссаром просвещения республики, был одним из видных деятелей Коммунистической партии Армении.

Запомнились мне и встречи с товарищем Ладо Думбадзе. Это был тоже старый коммунист-подпольщик, рабочий главных железнодорожных мастерских Тифлиса. Политически хорошо подготовленный, энергичный, бесстрашный, умеющий смело отстаивать свое мнение и тем вызывающий еще большее уважение к себе. Хотя основными заправилами в железнодорожных мастерских были меньшевистские лидеры, сумевшие тогда превратить эти мастерские с их многочисленным рабочим коллективом в свою опору, все же Думбадзе с небольшой группой коммунистов пользовался большим влиянием и авторитетом среди рабочих и не раз вставлял палки в колеса меньшевикам.

Очень тепло прошла у нас встреча с Амаяком Назаретяном, неутомимым руководящим партийным работником и марксистом-литератором. Впервые я с ним встретился в марте 1917 года на первом легальном собрании большевиков в Народном доме Зубалова. Тогда он был в числе трех участников, избранных в президиум собрания. Впоследствии Амаяк был одним из выдающихся деятелей закавказских партийных ор-

ганизаций, затем работал в Москве на ответственных партийных постах.

Я рад был также встрече и с Мамия Орахелашвили, с которым впервые познакомился в октябре 1917 года на заседании Кавказского краевого съезда партии, где он представлял Владикавказскую партийную организацию. Теперь Орахелашвили жил в Кутаисе на легальном положении, занимая должность военного врача в войсках меньшевистского правительства. Врач по образованию, он и в царской армии служил по этой специальности, ведя одновременно большую политическую работу среди солдат.

В состав краевого комитета партии входил и большевик Малакия Торшелидзе. Я хорошо знал его по 1917 году. Он считался хорошо подготовленным марксистом, на Кавказском краевом съезде партии он был докладчиком по национальному вопросу. Характер у Торшелидзе был спокойный, он никогда не горячился, был тверд в своих убеждениях, при спорах не обострял отношений, но и не уступал своих позиций. Вообще, он производил впечатление серьезного партийного деятеля. В то время он работал членом Центрального правления потребкооперации Грузии (Цекавшири). В составе этого правления он был единственным большевиком, остальные были меньшевиками. Они, конечно, знали, что Торшелидзе является членом крайкома нашей партии, однако его не арестовывали и с занимаемой должности не увольняли. Он выполнял отдельные поручения краевого комитета партии по связи с местными организациями.

Вспоминаю курьезное обстоятельство, связанное с Торшелидзе: его жена была меньшевичкой, и, больше того, как активный политический деятель она входила в состав Центрального комитета партии меньшевиков Грузии. Жили они в одной квартире. Когда я приехал в Тифлис и узнал об этом, я был необыкновенно удивлен. Смеясь от души, я спрашивал: «Неужели они никогда так и не говорят между собой о политике? А если говорят, то как им удастся конспирировать свои партийные дела друг от друга?» Мне говорили, что некоторые члены крайкома в связи с этим высказывают даже сомнения в отношении самого Торшелидзе. И действительно, казалось весьма странным, если не сказать противестественным, что член подпольного крайкома большевистской партии и активный член ЦК партии меньшевиков живут под одной крышей как муж и жена.

Однако Торшелидзе производил на меня хорошее впечат-

ление как раньше, так и при этой встрече, и я не мог разделить этих сомнений: я доверял ему.

Товарищи, которые брали под сомнение политическую честность Торошелидзе, обычно говорили: «Почему других коммунистов арестовывают, а его нет?» Приводили в качестве примера случай, когда в Тифлисе шли повальные аресты коммунистов, а Торошелидзе избежал ареста, за два дня до этого уехав в командировку по делам кооперации. «Ему, наверное, вовремя подсказала жена, вот он и уехал», — говорили при этом.

Однако все это были только предположения, вызванные необычным семейным положением Торошелидзе.

После окончательной победы Советской власти в Грузии Торошелидзе продолжал с успехом работать.

В 1925 году я вместе с И. В. Сталиным провел несколько дней в Грузии, где в то время секретарем крайкома партии был Серго Орджоникидзе. Сталин пригласил Торошелидзе, как своего старого, дореволюционного друга, сопровождать нас. Мы пробыли вместе несколько дней, ездили в Кутаис и оттуда в Рачинский уезд; я еще ближе узнал Торошелидзе как человека вполне достойного, заслуживающего доверия.

В ту пору, о которой я веду основной рассказ, в Кутаисской тюрьме сидел арестованный меньшевиками видный член крайкома партии, выдающийся деятель и ветеран партии Михаил Цхакая и старый большевик Мдивани.

После установления в Грузии Советской власти (в феврале 1921 года) Мдивани стал председателем ревкома, а затем — Совета Народных Комиссаров Грузии.

Впервые я встретился с ним в 1920 году, когда 11-я армия по просьбе Азербайджанского ревкома пришла в Азербайджан. Он прибыл вместе с армией как видный политический работник. Помню, что одет он был в военную форму, с маузером в деревянной кобуре и в буденовском шлеме — с этими «доспехами» он тогда не расставался. Надо сказать, что они ему шли и он ими гордился. Тогда мы с ним близко познакомились. Он понравился мне, как человек откровенный, энергичный и остроумный.

С Бесо Ломинадзе я впервые встретился на заседании крайкома, где он представлял тогда Тифлисский комитет партии. Он был моложе меня; в 1917 году на политической арене его еще не было.

Наше сообщение о кипучей политической жизни в Баку, о стремительном росте влияния коммунистов произвело на

него огромное впечатление. После заседания он подошел ко мне, и мы долго бродили по улицам Тифлиса. Он расспрашивал меня об обстановке в Баку. Порой даже казалось, что он не совсем верит тому, что я ему рассказывал. Все время он восклицал: «Неужели это верно? Неужели это действительно так? Как вам это удалось? Вот поразительно! А посмотрите, что происходит у нас: в Тифлисе одно болото, никакого движения, никаких забастовок, никаких демонстраций, одни нелегальные кружки. Иногда по различным случаям выпускали листовки, поддерживаем сидящих в тюрьме товарищей. Вот и вся работа!»

Конечно, Ломинадзе несколько приуменьшал все то, что происходило тогда в Тифлисе, но разница с Баку действительно была велика. С другой стороны, его привлекала общая атмосфера в Баку. Он спрашивал меня: «Возьмете ли вы меня на работу в Баку, если я об этом попрошу крайком?» — на что я ответил: «Конечно, и даже с удовольствием! Вы же сами слышали, как мы просили крайком командировать к нам в Баку несколько опытных, марксистски подготовленных партийных работников. Вы попроситесь, и, если крайком вас отпустит, мы будем вам рады».

Очень сердечной была у меня встреча с Георгием Стуруа. Нас так много с ним связывало! Позади была совместная работа в Коммуне и бакинском подполье; была тюрьма; позади были многие испытания, которые обнажают все качества человека. Мы бесконечно друг другу доверяли и любили друг друга, как брат брата. Помню, что я даже выразил обиду, когда он после всех бакинских потрясений остался работать в Грузии, а не вернулся к нам. Он прекрасно знал Баку, а его хорошо знали и любили бакинские рабочие. Георгий тогда дал мне слово, что вернется в Баку.

* *
*

Кроме встреч с руководящими партийными деятелями в Тифлисе, я виделся тогда со многими своими бывшими однокурсниками. В подавляющем большинстве они стали уже за это время коммунистами. Я был рад этим встречам. Помимо приятного дружеского общения, беседы с ними помогли мне сразу же правильно ориентироваться в обстановке.

Надо ли говорить, как рада была моя тетя Вергиния Туманян, а также ее муж и дети, что я вернулся живой и здоровый! Меня окружили большой заботой, сделали все, чтобы,

несмотря на очень большую работу, которую мне приходилось тогда вести, три дня, проведенные в Тифлисе, стали в каком-то смысле днями отдыха.

Очень хотелось поехать в Санаин и повидаться с матерью, братьями и сестрами. Однако от такой поездки пришлось отказаться: для нее потребовалось бы дня два, а дела в Баку не терпели нашей задержки.

Не удалось повидать и Ашхен. Ее не было в Тифлисе: она находилась недалеко от Сухума, в небольшой армянской деревне, где работала учительницей. Я отправил письмо, в котором просил ее после окончания учебного года вернуться в Тифлис и известить меня об этом, чтобы я тоже приехал туда. «Это мне будет нетрудно, — сообщал я в письме, — так как по роду службы мне придется не менее раза в месяц приезжать в Тифлис по своим делам».

Вспоминая те давние времена, хочу несколько подробнее рассказать о семье Туманянов.

Моя тетьа Вергиния Туманян хотя нигде и не училась, но умела писать и читать. В политическом же отношении она была человеком достаточно развитым. Конечно, она не разбиралась в тонкостях политики, но всей душой была за революцию и за большевиков.

Муж ее, Лазарь (по паспорту — Габриел) Туманян, был человеком более грамотным. Он работал приказчиком, мечтал стать хозяином лавки, берег каждую копейку и в конце концов приобрел небольшую лавчонку, в которой работал без помощников и продавцов. Однако его «бизнес» продолжался недолго. Однажды в его лавке произошел пожар. Лазарь Туманян снова стал приказчиком. Жили они в собственном доме, в одном из самых заброшенных районов Тифлиса — в Сурпкарапетском овраге.

Лазарь Туманян был трудолюбив, добропорядочен, честен; наверное, это и было главной причиной его неуспеха в «бизнесе». В отличие от жены, революцией и социализмом он не интересовался. Зато от корки до корки ежедневно прочитывал армянскую консервативную газету «Мшак». Более того, он собирал все номера этой газеты и аккуратно переплетал в одну книгу — у него уже было несколько таких переплетенных больших томов. Политически он был ограничен, верил только тому, что писалось в этой газетенке. Жена же его была волевой женщиной и фактически господствовала в доме. Муж любил ее и противоречить ей не решался.

Я рассказал тете Вергинии о всех злоключениях в моей

жизни за последние полтора года, а также, насколько можно было ей знать, о том, как разворачиваются революционные события в Баку. Когда я ей сообщил, что здесь у нас происходят тайные заседания, она отнеслась к этому одобрительно.

Как-то Филипп Махарадзе рассказал мне, что меньшевики стали настойчиво за ним следить. Он непрерывно менял свои нелегальные квартиры, но все же опасался, как бы не попасть в меньшевистскую тюрьму. Я решил поговорить с Вергинией. Расположение их дома и далекие от политики соседи делали по тем условиям ее жилье идеальным для организации конспиративной квартиры. Я спросил тетю, согласится ли она приютить у себя на квартире одного видного грузинского коммуниста, очень хорошего товарища, которого преследуют меньшевики. Без всяких колебаний она согласилась. Осторожности ради я сказал ей: «Имей в виду, дело это опасное. Если он провалится, то и вам всем может здорово попасть». Она ответила, что не боится и готова на все. Тогда я спросил: «А как посмотришь на это твой муж?» — «Не беспокоюсь, — сказала она, — я с ним поговорю, он возражать не будет».

В следующую ночь я привел с собой Махарадзе, познакомил с семьей. Тетя показала комнату, которая была для него предназначена, и угостила вкусным ужином. Филипп остался доволен радушием, с которым его встретили.

Жил он здесь довольно долго. В город почти не выходил. Когда ему были нужны встречи с товарищами, они по одному или по двое заходили к нему сами. На заседания крайкома партии он выходил обычно поздно вечером, с соблюдением всех правил конспирации, и так же возвращался обратно.

Впоследствии в каждый свой приезд в Тифлис я останавливался на этой квартире и всегда подолгу беседовал с Махарадзе. Мы еще лучше узнали друг друга и еще больше сблизились.

Вспоминается один веселый случай, имевший место значительно позже. Касается этот случай и Махарадзе и Михи Цхакая.

Приехав в Москву на XI съезд партии, мы накануне встретились с Махарадзе в 3-м Доме Советов, где работала мандатная комиссия съезда. Все мы, как полагается, заполняли свои анкеты и получали делегатские удостоверения.

Был среди нас и старик Миха Цхакая. Чтобы не затруднять его заполнением анкеты, регистратор решил сам сделать это за него. «С какого года вы в партии?» — спросил он Миху Цхакая. «Пиши: давно», — ответил Миха. Регистратор запро-

тестовал: «Так нельзя. Надо указать год». Миха посмотрел вокруг: «Вон тот комсомолец заполняет свою анкету.— При этом Миха показал на Махарадзе.— Посмотри, какой год он укажет, и напиши мне на десять лет раньше». Мы все, окружающие, разинули рты: нам было известно, что Махарадзе принимает участие в революционном движении с 1891 года. Как же давно вступил на революционный путь наш Миха Цхакая!

До декабря 1919 года Филипп Махарадзе все еще продолжал благополучно проживать в доме Туманянов. Он вел кипучую революционную работу.

Вследствии я узнал, что Филипп как-то пренебрег правилами конспирации, вышел в дневное время из дома. Его сразу же узнали на улице и арестовали. С его бородой (он не мог расстаться с нею даже в интересах конспирации!) не узнать Махарадзе было невозможно человеку, который хотя бы раз видел его раньше. У Филиппа был паспорт Лазаря Туманяна. Полиция раскрыла нелегальную квартиру крайкома, произвела в ней обыск, нашла и изъяла ряд важных партийных документов. Хозяин квартиры и его 17-летний сын-гимназист, исполнявший отдельные поручения Филиппа и мои, были арестованы.

Однако Вергиния Туманян и после этого продолжала заботиться о Филиппе. Через моего 13-летнего брата-школьника Артема, который в то время тоже жил у них, она посылала в тюрьму передачи своему мужу, сыну и Филиппу.

Возможно, представляет интерес документ, который недавно нашел в архиве и привез мне один армянский товарищ. Оказывается, после ареста мужа и сына Вергиния обратилась в армянское консульство в Тифлисе с просьбой вмешаться в это дело и добиться их освобождения.

Как видно из этого документа, Вергиния проявила в этом вопросе тонкую дипломатию, ни слова не сказав о Махарадзе. Все найденные в ее доме большевистские документы она отнесла на мой счет, так как в это время я был вне пределов досягаемости меньшевистского правительства.

Привожу этот документ.

«Советнику дипломатической миссии князю М. Туманяну.

Настоящим имею честь сообщить, что два дня тому назад ко мне пришла жительница села Дсег (Армения.— А. М.) г-жа Вергиния Туманян и заявила, что во главе с начальником особого отряда 1 декабря в ее доме произведен обыск, который положительных результатов не дал. В том же часу обыскали комнату ее соседа и нашли различные листовки и книги

большевистского направления. В этой комнате проживал 13-летний ученик Анушаван Микоян со своим братом Анастасом Микояном. Последний приехал из Баку на несколько дней. Особый отряд, не найдя Анастаса Микояна, кому принадлежала запрещенная литература, арестовал мужа г-жи Туманян — Габриела Туманяна, которому 60 лет, и его сына — Гайка, 17 лет, ученика 7-го класса гимназии. Сообщая об этом, г-жа Туманян покорно просит Вашего содействия в освобождении своего мужа и сына. В настоящее время арестованные находятся в Метехской крепости.

Заведующий консульским отделом (*подпись*),
29 декабря 1919 г.»

Мой брат вспоминал подробности обыска в доме тети Вергуш: «В тот день я был болен, лежал на тахте около окна. Готовились к обеду. Вдруг услышали топот сапог по булыжникам во дворе — дом окружали...

Тетя быстро засунула под мой тюфяк какие-то бумаги, другие бросила на горящий примус, и в это время ворвались жандармы. Они бросились к примусу, схватили то, что не успело сгореть, и начали обыск.

Меня сбросили с тахты. В это время тетя закричала: «Не трогайте больного мальчика!» Но это не помогло: из-под тюфяка уже извлекли бумаги, а меня побили. Меня побили еще раз за то, что я не сказал, где мой брат Анастас.

В это же время в другой комнате били и допрашивали Лазаря и его сына Гайка. Потом их увезли в тюрьму.

Отыскивая тайник, стражники начали ломать перегородку комнаты. Они так и не нашли его, так как тайник был ловко замаскирован шкафом с посудой. (Шкаф прикрывал запасной подземный выход в сад на случай побега конспираторов во время тайных заседаний.)

Передачи, которые я носил в тюрьму, тетя Вергуш ловко маскировала пловом: на дно глубокой посуды опускалось письмо, а сверху накладывался плов. Стражник ковырял ложкой, проверяя, нет ли незволенных вложений, но — то ли ложка была коротка, то ли посуда глубока — письма все же доходили до адресатов.

В той же камере сидел большевик Аветик Абовян».

Вергиния Туманян была не только умным, передовым человеком, но и отличной матерью. Она родила семерых детей. Трое из них умерли от инфекционных болезней; три дочери и сын вступили в Коммунистическую партию. Гайк Туманян по окончании Коммунистического университета имени Свердлова начал свою службу в Красной Армии. Окончил Военную академию. Был в Испании, когда там шла гражданская война. Всю Отечественную войну провел на фронтах в качестве чле-

на военного совета танковой армии и на Дальнем Востоке — в боях за освобождение Маньчжурии. Ныне генерал-лейтенант запаса, кандидат наук, преподает в одном из московских вузов.

Когда я стал работать в Москве, Вергиния Туманян и ее муж вместе с моей матерью подолгу жили у меня. Муж Вергинии умер в возрасте 80 лет. Сама она и моя мать жили дружно, как родные сестры, и умерли в одну неделю, когда Вергинии было 85, а матери 93 года. Все трое похоронены рядом на Новодевичьем кладбище.

* *
*

Мы вернулись в Баку и доложили комитету партии об итогах своей поездки. Прделанная нами работа получила одобрение. Теперь надо было выполнять решения, принятые нами совместно с крайкомом, и прежде всего решение о съезде профсоюзов. А кроме того, за время нашей поездки в Тифлис накопилось немало всяких дел.

Коммунистам, работавшим в Бакинском совете профсоюзов, без особого труда удалось провести решение о созыве съезда профсоюзов Закавказья, Дагестана и Закаспия. От имени Бакинского совета профсоюзов было принято соответствующее обращение к профсоюзам Грузии, Армении, Дагестана и Закаспия и назначен срок созыва краевого съезда — 5 апреля.

Как я уже говорил, в Тифлисе продолжал действовать Кавказский совет профсоюзов (избранный еще в конце 1917 года), но фактически у него не было ни особого желаяния, ни возможностей распространять свое влияние за пределы Грузии. Руководящим центром всех профсоюзов Азербайджана был Бакинский совет профсоюзов. Работавшие здесь меньшевики и эсеры (а они занимали довольно большое количество руководящих постов) согласились на созыв Общекавказского съезда. Они полагали, что при поддержке профсоюзов Грузии и Армении (где влияние меньшевиков и эсеров было сильным) им удастся занять руководящее положение на самом съезде и в тех органах, которые съездом будут избраны.

Мы же приняли необходимые меры для победы нашей партии. Было решено направить все усилия на то, чтобы при выборах делегатов на съезд профсоюзов (прежде всего по Баку) было выдвинуто возможно больше коммунистов, близ-

ких к большевикам гумметистов и адалетистов, большевистски настроенных рабочих, а также азербайджанских левых эсеров, которые тогда вели согласованную с нами политику. Вся эта работа была возложена — по линии Бакинского комитета партии — на товарищей Анашкина, Мирзояна и Полторацкого.

Грузинские меньшевики, которые руководили всеми делами в Кавказском совете профсоюзов, были захвачены врасплох инициативой Бакинского совета профсоюзов. Они не возражали против созыва Общекавказского съезда профсоюзов, но вступили с нами в спор по ряду вопросов, связанных с созывом этого съезда.

Во-первых, они высказались против участия в съезде Закаспия и Дагестана, настаивали на том, чтобы съезд носил чисто «закавказский» характер. Истинной подоплекой такой позиции было стремление избавиться от делегатов профсоюзов Закаспия и Дагестана, настроенных пробольшевистски.

Во-вторых, меньшевики предлагали проводить съезд не в Баку, а в Тифлисе — это, мол, центр Закавказья, — и именно здесь был созван первый съезд профсоюзов.

Особенно упорно спорили они о норме представительства, настаивая, чтобы профсоюзы с числом членов до 150 человек посылали на съезд одного делегата — наравне с профсоюзами, насчитывавшими по несколько тысяч членов. Смысл этого был ясен: в Грузии преобладали мелкие профсоюзы, а в Баку, наоборот, крупные, насчитывавшие многие тысячи членов. Это было не только несправедливо, но и имело целью умалить роль бакинского пролетариата на профсоюзном съезде.

Наконец, меньшевики потребовали, чтобы на съезде не обсуждались никакие политические вопросы. По их мысли, съезд должен иметь чисто профессиональный характер.

Чтобы не дать меньшевикам повода сорвать созыв Общекавказского съезда профсоюзов, мы решили пойти им на уступки и согласиться провести съезд в Тифлисе, но только в том случае, если они снимут все свои другие возражения. Но это не помогло. Получив обращение бакинских профсоюзов об Общекавказском съезде, меньшевики назначили на то же самое время съезд профсоюзов Грузии!

Из Тифлиса прибыли только представители отдельных профсоюзов, где большевики и меньшевики-интернационалисты имели большинство в правлениях (союзы кожевников, фармацевтов, металлостов). В числе делегатов из Тифлиса

были такие коммунисты, как Ломинадзе и Мжаванадзе, а также меньшевики-интернационалисты Пирумов и бывший член Государственной думы Аршак Зурабов.

Съезд профсоюзов в Баку открылся 7 апреля, а 11 апреля в Тифлисе открылся съезд профсоюзов Грузии. Несмотря на это, между Баку и Тифлисом все еще продолжались переговоры о созыве Общекавказского съезда профсоюзов.

Собравшийся в Баку съезд решил направить в Тифлис для окончания переговоров своего делегата. Была выдвинута моя кандидатура. (Еще 20 марта на заседании совета профсоюзов я был приглашен для участия в работе комиссии по созыву съезда профсоюзов.)

В начале апреля Бакинским комитетом партии я был направлен в Тифлис для переговоров с крайкомом партии по некоторым важным для нас вопросам и, таким образом, во время работы съезда профсоюзов Грузии находился в Тифлисе.

13 апреля мне было предоставлено слово для выступления на съезде профсоюзов Грузии.

В сокращенном виде мое выступление так изложено в сохранившихся протокольных записях съезда:

«Слово предоставляется представителю бакинцев тов. Микояну, который призывает пролетариат Грузии выйти из узких рамок своего государства и найти пути для объединения всего рабочего класса.

Пролетариат Баку всеми способами стремится к такому объединению, и если он настаивал на созыве съезда в Баку, то только потому, что не считал возможным оставить в настоящий момент без руководителей бакинский рабочий класс.

Пролетариат и буржуазия Баку представляют собой два враждебных лагеря, находящихся в полной боевой готовности, зорко следящих друг за другом и готовых выступить в благоприятный момент. Отсутствие руководителей рабочего класса может вызвать выступление английского командования и решить победу в пользу последнего. Отсутствие средств также служит большим препятствием для поездки в Тифлис.

Несмотря на все эти соображения, бакинцы в интересах единения рабочего класса все же приехали бы в Тифлис, если бы не принципиальные разногласия по вопросу о порядке дня.

Пролетариат Баку полагает, что в настоящий момент не может быть речи о профессиональных вопросах — до разрешения вопросов политических, поэтому он не считает возможным отказаться от включения в порядок дня вопроса о политическом моменте.

Далее оратор говорит о необходимости идти вместе пролетариату Тифлиса и Баку, несмотря на принципиальные расхождения во взглядах наших партий, и утверждает, что бакинский рабочий класс, в частности коммунисты, не относится враждебно к независимости Грузии и считает, что, идя врозь, демократия должна вместе бить общих врагов рабочего класса.

Коммунисты Баку стоят на марксистской точке зрения и не собираются нести на штыках Советскую власть в Грузию, но призывают пролетариат Грузии отказаться от своей узконациональной политики и объединиться со всем рабочим классом.

Заканчивает оратор призывом к демократии Грузии поддержать пролетариат Баку в его неравной борьбе с врагами, ибо рабочий класс Грузии не должен оставаться простым зрителем, когда идет борьба его классовых братьев не на жизнь, а на смерть».

Поскольку меньшевиками все было уже предрешено заранее, это мое обращение от имени бакинского пролетариата ничего, конечно, изменить уже не могло.

Съезд профсоюзов в Баку продолжался до 15 апреля. На нем тоже развернулась острая политическая борьба между различными течениями в рабочем движении. Моим товарищам пришлось бороться не только против правых эсеров и меньшевиков, но и против меньшевиков-интернационалистов во главе с Зурабовым.

В отличие от правых эсеров и меньшевиков, Зурабов занял некую промежуточную позицию, во многом приближавшуюся к нашей линии. Он поставил перед собой задачу примирить все течения внутри рабочего класса и принять на съезде объединяющую всех резолюцию. Однако эта резолюция получилась политически очень неопределенной. Да иной она и не могла быть в этих условиях.

Большевицкая фракция выступала на съезде сплоченно, вместе с гумметистами и адалетистами. Дружно вместе с нами выступали и азербайджанские левые эсеры, лидер которых Рухулла Ахундов в яркой речи сказал: «Теперь в красной Москве провозглашены лозунги коммунизма, Европа охвачена социальной революцией, а до нас еще не докатилась эта волна. Социалисты всегда звали и зовут к единению весь пролетариат. Этот благовест единения вы должны неустанно проводить на местах.

Но какие бы ни выносились резолюции, они не имеют значения, пока мы не добьемся политической власти — диктатуры пролетариата.

Власть была, но она вырвана из наших рук. Чтобы это не повторилось, надо идти за истинными социалистами, а не за теми, кто звал англичан, а потом турок, общими силами разгромивших Советскую власть. Я призываю вас равняться на красную Москву!»

Нашим товарищам пришлось вести длительную и упорную борьбу на самом съезде, а также в различных комиссиях съезда. Дело в том, что даже некоторые колеблющиеся боль-

шевики поддались «соблазнительному» уговорам Зурабова, например член союза печатников коммунист Хачиев. Чтобы показать, какая путаница была в головах таких коммунистов, приведу небольшую выдержку из газеты «Набат» — органа профсоюза печатников:

«С большим интересом и скрытой тревогой прислушивается бакинский (не только бакинский) пролетариат к тому, что происходит сейчас на съезде профессиональных союзов Закавказья и Закаспия. Несмотря на то что докладчики всех трех течений пришли к одному и тому же выводу (если не считать некоторых несущественных и не относящихся к моменту деталей), доклады вызвали страстные прения — и не по существу своему, а в силу взаимных обвинений за прошлые грехи, ошибки и обиды. И надо отдать справедливость, что застрельщиками этой ненужной и вредной полемики явились товарищи коммунисты, сегодняшнюю психологию которых можно охарактеризовать как упоение чувством победы.

А один из товарищей выдвинул даже такое приблизительно положение: «Знаем мы, мол, ваши меньшевистские, эсеровские уловки: сегодня вы идете к нам, а завтра, если победит контрреволюция, будете бить нас в компании с врагами пролетариата».

Заявление совершенно не продумано, и объяснить его можно лишь горячим темпераментом товарищей коммунистов. Однако съезд — в своем большинстве — оказался свободным от «темперамента» и своим голосованием выразил волю к созданию единого революционного фронта. Несмотря на требования товарищей коммунистов взять за основу именно их резолюцию (правда, яркую, точную и определенную), съезд нашел нужным согласиться с предложением т. Зурабова: все три резолюции, ничем по существу друг от друга не отличающиеся, передать в редакционную комиссию для выработки единой резолюции. Все это мы говорим вовсе не для того, чтобы перед кем-то дискредитировать товарищей коммунистов или восхвалять мудрость т. Зурабова — это совершенно производительное занятие. Мы бы желали только одного — чтобы товарищи коммунисты умерили свою горячность и оставили неподходящую для социалистов, ищущих единого революционного фронта, «позу» неумолимых победителей».

Попытки редакционной комиссии добиться выработки резолюции, объединяющей все представленные на съезде течения, окончились, как и следовало ожидать, провалом. Тогда на голосование были поставлены три резолюции: коммунистов-большевиков, эсеро-меньшевиков и примиренцев (сторонников Зурабова). Мы сумели добиться того, что подавляющим большинством съезд принял резолюцию, предложенную коммунистами.

Призыв газеты «Набат» к объединению всех партий в социалистический фронт и прекращению партийной розни был отвергнут. Мы были не против единства действий в конкретных делах политической борьбы с другими партиями и отдельными лицами, к ним принадлежавшими, когда они про-

являли готовность бороться за дело революции. Но прекратить идеологическую борьбу с меньшевиками и эсерами, расстроить коммунистическую идеологию в неопределенной социалистической фразеологии, затушевать пропасть, лежащую между коммунистами, правыми эсерами и меньшевиками, перестать критиковать их прошлую предательскую деятельность, как и их соглашательскую политику с буржуазией в настоящее время, мы, естественно, не могли.

Бакинский комитет партии не мог оставаться равнодушным к ошибочной линии газеты профсоюза печатников «Набат» (газета эта выходила раз в неделю с 10 марта 1919 года как «орган независимой социалистической мысли»).

Главным заправилой там был член правления союза печатников Аршак Хачиев, который еще до Октября был меньшевиком-интернационалистом («новожизненцем»), затем перешел в нашу партию. Теперь у него вновь появились идейные колебания, и он повел за собой других коммунистов из правления союза (а их там было большинство) по линии «независимой социалистической мысли». Этот факт свидетельствовал, что Бакинский комитет еще не охватил должным влиянием всех коммунистов.

Линия поведения газеты стала особенно нетерпимой в апреле, во время проведения в Баку Общекавказского съезда профсоюзов. Газета выступила в поддержку Зурабова, призывая к объединению всех социалистических партий — от правых меньшевиков и эсеров до коммунистов, «беспощадно пригвождая к столбу всякую партийную рознь, разъясняя рабочим всю гибельность их разьединенности».

Это переполнило чашу нашего терпения. Мы вызвали в Бакинский комитет партии всех коммунистов — членов правления союза печатников и разъяснили им несовместимость линии, занятой их газетой, с партийностью. Мы убеждали их, а потом даже пригрозили, что если линия газеты не будет исправлена, то они поставят себя вне рядов партии.

Председателем союза тогда был рабочий-печатник Полторацкий. Вообще он был хорошим коммунистом, но в руководстве газетой проявил политическую близорукость. Будучи перегружен делами союза, он передоверился Хачиеву, а тот стал ворочать всеми делами редакции. Нам удалось убедить товарищей, а Хачиев дал слово, что будет подчиняться партийной дисциплине.

С 1 мая газета «Набат» стала выходить как рабочая газета и орган профессионального союза работников печатного

дела. Редактором ее стал Ломинадзе. Так появилась у нас своя партийная газета, что было огромной поддержкой в политической работе.

* * *

*

Вскоре после возвращения из Закаспия я узнал одну новость. Оказалось, что стоявшие тогда во главе Бакинской рабочей конференции меньшевики еще в январе 1919 года подняли вопрос о том, чтобы бакинский пролетариат добивался создания демократически выбранного городского органа самоуправления, который, по их замыслу, в дальнейшем наряду с профсоюзами, заменил бы рабочую конференцию.

Меньшевики всячески стремились поскорее избавиться от рабочей конференции — новой формы организации бакинского пролетариата, стихийно рожденной революционными массами в условиях оккупационного режима, сильно окрепшей во время всеобщей политической забастовки и превратившейся в могучий руководящий орган рабочей общественности Баку.

Бакинские коммунисты выдвинули тогда лозунг создания Бакинского Совета рабочих и матросских депутатов. Они обратились к рабочим с призывом: «Требуйте немедленного созыва Совета рабочих и матросских депутатов, теснее сплачивайтесь вокруг единственной защитницы ваших интересов — Российской коммунистической партии (большевиков), которая одна только способна вывести бакинский пролетариат на правильный путь борьбы за власть Советов рабочих и матросских депутатов».

Товарищи рассказали мне, что предложение большевиков о создании Совета рабочих и матросских депутатов было принято 22 января 1919 года на заседании бакинской рабочей конференции под аплодисменты подавляющего большинства делегатов.

Узнав эту новость, я, конечно, был обрадован, но в то же время несколько озадачен. Возникли кое-какие опасения и сомнения, но в ту пору я ничего о них не сказал своим друзьям. Надо было самому кое-что обдумать, проверить правильность возникшей у меня точки зрения. А когда у меня сложилось вполне определенное мнение по этому вопросу, я рассказал о нем на одном из заседаний Бакинского комитета. К тому времени руководство Бакинской рабочей конференции перешло в наши руки, и я воочию убедился, какая огромная сила таится в этой уже сложившейся и всеми при-

знанной организации бакинского рабочего класса. «Зачем нам заменять сейчас эту организацию другой?» — задал я вопрос на заседании Бакинского комитета партии. Пока у нас нет уверенности в том, что мы получим в Совете твердое большинство, лучше подождать. Политическая обстановка в Баку продолжала оставаться напряженной. Английский генералитет, ханы и беки из азербайджанского правительства неизбежно увидели бы в Совете реальную угрозу существующему строю и не замедлили бы разогнать его.

«Рабочая конференция, — говорил я своим товарищам, — уже реально существует и объединяет вокруг себя широкие массы бакинского пролетариата, являясь крепкой, представительной организацией рабочего класса Баку. Ее фактически уже признали, с ней считаются как английские оккупационные власти, так и местное правительство. Они вынуждены принимать наши письма, ноты, рассматривать и отвечать на них. Если же, — продолжал я развивать свою мысль, — настанет более подходящая общая политическая ситуация, позволяющая реально поставить вопрос о захвате власти, нам не составит большого труда в кратчайший срок реорганизовать рабочую конференцию в Совет рабочих и матросских депутатов».

Не оспаривая по существу высказанных мною соображений, другие члены партийного комитета выразили недоумение: как же отказаться от решения, принятого Бакинской рабочей конференцией по их же, коммунистов, предложению о создании Совета, как снять лозунг партии, выдвинутый по этому поводу?

Отвечая на этот вопрос, я сказал, что нет никакой необходимости снимать этот лозунг и отказываться от решения бакинской конференции. Не надо только форсировать события. Не надо настаивать на скорейшей реализации принятого решения. А при возникновении соответствующих вопросов разъяснять, что решение будет выполнено при надлежащих условиях, после необходимой подготовительной работы.

А пока наша главная задача, говорил я, состоит в том, чтобы укреплять рабочую конференцию, в руководстве которой мы состоим, и укреплять рабочие конференции в районах. Я был уверен, что в процессе этой работы вопрос о немедленном создании Совета рабочих и матросских депутатов само собой не будет возникать.

Обсудив мои соображения, товарищи согласились с ними.

Как-то на заседании рабочей конференции вновь возник вопрос о создании Совета рабочих и матросских депутатов. В очень спокойном тоне мы разъяснили депутатам, что в данный момент главное — это укрепление рабочей конференции, а когда настанет время, Совет будет создан. Этого разъяснения оказалось достаточно.

Через несколько месяцев вопрос этот опять был поднят, и на этот раз, как ни странно, по инициативе азербайджанского правительства; кажется, в июле правительство — через министерство труда — обратилось к Президиуму рабочей конференции с предложением организовать Совет рабочих депутатов.

Предложение это очень нас удивило. Мы стали думать: какой подвох кроется за этим? И мы поняли, что правительственная партия мусаватистов (кстати сказать, с каждым днем терявшая свое влияние на мусульман-рабочих), лишенная права присутствовать и участвовать в работе рабочей конференции, видимо, надеется, что с образованием Совета ей удастся через правительственных чиновников и некоторых отсталых рабочих-мусульман быть представленной в этом Совете, тем более что для этого они могли использовать в ходе выборов всякого рода подтасовки, давление и репрессии, а затем превратить Бакинский Совет в свой послушный орган, как это было проделано меньшевиками в Тифлисе.

Президиум бакинской рабочей конференции отверг это предложение правительства.

* *
*

Партийная работа в Баку продолжала развиваться вширь и вглубь. Однако она страдала от отсутствия связи с Советской Астраханью, а значит, и с ЦК партии. Мы не получали центральных партийных газет. Партийная касса была пуста, и пополнить ее было неоткуда.

По всем этим причинам мы стали искать путей к установлению связи с Астраханью.

Решили купить рыбацкую лодку, чтобы на ней отправить своего представителя с письмом в Астрахань. Но денег на покупку лодки у нас тоже не было. Как-то в эти дни пришел ко мне член правления Каспийского кооперативного союза коммунист Шига Иоанесян. «Я знаю, — сказал он, — что вы нуждаетесь в деньгах. Рабочая конференция тоже

страдает от отсутствия средств. Я думаю, что вам в этом деле можно помочь». И он рассказал мне, что еще в 1918 году Бакинский Совет рабочих депутатов направил в Ленкорань большое количество железнодорожных рельсов, шпал и вагонеток, чтобы помочь вывозу хлеба из «глубинки» в Ленкоранский порт. Но вскоре власть Советов в Баку пала, и все эти материалы остались не использованными и находятся в распоряжении уполномоченного Бакинского Совета. Иоанесян сказал мне, что, если Президиум рабочей конференции примет соответствующее решение, он готов организовать через ленкоранского уполномоченного Бакинского Совета продажу этого имущества частным лицам, а вырученные деньги передать Президиуму рабочей конференции. Эта операция, заявил он, вполне законна, потому что единственным наследником Бакинского Совета является Бакинская рабочая конференция.

Посоветовавшись, мы решили выдать Иоанесяну соответствующий документ от Президиума рабочей конференции. Передавая ему мандат, я, честно говоря, очень сильно сомневался в удачном завершении этой, как мне тогда казалось, весьма сомнительной операции.

Но, как ни странно, недели через две Президиум рабочей конференции получил полную стоимость проданного в Ленкорани имущества. Это была для нас большая материальная поддержка.

Покупка лодки стала возможной и была поручена Исаю Давлатову — человеку очень деловому, опытному конспиратору, умевшему удачно выполнять самые сложные и трудные поручения.

Давлатову удалось приобрести рыбацкую лодку. Надежному моряку Сарайкину с двумя другими матросами поручили отправиться в Астрахань, отвезти с собой наше письмо, получить необходимую информацию, а также привезти побольше партийной литературы и «николаевских» денег, которые в Советской России были к тому времени отменены, а в Закавказье ценились еще достаточно высоко — во всяком случае, значительно выше «керенок» и денежных бон, в изобилии выпущенных тогда закавказскими буржуазными правительствами.

Лодка удачно пробралась в Астрахань и через четыре или пять недель, во второй половине мая, благополучно вернулась в Баку. Нам привезли партийную литературу и какую-то (не помню точно какую) сумму «николаевских» денег.

Привезли они также письмо С. М. Кирова, прибывшего в Астрахань в начале 1919 года и руководившего там всей работой. Сергей Миронович писал нам, что в Астрахани нет бензина и поэтому имеющиеся там самолеты бездействуют, в то время как деникинцы безнаказанно бомбят Астрахань. Такое же положение было и в других районах Советской России.

Мы немедленно взялись за организацию покупки бензина и лодок: это была бы наша лучшая помощь Красной Армии. Вскоре под руководством Давлатова товарищи Губанов, Рогов и Сарайкин организовали знаменитую морскую экспедицию Баку — Астрахань.

Закупать бензин в Баку было очень трудно: его продажа находилась под неусыпным контролем английского военного командования. Вывозить же бензин из Баку по морю (кроме Персии) вообще было категорически запрещено. Лодки, выходившие в море, подвергались на пристанях самому тщательному осмотру. Однако нам все же удалось наладить и закупку и транспортировку бензина. Сопряжено это было с очень большими трудностями. Каждый раз приходилось добывать у властей разрешение на вывоз — то в Ленкорань, то в Персию — довольно солидных партий бензина, нужно было доставать лодки, подбирать специальные команды и отправлять их так, чтобы «не к чему было придраться». Благодаря умению Давлатова и его товарищей нам удалось за лето отправить в Астрахань двенадцать парусных лодок с бензином.

Если добывать бензин и лодки и отправлять их из Баку представляло величайшую трудность, то самый путь от Баку до Астрахани был сопряжен со смертельной опасностью. Дельта Волги охранялась военными судами деникинцев. Эти суда все время шныряли по морю. При благоприятной ветреной погоде парусная лодка еще могла быстро пробраться мимо деникинских судов, которые сторожили главное русло Волги, и потом по второстепенным рукавам реки добраться до Астрахани. Но при неблагоприятной погоде лодке приходилось долго стоять в море на виду у деникинских судов. Помню, одна из наших первых лодок верстах в тридцати пяти от Астрахани попала таким образом в руки деникинцам; весь ее экипаж, кроме Миши Судейкина, был расстрелян.

На всех лодках, которые мы тогда отправляли в Астрахань, находились преданнейшие люди, подлинные патриоты, надежные коммунисты. За все то время не было ни одного

случая, когда бы кто-нибудь из водников струсил, провалил дело или оказался провокатором. Известен героический поступок водника Миши Судейкина. Жестоко избитый, он лежал в обмороке среди трупов расстрелянных товарищей. Очнувшись, никем не замеченный, сумел как-то уйти и смешаться в толпе с больными деникинскими солдатами. Затем с помощью знакомых моряков, раздетый, босой и голодный, пробрался в Баку. Мы смотрели на него как на выходца с того света. И что же! Даже и после этого он не только не оставил свою работу, но на такой же лодке снова отправился в не менее опасное путешествие — из Баку в Красноводск, занятый нашими войсками, а с моря окруженный деникинскими судами. Здесь, попав под пулеметный огонь, он опять еле спасся вместе с товарищем Гогоберидзе. Но и в третий раз он (уже с большой группой) в 1920 году пустился в новое опасное путешествие, в блокированный деникинцами Красноводск, на баркасе «Эдичка». Много подвигов совершил и славный моряк Рогов, один из руководящих работников морской экспедиции. Он сам плавал на лодке в Астрахань и обратно. В одну из таких поездок он трагически погиб.

Погиб в октябре 1919 года и председатель ЦК союза водников Федя Губанов, лодка которого из-за неблагоприятной погоды попала под Петровском в руки деникинцев. Он был замучен ими и брошен в море. Вместе с ним деникинцы уничтожили всю команду лодки. Так же трагически погиб Буниат Сардаров, член партии с 1906 года. Лодка, на которой он с группой товарищей возвращался из Астрахани в Баку, была захвачена англичанами, и весь ее экипаж расстрелян.

Из двенадцати отправленных нами к концу лета лодок погибло четыре. И каждый раз в опасный путь отправлялась новая лодка, с новыми людьми, нередко идущими на верную смерть. Много товарищей погибло тогда у нас. С великой горестью я вспоминаю о них...

Посылая в Астрахань бензин, бакинские коммунисты оказали весьма заметную помощь Красной Армии и Советской России в трудную годину гражданской войны. Я не говорю уже о том, что благодаря этому нам удалось установить регулярную связь с Астраханью и Москвой, с Центральным Комитетом партии, что для нас было тогда жизненно важно.

РОЖДЕНИЕ ЛОЗУНГА «ЗА СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН!»

Какое решение правильно? — Первомайская демонстрация. — Подготовка всеобщей экономической забастовки.

Между тем революционные события в Баку нарастали с невероятной быстротой. Одна за другой возникали перед нами, молодыми и еще малоопытными руководителями, политические проблемы, острые вопросы большевистской тактики и стратегии. Трудности усугублялись и тем, что мы долго не имели постоянной связи с ЦК партии, не могли получать оттуда нужные указания. В крайкоме были довольно опытные товарищи, но, находясь в Тифлисе, они очень слабо представляли себе обстановку в Баку. Они думали, что мы преувеличиваем силы, которые за нами стоят.

Все это повышало и без того обостренное чувство нашей личной ответственности за свои решения.

Мы были уверены, что главное для нас состоит в том, чтобы закрепить руководство рабочим движением в Баку, готовить, вооружать и обучать боевые отряды рабочих для восстания и захвата власти. Рассчитывали, что сможем приурочить вооруженное восстание к началу навигации, когда к нам на помощь смогут подойти советские военные корабли из Астрахани. Однако мы еще не успели согласовать этот вопрос с Астраханью, поэтому не знали точно, выйдет ли этот флот, а если и выйдет, то когда. Это задерживало решение о сроке восстания: начинать восстание, не получив окончательного ответа из Астрахани, было бы с нашей стороны политической авантюрой, игрой в восстание.

Нас, руководящих работников Бакинского комитета партии, волновал вопрос и о том, под каким лозунгом следует начинать восстание. Конечно, под лозунгом борьбы за Советскую власть! Но была и известная тонкость: надо было поднимать восстание в сложных национально-государственных образованиях Азербайджана и Закавказья, где второй год существовали три национальных буржуазных государства — во главе с мусаватистами в Азербайджане, меньшевиками в Грузии и дашнаками в Армении. Какие формы должно принять

решение национального вопроса в этих условиях, как сочетать такое решение с лозунгом Советской власти?

Я задавал себе вопрос: какую конкретную государственную форму должна принять Советская власть на Кавказе, какой территорией себя ограничить?

В решении Апрельской Всероссийской конференции партии по национальному вопросу было сказано: «Партия требует широкой областной автономии». Аналогичное решение было принято и Кавказским краевым съездом партии в октябре 1917 года.

Но никто еще не дал ответа на вопросы: как областную автономию практически осуществить на Кавказе? Будет ли существовать единая Кавказская и Закавказская автономная область? Должны ли сохраниться старые губернии в их нынешних территориальных делениях или следует избрать какой-то иной принцип деления?

Нам было известно, например, что в Ташкенте победившая Советская власть провозгласила Туркестанскую Советскую автономную республику, не внося при этом никаких изменений в существовавшее деление на губернии и области Средней Азии и во внутреннее устройство края. Естественно, возникал вопрос: подходит ли этот пример для нас? Для меня лично был ясен отрицательный ответ. Я понимал, что нельзя не считаться с фактом существования на Кавказе национальных государств. Хотя фактически все они в то время находились под пятой английского оккупационного командования, формально они были независимы. Предполагалось, что оккупационный режим — временный, преходящий. Было ясно, что нельзя одержать победу, а тем более закрепить ее без активной поддержки как азербайджанских рабочих, так и крестьянства и передовой интеллигенции. За небольшой срок существования азербайджанского буржуазного государства народ Азербайджана воочию увидел, что он впервые в истории имеет свое собственное национальное государство. Но с другой стороны, националистический угар, которым была вначале охвачена интеллигенция, а также часть крестьян и рабочих, стал постепенно угасать, потому что сидевшие у власти представители азербайджанских помещиков и буржуазии не только ничего не делали для простого народа, но и еще более ухудшали условия жизни. Не хватало товаров, катастрофически падал курс денег. Промышленность, лишившись русского рынка для продажи нефти и покупки товаров, переживала острейший кризис. Правительство не открыло ни

новых школ, ни больниц. Земля по-прежнему оставалась у помещиков, которые, придя к власти, еще более нагло угнетали крестьян. Все это обостряло классовое самосознание рабочих и крестьян, а вместе с тем сближало их с передовой интеллигенцией.

И вот, раздумывая обо всем этом, мы пришли к выводу, что в предстоящей революционной борьбе за власть нам, коммунистам Азербайджана, надо выдвинуть задачу превращения Азербайджанского «независимого» помещичье-буржуазного государства в независимое Советское социалистическое государство, находящееся в тесной связи с Советской Россией и закавказскими Советскими республиками. Нам надо провозгласить лозунг «Да здравствует Советский Азербайджан!» и под этим лозунгом вести массы на восстание.

Твердо убедившись в правильности лозунга «За Советский Азербайджан!», мы стали советоваться с разными товарищами по партии, чтобы до официального обсуждения в Бакинском комитете партии узнать, какие могут быть на этот счет возражения. Для русских коммунистов такая постановка вопроса была столь неожиданной, что они не сразу могли понять, почему выдвигается этот лозунг. Они забросали меня вопросами: «А будет ли Азербайджан входить прямо в состав Советской России, и если не прямо, то каким образом он будет с ней связан?» Было много и других вопросов. Я отвечал, что все национальности, проживающие в Азербайджане, будут иметь равные права и равные возможности для развития своей культуры, но старался центр тяжести бесед переносить на другое: спрашивал их, «можем ли мы завоевать на свою сторону большинство крестьян, рабочих и азербайджанской интеллигенции, если заявим им, что с победой Советской власти национальное азербайджанское государство существовать не будет?» Такая постановка вопроса производила сильное впечатление. И действительно, если в результате нашей победы будет установлено Советское азербайджанское государство, мы сумеем привлечь на свою сторону такие слои населения, которые сегодня еще далеки от нас.

Через несколько дней, когда стало ясно, что почва подготовлена, вопрос этот был поставлен на заседании Бакинского комитета партии. Комитет после длительного обсуждения одобрил лозунг «За Советский Азербайджан!». Было решено вынести этот вопрос на обсуждение Бакинской партийной конференции. Созыв конференции назначили на начало мая 1919 года.

После заседания комитета мы встретились с Караевым, Гусейновым и Агаевым. Они были очень обрадованы нашим решением: оно облегчало борьбу с мусаватистами.

Бакинская партийная конференция одобрила предложение Бакинского комитета партии: лозунг «За Советский Азербайджан!» стал боевой программой бакинской партийной организации.

Вскоре мы поехали в Тифлис на очередное заседание Кавказского краевого комитета партии. Тифлисские товарищи, узнав о нашем решении, были крайне недовольны. Они продолжали стоять на старых позициях и не хотели признавать никаких самостоятельных государств в Закавказье, хотя эти государства уже реально существовали, и не считаться с этим фактом было невозможно и неразумно.

Помню, что наиболее рьяно против нас выступал мой старший товарищ и друг Филипп Махарадзе, а с ним еще несколько товарищей. Однако сбить нас с нашей позиции в этом вопросе они не могли. Видя их упорство, мы заявили, что поставим этот вопрос на обсуждение предстоящей Общекавказской партийной конференции.

Мы отчетливо понимали, что постановка вопроса о Советском Азербайджане выходит за пределы этой республики. Если мы правы, то так же должен быть поставлен вопрос и о Советской Грузии, и о Советской Армении.

* *
*

Приближалось 1 Мая. Нарастал новый подъем рабочего движения в Баку. В связи с этим все мы по горло были заняты рассмотрением и решением массы вопросов, поступавших со всех сторон. Но несмотря на это, мы заблаговременно начали серьезную подготовку к предстоящей первомайской демонстрации. Необходимость такой подготовки была вызвана не столько даже тем, что нам хотелось вывести на улицы как можно больше рабочих — в том, что их будет много, мы ни сколько не сомневались, — но нам надо было подобрать достаточное количество надежных и опытных руководителей колонн демонстрантов, которые смогли бы обеспечить должный порядок на демонстрации, не допустить никаких эксцессов, оградить демонстрацию от возможных провокаций со стороны полиции и оккупантов и не дать им повода для применения против демонстрантов оружия. Кроме того, учитывая общую скудность наших материальных средств, нам надо

было добиться, чтобы рабочие предприятий в самые короткие сроки своими силами и средствами подготовили для демонстрации необходимые плакаты, лозунги и знамена. Мы рассчитывали в этом отношении на самую широкую самостоятельность рабочих организаций. Бакинский комитет партии, например, самостоятельно изготовил свое красное знамя; то же самое сделали районные партийные комитеты, которые к тому времени были уже созданы во всех районах Баку. Президиум рабочей конференции на свои средства сделал с десятком неплохих плакатов, на которых были написаны лозунги: «Да здравствует всемирная республика Советов!», «Да здравствует III, Коммунистический Интернационал!», «Долой международный империализм!», «Долой контрреволюционеров!», «Да здравствует беспощадная борьба с контрреволюцией!»

Так как английский военный гарнизон в Баку был достаточно большой, мы подготовили несколько десятков плакатов на английском языке с лозунгами о 1 Мая как международном празднике рабочих, как дне солидарности пролетариев всех стран и дружбы пролетариев в борьбе за мир, против колониализма. Помню, что изготовление этих плакатов встретило большие трудности — нам с огромным трудом удалось найти человека, знавшего английский язык. Это был один из сотрудников английского штаба, служивший там переводчиком. Но и он, как мне потом говорили, написал лозунги с некоторыми ошибками.

Для придания большей «монументальности» нашей колонне мы наняли три грузовых автомобиля. На одном из них была установлена пятиконечная звезда в полторы сажени, на другом — изображена живая картина на тему интернациональности рабочего класса, а на третьем — тоже живая картина: рабочий-кузнец с поднятым молотом. Кроме того, мы организовали из числа сочувствующих нам бакинских музыкантов и певцов довольно большой хор.

Тщательная подготовка к проведению первомайской демонстрации проходила, как мне помнится, во всех районах.

План демонстрации приблизительно был таков. Рабочие собираются у себя в районах по фабрикам, заводам и промыслам, проводят митинги и организовано, колоннами, с музыкой, плакатами и знаменами направляются в центр города — на площадь Свободы. В то время не было громкоговорителей, поэтому на площади было устроено сразу четыре трибуны для выступлений ораторов. Колонны демонстрантов,

пройдя вокруг площади, должны были направиться по главным улицам города к набережной и дальше по Садовой, мимо английского штаба и английских казарм — по Николаевской, мимо Азербайджанского парламента к Рабочему клубу, где было предусмотрено проведение завершающего митинга, после которого демонстранты должны были организованно и мирно разойтись по домам.

Азербайджанское правительство и английское военное командование, предвидя внушительный размах готовящейся демонстрации и боясь влияния «красной заразы» на умы и сердца своих солдат, запретили им в тот день выходить из казарм. Их там попросту заперли.

Утром 1 Мая вышла наша газета «Набат», полностью посвященная Первомайскому празднику. Помню, что на ее страницах были напечатаны лозунги: «Да здравствует международный пролетарский праздник 1 Мая!», «Да здравствует всемирная пролетарская революция!» — и несколько статей, посвященных 1 Мая.

К началу демонстрации около Рабочего клуба собрался Президиум рабочей конференции, члены правлений всех профсоюзов, рабочие городского района, и все вместе мы двинулись на площадь Свободы.

Пришли на площадь, распределили по трибунам ораторов. Площадь была уже полна народом. Подходили все новые и новые колонны из районов со знаменами своих заводов и предприятий, с пением песен и музыкой. Многие рабочие пришли с семьями. Когда вся эта огромная масса людей потекла со всех улиц на площадь, картина получилась довольно впечатляющая. На самую площадь эти колонны не проходили, а двигались организованно рядом, но так, что каждая из них прошла мимо всех четырех трибун, которые каждый район и предприятие встречали приветствиями и речами представителей бакинской организации партии большевиков, «Гуммета», «Адалета» и левых эсеров. Речи у всех были короткие, вдохновенные; они содержали революционные призывы и лозунги партии. Народ встречал все это с большим подъемом, криками «ура» и бурными одобрениями. Площадь и прилегающие к ней улицы были переполнены черной, как нефть, лавиной рабочих, пришедших прямо с промыслов.

В момент, когда колонны демонстрантов стали выходить с площади и двигаться в сторону набережной, неожиданно появилась небольшая группа мусаватистских демонстрантов —

человек 300—400. Они несли синие и зеленые знамена, причем знамен этих было довольно много.

Однако никакого впечатления они не произвели. Рабочая демонстрация спокойно прошла мимо них своим путем. Впереди головной колонны двигались автомобили с живыми картинами и звездой. В первом ряду колонны шли члены Президиума Бакинской рабочей конференции, представители профсоюзов и партии. На всем пути, пройденном демонстрацией, никто не чинил ей никаких препятствий. Полиции не было видно. Не было также и английских военных патрулей. Мы шли очень довольные тем, что наша демонстрация протекает так мирно и организованно.

Вдруг вдали навстречу нашему шествию показались два английских танка. Они медленно двигались навстречу нам по центру улицы. У каждого из нас возник вопрос: что это значит? Что предпринять? Как поступить?

Быстро переговорив между собой, мы, члены Президиума, решили: не отступать ни шагу, если даже танки будут идти на нас. Мы крепко взялись за руки, еще громче запели и продолжали свой путь. Конечно, мы очень волновались, не зная, чем все это кончится. Но внешне нашего волнения никому не было видно. Мы шли спокойно и твердо: будь что будет! Танки подходят все ближе и ближе. Наступила минута крайнего напряжения. И в последний момент, когда до столкновения оставалось каких-то несколько метров, танки неожиданно свернули в сторону, остановились и дали нам дорогу.

Мы были горды своей выдержкой и с еще большим подъемом продолжали свой путь. Через некоторое время на набережной появился большой английский военный обоз с сипаями, который также двигался нам навстречу. Но, подойдя ближе, он тоже был вынужден отойти в сторону и ждать, пока мимо него пройдет наша демонстрация.

Так, поднимаясь по Садовой, мы подошли к двухэтажному дому с балконом. Это был особняк, хорошо мне знакомый. Дело в том, что годом раньше в этом доме я по поручению Бакинского революционного комитета арестовывал видного нефтепромышленника Тагианосова. Теперь в этом особняке располагался английский военный штаб. На балконе стояли английские офицеры и смотрели на демонстрацию.

Оценив обстановку, мы сразу же приняли решение — организовать перед английским штабом митинг. Я поднялся на один из грузовиков и произнес краткую речь, направлен-

ную против военной интервенции английского империализма и его союзников, оккупировавших Азербайджан, против колониального гнета, требуя свободы народам Востока от интервентов и контрреволюции. Во время выступления я с досадой подумал о том, как жаль, что английские офицеры не знают русского языка и что мы заранее не подумали о таком митинге и не взяли с собой переводчика.

Вдруг, когда я закончил свою речь, на грузовик вскочил молодой парень, видимо студент, и попросил разрешения перевести речь на английский язык. Говорил он громко, уверенно, убежденно. Демонстранты ему аплодировали. Англичане же со свойственным им хладнокровием спокойно выслушали эту речь, видимо, удивились, но в ответ ничего не сказали.

Демонстрация двинулась дальше. Через 200—300 метров мы увидели трехэтажный дом, который был тогда приспособлен под казарму английских солдат. В окна на нашу демонстрацию смотрели английские солдаты. Демонстранты шумно, криками и различными жестами высказывали солдатам свою симпатию и дружбу, а наш неожиданно объявившийся переводчик вел с ними разговор по-английски. Вот тут-то и пригодилась «наглядная агитация» — те плакаты, которые мы специально заготовили для английских солдат.

Потом демонстрация подошла к зданию, в котором помещался азербайджанский парламент. Здесь мы тоже организовали митинг. Сначала выступил я, потом на азербайджанском языке — Караев. Обращаясь с грузовика к членам парламента, я, между прочим, сказал: «Господа помещики и капиталисты! Знайте, что в следующий международный майский праздник в этом здании будет заседать Совет рабочих и крестьянских депутатов Азербайджана».

И действительно, на следующий год за два дня до 1 Мая в Баку победила Советская власть. В доме, где был буржуазный парламент, разместился Революционный комитет Азербайджана. И первомайская демонстрация прошла в тот день как радостный праздник счастливого, освобожденного народа Азербайджана.

Демонстрация двинулась дальше, к зданию Рабочего клуба. Здесь на балконе была установлена трибуна, и снова состоялся большой митинг, закончившийся лишь часам к шести вечера.

Радостные, возбужденные, демонстранты стали расходиться по своим районам.

Надо сказать, что демонстрация, как и вообще все празднование 1 Мая в том году, произвела огромное впечатление не только на рабочих, но и на городских обывателей, которым казалось, что уже «пришли большевики». Их поражало, что улицы Баку переполнены рабочими, идущими под своими знаменами и лозунгами, в то время как местная буржуазия и полиция попрятались по своим домам и казармам и, видимо, ничего уже не могли сделать. Это был довольно серьезный сдвиг в сознании всех бакинцев.

* *
*

На следующий день, когда мы собрались в помещении Президиума рабочей конференции, неожиданно появилась делегация от моряков торгового флота. Они взволнованно сообщили нам, что получили приказ от английского командования подготовить 18 пароходов для отправки оружия, боеприпасов и войск в Петровск, в помощь Деникину для подавления революционного восстания в Дагестане. Некоторые из этих пароходов должны были зайти в Энзели, чтобы погрузить там вооружение и отвезти его в Петровск. Делегация спрашивала, как им быть.

Конечно, мы не могли допустить, чтобы англичане помогали Деникину разгромить восстание в Дагестане. Однако решили избрать гибкую тактику и отвести от моряков возможные репрессии: дали указание делегации моряков не саботировать выполнение приказа англичан открыто, а заявить им, что они, моряки, не могут выполнить приказ английского военного командования без санкции Бакинской рабочей конференции, которую они признают как свой руководящий центр. Так и было сделано. Моряки заявили англичанам, что они ничего не знают и слушают только указания рабочей конференции. «Если конференция разрешит — тогда мы делаем все, что ею будет сказано».

На следующий день к нам, в Президиум рабочей конференции, пришел представитель английского военного командования и заявил, что им срочно нужны 18 пароходов и они просят конференцию распорядиться об их предоставлении английскому командованию.

Выслушав английского офицера, мы сказали ему, что должны вынести этот вопрос на Президиум рабочей конференции и что ответ сможем дать только на следующий день.

На заседании Президиума мы решили не менять своей

прежней позиции и ни в коем случае не давать англичанам пароходов.

Наутро представитель английского командования пришел к нам за ответом. Мы сказали ему, что, поскольку пароходы нужны им для переброски вооружения и войск для подавления восстания, то есть для ведения войны, мы, как противники войны, не можем удовлетворить просьбу английского командования. После получения такого ответа английский представитель ушел, но вскоре вернулся и заявил, что они готовы ограничиться четырьмя пароходами, на которых предполагают перевезти не войска и вооружение, а медикаменты и продовольствие. На это мы ответили, что перевозка такого груза в данных условиях представляет собой тоже косвенную поддержку войны, поэтому мы не можем согласиться и на это. На том и закончились наши переговоры с английским командованием. Для всех было ясно, что фактически с этого началась забастовка торговых моряков.

Надо сказать, что в то же примерно время в Президиум рабочей конференции обратилась делегация бакинских железнодорожников. Они заявили нам о том, что англичане, потерпев неудачу с переброской вооружения морским путем, стараются провезти его в Петровск и Дербент по железной дороге. Но они, железнодорожники, не хотят этого допустить и поэтому спрашивают у нас совета, как им быть.

И в данном случае мы подтвердили свое предложение: ни в коем случае не допускать перевозки вооружения и по железной дороге.

Таким образом, мы оказались не только перед фактом возникновения частичной забастовки рабочих и служащих морского и железнодорожного транспорта Баку, носящей к тому же политический характер, но и вступили в прямой конфликт с английским военным командованием.

Сообщения из разных районов города свидетельствовали о большой напряженности: рабочие не хотели дальше терпеть создавшееся положение и требовали немедленно начать уже давно подготовленную всеобщую забастовку за коллективный договор. Больше того, на ряде промыслов рабочие, не дожидаясь указаний стачечного комитета, уже начали экономические забастовки.

Немедленно был собран Бакинский комитет партии для обсуждения сложившейся ситуации. Как и раньше, мы не хотели торопиться с началом всеобщей забастовки, но теперь обстоятельства складывались так, что, если всеобщая

забастовка не будет объявлена, начавшиеся выступления в отдельных районах будут подавлены порознь. К тому же 3 мая истек срок, установленный рабочей конференцией для получения ответа от нефтепромышленников, правительства и английского командования в отношении коллективного договора и товарообмена с Астраханью. И мы пришли к выводу, что надо объявить всеобщую забастовку.

Все это происходило в те дни, когда мы ожидали в Баку прибытия делегатов на ранее назначенную нелегальную Кавказскую краевую конференцию коммунистов. В связи с создавшимся положением стали поступать предложения о переносе конференции и, следовательно, возвращении ее делегатов обратно по республикам, с тем чтобы провести конференцию после окончания всеобщей забастовки в Баку. Однако существовавшие тогда тяжелые условия работы коммунистов в Грузии и Армении затрудняли дело, делегаты могли быть арестованы. К тому же у них (как, впрочем, и у нас) не было достаточных материальных средств. Поэтому, несмотря на крайне неблагоприятные условия, мы все же решили партийную конференцию проводить.

Вечером 2 мая после заседания Бакинского комитета партии состоялась Общебакинская партийная конференция, которая, заслушав сообщение о политической обстановке в Баку, одобрила линию, занятую в этом вопросе нашим комитетом партии.

Самым важным вопросом на этой нашей конференции было обсуждение вопроса о лозунге «за Советский Азербайджан». Конференция подтвердила актуальность лозунга. Теперь мы могли уже более уверенно идти на Кавказскую краевую конференцию, открытие которой должно было состояться 6 мая.

По решению партийной конференции, 4 мая состоялось заседание Бакинской рабочей конференции. Выборы делегатов на эту конференцию мы провели по новой системе — один делегат от пятидесяти рабочих и служащих. (Раньше делегаты выбирались от предприятий независимо от числа работающих.)

В связи с этим состав рабочей конференции обновился. Поэтому мы сочли необходимым внести предложение об избрании нового состава Президиума конференции. Предложение было принято. Делегаты избирались персонально, с обсуждением каждой кандидатуры. Примечательно, что прошли все кандидатуры, выдвинутые коммунистами, по-

сколькo подавляющее большинство делегатов нас поддержало. В новый состав членoв Президиума рабочей конференции были избраны Агаев, Анашкин, Азимзаде, Губанов, Ибрагимов, Ильин, Микoян, Чураев; кандидатами оказались избранными Гогоберидзе, Казбеков, Полторацкий и Стуруа.

С докладом на конференции о проведении всеобщей стачки было поручено выступить мне. Краткое изложение этого доклада было опубликовано в газете «Набат», поэтому сошлюсь на него.

«Как вы помните, товарищи, в 1917 году большевистская власть заставила капиталистов принять коллективный договор. Потом капиталисты вновь вернулись к власти и отказались выполнять тот договор. И вот рабочая конференция, стоя на страже интересов рабочего класса, приступила к восстановлению коллективного договора. Промышленники думали ограничиться прибавкой в 360 рублей и тем успокоить нас, но рабочая комиссия выработала и предъявила им коллективный договор полностью и билась целых три месяца, чтобы достигнуть соглашения с промышленниками; но даже постоянные соглашатели и те наконец убедились, что прийти к соглашению с капиталистами путем переговоров нельзя. Решено было предъявить ультимативное требование до 3 мая. И вот ответ: о ставках — дан отрицательный ответ, правовые нормы не приняты. Рабочие не могут отступить, перчатка брошена. Надо ее поднять и продолжать борьбу. Коллективный договор нужен, — значит, надо за него бороться.

Но эту борьбу надо рассматривать шире. Ведь коллективный договор существует, поскольку существует промышленность: погибнет она — и договор становится клочком бумаги. А вопрос о бакинской нефтяной промышленности — это вопрос о существовании самого Баку, да и всего Азербайджана.

Все здесь зависит от нефти. Нефть вывозится — есть деньги; значит, есть из чего удовлетворить и требования рабочих. Но в этом году вот уже два месяца с открытия навигации не вывезено ничего. А имеется больше 200 миллионов пудов нефти! При наличии перевозочных средств, как говорят нефтепромышленники, можно вывозить ежедневно лишь 10 процентов ежедневной добычи. Но даже и это вывозить некуда: Закавказье — Тифлис, Ереван, Батум в таком количестве нефти не нуждаются.

На днях приехали английские и другие капиталисты для организации товарообмена на нефть, но, узнав здешние очень высокие цены, они заявили, что согласны сами давать сюда нефть и по более низким ценам.

Ясно одно: при какой бы то ни было политической ситуации Баку без России, как и Россия без Баку существовать не могут. Это мнение не только коммунистов, но и азербайджанских властей. Им нужны деньги. А их боны стремительно падают. Доверия к ним нет никакого, и не сегодня-завтра азербайджанское правительство ожидает финансовый и экономический крах.

Однако англичане, сидящие здесь, хотят подавить большевиков, хотя они знают отлично, что в конечном счете победят большевики. Зная это, они стремятся, хозяйничая здесь, хоть как-нибудь выручить свои деньги. Но и они, понятно, не могут вывести из затруднений.

Вот сейчас, например, возник вопрос: откуда достать деньги для уп-

латы жалования? Денег нет, нефть девать некуда. От этого остановится вся жизнь. Это отразится губительно на всем населении. Если даже сейчас приступить к вывозу нефти, то можно вывозить слишком незначительные количества.

Значит, надо сократить добычу. Но при отсутствии вывоза и это не спасет: нас ждет голод. Кто этому не верит — пусть вспомнит, когда черный хлеб стоил здесь 15 рублей.

Когда азербайджанское правительство соглашается на товарообмен, англичане препятствуют этому, и бессильное правительство должно им уступить. Они же имеют целью задавить Советскую власть. Они подобны разбойнику, который ворвался в нашу квартиру — грабит и поджигает ее. Бакинский пролетариат должен сам изгнать этих господ!

Мы обязаны выступить и бороться за товарообмен!

Представитель Московского совета народного хозяйства на днях здесь заявил, что у них для товарообмена есть миллиард аршин мануфактуры, обувь и т. п. Значит, товарообмен вполне реален.

Бакинский пролетариат должен идти в бой. Его интересы — интересы всего просвещенного общества, интересы культуры.

Не думайте, что наш враг — английское военное командование — так уж страшен. Ведь английское командование боится своих солдат и не доверяет им, а солдаты не доверяют своему начальству. Лучшее доказательство этой боязни в том, что солдат не выпускали из казарм до 1 мая, а солдаты охотно брали наши летучки на английском языке: ясно, что и среди англичан близка революция, но они здесь слишком оторваны от родины и колеблются, они стремятся домой.

Не доверяя своим солдатам, англичане боятся арестовывать и нас. Победа будет за нами. На нашей стороне — сочувствие всего трудового населения, ибо мы боремся за всех и для всех.

От имени Президиума конференции я предлагаю сегодня же решить вопрос о вступлении в организованную борьбу, планомерную, без эксцессов, против тех, кто не дает нам вступить в связь с Астраханью.

Конечно, в этой борьбе неизбежны жертвы. Но лучше принести несколько жертв, чем гибнуть потом всем от голодной смерти.

Товарищи моряки уже открыли борьбу. Они не дают пароходов для перевозки войск и снаряжения в помощь добровольческой армии, которая вместе с англичанами хочет задушить дагестанские народы, как и большевиков. И Президиум конференции приказал морякам не давать ни одного парохода. Английские власти угрожают увольнением всех моряков. Управляющий морским транспортом Браун пишет Союзу работников водного транспорта: «Ссылаясь на ваше распоряжение от вчерашнего числа, сообщаю, что, если оно не будет отменено, я буду считать платеж жалованья на всех пароходах, кроме почтовых, приостановленным со 2 мая. Кроме того, если пароходы «Ван», «Экватор», «Эльбрус» и «Запад» не выйдут в море, согласно вчерашнему приказу, я прошу вас снять всю команду с этих судов».

Моряки будут с нами! Железнодорожники нас поддержат!

Англичане хотят нас задушить голодом. Так не они, а мы их задушим! (Шумные аплодисменты)»

Вокруг моего доклада развернулись оживленные прения. Выступало много ораторов, и все они, в том числе эсеры, меньшевики, а также правые гумметисты, высказывались за объявление забастовки. Один из ораторов предложил объ-

явить политическую забастовку, другие — и их было большинство — приводили различные аргументы в пользу экономической забастовки. Представитель железнодорожников заявил, что они готовы немедленно приступить к забастовке. То же самое заявили и моряки.

Примечательным было выступление одного рабочего-азербайджанца, Сумбата, который сказал: «Рабочие-мусульмане еще не осознали своих классовых интересов. Возможен их откол, и, чтобы избежать этого, необходима специальная работа среди них по разъяснению задач забастовки. Рабочие-мусульмане несут двойное иго мировых и местных империалистов. Раскрепощение их возможно только с помощью российского пролетариата». Моряк Минаев, говоря о предстоящей забастовке, закончил свою речь возгласом: «Да здравствует Азербайджанская Советская власть!» Эти слова, сказанные к тому же русским моряком, вызвали бурю аплодисментов со стороны всех участников конференции.

В своем заключительном слове я остановился особенно подробно на вопросе политической забастовки. Бакинский пролетариат, говорил я, богат традициями всеобщих политических забастовок. Это оружие мы и впредь сохраним в своих руках, и, когда наступит соответствующий момент, мы им воспользуемся. Но требование объявить предстоящую забастовку политической является неправильным и даже вредным. В этой забастовке мы выдвигаем чисто экономические требования — коллективный договор и товарообмен. Приклеивать к нашей забастовке ярлык политической будут наши враги — мусаватисты и оккупанты, чтобы иметь повод для репрессий против бастующих рабочих. Поэтому пока ни одного политического требования мы не выдвигаем. В этой забастовке мы не выступаем ни против азербайджанского буржуазного правительства, ни против английских оккупантов. Конечно, экономическая забастовка может иметь и часто имеет политическое значение, но это не значит, что всякая забастовка становится обязательно политической. Мы должны строго придерживаться в данном случае экономических требований.

Конференция единогласно приняла такую резолюцию:

«Бакинская рабочая конференция, заслушав доклад Президиума о коллективном договоре и товарообмене с Астраханью для спасения бакинских рабочих и всего населения Азербайджана от неминуемой голодной смерти, полного финансового и хозяйственного краха и во избежание остановки нефтяного производства, вследствие невывоза нефтяных запасов,

постановила: во что бы то ни стало — экономической стачкой — добиваться принятия коллективного договора и решения о вывозе нефти в Астрахань. Время как объявления, так и прекращения забастовки, равно и порядок ведения ее, поручается Президиуму и Центральному стачкому. Центральный стачком избирается в составе: президиум, по два представителя от районов, по два представителя от профсоюзов, один — от краевого центра профсоюзов, один — от моряков, один — от железнодорожников. Представители партий кооптируются в состав стачкома лишь с правом совещательного голоса».

Надо сказать, что к тому времени рабочая конференция совсем по-иному стала вести себя с английскими оккупантами.

Вспоминаю такой случай. Во время заседания конференции 4 мая я вышел из Президиума в коридор, где столкнулся с каким-то высоким и толстым английским офицером, направлявшимся на сцену. Думая, что произошло недоразумение и ему просто неизвестно, что в зале идет заседание рабочей конференции, я сказал ему об этом. Однако получил на это весьма спокойный ответ на хорошем русском языке: — Я знаю. Но я не раз раньше присутствовал на конференции.

Этот военный оказался капитаном Уолтоном, с которым позже нам приходилось встречаться в различной обстановке.

Я сказал ему:

— Вам там присутствовать нельзя. Впрочем, может быть, конференция и разрешит вам. Подождите, я выясню.

Я сделал внеочередное заявление конференции о том, что представитель английского командования желает присутствовать на конференции и что, по его словам, раньше на такие собрания меньшевики его пускали.

Конференция единодушно отклонила просьбу Уолтона, признав невозможным присутствие на своем заседании представителя английского военного командования, и одновременно обратилась к английским солдатам с предложением о выделении к нам своих представителей: рабочая конференция готова охотно их принять как своих братьев, но она «не может принимать у себя агентов империализма». Это постановление было принято при бурных аплодисментах и криках одобрения.

Я сообщил Уолтону об этом решении. Он был очень удивлен. Я же попросил его от имени конференции передать нашу просьбу английским солдатам.

5 мая состоялось заседание стачечного комитета, избранного рабочей конференцией. Он принял решение о начале

забастовки и направил требования бакинского пролетариата председателю Совета министров азербайджанского правительства, в Главный английский штаб (через капитана Уолтона), совету союза нефтепромышленников и — в копиях — всем судовладельцам и промышленникам, а также министру труда:

«Центральный стачечный комитет, руководствуясь постановлением Бакинской рабочей конференции от 4 мая с. г., объявляет 6 мая с. г. всеобщую экономическую забастовку и представляет съезду нефтепромышленников следующие требования:

1. Принятие коллективного договора в редакции рабочей конференции.

2. Установа товарообмена с Астраханью и ряд других экономических требований, которые не удовлетворены.

Если с вашей стороны будет изъявлено желание удовлетворить предъявленные требования, то Центральный стачечный комитет готов вести переговоры».

Фактически забастовка на водном и железнодорожном транспорте началась 5 мая с целью помешать погрузке воинских эшелонов и военных грузов, направляемых в Дагестан для армии Деникина, уже начавшей военные операции против революционных горцев.

ПЕРВАЯ ЗАКАВКАЗСКАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Снова национальный вопрос. — В дни забастовки. — Наш арест. — Очередное предательство меньшевиков. — Побег из Бакинской тюрьмы. — Уроки забастовки.

Члены крайкома и делегаты Закавказской партийной конференции собрались в Баку 5 мая. Состоялось заседание крайкома, на котором мы ознакомили приехавших товарищей с нашими событиями. Они одобрили решение о всеобщей забастовке и согласились с нами, что несмотря на сложную обстановку в Баку, откладывать проведение краевой партийной конференции нельзя. Некоторые бакинцы, в том числе и я, связанные с руководством забастовкой, получили разрешение быть не на всех заседаниях конференции.

Не помню точно, но в работе краевой конференции приняло участие (вместе с приехавшими делегатами) что-то около 25—30 человек. Из приехавших делегатов на конференцию мне запомнились Махарадзе, Миша Окуджава, Орахелашвили, Назеретян, Шавердян, Торошелидзе, Мравян, Ладос Думбадзе, Федор Калантадзе, Кахоян, Георгий Стуруа, Бесо Ломинадзе. Фамилии других я теперь уже не помню. Были также делегаты из Дагестана и от Северного Кавказа. Конференция проходила на квартире Каспаровых. Помню, что первое заседание мы начали 7 мая в 9 часов утра, приняв решение работать до поздней ночи с небольшими перерывами. Председателем конференции был избран Миша Окуджава, а секретарями — Гогоберидзе и Мирзоян.

Работа конференции началась докладами с мест. Кроме того, было два отчетных доклада: один от крайкома, работавшего во Владикавказе, — о деятельности на Северном Кавказе; доклад этот сделал Филипп Махарадзе. От Тифлисского центра доклад делал Саркис Касьян. Я этих докладов не слышал — подоспел только к прениям, развернувшимся после докладов, так как находился на заседании Центрального стачечного комитета.

Товарищи выступали с резкой критикой слабых сторон деятельности крайкома как по Северному Кавказу, так и по Закавказью. Мне потом рассказывали, что Махарадзе все время пытался объяснить и «обосновать» недостатки в работе крайкома. Говорили, что и Касьян сделал в целом неинтересный доклад. Не отрицая слабого руководства крайкома, он пытался объяснить все это трудными условиями, созданными меньшевиками в Грузии и дашнаками в Армении, а также нехваткой руководящих кадров из-за отъезда многих на Северный Кавказ.

В моем докладе освещалось положение дел в Баку и Азербайджане.

Из выступлений на конференции было понятно, что, несмотря на продолжающиеся преследования коммунистов в Грузии и Армении, партийная работа там за последние месяцы заметно оживилась. Возросло влияние коммунистов среди рабочих, а в некоторых уездах и среди крестьян. В ряде районов Грузии и Армении шла уже подготовка к вооруженным восстаниям. Власть мелкобуржуазного горского правительства в Дагестане распространилась только на Темир-Хан-Шуру и Дербент. В остальном Дагестане господствовали

повстанческие отряды, которыми руководил Дагестанский обком партии.

Между деникинцами и революционными повстанческими отрядами начались ожесточенные бои. Деникинцы заняли Петровск, а затем и Дербент. Мы знали, что в горах Чечни действуют отряды партизан во главе с Николаем Гикало и Асланбеком Шериповым. Что же касается положения в Дагестане, то нам, бакинцам, оно было известно еще до конференции: начиная с марта у нас регулярно бывали дагестанские товарищи и информировали нас.

Конференция приняла решение об активной поддержке борющегося Дагестана.

На конференции Ломинадзе справедливо критиковал крайком партии за то, что он отозвал из Тифлисского Совета рабочих депутатов группу депутатов-коммунистов. Тем самым мы лишили себя хотя и плохой, но все же легальной трибуны, с которой мог раздаваться голос коммуниста.

В ходе прений на конференции центральное место занял национальный вопрос. Началось с того, что Филипп Махарадзе подверг критике решение бакинских коммунистов о «независимом Советском Азербайджане». Махарадзе, не считаясь с новыми условиями, рожденными самой жизнью, продолжал догматически отстаивать старые позиции. Естественно, мы, бакинские коммунисты, выступили на конференции с критикой Махарадзе.

Мы говорили, в частности, о том, что сила «Мусавата» была в том, что он шел под лозунгом независимого национального государства. Если мы возьмем этот лозунг на свое вооружение, но вложим в него наше, советское содержание, то мы разоружим «Мусават» перед лицом трудящихся, которые вопреки своим классовым интересам шли за «Мусаватом». Тогда трудящиеся пойдут туда, куда подскажет им классовый интерес. С них спадет пелена национального дурмана. Сейчас, говорил я, возражая Махарадзе, сложилась совершенно иная обстановка, нежели была в 1917 году, хотя и в той обстановке мы неправильно решили этот вопрос, не поддержав идею Степана Шаумяна о разделении территории Закавказья на три области и создании, таким образом, в крае трех национальных автономий. Теперь же все сложилось по-другому. Более года фактически существуют три буржуазных независимых национальных государства. Хотя независимость у них видимая, поскольку их делами управляет английское оккупационное командование, но нельзя не считаться с са-

ним фактом существования национальных государств. Отвергая же это, как предлагал Махарадзе, мы неизбежно оттолкнем от себя мелкобуржуазные, националистически настроенные слои азербайджанского народа, а без тесного союза с мелкой буржуазией и крестьянством Советская власть не может победить и устоять в условиях Закавказья.

Длительные прения по этому вопросу показали, что мы не найдем общего языка с Махарадзе и поддержавшими его товарищами из Грузии и Армении. Тогда мы категорически заявили, что не можем отказаться от лозунга независимого Советского Азербайджана и лишь в качестве компромисса не будем выдвигать этот лозунг применительно к Грузии и Армении, с тем, однако, условием, чтобы грузинские и армянские товарищи не выступали против нас. На том мы и сошлись, договорившись, что окончательно этот вопрос будет решаться в ЦК РКП(б).

Конференция продолжала свою работу до поздней ночи. Хорошо помню, что, когда я уходил с этого заседания, уже рассветало. Утром состоялось еще одно заседание, на котором был выбран новый состав краевого комитета партии.

Делегаты съезда разъехались. В Баку на время забастовки остались товарищи Стуруа, Махарадзе, Мравян и Ломинадзе.

Вновь избранный краевой комитет принял новое решение по организационному вопросу. По нашему предложению было решено создать Бакинское бюро крайкома. Оно состояло из членов крайкома, работавших в Баку. Нам были даны широкие полномочия принимать решения по всем вопросам, связанным с Азербайджаном, с последующим докладом о них крайкому партии. Такая организационная перестройка была необходима для внесения большей оперативности в руководство быстро менявшимся положением. Фактически Бакинское бюро стало органом, руководящим всей работой большевиков Азербайджана.

* *
*

Центральный стачечный комитет, как я уже говорил, назначил начало всеобщей забастовки на 6 мая, установив, что сигналом к началу стачки будет служить прекращение подачи электрического тока к 3 часам ночи. Как помнится, все предприятия и учреждения города были разделены на три группы. В первую входили электростанции, железная дорога и водный транспорт, во вторую — все остальные предприятия и ор-

ганизации, и, наконец, была еще третья, резервная группа — водопровод, бойни, больницы и кооперативы.

Понимая, что члены Центрального стачечного комитета, несмотря на все средства конспирации, все же могли быть арестованы, мы решили создать запасной комитет и заранее определили его персональный состав. В стачкоме первого состава должны были работать пять человек: Губанов, Караев, Микоян, Стуруа и Чураев. Во главе запасного стачкома мы утвердили Гогоберидзе. Кроме того, опять-таки на всякий случай, мы организовали еще и третий состав стачкома во главе с Анашкиным. Было решено, что, пока действует первый состав, все остальные товарищи — из второго и третьего состава стачкома — не принимают участия в руководстве забастовкой, а работают на своих местах в Президиуме рабочей конференции. В случае ареста первого состава второй состав автоматически заступает на его место, причем предусматривалось, что кандидаты в члены Президиума рабочей конференции также автоматически в этом случае становятся членами Президиума. Запасным стачкомам было поручено по согласованию с районами подобрать запасных районных представителей в Центральный стачечный комитет. Руководство проведением стачки на каждом предприятии было поручено заводским и промысловым комитетам. Было принято также решение мобилизовать в распоряжение Центрального стачечного комитета 20 ответственных работников для выполнения всякого рода поручений комитета во время забастовки. На комитеты молодежи была возложена обязанность выделить необходимое количество лиц для организации охраны стачечных комитетов: они должны были нести наружную охрану зданий, в которых заседали стачечные комитеты, предупреждать об угрозе появления полиции, а также выполнять всевозможные технические поручения стачкома.

Условия проведения стачки диктовали необходимость строжайшей конспирации всей нашей работы. С этой целью было решено: руководителям стачки не появляться в рабочем клубе — легальном центре нашего движения; проводить заседания стачкома ежедневно около двух часов и всякий раз в другом помещении (места проведения заседаний были, как правило, засекречены). Приглашаемые из районов приходили обычно в рабочий клуб, откуда наши молодые конспираторы провожали их небольшими группами к месту заседания. Никто из них не имел права покидать помещение до окончания заседания. Делалось это для того, чтобы какой-нибудь слу-

чайно проникший к нам провокатор не мог уйти с заседания до его окончания и выдать место встречи. Для поддержания связи между членами Центрального и районного стачечных комитетов были установлены явки в рабочем клубе, а в случае его закрытия — в Союзе печатников и в Союзе нефтепромышленных рабочих.

Как было условлено, ровно в 3 часа ночи погас свет. Забастовка началась.

Рабочие и служащие железнодорожного и водного транспорта начали забастовку накануне. Теперь к ним присоединились предприятия и организации второй очереди.

Но на всех ли предприятиях рабочие бастуют? Вопрос этот, естественно, тревожил каждого из нас. Ждали утра, когда из районов должны были поступить сводки.

Боясь, что правительство, ожидая забастовку, могло этой же ночью арестовать рабочих на электростанциях и прислать туда штрейкбрехеров, чтобы снова пустить электростанции в ход, мы послали туда специального человека с поручением снять и спрятать в надежное место основные части и детали машин, без которых электростанции не могли работать. Особенно мы опасались за Баиловскую электростанцию, где еще сильно было влияние эсеров.

Надо сказать, что вообще бакинские электростанции — а их было три: на Баилове, в Белом городе и Балаханах — должны были сыграть решающую роль в забастовке. Во-первых, нельзя не учитывать огромного психологического воздействия на население внезапно наступившей полной темноты в городе, а во-вторых, отключение электроэнергии лишало возможность работать всякого рода штрейкбрехеров, если бы таковые нашлись среди бакинских рабочих.

Утром стало известно, что все намеченные по нашему плану предприятия города бастуют. Немедленно начались аресты вожаков рабочих, особенно среди рабочих-азербайджанцев, где наше влияние было еще недостаточно сильным. Власти применяли обман, ложь, запугивание. В результате в отдельных местах, где большинство составляли мусульмане, стачка начиналась недостаточно решительно, а в некоторых случаях рабочие даже соглашались продолжать работать. Пленум стачкома, собравшись в связи с этим 6 мая, заслушал сообщения о положении дел по каждому району.

В целом забастовка шла хорошо и дружно. Правительство продолжало принимать репрессивные меры: самых квалифицированных рабочих электростанций арестовывали и силой

заставляли работать. Несколько человек на Баилове были таким образом задержаны. Стачком немедленно распорядился переслать квалифицированных рабочих электростанций на время стачки в другие районы, чтобы полиция не могла их найти. Это было сделано. Потом выяснилось, что на Баиловской станции наши товарищи не успели вовремя спрятать машинные части. Одним словом, беспорядков было выявлено немало. Мне пришлось даже специально ездить в Белый город, чтобы через наших товарищей все же добиться выполнения решения об остановке электростанции.

Не находя рабочих, правительственные чиновники арестовывали и изгоняли из квартир их жен и детей. Репрессии усиливались. Однако если они и влияли в отдельных случаях на некоторых мусульман-рабочих, то совершенно не достигали цели в отношении других, сознательных рабочих, которых все это только еще более озлобляло.

Правительство, английское военное командование и все национальные группы буржуазии, обычно враждовавшие между собой, объединились теперь единым фронтом против нас. Широко применяли они провокации и клевету. Жандармы, полицейские и агенты правительства распространяли среди мусульман-рабочих всяческие слухи, вроде, например, того, что забастовка устроена не для улучшения жизни и быта азербайджанских рабочих, а специально русскими и армянами против Азербайджана в целом и мусульман в частности, что русские вооружены и готовятся устроить резню мусульман.

В те дни не бастовала только одна газета «Азербайджан»: наборщиками в типографии этой газеты были специально подобраны реакционно настроенные мусаватисты. С первой до последней страницы эта газета была заполнена руганью и клеветой в наш адрес.

В частности, 8 мая в этой газете было опубликовано со-стряпанное по указке английских оккупантов так называемое правительственное обращение, в котором азербайджанское буржуазное правительство, искажая и фальсифицируя смысл и цели забастовки, старалось создать вокруг нее удобное ему и оккупантам общественное мнение. Признавая объявленную рабочей конференцией всеобщую забастовку политической, «преследующей цели, направленные против основ Азербайджанской республики, государственности, и руководимой чуждыми азербайджанской демократии большевистски настроенными элементами и агентами Совдепии», обращение призы-

вало бакинских рабочих продолжать работу. В обращении сообщалось, что министру поручено «обсудить совместно с предпринимателями и рабочими справедливые части экономических требований рабочих». Однако, не будучи, очевидно, уверенными, что рабочие откликнутся на их призывы, власти угрожали расправиться с ними, если они не приступят к работе. Они прямо заявили, что «нарушители нормального течения работ в правительственных, общественных и частных учреждениях будут караться по законам военного времени».

Наряду с этим правительственным обращением газета поместила на первой же странице воззвание от Бакинского комитета партии «Мусават». В нем без обиняков, прямо говорилось: «Большевики обманывают рабочих, толкают их на опасный путь, толкают их на авантюристическую забастовку. И при этом говорят вам, будто это забастовка экономическая. Это ложь! Эта забастовка носит политический характер и преследует большевистские цели... Не верьте, товарищи, замаскированным авантюристам и лгунам».

Наши противники стремились представить дело так, будто бы большевики — эти «агенты» Советского правительства — хотят устроить гражданскую войну, вырезать мусульман и т. п. Та же газета «Азербайджан» в статье под названием «Правда о забастовке» 8 мая вещала, что «большевики немедленно внесут в налаживающуюся жизнь Азербайджана кровавый кошмар межнациональной и политической неприимой розни, все ужасы которой в достаточной мере уже известны бакинским пролетариям... Политические маньяки из рабочего клуба для достижения этой цели прибегли к обычным демагогическим приемам самой прозрачной лжи и бессмысленным запугиваниям рабочих масс грядущей безработицей и голодовкой».

Никак не реагировать на подобные провокации буржуазной печати было нельзя. Понимая, что печатная агитация может сыграть сильнейшую роль в поддержании забастовки, мы решили еще на первом заседании стачкома выпустить «Известия стачкома». Поручили это члену правления Союза печатников Аршаку Хачиеву. Несмотря на преследования полиции и другие трудности, нам удалось выпустить два номера этих «Известий», но полиция вскоре заняла все типографии и не дала возможности продолжать выпуск газеты. Тогда мы пошли на выпуск небольших прокламаций.

Президиуму рабочей конференции было поручено подготовить специальное обращение к английским солдатам, в ко-

тором разъяснить экономический и мирный характер нашей забастовки и призвать их не вмешиваться в это дело, потому что это такая же забастовка, какие устраивали у себя на родине и английские рабочие, борясь за экономические интересы. Мы предупреждали английских солдат, что их командование попытается навязать им роль кровавых палачей.

Помню, когда текст этого обращения был готов, переведен на английский язык и отпечатан на листках типографским способом, мы поручили распространение этих листовок среди английских солдат бакинским девушкам — членам Интернационалистского союза рабочей молодежи. Они и до этого самоотверженно помогали нам в выполнении различных партийных поручений. А тут мы считали, что ни у одного английского солдата или матроса не поднимется рука на девушек за то, что они раздают им листовки, в то время как мужчины могли быть за это арестованы. Надо было видеть, с каким воодушевлением и с какой радостью девушки потом докладывали нам о выполненном поручении!

Стачка шла тяжело, трудно. Хотя она и была всеобщей, но на деле нам приходилось выдерживать борьбу буквально на каждом предприятии, в каждом районе против многочисленных агентов правительства, полицейских приставов и жандармов, все время старавшихся мешать нам: давать на заводах ложные гудки, запугивать рабочих, терроризировать их, арестовывать и т. п.

Это влияло, конечно, на некоторую часть рабочих, которые через несколько дней после начала стачки кое-где стали приступать к работе. Большинство же рабочих держалось героически.

Полиция усиленно разыскивала членов стачечного комитета. Мы работали день и ночь. Иногда приходилось в течение дня по нескольку раз менять места заседаний исполкома стачкома, пленумов стачкома. В районах все время шли аресты членов местных стачечных комитетов. Но, несмотря на это, руководящие органы продолжали действовать: вместо арестованных в строй вступали запасные активисты.

8 мая Центральный стачечный комитет получил через рабочий клуб предложение от министерства труда азербайджанского буржуазного правительства прийти на переговоры. Предварительным условием этих переговоров мы поставили: освобождение всех арестованных, немедленное прекращение репрессий и провокаций и неприкосновенность нашей делегации.

Министерство дало согласие на эти требования, и мы — Караев, Чураев и я — три представителя, избранные стачкомом, пошли вечером в министерство труда.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в большой зал заседаний. Председательское место за столом занял министр Сафикюрдский, справа от него по его приглашению сели мы, напротив — представители капиталистов: три тучные, пожилого возраста персоны. Один из них был русский, другой — азербайджанец, а третий — армянин. Чуть поодаль сидели фабричные инспектора, а также член парламента Абилов. Особняком держался представитель английского командования капитан Уолтон.

Мы заранее условились, что главную роль в переговорах возьмут на себя Чураев и Караев. Надо сказать, что Чураев лучше всех нас знал условия коллективного договора и был в курсе всех деталей борьбы за него. Что касается Караева, то он должен был нажимать на значение вывоза нефти в Астрахань, настаивать на налаживании товарообмена с Советской Россией, обосновывая его важности не только для бакинских рабочих, но и для всей экономики Азербайджана.

Надо сказать, что они весьма обстоятельно обосновали наши требования, показав всю безвыходность положения бакинских рабочих и доказав неизбежную гибель нефтяной промышленности, разорения Баку и голода, если вывоз нефти в Астрахань не будет налажен немедленно.

Фабричные инспектора, Абилов и английский представитель все время молчали и никакого участия в переговорах не приняли.

Капиталисты выступали по очереди и горячо спорили, считая неприемлемым ряд важных пунктов договора. Они заявляли, что если не будет разрешен вывоз нефти в Астрахань, то они вообще отказываются подписывать какой бы то ни было коллективный договор. Таким образом мы оказывались опять лицом к лицу с английским командованием, запрещающим вывоз нефти в Астрахань. Для транспортировки же ее в другие места не было никаких технических средств и не могло быть создано в короткий срок. Нефтепромышленность Баку была в тупике.

Когда переговоры еще продолжались, я, отойдя от стола, подошел к капитану Уолтону и спросил, передал ли он английским солдатам приглашение рабочей конференции выделить своих делегатов. Он ответил, что приглашение передано командованию, которое, наверное, сообщило о нем солдатам.

Тогда я задал вопрос: как понравилось ему наше обращение к английским рабочим по поводу забастовки. Уолтон сказал что, к сожалению, и наши первомайские плакаты и обращение были написаны на очень плохом английском языке, со многими ошибками, и их трудно было ему прочитать. На это мне пришлось ответить с улыбкой, что, когда в Баку будет установлена Советская власть, мы пригласим нашим переводчиком его самого, и тогда наши обращения и прокламации будут более грамотными. Он довольно кисло улыбнулся.

Надо сказать, что роль министра Сафикюрдского на этом совещании была довольно жалкой. Он ссылаясь на то, что английское командование не разрешает вывоз нефти в Астрахань, рассматривая это как помощь большевикам, и что азербайджанское правительство пойти на это тоже не может. По поводу коллективного договора он заявил, что будет добиваться, чтобы промышленники подписали его, за исключением ряда пунктов, в частности правовых (прием на работу, увольнение с работы и т. д.). Кроме того, он предложил снизить цифры требуемого нами повышения зарплаты.

Прения шли долго, около трех часов. Нам стало ясно, что переговоры никаких практических результатов не дадут.

Тогда я заявил министру примерно следующее. Мы понимаем, что вывоз нефти — это поддержка не только для бакинских рабочих, но и для Советской России, и мы за такую поддержку, потому что лучшим другом азербайджанского народа являются не английские империалисты, а Советская Россия. Вместе с тем мы ничего не имеем против независимости Азербайджана, и Советская Россия тоже не будет добиваться свержения ныне существующего в Азербайджане правительства, если оно согласится продавать России нефть. Здесь экономические интересы Азербайджана и Советской России полностью сходятся. Это видно из того, сказал я, что в вашей правительственной декларации было заявлено о желании установить товарообмен с Астраханью. Теперь вы отклоняете это ввиду того, что английское командование против. Где же тогда независимость Азербайджана? Чьи интересы вы защищаете — английских оккупантов или азербайджанского государства? Скажите нам, господин министр-социалист, об этом прямо.

Сафикюрдский пробормотал что-то очень невразумительное о том, что «нельзя не считаться с реальным положением», и предложил сторонам сказать свое окончательное мнение.

Чураев заявил, что наша делегация не имеет полномочий

отступать от требований, выдвинутых стачечным комитетом, без того, чтобы не доложить ему об этом, так как только он и может принять окончательное решение. «Завтра мы соберем Центральный стачечный комитет, обсудим ваши предложения и дадим свой ответ».

Капиталисты, в свою очередь, обещали доложить о наших переговорах Союзу нефтепромышленников. Министр же в конце заседания заявил, что на время ведения переговоров сохраняется в силе обещание правительства не производить арестов стачечников.

На этом переговоры закончились.

Только мы вышли из подъезда и сделали несколько шагов, как нас окружили пятеро здоровенных полицейских и объявили арестованными. Как мы ни объясняли, что находились в министерстве труда, куда были приглашены для переговоров правительством, что нам гарантирована неприкосновенность, ничто не помогало. Видимо, Сафикюрдский просто надул нас, как последний мошенник, не сдержал своего слова. Караев, как член парламента, стал настаивать, чтобы полицейские вместе с нами поднялись к министру труда, который сейчас у себя в кабинете, и спросили у него, как с нами поступить. К счастью, то, что Караев был депутатом парламента, произвело впечатление на полицейских. Они послушались, и мы вместе с ними вошли в кабинет министра. Мы сказали ему:

— Как же нам относиться к вашему честному слову министра-социалиста? Неужели у вас нет храбрости сдержать свое слово?

Сафикюрдский прикинулся очень смущенным, удивленным, рассердился на полицейских и приказал нас отпустить. Выйдя из здания, мы быстро, по темным закоулкам разошлись в разные стороны, чтобы опять не попасть в какую-нибудь ловушку.

9 мая английский генерал Мильна со свойственной ему откровенностью солдафона объявил, что английские войска оккупировали Закавказье для того, чтобы «поддержать закон и порядок до окончательного решения территориальных вопросов нынешней мирной конференции...

Я, нижеподписавшийся, будучи главнокомандующим английскими силами в Закавказье, сим объявляю:

Обязанностью жителей является совершенно спокойное поведение и елико возможное занятие своими делами... Но если они отклоняются от исполнения своего долга в этом отношении, то необходимость военного времени вызывает са-

мое применение наказания... Вообще переступление какого-нибудь из предписаний сего объявления будет передано военному суду и наказано смертной казнью, или каким-нибудь меньшим наказанием, в зависимости от обстоятельств дела».

Так обычно столетиями поступали английские колонизаторы всюду: и в Африке и в Азии. Бравый генерал забыл только на этот раз, что это не те времена и не те люди...

Сначала мы выдерживали конспирацию образцово. Молодежь блестяще поставила связь, проявив при этом большую находчивость, преданность и подлинное героичество. Но с каждым днем соблюдать конспирацию становилось все труднее и труднее. Было очень сложно находить новые помещения, особенно для таких больших собраний, как пленумы стачкома.

Утром 9 мая по районам были назначены собрания рабочих: надо было не только собрать информацию о ходе борьбы, но и поддержать рабочих, поднять их боевой дух. Было решено, что все члены исполкома стачкома разойдутся по районам и выступят на этих рабочих собраниях.

Мы с Чураевым отправились в Черный город, на собрание в нобелевскую столовую. Помещение было переполнено. Рабочие, которым не удалось попасть в столовую, толпами стояли на улицах, где рядами выстроились и жандармы.

Выступления были довольно краткими, но среди рабочих-черногородцев чувствовался необычайный подъем. Местная молодежь прекрасно организовала нашу охрану. Когда после окончания собрания мы сошли с трибуны и стали проходить через толпу, сопровождавшие нас молодые рабочие по несколько раз меняли наши шапки. Они вывели нас какими-то только им ведомыми закоулками и подворотнями на улицу, усадили в фаэтон. Мы отправились на очередное заседание пленума стачкома, которое проходило в помещении Союза нефтепромышленных рабочих.

На этот раз конспирация была нарушена: в этом месте мы собирались уже второй раз. Однако вокруг была поставлена надежная охрана из молодежи.

Вслушивая доклады о положении в районах, мы тут же давали указания районным руководителям. Стало известно, что английское командование поставило на Баиловской электростанции английский инженерный батальон и пытается пустить электростанцию в действие. (Как потом выяснилось, это не только им не удалось, но из-за незнакомства с системой два их человека погибли.) Труднее всего было на железной

дороге в Баладжарах, где правительству все-таки удалось отправить поезд.

Еще в начале стачки ряд эсеров и меньшевиков, отстраненных от выборных должностей, предложили нам свои услуги для различных поручений. Мы на это согласились, тем более что некоторые эсеры уже работали у нас по таким же поручениям. В Баладжарах тогда у нас не было своего работника, и эсер Ребрух был послан туда в качестве нашего уполномоченного. Надо сказать, что эсеры, пришедшие к нам, в первые дни довольно исправно выполняли все задания стачкома. Но, чем напряженнее становилась борьба, тем быстрее скатывались они к анархическим действиям. В Баладжарах, например, они предлагали разобрать рельсы, взорвать путь, чтобы помешать движению поездов (часть которых правительству все же удалось с помощью штрейкбрехеров отправить, применив насилие над отдельными железнодорожниками), они предлагали также взорвать линию электропередачи в город и т. п.

Понятно, что все эти предложения были нами решительно отвергнуты.

Во время заседания Центрального стачкома я вышел в соседнюю угловую большую комнату, где тоже была контора профсоюза, и вдруг увидел полицейских, направивших на меня со всех сторон дула маузеров. Раздался окрик: «Стой!» Я тут же бросился обратно в комнату заседания и сообщил товарищам, что мы окружены полицией. Только я успел сказать им, что надо уничтожить все бумаги, которые могли хоть сколько-нибудь нас скомпрометировать, как в комнате уже появился пристав с двумя жандармами.

Должен сказать, что все присутствующие проявили при этом удивительное спокойствие. Нам приказали выйти в большую комнату. Нужно было успеть уничтожить бумаги. У меня лично было их довольно много. Мы стали рвать их на мелкие клочки. В суматохе нам удалось, к счастью, все бумаги уничтожить.

В общей сложности нас оказалось человек сорок: кроме членов стачкома в комнате находились представители из районов, молодые рабочие-связисты и работающие на ротаторе, который мы к тому времени приобрели для выпуска листовок.

Нас вывели на улицу, окружили большим нарядом полицейских и повели в жандармское управление. Мы шли по улицам города с высоко поднятыми головами и громко пели ре-

волюционные песни. Прохожие останавливались, с интересом и видимым сочувствием глядя нам вслед.

В жандармском управлении началось выяснение наших фамилий. По дороге мы сговорились между собой, что основные руководители стачки — Чураев, Анашкин и я — возьмут на себя всю ответственность. Коваль и Мирзоян, которых полицейские хорошо знали в лицо, назовут свои подлинные фамилии, но должны отказаться признать свое участие в руководстве стачкой. Большинство товарищей, которых полиция знала плохо или совсем не знала в лицо, должны были скрыть свои настоящие фамилии и отрицать участие в руководстве стачкой. Все остальные, которым особая опасность не угрожала, фамилий своих скрывать не должны.

Когда происходила перепись, член исполкома стачкома Губанов, который по уговору должен был скрыть свою фамилию, вдруг почему-то заколебался и назвал свою настоящую фамилию. Среди нас был недавно приехавший из Тифлиса Георгий Стуруа. Полиция знала, что он входит в состав стачкома, но не знала его в лицо. Начальник сыскного отделения спросил: «Кто здесь Стуруа?» Мы ответили, что Стуруа уже уехал обратно в Тифлис. Так полиции и не удалось установить, что среди нас был Стуруа, который при опросе назвался Ахабадзе. Арестовали также члена стачкома Караева. Воспользовавшись своим депутатским положением, он потребовал немедленного освобождения и был действительно сразу же освобожден.

После окончания процедуры выяснения личности арестованных начальник сыскного отделения заявил, что мы пятеро: Чураев, Мирзоян, Коваль, Анашкин и я — изолируемся от всех остальных арестованных. Кроме того, мне и Ковалю было объявлено, что мы арестованы по распоряжению английского штаба за подготовку вооруженного восстания и потому находимся в распоряжении английского командования. По этому поводу сохранился любопытный документ — донесение начальника бакинской сыскной полиции на имя бакинского губернатора.

Потом нас пятерых повели в сыскное отделение полиции. Остальные товарищи остались в жандармском управлении, не зная, что с ними будет дальше. Пока нас вели по улице, большая группа молодежи — членов Интернационалистского союза рабочей молодежи — следила, куда нас ведут.

Нас поместили в темной и грязной, с разбитыми окнами комнатке сыскного отделения. Но все мы настолько устали,

что тут же улеглись на полу, чтобы хоть немного поспать. В течение последних пяти дней я спал, может быть, всего лишь несколько часов. Но и тут поспать не удалось. Успели чуть прикорнуть, как из соседней комнаты послышались страшные крики и вопли. Полицейские избивали там каких-то арестованных. Эти крики подействовали, конечно, и на наше состояние. Думалось, что скоро очередь может дойти до нас.

Наконец нас вызвали в кабинет к начальнику бакинской сыскальной полиции Фаталибекову. Он стал спрашивать, кто мы такие. Мы назвали свои фамилии. Фаталибеков начал допрос с Чураева и Ковалья, стараясь уязвить их самолюбие и добиться, чтобы они признали себя большевиками. Он говорил им: «Вы трусы, вы никогда не сознаетесь, а нам вся эта канитель надоела». Особенно зло он нападал на Ковалья, упорно заявлявшего, что он не большевик. Видимо, у Фаталибекова было указание англичан арестовать Ковалья во что бы то ни стало, независимо от его участия в стачке. Мы заступились, заявив, что из нас пятерых только трое являются большевиками: Мирзоян, Анашкин и я. Чураев же — социал-демократ, меньшевик, а Коваль — беспартийный.

Фаталибекову все не верилось, что они не большевики, и он долго терзал их своими вопросами, пока мы не потребовали прекратить этот бессмысленный допрос. Тогда он взял с нас подписку, что мы трое большевики, а Коваль и Чураев никакого отношения к партии большевиков не имеют. Нужно сказать, что при этом мы сделали одну ошибку: вместо того чтобы написать просто, что мы являемся коммунистами или большевиками (в этом случае еще можно было бы при надобности кое-как изворачиваться), мы написали, что являемся членами Российской коммунистической партии (большевики), совершенно упустив из виду, что эта партия в Азербайджане признана вне закона и за одну только принадлежность к ней можно было легко попасть в лапы английских оккупантов.

После Фаталибекова нас передали на допрос к его помощнику, Бачурину, царскому полковнику. Он никак не мог понять, что такое рабочая конференция, Президиум конференции, рабочий клуб, стачком. Он безбожно путал все эти понятия. Видно было по всему, что он очень болтливый человек: увлекшись разговором с нами, он рассказывал нам, например, что занимается литературой, даже считает себя драматургом — пишет какие-то трагедии. Желая показать свое глубокое понимание идейной стороны борьбы большевиков против

капитализма, за социализм, он сказал нам весьма «образно»: «Если бы над церковным куполом подвесить горячий шашлык, который вкусно пахнет, кахетинское вино, фрукты и другие яства в изобилии, то люди стали бы карабкаться по стенам купола вверх, желая поскорее добраться до шашлыка. При этом они стали бы скользить по стенам, падать, тащить один другого за руки, за ноги, падать. Но никто из них никогда не сможет добраться до блаженной цели. Так вот и ваша борьба. Неужели, господа, вам это до сих пор не ясно? Зачем вам портить свою жизнь? Зачем подвергать себя опасности в погоне за невозможным?»

Все эти «философские» рассуждения жандармского чиновника-белогвардейца нас здорово тогда развеселили. Мы не стали с ним, конечно, вести дискуссию на эту тему — попросту отшутились. По всему было видно, что он остался доволен самим собой. Потом он по очереди подробно, но без грубостей допросил каждого из нас: кто мы такие, откуда родом, где проживаем в Баку, какова наша партийная принадлежность и наше отношение к забастовке. При этом он добросовестно записал все наши показания и дал их нам на подпись.

Наконец часам к двум ночи вся эта канитель закончилась. Бачурин созвонился со штабом английского военного командования и запросил, как дальше поступить со мной и Ковалем, находившимися в непосредственном распоряжении английского военного командования. Куда нас направить — на военные корабли или в тюрьму? Получил распоряжение: пока направить всех в тюрьму.

Затем он составил за подписью Фаталибекова проект постановления о направлении всех пятерых в Бакинскую центральную тюрьму. Документ этот также сохранился в архиве.

Часа в три-четыре ночи нас повели в центральную тюрьму и посадили всех в одну камеру на пятом этаже. Это был корпус для смертников и вечных каторжников. Камеры здесь были с толстыми стальными дверьми, с маленькими отверстиями для глаза — волчками. На требование дать кровати нам ответили отказом. Расположились на цементном полу, но спали как убитые.

На следующий день в камеру пришел вице-губернатор. Мы снова потребовали кровати, а также просили перевести из этого корпуса в другое место: мы ведь пока еще не были ни смертниками, ни вечными каторжниками. Между прочим, помню, что я в шутку сказал тогда вице-губернатору, что лучшее оборудование тюрьмы необходимо в его личных ин-

тересах, ибо, почему знать, может быть, вместо нас сюда сядет впоследствии он сам. Не знаю, подействовал ли именно этот аргумент, или просто он оказался разумным человеком, но, во всяком случае, кровати нам предоставили.

Вскоре к нам стали поступать через уголовных заключенных записки от товарищей, арестованных за активное участие в забастовке: в этой тюрьме их сидело уже около 200 человек. Они сообщали нам, что предъявили администрации тюрьмы ультиматум: перевести нас к ним, а, если в назначенный час их требование не будет исполнено, они начнут разбивать двери. В тот же день нас перевели к товарищам на второй этаж. Видно, администрация не чувствовала уверенности и побаивалась применять против заключенных оружие.

Условия здесь были несравненно лучше, даже не вполне тюремные. В то время как нашу камеру на пятом этаже держали взаперти весь день, здесь запиралась лишь дверь, ведущая в корпус. А двери камер внутри были открыты, и арестованные свободно общались друг с другом и гуляли по коридору.

По случаю встречи с нами экспромтом был устроен концерт с пением, танцами и декламацией. Всем было весело, хотя, конечно, каждый из нас с тревогой думал о том, что творится на воле. Ни у кого из нас не было еще сведений о том, как идет стачка, не сорвана ли она.

Некоторое время спустя вместе с продуктами мы получили с воли письмо от товарищей и листовку, выпущенную новым стачкомом (оказывается, уже через час после нашего ареста к работе приступил новый стачком). Через три-четыре часа им удалось выпустить первую маленькую листовку, в которой сообщалось рабочим, что члены стачкома арестованы, но действует новый состав стачкома и борьба продолжается. «Да здравствует победа бакинских рабочих!» — так заканчивалась эта листовка.

Большой радости мы себе тогда не могли представить. Однако все время мы думали, какую же политику дальше будут проводить наши товарищи, чем и как закончится стачка. Нам, изолированным в тюрьме, трудно было давать какие-нибудь советы на волю.

Вскоре вместе с продуктами нам была передана газета «Азербайджан» за 10 мая. В ней мы прочли заметку «К задержанию баржи с оружием», в которой содержалось лживое сообщение о том, что в военном порту задержана баржа под названием «Белая», на которой обнаружено «четыре дально-

бойных орудия и к ним масса снарядов, пулеметы, большой запас винтовок и около двух миллионов винтовочных патронов... По достоверным сведениям, баржа эта осталась от бывшего «Центрокаспия» и в связи с последними событиями намеревалась вооружить бастующих рабочих-большевиков».

Мы потребовали от администрации тюрьмы разрешения написать заявление-протест в социалистическую фракцию парламента для оглашения его в парламенте и опубликования в печати. Разрешение было получено, и мы написали текст, разблачающий всю ту провокацию и клевету, которые были направлены против нас газетой «Азербайджан».

В архивах сохранилось письмо прокурора суда от 13 мая на имя начальника Бакинской центральной тюрьмы, в котором он писал: «Прилагаемое при сем заявление содержащихся в тюрьме Чураева, Микояна, Анашкина и Коваля предлагаю возвратить заявителям, разъяснив им, что таковое мной не могло быть пропущено, ввиду помещения в нем оскорбительных для должностных лиц выражений».

Несколько позднее это наше заявление все же каким-то образом попало в меньшевистскую газету «Искра» и было опубликовано там 20 мая 1919 года. Номер этой газеты сохранился.

«Из центральной тюрьмы.

ЗАЯВЛЕНИЕ

*в парламентскую фракцию социалистов —
для оглашения в печати и на заседании
азербайджанского парламента*

Во всех своих выступлениях, докладах, решениях и действиях Бакинская рабочая конференция, ее Президиум и Центральный стачечный комитет всемерно подчеркивали, что забастовка является чисто экономической, сколько бы наши противники с провокационной целью ни придавали ей политический характер. И действительно, выставленные требования — коллективный договор и товарообмен, — признание даже правительственной декларации и пути, намеченные к их достижению, ничего другого не говорили.

Однако газета «Азербайджан» и официальные представители власти, основываясь на заведомо ложных фактах и документах, всячески объявляли и доказывали, что забастовка политическая, ставящая себе целью вооруженное восстание против независимости Азербайджана, чем они и оправдывали свои жандармские репрессии против рабочих, повальные аресты и применение вооруженной силы для подавления забастовки.

Представители власти и жандармерия николаевских времен в своем провокационном усердии зашли так далеко, что на баржах в городе «обнаружили» целые склады вооружения, патронов, винтовок, бомб и дальнобойных орудий, принадлежащих якобы конференции.

Все эти «факты» и «вещественные доказательства» настолько явно провокационны, ложны, что нам нечего их опровергать. Но так как они в

среди народных масс Азербайджана могут приобрести тень правдоподобности, мы считаем необходимым дать отпор провокационной «деятельности» зарвавшихся клеветников.

Обнаруженное на барже многочисленное снаряжение является наследием Бичерахова и разоруженной Каспийской флотилии и в течение месяца — по распоряжению и с ведома английских властей — находилось в ведении начальника порта деникинского агента капитана Григорьева, что прекрасно известно как азербайджанской полиции, так и правительству. Воспользовавшись удобным моментом борьбы, без капли стыда и угрызения совести правительство «обнаружило» давно известный ему склад оружия Деникина и с легкой руки объявило его «собственностью» рабочей конференции. Таких складов деникинцев, созданных с помощью и ведома властей, было немало и, наверно, еще есть в городе, которые «обнаруживаются» и приписываются сейчас конференции. Когда обстоятельства не позволяли с большой головы свалить на здоровую (как это было при аресте Воскресенского, произведенном только по настоянию социалистов), власти совершенно умалчивали о найденных складах оружия официального представителя деникинской контрреволюции Воскресенского, а его самого отпустили немедленно и дали ему возможность выехать к Деникину «с докладом».

Во всех этих действиях правительственных агентов мы усматриваем тайный ихговор с деникинцами и открытое приглашение с империалистическими оккупантами Закавказья с целью обезглавить бакинский пролетариат, сделать ему кровопускание, чтобы на невинных трупах голодных рабочих могла прочнее зассесть объединенная реакция чужеземных оккупантов-империалистов, местных и российских контрреволюционеров.

Но мы предупреждаем их, что им не удастся вовлечь бакинский пролетариат в кровавую авантюру. Все действительные, а не подложные факты доказывают, что бакинский пролетариат не собирался устраивать вооруженного восстания против Азербайджана, а добивался путем мирной забастовки осуществления своих назревших экономических требований. Пусть докажут зарвавшиеся провокаторы, что при аресте членов Центростачкома и районных стачкомов или при обыске их квартир был найден хоть один револьвер, одна бомба, хоть одно слово на клочке бумаги о вооруженном выступлении, хоть ничтожные следы подготовки военных действий. Этого никто не может сделать!

Кроме того, во всей работе рабочей конференции, Центростачкома и районных стачкомов принимали деятельное участие многие мусульмане-рабочие, и не только социалисты, но и мусавитисты. Член парламента товарищ Караев, как товарищ председателя рабочей конференции и член Центростачкома, был в курсе всех дел, и без него ничего не делалось. К нашим делам также близко стоял т. Обилов — член парламента. Может ли кто-нибудь из них с чистой совестью сказать, что в нашей работе был хоть маленький намек или повод думать о вооруженной борьбе? Никто!

Если бы нашлись беспристрастные следователи или судьи, они посадили бы на позорную скамью подсудимых всех тех, кто мирную забастовку объявил вооруженным восстанием, подкрепляя это заведомо ложными фактами.

Кроме всего вышеизложенного, клеймим позором недостойный способ борьбы, примененный против нас министром труда и юстиции Д. Р. Сафикюрдским!

7 мая вечером после долгого обсуждения требований рабочих и предложений правительства министр труда и юстиции в присутствии фабрич-

ных инспекторов, представителей промышленников и английского командования от имени азербайджанского правительства официально заявил нам, что на все время переговоров бастующим гарантируется полная неприкосновенность — для спокойного обсуждения предложений правительства и мирной ликвидации забастовки. Мы доверились честному слову министра. На следующий день мы открыто, без необходимых мер предосторожности созвали представителей заводов и промыслов для доведения до их сведения предложений правительства и выяснения их мнения.

Собрание было только открыто, когда вероломно оно было окружено большим отрядом полиции, мы все были арестованы, и вместе с нами много случайных лиц и рабочих с промыслов и заводов.

Доводя об этом до сведения всех граждан Азербайджана, мы выражаем бурный протест против недостойных способов, примененных азербайджанским правительством в борьбе с бакинским пролетариатом!

Центральная тюрьма, 11 мая 1919 года. 15-й корпус. 112-я камера. Подписи: Чураев, Микоян, Анашкин, Коваль.

От редакции. Это заявление было послано социалистической фракции парламента через прокурора.

Но заявление это им по адресу передано не было по каким-то формальным соображениям¹.

Итак, наше заявление в парламент не попало. Но в связи с этим стоит вспомнить, какую постыдную роль сыграли при этом правые социалисты — члены парламента.

Как нам стало известно из газеты «Азербайджан», глава правительства заявил на заседании парламента: «Правительство глубоко убеждено, что эта забастовка не имеет характера экономического, а преследует исключительно политические цели. У нас есть данные утверждать, что местные руководители рабочей конференции действуют по указанию и плану российской Совдепии... Агенты российской Совдепии хотят восстановить местных рабочих против Азербайджанской республики и для успешности своей преступной работы вовлекают рабочих в забастовку, прикрывая политические свои цели якобы экономическими требованиями... Если придется, то правительство не остановится перед тем, чтобы выслать из пределов Азербайджана явных агентов Совдепии...»

После выступления представителей партии парламентом была принята резолюция, в которой забастовка объявлялась «политическим выступлением против азербайджанской государственности» и вполне одобрялись «решительные мероприятия правительства».

Фракция социалистов не выступила против заявления правительства о характере забастовки и против угрозы применения репрессий в отношении забастовщиков. Правда, она не

¹ «Искра» № 93 от 20 мая 1919 г.

голосовала за эту резолюцию, но предложила свою формулу: «Выслушав объяснения правительства и одобряя мероприятия правительства, направленные к сохранению порядка и спокойствия, парламент переходит к очередным делам».

В этой формуле был трусливо обойден вопрос о характере забастовки, но зато открыто одобрялись мероприятия правительства «по сохранению порядка и спокойствия».

Тем самым социалисты одобряли репрессии правительства против участников забастовки. Это было саморазоблачением правых социалистов перед рабочими.

К нам в тюрьму доходили слухи, что среди некоторых товарищей, остававшихся на свободе, шли горячие споры по вопросу — прекращать забастовку или продолжать ее. Моряки, черногородские рабочие, большинство железнодорожников и вообще русские рабочие не хотели и слышать о прекращении забастовки.

Однако в Балаханах, Сураханах и в других нефтяных районах мусаватистам путем обмана, лживых обещаний и репрессий удалось заставить часть рабочих возобновить работу на предприятиях и отправить несколько поездов. Этому способствовало прежде всего то обстоятельство, что рабочие лишились своих подлинных вожаков: в ту пору многие из рабочих активистов (в том числе и азербайджанцев) сидели по тюрьмам. В Баку было арестовано более 200 руководителей партийных и рабочих организаций.

Число мусульманских рабочих, принимавших участие в забастовке, в эти дни уменьшилось. В таких условиях трудно было рассчитывать на длительную и успешную борьбу.

Меньшевики и эсеры, выступавшие раньше за стачку, теперь, столкнувшись с первыми трудностями, проявили малодушные, забили отбой и стали агитировать на местах за прекращение стачки. Однако они встретили сопротивление со стороны передовых рабочих. Например, меньшевик Рохлин, думая «заработать капитал» на прекращении забастовки, попросил разрешения выступить на собрании черногородских рабочих с докладом о необходимости прекратить забастовку. Зная настроения тамошних рабочих, наши товарищи разрешили ему такое выступление. И что же? Рабочие встретили Рохлина с возмущением, и он, оскандалившись, ушел ни с чем.

11 мая меньшевики, эсеры и мусульманские правые социалисты, сговорившись между собой, созвали так называемое межпартийное совещание. Это сборище имело целью захва-

тить в свои руки руководство бакинским пролетариатом за спиной законно избранного рабочими Центрального стачечного комитета и пойти на капитуляцию перед противником.

На это совещание был приглашен и представитель Бакинского комитета нашей партии. Однако, быстро поняв, что готовится очередное предательство, наш представитель отказался от участия в обсуждении вопроса о забастовке. Заявив, что совещание это неправомочно и что судьбами забастовки может заниматься только законно избранный Центральный стачком, он демонстративно покинул совещание.

Однако самозванное межпартийное совещание все же обсудило вопрос о ходе забастовки и приняло решение: прекратить забастовку немедленно и притом без всяких условий. Это предательское решение организаторы совещания сумели довольно широко распространить среди бакинских рабочих, и кое-кто на него «клюнул».

Тогда, учитывая очень сложную обстановку, Бакинский комитет партии при участии Филиппа Махарадзе после долгих споров решил снять основные требования забастовки, поставив, однако, обязательным условием немедленное освобождение всех арестованных и прекращение дальнейших репрессий.

Получив согласие азербайджанского правительства выполнить это требование, Центральный стачечный комитет принял 12 мая решение «прекратить забастовку, приступив к работе 13 мая в 12 часов дня».

Однако прекратить забастовку оказалось делом далеко не таким простым и легким. Наиболее активно противодействовали этому моряки и черноморские рабочие.

Как потом нам рассказывал Саркис, на площади Свободы состоялся большой митинг, на который собралось около 6 тысяч рабочих и много моряков. У всех было боевое настроение — продолжать забастовку. Нашим ораторам-партийцам стоило большого труда убедить их в необходимости прекратить забастовку. И все же участники митинга постановили: «Продолжать забастовку до освобождения арестованных».

Правительству же, добившись решения Центрального стачкома о прекращении забастовки, стало тянуть с выполнением своего обязательства об одновременном освобождении арестованных. Во всяком случае, прошло 12 и 13 мая, а никто освобожден не был.

Тогда только стало ясно, что принятая участниками митинга на площади Свободы резолюция о прекращении забастовки

ставки после освобождения из тюрем арестованных была более правильной, нежели решение Центрального стачечного комитета, поверившего правительству на слово.

* *
*

В общем корпусе Центральной тюрьмы № 1, куда нас всех пятерых вскоре перевели, находилось 37 человек, арестованных вместе с нами 9 мая на заседании Центрального стачечного комитета. Единственная женщина — Вера Городинская — содержалась в другом месте.

Таким образом, в общем корпусе разместилось 42 человека. Среди нас были представители многих национальностей и разных партий. Большинство составляли коммунисты и беспартийные рабочие-активисты, но были и деятели из партий эсеров и меньшевиков.

Помимо нашей пятерки 9 мая были арестованы: Р. Восканов, А. Мещеряков, Г. Семениский, О. Форер, Л. Каплан, Мир Башир Касумов, И. Исакин, Н. Меркель, М. Махмудов, Е. Родионов, В. Ананьев, С. Поповянц, Г. Стуруа, М. Лелихин, К. Цимон, П. Орлов, В. Городинская, Б. Ломинадзе, Гусейн Кули Кербалай Мухтар-оглы, Я. Шерин, З. Поконов, М. Царев, М. Залов, Ф. Дыганенко, Ф. Суденко, Г. Степанянц, Я. Бабенко, Н. Тюхтенов, С. Илюхин, И. Колюбяшкин, Н. Ляховский, И. Гандюрин, Н. Померанцев, И. Благочинный, Т. Кривой, В. Ребрух, Н. Рогов, Ф. Губанов.

Все они на основании постановления азербайджанского правительства были заключены в тюрьму «сроком на один месяц», как говорится в сохранившемся постановлении бакинского полицмейстера ротмистра Гудиева за № 2223.

Чтобы наше тюремное время не пропадало даром, мы решили максимально использовать его для своего политического образования.

Пользуясь существовавшей в этой тюрьме возможностью передвижения арестованных внутри корпуса, мы собрали всех вместе в коридоре и организовали для них несколько лекций. Помню темы наших первых лекций: «Национальный вопрос и коммунистическая партия», «Исторический материализм».

С лекцией по первому вопросу выступил я, а по второму — Ломинадзе. Одновременно мы предложили присутствующим на лекциях образованным эсерам Шерину и Ребруху, а также меньшевику студенту-юристу Поповянцу выступить с содокладами. Они согласились. После их выступлений началась

общая дискуссия. Выступали как слушатели лекций, так и мы сами, лекторы.

Мне и Ломинадзе пришлось выступать по несколько раз. Надо сказать, что нам удалось убедительно раскритиковать позиции эсеров и меньшевиков, не оставив камня на камне от их аргументов. Все присутствующие на лекции — не только коммунисты, но и беспартийные — почувствовали силу коммунистических идей и слабость позиций наших оппонентов.

Содокладчики настолько были удручены всем этим, что на второй день вообще отказались участвовать в дискуссии. Трое оппонентов — два эсера и один меньшевик — ушли в свои камеры. А мы продолжали пропагандистскую работу еще несколько дней.

14 мая администрация тюрьмы сообщила нам, что вскоре все заключенные, кроме 10 человек, будут освобождены. В число 10 входили члены Президиума рабочей конференции, из которых двое — я и Коваль — обвинялись в подготовке вооруженного восстания и, как преступники особо важные, числились за английским командованием.

К слову надо сказать, это обвинение Ковалья было полнейшим недоразумением. Выходец из анархистов, ставший потом нашим близким и хорошим товарищем, Коваль никогда не был коммунистом и не помышлял о вооруженном восстании, занимаясь узкопрофсоюзными делами. Видимо, его спутали с Ковалевым, который действительно был коммунистом и, я помню, даже входил вместе со мной и некоторыми другими в военную комиссию Бакинского комитета партии.

Я все время думал: на основании каких фактических данных мне предъявлено обвинение в подготовке вооруженного восстания? Какие у оккупантов есть против меня улики?

Наша партия действительно готовилась к вооруженному восстанию. У нас все время функционировала строго законспирированная военная комиссия, которая добывала оружие, хранила его на особых складах, готовила кадры, но об этом ничего не было известно полиции, иначе были бы арестованы и другие товарищи, непосредственно и больше меня занимавшиеся этим делом.

Потом я вспомнил: за несколько дней до забастовки в наш рабочий клуб зашли трое рабочих и сообщили мне в присутствии Ковалева, что в порту находится баржа с 3 тысячами винтовок и другим вооружением, что о существовании этой баржи правительство ничего не знает и, так как баржа не охраняется, этим оружием можно воспользоваться.

Помню, мы были тогда очень этим удивлены и несколько раз переспрашивали их, действительно ли на барже нет никакой охраны. Они заявили, что уже несколько дней наблюдают за баржей и никакой охраны не видели.

Все это показалось нам маловероятным. Не верилось, чтобы мусаватистское правительство и английские оккупанты, полгода орудовавшие в порту, ничего не знали о существовании этой баржи. С другой стороны, сообщение рабочих нас обрадовало: «А вдруг, действительно, это так и есть?»

Однако в ту пору мы ничего не могли предпринять с этой баржей: сообщение о ней поступило к нам всего за два дня до начала всеобщей забастовки, а во время забастовки было очень опасно что-либо предпринимать. Поэтому мы решили, что, если сообщение этих рабочих подтвердится, мы уже после окончания забастовки попытаемся часть оружия отправить в Дагестан, а также — в Ленкорань для вооружения революционных частей, действовавших там под руководством нашей партии.

Когда вскоре правительство опубликовало в газете сообщение, что баржа с оружием принадлежит рабочей конференции, мы поняли, что, видимо, среди тех трех рабочих, которые приходили к нам со своим сообщением, оказался провокатор, посланный к нам военным комендантом города Григорьевым, хотевшим поймать нас в ловушку.

Теперь, сидя в тюрьме и думая о том, какие конкретные улики могут быть предъявлены мне для подтверждения обвинения в подготовке вооруженного восстания, я вспомнил всю эту историю с баржей и решил, что меня и Коваля хотят как-то связать с этой злосчастной баржей, чтобы сострять на нас «дело» и предать английскому военно-полевому суду или выслать через Персию в Индию, что по тем условиям было равносильно гибели.

Все эти вопросы горячо обсуждались в узком кругу членов Бакинского комитета, находившихся в тюрьме. Строились разные планы нашего спасения. Автором и душой всех этих планов был неутомимый, настойчивый и очень изобретательный Стуруа. Сперва он предложил организовать нападение на тюрьму отряда наших товарищей извне. Потом возникло предложение: во время проверки, когда к нам в камеру приходили обычно два-три надзирателя, напасть на них, разоружить и выйти из тюрьмы. Наконец, был предложен план подпилить решетку в окне камеры и выбраться на волю.

Все эти планы технически было очень трудно выполнить. Все они скорее всего провалились бы, но мы все-таки готовились к их осуществлению.

Через рабочего, который заправлял у нас в камерах лампы, мы связались с товарищами на воле и получили пилки, а также веревку для лестницы, по которой нам предстояло спуститься из окна вниз. Это было особенно трудно сделать, потому что часовые все время ходили под окнами. Нужно было выбрать такой момент, когда часовой смотрит в другую сторону, напасть на него или вырваться каким-либо другим способом, имея невдалеке подготовленный заранее фаэгон.

Все это, конечно, было сопряжено с очень большим риском и опасностью провала. Когда же тюремная администрация объявила о скором освобождении большинства арестованных из нашей группы, планы побега вообще были отставлены.

Но над Ковалем и надо мной продолжала висеть смертельная опасность. Мы все надеялись, что рано или поздно недоуражение с обвинением Ковалю разъяснится и ничего страшного с ним не произойдет. Со мной же дело обстояло много сложнее. Поэтому Стуруа выдвинул новый план моего освобождения: выйти из тюрьмы под видом другого товарища. Мне лично не хотелось таким образом выходить из тюрьмы: получалось, что за меня должен был пострадать кто-то. Однако товарищи не дали мне даже возможности рассуждать по этому поводу.

Стуруа заявил, что тот, кто останется в тюрьме вместо меня, особенно не пострадает, разве что отсидит в тюрьме лишних несколько недель. «Тебе же, Анастас, — говорил он, — грозит смертная казнь».

Решение было принято. Охотников остаться в тюрьме вместо меня нашлось довольно много, но нужно было найти наиболее подходящего по внешности. Таким оказался Гриша Степанянц, технический работник Бакинского комитета партии. К тому же он особенно горячо просил оставить его в тюрьме вместо меня. Кандидатура его была утверждена, и Стуруа принял за меня внешность. Откуда-то появились старые тупые ножницы, которыми он стал подстригать мою бородку и усы, буквально выдергивая волос за волосом. Было очень больно, но приходилось терпеть. Затем меня переодели в одежду Степанянца, а мою одежду отдали ему.

Мы никак не ожидали, что нас освободят так скоро. Однажды вечером, около 10 часов, когда обычно тюремные ка-

меры запирались до утра, в наш корпус неожиданно вошли несколько человек из тюремной администрации. Все мы, арестованные, тут же, конечно, высыпали из своих камер и собрались в коридоре. Один из начальников объявил, что сейчас все арестованные, за исключением 10 человек, имена которых назовут, будут освобождены из тюрьмы. Мы были очень удивлены: обычно из тюрем выпускали по утрам, нас же почему-то решили освободить ночью. Только позже мы узнали, что уже с вечера около здания парламента собрались делегации женщин Тагиевской текстильной фабрики с детьми и стали настойчиво требовать нашего освобождения: среди арестованных было несколько азербайджанцев — рабочих с их фабрики. До стачки я как-то был на этой фабрике, выступал на собрании, которое, помню, затянулось до поздней ночи. Фабрика находилась далеко за городом — на Зыхе, рабочие уговорили меня не уезжать домой так поздно. Я остался у них ночевать. Я подружился со многими рабочими и особенно с председателем их фабкома Кафаровым, коммунистом, у которого, кстати, я тогда и остался ночевать.

Комендант тюрьмы стал называть имена тех, кто подлежал освобождению. Каждый из названных должен был откликнуться и отойти в сторону, на указанное место, ближе к двери. Когда была названа фамилия Степанянца, я откликнулся, вышел вперед и стал среди освобождаемых. В руках у меня была большая подушка, которая почти наполовину закрывала мое лицо (среди тюремных служащих, которые находились здесь, были такие, с которыми я общался, когда писал в конторе наше коллективное письмо в парламент: эти люди могли меня запомнить в лицо, и тогда весь план моего освобождения лопнул бы как мыльный пузырь).

Когда было закончено перечисление фамилий, всех нас, освобождаемых, вывели из тюремного корпуса в контору. Товарищи, которые шли со мной рядом, старались сделать так, чтобы я не выделялся среди них и не бросался в глаза администрации.

Вошли в контору. Она была плохо освещена: над столом висела одна лампа, свет от которой падал только на этот стол. Остальная часть комнаты была в полутьме. За столом сидел помощник начальника тюрьмы, перед которым лежала раскрытая толстая книга с фамилиями арестованных. Он стал вызывать нас поодиночке, задавать вопросы и слышать ответы с теми записями, что были сделаны в тюремной книге

(фамилия, имя, отчество, место рождения, губерния, уезд, волость).

Зная примерно характер вопросов, обычно задаваемых в подобных случаях, я еще днем получил у Степанянца нужные мне сведения и выучил их, что называется, назубок.

Поэтому, дожидаясь здесь своей очереди, я был уверен, что не встречу никаких неожиданностей или трудностей.

И вдруг я услышал, что у первого же вызванного товарища помощник начальника тюрьмы спросил его бакинский адрес.

Я понял, что не смогу ответить на этот вопрос, так как забыл задать его утром Степанянцу: вызвано это было тем, что в момент ареста я отказался сообщить свой адрес, и этот психологический момент как-то сработал при беседе со Степанянцем. Я оказался в довольно трудном положении.

Я немедленно шепнул обо всем этом Стуруа. Он не растерялся, тут же подошел к столу помощника начальника тюрьмы и попытался заглянуть в тюремную книгу, чтобы хоть как-нибудь узнать записанный там адрес Степанянца. Но это оказалось невозможным. Что же делать? Какой искать выход? Один из наших товарищей, не помню уж, кто именно, поняв, что произошло, предложил мне сказать, что я пришел в канцелярию тюрьмы написать заявление и не собираюсь поэтому скрывать, что я Микоян. Но это было бы совсем неправдоподобно и наивно, хотя бы потому, что я не просил на это никакого разрешения, а кроме того, ночью, в момент освобождения арестованные заявлений обычно не пишут. Ясно, что такой выход был неприемлем.

Тогда у меня мелькнула мысль заявить, что так как моя квартира находится далеко и ночью заперта, нельзя ли мне остаться переночевать в камере, а утром «освободиться». Так мы со Стуруа и решили поступить.

Когда очередь к помощнику начальника тюрьмы дошла до меня, я обратился к нему с вопросом:

— Нельзя ли мне остаться переночевать в камере?

Тот направил на меня электрическую лампочку, чтобы получше разглядеть, кто с ним разговаривает.

— Как ваша фамилия? — спросил он.

— Я Степанянец, — ответил я и подумал: «Вот сейчас он меня узнает, и...» Но в конторе было темно, и он меня не узнал.

— Подождите, — сказал он.

Я обрадовался. Жаль, конечно, что я не выйду из тюрьмы, но зато попытка к побегу не будет обнаружена.

Но тут возникло еще одно обстоятельство. Если бы я остался ночевать здесь один, то легко мог бы привлечь к себе внимание надзирателей. Тогда, чтобы «прикрыть» меня, три или четыре наших матроса тоже попросились остаться на ночевку, заявив, что их суда находятся в море и им некуда идти ночью. Им разрешили. Я успокоился.

Но по всему было видно, что не успокоился неугомонный Георгий. Он все время пытался придумать какой-нибудь другой выход из создавшегося положения и во что бы то ни стало выволочить меня из тюрьмы.

Через несколько минут он подошел ко мне и тихо сказал:

— Поповянц внешне очень похож на тебя. Сейчас его только что проверяли. Я уговорю его остаться вместо тебя, а ты выйдешь на волю сегодня же.

Это было для меня настолько неожиданно и казалось таким маловероятным, что я даже не нашелся что сказать.

А Стуруа, даже не дождавшись моего ответа, подошел к Поповянцу и начал его уговаривать, чтобы он «стал» Степанянцем и остался ночевать в тюрьме.

Поначалу Поповянц не захотел этого делать, даже возмутился, но Стуруа очень убедительно внушил ему:

— Микояну грозит смертная казнь, а тебе, если ты и останешься под именем Степанянца переночевать в тюрьме, ничего не грозит. Ну, может быть, посидишь лишнюю неделю-две в тюрьме, и все.

К тому же Поповянцу как меньшевику нетрудно было бы освободиться.

Уже не возражая по существу, Поповянц сказал:

— Как же я могу заявить, что я Степанянц, когда я только что говорил, что я Поповянц?

— Хорошо, — ответил Стуруа, — тогда за тебя ответит другой.

Стуруа потребовал, чтобы я разыграл эту сцену. Поэтому, когда среди выходящих на волю назвали фамилию Поповянца, я вышел и встал вместе с освобождающимися. Когда же назвали «мою» фамилию «Степанянц», Поповянц не шелохнулся, за него откликнулся другой товарищ, а он остался среди тех пяти человек, которым разрешили переночевать в тюрьме.

Нас же, выходящих на свободу, вывели на террасу. С минуты на минуту мы должны были быть освобождены. Но не тут-то было!

Один из освобождающихся стал требовать, чтобы ему не-

медленно отдали паспорт, так как без паспорта нельзя ходить по улицам города. Из-за этого произошла еще одна задержка, а между тем каждую минуту тюремщики могли обнаружить обман, и я был бы тут же задержан. Тогда все тот же неуемный Стуруа подошел к расшумевшемуся так некстати товарищу и внушительно сказал ему на ухо:

— Прекрати шуметь о своем паспорте — завтра его получишь.

Тот подчинился.

Перед тем как открыть перед нами тюремные ворота, нас вновь сосчитали уже просто «по штукам». Все было в порядке. Открыли ворота, и мы вышли на волюю.

Я облегченно вздохнул: наконец-то!

Все разошлись в разные стороны, чтобы вновь не попасть в лапы полиции. И правильно сделали, потому что, как выяснилось, одна из групп товарищей снова была задержана по подозрению в побеге из тюрьмы. Их привели обратно в тюрьму и только после того, как разобрались, освободили.

Мы со Стуруа пошли вдвоем, выбирая глухие переулки, по которым и добрались вскоре до конспиративной квартиры Каспаровых. Вот что по этому поводу вспоминает Мария Каспарова, старшая дочь хозяйки:

«Помню, как в полночь к нам явились после побега из тюрьмы Анастас и Георгий. Это был великолепный по своей смелости и удаче побег! Незадолго до этого азербайджанское правительство арестовало Анджиевского — одного из руководящих работников на Северном Кавказе — и передало его англичанам, а те в свою очередь — деникинским властям, которые повесили Анджиевского на Машуке. Зная об этом, мы приняли все меры, чтобы предотвратить подобное в отношении арестованных товарищей.

Мы с волнением до поздней ночи ожидали на нашей квартире, когда появится Георгий. Когда раздался звонок, мы все — я, Роза и другие — бросились к двери. Вошел Георгий. Все его окружили. Вначале никто из нас не заметил молодого человека, который стоял позади него. Это был Анастас Микоян. Неожиданное появление человека, о судьбе которого все так тревожились, вызвало у нас радостное оживление. Мы его посадили, тесно окружили и с волнением слушали все перипетии счастливо окончившегося побега».

Как потом мы узнали, наши пятеро товарищей, оставшихся ночевать в тюрьме, вернулись в камеру, подождали около часа (как мы и договорились раньше между собой), потом, поняв, что мы уже находимся в безопасности, вызвали надзирателя и заявили, что среди них нет Микояна. Надзиратель перепу-

гался, побежал в контору и стал проверять по книгам. Получалось, что я из тюрьмы не выходил, Поповянц был отпущен на волю, а Степанянц был в конторе, но вернулся ночевать в камеру.

Надзиратель вернулся и стал допрашивать, как все это могло получиться. Степанянц заявил, что он даже не выходил из камеры, потому что заблаговременно получил разрешение остаться ночевать в тюрьме и выйти на свободу утром. Поповянц сказал, что он был в конторе, просил разрешения провести ночь в камере, и это ему разрешили. Разобраться во всей этой путанице не было никакой возможности. Тогда взбешенный надзиратель ушел, заявив, что никто из пятерых освобожден не будет.

На следующий день наши друзья отправились к прокурору и потребовали освобождения оставшихся на ночь в тюрьме товарищей, потому что «они не могут и не должны отвечать за побеги других арестованных». В конце концов их освободили, а помощник начальника тюрьмы был арестован.

В архивах Советского Азербайджана сохранился протокол, составленный 15 мая 1919 года начальником Бакинской центральной тюрьмы № 1. В протоколе описываются события, связанные с моим побегом из тюрьмы. А совсем недавно были обнаружены по этому же поводу еще два любопытных архивных документа, касающихся уже пострадавшего за меня помощника начальника Бакинской центральной тюрьмы Байрамова (полное его имя — Абас Кули бек Байрамбеков).

Пользуюсь случаем, хотя и с очень большим опозданием, чтобы «принести свои извинения» Байрамову, который как никак целый месяц просидел из-за меня в тюрьме. (Любопытно, что сам арестант, за которого он пострадал, на этот раз пробыл в тюрьме всего лишь пять дней!)

* *

*

На следующее утро мы связались с товарищами и собрались на заседании Бакинского комитета партии. Надо было оценить положение, наметить нашу дальнейшую тактику и в первую очередь изыскать меры к освобождению оставшихся в тюрьме.

Настроение у нас было бодрое, хотя все мы были, конечно, огорчены, что забастовку пришлось закончить, не добившись выполнения выдвинутых требований. Один из товарищей даже высказал мысль: а не является ли вообще ошибкой

объявление забастовки? Вопрос этот требовал ответа, тем более что меньшевики на всех перекрестках кричали, что забастовка была чуть ли не авантюрой коммунистов, хотя в момент принятия решения о забастовке они голосовали за нее.

Я выступил на этом заседании и напомнил о том, что предшествовало объявлению забастовки. Мы, руководящие работники, хорошо понимали тогда, как трудно заставить англичан, блокировавших Россию, открыть для Астрахани доступ к нефти. Прорвать эту блокаду было делом маловероятным. И несмотря на это, мы правильно поступили, объявив забастовку. Во-первых, надо было считаться с настроением рабочих, которые рвались в бой. Во-вторых, надо было возглавить эту борьбу и в процессе острой классовой схватки проверить силу организованности бакинского рабочего класса и влияние Коммунистической партии.

Большинство рабочих в ходе забастовки проявило себя отлично. На должной высоте оказалась и наша партийная организация. В ходе руководства забастовкой она, несомненно, повысила свой авторитет.

Некоторая часть азербайджанских рабочих оставалась еще под влиянием мусаватистов и правых социалистов. Но эти дни показали также и то, что многие азербайджанские рабочие героически боролись рука об руку с русскими рабочими против английского командования и азербайджанского буржуазного правительства. Довольно большая группа руководящих азербайджанских кадров прошла боевую закалку, что уже было крупным достижением. Только отдельные предприятия под влиянием мусаватистов и из-за репрессий, проводимых правительством, пошли на то, чтобы прекратить забастовку до решения, принятого по этому поводу Центральным стачкомом.

Остается несомненным, что забастовка как началась, так и закончилась организованно, под руководством Центрального стачечного комитета. Конечно, жаль, что она закончилась до освобождения из тюрьмы всех арестованных, поэтому наша задача состояла в том, чтобы немедленно добиться их освобождения.

— Тот факт, — говорил я, — что мы вышли из боя организованно, хотя и не добившись выполнения всех своих требований, говорит не о поражении. Мы получили в этой борьбе хорошую закалку, сохранили и усилили свою организованность, свою классовую сознательность и единство. Во всяком случае, противнику не удалось нас разбить.

То, что некоторые предприятия самовольно прекратили забастовку, — результат не только репрессий правительства и лживой пропаганды мусаватистов, но и предательского поведения лидеров меньшевиков и эсеров. Поэтому наша главная задача — развернуть борьбу против мусаватистов, особенно против тех, которые действовали среди азербайджанских рабочих, а также всемерно разоблачить предательскую роль эсеров и меньшевиков.

На этом заседании Бакинского комитета было принято решение — на следующий же день созвать заседание рабочей конференции по итогам забастовки. После широкого обмена мнениями, несмотря на различие оттенков в оценке событий, мы были совершенно единодушны в понимании того, что нам надо делать. Сразу же после этого заседания я вместе с Гогоберидзе засел за подготовку проекта резолюции рабочей конференции (эта резолюция одновременно должна была стать тезисами доклада Гогоберидзе на конференции).

16 мая собралась рабочая конференция. На этом заседании я не присутствовал, поскольку должен был скрываться после побега из тюрьмы. Председательствовал Караев. На первом же заседании конференция приняла предложение Караева избрать почетными председателями конференции Чураева, Микояна и Анашкина, находящихся, как было заявлено, под арестом.

С обстоятельным отчетным докладом от имени Центрального стачечного комитета выступил Гогоберидзе. Обсуждение его доклада проходило очень бурно.

Представитель партии «Адалет» Агазаде, присоединившись полностью к докладчику, отказался от предоставленного ему слова и потребовал от присутствующего на заседании правого лидера партии «Гуммет» члена парламента Пепинова дать объяснение о недостойном поведении его идейных сообщников по партии во время забастовки.

Пепинов стал всячески замазывать неблагоприятную роль своей парламентской фракции и правой части «Гуммета».

Ловкий ход предприняли на этом заседании меньшевики, выпустив своими ораторами Штерна, Поповянца и Ребруха, которые были арестованы вместе с членами Центрального стачкома и теперь освобождены. Расчет был на то, что этих ораторов будут слушать внимательно и что они смогут произвести желаемое впечатление. Их выступления были направлены против той части доклада Гогоберидзе, где он разоблачал предательское поведение меньшевиков в ходе стач-

ки. Эти ораторы утверждали, что причиной неудачи стачки является плохая ее организация, а так как ею руководили большевики, то на них и лежит ответственность за неудачу. Рабочие делегаты возмущенными криками с мест неоднократно прерывали выступления представителей правых партий.

После яркого заключительного слова Гогоберидзе один из делегатов, мусаватист Зульфугар, с места злобно бросил реплику: «Здесь собрались агенты российской Совдепии», — и демонстративно покинул заседание.

Большинством в 194 голоса при 3 против и 24 воздержавшихся была принята резолюция, предложенная коммунистами.

«В первом своем столкновении, — говорилось в этой резолюции, — бакинский пролетариат очутился перед объединенным врагом — международным капиталом и его местными холопами: ханами, беками, капиталистами и их партиями кадетов, мусаватистов и дашнаков. В своем провокационном усердии, бесконечной лжи и бесстыдной клевете, направленных к национальной травле и кровавой резне, особенно выделялась партия мусаватистов.

Через своих многочисленных агентов она объявила мирную забастовку вооруженным восстанием, направленным против мусульман и «независимости» Азербайджана. Где бессильны были ложь и провокация, успешно действовали штыки и нагайки.

Так называемые социалистические правые партии, вернее, гниющие трупы бывших партий, вначале стоявшие за забастовку, в процессе тяжелой борьбы обнаружили свою изменническую физиономию и вместо помощи борцам, как стая черных воронов, налетели на поле битвы для ликвидации борьбы, образовали похоронное бюро — межпартийные совещания.

Парламентский блок мусульманских лжесоциалистов в первый же день изменил пролетариату, выразив доверие правительству и одоблив действия штыков, нагаек и мусаватской провокации.

Бакинский пролетариат не одержал победы, но сумел выйти организованно из первого боя, сохранив свою пролетарскую армию и обогатив ее опытом первого сражения — для грядущих битв.

Считая минувшую забастовку не концом, а началом борьбы, первым боем, где бакинский пролетариат получил боевое крещение, и сознавая, что причины забастовки не устранены, а еще более обострились, бакинские рабочие не слагают оружия, не отказываются от борьбы, а успешно готовятся к новому бою, организуют и сплывают свои ряды, обращая сугубое внимание на своих малосознательных товарищей — мусульман-рабочих, стараясь оторвать их от буржуазных и мелкобуржуазных предательских партий и с помощью коммунистических групп «Адалет» и левых гумметистов организовать, сплотить их вокруг бакинского верховного пролетарского органа — рабочей конференции».

Это решение рабочей конференции, принятое по предложению коммунистов, привело в бешенство эсеро-меньшевистских борзописцев. Они стали в своих газетах изо дня в

день поливать коммунистов ложью и клеветой, всеми мерами добиваясь их дискредитации. На разные лады кричали они о поражении бакинского рабочего класса, о провале руководства рабочей конференции и т. п.

Всячески шельмуя коммунистов, они всеми силами и средствами пытались восстановить влияние своих партий и их руководителей, представить их — в противовес коммунистам — как единственно разумных, преданных, опытных и подготовленных руководителей рабочего класса.

Серьезных успехов среди рабочего класса они добиться не смогли, но у части интеллигенции, запутанной ими в понимании происходящих событий, известный успех имели.

К сожалению, наша газета «Набат», редактором которой в ту пору был Ломинадзе, не вела активной борьбы против этой газетной кампании. Как-то я поговорил с Ломинадзе по этому поводу и предложил ему написать несколько острых и принципиальных статей, разоблачающих всю эту эсеро-меньшевицкую шумиху в печати и дающих правильную оценку причин возникновения забастовки и ее результатов.

— Надо разоблачить, — говорил я ему, — утверждение меньшевиков о якобы имевшем место поражении бакинского пролетариата. Надо поднять дух рабочих, укрепить веру в свои силы и призвать их готовиться к новому сражению, когда для этого наступит наиболее подходящий момент.

Ломинадзе был человек очень искренний. Он откровенно сказал мне, что, по его мнению, забастовка кончилась поражением. Я спорил с ним, доказывая обратное, но в тот день убедить его окончательно не смог.

Естественно, я был недоволен и резко сказал ему, что, если он не хочет писать статьи, я напишу их сам.

Я имел в виду написать две статьи: одну — посвященную критике позиции наших противников и обоснованию нашей линии до объявления забастовки, а другую собирался посвятить самому ходу забастовки и ее итогам.

Первую статью я написал сразу же после того, как от меня ушел Ломинадзе, под впечатлением нашего горячего спора с ним. Вторую мне так и не удалось написать: захлестнули неотложные дела.

Текст статьи «О минувшей забастовке», опубликованной 23 мая 1919 года в газете «Набат», сохранился. Эта статья, как мне кажется, подробно рисует обстановку, а также позицию представителей различных классов и партий. Там назывались конкретные фамилии.

«Злые коршуны в тоге «зрелых и умелых» политиков подняли свою голову...

«Старые и испытанные руководители пролетариата», как любят себя рекомендовать гг. меньшевики и эсеры, до забастовки и в момент ее объявления ни слова не промолвившие о несвоевременности или неподготовленности забастовки, а, наоборот, глубокомысленно молчавшие или горячо настаивавшие на немедленном ее объявлении, сейчас задним числом, после выяснения результатов забастовки, на все лады твердят о том, что забастовка была не подготовлена, скоропалительна, и этим «философски» объясняют ее «крах» и «поражение».

«Роковые ошибки», допущенные коммунистическими руководителями бакинского пролетариата, сделали-де неизбежным «крах» забастовки...

У лиц, не стоявших близко к работе рабочей конференции и ее Президиума, не принимавших в ней участия, не знающих, что творилось и творится в рабочих районах и организациях, не знакомых с созданным материальным и правовым положением пролетариата, с состоянием нефтяной промышленности — источника нашей жизни, на основании многочисленных, но малоценных, бессодержательных статей соглашательских газет, — может сложиться неправильное мнение, что забастовка была объявлена несвоевременно, скоропалительно, что ее можно было отложить до более благоприятного момента, дающего возможность окончательной победы.

Мелкобуржуазный интеллигент живет минутами неограниченного счастья, бесконечной печали и... детского отупения. Его душа — фосфорический свет, то слабо вспыхивающий, то потухающий и исчезающий во мраке. Такой интеллигент мало живет объективным прошлым и неизбежным будущим. Умственный горизонт его узок, ограничен хатой и огородом, не заходит дальше его носа.

Этот характер мягкотелого и мягкомозглого мелкобуржуазного интеллигента — человека болезненно-революционного и одновременно болезненно-реакционного, — во всей своей наготе обнаружился в ходе забастовки, в поведении болезненно-хилых эсеров и меньшевиков...

Могли ли и могут ли эти бледные тени прошлого смотреть широко на минувшую забастовку? Правильно понять и дать ей надлежащую оценку? Наметить дальнейшие пути борьбы — не ища каких-то «роковых ошибок», а спокойно выясняя действительные причины и движущие силы борьбы? Нет, конечно, нет: это не под силу гниющим трупам бывших партий.

На это способны только пролетариат и партия коммунистов, живущие не минутными проявлениями революционных вспышек, чередующимися периодами полного отчаяния, а горящие негасимым огнем революционной борьбы, идущие не по гладкому пути легких побед, а мечом прокладывающие себе дорогу, озаренную лучами восходящего солнца Коммунизма.

Коллективный договор — не новое требование для бакинского пролетариата. Он боролся за него еще в дни реакции 1907 года. В сентябре 1917 года им была объявлена и успешно проведена стачка за коллективный договор, закончившаяся полной его победой...

Ни кровавые победы турецкого и английского империализма, ни разгромы рабочих организаций не могли заставить бакинских рабочих отказаться от коллективного договора, от борьбы за него. Едва оправившись от ударов империалистических хищников и встав на ноги, бакинский пролетариат уже в конце прошлого года выставил — как очередное боевое требование — коллективный договор.

Но, оказавшись без своих боевых вождей-коммунистов, расстрелянных или находившихся в плену у контрреволюции, чувствуя, что не все его организации восстановлены, — бакинский пролетариат, по увещеванию соглашателей, в январе был вынужден принять «подачку» от капиталистов (прибавка зарплаты да еще несколько других пунктов коллективного договора) и временно отказаться от продолжения непосредственной борьбы. Однако и в этих условиях он не свернул своих знамен и продолжал всемерно готовиться к грядущей битве.

Коллективный договор был передан «согласительной комиссии», состоящей из представителей рабочих и нефтепромышленников, под председательством «нейтрального» лица — представителя правительства...

В начале марта члены согласительной комиссии от рабочих (и даже самые заядлые соглашатели из них, как, например, Слепченко) пришли к выводу, что, поскольку капиталисты не идут на дальнейшие уступки, продолжение работы этой комиссии бесцельно, безрезультатно. К такому же выводу пришло объединенное с согласительной комиссией заседание нового Президиума рабочей конференции и представителей всех районов.

Однако, считая подготовительную организационную работу для ведения дальнейшей борьбы незаконченной, они решили продолжать эту «игру в соглашательство» с целью выиграть время, чтобы усилить и ускорить организацию боевых рядов бакинского пролетариата. Тогда же, в начале марта, чуть не вспыхнула политическая забастовка, объявления которой так настойчиво добивались представители эсеровского комитета.

Центральный стачечный комитет, по нашему настоянию, принял многоиспытанную тактику коммунистов, тактику оттяжки и лавирования, сбережения сил и сплочения боевых рядов, дающую возможность не капитулировать перед врагом (как предлагали меньшевики Рохлин и Чураев), или без учета сил и обстоятельств необдуманно, поддавшись лишь чувству, безоружными броситься на английские штыки, чтобы «умереть красиво» (как предлагали «мечтатели»-эсеры Ильин и Беленький).

Наша тактика победила: мы не капитулировали, а добились осуществления почти всех наших требований».

Главный вывод, который мы делали для себя, говоря об итогах прошедшей забастовки, — и это было особо подчеркнуто в решении рабочей конференции — заключался в необходимости всемерно усилить нашу работу среди мусульманских рабочих, стараясь оторвать их от буржуазных и мелкобуржуазных предательских партий и с помощью коммунистических групп «Адалет» и левых гумметистов сплотить вокруг коммунистов и рабочей конференции.

С этой целью в Бакинском комитете партии вскоре и было создано специальное широкое совещание с участием руководителей левых гумметистов и «Адалета».

На совещании много говорилось о настроениях, которые сложились среди рабочих-азербайджанцев после забастовки.

В результате предательской политики мусаватистов и жестоких репрессий со стороны национального правительства даже у самой отсталой части рабочих-азербайджанцев появились революционные настроения. Немало способствовало

такому полевению и неблагоприятное поведение правых гумметистов во время забастовки и в особенности после ее окончания.

Надо было закрепить это полевение рабочих-азербайджанцев. Вот почему многие выступавшие на совещании говорили, что пришла пора левым и правым гумметистам размежеваться и очистить партию «Гуммет» от меньшевиков, превратив ее в подлинно большевистскую организацию.

Караев и Гусейнов, которые около двух месяцев назад выступали против такого раскола как несвоевременного, на этот раз согласились, что время раскола действительно наступило.

Была достигнута договоренность о том, чтобы коммунисты из «Гуммета», пользуясь своим большинством в руководстве этой организации, практически осуществили такой раскол в ближайшее время.

Раскол состоялся в июле 1919 года; гумметисты-коммунисты окончательно порвали с правыми, и последние вышли из организации. Это было важной победой нашей партии.

На том же совещании в Бакинском комитете возник вопрос о целесообразности участия в азербайджанском парламенте. Вопрос этот был поднят Караевым, который и до совещания не раз просил у нас разрешения выйти из буржуазного парламента, депутатом которого он являлся. Он был возмущен поведением парламента во время забастовки и заявил, что не может оставаться в этом «болоте».

Однако мы все дружно выступили против. Нам нельзя было отказываться от использования легальной парламентской трибуны для политической борьбы и пропаганды наших взглядов. Мы помнили, что успешное сочетание нелегальных и легальных форм партийной работы является одной из основ ленинской большевистской тактики.

Караева удалось убедить, и он примирился с необходимостью продолжать эту крайне неприятную для него работу. И надо сказать, что он выполнял ее весьма успешно, умело используя в интересах партии свое положение депутата парламента.

*Курьеры в Москву.— Тигран и Шура
у Ленина.— Помощь из Москвы.—
События в Ленкорани.— Р. Ахундов.*

Шел 1919 год... Положение молодой Советской республики было тяжелым. Именно в эти дни, 29 июля, Ленин с большой тревогой говорил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой».

С каждым днем мы все острее чувствовали необходимость установления живой, непосредственной связи с Москвой, с Центральным Комитетом партии, с Лениным. Нельзя было решать крупнейшие вопросы политики по своему уму-разуму. Нельзя было дальше работать, да еще в таких сложных условиях, какие существовали тогда в Баку и Закавказье, без советов и указаний центра, без необходимой информации, без обмена опытом.

Мы, конечно, хорошо понимали, что наладить связь с Москвой — дело нелегкое. Нас разделяло не только расстояние — разделял фронт контрреволюции. И все-таки связь надо было устанавливать, несмотря ни на что.

Еще накануне забастовки ко мне явился один молодой человек, представился Тиграном Аскендаряном и рассказал, что еще в 1918 году 17-летним парнем он стал коммунистом, вступил в партийный отряд, потом эвакуировался вместе с советскими войсками в Астрахань, оттуда с группой товарищей ездил с партийным поручением в Кизляр, потом вместе с отступавшей Красной Армией попал в Астрахань, а теперь по поручению начальника политотдела 11-й армии Падерина и председателя Астраханского губкома партии Колесниковой приехал в Баку, чтобы восстановить с нами связь, информировать нас о положении дел в Астрахани и возвратиться обратно с информацией о положении дел у нас.

Никаких письменных документов и материалов с собой он, помню, не привез, за исключением какой-то суммы денег.

Своим видом он не вызывал подозрений. Скорее даже наоборот — расположил к себе. Хороший, симпатичный парень, видно было по всему — энтузиаст. Он назвал свой бакинский адрес. Мы проверили. Оказалось, что его родители погибли

при захвате Баку турками. Соседи по дому знали его с хорошей стороны. Я сказал, чтобы он отдохнул, и предупредил, что скоро ему придется ехать обратно.

Письмо в ЦК партии и Ленину как Председателю Совнаркома с информацией о положении в Закавказье и о наших задачах, которое я написал, было отпечатано на полотне. В нем говорилось, что из-за годичной оторванности Закавказья от центра, мы лишены директив и помощи в нашей борьбе. «А Вы, — или вовсе не знакомы с настоящим положением вещей в Закавказье, — писал я, — или же неправильной информацией безответственных лиц введены в заблуждение и поэтому не гарантированы от серьезных ошибок во внешней политике по отношению нашего края.

Пользуясь маленькой возможностью, информирую Вас...».

Письмо-доклад Ленину было довольно пространным. В нем говорилось об обстановке, которая сложилась в Баку и Закавказье, об оккупационном режиме, о роли и политике азербайджанского национально-буржуазного правительства, о том, что в Азербайджане больше, нежели в Грузии или Армении, «горючего материала, больше социально-обостренных противоречий, больше классовой почвы для пролетарской революции, больше недовольства и ненависти к существующему правительству», имеется хорошо организованный рабочий класс, находящийся под влиянием и руководством коммунистов. Сообщалось также о том, что «бакинская организация признала независимый Советский Азербайджан, с тесной политической и экономической связью с Советской Россией», и что «этот лозунг очень популярен и может сплотить вокруг себя широкие массы трудящихся азербайджанцев и поднять на восстание». Рассказывалось в письме и о нашей рабочей конференции, о начале и исходе всеобщей забастовки бакинских рабочих, о росте влияния нашей партии среди бакинских рабочих, о спорах с тифлисскими товарищами по поводу независимого Советского Азербайджана; о положении в Грузии и Армении; сообщалось о хозяйничанье англичан вкупе с белогвардейцами в Петровске, о разгроме ими Дагестанского комитета партии, о революционных настроениях дагестанских крестьян и организации повстанческих отрядов в Дагестане...

Мы сообщали Ленину, что готовим вооруженное восстание, создаем опорные повстанческие пункты в крае и сможем выступить, как только узнаем, что части Красной Армии и Флота готовы нам помочь, и просили Ленина и ЦК партии

направить в Баку опытных партийных работников (особенно из мусульман), а также прислать партийную литературу на русском, азербайджанском и армянском языках.

Так вот, когда мы судили-рядили, кого бы нам направить своим первым курьером в Москву, как-то сразу все остановилось на кандидатуре Тиграна. Не потому, конечно, что у нас мало было своих преданных партийцев, но мы хорошо понимали, что одной преданности в таком деле было еще мало, нужно обладать особой ловкостью и иметь опыт. Тигран же хорошо знал дорогу из Астрахани в Баку, и ему было легче сориентироваться на обратном пути и проскочить через все преграды.

Было решено направить вместе с ним технического секретаря бюро крайкома партии 20-летнюю коммунистку Шуру Берцинскую, коренную бакинку, которая работала в 1918 году на Северном Кавказе. После падения там Советской власти Шура по Военно-Грузинской дороге перебралась в Грузию, а затем и в Баку. Она пользовалась у всех нас полным доверием.

Была она небольшого роста, хрупкая, миловидная, по виду моложе даже своих двадцати лет: просто девчонка, гимназистка. Но она уже побывала в разных весьма сложных переделках, принимая участие в борьбе с контрреволюцией на Северном Кавказе.

Вот они-то, Тигран и Шура, и должны были вручить письмо Центральному Комитету партии, лично товарищу Ленину. (Надо сказать, что для страховки мы «продублировали» Тиграна и Шуру, направив в Москву с аналогичным письмом третьего курьера — опытного коммуниста Хорена Боряна.)

Мы боялись, что письмо может не попасть к Ленину (кто там примет, в чьи руки оно попадет, куда направят — я не знал). Нам очень хотелось, чтобы Ленин его увидел, и казалось, что только так ЦК сможет разобраться в наших делах, и мы получим директивы по волнующим нас вопросам. Поэтому в адресе было подчеркнуто: ЦК РКП(б) и Председателю Совнаркома Ленину.

О том, как наша делегация пробиралась через захваченную Деникиным территорию, рассказывает в своих воспоминаниях Шура Берцинская:

«Когда мне предложили ехать с Тиграном в Москву, я согласилась на это с радостью. Ехать и увидеть своими глазами Советскую Россию, пробиваться через границы и фронты, быть в опасности и преодолевать пре-

пятьства — все это так отвечало моему желанию героики и подвига, что я с нетерпением стала ожидать момента отъезда.

Было нам тогда от роду: Тиграну — восемнадцать, а мне — двадцать лет.

Наконец желанный день наступил. Это было в конце мая 1919 года. Доклад Анастаса Микояна о положении в Азербайджане и Закавказье напечатали на куске материи; на такой же материи были изготовлены и наши мандаты о направлении в Москву, в Центральный Комитет партии.

Начались приготовления к отъезду. У Тиграна в качестве верхней одежды был френч. Мы вытащили из него бортовку и вместо нее зашили доклад Микояна в ЦК; мандаты удалось «устроить» в уголке моего жакета. Оба мы получили удостоверения на другие имена. Я — на имя моей погибшей подруги Зины Еременко, а Тигран — на имя ученика реального училища Гриши Зорабова.

И вот наконец, взяв в руки маленький саквояж и купив на вокзале билеты до Петровска, мы выехали вечером из Баку. Сели в вагон нарочно в последнюю минуту; в вагоне было темно, лишь кое-где в фонарях горели свечи.

После Хачмаса в вагоне начался шум. В наше купе вошли какие-то люди и потребовали документы. Посмотрев удостоверение Тиграна и в упор осветив фонарем его лицо, коротко приказали: «Выходи! Подождешь в коридоре». Сами при этом вышли.

Быстро сняв с себя френч, Тигран передал его мне. Надо сказать, что во френче Тигран выглядел довольно взрослым молодым человеком; в синенькой же полосатой рубашке, в которой он остался, да в ученической фуражке с кокардой реалиста он легко мог сойти за мальчика значительно моложе своих лет.

Выйдя из купе, он увидел на площадке часового, видимо поджидавшего его. Тогда он быстро повернулся и вышел с противоположной стороны вагона — в уборную. Затем, не узнавший часовым, прошел в соседний многолюдный вагон III класса и лег там на верхней полке.

Обо всем этом я, конечно, ничего не знала. Вдруг слышу — начался переполох. Какие-то люди с фонарем заходят в наше купе, всматриваются в лица пассажиров, о чем-то шепчутся... Уходят и вновь приходят... Явно они кого-то ищут.

Что с Тиграном? Нет, ведь мне нельзя и виду показать, что я его знаю. Забота о доставке в Москву доклада т. Микояна теперь лежит исключительно на мне одной. А это — главное. Слышу разговоры пассажиров: «Этого молодого человека, вероятно, сняли с поезда. Здесь это часто бывает — снимают и расстреливают».

Утро, станция Ялама. Не сидится. Выхожу из поезда; может, хоть что-нибудь удастся узнать. Чудесная природа, южный душистый лес, прозрачная роса, прохлада, свежесть...

И вдруг — Тигран. Радостно здороваются: делает вид, будто случайно встретил знакомого. Шепотом рассказывает, что ночью его несколько раз в упор освещали фонарем, но так и не узнали в нем «того» молодого человека во френче.

Подъезжаем к Петровску, выходим. По городу разъезжают конные с белыми лентами на папахах, висят на стенах антисоветские плакаты, карикатуры ОСВАГа¹. Город занят белогвардейцами чуть ли не этой ночью. Выезд из города без пропусков запрещен.

¹ ОСВАГ — контрразведка Деникина.

Отправляемся к пристани, пробуем уговорить кого-либо из лодочников поехать с нами на остров Чечень, обещаем хорошо заплатить (деньги нам были даны). Никто не соглашается. Еще вчера это было возможно, а сегодня приказ: «Без пропусков не выезжать». На всякий случай идем за пропуском в комендатуру. Сочиняем историю, что мы хотим пробраться с острова Чечень на Старо-Теречную, отыскиваем наших родителей, бежавших туда из Баку при наступлении турецких войск. Взглянув на Тиграна, офицер говорит: «Объявлена мобилизация, и вы, молодой человек, явитесь завтра на мобилизацию, пойдете в армию. Как раз ваш возраст».

Вот мы и попались! Путь назад закрыт, движение вперед сомнительно. Решаем: Тигран хоть пешком возвратится в Баку, а я одна доберусь до острова (мне не было отказано в пропуске).

Бродим по городу и вдруг видим: с горки спускается Хорен Борян. Мы знали, что Хорен имеет такое же задание, как и мы, но он должен был ехать в Советскую Россию через Северный Кавказ, мы же — через остров Чечень на Астрахань. Хорен сообщает, что ему удалось добыть замечательный документ — уполномоченного Армянского комитета по обследованию положения армянских беженцев на Северном Кавказе. Едет он через остров Чечень на катере, который отходит сегодня вечером. Советует и нам попытаться уехать на этом же катере.

Заходим в гостиницу, потом спускаемся к пристани. Катер стоит, посадка началась. Едут преимущественно мешочники с мукой. Садимся и мы. Для «верности» спускаемся в трюм. Минут через 15—20 приказывают всем подняться наверх: проверка документов. Выходим. Поодаль на пристани стоит комендант, рядом с ним кто-то в военной форме. Пассажиры по одному выходят с катера, предъявляют коменданту документы и возвращаются обратно на катер. Вдруг Тигран, нервно сжимая мне руку, шепчет: «К коменданту подошел Андрей Мягков, мой одноклассник по реальному училищу...» Как быть? Если Тигран предъявит ученический билет на имя Зорובה, который также учился вместе с ним в одном классе, то мигом все раскроется. Вдобавок Мягков знает, что в августе 1918 года Тигран ушел добровольцем в партийный отряд — в Красную Армию. Уйти, отказаться от поездки?.. Но куда идти? Пристань замкнута военными, и среди них — Мягков.

Все меньше остается непроверенных пассажиров. Пристально следит Тигран за движениями Мягкова. Кто-то вошел на пристань, навстречу ему пошел Мягков. Тигран подходит к коменданту, разворачивает свой ученический билет с двуглавым орлом, минута — и он на катере. Мягков повернулся и, ничего не заметив, возвратился к коменданту.

Мы забрались в маленькую каюту, где расположилась группа офицеров со своими дамами. Офицеры целуют дамам ручки, говорят комплименты и развлекают их рассказами об «ужасах» Совдепии, пугают страшным словом «большевик».

Наконец раздался свисток. Мы в море.

Выходим на палубу. Вдали огни Петровска. Найдя какое-то местечко около парового свистка, после бессонной ночи и всех волнений дня мы крепко заснули. Сон был так глубок, что Тигран, положив свою руку на паровую отдушину свистка, не почувствовал, как пар всю ночь жег ему руку. Шрам на руке сохранился у него на всю жизнь.

Утром приближаемся к пустынному острову Чечень.

Мы направляемся в самый конец селения — к Болотиным. Ивана нет дома, жена говорит, что он уехал, но должен вот-вот возвратиться. Дома

его брат Федор. Он, как и все на острове, рыбак; значит, лодкой управлять умеет, в случае чего, сумеет доставить нас в Астрахань.

Ждем Ивана. Прошло уже два дня, а его нет. На третий день вбегает молодая женщина и, горько рыдая, сообщает, что деникинцы рыщут по избам, схватили ее мужа, пытаются его, кого-то уже расстреляли.

Атмосфера накаляется. Ждать больше нельзя. Вечереет. Сидим в избе, точно в западне. Договариваемся с Федором, что сегодня же ночью во что бы то ни стало надо уезжать. Федор уходит «в разведку» — на поиски подходящей лодки. Метрах в двухстах от нас — маяк, около которого мерно и медленно шагает часовой — индусский солдат (на острове английская и деникинская база).

Приходит Федор. Лодка им найдена; она, правда, очень мала, но «теперь май, и на ней втроем мы доберемся до Астрахани», — с улыбкой говорит «дядя» Федор.

Наступила темная ночь. Только вдали виднеются огни английского сторожевого судна, да в полосе берега мелькают силуэты шагающих часовых-индусов. Вдруг Федор тихо сказал: «Стой!» Притаились. Слышим шуршание лодки по песку, кто-то подплыл, прошел неподалеку от нас, и снова тишина. Федор и Тигран осторожно пошли в лодку. Потом Федор вернулся, сгреб и перенес меня, столкнул лодку на место поглубже, поставил паруса, и мы двинулись в путь.

Ночь была так хороша, так удачно захватили мы чью-то лодку, так ласково море и надежен попутный ветер, что все мы крепко и безмятежно уснули. Уснул и Федор, который в наши 18—20 лет казался нам уже достаточно пожилым человеком (а было ему лет около тридцати).

На рассвете с тревогой будит нас Федор. Проснулись. Озираемся. Слышен отдаленный лай собак: мы довольно близко от берегового селения. «Станица Старо-Теречная, гнездо белогвардейцев», — говорит Федор. От берега отделяется лодка и движется в нашем направлении. Ветер давно стих, паруса висят безжизненными тряпками. «Убрать паруса! — командует Федор. — Шура — на руль, мы с Тиграном — на весла. Грести изо всех сил!» Началась гонка.

Прошло уже не менее часа. Расстояние между нами и преследующей нас лодкой все увеличивается: оно становится все больше и больше. Видимо, там перестали грести. Селение уж скрылось из глаз, Федор и Тигран все гребут и гребут. Воздух не шелохнет, никаких надежд на паруса. Прошло уже часа три. «Больше не могу», — первым сдается Тигран. «Ладно, бросай», — разрешает Федор.

Так мы трое суток, ловя малейший ветерок, медленно продвигались к цели. Как-то услышали гул орудийных выстрелов. «Где-то морской бой», — сказал Федор. Близо прошел катер, на нем развевался гордый, приведший нас в бурный восторг флаг: «РСФСР».

Ура-а!.. Значит, мы уже дома!»

Когда Тигран уезжал в Москву, я дал ему строгий наказ — во что бы то ни стало привезти стенограмму VIII съезда партии, состоявшегося во второй половине марта 1919 года. Нам было известно об этом съезде очень мало: газеты из Советской России к нам не доходили; о том, что происходило на съезде, мы знали только по слухам да из сообщений буржуазной прессы.

Тиграну и Шуре было поручено передать письмо лично Ленину. Они успешно выполнили это поручение и уже в июле 1919 года вернулись — через Астрахань и Каспийское море — в Баку с группой ответственных партийных работников, которые были нам в ту пору так необходимы¹. В числе их прибыли видные бакинские работники: Нанейшвили, Буниатзаде, Гамид Султанов.

* * *

*

Ленин, встречаясь с простыми людьми, приводил их в восхищение своим отношением.

Ниже — страничка из воспоминаний Берцинской о посещении Ленина ею и Аскендаряном с нашим письмом.

«Приветливо протягивая руки и улыбаясь, поднимается навстречу нам Владимир Ильич.

Переполненный восторгом, Тигран восклицает:

— Вождю мирового пролетариата от бакинских рабочих привет! — и от избытка чувств обнимает Владимира Ильича.

— Садитесь, товарищи, и рассказывайте, — мягко успокаивает его Владимир Ильич.

Интересовало Владимира Ильича все во всех подробностях.

— А где это Ленкорань, о которой пишет товарищ Микоян? (Он произносит мягко: Ленко-ань.)

— Товарищ Микоян пишет о крестьянском съезде в Кабахе (Карабахе). Где Ка-абах? Искал — не нашел.

Тут же на стене в кабинете висела большая карта Закавказья. Тигран показывал Владимиру Ильичу пункты, где в то время происходили важные для Закавказья события...

На другой стене висела большая карта Европейской России, и на ней флажками были отмечены линии фронтов гражданской войны.

Мы рассказали, что в Баку, глубоко законспирированный, находится Серго Орджоникидзе и что товарищ Микоян просил передать — Орджоникидзе стремится в Россию, как лучше это осуществить?

Владимир Ильич сильно обрадовался:

— Серго жив, в Баку! Обязательно нужно его вывезти отсюда.

¹ После окончательной победы Советской власти в Азербайджане Тигран и Шура были посланы учиться и стали хорошими инженерами-металлургами.

— Хорошо бы, Владимир Ильич, прислать за ним подводную лодку, — говорит Тигран.

— А как глубоко у берегов Каспийского моря вблизи от Баку, сумеет ли подводная лодка подойти?

— Тигран ответил, что недалеко от берегов Дербента глубина для подводной лодки достаточная. К подводной лодке можно подойти на обычной лодке.

— Подумаем, подумаем об этом, — заключил Владимир Ильич.

Рассказывая о поведении английских войск в Баку, мы заметили, что английские солдаты занимаются продажей папирос, шоколада и верхней одежды.

— Ну тогда они скоро и винтовки будут продавать, — говорит со смехом Владимир Ильич.

— Настоящее государство? — спрашивает он. — И армия есть, и деньги свои?

И тут же:

— Как вы проехали? И так скоро оказались в Москве?

Мы ответили было в двух словах, но Владимир Ильич заинтересовался подробностями.

— А опасности были?

Мы рассказали о своих злоключениях. Смеялся он, когда рассказали, как Тигран в поезде обвел приставленного к нему белогвардейца-часового.

— Только никому не говорите, как вы проехали, решительно никому, ни одному человеку, — настойчиво предупредил он нас.

И вдруг неожиданно:

— Что думаете дальше делать, может, останетесь здесь учиться?

— Нет, Владимир Ильич, — ответили мы со всей решительностью юности, — мы обещали товарищу Микояну возвратиться.

— А английский язык знаете?

С сожалением отвечаем отрицательно на этот вопрос.

— Ну, если вы уже решили ехать обратно, мы вам дадим листовки на английском языке на папиросной бумаге и деньги для партийной организации. Все это вам заделают в чемодан. За чемоданом зайдете в Коминтерн к товарищу Клинеру.

И еще раз:

— Никому не рассказывайте о своем пути, ни единому человеку, даже близким товарищам!

Так просто, так задушевно велась беседа, так по-родному расспрашивал нас Владимир Ильич, что мы давно уже забыли предупреждения товарища Стасовой о десяти — пятнадцати минутах для доклада. Да и заготовленные заранее слова доклада совсем вылетели из головы...

Сорок минут пробыли мы у Владимира Ильича. Счастливые и гордые, отправились исполнять его поручения...»

* *
*

К концу марта 1919 года из Ленкорани в Баку прибыло несколько партийцев. Ранее мы не имели нужной связи с Ленкоранью и потому плохо знали истинное положение тамошних дел.

Выяснилось, например, что хотя Ленкорань и входила в состав Азербайджана, однако фактически власть азербайджанского правительства на нее не распространялась. С момента свержения Советской власти управление краем перешло в руки контрреволюционных офицеров и представителей ленкоранского кулачества. Английское командование, декларирующее «дружественные отношения» с азербайджанским правительством, могло бы, конечно, ликвидировать «ленкоранский инцидент» и подчинить этот богатый район своему союзнику. Но ленкоранские правители являлись прямыми агентами Деникина и были англичанам даже больше по душе, нежели азербайджанские националисты.

Приехавшие товарищи рассказали, что им удалось собрать распыленные силы местной партийной организации и завоевать влияние и авторитет среди трудового крестьянства. Они сообщили также, что в составе ленкоранских воинских формирований есть довольно много бывших красноармейцев, посланных в Ленкорань еще при Советской власти и оставшихся там после ее падения. Все они были готовы в любое время поддержать восстание. Местная азербайджанская крестьянская беднота тоже была настроена против мусаватистов и белогвардейцев. Кроме того, в тех местах существовали повстанческие отряды из азербайджанских крестьян, с которыми местная партийная организация держала крепкую связь.

С учетом всех этих обстоятельств, утверждали ленкоранские товарищи, захват власти в районе Ленкорани — дело вполне реальное.

Сообщение это было столь важно, что нам пришлось, тща-

тельно проверив все сведения, серьезно задуматься над предложением товарищей.

Выяснилось, что захватить власть в Ленкорани мы действительно в силах. Но совсем другое дело — удержать ее без помощи со стороны. И вообще, не было большого смысла создавать такой маленький «советский оазис» без надежды на его расширение и даже сохранение.

Однако, поскольку у нас были предположения, что с открытием навигации Красный флот готовится начать операции захвата Петровска и Баку, вопрос о Ленкорани приобретал в перспективе большое и вполне конкретное значение. Расположенная на берегу Каспийского моря и имеющая неплохой порт Ленкорань могла бы послужить хорошей базой для Красного флота. Кроме того она была богата хлебом, людьми и могла стать реальной силой для нашей дальнейшей борьбы за Советскую власть в остальном Закавказье.

С учетом всего этого было решено свергнуть власть белых офицеров и установить Советскую власть в Ленкорани.

Как помнится, между 15 и 20 апреля в Ленкорань был командирован Гогоберидзе в качестве уполномоченного Бакинского комитета партии и с ним Агазаде, Губанов, Старожук, Каневский и другие. Им удалось в течение нескольких дней, опираясь на местные кадры, осуществить переворот, прогнать белогвардейское краевое начальство и создать в Ленкорани Революционный комитет, который возглавили большевики.

Представляет интерес резолюция, принятая 2 мая на митинге бойцов ленкоранских отрядов и трудящихся города. В ней говорилось:

«...Всеми силами поддержать Советскую власть, как единственно стоящую на страже интересов рабочих и крестьян. Мы убеждены, что лишь единение с российскими рабочими под общим знаменем III, Коммунистического Интернационала, только солидарность трудящихся всех стран и диктатура пролетариата способны освободить труд из-под гнета капитала. Мы все, как один человек, готовы с оружием в руках по зову коммунистов, дружно выступить против кадетско-феодалных офицерских банд Деникина — Колчака... и англо-французских хищников. Мы требуем немедленного провозглашения Советской власти на Мугани и создания Красной Армии для защиты ее».

В середине мая состоялся чрезвычайный съезд революционной Мугани, который продолжался четыре дня. Съезд провозгласил Советскую власть на Мугани, установил Муган-

скую Советскую республику и избрал краевой Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов.

Одним словом, дела на Мугани пошли хорошо. Об этом подробно рассказал нам вернувшийся в Баку Гогоберидзе.

Тогда у нас на повестке дня по-прежнему стоял вопрос об установлении регулярной связи с Астраханью. Мы пытались наладить с Астраханью радиосвязь, но из этого — по техническим причинам — ничего не получалось. Один из наших товарищей, опытный моряк большевик Кожемякин, взялся выбраться на парусной лодке из Бакинской бухты и дойти до Астрахани. Он получил задание: рассказать там о положении дел у нас в Баку и привезти соответствующую информацию.

Как ни трудна была эта операция, прошла она вполне успешно. Через месяц Кожемякин вернулся на той же парусной лодке с двумя товарищами, присланными С. М. Кировым. Один из них был представитель Реввоенсовета 11-й армии моряк Т. И. Отраднев-Ульянцев.

Реввоенсовет 11-й армии и командование Красного флота в Астрахани проявляли тогда особую заинтересованность в укреплении Советской власти на Мугани. Как мы и предполагали, они собирались использовать Ленкорань и всю Мугань в качестве плацдарма военных действий флота, и прежде всего для высадки десанта. Поэтому Отраднев имел поручение пробраться в Ленкорань и развернуть там необходимую работу.

Из разговоров с Отрадневым мы выяснили, что в Астрахани возникли сомнения по поводу информации, которую они получили от нашего представителя. Видимо, Кожемякин в несколько преувеличенном виде рассказал о наших силах и успехах в Баку. Ему там не вполне поверили и поручили Отрадневу поехать на место, все перепроверить и сообщить о положении дел в Баку, а самому остаться для работы в Ленкорани под руководством Бакинского комитета партии.

Встреча с Отрадневым очень обрадовала нас. Тимофею Ивановичу шел тогда 31-й год. В партию он вступил в 1909 году, будучи рабочим. В 1916 году, служа в Балтийском флоте, был арестован за подпольную революционную работу среди матросов флота и осужден на каторжные работы. После Февральской революции стал членом Кронштадтского комитета партии большевиков. Был делегатом исторической Апрельской конференции РСДРП(б), избирался членом Цен-

тробалта, был председателем флотского общественно-демократического суда. В 1918 году Отраднев — военный комиссар по организации Красной Армии в Ставропольском крае. Потом по предложению С. М. Кирова работал в Астраханском военно-полевом трибунале.

Это был человек крепкого сложения, с открытым русским лицом, большими умными глазами, с приятной улыбкой. Гладко причесанные волосы с пробором и коротко подстриженные усы придавали ему какой-то особо внушительный вид. Энергичный, инициативный и вместе с тем очень уравновешенный и рассудительный, Отраднев произвел на нас хорошее впечатление.

Мы решили направить его на руководящую работу в Ленкорань, наделив не обычными, а чрезвычайными полномочиями, что видно хотя бы из содержания выданного ему 23 мая 1919 года специального мандата, случайно сохранившегося:

«Выдан Кавказским краевым комитетом РКП тов. Отрадневу в том, что он делегируется на Мугань с чрезвычайными полномочиями для выяснения состояния партийных организаций и советских учреждений. Он уполномочен сменять неподходящих или недостаточно подготовленных лиц, реорганизовывать в случае необходимости существующие учреждения, упразднить их или создавать новые.

Все партийные организации, товарищи и советские учреждения обязаны относиться к нему с полным доверием и оказывать необходимую помощь и содействие в выполнении возложенных на него задач.

Член бюро Кавказского краевого комитета РКП
А. Микоян».

Прибыв в Ленкорань, Отраднев очень скоро завоевал доверие и поддержку местных товарищей. Под его руководством Советская власть в Ленкорани довольно быстро окрепла.

С нашей стороны были приняты все необходимые меры к оказанию Ленкорани дополнительной помощи, в первую очередь испытанными бойцами для укрепления вооруженных сил этой маленькой Советской республики. А такие бойцы у нас к тому времени были. После падения Советской власти в Баку несколько тысяч красноармейцев, преодолев большие трудности, пробрались в Грузию. Однако здесь они бедствовали: меньшевистская власть относилась к ним очень настороженно, мешая им даже устроиться на работу. Постепенно они стали перебираться в Баку, где рабочая конференция оказывала им возможную помощь. Помню, как мы отобрали из них наиболее надежных и начали отправлять ма-

ленькими отрядами на Мугань для пополнения рядов Красной Армии.

Надо сказать, что с провозглашением на Мугани Советской власти английское военное командование и азербайджанское правительство объявили блокаду Ленкорани. Не только ни одно судно, но даже ни одна парусная лодка не имела права войти или выйти из Ленкорани. На воде и на суше за этим был установлен строжайший контроль.

Однако мы не прекращали отправку в Ленкорань небольших групп бойцов, по 20—30 человек, на парусных и рыбацких лодках.

Помнится, четыре или пять раз (а может, и больше) наши лодки попадали в лапы полиции, и наших товарищей бросали в тюрьмы. Были случаи и убийства задержанных.

Но этот террор ни на йоту не ослаблял ни нашей энергии, ни горячего желания рабочих и красноармейцев пробраться в Ленкорань. Нам удалось перебросить туда до 500 опытных и надежных бойцов, что было для Ленкорани очень серьезной поддержкой.

Отраднев привез из Астрахани шифр для тайной переписки и большую сумму «николаевских» денег для нужд Ленкорани и Баку. Это дало нам возможность впервые создать в районах группы партийных работников, полностью освобожденных от всяких других обязанностей. Кроме того, мы вернули свой долг рабочей конференции, у которой брали деньги на покупку лодки, и выделили некоторую сумму в фонд помощи нуждающимся красноармейцам, прибывшим с Северного Кавказа. Мы получили также реальную возможность самим издавать партийную литературу, потому что, несмотря на все наши просьбы, из России к нам поступало очень мало такой литературы (даже на русском языке). Для издания литературы на азербайджанском языке мы привлекли не только большевиков из «Гуммета» (когда он был объединенным) и работников «Адалета», но и азербайджанских левых эсеров, одним из лидеров которых был Рухулла Ахундов.

Я знал Ахундова еще с 1918 года, со времен Бакинской коммуны. Он редактировал тогда газету «Известия Советов рабочих депутатов», выходившую на азербайджанском языке. Мне он очень нравился. Мы часто с ним встречались, отношения у нас сложились хорошие, доверительные. Дружба окрепла еще больше в дни бакинского подполья при английской оккупации. Политическая линия, которую занимал Рухулла Ахундов, фактически ничем не отличалась от той по-

литики, которую проводили мы. Несмотря на свою молодость — ему было тогда 22 года, — он был человек твердый, принципиальный, глубоко преданный делу революции. Среднего роста, худощавый, всегда подтянутый, точный в исполнении своих обещаний, верный своему слову, он был разве только не в меру горяч.

Я знал о том, что Ахундов отлично владеет азербайджанским литературным языком. У него было острое перо. Хорошо он знал и русский язык, литературу, поэтому нам очень хотелось тогда привлечь его к работе над переводами на азербайджанский язык работ Маркса и Ленина. Кроме того, он мог бы вовлечь в это дело большую группу азербайджанских интеллигентов, в том числе и из своей партии, в чем мы были тогда тоже заинтересованы.

Я переговорил с ним. Издание же переводов, сказал я ему, возьмет на себя Бакинский комитет партии. Он согласился, но захотел, чтобы как переводы, так и их издание осуществляла бы его партия, а финансирование — наш Бакинский комитет, так как его партия средствами не располагала. Понятно, я отклонил это предложение и, помню, даже выразил недоумение: как это марксистскую литературу будет издавать партия левых эсеров на деньги Коммунистической партии?!

«Ваш вариант абсолютно неприемлем», — заявил я ему и попросил еще раз подумать над моим предложением и, когда он все обдумает, сообщить мне.

Через несколько дней он прислал мне краткую записку. Она сохранилась:

«Товарищу Микояну А. И.

Вы не раз обращались ко мне с предложением оставить свою должность и взяться за работу по издательству тюркских брошюр и книг. До настоящего времени, по независящим обстоятельствам, я не имел возможности оставить типографию. Ныне же ввиду конфликта между мной и управляющим я покинул типографию.

Если Вы находите нужным, то я могу взяться за это дело. Об условиях труда, если ответ будет положительным, мы поговорим в дальнейшем.

С товарищеским приветом Рухулла.

Р. С. Кстати, должен заметить Вам, что на днях имел в виду поступить в одно место на должность. Прошу ответить немедленно, дабы я имел возможность поступить сообразно обстоятельствам и в случае отсутствия необходимости в обещанной Вами работе не потерять это место.

Баку, 2 июля 1919 года

Р.»

Должен сказать, что, когда у меня возникла идея предложить Ахундову взяться за переводы, я имел тайную мысль, что в процессе этих переводов, вникнув глубоко в суть учения Маркса и Ленина, он освободится от эсеровской идеологии и станет марксистом. Так и получилось.

После получения записки Ахундова мы сразу встретились. Он согласился на мое предложение, а вскоре стал коммунистом. Летом 1919 года азербайджанские левые эсеры слились с гумметистами-большевиками.

Забегая несколько вперед, хочу сказать еще несколько слов об Ахундове и о том, как впоследствии он вырос, став видным партийным деятелем.

Пользуясь большим уважением в Коммунистической партии Азербайджана, Рухулла Ахундов после победы Советской власти, когда С. М. Киров был секретарем ЦК Компартии Азербайджана, стал секретарем ЦК по вопросам культуры.

Важнейшим условием осуществления культурной революции в республике было создание книг на азербайджанском языке. Ахундов страстно мечтал о широком развитии книгоиздательского дела в Азербайджане и многое сделал для этого.

С исключительным рвением занимался он прежде всего изданием марксистско-ленинской литературы на азербайджанском языке. Издание же произведений Ленина он считал главным делом своей жизни.

В конце 1924 года Президиум ЦК Компартии Азербайджана принял решение о техническом переоборудовании полиграфической базы в республике, а в 1925 году Рухулла Ахундов был направлен за границу для приобретения полиграфического оборудования, в первую очередь линотипов с новым шрифтом. (Речь шла о графическом улучшении арабского алфавита; этот алфавит должен был существовать еще некоторое время наряду с уже введенным новым алфавитом.)

Вместе с ним поехал Лев Лифшиц. В Германии они нашли готовый шрифт, который можно было бы купить, но он оказался непригодным, а изготовить новый по тем временам можно было только в Америке. Об этом Ахундов и Лифшиц поставили в известность С. М. Кирова. ЦК партии счел необходимой их поездку в Америку.

Они выехали на пароходе в Нью-Йорк. По приезде туда с Ахундовым произошло нечто непредвиденное. При сани-

тарном досмотре у него обнаружили трахому и, не разрешив высадиться в Нью-Йорке, отправили на «остров Слез» — в карантин для лиц, страдающих заболеваниями, с которыми въезд в страну был запрещен.

Несмотря на все ходатайства Амторга — Советского торгового представительства в Нью-Йорке, — получить разрешение на въезд в Нью-Йорк не удалось. Оставалось одно — уехать обратно. Но возвращаться с пустыми руками Ахундов не мог. «Еще не было случая, — говорил он, — чтобы я не добился положительного результата в начале дела».

На совещании с руководством Амторга Ахундов решительно настаивал на том, чтобы завершить работу в сложившихся условиях. Руководители Амторга предупредили его, что это будет связано с большими для него лишениями. «Мы ехали сюда не на экскурсию, — заявил Рухулла, — а делать дело. Я остаюсь здесь и буду продолжать работать».

Тогда Амторг и Лифшиц подыскивали в Нью-Йорке соответствующую фирму, представитель которой стал приезжать на «остров Слез» для переговоров с Ахундовым. Переговоры эти тянулись более месяца, в очень трудных условиях, пока стороны окончательно уточняли спецификацию нужного оборудования. Ахундов добился своего.

В это же время в Америку приехал Владимир Маяковский. Как рассказывал Лифшиц, Маяковский из любопытства собирался побывать на «острове Слез», а узнав в Амторге, что секретарь ЦК партии Азербайджана сидит на этом острове в карантине и не хочет покидать остров, пока не добьется поставленной цели, он заинтересовался этой поездкой вдвойне и захотел лично познакомиться с Ахундовым. Но как-то случилось, что Маяковский на остров не попал и их знакомство не состоялось.

Однако из рассказов об Ахундове у Маяковского сложилось очень высокое мнение о нем.

В 1928 году появилось стихотворение Маяковского «Помпадур». Поводом для него послужило газетное сообщение о том, что в вагоне-ресторане член ЦИК Союза Ахундов дал пощечину одному пассажиру. Вряд ли Маяковский запомнил, что речь шла о том самом Ахундове, которым он так заинтересовался, будучи в Америке. Да и в самом стихотворении он пишет:

Неизвестно мне,
в кого я попаду.

В стихотворении он дал красочный образ советского помпадур, но этот образ ничего общего не имел с виновником события, описанного в газете.

Однако такой случай действительно имел место. Какое-то замечание своего спутника по вагону Ахундов воспринял как национальное оскорбление и, не сдержавшись, ударил этого человека.

Газетное сообщение об этом давало, конечно, Маяковскому основание написать стихотворение. Сам Ахундов впоследствии очень жалел об этом инциденте, единственном в его жизни.

Ахундова высоко ценили Серго Орджоникидзе и С. М. Киров, считая его одним из лучших и подготовленных азербайджанских марксистов.

РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

Серго Орджоникидзе. Его приезд в Баку. — Знакомство с Камо.

Впервые о Серго Орджоникидзе я услышал в Баку весной 1917 года от Степана Шаумяна и Алеши Джапаридзе. Они работали с Серго в партийных организациях Закавказья еще до революции. Товарищи говорили о нем как о принципиальном и мужественном революционере, неутомимом организаторе масс. Уже тогда, из их рассказов, в моем представлении сложился яркий образ Серго, овеянный революционной романтикой.

Семнадцатилетним юношей в 1903 году, в год II съезда РСДРП, вступил он в партию и отдал ее делу всю жизнь. Самоотверженную подпольную работу вел Серго в Баку. Особенно большое значение в формировании Орджоникидзе как профессионального революционера имели его встречи с В. И. Лениным в 1911 году и лекции Владимира Ильича в школе партийных работников, организованной в местечке Лонжюмо, под Парижем. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская говорит об Орджоникидзе: «С тех пор он стал одним из самых близких товарищей».

Серго сыграл выдающуюся роль на общепартийной арене в период подготовки Пражской партийной конференции 1912 года. В качестве уполномоченного по созыву конференции он посещает Петербург, Москву, Киев, Ростов, Екатери-

нослава, Тифлиса, Баку и другие промышленные центры страны. В этих поездках в условиях острейшей борьбы с меньшевиками, троцкистами и примиренцами он проявляет огромное умение, спланировав местные партийные организации вокруг ленинской идеи общепартийной конференции. Конференция избрала Орджоникидзе в состав ЦК и Русского бюро ЦК. Возвратившись в Россию, он ведет большую работу по реализации решений конференции.

Однако вскоре царская охранка выследила его; он был осужден на каторгу и вечное поселение.

Из пятнадцати лет подпольной деятельности восемь лет провел Орджоникидзе в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Тюремные Тифлиса, Сухума и Баку, Шлиссельбургская крепость, сибирская и якутская ссылки не сломили железную натуру Серго, а явились университетами борьбы, еще более закалили его идейную убежденность. Ни разу он не отступил и не согнулся. Таким он был и в годы революции, и в годы гражданской войны — в Петрограде, на Украине, в Белоруссии, на Северном Кавказе, в Закавказье, — и в годы социалистического строительства.

Отвлекаясь несколько от хронологической канвы своих воспоминаний, хочу рассказать о Серго Орджоникидзе не только как о партийном и государственном деятеле, но как о человеке, вместе с которым я работал многие годы и оставался дружен до самой его смерти.

Серго был человек очень целеустремленный. Его душевный склад, взгляды — политические и философские, его поступки и образ жизни — все было едино, слитно, крепко сцентрировано...

Он хорошо разбирался в сложнейших политических и экономических вопросах. Был большим знатоком партийной политики и тактики, методов борьбы партии и рабочего класса. Невольно возникал вопрос: откуда это было у него? Ведь по образованию он был всего лишь фельдшер.

Мне кажется, что здесь и проявляется одна из наиболее ярких черт этого выдающегося человека. Будучи с детства весьма одаренным, Серго учился всегда — в ходе революционных событий, в жесточайшей борьбе существовавших тогда политических партий, в процессе преодоления внутрипартийных разногласий, в острых внутрипартийных схватках, в подпольных кружках, в упорной самообразовательной работе, при встречах с самыми разными людьми — личных, на собраниях, заседаниях, конференциях, съездах... Он жадно

глотал знания, прочно впитывая их в себя. Тюрьмы и ссылки тоже стали для него великолепным университетом жизни и знаний: я всегда поражался списку книг, которые Серго прочитал, находясь в Шлиссельбургской крепости.

Серго жадно любил жизнь, людей, борьбу. Он был человеком активного действия, интересовался всем. Поэтому его политические и теоретические взгляды были тесно связаны с непосредственным делом, которым он занимался всегда с большим увлечением.

Очевидно, именно поэтому Серго так ярко проявил себя в самые тяжелые годы борьбы нашей партии.

Конец 1918 года. В Баку пала Советская власть. В Закавказье вступили германо-турецкие войска: образовалось три буржуазных национальных государства, враждебных Советской России. На Северном Кавказе немцы и денкинцы открыли фронт против большевиков. Красная Армия, лишенная снабжения из центра, переживает огромные трудности: ряды ее тают, люди умирают от тифа, от недостатка питания. Армия вынуждена отходить в Астрахань, где была Советская власть, где еще было налажено кое-какое снабжение: оттуда можно было продолжать борьбу с врагом.

Орджоникидзе находился в это время во Владикавказе. Он — чрезвычайный комиссар Юга России и руководитель комитета обороны Терской области. Перед ним возникает вопрос: отступить ли ему вместе с войсками на Астрахань или остаться с местными партизанскими отрядами рабочих и горцев и продолжать борьбу здесь, на месте?

Серго решает остаться и сражаться до конца, хотя надежд на победу мало: в тылу — меньшевистская Грузия, враждебная Советской России, наступают озверелые банды белогвардейцев.

Однако честь революционера подсказывает Серго: надо остаться! Он посылает телеграмму Ленину: «Будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством».

В этих словах — весь Серго.

Прошло полгода, прежде чем он смог вернуться в Россию и проявить свой талант на других фронтах гражданской войны.

Когда же примерно через год он возвратился с частями Красной Армии на Северный Кавказ, горцы встречали его как своего народного героя. Доверие к нему с их стороны было безграничным...

Лодка «Туркменка» — одна из двенадцати, на которых бакинские коммунисты переправляли в Советскую Астрахань бензин. «Они шли на верную смерть. Много товарищей погибло тогда у нас. С великой горестью я вспоминаю о них...»

«Нам было заявлено, что мы арестованы по распоряжению английского штаба». Рапорт начальника сыскной полиции, куда А. И. Микоян и другие товарищи были помещены после ареста за организацию Бакинской забастовки в мае 1919 г.

Вх. № 1070 Суд. акт № 3
 М. Д. Г. ГУБЕРНАТОРА АСТРАХАНСКОЕ

ПАЧЕННЯКОВ, Михаил Иванович
 сыскной полиции
 № 1070
 г. АМУР.

Бакинский Инверсионный фонд
Зависимый капитал
С. С. К.
Коммунисты, в 1919

При сем представляю на рассмотрение ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА протокол дознания, выданный с постановлением следствия, о задержании лидеров Бакинского коммунистического МИКОЯНА, ИСАЕВА, АМАКСИНА, ЧУБАЕВА и МИКОЯНИНА. При этом доказываю, что Микоян и Чубаев арестованы по сообщению английского штаба, и не являются вредными элементами /близко стояли/.

Начальник Сыскной полиции *[Signature]*

«Товарищи Губанов и Рогов организовали знаменитую морскую экспедицию Баку — Астрахань (1919 г.). В одной из поездок Рогов трагически погиб».
Матрос Рогов.

«В октябре 1919 г. геройски погиб председатель ЦК Союза водников Федя Губанов. Его замучили и бросили в море денникины».

«Тов. Мирзоян, один из руководителей Бакинской забастовки в мае 1919 г., был арестован вместе с нами».

«Я знал Рухулу Ахундова со времен Бакинской коммуны. Отношения у нас сложились хорошие, доверительные».

«Великолепно сказал о Камо А. М. Горький: «Этот человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души». С. А. Тер-Петросян (Камо), 1922 г.

«В архивах жандармского управления чудом сохранилась фотография времен нашего пребывания в Тагиевской тюрьме летом 1919 г.». Сидят слева направо: А. Микоян, Ю. Фигатнер. Стоят слева направо: Б. Шеболдаев, Л. Гогоберидзе, А. Нуриджанян.

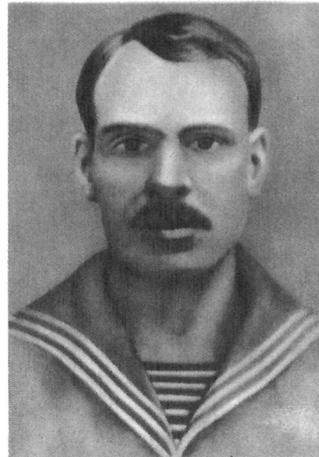
«С начала 1919 г. основной конспиративной квартирой бакинских большевиков стала квартира Каспаровых. Удивительная была эта семья.. Мария работала тогда техническим секретарем Кавказского крайкома партии».

«Осенью 1919 г. Роза Каспарова была схвачена белогвардейцами. Ее письма из тюрьмы поражают мужеством и стойкостью. 20 февраля 1920 г. ее повесили. В предсмертном письме к матери Роза писала:
«Счастье вернется к нам синей птицей...»»

«В числе присланных нам в помощь из центра большевиков был Гамид Султанов».

Т. И. Отраднеев. «Это был человек уравновешенный и рассудительный, имел за плечами многолетний опыт революционной борьбы».

«С. М. Киров во время осады Астрахани был тем лицом, которое вдохновляло отрезанных со всех сторон защитников Астрахани», — писал Серго Орджоникидзе. С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе. 1920 г.

В. И. Ленин на Красной площади 7 ноября 1919 г. «Осенью 1919 г. я был направлен Кавказским крайкомом партии в Москву, к Ленину. Тогда же состоялась моя первая встреча с В. И. Лениным».

«От Самары до Ташкента мы ехали больше месяца с М. В. Фрунзе, командовавшим тогда войсками Красной Армии в Средней Азии».

Е. Д. Стасова. «Елена Дмитриевна работала тогда в секретариате ЦК партии. О моем приезде она знала из телеграммы от С. М. Кирова. Деловитость, конкретность и сдержанность — таково было впечатление от беседы с ней. Я поразился ее необыкновенной трудоспособности».

В. В. Куйбышев. «Помню, как поразила меня тогда неутомимая деятельность Куйбышева по изучению положения, знакомству с людьми и трезвый подход к решению любого вопроса».

«Н. Ф. Гикало и А. Шарипов были руководителями горных партизан в Чечне в 1919 г.»

А. Шарипов.

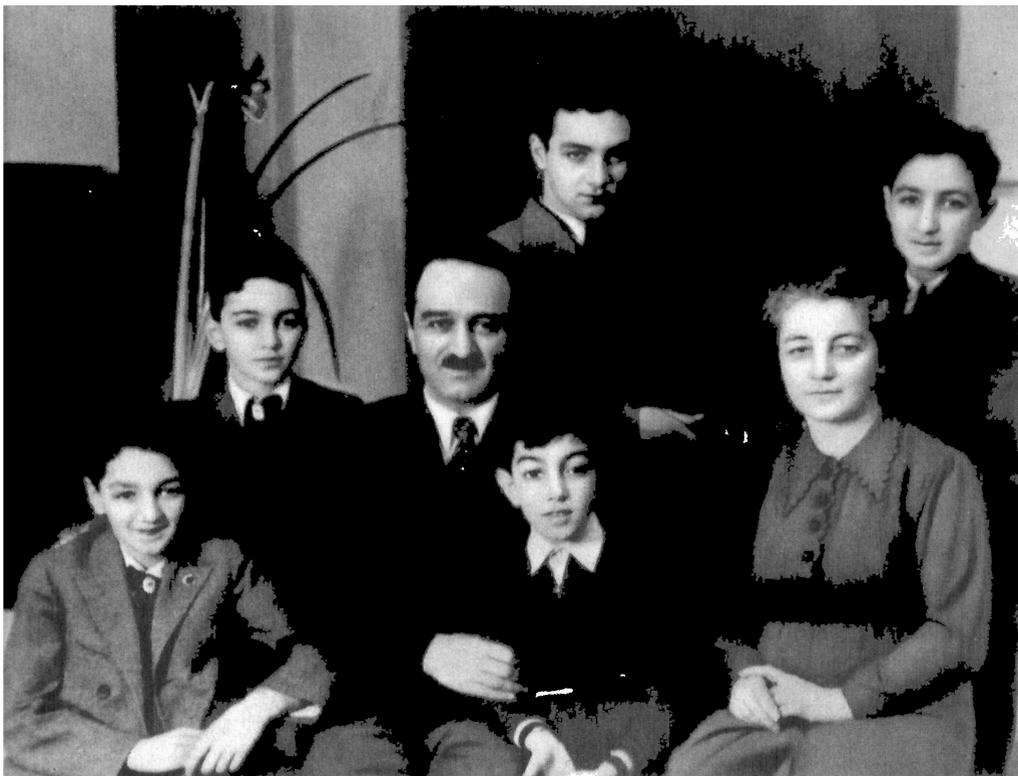
М. К. Левандовский, командующий 11-й армией. «Он запомнился мне как волевой командир. На вид был суровым человеком, но имел доброе сердце».

**Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, А. Я. Беленький
и Сережа Шаумян. 1927 г.**

С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, М. Г. Ефремов
у бронепоезда на ст. Баку, 1920 г.

А. И. Микоян с семьей. 1939 г.

Анастас Иванович Микоян и Артем Иванович Микоян. 1941 г.

В жизни Серго был очень интересным, я бы даже сказал, обаятельным человеком. Он не был прирожденным оратором, но обладал исключительным даром сразу вступать в тесный, прямо-таки душевный контакт с аудиторией и покорять ее своей искренностью, прямоотой и простотой.

Обычно спокойный и выдержанный, он становился, однако, неузнаваемым, когда ему приходилось сталкиваться с явной несправедливостью, интриганством или ложью. Тогда он закипал негодованием и яростью и мог совершить поступок, в котором потом искренно раскаивался.

Однажды один из местных уклонистов, некто Кобахидзе, позволил себе грубый выпад против Серго, обвинив его чуть ли не в коррупции. Он использовал для этого такой «факт»: когда Орджоникидзе вернулся на Кавказ, горцы в знак особой любви к нему и признательности подарили ему верховую лошадь. Серго по кавказскому обычаю принял подарок, но, не считая эту лошадь своей личной собственностью, поставил ее в конюшню Реввоенсовета, пользуясь ею, главным образом, для выездов на торжественных парадах (в те времена парады принимали не только командующие, но и члены реввоенсоветов, и я сам хорошо помню несколько случаев, когда Серго верхом на коне участвовал в таких торжествах). Как член Реввоенсовета, Орджоникидзе имел полное право на казенную лошадь. Подаренного ему коня он и считал такой казенной лошадейю (кстати, когда Серго уехал из Тифлиса, эта лошадь так и осталась на конюшне Реввоенсовета).

Кобахидзе же повернул все это дело по-своему.

Обвинить Серго — кристально честного и чистого человека — в коррупции было более чем чудовищным. Поэтому, услышав такое, Серго взорвался, и, не сдержавшись, залепил клеветнику пощечину.

Возникло «дело». Дзержинский, который по поручению ЦК партии занимался тогда этим, пришел к выводу, что Орджоникидзе не виновен.

Ленина возмутил поступок Орджоникидзе. Он писал: «...нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции)...»¹

В. И. Ленин осудил, как неправильную, оценку поступка Орджоникидзе со стороны Дзержинского и разъяснил со свойственной ему принципиальностью:

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 361.

«Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе, — писал по этому поводу Ленин, — Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин...»¹ (Кстати, вот еще один наглядный пример того, какие высокие требования предъявлял всегда Ленин к коммунистам, занимающим большие посты в партии и государстве.)

Серго был искренно удручен всем происшедшим и долго не мог успокоиться. Нисколько не умаляя своей вины, он писал ради выяснения истины, что инцидент этот возник не в результате политического спора с Кобахидзе, а вызван исключительно лично ему нанесенным оскорблением.

Еще один штрих, характерный для Орджоникидзе. Все мы знали, что у него большие почки. В то время было принято в особо сложных случаях обращаться за помощью к зарубежным специалистам. Не раз на этом настаивал В. И. Ленин. Ездил в Берлин и Серго. Знаменитый тогда профессор Борхарт подтвердил заключение советских врачей: надо было срочно удалить одну почку.

Было высказано предложение отправить и Серго для операции в Берлин. Но он наотрез отказался ехать, заявив, что будет оперироваться у своих, отечественных врачей, с которыми очень сблизился за время консультаций по поводу своей болезни. Особенно ему нравился (он в него прямо «влюбился», как об этом он сам говорил нам) один старый доктор, лейб-медик бывшего царя Федоров (из Ленинграда). Тогда этот Федоров был поистине одиозной фигурой: шутка ли сказать, лекарь царского двора, присутствовавший даже и при отречении Николая Романова от царского престола!

Однако Серго, хорошо узнав Федорова лично, поверил в него и без малейших колебаний согласился оперироваться.

Операция прошла успешно. Все были этим довольны: и сам Серго, и все мы, ну, конечно, и врачи, которые полюбили Серго за его открытую, широкую натуру. (Следует отметить, что страна узнала Федорова как великолепного врача именно через Серго; в 1933 году доктор Федоров был награжден орденом Ленина.)

Врачи выразили свои чувства к Серго весьма своеобразно: в процессе его лечения ими было создано новое лекарство,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 358.

которое давало прекрасные результаты в лечении почек. Это лекарство они назвали «сергозин» — в честь Серго и его супруги Зины. Насколько мне известно, это лекарство до сих пор находится на вооружении нашей медицины.

Хочу обратить внимание еще на одну особенность Серго: он не умел таить злобу, был очень отходчив, никому не мстил и никогда втайне не вынашивал запавшую ему в душу обиду.

Вспоминается эпизод, который произошел в 1921 году во время X съезда партии у меня на глазах, поскольку я сам был делегатом этого съезда.

Ко времени X партийного съезда в Закавказье сложилась очень напряженная политическая обстановка, связанная с советизацией Грузии, которая не позволила Серго выехать в Москву на съезд.

Надо сказать, что еще до X съезда нашу партию более двух месяцев лихорадила затеянная троцкистами дискуссия о профсоюзах. Образовались фракционные группировки со своими платформами, угрожавшие единству партии. Орджоникидзе, находясь на Кавказе, занял в этой дискуссии четкую позицию: он полностью был на стороне Ленина. Выступая в феврале 1921 года на III съезде Компартии Азербайджана с докладом о профсоюзной дискуссии, он блестяще разъяснил суть этой дискуссии и вскрыл антипартийность позиции Троцкого и Шляпникова. Съезд большевиков Азербайджана подавляющим большинством голосов поддержал платформу Ленина.

Орджоникидзе на X съезде не присутствовал, но речь о нем зашла в связи с обсуждением кандидатур в состав Центрального Комитета партии.

Несколько военных делегатов с Северного Кавказа неожиданно стали с мест выкрикивать возражения против кандидатуры Орджоникидзе. Сидели эти делегаты в последних рядах и шумели на весь зал. Один из них поднялся на трибуну и стал говорить, что, мол, Орджоникидзе кричит на всех, командует, не считается с местными работниками, а потому и не должен быть в составе ЦК.

Это демагогическое выступление оказало влияние на настроение делегатов, многие из которых к тому же не знали Орджоникидзе.

Выступавшим был политработник Врачев. Он хорошо мне запомнился, потому что лицо его было перевязано белой марлей, видимо из-за зубной боли.

Выступая на XIII партийной конференции, Врачев признал, что его отвод Серго на X съезде партии был сделан не по его личной инициативе, а под большим давлением фракции Троцкого, к которой он, Врачев, в те годы примыкал. Он рассказал, что во время работы X съезда партии участвовал в тайном совещании троцкистов — делегатов съезда, где и было принято решение об отводе из состава ЦК ряда товарищей — сторонников Ленина, в том числе и Орджоникидзе. (Впоследствии Врачев отошел от троцкизма, признал свои ошибки и занял правильную партийную позицию.)

В защиту Орджоникидзе выступил Сталин. Говорил он спокойно, тихим голосом. Привел биографические данные, рассказал о работе Серго в подполье, на фронтах гражданской войны и рекомендовал избрать его в ЦК. Было видно, однако, что ему не удалось убедить делегатов. Они продолжали шуметь.

Тогда в защиту кандидатуры Серго выступил Ленин. Он сделал, примерно, следующее заявление: я знаю товарища Серго давно, еще со времен подполья, как преданного, активного, бесстрашного революционера. Хорошо показал он себя в эмиграции, сыграл выдающуюся роль в подготовке Пражской конференции партии в 1912 году, был тогда избран членом ЦК. Вел активную работу в Петрограде в период подготовки и проведения Октябрьской революции. В гражданской войне он показал себя храбрым, способным организатором. Но в критике выступавших товарищей есть одно правильное замечание по адресу Серго. Это то, что он кричит на всех. Это верно. Он громко говорит, но вы, наверное, не знаете в чем дело. Он и со мной, когда разговаривает, так же кричит. Потому, видимо, что он глуховат на левое ухо, как-то особенно мягко и тепло сказал Ленин. Поэтому он и кричит — думает, что его не слышат. Но нельзя этот недостаток принимать во внимание...

Это вызвало улыбки и даже добродушный смех у делегатов. Стало ясно, что, поддержав кандидатуру Серго, Ленин отбил все атаки оппозиции против него. (Хотя в скобках надо заметить, что Ленин никогда не спускал Серго отдельные срывы, у него случавшиеся.) А ведь были серьезные опасения, что окажется много голосов против. После выступления Ленина при тайном голосовании Орджоникидзе получил подавляющее большинство голосов. Как и Дзержинский, он получил 438 голосов из 479 (один только Ленин был избран

единогласно) — больше, чем ряд других тогдашних видных членов ЦК.

Помню, как поразила меня тогда наблюдательность Владимира Ильича. Я тоже замечал, что Серго слышит хуже других, но не знал, что он глуховат именно на левое ухо.

Вскоре после того, как делегаты съезда разъехались по местам, Орджоникидзе узнал от одного из них (В. А. Сутырина, работавшего тогда заместителем начальника Политуправления Кавказской армии) о выступлении на съезде Врачева. Однако, как и следовало ожидать, никакой злобы против Врачева Серго не затаил.

Произошло нечто совсем другое. Летом 1922 года Серго вместе с Элиавой и еще кем-то третьим (фамилии его я не помню) был командирован ЦК в Среднюю Азию для проверки состояния дел, в частности борьбы с басмачеством. Там он встретился с Врачевым, в ту пору работавшим членом Военного совета Туркестана.

Как рассказывал потом Врачев, комиссия Орджоникидзе очень объективно ознакомилась с их работой и никаких особых замечаний лично в его адрес не сделала. Больше того, в конце 1922 года Серго поставил вопрос о переводе Врачева в Тифлис, членом Революционного военного совета отдельной Кавказской армии, в составе которого находился и сам Орджоникидзе.

Врачев говорил, что вскоре его вызвали в Москву, в ЦК партии. Принял его Сталин. Спросил, не возражает ли он против перевода. Врачев дал свое согласие. Тогда Сталин, не без иронии, спросил у него: а не будет ли он вновь делать отводы Орджоникидзе? Врачев ответил, что, конечно, не будет, потому что теперь он хорошо узнал Орджоникидзе и глубоко его уважает.

Вообще надо сказать, что относились плохо к Серго только те люди, которые, мало или почти совсем не зная его лично, слишком доверчиво прислушивались ко всякого рода враждебным или просто обывательским слухам, нередко распространявшимся в определенных кругах вокруг имен видных работников.

Тот же В. А. Сутырин рассказывал, что в середине 20-х годов, направляясь в Москву, он ехал в вместе с Серго в одном купе поезда. На какой-то остановке, выйдя на перрон, Сутырин купил в книжном киоске недавно тогда вышедшую и мало еще кому известную книжку А. Серафимовича «Железный поток», а вернувшись в купе, предложил ее для прочте-

ния Серго, сказав, что сам он повесть эту уже прочитал и она ему очень понравилась.

Услышав фамилию автора книги, Серго несколько раздраженно (как показалось тогда Сутырину) сказал, что читать эту книгу он не будет. На вопрос Сутырина «Почему?» Орджоникидзе ответил: «А потому, что считаю автора этой книги нехорошим человеком!»

Позднее выяснилось, что Серафимович в начале 20-х годов был послан корреспондентом «Правды» на Кавказ, где Серго работал тогда как представитель центра, наделенный огромными правами и полномочиями Советского правительства.

Обстановка на Кавказе была очень сложной. Не разобравшись как следует в этой обстановке и во всех тонкостях острой классовой борьбы, которая шла в ту пору на Кавказе — большом многонациональном крае, Серафимович поддался, к сожалению, влиянию всякого рода слухов и, не проверив их лично, несправедливо оговорил Серго перед Лениным в письме, посланном в Москву, приписав Орджоникидзе поступки, которых тот не совершал.

Серго, как человек предельно честный, правдивый, сам очень чуткий и внимательный к людям, остро ненавидевший несправедливость, оговоры, был искренне обижен таким отношением к себе со стороны писателя.

К счастью, конфликт этот, к обоюдному удовлетворению сторон, был через некоторое время ликвидирован. Видя, как растет в стране всеобщее уважение и любовь к Серго, Серафимович понял, что был глубоко неправ в своих поспешных выводах в отношении Орджоникидзе. В конце 1928 года он обратился к Серго с таким письмом:

«Тов. Орджоникидзе.

Уважаемый товарищ,

по отношению к Вам несколько лет тому назад я сделал большую несправедливость.

Все, с кем я о Вас говорил, в один голос, — даже лица, боровшиеся с Вами, — отзывались: тов. Орджоникидзе — один из самых преданнейших революционеров, честнейший партиец. Я присматривался и следил все время за Вашей политической работой, и у меня все больше нарастало сознание совершенной ошибки и несправедливости.

Недавно я встретил Вас в Кремле, и опять больно кольнуло: вот товарищ с незаслуженной с моей стороны великой несправедливостью по отношению к нему.

И это я должен Вам сказать.

С коммунистическим приветом

А. Серафимович»,

7.XII.28.

Письмо это достойно характеризует, конечно, не только Орджоникидзе, но и самого Серафимовича. Честный писатель не мог успокоиться, пока не написал Орджоникидзе и не признал перед ним своей невольной ошибки. После этого старое было забыто.

Работая еще в Нижнем Новгороде, я часто встречался с Серго на партийных конференциях, пленумах и совещаниях в ЦК партии, на съезде Советов. В марте 1922 года мы встретились с ним на XI съезде РКП(б). В работе этого съезда еще участвовал Владимир Ильич, но здоровье его к тому времени уже сильно пошатнулось, врачи требовали лечения и отдыха. Да Ленин и сам это хорошо понимал.

Принимая близко к сердцу состояние здоровья Ленина, Серго убеждал его поехать на Кавказ, чтобы отдохнуть там и подлечиться. И кажется, даже уговорил. Во всяком случае, они условились с Ильичем о плане такой поездки. По этому поводу сохранилось несколько записок Ленина к Орджоникидзе. В одной из них он писал: «...черкните мне, пожалуйста, пару слов, чтобы я знал, что мы договорились вполне и что «недоразумений» не будет.

Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом.

Вам, при Вашей занятости, вероятно, никак не удастся самому выполнить то, о чем вчера говорили, да и не рационально, конечно, Вам за это браться. Найдите человека исполнительного и внимательного к мелочам и поручите ему (тогда и ругать мне будет приятнее *не Вас*, кстати сказать)»¹.

Ленин сообщал также, что через месяц он будет ждать от Серго «подробной карты и сведений о пригодном месте (или пригодных местах) — высота над уровнем моря, *изоляция* и пр. и т. д.; также описания этих мест и тех уездов и губерний, где они находятся»². В других записках к Серго по этому поводу он сообщает, что с ним просится поехать Камо и что он с этим согласен³, проявляет заботу о том, чтобы выбранное место подошло не только для него, но и для Надежды Константиновны, и что с этой точки зрения «боржом очень годится»⁴. Однако осуществить поездку на юг Владимиру Ильичу так и не удалось.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 229.

² Там же.

³ Там же, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 242.

Встречи с Орджоникидзе стали у меня более частыми после моего переезда (в мае 1922 года) в Ростов, куда я был назначен секретарем Юго-восточного бюро ЦК РКП(б). Я, естественно, интересовался тогда работой Серго и вообще делами закавказских компартий, поскольку мы «жили» рядом: многие северокавказские проблемы перекликались и были родственны аналогичным проблемам Закавказья. Для практического решения многих проблем Северного Кавказа мне важно было изучить опыт работы закавказских республик. Встречи и беседы с Серго были особенно полезны для меня, потому что он лучше меня знал Северный Кавказ, Дагестан. Обычно, когда приходилось ехать в Москву на пленумы ЦК партии, на съезды Советов, мы с Ворошиловым (который также работал тогда в Ростове) присоединялись к Орджоникидзе и Кирову, проезжавшим через Ростов. Ехали мы в одном вагоне и обратно возвращались тоже вместе. В этих поездках всегда происходили дружеские, душевные разговоры, оживленный обмен мнениями, как это всегда бывает между близкими товарищами по работе.

Тогда на Северном Кавказе возникало много сложных национальных, сословных и других проблем, вызывавших трения и острые конфликты. Ориентироваться во всех этих вопросах мне было довольно трудно, особенно в начале работы на Северном Кавказе, а Серго работал в этом крае почти все годы гражданской войны и непосредственно после победы, накопил богатый опыт, хорошо знал местные кадры, в частности товарищей, которые нередко довольно остро конфликтовали. Авторитет Серго среди северокавказских партийных и советских работников был высок, они внимательно и с доверием прислушивались к его голосу. Поэтому я пользовался малейшей возможностью встречи и связи с Серго, чтобы посоветоваться с ним по тому или другому сложному вопросу.

В июле 1926 года на пленуме ЦК ВКП(б) кандидатами в члены Политбюро были избраны Орджоникидзе, Киров и я. Все мы работали до этого на Кавказе. Киров сразу после пленума был направлен в Ленинград секретарем обкома партии: нельзя было больше терпеть во главе ленинградской организации Зиновьева, который превращал один из основных отрядов партии в оплот оппозиции.

Кандидатура Кирова была очень подходящей. И, как показали последующие годы, он полностью справился с возложенными на него задачами. Он сумел повернуть в Ленинграде партийную жизнь на правильный путь и сохранить для

партии многие тысячи коммунистов, которые были сбиты с толку Зиновьевым. Ленинградская организация снова стала верной опорой ЦК партии, носителем ленинских идей.

В борьбе с влиянием зиновьевской оппозиции в Ленинграде сыграл свою положительную роль также и Орджоникидзе. Во время XIV съезда партии группа членов ЦК, в том числе Серго, Киров и я, выезжали в Ленинград, где мы выступали на собраниях партийных активов в защиту линии ЦК, против оппозиции.

Вскоре после июльского (1926 года) пленума ЦК было принято решение назначить меня наркомом внешней и внутренней торговли, освободив от обязанностей секретаря Северокавказского крайкома партии. (История о том, как я стал наркомом, довольно любопытна; но о ней я расскажу позднее.)

Некоторое время спустя ЦК принял решение перевести Орджоникидзе из Закавказья на Северный Кавказ, на пост секретаря Северокавказского крайкома партии. Против его перевода в Ростов в ЦК поступил протест от членов Закавказского крайкома партии, настаивавших на оставлении Серго в Закавказье. Сталин, однако, настоял на своем, и ЦК оставил в силе прежнее решение. Орджоникидзе, как я позднее узнал, также считал, что ему следует продолжать работу в Закавказье, но протеста в ЦК не подавал и после решения о своем новом назначении выехал в Ростов.

Уже тогда было очевидно, что если и надо было перевести Серго из Закавказья, то, конечно, только на руководящую всесоюзную работу, к которой он был тогда уже вполне подготовлен. Так и получилось. Не прошло и двух месяцев, как Политбюро приняло новое решение — выдвинуть Орджоникидзе на пост народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции и председателя Центральной контрольной комиссии партии. Этот пост был фактически свободен в течение трех месяцев, поскольку после смерти Дзержинского (в июле 1926 года) нарком РКИ В. В. Куйбышев был назначен председателем ВСНХ.

Кандидатура Орджоникидзе на пост председателя ЦКК утверждалась на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в ноябре 1926 года. Несмотря на наличие в составе ЦК и ЦКК многих оппозиционеров, в том числе и их лидеров, никто из них против Серго не выступил и он был избран председателем ЦКК лишь при одном голосе против и шести воздержавшихся.

Это новое назначение было очень удачным и полезным

для партии. Серго, будучи всегда последовательным сторонником ленинской политики и решительно борясь с оппозицией, умел проявлять необходимую терпимость к заблуждавшимся; он не любил «с кондачка» отсекал таких людей от партии. Исходя из духа идей Ленина, из его указаний о единстве рядов партии, Серго старался возможно объективнее рассмотреть тот или иной вопрос, не обостряя без особой нужды разногласий, не допуская образования различных платформ, всеми силами борясь против раскола в партии.

Широкие слои партии были довольны, что такой человек, как Орджоникидзе, находится во главе ЦКК. В то время в некоторых организациях очень увлекались поспешным исключением из рядов партии даже старых коммунистов, которые в результате заблуждения пошли за оппозицией. Серго Орджоникидзе и вся ЦКК (президиум ЦКК состоял из старых, проверенных большевиков, преданных делу единства партии) часами убеждали таких коммунистов в их неправоте. В большинстве случаев это им удавалось, — правда, лишь в отношении средних и низовых руководящих работников, что же касается лидеров оппозиции, то «переделать» их было уже невозможно.

Орджоникидзе страстно боролся с оппозицией. На XV партийном съезде он говорил: «Революция, товарищи, не шуточное дело. Если только начать расшатывать партию, которая ведет революцию, то всякую революцию можно загубить. Об этом много раз говорил Владимир Ильич. И мы не имеем никакого права допустить, чтобы нашу партию и нашу революцию расшатывали. А действия оппозиции как раз к этому ведут»¹.

В 1929 году на V Всесоюзном съезде Советов был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Встала задача мобилизовать все силы для осуществления программы индустриализации страны. Серго ждала новая работа: в ноябре 1930 года он был назначен председателем ВСНХ.

В ходе выполнения пятилетнего плана стали ясны сложности и трудности управления бурно растущей промышленностью в новых условиях. Было решено выделить из ВСНХ и организовать самостоятельные наркоматы легкой и лесной

¹ «XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.». Стенографический отчет, т. I. Госполитиздат, 1961, стр. 436.

промышленности, а также передать пищевую промышленность наркомату снабжения. Остальная часть ВСНХ — все отрасли тяжелой промышленности — вошла в наркомат тяжелой промышленности. Наркомом стал Орджоникидзе.

Страна приступила к строительству гигантов черной металлургии, мощных шахт, новых машиностроительных заводов. Важнейшей задачей стала подготовка кадров производственно-технической интеллигенции, способных освоить передовую технику и обеспечить необходимые формы хозяйственного руководства предприятиями.

И Серго внес огромный вклад в решение этих задач.

Авторитет государственного и партийного деятеля, которым он пользовался у всей партии, его личное обаяние во многом способствовали тому огромному подъему творческих сил работников тяжелой промышленности, который и создал предпосылки для выполнения и перевыполнения пятилетнего плана.

Надо сказать, что работники тяжелой промышленности очень гордились своим наркомом. Вскоре в партии за Серго утвердился почетный титул командарма тяжелой промышленности; право на это он доказал всей своей деятельностью.

Серго умел подбирать талантливых людей, особенно из молодежи, оказывая им всяческую поддержку, проверял и подтягивал, когда они ошибались.

По его рекомендации молодого инженера коммуниста Завенягина назначили директором крупнейшего Магнитогорского металлургического комбината. Позднее Завенягин стал заместителем председателя Совета Министров. К числу его выдвиженцев относится и молодой тогда инженер-металлург Тевосян, который был назначен им на пост руководителя треста «Спецсталь», а впоследствии стал министром черной металлургии и тоже заместителем председателя Совета Министров СССР.

Серго заметил и Лихачева, талантливого организатора, ставшего директором Московского автозавода, а затем наркомом.

Большое значение придавал Серго рационализаторам, интересную инициативу он всегда выносил на всесоюзную арену. Известна его роль в развитии стахановского движения. Движение, начавшееся в угольной промышленности, захватило все другие отрасли хозяйства. Серго умел поднимать энтузиазм народных масс, направлять его на решение практических, конкретных задач.

Уделяя главное внимание развитию тяжелой промышленности, Серго не упускал из поля зрения и нужды непосредственно народного потребления. В тот период становилась на путь коренного технического перевооружения пищевая промышленность. Она остро нуждалась в соответствующем оборудовании и машинах. Орджоникидзе оказывал в этом неоценимую помощь, и мне, руководившему в те годы пищевой промышленностью, не раз приходилось пользоваться его энергичной поддержкой в практическом решении вопросов пищевого машиностроения.

Серго неустанно внушал, что повседневный труд на предприятиях — дело не обыденное, а величественное, вдохновляющее. Он упорно боролся за культуру производства, за чистоту в заводских дворах и цехах, за лучшую организацию рабочего места, за внедрение и развитие хозрасчета, за повышение рентабельности производства. В замечательных починах современных новаторов живет начатое им дело, в которое он вложил свой ум, свою душу, свой организаторский талант.

В заключение, мне хотелось бы еще раз указать на исключительные качества Серго как товарища. Он трудно сходился с людьми, но дружил по-настоящему, умея всегда проявить какую-то по-особенному любовную заботу о товарищах.

Недавно я познакомился с одним еще не опубликованным письмом, которое Орджоникидзе направил 13 февраля 1928 года К. Е. Ворошилову, бывшему тогда наркомом обороны. В этом письме Серго просил, в связи с предстоящим награждением участников гражданской войны, представить к награде восемь участников борьбы на Кавказе, которые, по его мнению, заслужили награды, но не были в свое время отмечены.

В их числе был и Сергей Миронович Киров, которому Серго посвятил в этом письме такие строки: «...он тебе известен не меньше, чем мне. Тем не менее скажу несколько слов о нем. С. М. Киров во время осады Астрахани был тем лицом, которое вдохновляло отрезанных со всех сторон защитников Астрахани. В 1920 году по приказу РВС Кавфронта Киров на нашей старой галоше летит из Астрахани в Святой Крест и двигается с войсками на Северный Кавказ. В 1921 году Киров во время нашего движения на меньшевистскую Грузию сам сопровождал через Мамиссонский перевал, где войска расчищали себе дорогу в снегу 1½ сажень глубиной. Только присутствие Кирова могло вдохновить почти полураздетых и босых красноармейцев на такой подвиг».

Из этого документа я впервые узнал также, что именно Орджоникидзе представил и меня в числе других товарищей к награждению боевым орденом Красного Знамени за участие в вооруженной борьбе за Советскую власть в Баку. Ни Серго, ни другие товарищи никогда мне об этом не рассказывали. Сам Орджоникидзе был награжден орденом боевого Красного Знамени весной 1921 года, когда были закончены бои гражданской войны и страна развернула мирное социалистическое строительство.

Можно было бы привести множество примеров, подтверждающих, каким выдающимся политическим и государственным деятелем ленинского типа был Серго Орджоникидзе. Все это довольно широко известно. Поэтому мне хотелось подчеркнуть в своих воспоминаниях, что Серго был и выдающимся человеком. Говоря словами Горького, Человеком с большой буквы.

Это был преданный, поистине благородный Рыцарь революции, убежденный знаменосец большевистской правды. Он любил говорить: «Партийность — прежде всего и раньше всего». Обращаясь к молодым тогда командирам нашей промышленности, он учил их «ни на секунду не успокаиваться на достигнутом, ни на секунду не зазнаваться, ибо зазнайство, товарищи, только выражение невежества».

Имя Серго всегда пользовалось огромным авторитетом и популярностью в партии и народе. Это — светлое имя в истории нашей Коммунистической партии, в истории Советского государства.

* *
*

Однако возвращаюсь к воспоминаниям 1919 года.

В мае этого года нами, бакинскими коммунистами, работавшими в подполье, было получено сообщение из Тифлиса от Закавказского краевого комитета партии, что находящийся там Орджоникидзе намерен пробираться в Москву. Путь в Москву тогда был единственный — через Баку и дальше морем на Астрахань, где держалась Советская власть и где руководство — политическое и военное — возглавлял Сергей Миронович Киров.

В Тифлисе Серго оказался после того, как в январе 1919 года наша 11-я армия, ведя ожесточенные бои на Северном Кавказе с превосходящими силами деникинской «добровольческой армии», вынуждена была отступить. Основные

красноармейские части 11-й армии во главе с командующим Левандовским ушли в калмыцкие степи и Астрахань. Другие во главе с Орджоникидзе героически сражались до последнего патрона в предгорьях Кавказа и прошли в горы. В горных аулах Серго сколачивал партизанские отряды из ингушей и осетин, а в начале мая через Кавказский хребет и труднодоступные Хевсурские горы перебрался в Тифлис.

В Баку Серго приехал с женой, Зинаидой Гавриловной, неразлучной своей подругой на фронтах гражданской войны и в дальнейшей жизни. Поженились они еще в якутской ссылке, и близкие их друзья называли ее просто Зиной.

С ними также приехала, направляясь в Москву, жена погибшего бакинского комиссара Алеши Джапаридзе — большевичка Варвара Михайловна. Более полугода она с группой бакинских товарищей томилась в закаспийских тюрьмах. Она ехала в Москву, где находились две ее дочери — Елена и Люция, эвакуированные из Баку вместе с женой и младшими детьми Степана Шаумяна незадолго до падения Советской власти в 1918 году.

Приехал с ними и легендарный Камо (С. А. Тер-Петросян), профессиональный революционер, который собирался в Москву, к Ленину. У него было много планов боевых действий, которые он хотел доложить Ленину, чтобы получить его одобрение. Он мечтал, например, с группой товарищей пробраться в расположение деникинского штаба и взорвать его. Орджоникидзе любил Камо и три года спустя тяжело переживал его гибель. Выступая 18 июля 1922 года от имени ЦК РКП(б) на похоронах Камо, Серго так разволновался, что едва мог говорить, и мало что удалось записать. «Дорогой Камо! — говорил Серго. — Встретился я с тобой 18 лет назад. Я был молод. Ты считал своим долгом разъяснить мне, как стать большевиком, как бороться за интересы пролетариата...»¹

Пребывание Орджоникидзе в Баку было организовано по всем правилам конспирации. Из наиболее проверенных членов Союза молодежи была создана его охрана. На конспиративных квартирах каждый вечер устраивались встречи Серго с узким кругом партийных работников. Мы подробно информировали его о положении дел и о своих планах; ко всему этому он проявил живой интерес. К тому же он хотел собрать

¹ Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи, т. I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 241.

побольше свежей информации, чтобы рассказать в ЦК, Ленину, о положении в Баку и во всем Азербайджане.

Для нас тогда очень важно было узнать мнение Орджоникидзе по поводу большого политического спора, который шел у нас с тифлисскими коммунистами по вопросу о государственном устройстве Азербайджана, Грузии и Армении как национальных государств.

Орджоникидзе отнесся к нашему спору с большим вниманием и одобрил нашу позицию. Мы были рады этому, особенно в связи с тем, что он направлялся в Москву и мог там защитить нашу точку зрения.

Я спросил Серго, знали ли грузинские меньшевики, стоявшие в то время у власти, о его пребывании в Тифлисе и не пытались ли его арестовать. Он ответил улыбаясь, что им, конечно, было известно о его приезде. Курьезным было то, что лидер меньшевиков Ной Жордания, которого Орджоникидзе хорошо знал еще во времена царизма, счел нужным околным путем передать Серго, чтобы он не появлялся на улицах, так как его могут арестовать англичане. Это надо было понять так, что сами меньшевики арестовывать его не собираются, но и препятствовать аресту тоже не будут.

Наши встречи с Серго и другими партийными товарищами происходили главным образом по ночам, с соблюдением больших предосторожностей, на моей нелегальной квартире, где я укрывался после побега из тюрьмы. Один раз мы собирались на конспиративной квартире Каспаровых.

Серго с удовольствием вспоминал то время, когда он впервые прибыл в Баку для партийной работы. Это было в начале 1907 года, тогда ему шел 21-й год. Со всей энергией он отдавался тогда партийной работе среди промысловых рабочих, сочетая ее со службой фельдшера медицинского пункта на промыслах Асадулаева. В бурной революционной борьбе бакинского пролетариата Серго получил настоящую большевистскую закалку и всегда хранил теплую привязанность к этому рабочему центру.

Он рассказывал нам тогда, как он, по заданию Ленина вернувшись из-за границы в Россию, добился созыва в Баку Российского совещания большевистских организаций, которое должно было избрать Организационную комиссию по созыву Пражской партийной конференции. С особым чувством вспоминал об активном участии в этом совещании Степана Шаумяна.

После арестов в Баку, вспоминал Серго, Российское сове-

щение было переведено в Тифлис, где продолжалось на квартире Е. Д. Стасовой. Там-то и было принято решение об Организационной комиссии по созыву Пражской конференции и установлен порядок выборов делегатов на эту конференцию. Из Тифлиса Серго возвратился в Париж как полномочный представитель этой Организационной комиссии, а на Пражской конференции выступил с отчетом о проделанной работе, получившим одобрение всех делегатов и особенно Ленина.

Помню, что в ответ на наши вопросы Серго подробно рассказал, как произошло поражение 11-й армии на Северном Кавказе и временное падение там Советской власти в начале 1918 года.

Чувство скромности не позволило Серго рассказать тогда нам о том, как было тяжело воевать в горах Ингушетии и перебираться через Кавказский хребет. Но мы и сами хорошо понимали, чего это ему стоило.

В один из вечеров мы устроили встречу Серго с группой азербайджанских социалистов, имевших своих представителей в парламенте. Помню, на этой встрече были Али Гейдар Караев, Мирза Давуд Гусейнов, Самед Агамали-оглы. Эти товарищи вели большую работу на пользу нашей партии, и мы высоко ее ценили.

Товарищи ознакомили Орджоникидзе с обстановкой в парламенте, в мусаватском правительстве, в районах Азербайджана, рассказали о работе, которую они вели по плану, разработанному совместно с Бакинским бюро краевого комитета партии. Серго был очень доволен этой встречей.

Он пробыл в Баку четыре дня. 13 июня днем он с группой товарищей отплыл на рыбацком баркасе. Судьбу Серго мы решили доверить Рогову — опытному, отважному моряку, испытанному коммунисту. Надо сказать, что к тому времени мы уже меньше опасались провалов таких перевозок. «Морские экспедиции», руководство которыми возглавлял Довлатов, были поставлены хорошо.

Все же, конечно, мы очень волновались, пока не узнали — более чем через четыре недели, — что путешествие прошло благополучно. Добирались они до Астрахани около десяти дней при штормовой погоде. Такая погода была с точки зрения безопасности наиболее подходящей: деникинские корабли, базировавшиеся в Петровске, укрывались в порту. В тихую погоду нашим лодкам приходилось прятаться от деникинцев в глухих заливах вдоль берегов Закаспия.

Рогов позже рассказывал, что Серго, подверженный морской болезни, очень тяжело переносил шторм. Это плавание настолько его измотало, что он даже думал высадиться на берег, но товарищи убедили его, что это невозможно: на берегу хозяйничали белогвардейцы.

* *
*

Раза два был у меня в те дни Камо. Тогда я впервые с ним близко познакомился, хотя и до этого знал уже о некоторых его героических делах и о том доверии, которым он пользовался у Ленина.

В жизни Камо был очень скромным человеком, держался просто, о себе рассказывать не любил.

Недавно, перечитывая Горького, я обратил внимание на его великолепный очерк о Камо, которого Алексей Максимович хорошо знал лично.

Еще до встречи с ним Горький слышал о Камо много самых удивительных и легендарных рассказов. Даже в героические дни первой русской революции (когда писатель впервые узнал о существовании Камо) ему с трудом верилось, что этот «человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души».

Писателю, немало повидавшему в жизни и к тому же наделенному богатой творческой фантазией, всегда казалось, что, если написать о Камо все то, что он о нем знал, «никто не поверит в реальное существование такого человека, и читатель примет образ Камо как выдумку беллетриста».

Выходец из рабочей среды, теоретически не очень сильно вооруженный (и, кстати, всегда болезненно сознававший это), Камо был стихийным, прирожденным и к тому же непоколебимым революционером, беззаветно, до конца преданным своему партийному долгу. Революционная работа, как справедливо говорили о нем знавшие его люди, была для него необходима «как воздух и хлеб».

Смелость Камо не знала границ. Очень верно говорил о нем Л. Красин: «Иногда кажется, что он избалован удачами и немножко озорничает, балаганит. Но это у него... не от легкомыслия молодости, не из хвастовства и не от романтизма, а из какого-то другого источника. Озорничает он очень серьезно, но в то же время как бы сквозь сон, не считаясь с действительностью...»

Можно привести бесчисленное количество примеров дерзостной смелости Камо. Однако, пожалуй, самым изумительным его подвигом была симуляция сумасшествия, к которой он прибег, после того, как, находясь — по поручению партии — в Берлине, он был выдан правительством Вильгельма II жандармам русского царя, закован ими в цепи и помещен в Тифлисскую психиатрическую больницу. Он фантастически симулировал свое якобы безумие в течение почти трех лет, ввел в заблуждение самых опытных врачей-психиатров и в конце концов, обманув всех своих охранников, все же бежал из больницы.

А. М. Горький дает очень верный портрет Камо, которого он увидел в 1920 году: «Крепкий, сильный человек, с типичным лицом кавказца, с хорошим, очень внимательным и строгим взглядом мягких, темных глаз, он был одет в форму бойца Красной Армии..»

Сразу стало понятно, что расспросы о революционной работе надоели ему и что его целиком поглощает другое. Он готовился поступить в военную академию...

Совершенно невозможно было соединить все, что я знал о легендарной дерзости Камо, о его сверхчеловеческой воле, изумительном самообладании, с человеком, который сидел передо мной за столом, нагруженным учебниками.

Невероятно, что, пережив такое длительное напряжение сил, он остался таким простым, милым товарищем и сохранил душевную молодость, свежесть, силу.

Он еще не изжил в себе юношу и юношески романтично был влюблен в хорошую женщину... О своем романе он говорил с тем лиризмом страсти, который доступен только здоровым, сильным и целомудренным юношам...

С такой страстью, как о своей любви к женщине, он говорил о необходимости поехать за границу, работать там.

— Просил Ильича: «Отпусти, я буду за границей полезный человек!»

— «Нет, сказал, учись!» Ну, что ж? Он знает. Такой человек! Смеется, как ребенок. Ты слышал, как смеется Ильич?

Улыбнулся ясно и снова потемнел, жалуясь на трудности постижения военной науки...

Был он своеобразно красив, особенной, не сразу заметной красотой...

Для меня Камо, — писал далее Горький, — один из революционеров, для которых будущее — реальнее настоящего. Это вовсе не значит, что они мечтатели, нет, это значит, что сила

их эмоциональной классовой революционности так гармонично и крепко организована, что питает разум, служит почвой его роста, идет как бы впереди его.

Вне революционной работы вся действительность, в которой живет их класс, кажется им чем-то подобным дурному сновидению, кошмару, а реальная действительность, в которой они живут, — это социалистическое будущее».

Прошу прощения за столь длинную цитату, но я считаю, что Алексей Максимович очень уж точно здесь охарактеризовал личность Камо, лучше не скажешь!

Тогда, при нашей встрече, Камо очень интересовался тем, как нам удалось организовать Советскую республику на Мугани. Он все сомневался: «Как это вы доверяете всем этим товарищам, ведь они находятся в окружении белогвардейцев, могут изменить, могут оказаться предателями, могут струсить».

В одной из бесед он даже сказал мне: «Хочешь, я останусь здесь, не поеду с Серго? Пошлите меня в Ленкорань для проверки руководящих кадров». И предложил такой план. Он поедет в Ленкорань нашим уполномоченным с группой товарищей, но переоденется в белогвардейскую форму. Ночью неожиданно он захватит ленкоранских руководящих товарищей и поведет их якобы на расстрел. Если кто из них струсит, начнет просить пощады или выдавать, то он их расстреляет, а тех, кто будет держаться стойко, оставит; тогда, говорил Камо, можно абсолютно быть уверенным, что люди прошли проверку и не подведут.

Я не хотел затевать с ним спора, хотя такой «метод» проверки людей отвергал начисто. Я сказал ему: «Всех этих товарищей я хорошо знаю. Мы доверяем им полностью, тем более что уже было немало случаев, когда они проявили себя боевыми, преданными большевиками. К тому же такой метод проверки не вызывается необходимостью и был бы оскорбительным для наших товарищей».

Камо был явно разочарован и очень жалел, что ему не удалось выполнить свой план. Помню, что он рассказывал мне тогда о многих своих планах, которые собирался предложить Ленину. Камо хотел иметь свой отряд для диверсионной работы в тылу Деникина, у него был готовый план этой «операции». Камо сказал мне по этому поводу: «Еду в Москву за поддержкой и благословением».

Хотя в тот раз план его я не принял, мы остались хорошими друзьями. Да, собственно говоря, Камо тогда со мной

много и не спорил. Он был глубоко убежден в правильности своего предложения. Я его не переубедил. И он был искренне огорчен тем, что я не понял и не принял его предложения.

Впоследствии, когда Камо получил в Москве согласие на организацию отряда для проведения диверсий против Деникина и его штаба, он подобрал нужных ему людей, и вот тогда, желая проверить всех этих людей, он применил к ним тот самый «метод», который я отверг.

Специальная группа близких Камо людей, переодетая в форму белогвардейских солдат и офицеров, неожиданно напала где-то в лесу на его отряд во время учебных занятий. Бойцы отряда были разоружены и поставлены в один ряд — якобы для расстрела тех, кто из них окажется коммунистом. Тем же, кто «раскается» или объявит себя противником коммунистов, была обещана пощада.

Однако в отряде трусов не нашлось. Но зато один заявил, что является агентом Пилсудского, отпорол подкладку френча и вытащил оттуда соответствующий документ.

Камо был очень доволен, что ему удалось таким образом обнаружить предателя. Потом, рассказав, в чем дело, Камо стал обниматься с остальными людьми из отряда как с истинными друзьями. На одного из них вся эта «операция» так сильно психически подействовала, что он тяжело заболел, — это был Федор Аллилуев, сын видного большевика Сергея Аллилуева.

Когда Ленину стал известен этот «метод» проверки людей, он очень рассердился на Камо.

В конце сентября 1919 года мы получили от С. М. Кирова шифрованное письмо, в котором он сообщал, что к нам предполагается приезд товарища Камо. Как потом мы узнали, он ехал для организации взрыва деникинского штаба. Наша задача состояла в том, чтобы в течение ближайших двух недель провести всю необходимую подготовку, обеспечивающую безопасный прием этой группы. Помню, мы очень обрадовались этому сообщению и сейчас же взялись за дело. Оказалось, что все ранее применявшиеся пути и средства были непригодны для приема такой большой группы и особенно для такого большого количества взрывчатки.

Новый план был предложен членом краевого комитета партии рабочим Чикаревым, который вместе с Довлатовым занимался у нас подобными делами. Он имел большие связи с рыбаками, и план его заключался в следующем: в 40 верстах южнее Баку был островок под названием Булло, где ни-

кто не жил, лишь иногда рыбаки ловили там рыбу. Чикарев наймет лодку и будет рыбачить у этого островка, который должен стать местом высадки отряда Камо. Его людей, переодетых в рыбацкую одежду, придется переотправить группами, а динамит спрятать на острове, с тем чтобы потом по частям доставить в Баку.

Об этом плане мы сообщили в Астрахань.

Однако приезд Камо задержался. Мы не знали, почему, и забеспокоились. Причина задержки стала известна лишь в октябре, когда я приехал в Астрахань. Об этом я тогда же и написал товарищам в Баку: «Группа Камо задержалась вследствие мамонтовского рейда. Но есть сведения, что они выезжают из Москвы. Их нужно ждать».

Вскоре вся группа Камо была встречена на этом острове и благополучно доставлена в Баку. Динамит же попал в руки полиции. Но через доверенных лиц, связанных с полицией, нашим товарищам все же удалось этот динамит спасти и вернуть его себе полностью.

ТАКТИКА ЕДИНОГО ФРОНТА

Первый советский посол в Персии. — Мы закупает оружие. — Падение Ленкорани. — Расстановка сил в Закавказье. — На рабочих митингах. — Наша конспиративная квартира. — Героика смерти. — Поездка в Санаин. — Две попытки ареста. — Споры с меньшевиками в Тифлисе. — Революционный Дагестан.

В своих воспоминаниях я не могу не рассказать об Иване Коломийцеве. В апреле 1919 года он пробрался к нам в Баку из Персии, через Ленкорань, и явился в Бакинский комитет партии. Там мы с ним и познакомились. Это был талантливый человек, бесстрашный, мужественный борец, бесконечно преданный делу революции. Он был таким же молодым, как и мы.

Став прапорщиком после Февральской революции, Коломийцев был направлен в Персию в войска генерала Баратова, где служил в Керманшахе начальником контрразведки. По мере усиления влияния большевизма в солдатских массах произошли изменения и в мировоззрении Коломийцева. Он

стал на сторону большевиков. Избранный делегатом на второй краевой съезд Кавказской армии, состоявшийся в Тифлисе в декабре 1917 года, он вошел в состав большевистской фракции. С весны 1918 года Коломийцев — член Военно-революционного комитета порта Энзели. Выполняя поручение С. Шаумяна, он руководит эвакуацией русской армии и имущества.

Летом 1918 года Шаумян направил Коломийцева во главе советской миссии в Персию. После временного падения Советской власти в Баку офицерская белогвардейщина в ноябре 1918 года разгромила в Тегеране советскую миссию. Лишь чудом при поддержке прогрессивно настроенных местных жителей — персов Коломийцеву удалось спастись.

Он подробно информировал нас об обстановке в Тегеране, и в Северной Персии и в Ленкорани.

Он рвался в Москву, и нам удалось благополучно отправить его на лодке в Астрахань.

В июне мы получили от Коломийцева два письма, в которых он сообщал, что выполнил нашу просьбу, а также направил с Каневским и Старожуком — через Мугань — деньги. Он писал, что деньги посылаются главным образом для создания на Мугани армии, для закупки Бакинским комитетом оружия. Он сообщал далее о том, что в Астрахани нет литературы на азербайджанском языке и обещал привезти с собой несколько товарищей для работы среди мусульман.

Особенно приятно было узнать из его письма, что в результате бесед с астраханскими партийными руководителями у него создалась уверенность, что «вопрос об Азербайджане будет решен так, как решили его вы, — вопреки мнению Тифлиса».

Ознакомившись с политическим положением в Астрахани, с ходом борьбы против меньшевиков и эсеров, которые в то время, сомкнувшись с белогвардейщиной, активизировали борьбу против Советской власти, Коломийцев предлагал нам изменить нашу тактику в отношении меньшевиков и эсеров. «Не стоит и в Баку с ними нянчиться. Мне кажется, надо поставить вопрос ребром: или с нами, вполне, без всяких оговорок, или определенно против нас... Мне кажется, что вам и с Чураевым не стоит нянчиться. Или пусть переходит к вам, или убирается ко всем чертям!

Пишу я все это не просто так, с плеча, а после долгого и внимательного рассмотрения политики центра, поскольку она куется и здесь, в Астрахани. А так как ваша политика не дол-

жна расходиться с центром, то я и рекомендую вышесказанное... Я прихожу к убеждению, что вы недостаточно тверды были в дискредитировании меньшевизма и эсеризма и недостаточно последовательны, давая им кое-где место и уступая иногда позиции».

Письма Коломийцева и его критику нашей политики мы подробно обсуждали на совместном заседании Бакинского бюро крайкома и Бакинского комитета партии. С его постановкой вопроса мы не согласились.

Дело в том, что Коломийцев не учитывал разных этапов борьбы в России и Баку; он хотел механически перенести применяемые в Советской Астрахани приемы борьбы на Баку, где обстановка была совсем другой. Считая нашу политику правильной, к тому же вполне оправдавшей себя в жизни, мы решили никаких коррективов в свою позицию в этой области не вносить.

О положении дел в Астрахани Коломийцев сообщал, что там «вся титаническая работа лежит на плечах трех-пяти человек, безусловно умных и преданных... Положение в самой Астрахани недостаточно прочно. В среде астраханских рабочих масса всякой сволочи, которая подтачивает твердость власти, играя на недостатке хлеба...»

Зная, как мы надеялись, что с открытием навигации Красный флот выйдет в Каспийское море и окажет нам серьезную поддержку в вооруженной борьбе, Коломийцев писал, что флот, «вероятно, надолго будет занят под Царицыном». Особенно нас огорчило его сообщение о перспективах получения из Астрахани военной помощи. «...Военной помощи, — писал он, — в ближайшее время не ждите. Твердо держите курс, чтобы справиться исключительно своими силами». В связи с этим, говоря о наших ближайших задачах, Коломийцев писал: «Основной задачей должно являться разведывание неприятельских сил и присылка в Астрахань самых детальных сведений о численности и вооружении противника, особенно судов...» Далее он указывал, что нам надо скупать оружие: «Все, что можно, в Баку (в провинции) и в пограничных с Муганью местах Персии».

Закупку оружия в Баку мы начали еще до получения этого письма. Дело это было организовано все тем же нашим партийным «бизнесменом» Довлатовым. Он подобрал соответствующих людей и открыл в городе ресторан специально для английских солдат. Используя слабости уставших от походов английских солдат, и прежде всего их склонность к ал-

коголю, он так организовал работу своего ресторана, что у его посетителей постоянно не хватало денег для расплаты. Вместо денег он охотно принимал оружие. Ресторан, видно, пришелся по вкусу английским солдатам; посещаемость ресторана была очень большая, и у Довлатова ежедневно оставалось немалое количество оружия — в уплату за спиртное.

Что касается закупок оружия на Мугани, то этим была занята специальная группа местных товарищей. С получением новой значительной суммы денег мы дали им указание покупать оружия еще больше.

* *
*

В июне военное положение на Мугани крайне осложнилось. К этому времени против Советской власти развернули активные военные действия шайки персидских разбойников, белогвардейские отряды, сформированные изгнанными из Ленкорани офицерами и кулачем, а также банды мусавитов. По всей Мугани шли ожесточенные бои с численным перевесом на стороне противника. Части муганской Красной армии отступали.

В конце июня положение стало критическим. Белогвардейцы ворвались в Ленкорань, завязались ожесточенные уличные бои. В одном из них был смертельно ранен Отраднел, который через несколько часов скончался в госпитале. Оборвалась героическая жизнь верного сына революции. Однако советским частям удалось тогда потеснить противника и отстоять город. Разбитые в этом бою белогвардейцы вскоре вновь собрали силы, и во второй половине июля начались новые ожесточенные бои.

В начале июля мы получили сообщение из Астрахани, что Красная флотилия в боях с превосходящими силами английских и деникинских судов понесла поражение у форта Александровского (ныне Шевченко): некоторые суда были потоплены, другие повреждены, а оставшиеся вернулись в устье Волги. Таким образом, перспектива прихода к нам в этом году флота и войск с севера окончательно отпала.

Мы обсудили создавшееся положение, и в первую очередь обстановку на Мугани.

Было решено сообщить товарищам на Мугань о том, чтобы они в крайнем случае использовали имевшиеся у них суда и рыбацкие лодки для эвакуации с Мугани. В первую очередь

оттуда должны были выбираться те, кому грозит гибель в случае плена. Мы советовали отправить всех их или в Астрахань, или к туркестанским берегам — для соединения с Красной Армией, которая к тому времени заняла Ашхабад и продвигалась к Красноводску. Учитывая, что оперативная связь с Баку и Астраханью была затруднена, мы предложили ленкоранским товарищам принимать окончательные решения самим с учетом обстановки.

Как потом нам стало известно, Коломийцев, получив в это время в Москве назначение на пост полномочного представителя РСФСР в Персии, прибыл с группой сотрудников на моторном катере из Астрахани прямо в Ленкорань, связался там с местным персидским консулом и проделал все формальности, чтобы ехать в Тегеран: обязанности, на него возложенные, требовали скорейшего отъезда к месту назначения.

Однако обстановка в Ленкорани стала настолько острой, что уехать он не смог. То ли ему трудно было выбраться из города, то ли он не захотел покидать товарищей в беде, но, оставшись в Ленкорани, он принял на себя руководство борьбой с белогвардейщиной и самоотверженно сражался до последнего дня.

Силы были явно неравными. Контрреволюционные банды вскоре захватили Ленкорань. Оставшиеся в живых красноармейцы на лодках и баркасах попытались перебраться на туркменский берег Каспия, но английские военные корабли и вооруженные суда денкинцев захватили часть их в море и повернули на Петровск. Коломийцев, Канделаки и другие наши руководящие товарищи успели высадиться на берег, но были схвачены белогвардейцами и убиты.

Коломийцев — первый полномочный представитель Советской России в Персии — был расстрелян белогвардейцами близ персидского города Бендегрязи. Он был первым советским дипломатом, отдавшим свою жизнь за власть Советов.

Много коммунистов из Мугани было расстреляно и в Петровске. Только двум маленьким группам ленкоранских коммунистов удалось спастись. Одна из них во главе с Отто Лидаком пробралась через туркменские пустыни в город Кизыл-Арват, где уже была восстановлена Советская власть. Вторая группа во главе с Вахрамом Агаевым с помощью местных азербайджанских крестьян сухим путем добралась до Баку.

Так трагически закончилась эпопея Муганской Советской республики, которая и с нашей точки зрения и по предполо-

жениям астраханских товарищей (о чем мы знали из сообщения С. М. Кирова) должна была стать опорной базой для высадки частей Красной Армии и развертывания дальнейшей борьбы за Советское Закавказье.

Главной причиной ее падения было не предвиденное нами изменение в соотношении сил в пользу контрреволюции.

* *
*

Положение Советской России на южных фронтах становилось все труднее. Деникину удалось с помощью англо-французских союзников значительно усилить свою армию и ускоренным темпом двигаться на север; угрожая Донбассу, он намеревался прорваться в Москву.

Иная обстановка сложилась на востоке страны, где наши войска вели успешные бои с колчаковской армией. В Туркестане Красная Армия, перейдя в наступление, оттеснила контрреволюционные силы «закаспийского правительства» и уже вплотную подходила к Красноводску. Близка была перспектива полного освобождения Закаспия. Это, конечно, очень радовало нас, хотя мы и понимали, что реальной помощи от Красной Армии в тот момент нельзя было ожидать: морское побережье блокировалось английскими и деникинскими военными кораблями.

Оценив сложившуюся обстановку и учитывая прежде всего уроки поражения в Ленкорани, мы решили новых очагов восстания не организовывать, а поддерживать, насколько это будет возможным, существующие, главные из которых были в Дагестане и Чечне. Эти восстания Деникин так и не смог подавить. Долго продержались повстанцы в Зангезуре и Карабахе, а также в Казахском уезде Азербайджана. В этих районах под знаменем Советской власти очень дружно выступали совместно азербайджанские и армянские крестьяне.

Перед нами встали тогда очень сложные задачи.

Во-первых, надо было не допускать разрозненных и преждевременных политических выступлений азербайджанского рабочего класса, накапливать силы, организационно укреплять партию и нашу подпольную вооруженную организацию. Временно надо было воздержаться от открытого вооруженного выступления — до перелома обстановки на деникинском фронте в пользу Красной Армии.

Во-вторых, мы были обязаны усилить помощь Советской России. Для этого мы наладили дополнительную отправку в

Астрахань бензина. Кроме того, мы создали разветвленную сеть нашей разведки на территориях, занятых Деникиным, организовали там сбор ценной военной информации и передачу ее командованию Красной Армии через наших агентов, систематически переходивших линию фронта.

В-третьих, мы установили крепкие связи с партийными организациями ряда городов Северного Кавказа, занятых Деникиным, и мобилизовали их на организацию подрывной работы в тылу белогвардейцев.

В-четвертых, мы добились того, что набеги горских партизанских отрядов Дагестана и Чечни на ближайшие к ним тылы деникинской армии стали более частыми и производились значительными силами.

В конце июня совершенно неожиданно в Баку появился Борис Шеболдаев, который при Бакинской коммуне был заместителем наркома по военно-морским делам. Оказалось, что при эвакуации вооруженных сил в 1918 году из Баку в Астрахань, когда наши пароходы были остановлены у острова Жилого (о чем я уже раньше рассказывал), ему удалось сойти на берег вместе с двумя товарищами, захватить рыбацкую лодку и с большими трудностями, еле живыми добраться на ней до форта Александровского. Оттуда Шеболдаев на лодке направился в Астрахань, а потом был послан в район Кизляра, с тем чтобы пробраться дальше в Дагестан и связаться там с местными повстанцами. Проявив исключительную находчивость и изобретательность, Шеболдаев сумел выполнить это поручение. Некоторое время он работал в Дагестанском обкоме партии, откуда и прибыл к нам в Баку.

Мы были очень рады такому пополнению своих рядов. Шеболдаев был несколько старше нас, к тому же он имел довольно большой военный опыт. Его появление у нас, особенно в тот момент, когда нам предстояло организовывать военную разведку, было очень кстати.

Решением крайкома партии Шеболдаеву было поручено возглавить нашу разведку. Мы тщательно обдумали организационную сторону работы этой разведки. Весь северокавказский тыл Деникина разбили на округа — Ростов, Краснодар, Армавир, Грозный; в каждом из таких округов было решено иметь главного резидента с группой разведчиков, обеспеченных необходимыми шифрами и средствами связи. Шеболдаев стал во главе общего штаба разведки, причем ему было предоставлено право лично подбирать нужных людей.

На штаб Шеболдаева возлагалось также руководство раз-

ведывательной сетью в Энзели и некоторых других пунктах Персии, где тогда господствовали англичане. К нему должна была поступать вся информация военного характера от местных партийных организаций Закавказья, могущая представить интерес для командования Красной Армии.

* *
*

В связи с победами Деникина у нас возник ряд тактических проблем. Деникинская реакция угрожала не только революционному пролетариату России, но и существованию закавказских национальных республик.

Меньшевики, ненавидя большевиков, радовались победам Деникина. Однако полная победа Деникина не устраивала меньшевиков, так как в случае, если бы белогвардейцы добились своего, вряд ли бы они стали церемониться с меньшевиками. Беспокойство охватило также и азербайджанское буржуазное правительство: это находило свое отражение в пресе правящих партий и в выступлениях отдельных представителей правительства. Надо сказать, что деникинцы с каждой победой вели себя все более нахально по отношению к этому карикатурному правительству.

Больше же всего победы деникинской армии встревожили трудящиеся массы Закавказья. Деникинская угроза волновала не только передовых рабочих и крестьян, стоявших за Советскую власть, но и ту националистически настроенную часть населения Закавказья, которая в победе деникинцев видела угрозу своим национальным завоеваниям. Поскольку же против Деникина боролись только большевики и Советская Россия, недоверие к большевикам постепенно сменялось определенной симпатией.

Кажется, в начале июля глава меньшевистского правительства Гегечкори в своей речи на заседании Тифлисского Совета бросил фразу, что они тоже, мол, желают бороться с «генеральской деникинской контрреволюцией» и что «в этом деле не мешало бы объединить все силы демократии».

Мы, конечно, хорошо понимали, что Гегечкори не собирается всерьез объединяться с большевиками и вести настоящую борьбу с деникинской опасностью. Он добивался лишь одного: завоевать авторитет в революционных массах. Он хотел произвести впечатление также и на английское военное командование и на самого Деникина, как бы предупреждая его, что в случае нападения на Грузию против него восста-

нет весь народ, все до единого. Вслед за меньшевиками аналогичным образом выступали мусаватские руководители.

На совместном заседании Бакинского бюро крайкома и Бакинского комитета партии было принято решение обратиться к меньшевикам и мусаватистам с предложением организовать единый фронт всех демократических и национальных сил для борьбы с Деникиным. С этим согласились и члены крайкома в Тифлисе. На основании этого решения президиум рабочей конференции обратился к Тифлисскому Совету рабочих депутатов с предложением о создании единого фронта трудящихся Кавказа для борьбы с контрреволюцией.

Мы, большевики, открыто заявили тогда, что, не подерживая политику существующих правительств закавказских республик, мы готовы вместе с тем поддержать всякую реальную борьбу отдельных партий, групп и даже правительств, направленную против Деникина, и в этих целях предлагаем созвать Закавказский рабочий съезд, чтобы обсудить все эти вопросы и создать закавказскую организацию, которая и займется практической мобилизацией сил трудящихся на борьбу с Деникиным. При этом мы говорили, что готовы мобилизовать на это дело бакинских рабочих и поставить и их и всю нашу партийную организацию под ружье — хотя бы в составе вооруженных сил буржуазных правительств.

По нашему поручению такое предложение огласил и обосновал на заседании рабочей конференции Гогоберидзе. Предложение это было принято единодушно, с большим подъемом. Была послана соответствующая телеграмма Тифлисскому Совету.

Скоро из Тифлиса был получен ответ, что они принимают наше предложение и просят разрешить выехать представителям Тифлисского Совета в Баку на рабочую конференцию для ознакомления и предварительного обсуждения вопроса о созыве рабочего съезда. Со своей стороны они приглашали представителей нашей Бакинской рабочей конференции для переговоров в Тифлис.

Из Тифлиса к нам приехали тогда Герасим Махарадзе, Урушадзе и еще третий представитель, фамилию которого я не запомнил.

Зная, что рабочая конференция в целом была за нас и меньшевики со своими речами ничего там сделать не могут, мы опасались другого: как бы рабочие не сорвали их выступ-

лений и тем самым не вызвали излишнего обострения отношений на конференции, что могло бы послужить для меньшевиков поводом к прекращению переговоров о создании единого фронта. Поэтому мы предупредили всех наших товарищей, чтобы они терпеливо выслушали меньшевиков и дали им возможность полностью высказаться.

Мы понимали, что успешное проведение тактики единого фронта позволит нам также найти доступ в ряды пролетариата других республик Закавказья. Такая тактика придется по душе рабочим, поднимет авторитет нашей партии, будет способствовать объединению сил всех трудящихся Закавказья для борьбы с Деникиным и в конечном счете явится серьезной поддержкой пролетариату всей России в его тяжелой борьбе с контрреволюцией. Понимая все это, мы решили на это время сосредоточить свою пропаганду не на разногласиях, разделявших ряды пролетариата Закавказья, а на их общей и главной в то время задаче — на борьбе против опасности деникинской контрреволюции.

Официальный оратор от коммунистов Филипп Махарадзе (который в те дни находился в Баку), выступавший на рабочей конференции под чужой фамилией, не смог, однако, удержать себя в рамках. Хотя мы его и предупреждали о необходимости сдерживаться, выступил он резко. Из его речи можно было сделать вывод, что, пожалуй, нам с меньшевиками больше не о чем и разговаривать.

Однако общий ход конференции не дал меньшевикам повода к срыву переговоров. Рабочие, спокойно выслушав выступления делегатов грузинских меньшевиков, единогласно приняли резолюцию, предложенную коммунистами.

Тогда меньшевистская делегация попросила у рабочей конференции разрешения выступить на одном из массовых рабочих митингов. На это им было дано согласие. Помню, в Балаханах состоялся большой митинг рабочих, на котором выступали грузинские меньшевики. Мы решили официального оратора от Бакинского комитета партии на этом митинге не выдвигать, а дать возможность самим рабочим поспорить с меньшевиками. Рабочие сделали это великолепно. Меньшевики уехали из Баку крайне удрученные: массы рабочих неожиданно для них проявили полное единодушие с коммунистами. Меньшевики воочию убедились, что среди рабочих Азербайджана успеха они иметь не будут. Более того, они стали опасаться, как бы мы не явились «заразой» для рабочего класса Грузии.

Намечая политику единого фронта, мы предвидели несколько возможных перспектив. В случае срыва этой политики меньшевиками мы фактически ничего не теряли, а лишь еще больше поднимали свой авторитет в массах. При удачном исходе мы надеялись на созыв Закавказского рабочего съезда, самый факт которого явился бы для нас большим завоеванием, так как на этом съезде мы, несомненно, имели бы большинство, ведя за собой рабочий класс Азербайджана, железнодорожников Армении, представителей Дагестана, а также часть рабочих Грузии. Нам было ясно, что если этому рабочему съезду удастся сделать борьбу с Деникиным реальным делом, то мы, даже и войдя в состав национальных армий, сумеем добиться многого.

После отъезда из Баку делегации Тифлисского Совета выехала в Тифлис делегация Бакинской рабочей конференции. В ее состав входили Стуруа, Губанов и я.

До того, как мы начали переговоры с Тифлисским Советом о едином фронте, меньшевистское правительство Грузии провело массовые репрессии в отношении грузинских коммунистов. Многие из них были посажены в тюрьмы, а кто не был еще арестован, работали конспиративно, потому что никакой возможности для легальной работы не было. Когда же начались наши переговоры о едином фронте, меньшевики прекратили аресты и даже разрешили коммунистам издание собственной легальной газеты.

В Тифлисе мы немедленно связались с крайкомом партии и обсудили перспективы организации единого фронта. Многие тифлиссские товарищи были настроены пессимистически. Филипп Махарадзе и некоторые другие товарищи прямо говорили, что меньшевики «дипломатничают», никакой борьбы против Деникина они вести не будут и, конечно, не допустят созыва Закавказского рабочего съезда. Они лучше нас знали «своих» меньшевиков, но мы все же решили добиваться проведения своей линии, ссылаясь на то, что принципиальное согласие меньшевиков на создание единого фронта получено.

Наша делегация была принята в бывшем дворце царского наместника Кавказа, где тогда помещались правительство Грузии и исполком Тифлисского Совета. Принял нас Герасим Махарадзе, который до этого приезжал в Баку. Принял внешне очень вежливо, разговор шел в спокойных тонах, но все наши попытки выяснить, согласно ли руководство Тифлисского Совета на созыв Закавказского рабочего съезда,

успехом не увенчались. Махарадзе всячески увиливал от прямого ответа, не говоря ни «да», ни «нет». Когда ему уже нельзя было дальше выкручиваться, он стал ссылаться на то, что по этому вопросу в Тифлисском исполкоме существуют два противоположных мнения и окончательно решить этот вопрос может только Совет в целом. Председателем Совета был сам Герасим Махарадзе.

Обещание созвать заседание Тифлисского Совета нас вполне устраивало: мы получали трибуну для выступления перед широкой рабочей аудиторией.

После этой встречи мы телеграфировали в Баку Президиуму рабочей конференции, что «бюро Тифлисского исполкома разбилось на две части. Одна — за созыв съезда, другая — против. Ни к какому решению не пришли. Совет будет созван в ближайшие дни. Бывшие на бакинской конференции представители Тифлиса — члены организационной комиссии — против съезда. Слово за Советом».

Регулярный выпуск местной партийной газеты да и наш легальный приезд в Тифлис заметно оживили деятельность грузинских коммунистов; усилилось их влияние среди тифлисских рабочих. Поскольку делегаты Баку пользовались неприкосновенностью, мы решили заполнить время до созыва Тифлисского Совета публичными выступлениями. Побывали на собрании профсоюза служащих аптек и союза кожевников; в составе правлений этих профсоюзов было много коммунистов. Стура и я выступали там с докладами об успехах рабочего движения в Баку, о задачах единого фронта в борьбе против деникинской угрозы. Мы призывали тифлисских рабочих стать в один ряд с бакинцами в минуту грозной опасности для русской революции и для народов Закавказья.

Должен сказать, что на всех этих собраниях рабочие встречали нас очень хорошо, слушали с большим вниманием и дружно принимали предлагаемые нами решения.

Сохранилась резолюция, принятая на собрании профсоюза служащих аптек.

«Требовать от правительства Грузии:

1. Немедленного объявления войны бандам царского генерала Деникина и его пособникам до окончательного разгрома их во имя торжества пролетарской революции.

2. Прекращения каких бы то ни было переговоров с представителями Деникина, ибо всякое промедление усиливает контрреволюционеров как на фронте, так и здесь, в тылу.

3. Для успешности борьбы необходимо создание единого рабоче-крестьянского фронта, для чего необходимо немедленно произвести пере-выборы Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избранных на пропорциональных началах, и созвать рабочий съезд, как единственный классовый орган, способный сгруппировать вокруг себя революционную демократию и принять конкретные меры для объединения всего пролетарского Закавказья».

В Народном доме мы провели собрание с докладом на тему «Помещичье-буржуазная контрреволюция и Закавказские правительства». На это собрание официальных оппонентов меньшевики не выставили. Собравшиеся отнеслись к докладу с большим энтузиазмом. Среди участников чувствовался большой подъем: таких открытых выступлений большевиков они давно не слышали.

Меньшевики же тем временем затягивали созыв заседания Тифлисского Совета. Видимо, они обсуждали, как им выгоднее сорвать это заседание, свалив притом всю вину на нас, а самим выйти сухими из воды. В крайкое стало известно, что Центральный комитет меньшевиков принял решение сорвать организацию единого фронта.

Однако через неделю заседание Тифлисского Совета все же состоялось. Меньшевики выдвинули от себя трех ораторов: Герасима Махарадзе, Джугели и Арсенидзе.

Эти ораторы клеветали, будто большевики лицемерят со своим предложением о едином фронте, что в большевистской России расстреливают рабочих и крестьян, преследуют революционную демократию и т. п.

Особенно развязным в этом отношении было выступление Джугели.

Отклоняясь несколько от темы, хочу немного рассказать о Джугели. Я познакомился с ним в марте 1917 года. Тогда он еще был большевиком. Оба мы состояли в группе агитаторов при Тифлиском комитете партии. Раза два мы даже выступали вместе с ним на рабочих собраниях. Хорошо помню одно из этих собраний — у рабочих кожевенно-обувного производства Адельханова. В связи с тем, что на этом предприятии было много рабочих грузин и армян, Джугели выступал на грузинском, а я на армянском языке. Его выступление тогда мне очень понравилось, да и вообще в ту пору он производил на всех нас неплохое впечатление. Но по природе своей он оказался настоящим карьеристом и в конце концов предал большевиков. Когда произошел раскол объединенной партийной организации Тифлиса, он перешел на

сторону меньшевиков, сохранив за собой пост руководителя так называемой «народной гвардии», ставшей вооруженной опорой меньшевиков; на деле это был обычный карательный отряд, уже не раз участвовавший в подавлении крестьянских восстаний. Одним словом, Джугели был законченный предатель.

В отличие от Джугели, Герасим Махарадзе вел себя на заседании Тифлисского Совета более лукаво, хитро избегая грубых выпадов. Вообще же из них более прилично выступал Арсенидзе. Без провокационных заявлений и недостойных выпадов он прямо и откровенно заявил, что наши пути расходятся и никогда сойтись не могут.

Вспоминаю, какую комедию разыграли тогда меньшевики, выпустив на трибуну и еще двух ораторов. Первым был Войтинский — видный правый меньшевик, член ЦК партии меньшевиков, который убежал от русской революции. Он всячески распинался о грузинской демократии и всемерно ее расхваливал. За ним выступил один из бывших видных лидеров бакинских меньшевиков, заядлый антикоммунист Айолло. Руки его были в крови 26 бакинских комиссаров. Я знал его лично и остро ненавидел. Запачканный политической грязью с головы до ног, он удрал в свое время из Баку, нашел приют у тифлиских меньшевиков и теперь выступал как «знарок» бакинского пролетариата.

Надо сказать, что Тифлиссский Совет не переизбирался уже более года. Депутаты-большевики в виде протеста вышли из Совета, а пополнялся Совет меньшевистскими чиновниками. Помню, в зале преобладали «рабочие депутаты» с кокардами и погонами. Публика была в основном чиновничья. Нас очень поразил резкий контраст между этой публикой и Бакинской рабочей конференцией. Рабочих здесь было очень мало. На галерку же, несмотря на применявшийся меньшевиками «фильтр», пробралось довольно много рабочих. Были среди них и коммунисты. Поэтому если внизу зал кипел лютой ненавистью к большевикам, то галерка почти вся была за нас. Если аплодировал зал, галерка свистом и шумом заглушала эти аплодисменты. Когда же аплодисменты раздавались со стороны галерки, свист и шум шел снизу.

Первым из бакинских представителей выступал я. Мне хотелось в спокойных тонах, без всяких личных выпадов обосновать нашу позицию и опровергнуть все то, что говорилось здесь грузинскими меньшевиками. Но выступление Айолло вывело меня из равновесия. Я решил, не вступая в

дискуссию, одной резкой фразой рассчитаться с ним. Хорошо помню, как я сказал: «Прежде чем отвечать на высказанные здесь возражения против единого фронта и излагать нашу платформу, я должен заявить, что считаю ниже своего достоинства отвечать на хулиганские выступления подлого провокатора Айолло — этого изверга, давно выброшенного бакинским пролетариатом за борт революции».

Еле успел я закончить эту фразу, как раздался невообразимый шум в зале, аплодисменты и возгласы одобрения на галерке. Несколько человек, сидевших в первых рядах зала, поднялись с мест и с криками «Провокатор!», «Лжец!», «Избить его!», «Убить!» набросились на меня — кто с поднятыми кулаками, а кое-кто даже выхватили револьверы. Начался невероятный хаос.

Тогда члены президиума решили успокоить своих не в меру разбушевавшихся коллег по партии. От имени президиума выступил все тот же Джугели и заявил, что, хотя «все то, что говорил здесь Микоян, — это ложь и клевета», тем не менее мне надо дать возможность договорить. «Мы потом ответим на все их «клеветнические обвинения»».

Публика немного утихомирилась.

Уже в более спокойных тонах я стал опровергать один за другим аргументы выступавших до меня меньшевистских ораторов, отмечая их нападки на большевистскую партию, на Советскую Россию, стараясь сосредоточить их внимание на том, что деникинская опасность нависла сейчас не только над Советской Россией, но и над всеми народами Закавказья. Говорил о том, что хотя Деникин и одерживает сейчас победы, но победы эти временные, что он неизбежно потерпит крах на юге России, как потерпел его Колчак на востоке, хотя ему и удалось до этого занять там всю Сибирь, Урал и часть Поволжья. Я обвинял меньшевистских лидеров в двуличии, доказав, что, ведя переговоры с представителями бакинских рабочих об организации единого фронта против деникинской опасности, они одновременно вели тайные переговоры с представителями Деникина в Тифлисе.

В зале, мягко говоря, было неспокойно. Из первых рядов продолжали раздаваться враждебные реплики и выкрики, а на галерке по-прежнему аплодировали. Однако, несмотря на этот шум, я высказал все, что хотел.

Следующим от нас выступал Георгий Стура. Своей содержательной, спокойной речью он вновь вызвал аплодисмен-

ты с галерки и враждебные выкрики из зала, поскольку и он разоблачал предательскую политику меньшевиков.

Во время его выступления я с сожалением думал, как это я поддался на провокацию Айолло и по своей горячности дал повод меньшевикам устроить скандал в самом начале наших выступлений!

Тяжелое впечатление осталось в связи с выступлением Аршака Зурабова, бывшего члена меньшевистской фракции Государственной думы. В 1917 году Зурабов прошел по меньшевистскому списку в Учредительное собрание. Это был хороший оратор; я слушал его доклад в Баку 2 мая 1917 года: тогда он развивал некую «промежуточную» позицию, не вполне оправдывая оборончество и в то же время критикуя Временное правительство. Я знал и о том, что несколько позднее, продолжая не во всем разделять политику меньшевиков, Зурабов вошел в группу меньшевиков-интернационалистов.

Выступая здесь, на заседании Совета, Зурабов высказался довольно недвусмысленно за политику соглашения с большевиками в борьбе с белогвардейской контрреволюцией. Надо сказать, что Зурабов говорил очень убедительно — чувствовался опытный, умелый оратор. Слова его легко могли дойти до сознания рабочих-меньшевиков. Именно поэтому его выступление сразу же было воспринято президиумом и частью присутствующих враждебно; опять начался шум и раздались злобные выкрики не только из передних рядов зала, но и со стороны президиума. Помню, Джугели бросил Зурабову реплику: «Политический хамелеон!» Озлобленные «предательством» Зурабова, меньшевики кричали с мест: «Иди вон, твое место не в Грузии, а в дашнакской Армении!»

Выражение лица Зурабова свидетельствовало о его жалком и вместе с тем трагическом состоянии: оскорбления сыпались на него со стороны его же вчерашних товарищей по партии и, очевидно, больно били по сердцу. Скажу по совести, мне было жалко этого человека, ошибавшегося, часто колебавшегося и теперь подавленного и всеми покинутого.

Джугели, коротко выступив второй раз, оспаривал мое утверждение, что меньшевистское правительство Грузии ведет тайные переговоры с представителями Деникина. «Таких переговоров мы не ведем, — говорил он. — Мы ведем переговоры с английским командованием». Это его «опровержение» скорее походило на подтверждение тех сведений, ко-

торы мы имели. Значит, логично рассуждали мы, они действительно вели переговоры с представителями Деникина при посредничестве англичан и, видимо, чего-то уже добились. Иначе зачем им понадобилось так круто обрывать наши более чем месячные переговоры о едином фронте? Видимо, вся эта «игра в переговоры» с нами имела целью лишь напугать английское командование и деникинских представителей и, как говорится, подороже продать себя.

Через некоторое время все это стало еще более очевидным: мы узнали, что английское командование, желая закрепить свое влияние в закавказских республиках и пользуясь зависимостью Деникина от снабжения его армии и политической поддержки со стороны англичан, установило так называемую демаркационную линию между деникинскими «владениями», с одной стороны, и Грузией и Азербайджаном — с другой. По этому поводу в архивах сохранилось любопытное сообщение английского командования, в котором говорилось, что «генералу Деникину предписано не допускать перехода его войск на юг от этой линии, а Кавказские штаты не должны продвигаться на север от нее. Кавказские штаты должны воздержаться от всяких агрессивных действий против добровольческой армии и содействовать генералу Деникину по крайней мере снабжением нефтью и другими припасами для Каспийского флота, одновременно воздерживаясь от снабжения ими большевистских сил».

Это сообщение было подписано генерал-майором Г. Н. Кори, командующим британскими силами в Закавказье.

В конце заседания Тифлисского Совета меньшевики предложили свою резолюцию и провели ее большинством голосов.

Итак картина была ясна. Еще до окончания заседания мы договорились задержаться в Тифлисе, чтобы провести несколько открытых выступлений среди рабочих, пока это будут терпеть меньшевики. Посоветовались по этому поводу с товарищами из крайкома партии. Те поддержали нас. Решено было выступить на нескольких собраниях в качестве представителей бакинских рабочих; такие выступления, по мнению местных товарищей, могли оказать большое влияние на рабочих.

Первый митинг решили провести в Главных железнодорожных мастерских Тифлиса. В этих мастерских работало, как помнится, что-то около трех-четырёх тысяч рабочих. Во главе профсоюза железнодорожников тогда стояли меньше-

вики. Конечно, мы и думать не могли, чтобы организовать этот митинг с помощью профсоюзного комитета. Они нас просто не пустили бы в эти мастерские.

Тифлисский комитет партии действовал через одного своего товарища — Абакидзе, который был членом правления профсоюза железнодорожников. Мы условились с ним, что за пять минут до окончания работы во всех цехах будет объявлено о проведении митинга и рабочие соберутся в паровозном цехе. Так и было сделано. Нам удалось собрать что-то около тысячи человек. Члены профсоюзного комитета выступили против открытия митинга, заявив, что митинг не подготовлен, что никому заранее о нем не было объявлено, что многих рабочих нет, что нужно митинг отложить на завтра, когда можно будет собрать всех рабочих.

После выступления Стуруа, высказавшегося за немедленное проведение митинга, рабочие подавляющим большинством голосов решили митинг начать.

На митинге выступали Стуруа и я. Мы рассказали о борьбе российского пролетариата, о денкинской угрозе рабочему классу не только России, но и Закавказья, разоблачали политику меньшевиков, которые сорвали создание единого фронта и отклонили созыв рабочего съезда. От имени бакинского пролетариата мы заявили о готовности рабочих Азербайджана до конца бороться против нашего общего врага — Деникина. «В то время, — говорил я, — когда лучшие наши товарищи сидят в тюрьмах, а вчера и позавчера арестованы еще новые сотни рабочих и революционеров, в то время, когда ветеран революции Миха Цхакая, вождь кавказских рабочих, брошен в Кутаисскую тюрьму, — в это время денкинские генералы и офицеры открыто разгуливают по улицам Тифлиса и организуют контрреволюционные банды против рабочих России». Взрыв негодования и выкрики: «Позор меньшевикам, долой их!», «Свободу нашему Цхакая!», «Да здравствует единый рабочий фронт!» — были ответом собрания на эти слова.

После нас было еще много других выступлений — и меньшевиков из профсоюза, и рабочих-железнодорожников, и местных коммунистов. Обстановка складывалась явно в нашу пользу.

И действительно, когда дело дошло до голосования, участники митинга громадным большинством приняли предложенную нами резолюцию, осуждавшую меньшевиков и обвинявшую их в срыве единого фронта, в преследовании революцио-

неров, в покровительстве и помощи деникинской контрреволюции.

Как только митинг был закончен, мы постарались поскорее незамеченными выбраться из мастерских, чтобы не попасть в лапы подроспевшей полиции. Нам удалось вовремя скрыться.

На этом закончились наши попытки создать единый фронт борьбы с деникинщиной в Закавказье. Больше никаких переговоров между нами и грузинскими меньшевиками уже не было. В самой же Грузии продолжалась ожесточенная борьба грузинских большевиков с меньшевиками. Дашнакское правительство Армении занимало в то время «нейтральную» позицию по вопросу единого фронта, поэтому никаких переговоров с ним мы вообще не вели.

Что же касается Азербайджана, то, когда непосредственная опасность деникинского вторжения нависла над Закавказьем, партия мусаватистов подняла вокруг этого большой шум и начала даже кампанию подготовки борьбы против деникинской опасности. Представители Бакинского комитета нашей партии, а также «Гуммета» и «Адалета» несколько раз встречались с мусаватистами. Вначале переговоры шли удовлетворительно. Нами проводилась большая мобилизационная кампания в рабочих районах, особенно среди мусульман. Мусаватисты пытались захватить инициативу в свои руки; они даже собрались организовать массовую демонстрацию рабочих. Вопрос этот обсуждался на межпартийном совещании. Наши товарищи предлагали несколько отсрочить проведение демонстрации, поскольку мы не были к ней достаточно подготовлены. Мусаватисты на это не соглашались.

В нашей среде начались споры. Одни предлагали вообще не участвовать в этой демонстрации, бойкотировать ее. Другие хотя и признавали, что мы плохо к ней подготовлены, тем не менее считали, что было бы политически неправильно бойкотировать такую демонстрацию, что надо принять в ней самое активное участие.

Эта последняя точка зрения была признана правильной. Сторонников коммунистов на демонстрации было немного, но наши ораторы Караев, Гогоберидзе и Агаев имели на митинге большой успех, особенно среди рабочих-мусульман.

Дальнейший ход событий показал, что мусаватисты, как и грузинские меньшевики, собирались вести не борьбу с Деникиным, а разговоры о борьбе с целью побудить английское командование защищать их от Деникина. Этими же разгово-

рами они хотели в какой-то степени реабилитировать свою партию в глазах рабочих. Однако именно эту вторую задачу им решить не удалось.

Вскоре они прекратили даже и словесную кампанию против Деникина. Это произошло, когда английское командование сообщило, что нашествие Деникина не произойдет при условии, если Азербайджан окажет содействие Деникину в снабжении нефтью и другими материалами и не будет продавать нефть Советской России. Это еще больше разоблало в глазах трудящихся партию мусаватистов. В свою очередь, бакинская организация РКП(б), коммунистические организации «Гуммет» и «Адалет» еще более усилили свои позиции среди рабочих-мусульман.

Таким образом, хотя тактика единого фронта против деникинской опасности и не восторжествовала, наша борьба за создание такого единого фронта дала свои несомненные положительные результаты.

* *
*

Вряд ли надо говорить, сколь важную роль — по тогдашним условиям подполья — играли конспирация, надежность и преданность людей, у которых мы встречались, через которых связывались друг с другом, чьи квартиры нередко становились боевыми штабами нашей подпольной большевистской организации.

С начала 1919 года основной конспиративной квартирой бакинских большевиков-подпольщиков стала квартира Каспаровых. Она не знала ни одного провала и с честью выполняла эту свою роль до самого дня восстановления Советской власти в Азербайджане в конце апреля 1920 года.

Дочь хозяйки этой квартиры Мария Каспарова вспоминает:

«Трехэтажный дом, в котором мы жили, был расположен в самом центре города, в буржуазном районе (на углу Карантинной и Красноводской улиц). Квартира наша находилась на третьем этаже; под нами, на втором этаже, жил сам домовладелец — Адамов. Все жильцы дома были людьми состоятельными. Все это как нельзя лучше отвечало нашим конспиративным планам. И действительно, трудно было поверить, что именно здесь находится штаб подпольной коммунистической организации Баку. Моя добрая, умная мама сразу дала согласие на использование квартиры для революцион-

ных целей. Более года у нас проводились тайные встречи и совещания руководителей Коммунистической партии. Здесь бывали С. Орджоникидзе, А. Микоян, Караев, Филипп Махарадзе, Ваню и Георгий Стурца, Шеболдаев, Мамия Ораке-лашвили, Камо, Гамид Султанов, Буниат-заде, Мирза Давуд Гусейнов, Леван Гогоберидзе, Саркис, Георг Аликханян, Бесо Ломинадзе, Исая Довлатов и другие. Некоторые из них скрывались здесь довольно продолжительное время. На этой же квартире весной 1919 года состоялась Кавказская краевая конференция большевистской партии.

Но все же один раз в нашей квартире побывала полиция. Дело было так: кто-то со двора предупредил, что к нам направляются полицейские. В это время в квартире находились старшие члены нашей семьи — бабушка, мама, тетка и дети. Когда полицейские открыли дверь в столовую, они увидели такую картину: за накрытым столом мирно сидят бабушка, мама, дети — Грация и Лева, а также тетка — молодая, красивая женщина. Пьют чай и едят простоквашу. Видя такую «мирную семейную идиллию», полицейские даже не переступили порога комнаты и, всячески извиняясь, ретировались. А между тем в соседней комнате хранились золотые и бумажные деньги, доставленные из Астрахани — через Каспийское море — бакинской партийной организации. Хранилось в квартире и оружие».

Удивительной была эта семья Каспаровых. Немолодая, но еще очень бодрая Татьяна Каспарова была доброй матерью, радушной и гостеприимной хозяйкой. В политические разговоры она обычно не вмешивалась, но всей душой была предана делу революции. Она хорошо знала, с каким риском для нее и семьи связано использование ее квартиры большевиками. Но ни разу мы не замечали у нее хотя бы малейшего сомнения или колебания, продолжать ли ей эту крайне опасную игру. Она не знала страха. Мы всегда ощущали ее неизменное радушие и заботу.

У нее было пятеро детей. Трое старших уже находились в рядах нашей партии и активно нам помогали, особенно в устройстве конспиративных связей и встреч.

Старший ее сын, Ваня, был молодой врач. (Впоследствии, когда С. М. Киров был уже в Ленинграде, Ваня работал заведующим орготделом Ленинградского обкома партии.) Дочь Мария была техническим секретарем Кавказского крайкома партии. Вторая дочь, Роза, была студенткой 3-го курса Петербургского медицинского института. Третья дочь, Грация,

была тогда еще школьницей; позже она вступила в большевистскую партию. Их младший брат, Лева, тогда совсем мальчик, со временем тоже стал коммунистом.

О Розе Каспаровой хочется рассказать особо. Она вернулась в Баку из Петербурга весной 1917 года. Здесь не пропускала собраний, лекций, проводимых большевиками, читала марксистскую литературу. Еще до Октябрьской революции, в августе 1917 года, Роза вступила в ряды бакинской организации большевиков.

В марте 1918 года — в дни мусаватского мятежа против Советской власти — Роза работала в лазарете. Рассказывали, как она, не боясь вражеских пуль, стоя на санитарном грузовике в белом халате, разъезжала вдоль окопов по улицам города, перевязывала раненых красногвардейцев, перевозила тяжелораненых. Впервые я встретил ее именно в лазарете (она перевязывала тогда и мою раненую ногу). Красивая, жизнерадостная, заботливая, всегда с улыбкой, она буквально пленяла сердца раненых бойцов, радуя их своим присутствием.

В конце лета 1918 года, когда турецкие войска подошли к стенам Баку, она добровольно уехала на передовые позиции. Там, под огнем противника, она выносила раненых. Все ее искренне полюбили. Вместе с бойцами она оставалась на передовых позициях до последнего дня обороны Баку. После временного падения Советской власти в Азербайджане Роза работала в подполье.

Помню, что когда мы подбирали наиболее проверенных, надежных партийцев для работы в тылу Деникина, Роза Каспарова настояла, чтобы ее тоже направили на эту опасную работу. Мать ее против этого возражать не стала, хотя можно было представить себе ее чувства. С ней поехала еще одна девушка, 18-летняя Катя, только что вышедшая замуж за моего близкого товарища, бакинского коммуниста Костю Румянцева. Костя же был направлен во главе группы товарищей в район Ростова и Новочеркаска. Он был арестован, сидел в тюрьме у Деникина и избежал верной смерти лишь благодаря наступлению Красной Армии.

Систематические сообщения Розы из деникинского тыла в Кавказский краевой комитет нашей партии, содержавшие конкретный политический и экономический анализ положения дел в стане Деникина, показывали, как сильно она выросла в сложных условиях работы. «Ее письма к нашей матери, — рассказывает Мария Каспарова, — были полны забот

о ней, проникнуты желанием как-то ее успокоить. «Обо мне много не думай, я жива и здорова», — пишет она в одном из них. И, для того чтобы окончательно успокоить мать, добавляет: «Пришли мне мои блузки, воротнички и лиловые бусы»».

Осенью 1919 года мы получили сведения, что Роза, Катя Румянцева, Сурен Магаузов и еще несколько наших товарищей арестованы в Армавире. Лично для меня это было большим ударом. Некоторое время я даже избегал появляться в квартире Каспаровых: мне все казалось, что я виноват перед ними. Об этом узнала мать Розы и через товарищей передала о своем удивлении по поводу моего долгого отсутствия в ее доме. Я начал вновь появляться у них и стал свидетелем удивительной стойкости и мужества этой женщины-матери. Ничем внешне не проявляя своего горя, она как-то собралась и поехала в Армавир, где сидела в тюрьме ее дочь. В ту пору Армавир находился в деникинском тылу.

С трудом добравшись до Армавира, Татьяна Каспарова взяла на себя хлопоты и заботы не только о своей дочери, но и обо всех ее товарищах. Каждый день приходила она в тюрьму, добивалась свиданий, приносила передачи, устанавливала связь с родными арестованных товарищей.

Вскоре всех арестованных перевезли в Пятигорск. Несмотря на тяжкие избиения и пытки, белогвардейской своре так и не удалось вырвать у молодых коммунистов ни одного слова признания, не удалось сломить их дух. Друзья сильно тревожились за состояние Розы и ее товарищей. Член нашего подпольного комитета Борис Шеболдаев, который сам в это время находился в Бакинской тюрьме, писал на волю Марии Каспаровой: «Почему не пишете мне, в каком положении дело Розы и чем оно может кончиться? Так хочется сказать ей что-нибудь хорошее, теплое, товарищеское, чтобы она почувствовала поддержку, чтобы у нее не было мрачных мыслей».

Среди арестованных молодых коммунистов вместе с Розой была и Тамара Наджарова, которой удалось спастись. Вот что она рассказывает: «В тюрьме я впервые познакомилась с Розой и Катей. Роза произвела на меня большое впечатление. Это была умная, жизнерадостная девушка с большими, красивыми, искрящимися глазами. Мы много читали, обычно вслух. Роза читала прекрасно, а мы, тесно ее окружив, восторженно ее слушали. Помню томик рассказов Куприна. В особенности Роза любила «Гранатовый браслет». Часто мы

проводили с ней бессонные ночи, так как почти каждую ночь во дворе тюрьмы расстреливали наших товарищей».

Удивительны по стойкости и мужеству письма Розы, посланные из тюрьмы родным и товарищам. После пыток и избиений она пишет: «У нас есть надежда на выздоровление, постарайтесь сделать так, чтобы не повесили, а все остальное ерунда». В другом письме (матери) Роза писала: «Страстно не хочется умирать, не пожив! Ведь я почти еще не жила и вдруг — умереть! Ну, долой мрачные мысли, а то еще подумают, что я боюсь смерти. Ерунда! Ни разу со дня ареста я не заплакала, даже не прослезилась, и так будет до конца...»

Горячо любимому 8-летнему брату Левочке она писала: «Целую тебя много раз нежно, нежно. По вечерам я долго вспоминаю всех вас, а пока желаю тебе быть хорошим мальчиком, не лениться и не делать ручкой *«чернила — куча»*. Леленка! Я хочу тебе многое написать, но ты сейчас не поймешь. Смотри только помни меня всегда.»

Брату Ване она писала: «Все легли спать, а я пишу, завтра мое рождение. Я, как маленький ребенок, пишу и думаю, что мне принесут завтра наши. Смешно!»

Под ударами Красной Армии разгромленные деникинские части отходили от Пятигорска. При отступлении деникинцы перевезли Розу, Катю, Сурена и остальных товарищей в Грозный. Мать Розы получила прощальную записку от дочери, где она сообщала, что их везут на казнь. Утешая и подбадривая мать, Роза писала: «Дорогая мама, снова счастье вернется к нам синей птицей». Она просила воспитать любимого брата Леву стойким, преданным большевиком¹. Получив записку Розы, ее мать вновь бросилась вслед за ней и случайно попала в тот же поезд, в котором везли осужденных. Однако ей уже не удалось увидеть Розу. Незадолго до прихода Красной Армии, 20 февраля 1920 года, в Грозном Роза и Катя были повешены. Вслед за ними был казнен и Сурен Магаузов.

За несколько часов до казни Сурену удалось послать друзьям на волю два письма, написанных на лоскутках материи, оторванных от рубашки. Поразительные письма! Какая сила духа и мужества!

Привожу здесь оба эти письма:

«Милая Тамара, посылаю последний товарищеский привет. 12 часов. Жду смерти, но чувствую себя бодро. Жизнь —

¹ Коммунист Лев Каспаров с первых дней Великой Отечественной войны был на фронте и погиб смертью храбрых в бою с фашистскими захватчиками.

в полном смысле этого слова не изведенная для меня область. Не успел осуществить свои последние желания. Сижу отдельно от Розы. Она чувствует себя героически. Всех осужденных к повешению — 16 человек. Привет товарищам. Целую всех крепко. Сурен».

Во втором письме Сурен писал:

«Милые друзья! Судьбе моей нужно было стать свидетелем смерти моих славных товарищей. Тяжело мне без моей милой и славной Розы. Она погибла смертью храбрых: смело, без ропота и без страха она шла к эшафоту. Погибла и молодая работница Катя.

Вечная им светлая память! Передайте матери Розы мой привет и успокойте ее. Мать такого славного, бесстрашного товарища не должна горевать и проливать слезу. Счастлива мать, имеющая таких дочерей. Сижу в секретной и третьей сутки жду своей участи. Из пятнадцати семь революционеров, наверное, повесят сегодня. Последую примеру Розы и других товарищей и смело пойду к месту казни. Прощайте, будьте здоровы. Сурен».

Так сложили свои головы за победу революции эти отважные юные герои, беззаветно преданные делу Ленина. И таких было немало.

Я позволил себе это небольшое отступление от основной темы моих воспоминаний, испытывая моральную потребность сказать хотя бы несколько добрых слов о совсем еще молодых людях, которых мне пришлось встретить на своем жизненном пути. Их жизнь может и должна быть хорошим примером для современной молодежи.

* *
*

Кажется, в конце июня 1919 года, приехав в Тифлис на заседание краевого комитета партии, я решил хотя бы на два-три дня заехать в родную деревню, повидаться с близкими.

Вместе со мной в купе вагона оказался незнакомый мне чиновник. Судя по всему, он направлялся к месту службы. Дело в том, что рядом с нашей деревней был медеплавильный завод, а весь этот район входил в так называемую «нейтральную зону» между Арменией и Грузией. Районом этим тогда управляли чиновники, назначаемые английским военным командованием.

Мой попутчик был грузином. Он спросил меня, куда я еду и кто я такой. Я ответил, что еду в деревню Санаин погостить

у матери, что я работаю в Баку контрощиком на нефтепромыслах, и назвал свою настоящую фамилию.

Скрывать ее не имело смысла, так как при желании ее нетрудно было узнать, а кроме того, я полагал, что у местной администрации не было оснований придирааться ко мне.

Поддерживая беседу на самые разные темы, я избегал, однако, политических споров или даже разговоров, а он не навязывал.

Поезд въехал в узкое ущелье; с обеих сторон вплотную подступали крутые скалы; железная дорога вилась по самому берегу быстрой реки Дебет. Речка эта небольшая, но необычайно стремительная и шумливая. Я любовался красотами родной природы; сейчас все это трогало меня гораздо больше, чем раньше, в детстве.

Я не был здесь более года, полного бурных событий, трагических и радостных переживаний. Возвращался я сюда, можно сказать, другим человеком. Все вокруг казалось мне необычайным, неповторимо прекрасным: нигде не видел я и, казалось, уже никогда и не увижу такой красоты, столь близкой моему сердцу, таких гор, покрытых лесами, таких диких скал и бурных речек...

К середине дня прибыли в Алаверды. На этой станции и находилось промышленное предприятие — старый медеплавильный завод, принадлежавший французской компании.

Еще в дороге мой сосед рассказал, что рабочих на этом заводе гораздо меньше, чем раньше, что работает завод с неполной нагрузкой в связи с техническими неполадками и из-за плохой организации работ и т. п. Я уже рассказывал, что на заводе существовала подпольная партийная организация: в 1917 году я выступал у них на рабочих митингах, на собрании большевиков, которые избрали меня делегатом на Кавказский краевой съезд партии. Однако, учитывая принадлежность моего соседа по купе к чиновному миру, я, естественно, не мог и не стал проявлять особого интереса к заводу, а тем более к его рабочим.

Сойдя с поезда, я встретил у станции знакомого односельчанина, и мы вместе отправились в путь. Деревня наша, как и многие другие деревни в этом ущелье, была расположена на высокоом плато. Мы шли по крутой пешеходной тропе, хорошо знакомой мне с детства, взбираясь по скалам, поднимаясь на высоту почти 300 метров над уровнем реки, протекавшей в ущелье. Мой спутник рассказывал о жизни деревни, спрашивал, где я был, откуда приехал, как у меня дела. Он

вообще был очень удивлен моим появлением, так как здесь ходили слухи, что я погиб. По дороге нам повстречался еще один знакомый односельчанин. Надо сказать, что у нас в деревне было принято здороваться с каждым встречным, независимо от того, знакомый он или нет. Так вот, этот односельчанин, проходя мимо, кивнул, но меня явно не узнал. Тогда мой спутник спросил: «Ты что, не узнаешь его?» Тот посмотрел внимательно, отошел на несколько шагов назад и, видимо крайне удивленный, развел руками и сказал: «Чтобы труп ожил — этого еще не бывало!» Потом он подошел ко мне, стал меня обнимать — мы были когда-то хорошими знакомыми.

Хотя до деревни было не больше трех километров, из-за крутого подъема мы добирались почти целый час. Отца я в живых не застал. Он умер за год до этого. Мы с матерью бросились друг к другу, у нее по щекам текли слезы. Она все время благодарила бога за то, что он сохранил ее сына живым. Собралась моя многочисленная родня; каждый спрашивал, всем приходилось отвечать.

Было как раз обеденное время, и я с большим удовольствием съел все, что мать поставила передо мной на стол. Она была наверху блаженства: сидела рядом, смотрела на меня и, казалось, не могла насмотреться. В политике она не разбиралась, поэтому о политических делах я с ней не говорил; сказал, что живу хорошо, служу в Баку и она может обо мне не волноваться. Она стала спрашивать: «Как же, ведь были разговоры о том, что ты арестован англичанами и убит». После обеда я прошелся по деревне посмотреть, что в ней изменилось. В деревне мы все друг друга знали, поэтому моя прогулка превратилась в многочисленные беседы. Я пошел на кладбище, на могилу отца. Я чувствовал вину перед ним. Весной 1918 года, когда железнодорожное сообщение между Тифлисом и Баку было очень ненадежным и все ожидали, что оно вот-вот оборвется вообще, я получил телеграмму из деревни. В ней сообщалось, что отец серьезно болен и хочет, чтобы я приехал с ним попрощаться. Сыновний долг обязывал меня немедленно поехать, но это означало, что я был бы лишен возможности вернуться обратно в Баку; бросить же революционную работу в Баку с риском не вернуться обратно я не мог. К тому же не было уверенности, что я застану его в живых.

Теперь, стоя перед могилой отца, я мысленно просил у него прощения.

Семью нашу в то время содержал мой старший брат. За два года до первой мировой войны его призвали в армию, где он прослужил более шести лет и вернулся на родину в конце 1917 года. Теперь он работал плотником — по профессии отца. По тем временам семья жила неплохо: при отце у нас в хозяйстве были лишь две козы. Теперь появилась и корова. Младший брат Артем закончил к тому времени сельскую четырехклассную школу, и я решил устроить его для дальнейшего обучения в Тифлис, надеясь на гостеприимство моей тетки, Вергинии Туманян. С сентября 1919 года брат стал жить у нее в Тифлисе и ходить в армянскую школу.

Вечером мы всей семьей сели за стол на веранде ужинать. Появился сын соседа, с которым мы в детстве были друзьями. Он подошел ко мне, поздоровался, а потом отвел в сторону и сказал, что он служит в милиции нейтральной зоны и пришел предупредить, что его начальство решило меня арестовать. Он предложил мне бежать этой же ночью. Я его поблагодарил. Мы продолжали ужинать, никому ничего не сказав.

Когда все разошлись и настало время сна, я сказал матери и старшему брату, что должен уехать этой же ночью. Они были удивлены, очень огорчены и никак не могли понять, что же произошло. Тогда я вынужден был объяснить, что, если не уеду этой же ночью, меня арестуют. Я решил хотя бы несколько часов поспать. До этого мы посоветовались с мужем моей младшей сестры Акопом, рабочим-медеплавильщиком, как бежать, чтобы скрыться от полиции. Самым опасным местом был единственный очень древний каменный мост через речку. На мою удачу, никого около моста не оказалось, мы благополучно перешли через него и пошли в сторону, противоположную Тифлису. Было ясно, что мне нельзя ждать поезда на станции Алаверды. Мы направились на станцию Санаин, но решили, что и там мне появляться сразу не следует. Поэтому Акоп отправился туда один и зашел к нашему родственнику, имевшему небольшой ларек на этой станции, что нас в данном случае очень устраивало. Акоп передал ему деньги на билет для меня и договорился, чтобы перед приходом поезда он укрыл меня у себя в ларьке от посторонних глаз. После этого мы отправились с Акопом в ближайшую деревню Оздун, где жила моя тетка; та очень хорошо нас приняла.

Может быть, здесь стоит рассказать об одном курьезе, который тогда произошел. Помню, в разговоре тетка сказала,

что моя мать усиленно хлопочет о женитьбе старшего моего брата на дочери ее соседки. Мать этой девушки была согласна на этот брак, а вот отец все еще что-то колебался. «Давай сходим к ним! — сказала мне тетка. — Заодно ты познакомишься с этой девушкой, с ее родителями, а там, глядишь, и поможешь мне уладить это сватовство!»

Я согласился.

Встретили нас очень радушно. Хорошо угостили. Девушка, которую прочили в невесты брату, мне понравилась. Ее родители — тоже. Когда мы разговорились, я напрямик спросил у отца девушки, согласен ли он выдать свою дочь за моего брата.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, подумал что-то и после небольшой паузы сказал: «Я согласен выдать свою дочь, но только не за твоего брата, а за тебя!»

Такой неожиданный поворот меня удивил: ведь как-никак я пришел сюда в роли свата от родного брата! Я сказал, что жениться пока еще не собираюсь. «А кроме того, — сказал я, — вы же знаете, что по старым обычаям жениться раньше старшего брата мне нельзя!»

На том наш разговор и закончился. Так неудачно завершилась эта моя случайная миссия в роли свата.

К вечеру мы снова направились в путь, чтобы к приходу поезда быть на станции. Было уже темно, Акоп пошел вперед — разведать обстановку. Вернулся он довольный: все было спокойно. Мы уже вместе пошли на станцию. Минут через 10—15 подошел поезд. Переждав это время у хозяина ларька, я взял у него свой билет, незаметно вошел в вагон и сел в уголке.

Поезд тронулся. На платформе Алаверды он остановился на три минуты — это был самый напряженный момент: вдруг полицейские войдут в вагон и станут проверять документы? Но этого не произошло. Благополучно миновав эту станцию, я прибыл в Тифлис, а потом и в Баку.

* *
*

В июле 1919 года я вновь приехал в Тифлис на заседание краевого комитета партии. Место для заседания было выбрано на окраине города, в последнем ряду домов на склоне горы Мама-Давыд, в доме портного Раждена, проверенного, но ничем особенно не известного коммуниста. Полиция в этом районе почти не бывала, и нам казалось, что это место

с точки зрения конспирации выбрано очень удачно. Было решено, что на заседание приходим поодиночке. В нескольких десятках шагов от этого дома находился наш товарищ, который был обязан следить, чтобы за кем-нибудь из нас не увязался «хвост».

Я шел к Раждену спокойно.

Не доходя до места, я решил проверить, не тащится ли за мной кто-нибудь, вошел в магазин, пробыл в нем минуты две-три, делая вид, что хочу что-то купить, потом вышел на улицу. Не увидев ничего подозрительного, я пошел далее уже более уверенно.

В доме Раждена я застал уже прибывших туда двух товарищей — Георгия Стуруа и Славинского из Владикавказа.

Прошло несколько минут — и вдруг в дом входят двое полицейских. Старший из них обращается ко мне: «Вы Микоян?» «Да», — отвечаю я. «Вы арестованы». — «За что?» — «Имею указание начальника особого отряда Кедия» (это был меньшевистский отряд по преследованию коммунистов, пользовавшийся очень дурной славой).

Полицейский объявил арестованными и двух других товарищей.

Георгий Стуруа, который в таких случаях бывал необыкновенно находчив, тут же начал разговаривать с полицейским, фамилия которого была Липартия. Он уговаривал его, чтобы меня не арестовывали. Говорил он то по-грузински, то переходил на русский: «Меня и этого товарища вы можете арестовать — мы не возражаем, пойдем с вами в тюрьму, но Микояна вы ни в коем случае не должны арестовывать». Объяснял, что за Микояном следят деникинцы и английское военное командование и, если его арестуют, меньшевистское правительство передаст его англичанам, те — Деникину, и он будет казнен. «А ведь вы знаете, — говорил он, — что через непродолжительное время, может быть даже через полгода, большевики победят на Кавказе. Вот тогда и станет известным, что вы, Липартия, виновны в аресте и смерти Микояна. Тогда вам придет конец. Поэтому в первую очередь подумайте о самом себе».

Полицейский начал объяснять, что должен беспрекословно выполнить приказ начальства. «Тем более, — сказал он, — что, когда Микоян проходил по улице, Кедия смотрел из окна и, узнав его, поручил мне идти за ним и арестовать. Как же я могу не арестовать его и вернуться ни с чем?» На

все эти рассуждения полицейского Стуруа находил какие-то новые доводы, которых я сейчас уже не припомню.

В конце концов Липартия сказал: «Ну хорошо, я вас обоих оставляю, а Микояна возьму. Без него я не могу появиться перед начальством».

Тогда Стуруа заявил: «Мы без Микояна не останемся и пойдем вместе с ним». Так мы и пошли все вместе. Георгий и на улице продолжал все время твердить, что меня нельзя арестовывать и что полицейскому это потом припомнится.

Наконец у полицейского появились какие-то нотки колебания. Он сказал: «У меня семья, как же я буду ее содержать, если меня прогонят с работы?» Стуруа сразу же сориентировался и ответил, чтобы тот об этом не беспокоился, так как ему будет оказана нужная материальная помощь. Липартия замолчал. Тогда Стуруа сказал: «Тебе и твоему товарищу будет дано 5 тысяч рублей. Если вы, отпустив нас сейчас, придете вечером к Казенному театру, там будет стоять девушка с деньгами. Вы подойдете к ней, скажете свою фамилию, и она вручит вам эти деньги».

Липартия согласился, и мы все трое разошлись по разным переулкам в свои конспиративные квартиры. Помню, это произошло в тот момент, когда мы подходили к зданию судебной палаты — недалеко от штаба Кедия.

Свое обещание мы выполнили. Вечером Липартия получил обещанную сумму. Эти деньги ему передала моя невеста Ашхен, которая была в то время на летних каникулах в Тифлисе.

Любопытно, что лет через пятнадцать после этого я получил письмо от Липартия. Он описывал все, что тогда с нами произошло, и просил меня письменно подтвердить, что он действительно освободил меня от ареста, — это было нужно ему для получения пенсии.

* * *

*

Я уже говорил, что Дагестан был одним из главных очагов революционных событий того времени. Там сложилась довольно крепкая партийная организация. Под знаменем Советской власти успешно развивалось повстанческое движение. Смелые и решительные набеги партизанских отрядов Дагестана на тылы денкинской армии наносили ей весьма существенный урон. Активную революционную борьбу вели железнодорожники Дагестана и портовики Петровска.

Большевики Дагестана всегда были тесно связаны с Бакинским комитетом партии и опирались на его поддержку. Большевистские организации Азербайджана оказывали большую помощь дагестанским товарищам, отправляя им оружие, деньги, литературу, посылая людей. Следует отметить особую роль во всей этой работе члена нашего крайкома Гамида Султанова. Среди передовых бакинских рабочих и коммунистов было немало выходцев из отдаленных аулов Дагестана. Они поддерживали связь с земляками, активно влияли на них. Мне, например, хорошо запомнились колоритные фигуры двух выдающихся рабочих-дагестанцев — активных коммунистов Казимамеда и Айдинбекова. Помню, какую большую помощь они оказали, в частности, мне весной 1917 года, когда я только что прибыл в Баку для партийной работы.

Дагестан был связан не только с Баку, но и с Астраханью. За развивающимися в Дагестане событиями политической борьбы внимательно наблюдал С. М. Киров. Именно при его непосредственном участии в начале 1919 года в Дагестан был отправлен из Астрахани с группой военных работников видный большевик Буйнакский, сыгравший большую роль в общем укреплении партийной работы в Дагестане и установлении тесной связи с нами.

К лету 1919 года влияние коммунистов в Дагестане настолько возросло (особенно в горных аулах), что реально встал вопрос о вооруженном восстании. Оно должно было начаться в мае 1919 года, и дагестанские товарищи были уверены в его успехе. Однако сроки восстания почему-то несколько затянулись. За это время горское контрреволюционное правительство решило перейти в наступление и разом покончить со «смутой». Выследив, когда руководители подпольной большевистской организации собрались на конспиративное заседание, полиция схватила их и бросила в тюрьму.

19 июля 1919 года я сообщал в ЦК партии по этому поводу: «Правительство Горской республики путем открытого предательства в половине мая прекратило войну с Деникиным, заключило с ним соглашение, переарестовав всех наших товарищей (до 35 человек) — руководителей готовящегося восстания, и передало их в руки добровольцев Петровска. Они до сих пор не были расстреляны, так как арестованные в Ленкорани деникинцы были объявлены нами заложниками. На днях состоялся военно-полевой суд. В результате пять лучших товарищей — Уллуби Буйнакский, Абдул Багаб Гад-

жи Магома-оглы, Абдурахман Измаилов, Саиб Абдул Халимов и Маджит Али-оглы — приговорены к смертной казни».

После гибели Буйнакского и его товарищей осенью 1919 года, когда горское правительство было уже разогнано (на этот раз самими деникинцами), в Дагестан из Баку был направлен товарищ Казбеков. Его хорошо знали в Дагестане: в 1918 году он был членом Дагестанского ревкома, а после временного падения там Советской власти работал в бакинской партийной организации. Прибыв в Дагестан, Казбеков активно включился в работу Дагестанского обкома партии.

С июня 1919 года самое деятельное участие в подготовке трудящихся Дагестана к июльскому антиденикинскому восстанию принимал присланный Кировым из Астрахани Борис Шеболдаев.

Бюро нашего краевого комитета партии оказывало Дагестану всемерную поддержку и помощь в подготовке восстания и в борьбе против армии Деникина.

Следует сказать несколько слов о роли местного духовенства в общей борьбе дагестанцев. Оно было расколото на две группы. В противовес реакционному духовенству во главе с имамом Гоцинским, отражавшему интересы эксплуататорской верхушки, в Дагестане были духовные лица, стоявшие на стороне революционной бедноты, нередко даже координировавшие свои действия с коммунистами.

В годы гражданской войны дагестанские большевики не раз использовали в своей борьбе активных деятелей панисламистского движения Али-Гаджи Акушинского и Узун-Гаджи (имевших тогда большое влияние в массах) для ослабления позиций внутренней контрреволюции и для организации борьбы против интервентов и белогвардейцев. В частности, они оказали немалую помощь дагестанским товарищам в привлечении широких слоев бедноты в повстанческие отряды. Рассказывали, например, что Али-Гаджи Акушинский активно содействовал проведению в аулах Дагестана мобилизации бедноты для борьбы против Деникина.

Повстанческое движение охватило горцев многих районов Северного Кавказа. Бои шли с переменным успехом. Но при всех случаях набеги партизан наносили серьезный урон белогвардейским частям, а самое главное, отвлекали часть деникинских вооруженных сил от фронта борьбы с Красной Армией, оказывая ей тем самым серьезную поддержку в те трудные дни.

В ноябре 1919 года я написал опубликованную тогда же в «Правде» статью о характере и движущих силах восстания горцев на Кавказе. Содержание этой статьи и сегодня может представить определенный интерес для читателей. Поэтому сошлюсь на нее.

Я указывал, что в силу исторически сложившихся обстоятельств при царизме горские трудящиеся массы были еще очень далеки от участия в политической жизни. Мало что сделала в этом отношении и Февральская революция.

Только после Октябрьской социалистической революции и в особенности по мере роста и укрепления Советской власти на Северном Кавказе широкие массы трудящихся горцев, ингушей, чеченцев, осетин, дагестанцев и других народов Кавказа политически прозрели, осознали свои классовые и национальные интересы и активно включились в революционную борьбу на стороне Советской власти, грудью встав на защиту этой власти от белогвардейских банд. Именно Октябрьская революция дала им возможность впервые почувствовать себя свободными и равноправными с другими народами. С помощью Советской власти они избавились от невыносимого казачьего гнета и произвола и смогли вернуть себе те земли, которые были насильственно отняты у них царизмом и переданы зажиточному казачеству.

Говоря о нашествии деникинских банд, я писал, что вначале горцы «еще недостаточно осознали характер надвигавшейся на них генеральской контрреволюции: вопрос о том, быть или не быть Советской власти, еще не был понят ими как вопрос их жизни и смерти».

Вот почему горцы вначале и не отдавали на борьбу с «добрвольческими» бандами «всею, что могли, не напрягали всех своих сил и тем самым невольно облегчили падение Советской власти на Кавказе».

Однако вскоре они на собственном опыте убедились, что несет за собой власть генеральских опричников и казачьих «молодцов».

«Деникин в первые же дни достаточно ярко, без всякой маскировки, показал свою дьявольскую физиономию,— говорилось в статье.— Его достойный соратник, кровавый усмиритель и палач революции в Персии, бравый генерал Ляхов сжигал и уничтожал дотла аулы, не щадя, расстреливал всех попадавших ему на глаза мужчин, женщин, детей и стариков, последовательно придерживаясь в этом вопросе принципа безусловного «равенства для всех». Так, в январе и феврале были стерты с лица земли десятки ингушских и чеченских аулов. В апреле, а потом в июле в Дагестане и Ингушетии то же самое было повторено для боль-

шего эффекта. Внушив таким путем страх и «уважение» к своей власти, деникинцы назначили своих маленьких царьков для каждого горского народа — «правителей» Дагестана, Чечни, Ингушетии и Осетии, создали из офицеров и контрреволюционно настроенных горцев карательные отряды, наложили на горцев невыносимо тяжелую контрибуцию, уплата которой повлекла за собой полное разорение и без того небогатого горского населения, а беднота вообще не могла дать и половины требуемого...

Усвоив основательно «предметный» урок, данный им помещичье-буржуазной контрреволюцией, набрав силы и выполнив необходимую подготовительную работу (а надо учесть, что в то время горцы еще не имели крепких политических партий, газет и кадров интеллигенции), трудящиеся массы горцев, спаянные единодушием и твердой решимостью биться с наглым врагом, приняли на своих съездах решения: ничего не давать Деникину и начать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. Свободолюбивые орлы Кавказских гор поднялись на священную борьбу за свою свободу, против генеральской черной реакции. Больше трех месяцев широкие массы всех горских народов были охвачены пожаром всеобщего восстания».

Для нашей партии и Советской власти, писал я в своей статье, очень важно выяснить характер движения горцев. В нем ясно проступали элементы их социальной, классовой дифференциации. Восстание горцев являлось выражением борьбы горской бедноты не только против Деникина, но и против его агентов из горской среды.

«Если при продвижении деникинских банд на Кавказ горская беднота со скрежетом зубов оказывала им явное или скрытое противодействие, то в отличие от них имущие слои горцев, бывшие чиновники, офицеры и кулаки не только всемерно помогали Деникину укрепиться в горах, но и просили, умоляли его поставить свои гарнизоны в крупных аулах для защиты их имущества; они охотно поступали на службу к палачу своего народа, занимая посты правителей («наместников» Деникина), начальников округов, старшин, пополняя отряды для расправы с беднотой. Все свое черное дело угнетения и грабежа горского народа Деникин хитро проводил руками горских контрреволюционеров. Поэтому безграничная ненависть бедноты к своим поработителям распространялась не только на деникинцев, но и на «своих» горцев-контрреволюционеров...

В горах оставалось еще немало русских красноармейцев. Много пошло и добровольцев на помощь восставшему народу. Горцы-мусульмане не только давали приют, но с распростертыми объятиями принимали русских большевиков, относясь к ним с особой любовью и признательностью, идя с ними рука об руку в бой против русских генералов и офицеров...

Положение, в котором очутились горцы, дало им возможность правильно понять характер своего движения и искать союзников. Они обратились не к азербайджанскому, мусульманскому, буржуазно-помещичьему правительству, а к комитету большевиков, прося его о помощи и желая знать, скоро ли вернутся к ним большевики и Красная Армия.

Восставшие трудящиеся массы горцев, решив победить или умереть,

повернулись спиной к буржуазно-лактейским правительствам своих единоверцев и социал-предателей.

Партизаны Кавказских гор протянули свою братскую руку Красной Рабоче-Крестьянской Армии и не отступят, пока не разобьют контрреволюционную стену, воздвигнутую черносотенными бандами между горскими народами и социалистической Россией».

НОВЫЙ АРЕСТ

Допрос. — В Бакинской тюрьме. — Из тюрьмы в тюрьму. — Нас освобождают.

В Баку мне приходилось в то время работать в строго конспиративных условиях. Я не принимал участия ни в каких легальных собраниях. Бывал только на конспиративных пленарных заседаниях Бакинского комитета партии, которые обычно устраивались в рабочих районах. Заседания эти проходили, как правило, в клубах, за сценой, причем для маскировки во время заседаний в клубном зале проводились репетиции групп рабочей самостоятельности.

Заседания же бюро Бакинского комитета партии (ввиду малочисленности его состава) проводились на городских конспиративных квартирах: то у Каспаровых, то в квартире Черномордика или еще у кого-либо из наших надежных товарищей.

В то время я жил у Черномордика. Квартира была пустая — хозяева жили на даче. Однажды ко мне зашел Гогоберидзе с двумя товарищами. Один из них — Авис Нуридзян, которого я хорошо знал по работе в Баку. Другой — Юрий Фигатнер, с которым познакомился недавно. Он нелегально прибыл к нам в Баку — через Грузию — с Северного Кавказа, где до временного падения Советской власти был народным комиссаром Терской республики. Фигатнер только на днях вернулся из Дагестана, куда он нами был направлен для выяснения обстановки. Он зашел ко мне, чтобы рассказать о своей поездке. Оба они — и Нуридзян и Фигатнер — были хорошими и верными коммунистами.

Мы долго обсуждали вопросы текущей политики. Много говорили о положении в районах, о деятельности рабочей конференции. Наметили ряд предложений, которые намере-

вались поставить на обсуждение Бакинского комитета партии и бюро крайкома.

Встреча наша затянулась, стояла невыносимая жара, в квартире было трудно дышать. И тогда Гогоберидзе неожиданно предложил: «Пойдем искупаемся в море. Думаю, что никакой опасности нет. Вряд ли, Анастас, полиция ждет тебя в морской купальне!» Жара настолько нас «расплавила», что я, не колеблясь, принял это соблазнительное предложение.

Вечерело. Выйдя из дома, мы перулками благополучно добрались до городских купален. Море было очень спокойное. Мы долго и с большим удовольствием купались в теплой воде. Купание нас настолько освежило и приободрило, что мы совсем забыли о нестерпимой жаре, а к тому же она стала спадать. Но зато появилось чувство голода. Мы вспомнили, что еще не обедали. Но как у меня, так и у моих друзей никакой еды дома не было. Тогда все тот же инициативный Гогоберидзе предложил отправиться в какой-нибудь ресторан и хорошенько поесть. Я высказал мысль, что лучше пойти в какую-нибудь столовую, но Гогоберидзе отклонил мое предложение, заявив, что с точки зрения конспирации нам все же лучше пойти в ресторан. Обычно за рабочими столовыми полицейские шпики ведут наблюдение; там меня как раз и могут узнать. А в богатом «буржуазном» ресторане спокойнее: никто не ожидает встретить там большевиков.

Доводы были как будто убедительные, Гогоберидзе повел нас в ресторан «Тилипучур», в котором он уже раньше бывал.

Ресторан был ярко освещен. Вокруг сидели, смеялись, выпивали хорошо одетые мужчины и женщины. Гогоберидзе повел нас через весь зал к свободному столику, стоявшему в несколько затененном углу. Заказал он бифштексы «с кровью» и, как помнится, кахетинское вино.

Ели мы с большим аппетитом, настроение было преотличное. Мы забыли о какой-либо опасности. Покончив с бифштексом, мы уже подумывали: а не повторить ли нам?

В это время в зале неожиданно появился пристав с двумя полицейскими. Стало ясно, что мы попались. Я лишь успел, пока к нам через зал подходил пристав, шепнуть Гогоберидзе, чтобы он затеял с ним спор по поводу нашего ареста, так как только в этот момент вспомнил, что у меня в кармане лежит несколько конспиративных документов. Я стал лихорадочно думать, как мне от них избавиться...

Тем временем Гогоберидзе в острой и резкой форме протестовал против своего ареста, поскольку он являлся тогда

председателем рабочей конференции Баку и поэтому был, так сказать, лицом неприкосновенным. Пристав, конечно, смотрел на него, а двое полицейских смотрели то на пристава, то на Гогоберидзе. Я огляделся вокруг. Вижу, никто не обращает на меня никакого внимания; даже окружающая публика смотрела на Гогоберидзе и на пристава. Тогда я незаметно достал из кармана документы и подсунул их под скатерть стола.

Только после этого я облегченно вздохнул. Теперь я мог уже разыгрывать из себя кого угодно. Надо сказать, что среди спрятанных под скатерть документов находился мандат, который был написан на маленьком (с современной театральной билетик) куске белого полотна. В нем указывалось, что выдан он товарищу Эшба, командируемому ЦК партии на Кавказ для ведения партийной работы. Мандат этот был подписан секретарем ЦК партии Еленой Стасовой и скреплен печатью Центрального Комитета РКП(б). Накануне этого происшествия Эшба действительно приехал в Баку, был у меня и оставил этот мандат. Я его положил в карман и не успел никуда спрятать. Эшба, как и Нестор Лакоба, был общепризнанным руководителем коммунистов Абхазии.

Наконец, прервав перепалку с Гогоберидзе, пристав обернулся ко мне с вопросом, кто я такой. Я ответил: «Учитель, беспартийный, приехал из Тифлиса в поисках работы. Фамилия моя Тер-Израелян (на эту фамилию у меня имелся паспорт). Был на приеме у председателя рабочей конференции с просьбой устроить на работу. Он обещал помочь и пригласил меня с двумя другими товарищами, которые также были у него на приеме по вопросу трудоустройства, отобедать с ним». Остальные товарищи дали ему аналогичные ответы. Держались мы тихо, спокойно. Нас вывели из ресторана и в сопровождении полицейских повели в ближайший, кажется пятый, участок полиции.

По дороге я лихорадочно соображал, какую же квартиру мне назвать при допросе как свое местожительство? Квартиру Черномордика нельзя, так как в ней хранились важные партийные документы. Лучше всего было назвать квартиру, где ничего секретного не хранилось, а хозяин был предупрежден, что в случае необходимости я укажу, что являюсь его временным жильцом: это была наша резервная конспиративная квартира.

На улице совсем стемнело, но народу было много. Совершенно случайно навстречу нам попала Ольга Шатуновская.

Она была очень удивлена, увидев нас в сопровождении полицейских. Благодаря толкотне на этой оживленной улице я успел ей шепнуть, чтобы она предупредила товарищей и привела в порядок квартиру, которую я назову в полицейском участке.

В участке к допросу приступил уже другой пристав. Гогоберидзе повторил ему все то, что он говорил в ресторане, и вновь потребовал своего немедленного освобождения, ничего не говоря о нас. Мы трое, каждый в отдельности, рассказали приставу свои «легенды», которые как будто бы не вызвали со стороны пристава никаких подозрений: он принял все на веру. Мы просили освободить нас, так как ни в чем не виноваты. Но нас не освободили. Ночь и половину следующего дня мы провели в этом полицейском участке. Вспоминается один эпизод, связанный с пребыванием там.

Хозяин одного из бакинских ресторанов был земляком Левана Гогоберидзе и хорошо к нему относился. Леван довольно часто у него обедал. Каким-то образом он узнал, что Гогоберидзе арестован, — возможно, ему рассказали об этом те, кто был в ресторане во время нашего ареста. И вот утром к нам вносят от него большую корзину. В ней оказался отличный шашлык, свежий хлеб и большой арбуз. Для нас это был неожиданный и приятный сюрприз.

Наконец в середине дня нас посадили в два фаэтона и под охраной повезли на окраину Баку, в Баиловскую тюрьму. Там нас всех четверых поместили в одной небольшой камере. На койках были только голые доски: матрасов и подушек не было. Но это нас особенно и не огорчило. Лежать на досках нам было привычно. А одеяла не были нужны, так как стояла страшная жара. Кормили очень плохо, пока через два дня товарищи не наладили передачу нам продуктов на имя Гогоберидзе. Ему удалось к тому же установить хорошие отношения с одним из надзирателей: он уговорил его передать на волю по определенному адресу письмо, пообещав хорошо заплатить за эту услугу. Поскольку это письмо могло попасть в руки тюремной администрации, мы написали его эзоповским языком. Смысл же письма состоял в том, чтобы товарищи через лицо, передавшее письмо, сообщили нам, какие меры они предпринимают для нашего освобождения.

Еще до нашего ареста нам стало известно, что в этой тюрьме сидит арестованный дней десять назад Борис Шеболаев. По своему характеру он был очень спокойный и выдержанный, никогда не раздражался, в спорах не горячился, го-

ворил обдуманно, не любил лишних слов. Это был прекрасный человек и коммунист.

Мы не могли даже догадаться, каким образом он был арестован, предполагая тогда, что выдал его, очевидно, кто-нибудь из тех, кто помогал ему достать документы из английского военного штаба для поездки в стан Деникина в качестве офицера этого штаба. Помню, я высказывал даже мысль о том, что, может быть, Шеболдаева арестовали не сразу, а после того, как выявили его связи, и тем самым раскрыли в какой-то степени нашу агентурную сеть. Это было наиболее опасно и для самого Шеболдаева и для многих других товарищей.

Во всяком случае, теперь, когда мы попали в ту же тюрьму, где находился и Шеболдаев, мы решили не торопиться устанавливать с ним связь. Помочь ему мы ничем не могли (как, кстати, и он нам), а усложнить положение было нетрудно: достаточно было обнаружить, что между нами и Шеболдаевым есть что-то общее, нам бы всем не повздорилось.

Надзиратель, о котором я уже говорил, оказался человеком порядочным. Он не только отнес тогда наше письмо, но и доставил ответ. И так делал не раз.

Товарищи с воли наметили два варианта нашего освобождения.

Первый из них состоял в том, что они пришлют нам пилы, которыми можно распилить решетку на окне, выходящем на улицу. Ночью в условленное время мы должны были выбраться на свободу через это окно. Часовой был бы уже изолирован, а ожидавший неподалеку фаэтон отвез бы нас в условленное место.

Другой план состоял в том, чтобы через надзирателя доставить нам в тюрьму пистолеты. В условленный день перед закрытием камер на ночь мы должны были обезоружить надзирателей, запереть их в нашей камере и, пройдя по коридору тюрьмы, выбраться на улицу, где нас ожидали бы товарищи.

Мы обдумали эти варианты. Оба были очень рискованными. Провал был возможен в том и другом случае: нельзя было заранее предвидеть все возможные осложнения. Сообщили товарищам, чтобы они готовили оба плана, пока мы окончательно не решим, какой из них принимается. Одновременно мы просили наших друзей, чтобы Караев как депутат парламента принял энергичные меры к освобождению Гогоберидзе как председателя рабочей конференции, арестованного незаконно. В этом случае все могло решиться проще.

В камере было невыносимо жарко. Дышать становилось все труднее. К тому же, попав сразу после напряженной работы в непривычную обстановку полного безделья, мы оказались в каком-то особо угнетенном состоянии. Появилась даже какая-то расслабляющая лень. Меня все время мучила мысль о том, как это я, нарушив правила конспирации, согласился с предложением Гогоберидзе, допустил неосторожность, подвел и себя, и своих товарищей. Выходило, что мы сами себя загнали в тюрьму. Это было тем более досадно, что за ее стенами нас ждала так внезапно прерванная большая партийная работа. Я думал о том, что бывают ошибки неисправимые; эта была именно такой. Конечно, я не мог особенно упрекать Гогоберидзе, потому что гораздо большая ответственность за происшедшее ложилась на меня: я был старше Левана и по возрасту — мне было 24 года — и по опыту политической работы, а поэтому должен был проявить большую осмотрительность.

Все эти тягостные мысли, однако, развеивал тот же Гогоберидзе. Жизнерадостный, веселый, он всегда вносил оживление, много шутил, и это нас приободряло. А Авис Нуриджанян, напротив, был особенно подавлен. Все время он напевал на азербайджанском языке какую-то заунывную песню, содержание которой, как помнится, не шло дальше утверждения, что

В камере моей жарко и тесно,
А на душе горестно...

Авис был человек чувствительный и впечатлительный. Прошло менее года, как он вступил в партию. Надо сказать, что в тех условиях вступление в партию нередко сулило перспективу попасть за решетку, а то и вообще лишиться жизни. Однако он до конца твердо стоял на позициях коммуниста. Забегая вперед, скажу, что примерно через год Авис оказался одним из активных руководителей восстания и борьбы за победу Советской власти в Армении и показал себя в этой борьбе преданным и самоотверженным борцом.

Тоскливые песни Ависа раздражали Гогоберидзе: он постоянно просил его замолчать и не играть на нервах.

Третий наш товарищ по камере — Юрий Фигатнер — был серьезным, сосредоточенным, не шутил и не любил, а может быть, не понимал шуток. Угрюмо устремив взгляд в потолок камеры, лежа на койке, он подолгу о чем-то думал. Мне казалось почему-то, что он опасался, как бы ему не пришлось раз-

делить трагическую судьбу хорошо известного ему коммуниста Анджиевского, председателя Пятигорского Совета рабочих депутатов. (Это был талантливый оратор и популярный деятель; одно время имя его буквально гремело на Северном Кавказе. Ему удалось весной 1919 года вместе с группой товарищей пробраться через Кавказский хребет и Грузию к нам в Баку, где он сразу же включился в партийную работу. Я с ним несколько раз встречался. Он производил впечатление энтузиаста, энергичного работника, преданного революционера, который не мог сидеть сложа руки, а должен был действовать, работать, бороться. Анджиевский вскоре был арестован мусаватскими властями и, видимо, по требованию деникинцев передан английскому командованию, которое в свою очередь переправило его на Северный Кавказ — к деникинцам. Все это было проделано так быстро, что мы не успели даже вмешаться. Помню, все мы с большой горечью пережили эту потерю...)

В камеру стали поступать газеты, которые передавали товарищи с воли. Это внесло известное оживление в нашу однообразную жизнь: мы стали приобщаться к текущим событиям, обсуждать их. Так прошло около недели.

Однажды вечером, часов около десяти, старший надзиратель открыл дверь нашей камеры и сказал: «Господа! Приготовьтесь, вас должны перевести из Баилловской в Центральную тюрьму». Это неожиданное сообщение всех нас сильно встревожило. Мы знали, что обычно в 8 часов вечера ключи от дверей всех тюремных камер передавались начальнику тюрьмы и только на следующий день в 7 часов утра они возвращались обратно надзирателям, которые вновь могли открыть камеры. А тут вдруг в ночное время ключи оказались у надзирателя и нас так поздно хотят переправить в другую тюрьму. Помню, мы подумали: не может быть, что нас просто переводят в Центральную тюрьму. Мы единодушно и твердо заявили, что не согласны ночью переходить в другую тюрьму и из своей камеры не выйдем. Надзиратель ответил, что в контору тюрьмы прибыло большое начальство, которое приехало специально для нашего перевода. На это мы опять заявили: «Идите и доложите начальству, что мы категорически отказываемся уходить».

Надзиратель ушел, а мы стали обмениваться мнениями: что бы все это могло означать? Пришли к единому заключению, что это не перевод в Центральную тюрьму. Скорее всего, нас хотят отсюда вывести, чтобы ночью посадить на пароход

и передать англичанам. Мы решили категорически отказаться от ночного вывода, рассчитывая, что днем удастся связаться с волей и, может быть, принять какие-то меры.

Через некоторое время в камере появились начальник жандармского управления, надзиратели и много полицейских, заполнивших весь коридор. На требование немедленно выйти из камеры Гогоберидзе ответил: «Мы не можем согласиться с вашим требованием. Мы никуда не пойдем ночью. Завтра днем, пожалуйста, переводите нас, куда хотите».

Тогда жандармский начальник вновь повторил свое требование, заявив, что, если мы не согласимся идти добровольно, нас переведут насильно.

Мы подумали, что, пожалуй, они действительно могут так поступить, к тому же изрядно нас избив. Посмотрели на Гогоберидзе. Подумав, он сказал, что мы протестуем, но вынуждены подчиниться силе.

Нас тесно окружили полицейские и повели через коридор в контору тюрьмы. Через несколько минут видим: вводят Бориса Шеболдаева. Новая неожиданность! Никакого общего дела у нас с ним не было. О нем нас ни разу не допрашивали. Вообще в разговорах с нами фамилия его не упоминалась.

И вот тогда, в тюремной конторе, мы еще больше утвердились в мнении, что нас собираются не просто переводить в другую тюрьму, а хотят вместе с Шеболдаевым передать английской военщине. Когда Бориса Шеболдаева ввели в контору, вид у него был довольно заспанный. Он осмотрелся по сторонам, узнал нас, провел рукой по лицу, издав какой-то непонятный звук, и сказал: «А, теперь я все понимаю!» Ясно, что и он заподозрил что-то неладное. Однако мы никак не реагировали на его реплику и даже не поздоровались с ним, делая вид, что мы незнакомы.

Стоим в ожидании, что будет дальше. Вдруг входит какой-то надзиратель с длинной толстой веревкой и спрашивает у начальства: «Эта годится?» Я не удержался и в шутку спросил: «Вы что, господа, повесить нас собираетесь?» На мою реплику начальник тюрьмы ответил: «Дело в том, что наручники находятся в Центральной тюрьме, а у нас их сейчас нет. Поэтому вместо наручников мы свяжем вас всех вместе этой веревкой».

Так и сделали. Каждому из нас заложили руки за спину, связали их веревкой и одновременно привязали друг к другу. После этого через плохо освещенный коридор, гуськом, под усиленной охраной нас вывели на улицу. Там был пригото-

лен грузовик. Вместе с нами в кузов забрались и полицейские.

Стояла теплая безветренная лунная ночь. Дышать свежим воздухом после камеры было приятно, но на душе было невесело. При полицейских мы между собой не разговаривали, да, собственно, и говорить было не о чем. Все примерно догадывались, что может нас ожидать...

Дорога, по которой мы ехали, проходила мимо набережной. Когда наш грузовик подъезжал к пристани, мы все ждали, что вот-вот он остановится и нас погрузят на корабль. Когда же, не замедляя хода, мы проехали мимо пристани и направились к Центральной тюрьме, на душе стало гораздо легче.

В отличие от Баиловской тюрьмы, расположенной на окраине, эта тюрьма находилась в центре города. Кругом нее были жилые здания. Сама тюрьма разместилась в здании мельницы, построенной азербайджанским капиталистом Тагиевым, который потом подарил это здание царской власти под тюрьму. Поэтому ее называли тагиевской тюрьмой.

Нас провели на 5-й этаж, в корпус вечных каторжан и смертников. Мне уже приходилось раньше сидеть в нем.

Здесь нам развязали руки. Арестанты в соседних камерах проснулись и глядели на нас через дверные отверстия. Вдруг из одной камеры раздался голос: «Товарищ Микоян?» На счастье, рядом не было полицейских. Я тут же подошел к двери этой камеры и очень тихо сказал: «Я не Микоян, а Тер-Исраелян». Видимо, меня поняли, потому что больше из этой камеры не раздалось ни звука. Все это произошло так быстро и тихо, что надзиратели ничего не заметили. Нас повели дальше и поместили в камеру, расположенную в конце коридора. Через несколько дней мне удалось все-таки, когда нас выпустили в коридор, подойти по дороге в туалет к двери той камеры и спросить, кто там сидит. Оказалось, что там находится один из бывших красноармейцев бригады, где я был комиссаром. Лично его я не знал, но он меня запомнил. А главное, выяснилось, что это был человек, который по решению нашей партийной организации и приказу своего командира совершил террористический акт — убил из маузера бывшего коммуниста, некоего Геловани, оказавшегося провокатором. Но об этом несколько позже.

В тюремном корпусе, где мы находились, арестованные сидели в камерах-одиночках. Нас же пятерых посадили в одну такую камеру. Мы спали прямо на бетонном полу.

Вскоре нам прислали с воли простыни и подушки, была налажена и передача продуктов — опять на имя Гогоберидзе. Кроме газет мы стали получать даже и книги. Помню, с каким большим удовольствием я читал рассказы Чехова.

Доставка к нам продуктов, книг и газет проводилась группой школьниц старших классов, членов коммунистической молодежной организации. Делали они это с большим увлечением, очень аккуратно, и надо сказать, что им как-то хорошо удавалось незаметно для надзирателей, проверявших передачи, всовывать в упаковку продуктов записки с необходимой для нас информацией.

Из газет мы узнали: английское командование приступило к выводу из Азербайджана своих войск, оставив в Баку лишь представителя. Видимо оно решило, что влияние и общие позиции англичан в Азербайджане окрепли и уже ничто здесь не угрожает их господству. Из полученной с воли записки мы узнали также, что наши товарищи в Бакинском комитете партии активно обсуждали этот вопрос, споря о значении такого события для нашей революционной борьбы, пытаясь понять истинные причины ухода из Баку оккупационных войск, поскольку были серьезные опасения (позднее, правда, не оправдавшиеся), что, уходя, англичане могут сдать город денкинцам, которые продолжали на юге России свое наступление.

Вдруг неожиданно в нашей партийной печати возникла дискуссия. Будучи редактором газеты, Ломинадзе без одобрения Бакинского комитета опубликовал большую путаную передовую статью, в которой утверждал, что вывод английских войск из Закавказья означает крах не только английского, но и мирового империализма. По мнению коммунистов, находившихся тогда в тюрьме, эта статья была ошибочной, идущей вразрез с политикой нашей партии. Через два дня появилась статья Саркиса, под псевдонимом «Даниельсон», в основном правильно критикующая статью Ломинадзе. Еще через день мы прочитали ответную статью Ломинадзе. Так неожиданно для всех нас началась дискуссия в печати. Мы написали из тюрьмы товарищам на волю довольно резкое письмо, в котором осуждали факт этой дискуссии, ненужной и даже вредной в то время для нашей партии. По существу же вопроса мы заявили о своем согласии с точкой зрения Саркиса и несогласии с позицией Ломинадзе. Мы потребовали немедленного прекращения дискуссии. Товарищи и сами поняли, что допустили ошибку: дискуссия была прервана и разногласия безболезненно ликвидированы.

До этого ареста я не курил. Сидящие же со мной товарищи, в особенности Гогоберидзе, курили — и очень много. Гогоберидзе и меня стал уговаривать закурить. Я упорно отказывался, говоря, что это ни к чему, что никакого интереса к курению у меня нет. Конечно, тогда я не думал о своем здоровье. Леван же настойчиво убеждал меня, что от курения человек испытывает очень большое удовольствие. Агитатор он был отличный — стоит только вспомнить купание и обед в ресторане! Я и на этот раз поддался его уговорам и по-немножку стал покуривать. Вначале это занятие мне не очень нравилось, но постепенно я втянулся. Забегая вперед, скажу, что курил я после этого двенадцать лет подряд. Это отрицательно сказалось на моем здоровье, я бросил курить окончательно и никогда больше в жизни уже не курил.

Гогоберидзе, очевидно в силу молодости и особой жизнерадостности характера, были свойственны почти детские шалости. Вспоминается такой случай. В нашей камере, находящейся на пятом этаже, окно было расположено очень высоко. Встав на табуретку, можно было видеть плоскую крышу одноэтажного здания, по которой взад и вперед ходил часовой, наблюдая за окнами тюрьмы. В камере у нас была всего одна табуретка. Гогоберидзе ставил ее у окна, вставал на нее и долго глядел на часового. Выждав момент, когда часовой шел в противоположную сторону, Гогоберидзе громко кричал ему: «Аскер, ай аскер!» (по-азербайджански — солдат). Часовой оборачивался, а Гогоберидзе быстро наклонялся. Никого не увидев в окне, часовой продолжал свое хождение. Вновь уловив удобный момент, Гогоберидзе повторял свой выкрик, и так продолжалось много раз. Солдат чуть с ума не сходил от крика; он все время вскидывал винтовку и искал, в какое окно выстрелить, но в окнах никого не было видно. Гогоберидзе же хохотал от удовольствия. Я стал его уговаривать прекратить эти шалости, говоря: «Леван, ты пойми: своими криками ты треплешь солдату нервы. А чем он виноват? Он простой человек, выполняет воинский приказ, несет службу и ничем тебе не мешает. А ты его дразнишь, и он ведь всерьез может выстрелить. В тебя он вряд ли попадет, но если даже пуля через окно ударится в потолок камеры, рикошетом она может попасть в кого-нибудь из нас. Нехорошо так делать, да к тому же это и опасно». Только после таких уговоров Гогоберидзе перестал дразнить солдата.

Мы часто думали, что же надо предпринять, чтобы нас освободили. Товарищи с воли старались это сделать, но пока

что у них ничего не выходило. Вспоминаю один случай. Всегда серьезный Юрий Фигатнер, однажды во время обсуждения этого вопроса, нахмутив брови и выразительно жестикулируя руками, как оратор на трибуне, сказал: «Надо бросать лозунги рабочим, лозунги бросать!» Это немедленно подхватил Гогоберидзе и, юмористически копируя Юрия, стал повторять: «Надо бросать лозунги, лозунги бросать!». Мы смеялись. Смеялись не только потому, что Гогоберидзе очень смешно копировал Фигатнера, но и над самим предложением Юрия. Оно было просто бессмысленно в тех условиях. Мы не сомневались в том, что Гогоберидзе, как председателя рабочей конференции, все равно должны освободить. Товарищи с воли принимали для этого все меры. Следовательно, из-за Гогоберидзе созывать рабочих на демонстрацию и «бросать им лозунги» не имело смысла. Что же касается остальных, то это предложение тоже было нерационально, потому что все мы сидели в тюрьме под чужими фамилиями, ничего не говорящими бакинскому пролетариату.

Раскрывать же наши подлинные имена означало создать для себя действительно огромную опасность. Нужны были другие средства. И мы не сомневались, что наши товарищи сделают для этого все необходимое. К тому же, когда Гогоберидзе освободят, он и сам включится в это дело.

И в Баиловской тюрьме и здесь нас, как, впрочем, и других арестованных, на прогулку во двор не выпускали: весь день мы находились в камере.

Ежедневно в установленное время всех заключенных выпускали в туалет. Тут-то мы и могли видеть других арестантов, уголовников: они относились к нам с большим уважением, как к «политикам». К тому же Гогоберидзе был известен всему городу, пользовался большим уважением, а мы были его товарищами. Особенно большое внимание оказывали нам двое грузин. Надзиратель у нас был русский, пожилой человек довольно доброго нрава. Иной раз даже жалко было на него смотреть, когда арестованные игнорировали его приказание — после туалета сразу же возвращаться в свои камеры. Они не обращали на него никакого внимания, продолжая разговаривать между собой. Он приказывал, а его не слушались.

Вспоминаю такую сцену в первый же день нашего пребывания в этой тюрьме. Мы были очень удивлены, какие странные взаимоотношения сложились здесь между арестантами и надзирателем: он чуть не плакал от своего бессилия и

неумения справиться со своими арестантами. Вдруг один из грузин, среднего роста, коренастый, лет так тридцати, интересней по внешности, с характерным волевым лицом, видимо, пользующийся уважением среди остальных заключенных, желая продемонстрировать свою власть, неожиданно крикнул: «Что вы безобразничаете, черти! Немедленно в камеры!» Это было сказано таким властным, не терпящим возражения тоном, что все вдруг стихли и стали молча расходиться по своим камерам. Мы находились в это время в своей камере и наблюдали через открытую дверь эту картину. Грузин подошел к нашей камере и сказал: «Эту, знаете, такие безобразники, что, если не вмешаешься, никакого порядка не будет. Надзиратель ничего сделать с ними не может». Потом, уже зайдя к нам в камеру, он спросил, нет ли у нас закурить. Гогоберидзе предложил ему папиросу. Тот закурил, и мы разговорились. Держался он с большим достоинством.

Когда он ушел, мы долго обсуждали между собой, какие же достоинства этого уголовника дали ему возможность забрать в свои руки такую власть над остальными арестантами, да и не только над ними: вскоре мы убедились, что и надзиратель относится к этому человеку с особым уважением.

Как-то раз открывается дверь нашей камеры, и надзиратель сообщает, что у него есть приказание вывести нас пятерых во двор тюрьмы для фотографирования. Для нас это было не совсем приятно: по фотографии меня могли узнать и в тюрьме, а после выхода из нее полицейским сыщикам, легче будет следить за нами. Я поделился этим соображением с Гогоберидзе, тот согласился со мной и предложил придумать что-нибудь, чтобы фото не получилось. Когда нас повели из корпуса тюрьмы, тот самый грузин, о котором я выше рассказывал, все время крутился вокруг Гогоберидзе и вышел вместе с нами во двор. Когда мы спускались по лестнице, Гогоберидзе о чем-то с ним разговаривал по-грузински и что-то ему объяснял. Мне он шепнул, что сговорился с этим своим земляком, чтобы он засветил фотопластинки, на которые нас снимут. Я этому очень обрадовался. Было нас пять человек, сесть во дворе было не на что, и мы все стояли. Такая группа фотографа почему-то не устраивала. Тогда кто-то из нас взял два ржавых ведра, валявшихся во дворе, опрокинул их и превратил в «стулья». Я и Фигатнер, как старшие по возрасту, сели на эти «стулья», а остальные встали за нашими спинами.

Когда фотографирование закончилось, мы начали оживленную беседу с фотографом на самые разные темы. Фотограф оказался очень разговорчивым. Мы окружили его тесной стеной. Краешком глаза я видел, что наш грузин возится около фотоаппарата. Через некоторое время он, видимо, кончил свою «работу» и отошел в сторону. Заметив это, мы закруглили беседу и попрощались с фотографом. Подошел грузин и сказал, что «все в порядке, кассеты испорчены». Мы были очень довольны, что все так хорошо получилось. Уверенность, что наша групповая фотография не получилась, была у нас до тех пор, пока в 1920 году, после провозглашения Советской власти в Баку, товарищи, проверявшие дела жандармского управления, не показали нам обнаруженную ими в архивах этого управления фотографию, которую мы все считали «несостоявшейся». Но на этот раз мы обрадовались тому, что она «состоялась». Как-никак эта фотография очень живо напомнила нам о тех уже прошедших днях нашей жизни и борьбы. Фотография эта сохранилась у меня.

С воли не поступало никаких утешительных сведений о нашем освобождении. Мы со своей стороны не могли прийти ни к какому определенному выводу о том, что же собираются дальше делать с нами жандармы. Ясно было только, что рано или поздно освободят Гогоберидзе. Но вот почему к нашей группе присоединили Бориса Шеболдаева, этого мы понять не могли. Мы даже не допускали мысли, что у них есть какие-либо материалы о связи Шеболдаева с кем-либо из нас. Было удивительно и то, что после допроса в участке никого из нас больше ни разу не допрашивали: следствие ведут, а нас не допрашивают!

У меня из головы не выходила мысль о тех документах, что я оставил под скатертью стола в ресторане. Не было сомнения, что при уборке официанты их обнаружили и если передадут в полицию, то наше положение серьезно осложнится.

Потом оказалось, что официанты при уборке действительно нашли документы, но ни администрации, ни полиции их не передали. Один из официантов отнес их в Рабочий клуб и отдал секретарю рабочей конференции для передачи Бакинскому комитету партии. Хочется отомстить, что официант не был коммунистом, да и вообще в ресторане среди служащих не было ни одного коммуниста.

Скорее нас перевели в другое отделение тюрьмы, где содержались обычные уголовные арестанты. Коридор здесь был значительно длиннее, а камеры больше. Вместо стены, разде-

ляющей камеру и коридор, — сплошная железная решетка с калиткой, которая запиралась на ключ надзирателем. В каждой камере содержалось много народу. Нас водворили в камеру, специально для нас уготовленную, где других арестованных не было. Надзиратель, проходя по коридору, постоянно наблюдал, что происходит в камерах. Только когда он поворачивался к камере спиной, можно было что-то делать незаметно. Когда же он был близко, от него трудно было утаить даже наши разговоры.

Правда, в коридоре постоянно стоял невероятный гул. Из камер несся непрерывный шум от ссор и споров между арестованными. Случались там и драки. От этого гула и шума у нас болели головы. Ночью было немного спокойнее. Спали мы и здесь прямо на каменном полу.

Как-то через день зашел в наше отделение старший надзиратель еще с каким-то типом. Надзиратель подошел к нашей камере и, обращаясь ко мне, спросил: «Вы Микоян?» Я, как говорится, глазом не моргнув, отвечаю: «Откуда это вы взяли? Я Тер-Исраелян. А с Микояном я даже не знаком». В наш разговор вмешался Гогоберидзе: «Разве вы не знаете, что Микоян давно в Тифлисе? Он бежал из этой тюрьмы и сейчас находится там». На этом разговор окончился.

Когда они ушли, мы стали обсуждать этот случай. Было ясно, что кто-то меня узнал, но вот кто? Рассеяли ли мы сомнения у надзирателя? Поверил ли он тому, что Микоян в Тифлисе? Не исключена возможность, что он не поверил, и тогда, конечно, нетрудно было меня окончательно разоблачить. В полиции можно было найти людей, которые знали меня в лицо. Особенно беспокоился Гогоберидзе. Он предлагал передать на волю записку, чтобы какой-нибудь человек, уполномоченный нашими товарищами, срочно встретился бы с этим надзирателем и пригрозил ему, что если он что-либо донесет о сидящих в тюрьме политических арестованных и их положение в связи с этим ухудшится, то ответит за это головой, а если даст обещание не делать этого, то получит деньги. Так и было проделано. Впоследствии выяснилось, что меня узнал именно он, но обещал молчать.

Еще через два-три дня пришел старший надзиратель и сообщил, что Гогоберидзе из тюрьмы освобождается. Все мы этому очень обрадовались. Прощаясь с нами, Гогоберидзе сказал, чтобы мы не унывали: он примет меры к скорейшему нашему освобождению.

Прошла неделя. И вот надзиратель сообщает нам, что трое

из нас освобождаются, а в тюрьме остается только Борис Шейболдаев, вопрос о котором еще не решен. Такое сообщение о Борисе было очень неприятно, тем более что его дело было прямо связано с деятельностью нашей военной разведки. Мы были сильно обеспокоены за его судьбу и понимали, какие трудности придется преодолеть, чтобы его вызволить. Однако внешне мы своей тревогой не выдавали, так как делали вид, что даже не знакомы.

Отпуская нас на волю, начальник тюрьмы заявил: «Азербайджанское правительство не хочет, чтобы вы оставались в Азербайджане». Нас выслали за пределы Азербайджана.

На сборы нам дали три дня. Мы даже не могли возражать, поскольку при аресте представились людьми, недавно приехавшими в Азербайджан в поисках работы.

В тот же день мы встретились со своими товарищами на конспиративной квартире у Каспаровых. Обсуждался вопрос: куда в связи с создавшимся политическим положением мы должны выехать? Было решено, что с точки зрения безопасности лучше всего выехать в Грузию или Армению. Давлатов было поручено организовать получение для нас необходимых виз в представительствах этих правительств в Баку. Но представительство Армении, к которому в первую очередь обратился Давлатов, отказалось принять нас, большевиков.

Представительство Грузии выдало въездные визы всем трем. Решено было ехать порознь, чтобы не бросаться в глаза. Опасаясь, что азербайджанское правительство знает, что Тер-Исраелян — это Микоян, и захочет по дороге расправиться со мной, товарищи решили, чтобы меня до границы сопровождал член парламента Караев. Караев должен был ехать как депутат по служебным делам в приграничный район. Ехали мы в одном купе как люди незнакомые. Меня сопровождал до границы азербайджанский полицейский, но, видя, что рядом со мной сидит член парламента, в купе он не заходил, а почти все время стоял в коридоре. Выйдя к нему в коридор, Караев завязал с ним оживленную беседу на азербайджанском языке и, видимо, расположил его к себе. Когда мы с Караевым, уже «познакомившись», заказали чай, то не забыли и полицейского. Все складывалось очень неплохо.

Всю дорогу, оставаясь вдвоем в купе, мы вели с Караевым теплую беседу. Это был очень симпатичный, интеллигентный, простой человек и очень приятный собеседник. Он много говорил о прошлом, о том, как он работал в Тифлисе, и о своем переезде в Баку. Я знал его и раньше, но здесь особенно оце-

нил высокую степень искренности Караева. Должен вообще сказать, что Караев фактически на моих глазах совершил весь свой переход на сторону большевиков: в сложных условиях он показал себя вполне устойчивым и выдержанным политическим деятелем.

У грузинской границы нам предстояла пересадка в другие, грузинские вагоны. По указаниям, которые имел сопровождавший меня полицейский, он должен был официально передать меня полицейским властям Грузии. Это было, конечно, для меня очень нежелательно. Было бы гораздо лучше, если бы я мог, как обычный гражданин, купивший билет до Тифлиса, пересест в грузинский поезд, чтобы грузинская полиция хотя бы на первых порах не знала о том, что я к ним выслан. Поэтому Караев опять пригласил моего полицейского в купе для чаепития и начал с ним дружественную беседу. Полицейский был очень польщен таким вниманием депутата парламента. В конце беседы, когда полицейский окончательно размяк, Караев объяснил ему, что, вообще говоря, он должен проследить, чтобы высылаемый действительно выехал за пределы Азербайджана: этим он выполняет свой служебный долг. И совсем не обязательно передавать меня «с рук на руки» полиции Грузии. Мой полицейский легко согласился с этим. Поэтому, когда мы прибыли на пограничную станцию, Караев вместе с полицейским только проводил меня до грузинского вагона, я зашел в этот вагон, попрощался с ними, и поезд тронулся. Полицейский воочию убедился, что я «выслан».

Пробыв несколько дней в Тифлисе, я снова, но уже под другой фамилией, нелегально вернулся в Баку и включился в подпольную партийную работу.

А в это время Гогоберидзе и Караев по поручению крайкома партии бились над освобождением из тюрьмы Бориса Шеболдаева. Были пущены в ход разные средства воздействия и на прокурора, и на других начальствующих лиц, от которых зависело это дело. По всему было видно, что серьезных компрометирующих материалов против Шеболдаева у властей не было. И на самом деле, он ничего против азербайджанского буржуазного правительства не делал, а возглавляемая им разведка работала в тылу у Деникина, поэтому особых оснований раздувать дело Шеболдаева у азербайджанских властей не было.

Бакинское бюро крайкома партии было особенно встревожено одной запиской Шеболдаева. В ней сообщалось, что его начали преследовать уголовники, требуют денег, в противном случае угрожают расправой. (Шеболдаев регулярно получал с воли через наших молодых товарищей продукты. Видимо, подумав, что Борис — богатый человек, уголовники и решили заняться вымогательством.) Борис писал, что если этим уголовникам даже и дать какую-то сумму в виде выкупа, то это не поможет: шантаж и вымогательство будут продолжаться. Поэтому он просил не денег, а более радикального вмешательства. Это письмо нас очень встревожило. Гогоберидзе взялся помочь ему.

Помня кое-какие нравы и «традиции» бакинского уголовного мира, он организовал через все того же своего знакомого владельца ресторана встречу с одним грузином, которого побаивались уголовники.

Беседа с ним возымела свое действие.

Вскоре от Шеболдаева была получена записка, в которой он сообщал, что произошло «чудо»: нет не только угроз, но, больше того, уголовники относятся к нему почтительно. Он недоумевал: что произошло?

Через некоторое время нам удалось добиться освобождения Шеболдаева из тюрьмы. Он весело смеялся, когда узнал, каким путем было достигнуто это «чудо».

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

«Гуммет» и «Адалет». — Политическая работа среди английских солдат. — Мы завоевываем на свою сторону кооперативы. — Террористические акты буржуазного правительства. — Закавказская конференция коммунистической молодежи. Приветствие в Кутиисскую тюрьму Муха Цхакая.

Экономическое положение бакинских рабочих все ухудшалось. В связи с общей инфляцией падала их реальная заработная плата. Добытую в огромных количествах нефть некому было продавать. Посте-

ленно сокращалась и сама добыча нефти. Капиталисты, конечно, несли расходы по ее производству, а необходимых доходов фактически не получали. Одни из них кое-как держались еще с помощью банков, другие разорялись. Обещания улучшить экономическое положение рабочих, которые были даны азербайджанским буржуазным правительством во время майской забастовки, как и следовало ожидать, оказались пустыми словами. Та часть азербайджанских рабочих, которая поверила правительству и не поддержала тогда забастовки, была крайне разочарована: теперь обман стал очевидным для всех.

В этих условиях активизация работы «Гуммета» и «Адалета» давала особенно положительные результаты: эти организации заметно пополнялись активными рабочими, оказывали все большее влияние на азербайджанскую часть бакинского пролетариата.

Во всех районных организациях РКП(б) шла интенсивная работа по воспитанию коммунистов. Укреплялись их позиции в профсоюзках. Сильно оживилась жизнь рабочих клубов как очагов партийной пропагандистской работы, а также новая для нас деятельность в рабочей потребительской кооперации.

Успешно проходила подготовка вооруженного восстания: разрабатывались планы его проведения, обучались кадры, накапливалось оружие.

После того как лозунг независимого Советского Азербайджана, тесно связанного с другими закавказскими республиками и Советской Россией, был провозглашен как знамя борьбы, нас, и в частности меня, больше всего стал волновать вопрос организационно-партийный.

Представлялось невозможным идти на восстание при том организационном параллелизме, который был тогда у нас в Азербайджане.

Мусульман-коммунистов, как я уже говорил, объединяли две организации — «Гуммет» и «Адалет». Обе они находились при Бакинском комитете нашей партии. «Адалет» работал в основном в Баку и на Мугани, а «Гуммет» охватывал весь Азербайджан. Наш Бакинский комитет осуществлял руководство всей партийной работой вообще, помогая и содействуя также и дагестанским коммунистам.

Еще на VI съезде партии Алеша Джапаридзе дал высокую оценку «Гуммета». Присутствовавший на съезде делегат этой организации Юсифзаде обратился с просьбой оказать ей материальную помощь. Просьбу поддержал В. П. Ногин. Высту-

пая вслед за Ногиным, Джапаридзе сказал: «Эта организация имеет свое название, но не думайте, что у нас в организации появился второй «Бунд».

С самого начала и в настоящее время «Гуммет» слит с нашей организацией». И далее Джапаридзе заверил: «...Гуммет оправдает доверие и будет служить самоотверженно делу внесения классового самосознания в среду мусульманских рабочих и объединения их с российским революционным пролетариатом».

И действительно, «Гуммет», как и «Адалет», сыграл большую роль в вовлечении трудящихся мусульман в революционное движение.

Теперь же условия изменились. Возникли задачи, решение которых требовало перехода к общепартийным организационным нормам. Это особенно остро ощущалось в канун завоевания власти. Надо было думать и о том, какой должна быть партийная организация в качестве руководящего ядра Советского Азербайджана.

Встал, в частности, такой вопрос: как целесообразнее подходить обращение к рабочим и крестьянам о восстании?

Если обращение будет исходить только от одной из организаций, то вряд ли можно рассчитывать на его успех. Если же подпишутся и Бакинский комитет, и «Адалет», и «Гуммет», широкие массы тоже могут не понять почему стоят три подписи.

Так постепенно созревала и наконец созрела мысль об объединении всех коммунистических организаций, существовавших тогда в Азербайджане, в одну организацию. По нашему убеждению, такой организацией должна была стать единая Коммунистическая партия Азербайджана, объединяющая всех коммунистов Азербайджана и являющаяся составной частью РКП(б) и ее общекавказской краевой организации.

Идею об организации такой единой Коммунистической партии большинство коммунистов поддерживало, вопрос этот был перенесен на обсуждение большой группы товарищей с участием руководителей «Гуммета», «Адалета» и нашего Бакинского комитета партии большевиков.

Вначале мнения раскололись. Так, Караев — один из наиболее влиятельных руководителей «Гуммета» — выступил за сохранение «Гуммета» как общеазербайджанской организации (в которую он предполагал влить и «Адалет») и самостоятельной организации РКП(б), существующей парал-

тельно с объединенным «Гумметом». Другой не менее влиятельный руководитель «Гуммета», Мирза Давуд Гусейнов, предлагал вместо «Гуммета» и «Адалета» организовать Тюркскую коммунистическую партию, которая должна существовать наряду с организацией РКП(б).

Некоторые из выступавших на этом совещании членов нашего Бакинского комитета партии, не соглашаясь ни с Караевым, ни с Гусейновым, считали необходимым вообще ликвидировать «Гуммет» и «Адалет», передав членов этих организаций в состав РКП(б).

Несколько позже нам стало известно, что один из видных деятелей «Гуммета», С. М. Эфендиев, эвакуировавшийся в Москву в связи с временным падением Советской власти в Баку, опубликовал 27 июля 1919 года в газете «Жизнь национальностей» статью, в которой писал: «В настоящее время назрела потребность расширить поле деятельности организаций «Гуммет», так как в социалистической России необходимо вовлечь в сферу своего воздействия всю многомиллионную массу народов Востока.

В организации и партийной работе нуждаются не только мусульмане бывшей Российской империи, но и зарубежные мусульмане в Персии, Турции, Афганистане и других странах. Эта задача возлагается теперь на «Гуммет», являющийся набатом коммунизма на Востоке».

Прочитав эту статью, мы были крайне удивлены: как это можно предлагать объединить в «Гуммете» по религиозному признаку всех мусульман разных национальностей, и притом не только России, но еще и зарубежных стран Востока?

После долгих споров и обсуждений мы пришли наконец к общему мнению: все коммунисты Азербайджана независимо от их национальной принадлежности должны входить в единую Коммунистическую партию.

Когда этот вопрос мы перенесли на обсуждение в Тифлисское бюро крайкома партии, нас там не поддержали: тифлисские товарищи не хотели вносить никаких изменений в существовавшее тогда положение. В Грузии сохранялся старый порядок подчинения всех местных организаций непосредственно Кавказскому крайкому партии, без создания общегрузинского партийного центра.

В несколько особом положении находились коммунисты Армении. Дело в том, что еще в середине 1918 года группа коммунистов Армении во главе с большевиком поэтом Айкуни образовала Коммунистическую партию Армении для

работы среди западных армян, ушедших из Турции в связи с отходом русских войск. Они издавали в Тифлисе свою газету. Когда террор грузинского меньшевистского правительства против коммунистов усилился, эта группа перебралась на Северный Кавказ, где была Советская власть. Потом вместе с частями Красной Армии они ушли с Северного Кавказа и обосновались в Москве, выступая там в качестве Центрального Комитета Коммунистической партии Армении. На I конгрессе Коминтерна они выступали как самостоятельная партия. Однако, именуя себя Центральным Комитетом Компартии Армении, эта группа не имела никакой связи с Закавказьем вообще, в частности, с Арменией. Она вела работу в Советской России среди тех групп армян-коммунистов, которые проживали тогда в Москве, Саратове и других городах Центральной России. Надо отметить, что они пользовались признанием и поддержкой ЦК РКП(б).

Мы на Кавказе ничего не знали об их деятельности. Они в свою очередь не давали о себе знать и только осенью 1919 года нам стало известно, что этот ЦК, считая себя руководящим органом коммунистических организаций Армении, без всякой санкции нашего краевого комитета партии собрал группу коммунистов для отправки их — через Астрахань и Баку — в Армению для руководства местными партийными организациями.

Коммунисты, работавшие тогда в Армении, Грузии, Азербайджане, единодушно осудили эту позицию группы Айкуни, которая не считается с Закавказским крайкомом партии — подлинным руководящим центром коммунистов всех закавказских республик, и не пожелали работать вместе с ним.

К тому времени коммунисты Армении решили создать свой центр по руководству практической деятельностью коммунистических организаций Армении — Арменком, который выступал в качестве областного комитета РКП(б), работающего под руководством краевого комитета партии.

Помню, что мы, бакинские коммунисты, высказывались тогда за создание единой Коммунистической партии Армении по примеру Азербайджана. Одновременно мы вместе с коммунистами Армении отказались признавать группу Айкуни Центральным Комитетом Компартии Армении, считая, что ЦК должен быть законно избран на учредительном съезде Коммунистической партии Армении либо на конференции партийных организаций Армении.

Вопрос о создании единой Коммунистической партии Ар-

мени (как и Азербайджана и Грузии) окончательно должен был решить Центральный Комитет РКП(б).

Мы знали, что на этом пути предстоит еще много трудностей, споров, но мы твердо верили в правоту своей позиции.

* *

*

Наличие большого военного гарнизона оккупационных войск в Баку поставило нас перед необходимостью найти нужный контакт с английскими солдатами, объяснить им наши взгляды, идеи, задачи вопреки лживой пропаганде, активно проводимой тогда английским военным командованием против большевиков. Особенно остро встал этот вопрос в дни подготовки всеобщей майской стачки: не было исключено, что английское командование решит использовать против нас свои войска.

У нас было всего два молодых переводчика, к тому же весьма посредственно владевших английским языком. Мы обращались — через Астрахань — в ЦК партии с неоднократными просьбами прислать из Коминтерна двух-трех коммунистов-англичан, которых мы могли бы использовать на политической работе. Наконец, кажется в июне, приехал один такой товарищ, по имени Джек.

Это был человек не очень молодой, постоянно с трубкой во рту, спокойный, хладнокровный, даже флегматичный. Он знал русский язык настолько, что с ним вполне можно было объясниться. Я несколько раз с ним встречался, вводя в курс наших дел, и объяснял ему предстоящие задачи пропагандистской работы среди английского гарнизона. Мы поручили ему довольно трудную задачу организации коммунистических ячеек в частях английского гарнизона. Никаких разногласий по этому поводу у нас с ним не возникло.

Объясняя Джеку стоящие перед ним задачи, я советовал, чтобы он использовал то обстоятельство, что английские солдаты устали от войны, им надоела военная служба, они рвались к своим семьям, их одолевала тоска по родине, по родному дому.

Но представители английского военного командования тоже видели, как в бакинской обстановке разлагаются их солдаты. Поэтому они довольно часто заменяли большие группы солдат. А это приводило к тому, что создаваемые нами среди английских солдат коммунистические ячейки распадались. Приходилось организовывать их заново.

Как-то я попросил Джека привести для беседы на конспиративную квартиру одного из солдат, английского коммуниста. Мне хотелось иметь представление о «живом» англичанине-солдате коммунисте.

Джек пришел ко мне с молодым английским солдатом. Это был высокий, подтянутый человек со строгим выражением лица. Одет он был в летнюю белую форму колониальных войск: вместо обычных брюк на нем были шорты. Нам эта форма тогда казалась, мягко говоря, довольно странной. Но форма есть форма.

Он сидел против меня, очень собранный, в какой-то «скованной» позе, говорящей, что он не готов к товарищеской беседе, а скорее находится перед своим командиром и ждет команды.

Я задавал ему вопросы. Переводил Джек. Я спрашивал, откуда он родом, чем занимался до армии, есть ли у него семья. Потом стал расспрашивать, что привело его к идеям коммунизма. Что на него наиболее сильно в этом отношении подействовало? Спрашивал его также о настроениях других солдат его части. Он отвечал аккуратно, сдержанно, коротко — ни одного лишнего слова, без деталей.

Считать нашу беседу содержательной было нельзя. Помню, я никак не мог понять, в чем тут дело, — результат ли это особого воспитания, особенность английского характера или еще что. Я понял только, что беседа у нас не получается и не стал его задерживать. Видимо, для этого ему нужна была какая-то предварительная раскачка. А ее не было, хотя вообще это был симпатичный и, видимо, неглупый парень. Я его поблагодарил, и мы расстались.

В ту пору Джек развернул среди английских солдат большую работу. Во второй половине августа 1919 года закончился вывод английских войск. В бакинской газете «Азербайджан» сообщалось, что 24 августа в большом зале ресторана «Метрополь» азербайджанское правительство устроило в честь английского военного командования прощальный банкет; присутствовали все министры, депутаты и иностранные представители. Глава правительства Усубеков и английский генерал Шателурт обменялись «задушевными» тостами-здравицами.

* * *

Я уже говорил раньше, что в конце июля 1919 года из Астрахани к нам прибыли бакинские партийные работни-

ки — Виктор Нанейшвили, Гамид Султанов и Дадаш Буниатзаде. Это были старые, опытные члены партии, активно действовавшие в Баку до временного падения там Советской власти. Виктор Нанейшвили активно работал в Бакинском комитете партии. Когда в мае 1918 года контрреволюция стала поднимать голову в Дагестане, он был направлен туда в качестве чрезвычайного комиссара Дагестанской области. В его распоряжение был передан красновардейский отряд, который помог укрепить Советскую власть в Дагестане. В связи с временным падением Советской власти в Баку и в Дагестане Нанейшвили был вынужден с группой товарищей уехать в Астрахань. Султанов вел большую организаторскую работу по укреплению Красной гвардии в Баку. Буниатзаде энергично содействовал созданию и укреплению крестьянских Советов в Бакинском уезде, возглавляя там борьбу с контрреволюцией.

Мы были очень рады возвращению Нанейшвили, Султанова и Буниатзаде в Баку. Это была первая группа видных бакинских коммунистов, вернувшихся из Астрахани для работы в Азербайджане.

Как-то ночью мы, представлявшие тогда бакинское партийное руководство, собрались в узком составе вместе с этими товарищами на квартире одного рабочего в Черном городе. На этой встрече мне было поручено информировать прибывших об общей обстановке в Баку и о тех задачах, которые мы перед собой тогда ставили. Нам хотелось, чтобы приехавшие как можно скорее вошли в курс наших дел и немедленно включились в активную работу.

Приезд товарищей дал нам возможность в ближайшие же дни усилить работу в уездах Азербайджана. Там среди крестьянства бурлило движение против помещиков. Партийные организации старались возглавить это движение.

Султанов и Буниатзаде были направлены в глубь Азербайджана. Их приезд способствовал тому, что крестьянское движение получило более организованный характер. Буниатзаде, Караев, Гусейнов, Нанейшвили, Юсифзаде выступили с большим успехом на крестьянском съезде, проходившем в городке Казахе. Им удалось провести резолюцию большевистского направления. Это произвело большое впечатление на мусаватов. Ведь и их представители выступали на этом съезде, однако в итоге они оказались в меньшинстве. Успех съезда был весьма симптоматичен: он отразил настроение всего азербайджанского крестьянства.

Нанейшвили, Султанов и Буниатзаде были, несомненно, незаурядными деятелями нашей партии. Это блестяще подтвердила и их последующая работа. В 1920 году, после восстановления Советской власти, двое из них (Султанов и Буниатзаде) вошли в состав первого революционного комитета Азербайджана, а в последующие годы работали на высших постах в составе Советского правительства Азербайджана. Нанейшвили был избран в состав ЦК Компартии Азербайджана и был секретарем этого ЦК.

* *
*

В июне или июле 1919 года к секретарю рабочей конференции обратился Шига Ионесян — член правления Каспийского кооперативного объединения — с просьбой устроить ему свидание со мной по важному вопросу.

Придя ко мне, Ионесян изложил интересный план.

— Скоро, — рассказывал он, — предстоят перевыборы правления нашего кооперативного объединения. В нынешнем составе правления единственный представитель большевиков — это я, большинство же составляют меньшевики и эсеры. Большевики имеют реальную возможность получить на выборах правления большинство голосов, — заявил Ионесян, — если проведут необходимую подготовительную работу.

В объединении насчитывается несколько тысяч членов. Многие из них очень инертны и даже не посещают собраний. На перевыборном собрании, например, вряд ли их будет больше 10—15 процентов.

Если бы в самое ближайшее время, развивал свой план Ионесян, в наш кооператив вступили 800—900 большевиков и все они присутствовали на перевыборном собрании, то наверняка большинство голосов было бы на стороне коммунистов и, таким образом, переход руководства объединением в руки коммунистов был обеспечен.

Должен честно сказать, что в то время у нас было весьма смутное представление о работе кооперации.

Из продолжительной беседы с Ионесяном я понял, какую большую ошибку допускаем мы, недооценивая работу в кооперации. А ведь кооперация — это огромные массы трудового народа, занятого в хлебопекарнях, на товарных складах, в магазинах, закупочных пунктах. Кооперация — это и возможность легально посылать людей в разные районы.

Как все это превосходно можно было поставить на службу

нашей нелегальной партийной работе! Как великолепно можно использовать те же пекарни или товарные склады для хранения оружия, магазины — для хранения и распространения партийной литературы! Как удачно можно расставить по кооперативам наших партийных организаторов, которые при разъездах наряду со служебными обязанностями могут выполнять партийные поручения, устанавливать связи, явки и т. п.!

Результат беседы был немедленно доложен Бакинскому комитету партии. Это сообщение вызвало большой интерес. Товарищи удивлялись, как мы до сих пор об этом не подумали. Тут же было принято решение — призвать в кооперацию до тысячи коммунистов и членов молодежной коммунистической организации — Интернационалистического союза рабочей молодежи города Баку и его районов. Вся деятельность по организации вступления в кооператив, а также по работе среди членов кооперативного объединения была поручена нашим наиболее опытным организаторам — Саркису, Васе Егорову, а также Исаю Довлатову, который, в частности, должен был осуществлять руководство деятельностью по использованию аппарата кооперации для партийных целей.

Решение Бакинского комитета было успешно выполнено. На перевыборном собрании в Каспийском объединении было обеспечено надежное большинство коммунистов. При голосовании нового состава правления и ревизионной комиссии прошел список, предложенный нами.

Все это явилось полной неожиданностью для меньшевиков. Однако, полагая, что это — чистая случайность, они объявили выборы незаконными, назначили проведение нового перевыборного собрания, приняли все меры для мобилизации своих членов, но успеха все же не добились. На втором собрании вопреки всем усилиям меньшевиков большинством голосов было подтверждено предыдущее решение. У меньшевиков не оставалось другого выхода: пришлось сдать дела новому правлению.

Это была наша большая политическая победа. В дальнейшем эта кооперативная организация оказала нам немалую практическую помощь в развертывании партийной работы и в подготовке вооруженного восстания.

* *

*

В начале сентября, в тот день, когда мы собирались ехать в Тифлис на очередное заседание краевого комитета партии, стало известно, что прибывшая из Астрахани лодка с людьми,

литературой и оружием попала в руки азербайджанской полиции. Надо было во что бы то ни стало их выручать.

Наиболее успешно это можно было сделать с помощью Мусеви — тогдашнего начальника контрразведки азербайджанского правительства, с которым мы были связаны.

Мусеви вступил в «Гуммет» во второй половине 1918 года. Но так же, как и Караев, он заявил вскоре о своем желании вступить в Коммунистическую партию. Мы его приняли, но обязали нигде и никому об этом не говорить, вести себя по-прежнему, — у нас были на сей счет свои соображения.

Мы поручили Мусеви выполнение трех основных обязанностей: в случае провала нашей связи с Астраханью помогать в спасении людей и имущества; обеспечивать нас необходимой информацией о всех мерах, которые замышляет правительство против коммунистов и Советской власти, и сообщать нам обо всем, что касается деятельности деникинских агентов в Азербайджане, а также о взаимоотношениях Деникина с азербайджанским буржуазным правительством.

Мы договорились с Мусеви, что встречаться с ним для передачи поручений и получения от него информации всегда будет Гогоберидзе, как легальный работник рабочей конференции.

Вот почему уезжая в Тифлис, мы поручили Гогоберидзе выволить из лап полиции задержанных людей и имущество и для этого решили оставить его в Баку. Он с пониманием отнесся к этому поручению и охотно остался.

Через два дня мы, уже в Тифлисе, узнали по телефону из Баку о происшедшем там чрезвычайном событии. В 12 часов ночи 5 сентября в ресторане «Новый свет» были убиты Мусеви и Ашум Алиев и тяжело ранен Леван Гогоберидзе. Убийца — троюродный брат бывшего вице-губернатора Сеидбеков.

Это был для нас тяжелый удар. Мы немедленно выехали в Баку и прибыли туда на другой день после похорон Мусеви и Алиева.

Гогоберидзе получил два сквозных пулевых ранения: одно — в живот, с выходом через печень, другое — в плечо. К счастью, несмотря на столь тяжелое ранение, жизнь его была вне опасности.

Террористический акт против Мусеви, Алиева и Гогоберидзе, совершенный прямым агентом азербайджанского буржуазного правительства, всколыхнул весь рабочий Баку. В связи с похоронами Мусеви и Алиева бакинские рабочие

организовали большую демонстрацию. Нам рассказали, что в день похорон рабочие стали с утра собираться к Рабочему клубу. Оттуда они многотысячной толпой двинулись к главной мусульманской мечети, где находились тела погибших товарищей. Во дворе мечети состоялся митинг. На нем выступили Абилов и Ломинадзе. После митинга рабочая демонстрация двинулась по Николаевской улице, мимо парламента, где также произносились гневные речи, направленные против палачей. Похороны состоялись на мусульманском кладбище; там был организован второй большой митинг.

Убийство Мусеви и Алиева очень сильно подействовало на мусульманскую часть населения Баку. Среди рабочих и служащих азербайджанцев недовольство буржуазным правительством усилилось еще больше, а авторитет большевистского «Гуммета» сильно возрос.

Смерть Мусеви, конечно, внесла большие осложнения в нашу работу. Но, опять же благодаря Мусеви, у нас сохранились свои люди в правительственной контрразведке, услугами которых мы еще долго пользовались для обеспечения и развития наших связей с Астраханью.

Могучий организм Гогоберидзе победил довольно быстро. Недели через две он вышел из больницы и приступил к работе. Он подробно рассказал нам обо всех обстоятельствах происшедшего.

После того как наши товарищи, прибывшие из Астрахани, были с помощью Мусеви вызволены из полиции, Гогоберидзе должен был переговорить с Мусеви еще о каких-то делах. Для этого он пришел в ресторан «Новый свет» и как бы случайно встретил там Мусеви и Алиева. Как знакомый, подсел к их столу. Деловой разговор с Мусеви был коротким. Он подошел уже к концу, когда в ресторане появился некий офицер азербайджанского правительства вместе с каким-то женщиной. Они сели за соседний столик. С их появлением Мусеви в шуточной форме повел разговор о денкикинцах и большевиках, причем настолько громко, что его было слышно и соседям.

В беседу вмешался пришедший офицер. Говорил он нахально, явно затеявая спор. Тогда Алиев, сидевший за столом вместе с Мусеви и Гогоберидзе, видя, что спор начинает превращаться в ссору, и не желая продолжать беседу с этим типом, которого он знал и ненавидел, обратился к Мусеви: «Давай продолжим наш разговор в другой раз, в другой обстановке и в более узком кругу».

Офицер придрался к этому и, изображая себя оскорбленным, дал Алиеву пощечину. Между ними завязалась драка. Гогоберидзе стал их разнимать, оттащил в сторону офицера, но тот неожиданно выхватил револьвер. К офицеру подскочил Гогоберидзе и, схватив его за руку, державшую револьвер, сумел просунуть свой палец под курок, чтобы офицер не мог выстрелить. Однако тот вырвался из рук Гогоберидзе и, оттолкнув его в сторону, выстрелил в Алиева.

Потом офицер выстрелил в Гогоберидзе. Поднявшийся из-за стола Мусеви, не успев даже вытащить револьвера, был замертво сражен пулей. После этого офицер выстрелил еще раз в Гогоберидзе и, решив, что тот мертв, вышел. Гогоберидзе стал звать на помощь, но никто не отозвался.

Вскоре, как рассказывал Гогоберидзе, появился какой-то пристав, которого он видел уже как бы в тумане. Вместо того чтобы расспросить присутствующих о случившемся, этот пристав стал сам излагать версию всего происшедшего, всячески стараясь навязать ее свидетелям. Он говорил: «Я лучше все знаю. Сюда пришел аскер и хотел арестовать Ашума Алиева как ленкоранского большевика. Мусеви запротестовал и стал стрелять в него. Тогда тот, обороняясь, стал отстреливаться и убил всех троих».

Гогоберидзе, который слышал все это, с возмущением крикнул: «Вы лжете! Как вам не совестно выдумывать!» Пристав обернулся и, увидя, что Гогоберидзе жив, с издевкой сказал: «А, так вы еще живы, господин Гогоберидзе?»

Приехавший вскоре градоначальник Гудиев, увидев раненого Гогоберидзе, процедил сквозь зубы: «Наконец-то, давно бы следовало!»

Только через три с лишним часа городские втащили Гогоберидзе в полицейский фаэтон и отвезли в больницу. Но и здесь врачебную помощь ему оказали только в шесть часов утра. Потом уже в больнице появился хирург Окиншевич, который и сделал все для спасения Гогоберидзе.

В районах продолжались массовые рабочие митинги с протестами против белого террора. О характере этих митингов можно судить, например, по резолюции, принятой на митинге рабочих Черногородского района Баку: «Мы, черногородские рабочие, обсудив сообщение президиума рабочей конференции об убийстве наших товарищей Мусеви и Ашума Алиева и о смертельном ранении председателя рабочей конференции

товарища Гогоберидзе, протестуем против террора над вождями рабочего класса и заявляем, что не потерпим подобных зверских актов и всеми средствами и способами будем бороться с палачами буржуазии. Мы требуем, чтобы убийца был наказан по всей строгости закона. Требуем изгнания из пределов Азербайджанской республики всех явных и тайных агентов Деникина. Заявляем, что в день похорон мы приостанавливаем работы на всех заводах Черного города. Призываем рабочих города Баку дать должный отпор палачам и убийцам вождей рабочего класса. Смерть всем палачам и убийцам. Долой всех явных и тайных деникинских агентов!»

Под непосредственным впечатлением только что пережитого трагического события некоторые наши товарищи в своих речах, а также в газетах призывали ответить на белый террор красным террором.

Обсуждая этот вопрос на бюро крайкома, мы разъясняли этим товарищам, что хотя их требование и понятно по-человечески, но с точки зрения политики мы не можем пойти на ответные террористические акты в отношении представителей буржуазного правительства. «Принципиально отрицательное отношение нашей партии к террору как средству политической борьбы вам хорошо известно, — говорили мы им. — И в данном случае давайте крепко держаться этой партийной линии». Товарищи с этим согласились.

Однако в связи с этим следует, пожалуй, рассказать и о том, как по решению партийного суда мы вынуждены были принять меры к ликвидации двух предателей. Вот как это было. Весной 1919 года, через некоторое время после нашего возвращения из тюрьмы, возник вопрос о Геловани. Вопрос этот поставил Стуруа в присутствии Гогоберидзе.

Геловани я знал с того времени, когда начинал партийную работу в Баку как профессиональный партийный работник и, не имея квартиры, ночевал в канцелярии Бакинского комитета партии.

Геловани считался старым социал-демократом, вел себя хорошо, скромно. Он тоже не имел жилья, поэтому спал вместе со мной в одной из комнат комитетской канцелярии.

Случайно мы узнали, что после временного падения Советской власти в Баку и прихода к власти азербайджанского буржуазного правительства, уже в условиях турецкой, а потом английской оккупации, Геловани поступил на службу в контрразведку азербайджанского буржуазного правительства.

Факт этот установил Стуруа, который тоже знал Геловани. Эта новость не только ошеломила нас: она была чревата большими последствиями. Геловани всех нас хорошо знал и, служа в контрразведке, мог многих выдать. Стуруа сообщил, что Геловани, встретясь недавно с коммунисткой по имени Маро (которую он знал по партийной работе), напросился к ней в гости. Тогда у нас было еще очень мало опытных партийных работников, и, если бы Геловани продолжал свою «деятельность», мы могли бы понести невосполнимые потери. Поэтому Георгий Стуруа выдвинул предложение: разрешить ему уничтожить этого опасного изменника. Он хотел встретиться с Геловани, пригласить его в ресторан на чашку кофе и там его отравить.

Мы согласились с тем, что от Геловани надо избавиться, и поручили Стуруа вместе с двумя другими товарищами организовать суд над Геловани. Что же касается предложения Стуруа — привести приговор в исполнение ему самому, то мы категорически эту просьбу отклонили, так как Стуруа был членом бакинского партийного руководства, и, если бы он провалился, это было бы большим ударом для нашей организации. Мы решили еще раз встретиться и обсудить, как лучше осуществить акт возмездия.

Я вспомнил, что в Баку в то время находился Сафаров, которого хорошо знал по фронту, по борьбе против турок, и знал как очень храброго и самоотверженного человека.

Когда мы встретились, я спросил его, не найдет ли он человека, который сможет выполнить поручение партии — ликвидировать одного предателя. Сафаров сказал, что с готовностью это поручение выполнит; у него есть проверенные люди, которые воевали с ним на фронте.

Тогда мы поручили Маро пригласить Геловани к себе в гости на квартиру, кажется на улице Станиславского, и дали этот адрес Сафарову.

Через несколько дней наше поручение было выполнено...

На военных кораблях Каспийской флотилии, находившейся в распоряжении английского военного командования, после проведенной этим командованием чистки личного состава осталось очень мало командиров и матросов, преданных делу революции. Но свободных должностей было много, и мы имели возможность устроить на корабль наших людей.

Мы написали письмо в Астрахань С. М. Кирову о сложившейся на флоте обстановке, высказав мысль, что вообще можно было бы захватить военные корабли, если к нам при-

шлют из Астрахани надежных военно-морских специалистов и матросов, которых мы устроим на эти корабли.

Реакция на наше письмо была довольно быстрая. В июне на лодках, возивших в Астрахань бензин, к нам прибыло около 30 специалистов и матросов.

Мы срочно организовали пункты их приемки и трудоустройства. Прибывшие были в основном беспартийные, но революционно настроенные матросы.

В то время, в отличие от Центральной России, в Баку не было сухого закона, водка и вино продавались свободно. И вот некоторые из прибывших в Баку, но не сразу устроенных матросов стали пьянствовать. Это было очень опасно. Стараясь оградить остальных матросов от пьянства и разложения, мы навели порядок. И только один из молодых матросов не поддавался никаким уговорам, требовал увеличения пособия: ему, понятно, не хватало денег на пьянку. Мы отказали ему. Тогда он пригрозил, что пойдет в азербайджанскую полицию и все расскажет.

Запахло опасной провокацией. Вопрос специально обсуждался на заседании Бакинского комитета партии. Мы были встревожены. Решили увеличить этому матросу на несколько дней пособие, чтобы как-то его успокоить, и поручили секретарю Бакинского комитета комсомола Бархашову специально заняться этим вопросом. Через некоторое время Бархашов доложил, что у него ничего не получается: матрос продолжает шантажировать, угрожает выдать полиции все, что знает. Он оказался опасным, вконец разложившимся человеком. Тогда мы поручили комитету комсомола устроить над ним суд. В этом комсомолу помогал Бесо Ломинадзе.

Комсомольский суд приговорил предателя к смерти. Приговор был приведен в исполнение одним из членов Бакинского комитета комсомола.

Следует, пожалуй, рассказать еще об одном запомнившемся мне случае, когда мы решили прибегнуть к физической ликвидации видного представителя деникинского командования, рассматривая это как закономерный акт возмездия против белогвардейцев.

Этот случай связан с царским генералом Баратовым, который тогда был главным представителем Деникина в Тифлисе. Решение о его уничтожении было принято краевым комитетом партии. Аркадию Элбакидзе (Агордия) и еще одному товарищу (фамилию его я не помню) было поручено выполнить это решение.

Однако прошло больше месяца, а поручение не выполнялось.

Помню, в один из приездов в Тифлис в беседе с Ф. Махарадзе я выразил недовольство тем, что товарищи медлят с выполнением нашего решения.

Как-то на одной из тифлиссских улиц я встретил Сафарова. «Я знаю, что вы решили убить Баратова, — это справедливое решение, — сказал он мне. — Я знаю также, что ваши люди ходят за Баратовым, выслеживают, наблюдают, но явно тянут с выполнением приговора, — ничего у них не получается. Поручите это мне; я убью Баратова!»

Я ответил, что у нас есть выделенные для этого дела товарищи.

Но Сафаров продолжал настаивать: «Я сделаю это быстро и точно. Я наблюдаю за Баратовым около двух недель, знаю, что он живет на Михайловской улице, знаю, когда он уезжает из дома, знаю его машину. Я выбрал даже дерево, за которым можно укрыться. Стрелок я отличный, промаха не дам!»

Я сказал Сафарову, что взять на себя ответственность за такое решение не могу, что мне надо посоветоваться с другими товарищами. При обсуждении этого вопроса на заседании в крайкоме я предложил поручить Сафарову выполнить приговор в отношении Баратова.

Помню, присутствовавший на заседании Элбакидзе очень на меня за это обиделся, расценив мое предложение как признак недоверия ему. Он заявил, что у них все готово для ликвидации Баратова. Тогда я снял свое первоначальное предложение.

Через два дня Элбакидзе с товарищем зашли на нашу конспиративную квартиру и заявили, что завтра они ликвидируют Баратова, а после этого придут сюда.

И действительно, когда на следующий день я шел по улице, близ Цициановского подъема я услышал сильный взрыв. Я понял, что это наши товарищи бросили бомбу, чтобы убить Баратова. Немедленно вернулся домой, потому что было ясно, что сейчас же начнется всеобщая облава и аресты коммунистов.

Потом выяснилось, что Элбакидзе действительно бросил бомбу в открытую машину Баратова, когда тот проезжал по Верийскому подъему. Адъютант генерала был убит, а генерала Баратова тяжело ранило.

Элбакидзе побежал, за ним была погоня. Пуля в спину напала сразила его на берегу реки Куры.

Коммунистические организации молодежи Закавказья были разобщены. В Грузии и Армении коммунистическая организация молодежи, существовавшая с 1917 года под названием «Спартак», работала в тяжелых нелегальных условиях. В Азербайджане была своя молодежная коммунистическая организация, которая называлась Интернационалистический союз рабочей молодежи города Баку и его районов.

Мы сознавали слабость нашей работы среди молодежи и предложили руководителям бакинской молодежи связаться с руководящими товарищами из «Спартака» и добиться созыва конференции закавказской коммунистической молодежи. Такая конференция, на наш взгляд, должна быть проведена именно в Баку, где мы, будучи достаточно сильной организацией рабочего класса, могли обеспечить для нее наилучшие условия и где это помогло бы поднять уровень работы.

Это наше предложение было принято, и 22 сентября 1919 года в Рабочем клубе открылась нелегальная конференция коммунистической молодежи Закавказья. Присутствовало 13 делегатов, представляющих 1300 членов коммунистических союзов молодежи Азербайджана, Грузии и Армении. Цифры эти кажутся сейчас, конечно, очень незначительными. Но по тем временам, это была довольно серьезная политическая сила. И конференция достойно и с честью это продемонстрировала. Несмотря на свою малочисленность, она началась и прошла на большом политическом подъеме.

Делегаты конференции с огромным воодушевлением избрали своим почетным председателем Владимира Ильича Ленина, а почетными членами президиума — А. В. Луначарского и Миху Цхакая.

В работе конференции от нашей краевой партийной организации участвовали Караев, Ломинадзе, Агаев, Сурен Агамиров и я. Я приветствовал конференцию от имени краевого комитета партии и выступил с докладом о задачах рабочекрестьянской молодежи в связи с текущим моментом.

Основное внимание конференция обратила на доклады с мест. Это было очень важно, поскольку делегаты конференции плохо знали обстановку в районах.

Из прибывших на конференцию делегатов от Грузии я хорошо знал Бориса Дзnelадзе и Гарегина Гардашьяна.

С Дзnelадзе мы работали в марксистских кружках молодежи еще до революции. Вместе с ним боролись за больше-

вистскую линию на конференции этих кружков в марте 1917 года в Тифлисе. Это был способный, принципиальный большевик, целиком посвятивший себя революционной борьбе. После долгой разлуки наша встреча была большой радостью для обоих.

Я был обрадован и другой встречей — с моим школьным товарищем Гардашьяном. Уже тогда он вел активную политическую работу и играл в тифлисской организации «Спартак» довольно видную роль. После победы Советской власти Гардашьян пошел учиться на медицинский факультет и в дальнейшем оказался талантливым хирургом, став одним из близких помощников известного всей стране хирурга Розанова, а затем наркомздравом Армении.

Там же, на конференции, я впервые встретился и близко познакомился с Гукасом Гукасяном, представлявшим армянский «Спартак». Помимо официального доклада на конференции, он в личной беседе подробно меня информировал о тех тяжелых условиях, в которых в дашнакской Армении приходится работать как коммунистам, так и спартаковцам.

Гукасян был вдумчивым и уже достаточно зрелым коммунистом. Он много разъезжал по районам Армении, создавая там группы «Спартака», и одновременно вел большую партийную работу. В дальнейшем он сыграл выдающуюся роль в борьбе за победу Советской власти в Армении и пал смертью героя. Коммунисты и комсомольцы Армении и сейчас чтят его память, а один из районов республики носит его имя.

От имени большевистской организации «Гуммет» конференцию молодежи приветствовал Караев, который в своем выступлении особенно подробно говорил о задачах работы среди азербайджанских молодых рабочих и крестьян, отмечая при этом общее неудовлетворительное состояние этой работы. Этому же вопросу коснулся и Агаев, выступавший с приветствием от большевистской организации «Адалет».

В своем докладе я коротко осветил международное положение Советской России, а также внутреннюю обстановку и общее положение на фронтах. Это было время, когда на юге России Деникин одерживал победы над Красной Армией. На востоке Красная Армия продвигалась по Уралу и Сибири, громя полчища Колчака. При дружном одобрении всех собравшихся я выразил полную уверенность в победе Красной Армии над Деникиным, заявив, что его ждет участь Колчака.

Рассказав о политическом положении в Закавказье, я

остановился на основных задачах, которые ставил тогда краевой комитет партии в борьбе за подготовку вооруженного восстания перед большевистскими организациями и комсомолом, перед всей трудящейся молодежью Закавказья. Я призвал комсомольцев усилить борьбу против националистического угара, который охватил тогда довольно значительную часть молодежи закавказских национальностей.

«Старшее поколение, — говорил я, — несет в себе тяжелый груз буржуазного национализма. Это во многом разъединяет и ослабляет их ряды в классовой борьбе. Хотя националистические настроения имеют распространение и среди молодежи, однако молодежь более свободна от национализма, и ее легче вовлечь в интернациональную революционную борьбу... Краевой комитет партии придает большое значение первой закавказской конференции коммунистической молодежи. Несмотря на малочисленность делегатов, конференция имеет огромное значение, потому что представляет все основные районы Закавказья. Ваша задача — организационно закрепить единство всех закавказских молодежных коммунистических организаций как части Всероссийского Союза Коммунистической Молодежи. Одни комсомольцы России доблестно сражаются на фронтах гражданской войны, отстаивая завоевания Советской власти, другие, засучив рукава, отдают все свои силы созданию нового, социалистического общества. Мы с вами здесь, в Закавказье, работаем в других условиях. Наша задача — организационно сплотить в рядах комсомола лучших молодых людей рабочего класса и всех трудящихся города и деревни. Надо активно распространять идеи Маркса — Ленина, широко развернуть политическую пропаганду и агитацию. Но этого мало. Молодой революционер не должен ограничиться тем, чтобы вобрать идеи марксизма-ленинизма, он должен эти идеи претворять в жизнь, он должен идти в активную революционную борьбу. Сейчас есть счастливая возможность для нашей современной молодежи показать, на что она способна в период революционной ломки старого, буржуазного строя и утверждения нового, социалистического государства».

Я говорил о необходимости большой осторожности при приеме в комсомол молодых рабочих, крестьян, учащихся. «Не забывайте, что мы с вами работаем пока что в нелегальных условиях. Не забывайте, что нам предстоит еще очень трудная борьба с проявлениями всякого рода анархистских тенденций и националистических уклонов».

В ходе конференции выяснились некоторые разногласия, отражавшие различие экономических и политических условий, в которых работали делегаты. С одной стороны, «спартаковцы», а с другой — члены Бакинского совета молодежи. В какой-то степени эти разногласия были следствием и того, что они работали разобщенно, в отрыве друг от друга. «Нет никакого сомнения в том, — утверждал я, — что, побывав на этом форуме закавказской коммунистической молодежи, вы разойдетесь отсюда, сблизившись во взглядах и укрепив свои ряды как организационно, так и в идейно-политическом отношении».

Современной молодежи Закавказья, продолжал я, представляется счастливая возможность окунуться в практическую подготовку пролетарской революции, пропитаться духом коллективизма, так как пролетарская революция — это акт проявления высшего классового пролетарского коллективизма, акт боевой общности, когда отдельный человек в ходе борьбы сливается с массой. Некоторые интеллигенты видят трагедию в противоречиях между интересами индивидуума и коллектива. Это обман или заблуждение! На самом деле нет и не может быть никакого антагонистического противоречия между социалистическим обществом и отдельной личностью в этом обществе: социализм гармонически сочетает интересы личности и общества.

Далее говорилось о работе комсомола в профессиональных союзах и о задаче поднимать отсталых молодых рабочих до уровня передовых.

Очень подробно остановился я на принципах построения комсомольских организаций и об их связях с партийными органами. Говорил о необходимости большей самостоятельности во всей практической работе комсомола, о недопустимости мелочной опеки со стороны партийных организаций. Руководствуясь идеями коммунизма, всемерно помогая партии в решении стоящих перед нею задач, комсомол должен воспитывать борцов, умеющих правильно разбираться в обстановке, в возникающих практических вопросах, даже самых сложных и неожиданных, воспитывать в своих членах волю к борьбе и победе, умение организовывать массы и вести их за собой под знаменем Коммунистической партии. Я говорил о необходимости соблюдения ведущей роли рабочей молодежи в комсомоле, вновь подчеркнув необходимость борьбы с националистическими пережитками.

«Национальная разобщенность революционных организа-

ций, — утверждал я в своем докладе, — вредит пролетарскому движению, раздробляет его ряды, противопоставляя рабочих одной нации другой, что играет на руку буржуазии. Мы уважаем национальные языки, но язык для нас является всего лишь средством общения. Можно говорить на разных языках, но организация должна быть единой — интернациональной.

Поэтому главной задачей молодежных коммунистических организаций Закавказья является воспитание у молодежи интернационального, пролетарского сознания, готовности и умения бороться с националистической враждой, крепить братскую дружбу между молодежью разных национальностей».

На конференции развернулись оживленные прения. Делегаты выступали по нескольку раз. Это было полезно для выявления точек зрения. Все чувствовали плодотворность дискуссии, и, несмотря на имевшие место споры, конференция единодушно приняла решение — объединить все коммунистические организации молодежи Закавказья в единую закавказскую организацию Всероссийского Коммунистического Союза Молодежи. Так же единодушно был избран и краевой комитет комсомола Закавказья.

Работа конференции завершилась принятием декларации «Ко всей рабоче-крестьянской молодежи Закавказья». В этой декларации, в частности, говорилось: «Закавказская конференция коммунистических союзов рабоче-крестьянской молодежи, считаясь с фактом существования крайне запутанных национальных взаимоотношений и с глубоким шовинистическим национализмом местного населения, все время старательно разжигаемым кликами закавказских националистов из буржуазно-помещичьих кругов, находит необходимым как в интересах самого союза, так и в интересах широких слоев закавказской молодежи вести самую беспощадную борьбу с этим разъедающим сознание и чувства человека ядом шовинистических страстей, обязуя каждого члена союза все время вести самую неустанную проповедь идей интернационализма и братства всех народов. Признавая себя частью рабоче-крестьянской молодежи, Закавказская областная конференция признает идейное руководство только Коммунистической партии, как яркой выразительницы интересов рабочих и крестьян».

Декларация кончалась призывом ко всей рабочей и крестьянской молодежи сплотиться для борьбы за победу Советской власти во всем Закавказье, за торжество социалистической революции.

Конференция приняла приветствие III Коммунистическому Интернационалу, Центральному Комитету комсомола и М. Цхакая. Во время проведения молодежной конференции Миха Цхакая находился в Кутаисской тюрьме, куда его вместе с большой группой коммунистов запрятало меньшевистское правительство Грузии, боясь огромного авторитета и влияния Цхакая и его друзей среди населения.

В приветствии говорилось: «Конференция пролетарской молодежи приветствует в Вашем лице весь коммунистический пролетариат Кавказа и выражает уверенность, что те угнетатели и предатели Кавказа, которые осмелились нанести оскорбление кавказскому пролетариату тем, что арестовали пионера пролетарской революции на Кавказе Миху Цхакая, не будут господами положения и над Кавказом в скором будущем будет развеяться Красное знамя пролетарской диктатуры и Коммунистического Интернационала, борцом за идеи которого Вы являетесь. Да здравствует Советский Кавказ!»

МОСКВА

По поручению крайкома.— Первая встреча с Кировым.— На докладе у Ленина.— На II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока.— Е. Д. Стасова.— Некоторые итоги.

Партийные организации и революционное движение в Баку в середине 1919 года уже в значительной степени оправались после поражения, понесенного в 1918 году.

В нашем письме к В. И. Ленину справедливо отмечалось, что образование «независимых» национальных буржуазных государственных единиц, явившись несомненным злом для пролетарского движения Кавказа и Советской России «...имело благотворные результаты в деле прояснения и кристаллизации классового самосознания масс... Процесс размежевания по национальностям и «объединения всех сил наций» вокруг идеи независимости национальной республики круто сменился глубоким процессом классового расслоения и интернационального объединения рабоче-крестьянских масс под знаменем Коммунистической партии. Отлив от Советской

России к своей буржуазии сменился отливом от своей буржуазии и приливом к Советской власти, Советской России»¹.

Кавказский краевой комитет партии по поручению своей общекавказской партийной конференции в Баку, собравшись в конце мая на свой пленум в обновленном составе, с участием С. Орджоникидзе после детального обсуждения постановил не выступать против национальных республик, а главным лозунгом и очередной задачей дня считать свержение правительств существующих республик и установление Советской власти в их пределах, создании советских республик Азербайджана, Грузии и Армении, добиваясь добровольного объединения их с Советской Россией в военном и экономическом отношении².

Прежде всего необходимо было в связи с этим уточнить план подготовки вооруженного восстания в Азербайджане, в Грузии, а затем и в Армении, определить время, наиболее целесообразное для его осуществления, увязать наши действия с планами продвижения Красной Армии.

Назрели и приобрели все большее значение партийно-организационные вопросы. По ним не было единой точки зрения, и это еще более осложняло положение.

Все это, вместе взятое, требовало новых установок для кавказской краевой парторганизации, нужна была поездка в Москву для доклада о положении дел и получения необходимых указаний. К тому же за год с лишним после поражения большевиков на Кавказе ни один член крайкома не был в Центральном Комитете партии. Кавказским крайкомом партии было решено, что в Москву с докладом в ЦК от имени крайкома надо ехать мне. Признаться, я был рад, когда товарищи выдвинули мою кандидатуру. Я предвкушал радость личной встречи с Лениным. В Баку стало известно, что в ноябре в Москве должен собраться VII Всероссийский съезд Советов (на самом деле он состоялся в декабре 1919 года). 26 сентября Президиум рабочей конференции Баку и его районов выдал мне мандат, в котором говорилось:

«Выдан сей мандат от Президиума Центральной рабочей конференции г. Баку Анастасу Микояну в том, что он делегируется на Всероссийский съезд Советов, предполагаемый быть в ноябре месяце»³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 745, л. 2.

² ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 745, л. 4.

³ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 6, ед. хр. 81, л. 77.

Путь в Москву был один: на рыбацкой лодке пять-шесть дней по Каспию в Астрахань. Этот путь был освоен организованной бакинскими большевиками флотилией лодок, возивших из Баку авиационный бензин для Советской России.

Наша лодка должна была отойти от пристани на бульваре в центре города. Удалось раздобыть официальные документы на пятерых пассажиров, якобы отправляющихся в Персию.

Но отъезд, назначенный на 8 октября, сорвался. Полиция пронюхала об этой поездке.

Придя на пристань, я заметил возню полицейских около наших лодок. Не опознанный полицией, я ушел с пристани, не подходя к лодке. Вот как об этом эпизоде вспоминает Шура Берцинская:

«Вместе с Анастасом едут Ольга Шатуновская, Скачко, Тигран и еще один товарищ. Лодка должна отойти от пристани на бульваре в самом городе. Удалось раздобыть официальные документы на пятерых пассажиров, якобы отправляющихся в Персию. Вечер. Четверо уже сидят в лодке, дожидаются Анастаса, который, ради безопасности, должен прийти в последнюю минуту.

Нагрянула полиция, все арестованы. Но арестованных не увозят. Полиция явно кого-то дожидается: видимо, им известно об Анастасе. Позже выяснилось: кто-то выдал.

Ольга и Тигран заняты одной мыслью: как предупредить Анастаса? Самое главное не дать ему спуститься в лодку. Когда Ольгу вели бульваром вдоль набережной в полицейский участок, Анастас, шедший навстречу, сразу не разглядев городских, окликнул было Олю, но она молча прошла мимо. Тигран требует повести его оправиться. Выйдя из лодки, он всматривается: не идет ли Анастас? Чтобы выиграть время, переходит с места на место. Еще мгновение. Анастас подходит. Мигом поняв обстановку, Анастас с папиросой в зубах обращается к Тиграну: «Спички есть закурить?» — «Никаких спичек нет, проходи», — отвечает ему Тигран. Полицейский подгоняет Тиграна скорее кончать свои дела. Его нисколько не интересует прохожий, желающий закурить. Более того, он кричит на Анастаса: «Проходи, проходи!» Общение с арестованным полицейский допустить не мог и поэтому постарался побыстрее увести Тиграна в лодку. Так и не дождавшись еще одного пассажира, полицейские увели всех арестованных в полицейский участок.

Уже ночь. Стали ждать полицмейстера, но он задерживался, оказывается, был на вечере у губернатора. Пока допрос

производил пристав. Ольга изображала вдову некоего купца, внезапно умершего в Персии. Верная жена ехала в Персию за трупом любимого мужа. Она заливалась горькими слезами и сетовала на то, что ее лишают единственного оставшегося в ее жизни утешения. Скачко — купец, торгующий табаком, требовал отпустить его и приказчика (в роли приказчика выступал Тигран), грозя все убытки, причиняемые задержкой, отнести на счет полиции.

Слезы, крики, угрозы, видимая состоятельность арестованных (о чем свидетельствовала, в частности, их хорошая одежда) — все это несколько смущает пристава. Однако он ничего сделать не может: «Господа, придет полицмейстер, всех вас отпустит, а я не могу, не имею права. Полицмейстер велел его дожидаться».

Кое-как и кое-где примостившись, все уже полудремут. Вдруг глубокой ночью последовало распоряжение: «Вы свободны. Можете уходить». Видимо, действовал Анастас: пристава дали крупную взятку.

Вышли из участка. Сразу рассыпались в разные стороны по узким путаным улочкам Бакинской крепости. Почти тут же раздалась свистки, топот ног — началась погоня. Но в лабиринте крепости спрятаться было нетрудно. Позже узнали, что, как только арестованных выпустили, явился полицмейстер. Бросились в погоню, но всей этой разношерстной компании — гневного купца, его приказчика и рыдающей вдовы — след простыл».

После этой несостоявшейся поездки новой группе было поручено особенно конспиративно подготовить отправку лодки уже с другой пристани.

В это время в Астрахань должен был ехать Федя Губанов, председатель Союза водников. Мы обсуждали с ним вопрос, как лучше с точки зрения конспирации ехать: вдвоем на одной лодке или же выехать с интервалом в день на разных лодках? Был избран второй вариант, как более правильный.

Мы рассчитывали, что если одна лодка провалится, то другая все-таки сумеет добраться до Астрахани.

Через несколько дней, как и было условлено, я выехал из Баку нелегально, на парусно-моторной рыбацкой лодке под видом торговца, везущего табак в Энзели (Персия). Мое появление на пристани было обставлено по всем правилам конспирации. Пришел в самый последний момент перед отправкой лодки, чтобы меньше мозолить глаза всем тем, кто находился на пристани. Одет я был соответственно, «под купца».

В руках у меня для прикрытия был огромный арбуз. Провожали меня два бакинских партийных работника, тоже по внешнему виду очень похожие на обыкновенных рядовых торговцев, которых тогда много было на пристани.

В лодке находился представитель горских народов (фамилию его я не запомнил), который ехал к Кирову, чтобы установить контакт с 11-й армией и заручиться поддержкой повстанческих отрядов, действовавших в Кавказских горах.

Наш отъезд происходил в яркое, солнечное утро. Не привлекая ничего внимания, мы спокойно сели в лодку и на этот раз без осложнений вышли из Бакинского порта. Минував прибрежные воды и углубившись в открытое море, мы взяли курс, естественно, не на Иран, а на Астрахань.

Обычно все, кто выходит в море, жаждут спокойной погоды, отсутствия качки... Вспоминая те минуты, хочу сказать, что мы мечтали тогда, наоборот, о бурной погоде, о шторме...

Путь предстоял длинный и опасный. Мотор на лодке был очень слабый; вся надежда была на паруса, а при спокойной погоде они находились бы в бездействии. Кроме того, мы знали, что денкинские военные корабли, господствовавшие тогда в Каспийском море, в хорошую погоду все время сновали по морским путям, тщательно их контролируя; в штормовую погоду они, как правило, стояли в портах.

На наше счастье, некоторое время спустя после того, как мы вышли из порта, начался шторм. Внизу, в единственной маленькой каютке, было очень тесно, душно, неуютно. Поэтому мы устроились на палубе, глотая свежий морской ветер, подставляя головы под морские брызги.

Лодка была небольшая, волны гигантские... Сидишь на корме, оглянешься назад — и кажется, будто огромная трех-четырёхметровая стена пенистой морской воды вот-вот навалится и поглотит тебя... Но наша лодка, как будто подчиняясь какой-то таинственной силе, неслась вперед, всякий раз стремительно взбиралась на гребень волны, а потом так же стремительно падала с него, чтобы повторить все это снова...

Сначала было страшно: вот-вот нас поглотит морская пучина. Потом мы привыкли. Появилось даже чувство гордости за человека, успешно противоборствующего разбушевавшейся стихии...

Первая большая опасность могла ожидать нас в пути от форта Александровска (ныне Шевченко) до кизлярских берегов: здесь самая узкая горловина Каспийского моря, и любой проходящий корабль обязательно заметил бы нашу лодку.

Не помню, на третий или на четвертый день, когда мы уже подходили к Александровску, погода значительно улучшилась, хотя море по-прежнему было беспокойно. В ожидании «лучшей» (то есть штормовой) погоды и ночной темноты мы решили тогда свернуть в ближайшую пустую бухту Кара-Богазского залива, чтобы укрыться от посторонних глаз, дожидаться нужной погоды и ночью при попутном ветре продолжать путь, миновать опасный участок и войти в дельту Волги.

В бухте мы встретили старика-казаха и мальчика лет двенадцати. Никого, кроме них, там не было. Старик промыслял здесь рыбной ловлей. Оказалось, что около пяти месяцев он даже не видел куска хлеба. У нас был с собой запас хлеба; мы дали ему несколько буханок.

Рыбак принял нас гостеприимно. Зарезал барана, зажарил мясо на костре, сварил вкусную уху и отлично нас угостил. Мы хорошо отдохнули, а когда стемнело, вновь двинулись в путь. Старик настоял на том, чтобы мы взяли с собой на дорогу рыбы.

Мы незаметно проскользнули Александровск и плыли почти целый день. По мере приближения к Волге у нас на глазах постепенно менялся цвет морской воды: сперва она была темно-синей, потом стала желтеть, желтеть... Это уже проступала волжская вода.

Значит, мы близко от устья Волги.

Нам было известно, что деникинские военные корабли особенно тщательно патрулировали вход в дельту Волги.

Глубина воды стала уменьшаться: возможность столкновения с крупным вражеским кораблем (чего мы больше всего опасались) становилась все меньше.

Отправляясь в путь, мы предусмотрительно припрятали в лодке три боевые винтовки, маузеры и гранаты. Если бы деникинцы нас захватили, мы оказали бы им достойное сопротивление и, уж во всяком случае, не продали бы дешево свою жизнь.

Так в полной боевой готовности мы и приближались к дельте Волги, зорко наблюдая, нет ли на горизонте деникинских кораблей. Горизонт был чист. Никаких судов видно не было.

Перед самым заходом солнца мы увидели вдали корабль. Он быстро приближался, мы еще никак не могли распознать, белый это корабль или наш, красный.

Раздался предупредительный выстрел и требование поднять флаг, поскольку мы шли вообще без всякого флага.

Подумав, я приказал поднять белый флаг. Мои товарищи-матросы запротестовали: «Как так, мы коммунисты и вдруг поднимаем белый флаг?»

Пришлось им объяснить, что белый флаг хорош тем, что формально означает отказ от сопротивления. Корабль, который шел к нам, увидя белый флаг, не станет стрелять. Когда корабль подойдет и окажется, что он наш, красный, то все закончится благополучно. Если же окажется, что это денкинский корабль, тогда мы все равно сможем пустить в ход оружие, уничтожить как можно больше врагов и самим не сдаться живыми.

Флаг был поднят. Остановились, спустили паруса, выключили мотор. С волнением ждем приближения корабля. Это был один из наиболее напряженных моментов. Все, как говорится, тогда было поставлено на карту.

Корабль приближался. Мы зорко гляделись: чей же он. Присматривались: есть ли офицерские погоны? Смотрим, никаких погон не видно. Значит, красные! Мы успокоились. Корабль подошел. К нам в лодку прыгнули три моряка без знаков различия, один из них был командир.

Я представился, сказал, что еду из Баку в Астрахань с поручением к Кирову, а докладывать о подробностях не могу. «Доставьте нас в Астрахань, к Кирову, а все, что имеется в нашей лодке, можете взять в качестве трофеев, в том числе и изрядный запас табаку, которого у вас, наверное, не хватает».

Моряки были очень этим довольны. Они действительно давно уже не видели табаку, обходясь всяческими суррогатами.

Мы перешли на корабль и на следующий день (16 октября) прибыли в Астрахань.

* *
*

Меня доставили к Кирову на квартиру. Дома его не оказалось. Какая-то старушка, видимо хозяйка квартиры, на мой вопрос, где Киров, ответила: «А он с утра в Совете, речи произносит».

В то время в Астрахани было плохо с продовольствием. Потом, когда я ходил по улицам города, я видел, как кое-где с рук продавались моченые яблоки, иногда попадалась вяленая вобла. Больше ничего не было.

Кирову приходилось довольно туго. Ему надо было всюду поспеть, всем объяснить, разъяснить, а главное, поднять дух у голодных людей. Наконец через несколько часов Киров по-

явился. Это была моя первая встреча с ним. До этого мы были знакомы только по оживленной переписке, которая завязалась у нас около полугода назад.

Встретились как хорошие, давние знакомые.

Я подробно рассказал ему все, что собирался говорить в ЦК партии. Особенно детально мы обсуждали с ним конкретные вопросы помощи повстанцам Кавказских гор, а также намечали меры по усилению вывоза бензина из Баку в Астрахань.

Человек живой, пытливый, умный, ясно и четко мыслящий, Киров мгновенно разобрался во всех тонкостях этих вопросов. Его положительное отношение к нашей позиции по всем вопросам как-то еще больше меня подбодрило, вселило уверенность, что вопросы, волнующие нас, будут успешно рассмотрены и в ЦК партии.

Киров поразил меня своей работоспособностью, оперативностью, умением незамедлительно принимать решения. Было видно, что все нити военной, государственной и партийной работы тянулись здесь именно к нему, и он, опираясь на доверие товарищей, пользуясь среди них высоким авторитетом, умело осуществлял руководство. За дни пребывания в Астрахани и частого общения с ним мы близко узнали друг друга и стали навсегда друзьями.

В моей памяти Киров тех дней остался исключительно собранным, подтянутым, цельным человеком, обладавшим к тому же очень твердым характером. Он и по внешнему своему облику необычайно располагал к себе людей. Невысокого роста, коренастый, очень симпатичный, он обладал каким-то особенным голосом и необыкновенным даром слова. Когда он выступал с трибуны, то сразу покорял массы слушателей.

В личных беседах он был немногословен. Но высказывал свои мысли всегда очень ясно, четко, умел хорошо слушать других, любил острое слово и сам был отличным рассказчиком.

Выяснилось, что Киров ведет оживленные переговоры с Лениным по телеграфу, регулярно сообщая о положении дел, запрашивая указания, передавая в центр поступающую в Астрахань информацию с Кавказа.

В первый же день моего приезда Сергей Миронович послал Ленину телеграмму о моем прибытии в Астрахань и предстоящей поездке в Москву. В большой телеграмме Киров сообщил Ленину об услышанном от меня — о размахе восстания горцев в Чечне под руководством Н. Ф. Гикало, о ме-

рах, которые в связи с этим собирается принять Деникин. Ссылаясь на мое сообщение, он, в частности, телеграфировал:

«Все общественное мнение Кавказа приковано к начавшемуся в конце августа восстанию горских народов Кавказа — дагестанцев, ингушей, чеченцев и кабардинцев... Кроме кучки изменников и предателей — офицеров, продавшихся Деникину, все слои горских народов, не имея ниоткуда помощи, но доведенные до отчаяния зверствами Деникина, решительно отказались платить наложенную контрибуцию, дать требуемые полки для борьбы против Советской власти и с одними винтовками и кинжалами бросились в кровавый бой с офицерско-казачьими бандами, решив победить или умереть. Всеобщий энтузиазм, доходящий до фанатизма, охватил также женщин, детей и стариков, на которых ложится все сложное дело снабжения фронта и повстанческих отрядов, ибо все мужчины поставлены под ружье. На арбах и лошадях самое небоеспособное население подвозит на фронт для бойцов все, что имеется в аулах. Все новые и новые победы окрыляют повстанцев, проявляющих чудеса героизма, а громадная военная добыча подкрепляет отряды, обеспечивая их вооружением, которого у горцев очень немного. В ряде боев одними дагестанцами захвачено более 3 миллионов патронов, 16 орудий и несколько десятков пулеметов, всецело уничтожены гарнизоны нагорных пунктов Дагестана, где одними убитыми от казаков пало до 3 тысяч человек... Азербайджан и Грузия, заинтересованные в победе горцев, которые являются для них крепким заслоном против Деникина, играют преступную роль праздного и равнодушного зрителя, они никакой помощи повстанцам не оказывают...»¹

С Кировым мы решили, что я пробуду в Астрахани несколько дней: мне хотелось дождаться Федю Губанова, чтобы, как мы договорились, ехать в Москву вместе с ним.

Во время пребывания в Астрахани я неожиданно узнал, что в городе находится большая группа армян-коммунистов во главе с Айкуни, которая собирается ехать на Кавказ. Было устроено собрание этих товарищей, где с докладом выступил Айкуни, а я — с контрдокладом.

Я заявил, что коммунисты Армении и Закавказский крайком партии не признают ЦК Компартии Армении, который возглавляет Айкуни. Он и его группа не имеют никакой связи

¹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы. Т. I. 1912—1921 гг. М., 1936, стр. 147—148.

с местными парторганизациями в Армении, работой которых сейчас руководит недавно созданный Арменком, не признающий группу Айкуни. Айкуни и его ЦК не избраны коммунистами Армении. Коммунисты Армении входят в состав закавказской партийной организации и признают руководство крайкома партии, с которым Айкуни и его группа не имеют ничего общего. В этом, говорил я, состоит одно из проявлений националистических тенденций группы, раскалывающей ряды коммунистов Закавказья, подрывающей существующее единство закавказской организации большевиков.

Я заявил, что товарищи, которые собираются ехать на Кавказ, вполне могут рассчитывать на хороший прием и поддержку со стороны коммунистов Армении и Закавказского крайкома, если они будут руководствоваться не указаниями Айкуни, а спокойно и дисциплинированно войдут в ряды местных партийных организаций.

Неожиданно подавляющее большинство присутствовавших на собрании коммунистов поддержало меня.

С тревогой ждал я появления Губанова, опасаясь, как бы он не попал в лапы деникинцев. Наши опасения подтвердились: лодку захватили белогвардейцы. Губанов был арестован и вскоре погиб.

Пришлось ехать одному. Регулярного сообщения с Москвой не было. Поезда ходили не чаще одного раза в неделю. Уехать можно было лишь с какой-либо оказией.

— Такая оказия есть, — сказал мне Киров. — Через несколько дней сюда должен прибыть со своим поездом член Реввоенсовета республики Смилга с группой военных работников. Он пробудет в Астрахани день-два, и ты вполне сможешь с ним уехать в Москву.

Так все и произошло. 26 октября я уехал в Москву в том поезде, с которым возвращался Смилга. Киров телеграммами от 24 октября Стасовой и от 27 октября Ленину и Стасовой сообщал о моем выезде в Москву.

Добирались мы до Москвы что-то около двух недель. Железнодорожный транспорт находился тогда в катастрофическом положении. Топлива не хватало. Подвижной состав был разбит. Должного порядка на железных дорогах не было. Остановки в пути следовали одна за другой.

Весь этот вынужденный долгий путь я продолжал обдумывать свой доклад Центральному Комитету партии. Много думал о предстоящей и так волнующей меня первой встрече с Лениным...

Приехал я в Москву, когда положение в Советской России было очень тяжелым. Шла гражданская война. Внутри страны то там, то здесь вспыхивали контрреволюционные мятежи. Повсюду свирепствовали голод, эпидемии.

Столица жила очень напряженной жизнью...

Центральный Комитет партии размещался тогда в здании на Воздвиженке (ныне проспект Калинина). Меня направили в комнату, в которой работала Елена Дмитриевна Стасова. Когда я вошел в небольшой и, помнится, несколько темноватый кабинет, высокая белокурая женщина, как мне показалось аристократической внешности, стоя у невзрачного стола, разговаривала с каким-то товарищем. Она обернулась на стук закрываемой двери и, остановив собеседника движением руки, заинтересовалась, кого я ищу и по какому вопросу. Я представился и сказал, что мне необходимо видеть секретаря ЦК товарища Стасову, и на это услышал коротенькое: «Это — я».

Елена Дмитриевна уже знала о предстоящем моем приезде из телеграммы, полученной от С. М. Кирова. Приветливо улыбнувшись, она попросила меня присесть и подождать, пока она кончит разговор с товарищем. Через несколько минут я уже отвечал на вопросы Елены Дмитриевны.

* *

*

Расспросив, как я доехал, Стасова направила меня к Владимиру Ильичу, в Кремль. Сказала, что Ленин дал поручение: как только я появлюсь в городе, сразу же доставить меня к нему. В тот же день вечером он принял меня в своем кабинете, один. Когда я открыл дверь в кабинет Ленина, он, приветливо, с прищуром улыбаясь, встал из-за письменного стола и вышел мне навстречу. Дружелюбно и просто пожал руку. Спросил, как я доехал. Ленин предложил мне сесть на стул, стоявший у письменного стола, и сам вернулся на свое место.

— Рассказывайте, рассказывайте...

Когда я начал говорить, Ленин сразу как-то преобразился: весь превратился во внимание, улыбка сошла с лица, выражение глаз стало серьезным, пытливым.

Я слышал, что Ленин человек простой, но не представлял его себе таким, каким увидел. Он сразу же создал атмосферу непринужденной деловой беседы. Поначалу я сильно волновался, но вскоре собрался и смело, без смущения стал ему докладывать.

Рассказал о больших успехах большевиков Азербайджана за полугодие, прошедшее с весны 1919 года, о сплочении бакинского пролетариата вокруг нашей партии, о сочетании подпольной партийной работы с легальными формами деятельности. О том, что есть в Баку постоянно действующая рабочая конференция из делегатов предприятий — нечто вроде Совдепа, которая является сильным органом и фактически руководит рабочим движением в городе. В марте нынешнего года нам, коммунистам, удалось вытеснить эсеро-меньшевикское большинство из президиума Конференции и, пользуясь поддержкой рядовых членов Конференции, занять руководящее положение в ней и в ее президиуме.

Я говорил о том, что бакинские профсоюзы в начале 1919 года тоже находились в руках меньшевиков, организационно и идейно были очень слабы, а порой и беспомощны; но нам все-таки удалось занять ведущее положение в профсоюзах, а также в рабочих клубах районов Баку, превратив их в базы для развертывания массовой политической работы среди рабочих, в пункты связи и явок партийных организаций. Рассказал о том, как прошел общекавказский съезд профсоюзов, принявший резолюцию, предложенную коммунистами, отметив, что на этот съезд из Грузии прибыли представители только нескольких профсоюзов; союзы, которые находились под руководством меньшевиков, предвидя, что на съезде они окажутся в меньшинстве, не послали своих представителей, устроили свой съезд профсоюзов Грузии, отколовшись тем самым от общекавказской профсоюзной организации.

Я счел нужным сообщить Владимиру Ильичу, как нам удалось, вопреки усилиям меньшевиков, получить большинство на перевыборах правления Каспийского кооперативного объединения, взять управление им в свои руки. Этот кооператив стал опорным пунктом нашей партийной работы. Его предприятия использовались для устройства безработных коммунистов, для посылки людей в командировки по партийным делам под видом кооперативной работы, для организации связи, для устройства явок и пр.

Еще по пути в Москву я все время думал о предстоящей встрече с Лениным, о том, как лучше сделать доклад. Решил сначала привести одни только факты, потом их проанализировать, обобщить и сделать выводы. Так я и поступил. Владимир Ильич с жадностью слушал меня, когда речь шла о фактах. Но как только я пытался перейти к выводам, он меня вежливо прерывал, вставал, ходил по комнате, расспрашивал

о дополнительных фактах. Подходил к карте: «А ну, где это, посмотрим, где Дагестан, где Чечня?» Смотрим. «Сколько там партизанских отрядов?» — вновь спрашивает Ленин. Отвечаю и опять начинаю обобщать. Ленин снова задает вопросы, уточняет. Тогда только я понял, что мне надо подробнее рассказывать о фактах и не стараться делать выводы: Ленин сам их сделает, и, конечно, лучше меня.

Я доложил Ленину о политическом положении в республиках Закавказья, в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабарде. Отметил, что наиболее революционная ситуация сложилась в Азербайджане, где не только в Баку, но и в уездах развернулась борьба против буржуазного правительства, против помещиков, за захват земель. Коммунистам удалось взять на себя руководство этим движением.

После трагической гибели Ленкоранской Советской республики наиболее сильно антиправительственное движение развернулось в Казахском уезде и в Карабахе. А в Дагестане, Чечне и Кабарде идет партизанская борьба против деникинских войск.

Усилиями грузинских меньшевиков и при поддержке мусаватистского правительства образовано правительство горских народов Кавказа. Однако фактически власти оно не имеет, решающей силой там являются красные партизанские отряды.

В Кизлярском районе и особенно в Новороссийском и Туапсинском районах действуют отряды так называемых «зеленоармейцев», состоявшие из недовольных крестьян, бывших северокавказских красноармейцев и дезертиров из денинской армии. Они ведут боевые действия против Деникина. Краевой комитет партии принимает энергичные меры к установлению связи с ними, чтобы использовать их в борьбе с денинской армией, для разрушения тыла противника.

Ленин задал вопрос: каково экономическое положение в буржуазных республиках Закавказья?

Я ответил, что относительно благополучно положение в Грузии. Азербайджан, владея огромными запасами уже добытой нефти, но лишившись российского рынка, переживает депрессию из-за невозможности вывезти и продать нефть.

Самое тяжелое положение в дашнакской Армении. При общей бедности населения, отсутствии промышленности и малоземелье экономическое положение здесь катастрофическое. Около 300 тыс. армян — беженцев, пришедших из Западной Армении вместе с отступавшими русскими войсками,

очутились в ужасных условиях. Широко рекламируемая помощь Англии и Америки на деле ничтожна, народ голодает.

Ленин спросил, каковы взаимоотношения между националистическими правительствами Закавказья. Я ответил, что они грызутся между собой, их раздражают территориальные споры. Предпринятая летом на встрече представителей правительств попытка наладить сотрудничество результатов не дала.

В Грузии, вопреки меньшевистскому правительству, соотношение внутренних общественных сил развивается в нашу пользу. Большинство активной части крестьян и рабочих, отдельные подразделения регулярной армии не только хорошо к нам настроены, но и готовы восстать по призыву нашей партии. В некоторых районах и армейских частях даже не всегда удается предупредить преждевременные стихийные выступления. Так было, например, в Поти, Михайлове, Ланхутах, Сухуме и др.

В Армении как экономическое положение, так и политические условия тяжелые, коммунисты подвергаются сильным преследованиям, они вынуждены вести работу только в подполье, так как никаких возможностей для легальной работы нет. В народных массах, среди недовольных существующим положением, очень сильна тяга к России. В случае победы над Деникиным трудовое население Армении, включая и мусульман, поднимется на борьбу за Советскую власть.

Вдруг Ленин, хитро усмехнувшись, спрашивает: а как осуществляют демократию грузинские меньшевики?

Я ответил, что никакой демократией в меньшевистской Грузии и не пахнет. Наоборот, там жестоко подавляют крестьянские восстания, возникшие в некоторых уездах. Арестовали и держат в тюрьмах без суда и следствия большую группу наших партийных товарищей. Арестован и сидит в Кутаисской тюрьме известный Ленину по швейцарской эмиграции Миха Цхакая. Конечно, нет и речи о свободе печати. Большевики не могут издавать ни легальных газет, ни брошюр, они работают подпольно.

Ленин очень горячо реагировал на мой рассказ и высказался примерно так: я этих меньшевиков хорошо знаю! От них другого нельзя и ожидать.

Я сказал, что в Грузии как-то начала выходить одна газета большевистского направления, но не прошло и двух недель, как меньшевики ее закрыли. Это было в дни, когда мы пытались создать единый фронт против Деникина. Ле-

том, когда Деникин одержал ряд побед на фронте и появилась угроза его вторжения в Закавказье, сильно встревожились и мелкобуржуазные круги населения и даже правительства Закавказья. Желая создать затруднения Деникину на Кавказе и тем помочь Красной Армии, мы обратились к мелкобуржуазным партиям и национальным буржуазным правительствам с предложением о единых действиях против деникинской опасности, обещая им всяческую поддержку в этом деле. Наш призыв нашел отклик в широких массах трудящихся, под давлением которых грузинские меньшевики согласились вступить в переговоры и созвать общекавказский рабочий съезд для организации борьбы против деникинского нашествия. Этот период мы успешно использовали для легальных выступлений среди рабочих Тифлиса. Однако меньшевики увидели, что развернувшаяся кампания льет воду на большевистскую мельницу. Они добились у английских представителей гарантии, что те не допустят нашествия Деникина в Закавказье, и после этого прервали всякие переговоры с нами. Началась новая волна репрессий против коммунистов, разнuzданной антибольшевистской пропаганды.

Рассказал я Ленину о том, что партийные организации Закавказья успешно готовятся к вооруженному восстанию и ждут указаний ЦК о времени его проведения. Сами мы не можем определить его наиболее целесообразного срока. ЦК партии знает положение на фронтах, а мы хотели бы приурочить восстание к моменту приближения Красной Армии к Кавказу.

Я сказал далее, что в Азербайджане сейчас кроме РКП(б) существуют две коммунистические организации. Это «Гуммет», объединяющая местных рабочих азербайджанской национальности, и «Адалет», объединяющая рабочих — выходцев из Персии. Представители всех коммунистических организаций после некоторых споров пришли к выводу о том, что раздробленность рядов коммунистов не соответствует современному положению и задачам предстоящего восстания; «Гуммет» и «Адалет», созданные давно, совсем в других условиях, сыграли большую роль по вовлечению мусульманских рабочих в коммунистическое движение, а теперь надо иметь единую коммунистическую организацию для всех, независимо от национальной принадлежности.

Поскольку мы выдвинули лозунг создания независимого Советского Азербайджана, тесно связанного с Советской Россией, то такой единой организацией должна стать Коммуни-

стическая партия Азербайджана, объединяющая всех коммунистов республики и входящая в состав РКП(б).

Я сообщил Ленину, что это единодушное мнение коммунистов Азербайджана находится в противоречии с принятым в июле этого года решением ЦК, согласно которому «Гуммет» признается самостоятельной Коммунистической партией Азербайджана с правами областного комитета партии.

Далее, я заявил, что коммунисты Армении и Кавказский крайком РКП(б) не признают находящийся в Москве и возглавляемый Г. Айкуни ЦК Компартии Армении. Он и его группа не имеют никакой связи с местными парторганизациями Армении.

Коммунистические организации Армении избрали в условиях подполья комитет, получивший название Арменком, для руководства работой всех коммунистов Армении. Арменком входит в состав Кавказской краевой партийной организации и через него в РКП(б). Он признает руководство крайкома и не признает группу Айкуни. Эта группа, в свою очередь, признает только непосредственное руководство ЦК РКП(б) и отвергает руководство со стороны Кавказского крайкома партии, не желает входить в состав Кавказской краевой организации коммунистов и тем самым раскалывает ряды коммунистов Кавказа.

Рассказал Ленину, что, будучи в Астрахани, я встретился с группой армян-коммунистов, собиравшихся ехать на Кавказ, с которыми был Айкуни. Приняв участие в их собрании, я выступил против позиции Айкуни, и все присутствовавшие приняли предложенную мною резолюцию, а Айкуни остался в одиночестве и решил вернуться в Москву.

— Кавказские коммунисты не мыслят победу без единства коммунистов Кавказа, — говорил я.

По наивности я думал, что Ленин прямо в ходе беседы или сразу по ее окончании даст мне определенные ответы на поставленные вопросы, выскажет свое мнение и соображения по ним.

Ленин сказал, что все эти вопросы — о компартиях Азербайджана и Армении, об их отношении к крайкому, — равно как и другие поставленные мною вопросы, надо изучить и обсудить в ЦК, а потом уже принимать по ним решения. Для этого надо, чтобы я все изложил в письменном виде, что я позже и сделал.

Что же касается объединения коммунистов одной организации по территориально-производственному принципу, не-

зависимо от их национальной принадлежности, Ленин сказал, что это совершенно правильно. Правильно также, чтобы в организовавшихся на окраинах России самостоятельных государствах коммунистические организации работали в виде самостоятельных компартий, входящих в состав РКП(б).

Эта первая встреча и беседа с Владимиром Ильичем Лениным никогда не изгладится из моей памяти.

* *
*

После беседы с Лениным я вернулся на Воздвиженку, где мне дали направление в третий дом Советов (бывший Божедомский переулок, ныне Делегатская улица. Теперь в этом здании находятся Президиум Верховного Совета и Совет Министров РСФСР). В Москве я был впервые, ни трамваи, ни другой городской транспорт не работали, и, чтобы добраться до места, мне дали автомобиль.

На следующее утро мне удалось узнать, где живет семья Шаумяна. Оказалось, что она занимает квартиру во дворе этого же дома, и я зашел к ним. Екатерина Сергеевна Шаумян настояла на том, чтобы я перебрался к ним. И вновь, как в Баку, дом Шаумяна стал для меня родным домом.

Наутро Стасова вновь приняла меня, как мы и договорились накануне. Подробно рассказал ей о положении дел на Кавказе и о тех вопросах, которые крайком ставит на рассмотрение ЦК. Затем, по совету Стасовой, я зашел к К. Т. Новгородцевой, заведовавшей тогда Орготделом ЦК, и также информировал ее обо всем. Она произвела на меня очень хорошее впечатление, как серьезный, вдумчивый партийный работник, простая в обращении и располагавшая к себе собеседника. Позже я узнал, что это была жена скончавшегося в начале года секретаря ЦК и Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

* *
*

Много дней я переживал и обдумывал беседу с Лениным. Поражало, что Владимир Ильич подробнейшим образом интересовался всеми вопросами Кавказа, в том числе и деталями. Задавал многочисленные вопросы, уточнял, что происходит в Баку и в Азербайджане в целом, в Грузии, Армении, Дагестане, Чечне и у других народов Кавказа.

Казалось, до этого ли ему было! И внешнее и внутреннее положение Российской республики продолжало оставаться

крайне тяжелым. В конце года, по представленным Ленину данным ЦСУ, Советская власть распространялась всего лишь на 75 млн. человек, т. е. примерно на половину населения царской России в 33 губерниях Республики. Это были губернии преимущественно потребляющие.

Из Архангельска и Мурманска английские войска продвигались к югу, на Вологду, белая армия Юденича стояла под Петроградом и, перейдя в наступление в конце сентября, в середине октября приблизилась к городу. На основном в то время деникинском фронте в конце октября произошел перелом, движение деникинских полчищ на север было приостановлено, они были отброшены от Орла. Была снята прямая угроза нашествия деникинцев на Москву. Однако положение в конце года все еще оставалось сложным. На Восточном фронте под давлением Колчака советские войска в середине октября были вынуждены отойти к Тоболу. Заводы, за исключением нескольких, работавших на оборону, стояли. Советская республика почти лишилась источников сырья, топлива, хлеба. Производство металла дошло до минимума. Связь с Советским Туркестаном была прервана казачьими войсками Дутова, в результате чего прекратилась поставка в Россию хлопка.

Как же велика была у Ленина вера в победу, если в такое труднейшее время он счел возможным более двух часов расспрашивать меня о том, что происходит на далеком Кавказе, какие вопросы волнуют местных коммунистов, как мы собираемся их решать!..

* * *

*

В марте 1919 года был создан Коммунистический Интернационал, о необходимости которого Ленин говорил еще в Апрельских тезисах. Состоялся его I конгресс, положивший начало идейному и организационному объединению коммунистов всех стран под лозунгом диктатуры пролетариата. В этом было коренное отличие Коминтерна от международных объединений социал-демократов. Но было и еще одно существенное отличие: на конгрессе Коминтерна впервые в истории революционного движения объединились коммунисты страны, победившей в социалистической революции, пролетарии Европы и Америки с тружениками колониальных и зависимых стран. В этом плане важное значение имели и проводившиеся тогда съезды коммунистических организаций Востока.

Стало известно, что 22 ноября 1919 года в Москве открывается II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Мне захотелось в качестве гостя присутствовать на этом съезде, чтобы получить информацию и поучиться на опыте этих организаций решению национального вопроса.

Съезд собрался в Кремле, но не в Свердловском зале, а в Митрофаньевском, который вмещал около 80 делегатов.

В день открытия съезда неожиданным и приятным для всех сюрпризом стало появление Ленина. Приветствуя делегатов, Ленин сразу же сказал, что самым существенным сейчас является отношение народов Востока к империализму и революционное движение этих народов. Он заявил, что «революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»¹.

Подробно рассказав о победах Красной Армии и переломе в ходе гражданской войны, он добавил, что «те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Деникиным, эти победы означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение». И далее: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение»².

Остановившись на причинах, приведших к этим победам, и на значении внутреннего разложения империализма, Ленин основное внимание сосредоточил на определении характера борьбы и задачах народов Востока, пути решения которых, как он выразился, «вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия»³. В России удалось соединить борьбу рабочих с борьбой крестьян. То же самое, хотя и в других формах, надо осуществить в международном масштабе.

Важнейший теоретический вывод Ленина сводился к тому, что «социалистическая революция не будет только и глав-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 318.

² Там же, стр. 319, 321.

³ Там же, стр. 330.

ным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»¹.

Вот почему, говорил Ленин, обращаясь к представителям народов Востока, «вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов, — вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма... слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»².

Трудящиеся массы стран Востока должны знать, «что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока»³.

Особый упор делал Ленин на поиски своеобразных форм этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися массами Востока. Он подчеркивал: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство...»⁴

Немеркнущее, основополагающее значение имеют эти мысли Ленина об органической связи пролетарской революции с борьбой угнетенных народов против империализма. Выступая на съезде коммунистов, представляющих мусульманские народы России, Ленин прямо обратился ко всем народам Востока, открывая перед ними перспективы их революционной борьбы при поддержке Страны Советов и мирового пролетариата.

Сегодня мы видим, как победа первого социалистического государства над фашизмом способствовала росту революционных сил в странах Запада и Востока. Образовалась мировая система социализма. Крах старой колониальной системы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 327.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 328, 330.

³ Там же, стр. 330.

⁴ Там же, стр. 329.

и победа ранее угнетенных народов в национально-освободительной борьбе произошли именно в силу единства действий и взаимной помощи мировой системы социализма, пролетариата капиталистических стран и угнетенных народов, в тяжелых боях завоевывающих свою независимость, благодаря союзу этих трех великих революционных сил современного общественного развития.

Насколько свежи и актуальны ленинские мысли через полвека, в новой международной обстановке, видно из того, что они лежат в основе документов международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в 1969 году. Насколько далеки от этих ленинских идей потуги тех, кто, называя себя марксистами-ленинцами, выдвигает новоиспеченную теорию победы мировой революции путем «окружения мирового города мировой деревней»!

Ленин подчеркивал возрастающее значение народов Востока в мировой революции. Он не только говорил о том, что Советская Россия окажет народам Востока помощь в революционном движении, но что развертывающаяся борьба народов Востока против империализма является большой помощью пролетариату Запада в его борьбе за победу революции в их странах.

Выступление Ленина произвело огромное впечатление на присутствующих. На меня — особенно большое, потому что я впервые слушал публичное выступление Ленина. Я отметил себе, что Ленин не коснулся конкретных вопросов, которые волновали делегатов и которые они должны были обсудить и затем принять определенные решения. Накануне он проводил специальное совещание с делегатами, знал те вопросы, которые их волновали. Своим же выступлением Ленин как бы давал понять, что все конкретные проблемы можно решить только после того, как будет в результате всестороннего обсуждения внесена ясность в поставленные жизнью новые вопросы революционной борьбы.

Я был еще на нескольких заседаниях этого съезда. Он продолжался почти 10 дней.

У меня было стремление поучиться у выступавших товарищей, перенять все ценное из их опыта разрешения национального вопроса у мусульманских народов Поволжья, Урала. Об их жизни я почти ничего не знал.

В теории национального вопроса российские коммунисты были вооружены, как ни одна другая партия. Накануне и в ходе первой мировой войны Ленин всесторонне разработал

национальный вопрос, который как раз к тому времени приобрел особенно актуальное значение. В частности, он разъяснил положение Программы партии 1903 года о праве наций на самоопределение, предусматривающее требование о самоопределении вплоть до отделения. Это, конечно, как подчеркивал и сам Ленин, вовсе не означало, что большевики рекомендуют или проповедают отделение. Ленин писал, что пролетариат, «признавая равноправие и равное право на национальное государство... выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение»¹. Но Ленин твердо стоял за то, чтобы населявшие Россию нации добились права на самоопределение вплоть до отделения от России и сами свободно решали, оставаться ли им в рамках единого государства или выделиться в самостоятельное государство.

Ленин был твердо за то, чтобы народы колоний получили право на самоопределение и отделение от метрополий. Это был лозунг свободы и независимости колоний, и он был куда весомее многих сентиментальных, но беспредметных речей об «уравнивании прав» и «восстановлении гуманизма» по отношению к угнетенным народам.

Ведь европейская правая социал-демократия не выступала за свободу колоний и за право их отделения от метрополий — настолько она была привязана к империалистической политике буржуазии своих стран. Оппортунисты предпочитали разглагольствовать о «культурной автономии», как это делали австрийские социал-демократы. Ленинские работы в этой области были крепким ударом и по правой социал-демократии.

Очень острой, можно сказать, беспощадной критике подверглась в прениях деятельность Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), неудовлетворительно работавшего во всех отношениях. Было видно, в каких тяжелых условиях шла работа в ряде губерний Поволжья и Урала, где в результате нашествия Колчака, чехословацкого корпуса, атамана Дутова и др. неоднократно сменялись власти.

Были очень резкие споры и столкновения взглядов выступавших. Чувствовалось, что налицо большой разнобой во взглядах при разрешении конкретных вопросов национальной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 274—275.

политики, и дело дошло даже до создания группировок, занимавших непримиримые позиции. В частности, это касалось отношений между татарами и башкирами.

Я шел на съезд с лучшими представлениями о положении дел. Многое для меня явилось полной неожиданностью. Первые дни на съезде произвели на меня тяжелое впечатление. Но я был доволен тем, что многое узнал о фактическом положении дел в этих районах.

В числе других ораторов выступил и представитель московской группы азербайджанского «Гуммета» Исрафилбеков. Он, между прочим, сказал о моем приезде в Москву, а также о моем заявлении со ссылкой на мнение бакинских товарищей, что под флагом партии «Гуммет» не представится возможности успешно работать в Азербайджане.

Следует пояснить, что вскоре после приезда в Москву я имел встречи с Наримановым и другими активными работниками «Гуммета», которые тоже были в то время здесь. Их я информировал обстоятельно о положении дел и задачах, стоящих в Азербайджане. Особенно подробно аргументировал выработанную у нас в Баку точку зрения о необходимости создания единой Компартии Азербайджана. Вопреки моим ожиданиям, они согласились с этим. Это упрощало решение вопроса.

В целом съезд явился хорошей школой для молодых национальных кадров народов Востока, населявших нашу страну, содействовал сближению и дальнейшей разработке важных вопросов национального строительства и взаимоотношений между нациями и представлял особую ценность благодаря новым, весьма назревшим и глубоким мыслям Ленина об особенностях и ходе революционного и национально-освободительного движения в странах, отставших в своем развитии.

* *
*

Мне хочется сказать еще несколько слов о Е. Д. Стасовой — великой труженице нашей революции, одной из тех, кто под руководством Ленина участвовал в создании нашей партии.

...На следующий день после беседы с Лениным Елена Дмитриевна приняла меня и попросила проинформировать и ее о работе нашей организации, о политической обстановке на Кавказе, о вопросах, требующих решения ЦК. От этой

беседы остались в памяти деловитость, конкретность и сдержанность, с которыми она вела наш первый большой разговор.

В этот приезд в Москву мне еще много раз приходилось обращаться к Елене Дмитриевне, обсуждать с ней самые различные вопросы нашей работы. Бывая часто в Секретариате ЦК, я нередко становился свидетелем деловых бесед Елены Дмитриевны с товарищами, приезжавшими в ЦК с фронтов гражданской войны, из местных партийных организаций. Я еще и еще раз убеждался в ее необыкновенной трудоспособности, целенаправленности, четкости, оперативности и тщательности в работе.

В 1920 году, уже после победы Советской власти в Азербайджане, Елена Дмитриевна приехала к нам в Баку в качестве секретаря Кавказского бюро ЦК РКП(б). В течение нескольких месяцев до моего отъезда с Кавказа мне довелось работать с ней рука об руку. Вместе с ней мы входили в состав возглавляемого Серго Орджоникидзе Оргбюро по съезду в Баку съезда народов Востока. Помню ее всегда сосредоточенной, умеющей твердо отстаивать принципиальные позиции. За ее скромностью чувствовались большая культура и благородство. Когда же дело касалось исполнения партийных решений, она была беспощадно требовательна к себе и к товарищам. Вместе с тем Елена Дмитриевна, повторяю, при всей внешней строгости и замкнутости очень тепло и бережно относилась к молодым партийным работникам. Чувствовалось ее желание и умение работать с ними, стремление поделиться своим богатейшим опытом. Мало того, она окружала нас чуть ли не материнской заботой, всегда была готова оказать необходимую помощь, и как раз в ту самую минуту, когда эта помощь требовалась.

Елену Дмитриевну невозможно было представить без дела. Даже на склоне лет, когда здоровье ее ухудшилось, она продолжала вести партийную работу. Много внимания уделяла воспитанию молодежи, выступала с воспоминаниями, занималась литературным трудом. Все, кто обращался к ней за помощью и советом, находил у нее благожелательное отношение. Она остро реагировала на все недостатки в деятельности государственных и партийных органов, в особенности когда это ущемляло права граждан.

Такой Стасова была всю свою жизнь. Помню, года за три до ее смерти, узнав, что Елена Дмитриевна в больнице, я навестил ее. Она подробно расспрашивала меня о работе Пре-

зидиума Верховного Совета СССР. Я рассказал обо всем, что ее интересовало. Елена Дмитриевна говорила о необходимости обеспечить такой порядок, чтобы во всех государственных органах все работники государственного аппарата внимательно относились бы к рассмотрению заявлений и жалоб трудящихся. «Я сама, — сказала она, — получаю много писем от граждан и немало времени уделяю им. ...Вы должны сделать все, чтобы письма, заявления и жалобы граждан всегда находили справедливое и объективное решение. Очень важно в социалистическом обществе, чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, имел возможность отстаивать свои законные интересы и права. К тому же сигналы трудящихся помогают узнать, в каких звеньях государственного аппарата имеют место нарушения законности и пренебрежение интересами трудящихся, в каких областях и районах лучше, в каких хуже работают советские органы, и своевременно принимать меры к исправлению положения».

Я выразил свое согласие с этими ее соображениями. Что она сама много занималась рассмотрением заявлений трудящихся, я знал, потому что часто получал от нее записки по отдельным заявлениям с просьбой рассмотреть; много раз она звонила мне по телефону, когда в письмах граждан поднимались важные вопросы. Даже находясь в больнице, как только ей становилось лучше, Стасова занималась рассмотрением писем граждан.

Бывая у нее на квартире, я видел на ее рабочем столе аккуратные стопки писем. Одни из них были уже распечатаны и прочтены, другие еще ждали своей очереди. Елене Дмитриевне писали из далекой Якутии, республик Средней Азии и Кавказа, из больших городов и маленьких селений нашей страны. Ни одно из писем не оставалось без ответа. Стасова любила повторять, что переписка с трудящимися — это форма политической деятельности, форма общения с трудящимися массами. То огромное количество писем, которое она получала, было ярким свидетельством ее неразрывной связи с народом, служению которому она посвятила всю свою жизнь.

Для многих людей, сталкивавшихся с Е. Д. Стасовой только по работе, она казалась человеком замкнутым и даже суровым. Это — только первое впечатление. Ее друзья и товарищи знали Елену Дмитриевну эмоционально богатой, с глубокими чувствами и переживаниями. Известно, например, как она любила и глубоко понимала классическую музыку.

Как-то летом 1966 года мне позвонила Ольга Шатуновская и сообщила, что Елена Дмитриевна плохо себя чувствует и хочет, чтобы я заехал к ней. Встревоженный, я немедленно вместе с Шатуновской поехал к Елене Дмитриевне. Она лежала в постели в своей небольшой спальне. Состояние ее было тяжелым. Мы с ней обменялись несколькими фразами. Она говорила с трудом, сказала, что ей хочется послушать музыку Бетховена. У нее в доме не оказалось ни проигрывателя, ни пластинок, ни магнитофона. В этом же доме жила семья моего сына. Я позвонил по телефону, и моя внучка принесла проигрыватель и несколько пластинок Бетховена. Было видно, что музыка доставила Елене Дмитриевне огромную радость и некоторое облегчение.

Месяца через два после этого мы с К. Е. Ворошиловым были на митинге при закладке у Кремлевской стены памятника Неизвестному солдату. По окончании митинга я ему рассказал о том, что был у Стасовой, и предложил навестить ее вместе. Он с удовольствием согласился, и мы поехали к Елене Дмитриевне. Она очень обрадовалась нашему посещению. Мы рассказали ей о только что закончившемся митинге, о торжественном шествии войск и трудящихся Москвы. До самого нашего отъезда хорошее настроение не покидало Елену Дмитриевну. Уходя, мы подумали, что состояние ее здоровья улучшается, что никаких опасений нет.

31 декабря 1966 года я решил заехать к Елене Дмитриевне и поздравить ее с Новым годом. Неожиданно для себя я нашел ее в безнадежном состоянии. Она была без сознания и с трудом дышала. Молодая медицинская сестра делала ей массаж, стараясь поддерживать дыхание и сердечную деятельность. Вскоре появились врачи. Все их попытки предотвратить смерть оказались тщетными. Через некоторое время Елена Дмитриевна скончалась...

Светлый образ этой замечательной революционерки я свято храню в своем сердце...

* *
*

Мы не раз обсуждали все пережитое бакинской организацией за время подполья при английской оккупации.

Прошло менее года, а как много изменилось в нашей жизни! На протяжении каких-нибудь двух месяцев после прихода в Баку интервентов наша партийная организация фак-

тически прекратила свое существование. Тысячи коммунистов эвакуировались в Астрахань или разъехались по другим районам страны. Пали трагической смертью 26 бакинских комиссаров. Значительная группа коммунистов была брошена в тюрьмы. В Баку остались лишь коммунисты-одиночки.

И вот постепенно стали образовываться небольшие группы. Потом они связались между собой, и, начиная с середины декабря по февраль, бакинская большевистская организация — правда, пока еще очень малочисленная — была вновь восстановлена. Не совсем обычным путем был восстановлен Бакинский комитет партии: без конференции, без выборов собрался актив организации, группа молодых коммунистов взяла на себя функции руководящего центра и, быстро добившись организационных успехов и политического влияния в условиях подполья, провела в первой половине марта партийную конференцию, на которой в полном соответствии с партийным Уставом был избран Бакинский комитет партии.

К осени 1919 года в организации насчитывалось уже около двух тысяч человек, причем прием в партию проходил со строжайшим отбором: принимали лишь тех, кто делом доказал свою преданность, умение бороться, бесстрашие, готовность целиком отдать себя делу партии.

События разворачивались с невероятной быстротой. С такой же стремительностью росло политическое сознание рабочих. Молодые кадры набирали опыт организации и руководства, закалялись в непосредственных столкновениях и боях лицом к лицу с многочисленными врагами революции.

К осени 1919 года наша организация добилась неоспоримого политического влияния в рабочих массах. Представители мелкобуржуазных предательских партий были полностью дискредитированы и изгнаны с руководящих постов в рабочих организациях.

Калейдоскоп происшедших событий, как молнией, осветил сознание рабочих, очистив его от множества иллюзий. Рухнуло навсегда представление об англичанах как о цивилизованных союзниках. Вконец было подорвано доверие к соглашательским партиям и их лидерам, предательская роль которых постепенно стала выясняться и окончательно раскрылась после их участия в злодейской расправе с бакинскими комиссарами.

Все это происходило в обстановке тяжелейшей гражданской войны, которую навязали Советской России, с одной

стороны, отечественные капиталисты и помещики, а с другой — их иностранные союзники-интервенты.

Рабочие восхищались героической борьбой Красной Армии и Коммунистической партии против многочисленных врагов. Это еще больше укрепляло веру масс в правоту большевиков и вызывало желание внести свою лепту в дело окончательной победы Советской власти.

Бакинским коммунистам пришлось работать многие месяцы, не имея никакой связи с Москвой, с центральными органами партии и Советской власти. Надо было самостоятельно, применяясь к быстро меняющимся местным условиям борьбы, ориентироваться в обстановке, вырабатывать тактику борьбы и самим принимать соответствующие решения.

И вот, оглядываясь на пройденный путь, мы имели все основания подводить некоторые итоги: была создана бакинская подпольная организация коммунистов; завоевано руководство в Бакинской рабочей конференции — этом своеобразном рабочем парламенте, существовавшем у нас при английской оккупации; прочно укреплено влияние коммунистов в районных рабочих конференциях, рабочих клубах, профессиональных союзах, кооперации; восстановлена связь с коммунистами Грузии и Армении, с Закавказским крайкомом партии, с дагестанскими и северокавказскими коммунистами, с закаспийскими большевиками; укреплено руководство работой коммунистов в уездах Азербайджана.

Самое замечательное заключалось в том, что за очень короткий срок коммунистам удалось и у отсталой части трудящихся Азербайджана подорвать доверие к «своему» национальному правительству, развеять иллюзии, что «своя» буржуазия лучше любой другой, например русской, буржуазии. Как мыльный пузырь лопнули представления о том, что азербайджанские рабочие и крестьяне скорее добьются от «своего» правительства улучшения материального положения, политических прав, условий для духовного развития.

Была изолирована влиятельная контрреволюционная партия мусаватистов, которая, на деле безоговорочно поддерживая буржуазное правительство, выступала перед рабочими с широковещательными демагогическими заявлениями.

Большевистская пропаганда среди рабочих находила благоприятную почву и поддержку. Росла политическая сознательность рабочих-азербайджанцев. То же происходило и в деревне. Крестьяне стали понимать, что помещики не хотят уступить им ни пяди своей земли. Если у некоторых крестьян

еще и были иллюзии, будто «свое» национальное правительство даст им землю, то теперь, когда вместо земли они стали получать пули, политическое сознание их стало быстро проясняться.

Большевики использовали все легальные возможности для усиления работы в организациях. В этих целях мы не игнорировали даже такой плохонький, но все же представительный орган, каким был азербайджанский парламент, где первую скрипку играли в ту пору мусаватисты.

Наконец, когда денкинская угроза нависла непосредственно над Закавказьем, мы выдвинули идею единого фронта борьбы против этой опасности. И хотя в конце концов тифлисские меньшевики сорвали создание такого единого фронта (отчего они политически сильно проиграли), самый процесс борьбы за единый фронт, переговоры и наши выступления по этому поводу в Баку и в Тифлисе дали свои большие политические результаты, позволили разоблачить предательскую суть партий меньшевиков, мусаватистов и дашнаков и усилили большевистское влияние, в том числе и на ту часть рабочих, которые до того шли за этими партиями.

Конечно, не все у нас было гладко. При определении тактики и общей линии поведения бывали у нас разногласия, горячие споры, высказывались разные точки зрения, шла борьба.

Это было естественно. В сложной, постоянно меняющейся обстановке острой классовой борьбы не все сразу поддавалось глубокому анализу и точной оценке.

Но обычно в ходе дискуссии и споров обстановка прояснялась, и мы, как правило, приходили к согласованным, единым решениям.

Случались, конечно, и такие вопросы, по которым споры не сразу приводили к единодушному решению. Например, большинству из нас казалась не подлежащей сомнению предложенная нами тактика единого фронта борьбы против Деникина. Мы считали, что вряд ли кто будет сомневаться в правильности этой тактики.

Однако среди нас были товарищи, которые считали недопустимой саму идею единства действий с соглашательскими партиями, а тем более с буржуазным правительством. Такого рода мысли высказывал, например, Ломинадзе. Он и по некоторым другим вопросам выступал со своей особой точкой зрения. Но делал он это очень искренне, ясно было, что он заблуждается. В дальнейшем в процессе обсуждения

спорного вопроса он, бывало, отказывался от своей позиции, убедившись в ее неправильности. Иногда же, в частности и по вопросу о едином фронте, он упорствовал.

Так как у руководителей организации не было единства мнений по этому важному вопросу, он был поставлен на обсуждение Бакинской партийной конференции. На конференции Ломинадзе, Агамиров и Шатуновская выступили против нашей позиции, они надеялись, что и конференция не поддержит нас. Но они ошиблись. Докладчиком по этому вопросу был я. На конференции выступали и другие товарищи, в том числе Саркис, активно поддержавшие позицию единого фронта. В ходе голосования против предложенной нами политики единого фронта поднялись лишь два голоса — Ломинадзе и Агамирова. Они не только не приобрели новых «союзников», но даже потеряли одного — Шатуновскую, которая убедилась, что была неправа. Да и сам Ломинадзе, когда дело дошло до практического осуществления тактики единого фронта, убедился в правильности нашей позиции и был вместе с нами.

Позднее в одном из выступлений на Бакинской партийной конференции он говорил: «Я был противником единого фронта просто по глупости. Теперь я это хорошо понял, и хорошо, что бакинская организация тогда эту тактику самым лучшим образом осуществила». Своей откровенностью и искренностью Ломинадзе производил на всех нас самое лучшее впечатление.

Помню, что еще одним таким вопросом, вызвавшим большие споры (несколько раз обсуждавшимся на заседаниях Бакинского комитета), было участие рабочих организаций в органах охраны труда азербайджанского буржуазного правительства. В ту пору министерство труда организовало управление охраны труда и пригласило представителей профсоюзов и других рабочих организаций принять участие в его работе. Очень активно «двигали» этот вопрос меньшевики (они даже сумели незаметно от нас среди кучи разных резолюций протащить соответствующее решение по этому вопросу на апрельском съезде революционных профсоюзов Закавказья, Закаспия и Дагестана).

Положение рабочих в Баку было тяжелое. Бесправие и произвол усиливались. Рабочие нигде не могли найти защиты. Некоторые товарищи — Саркис, Ломинадзе и другие — выдвинули вопрос о необходимости нашего участия в правительственных органах охраны труда. Они мотивировали это

не политическими соображениями, а лишь тем, что такое участие хоть немного облегчит положение рабочих, можно будет лучше бороться с произволом и т. д.

Вопрос этот обсуждался у нас бурно. Я был решительным противником этого предложения, считая принципиально недопустимым наше участие в органах буржуазного правительства. Я был уверен, что это участие укрепит в сознании отсталых рабочих ложное представление, будто буржуазное правительство вообще в состоянии улучшить их положение.

Бакинский комитет громадным большинством отверг предложение об участии в органах охраны труда.

На следующем заседании Ломинадзе и Саркис попытались вторично вынести этот вопрос на обсуждение, поскольку они искренне считали, что от этого зависит улучшение положения рабочих. Но Бакинский комитет отказался пересматривать свое предыдущее решение. Вопрос этот и после не раз всплывал то на заседании крайкома, то на партийной конференции. Однако в силе осталось старое решение Бакинского комитета партии.

После нашего освобождения из тюрьмы, уже ближе к осени, все чаще мы спрашивали себя: что же делать? Положение рабочих продолжало ухудшаться, все хранилища для нефти были переполнены, предприниматели сокращали нефтедобычу, закрывали промыслы, увольняли рабочих, сокращали зарплату и т. д. Началось экономическое наступление капитала. Рабочие стихийно рвались к выступлениям, к борьбе. Отдельные группы активных рабочих выносили на собраниях решения о проведении забастовок.

Из опыта Бакинской майской стачки нам было ясно, что экономическая проблема упирается в вопрос о власти. Без свержения старой власти улучшить положение рабочих было невозможно.

Мы возражали против таких отдельных выступлений, считая, что они лишь обессилят рабочих. Мы призывали организованно накапливать силы, сберечь их до весны, когда может открыться возможность вывоза нефти из Баку в Астрахань. А кроме того, весной мы рассчитывали на помощь со стороны Красного флота.

Не все, конечно, в том числе и в нашей партийной среде, верили тогда, что нам удастся удержать рабочих от частичных выступлений и убедить их ждать весны.

В этой связи стоит рассказать о забастовке рабочих бывших Главных мастерских Эйзеншмидта. Там у нас была силь-

ная партийная ячейка, пользовавшаяся среди рабочих большим влиянием. И тем не менее, когда положение рабочих этих мастерских стало особенно тяжелым, заводской комитет, не получив предварительно согласия Бакинского комитета, объявил забастовку. Мы пригласили руководителей завкома и партийной ячейки в Бакинский комитет. Среди них выделялся рабочий Мир Башир Касумов, который настойчиво убеждал нас в правильности принятого ими решения, говоря, что у них не было возможности сдержать напор рабочих, что все равно забастовка началась бы стихийно и т. п.

Бакинский комитет признал нецелесообразной эту забастовку, но, ввиду того что она была уже объявлена и фактически началась, мы решили поддержать ее из чувства солидарности, хотя и не были уверены в возможности достичь положительных результатов. В поддержку забастовки после этого выступили и наша печать и рабочая конференция. Как и следовало ожидать, мастерские добились лишь незначительных уступок со стороны хозяев. Кажется, через неделю забастовка была прекращена.

Вспоминаю, как однажды возникли у нас споры, связанные с работой профсоюзов. Некоторые руководящие работники, такие, как Мирзоян и Анашкин, работавшие тогда в профсоюзах, усомнились в правильности линии на изгнание из профсоюзов меньшевиков и эсеров, ссылаясь на то, что среди них были весьма опытные и дельные работники. Мы были заинтересованы прежде всего в обеспечении твердого большевистского руководства профессиональными союзами; все остальное имело для нас подсобное значение.

Однако мы учли пожелания наших товарищей и сохранили на профработе нескольких наиболее опытных деятелей из числа эсеров и меньшевиков, которые не претендовали на руководящее положение в профсоюзах и потому не представляли для нас особой опасности. Прошло сравнительно немного времени, и наши товарищи смогли вместе с нами радоваться, как хорошо они справляются с делами, которые раньше их так пугали.

Все эти возникавшие в нашей среде разногласия устранялись довольно спокойно и, что было очень важно, не вызвали таких принципиальных расхождений, за которыми следует образование внутрипартийных группировок или фракций. Иначе говоря, они не грозили нашему единству.

Я просто не помню у нас случаев политического интриганства или групповщины; во всем господствовал у нас дух

честной революционной принципиальности, преданности ленинским идеям, сознательности и организованности. Этим мы были обязаны прежде всего славным традициям бакинской партийной организации, воспитанной нашими старшими товарищами, и в первую очередь, конечно, С. Шаумяном и его соратниками.

Мы, представители уже более молодого поколения бакинских руководителей, свято берегли эти традиции в сложных условиях тяжелого подполья при английской оккупации 1919 года. Это подполье было вторым в истории бакинской большевистской организации; первое подполье существовало в годы борьбы с царизмом. Второе подполье не было простым повторением предыдущего — шла борьба за окончательную победу Советской власти в Азербайджане, за превращение Баку в несокрушимую твердыню большевизма на Кавказе.

Оглядываясь на пройденный путь, мы пытались самокритично разобраться, понять, не были ли нами в условиях подполья допущены какие-нибудь крупные, принципиальные политические ошибки.

И с чувством великой гордости за бакинскую большевистскую организацию, всегда твердо стоявшую на позициях ленинизма, можно сказать, что и в сложных условиях подполья при английской оккупации и мусаватистском буржуазном правительстве, пережив тяжелую потерю своих многоопытных руководителей, пополнив свои ряды революционной пролетарской молодежью, бакинская организация достойно справилась со своими задачами, сохранила верность великому знамени партии Ленина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ИЗ МОСКВЫ

Встречи с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым. — 11-я армия идет в Баку.

Я пробыл в Москве около двух месяцев. В начале января 1920 года с группой товарищей — Михаилом Кахиани, Владимиром Ивановым-Кавказским и Ольгой Шатуновской — я выехал из Москвы, возвращаясь в Баку через Ташкент и Красноводск, который в то время был уже освобожден Красной Армией: путь через Асгарахань был закрыт из-за льда.

От Самары до Ташкента мы ехали больше месяца поездом с М. В. Фрунзе, командовавшим тогда войсками Красной Армии в Средней Азии.

В Ташкенте я впервые встретился еще с одним замечательным большевиком-ленинцем — В. В. Куйбышевым. Он прибыл в Туркестан в конце 1919 года в составе специальной комиссии ЦК партии, созданной для упрочения Советской власти в этом крае, где еще продолжали бесчинствовать белые басмаческие банды.

Помню, как поразила меня тогда неутомимая деятельность Куйбышева по изучению положения в крае, знакомству с людьми и трезвый подход к решению любого вопроса. По всему чувствовалось, что он пользовался большим уважением окружающих его товарищей в партийных организациях Туркестана. Его здесь хорошо знали и любили, везде встречали как родного человека. Он был на редкость скромный и простой в быту, на работе, в общении с товарищами. Человек необыкновенного личного обаяния, какой-то особой чуткости к

окружающим, он в то же время обладал огромной внутренней силой и умением увлечь за собой людей.

Впоследствии я много и часто встречался с Валерианом Владимировичем, и то наше первое знакомство переросло в прочную дружбу, продолжавшуюся до его смерти.

Находясь в Ташкенте, я имел довольно обстоятельный разговор по прямому проводу с С. М. Кировым. К тому времени (6 марта 1920 года) Астрахань еще была отрезана от Баку льдами. В Закаспий из Баку прибыла группа товарищей. Они передали нам подробнейшую информацию о происходивших там событиях.

Я рассказал С. М. Кирову о подавлении восстания в Грузии, о массовых арестах и расстрелах, в итоге которых на свободе осталось мало грузинских партийных активистов.

«В связи с этим, — говорил я ему, — центр движения переносится теперь в Азербайджан», где наше влияние в массах тогда сильно повышалось, несмотря на репрессии, которым и там стали подвергаться коммунисты со стороны правительственных властей, особенно после событий в Грузии.

Я сообщил Сергею Мироновичу о решении азербайджанских большевиков усилить подготовку к революционному перевороту, о мерах, принимаемых ими в этом направлении, а также и о той помощи оружием и деньгами, о которой мне удалось договориться здесь, в Туркестане. Я просил и его сделать все необходимое, чтобы улучшить снабжение Баку и Дагестана, в первую очередь оружием и обмундированием, в которых они тогда крайне нуждались.

Поблагодарив меня за сообщения и заодно попросив впредь почаще с ним связываться, Сергей Миронович пообещал срочно рассмотреть все мои просьбы и предложения и заверил, что окажет самую действенную помощь бакинцам. Его очень тогда беспокоило положение в Баку в связи с начавшимися там репрессиями против коммунистов. Он опасался, «как бы наши товарищи не предались панике», и для поднятия их боевого духа и настроения очень просил меня детально информировать их «о нашем блестящем положении на Кавказском фронте».

Он говорил о критическом положении у них в Астрахани (да и по всей Советской России) с нефтью, бензином, машинным маслом и просил поскорее отправить эти продукты к ним, как можно скорее и в возможно большем количестве.

Я заверил его, что у наших бакинских и вообще азербайджанских коммунистов настроение бодрое, революционное, что они не сломлены проводимыми репрессиями, что за последнее время они стали получать более регулярную и обстоятельную информацию о положении дел в Советской России и воодушевлены ее победами.

Что же касается отправки в Астрахань нефтепродуктов, то я твердо обещал Кирову наладить это дело немедленно, как только откроется навигация.

Опубликованная много лет спустя¹ чисто протокольная запись нашей беседы с Кировым не передает всей ее теплоты и сердечности, которыми всегда была проникнута наша многолетняя дружба с незабвенным Сергеем Мироновичем...

Из Ташкента я через Ашхабад отправился в Красноводск. В Ашхабаде в те дни проходил съезд представителей трудящихся. По предложению М. В. Фрунзе я приветствовал съезд от имени бакинского пролетариата, поздравив туркменских трудящихся с победой.

В Красноводске наши товарищи готовили баркас, пригнанный ими из Баку. Так как в Каспийском море все еще орудовали денкикинские военно-морские силы, баркас был предусмотрительно вооружен пушкой и пулеметом.

Направлялись мы к побережью Азербайджана, чтобы нелегально пробраться в Баку для подготовки вооруженного восстания против мусаватского правительства. В море компас у нас испортился, мы сбились с пути и долго не могли определить, где находимся. Но вот показались береговые огни. Одни считали, что это огни маяка иранского порта Энзели (Пехлеви), другие — что это огни Дагестана.

С нами находился опытный матрос Семенов; по скалам он определил, что мы у берегов Дербента. Однако высадиться в этих местах Семенов считал невозможным, тем более что море было беспокойное.

Решили идти в сторону Петровска. Мы знали, что Красная Армия уже подходит к Дагестану, но где именно она сейчас находится, нам было неизвестно. Ранним утром стали приближаться к Петровску. Рассуждали мы при этом так: если в порту судов нет — порт освобожден, белые ушли. Вскоре мы увидели, что на рейде и в порту никаких плавсредств нет: значит, путь свободен. Но вот вопрос: не мини-

¹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 218—220.

рован ли порт? Поэтому мы подходили к причалу медленно, осторожно.

Пришвартовались благополучно. Нас встретили красноармейцы. От них мы узнали, что штаб 11-й армии находится здесь, на станции в специальном поезде. Мы отправились в штабные вагоны. Я вновь встретился с Серго Орджоникидзе и С. М. Кировым, которые тут же познакомили меня с командующим 11-й армией М. К. Левандовским и членом Военного совета армии Механошиным.

«Помню, как бурно радовался Серго успешному походу 11-й армии. Но еще больше радовала и воодушевляла нас всех близость освобождения Азербайджана, во имя которого бакинский пролетариат все эти годы в тяжелейших условиях вел самоотверженную боевую работу и понес очень много жертв. Мы мечтали, что за этим последует освобождение Грузии, Армении... А такая перспектива была вполне реальной. В ту пору Советская власть одерживала победы на всех фронтах. Красная Армия уже разбила денкинские части на Северном Кавказе (белогвардейцам удалось лишь временно удержаться тогда на Крымском полуострове). Освободив Северный Кавказ, 11-я армия подошла к самой границе азербайджанского буржуазного государства. Левандовский подготовил армию к дальнейшим боевым действиям, расположив передовые части по левому берегу реки Самур и сосредоточив здесь отряд бронепоездов.

Через день после нашего прибытия в Петровск нелегальным путем сюда пробрался из Баку и Ломинадзе, тогда член Бакинского комитета партии. Он рассказал нам о готовности бакинских большевиков к вооруженному восстанию. «Хотя многие товарищи из бакинского партийного руководства сидят в тюрьме, — говорил он нам, — все же в городе сохранилась довольно значительная группа коммунистов, способных возглавить это восстание». А кроме того, большие надежды возлагались, конечно, на помощь Красной Армии.

Левандовский ознакомил всех нас с приказом командующего Кавказским фронтом Тухачевского и члена Реввоенсовета фронта Орджоникидзе, обязывающего наши войска пересечь 27 апреля границу Азербайджана и пойти на помощь бакинским рабочим. В связи с этим мы поручили Ломинадзе немедленно возвратиться в Баку (также нелегально), чтобы сообщить бакинским товарищам о дне готовности Красной Армии оказать им помощь.

Вспоминаю, какую озабоченность проявлял тогда Серго по поводу того, чтобы не допустить взрыва мусаватистами бакинских нефтяных промыслов! А они могли пойти на такой отчаянный шаг, видя, что их карта бита. Орджоникидзе говорил нам, что по этому вопросу он имеет специальное указание Ленина. Поэтому мы обязали Ломинадзе, чтобы он, вернувшись в Баку, поставил в качестве одной из важнейших задач бакинской партийной организации предотвращение возможности взрыва нефтепромыслов.

Левандовский информировал нас о сложившейся военной обстановке. Согласно разведывательным данным, мусаватское правительство Азербайджана располагало 30-тысячной армией; 20 тысяч были размещены у границ Армении, а 10 тысяч рассредоточены по гарнизонам ряда населенных пунктов. В самом Баку находилось до 2 тысяч человек пехоты, юнкерское училище и артиллерия. Непосредственно же на линии соприкосновения с нашей армией было немногим больше 3 тысяч. Таким образом, у мусаватского правительства не было значительных сил, которые могли бы оказать серьезное сопротивление 11-й армии на ее пути в Баку. Это давало нам возможность без упорных боев выполнить волю бакинских рабочих, оказав им помощь в установлении Советской власти. Конечно, при дальнейшем продвижении Красной Армии мусаватские войска, в основном сосредоточенные на границе с Арменией, могли создать для нас трудности, что и случилось в действительности.

Помню, что тогда же нами был разработан и детальный план согласованных действий наших войск: четыре бронепоезда под общим командованием Ефремова¹ должны прорваться в Баку, кавалерия — действовать на правом фланге, стрелковые части — следовать поездами и пешим ходом. Комиссаром кавалерийской дивизии был назначен Гогоберидзе, незадолго до этого нелегально прибывший из Баку.

Жедаю поскорее попасть в Баку, я обратился к Левандовскому с просьбой помочь мне войти в город с первыми воинскими частями. Он сказал, что первыми в Баку должны вступить бронепоезда. Именно им дано задание прорваться впереди остальных войск и в район нефтепромыслов Баку, чтобы помочь бакинским рабочим обеспечить охрану этих

¹ В последующем Михаил Григорьевич Ефремов стал командующим Орловским военным округом. С началом Великой Отечественной войны командовал армией. Погиб при организации прорыва вражеского фронта на западе от Москвы. В Вязьме ему поставлен памятник.

жизненно важных объектов. «Поэтому, — сказал мне Левандовский, — если вы хотите попасть в Баку раньше, то вам следует отправиться с этим отрядом». Я попросил Кирова, как члена реввоенсовета 11-й армии, дать на это согласие. Он меня поддержал и предложил ехать в качестве политического уполномоченного реввоенсовета армии.

Перед отъездом из Москвы, когда мы еще рассчитывали, что попадем в Баку раньше частей Красной Армии, Елена Дмитриевна Стасова подала мне идею — заняться по приезду в Баку организацией разведки, чтобы добытые сведения передавать командованию Красной Армии. Меня проинструктировали и снабдили необходимыми для разведывательной работы материалами, шифрами, денежными средствами и ценностями. Все это я вез с собой в Баку, но никто из ехавших со мной товарищей об этом не знал. Брать такое имущество в бронепоезд, которому предстояла боевая операция, было рискованно. Вот почему мы с Орджоникидзе решили ввести в курс моих дел Ольгу Шатуновскую и поручили ей доставить все ценности в Баку. Под видом сестры милосердия Шатуновская благополучно доставила их в Баку и сдала казначею Кавказского краевого комитета партии И. И. Довлатову.

С другими частями 11-й армии в Баку шли товарищи Кахиани и Иванов-Кавказский. До этого они вели партийную работу в Замоскворецком районе Москвы и направлялись теперь на нелегальную работу в Грузию. В пути мы с ними подружились. С нами ехала также коммунистка Завьялова, которая была рекомендована для нелегальной работы среди женщин Баку.

С 11-й армией шли из Астрахани товарищи Мусабеков и Джабиев, видные азербайджанские коммунисты, которые временно после падения Советской власти в Баку в 1918 году эвакуировались в Астрахань. Они уже прошли некоторую школу практической работы при Советской власти в России и рвались на родину. Это были преданные партии деятели, энтузиасты, способные партийные работники, сразу же по прибытии в Баку занявшие руководящие посты в Советском Азербайджане.

С ними направлялся из Астрахани в Баку и коммунист Мусеиб Шахбазов с женой Любой, тоже коммунисткой. Мы их временно оставили в Дербенте для налаживания партийной работы. Впоследствии Шахбазов стал наркомом просвещения Азербайджанской республики.

Выехав из Петровска к месту стоянки бронепоездов, я встретился в районе Дербента с командующим группой бронепоездов Михаилом Григорьевичем Ефремовым и военным комиссаром этой группы Дудиным. Бронепоезд «III Интернационал», на котором находился командный пункт Ефремова, стоял в 200—300 метрах от моста через пограничную с Азербайджаном реку Самур, маскируясь в лесу. Поэтому с другого берега его не было видно.

Был теплый весенний день, деревья уже покрылись листвой.

Ефремов прочитал приказ командования, подписанный Левандовским. Приказ был очень короткий и необычный. Приказывалось 27 апреля выступить, лихим налетом прорваться в Баку, закрепиться на бакинских нефтепромыслах и, опираясь на поддержку рабочих отрядов, охранять промыслы от возможных поджогов до подхода основных сил 11-й армии.

— В котором часу мы выступаем? — спросил я Ефремова.

— В приказе назван только день выступления, — ответил он, — а час выступления не указан, а раз не указан, то, значит, нам предоставляется право самим решить этот вопрос.

— Ну и когда же мы выступим?

— Ночью, в пять — десять минут первого. Чем раньше, тем лучше.

Как же был выполнен этот приказ командарма Левандовского?

Мы ознакомились с состоянием готовности бронепоездов, побеседовали с бойцами. Наша разведка донесла, что на противоположном берегу расположен отряд азербайджанских войск и недалеко курсирует блиндируемый поезд, командиром которого был офицер-грузин.

Обсудив с Ефремовым обстановку, мы решили попытаться вступить в переговоры с командиром этого поезда, постараться разведать, не заминирован ли мост, где проходят телефонные и телеграфные провода, связывающие караульный отряд моста с соседней станцией.

Мост был ничейным. На одном его конце стоял наш часовой, на другом — азербайджанский. Мы подошли к азербайджанскому часовому и попросили его передать командиру блиндированного поезда нашу просьбу — прийти для беседы с нами на мост. По вызову часового пришел начальник караульного отряда и сказал, что поезд ушел на другую станцию и что поэтому просьбу нашу передать командиру нет воз-

возможности. Мы попросили сделать это, когда поезд вернется. Он обещал.

Начальник караула производил впечатление человека, неплохо к нам настроенного, и мы решили рискнуть на большее — попытаться пройти дальше на территорию за мостом.

К нам подошли азербайджанские солдаты. Поздоровались. Чтобы замаскировать цель своего посещения, усыпить их бдительность, мы завязали такой разговор:

— Мы пришли к вам в гости. Вот только водки у нас нет — она у нас запрещена. Может быть, у вас есть коньяк?

— Коньяку нет. Но купить можно, деньги только нужны, — ответил начальник караула.

— Значит, если мы дадим вам деньги и завтра в такое же время придем, то выпивка будет?

Я дал им пачку денег, которые мы специально взяли с собой на такой случай (деньги были царские, у нас они никакой ценности не имели, а в Азербайджане шли даже лучше, чем местные).

Мы стали говорить солдатам, что войны не будет, что азербайджанская делегация во главе с членом парламента Пепиновым выехала в Москву для переговоров, что будет подписан мирный договор.

Спросили их, как они живут. Нам ответили:

— Если хотите, посмотрите.

Мы пошли к караульному помещению, находившемуся в нескольких метрах за мостом. Тут же были небольшие казармы, на 50—60 человек.

По пути мы с Ефремовым внимательно ко всему присматривались и убедились, что мост не заминирован и что провода связи с тылом проложены вдоль железнодорожной насыпи.

Идем, беседуем с азербайджанскими солдатами, ведем себя с ними по-товарищески. Они отвечают нам тем же. По всему было видно, что на азербайджанской стороне весьма мирная обстановка.

Вдруг показалась смена караула. Солдаты идут под музыку. Играет зурна и бьет барабан.

«Наша вылазка может обернуться плохо, — подумали мы. — Хорошо, если начальник нового караула такой же простой человек, как и солдаты. А если это реакционный офицер, — вдруг возьмет да и задержит нас?» Чтобы не вызвать подозрений, мы непринужденно шутили и, раз уж играла музыка, стали даже танцевать. Солдаты стали проявлять к нам

все большее расположение. К счастью, новый начальник караула оказался человеком разговорчивым, покладистым. Все же мы поторопились уйти на свою сторону, опасаясь, что они могут спохватиться и задержать нас. На прощание мы сказали им, что завтра приедем снова — пусть готовят коньяк.

И вот мы снова на нашей стороне моста. Рискованная вылазка закончилась вполне благополучно. Да и узнали мы немало. А если бы нас вдруг задержали да взяли в плен? Ведь через несколько часов нам предстояло выступать. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Не прошло и двух-трех часов, как нам докладывают, что командир поезда азербайджанцев прибыл на встречу с нами.

Мы вышли на середину моста. Сюда подошел и командир их поезда, человек высокого роста, постарше Ефремова, с усами, глубоким шрамом на лице, чуть полный, но бравый. Вел он себя строго, официально. Познакомились. Он отрекомендовался штабс-капитаном царской армии Лордкипанидзе. Стремясь ослабить его настороженность, расположить его к себе и к тому же узнать, что он за человек, мы в ходе разговора сказали ему:

— Войны не будет. Вы штабс-капитан царской армии, опытный командир, если бы служили у нас, то получили бы командование дивизией, так как у нас офицеров мало. Переходите, мы охотно вас примем.

До этого офицер был спокоен, говорил сдержанно. Но, услышав наше предложение, повысил голос:

— Как вы можете мне это предлагать! Чтобы я, дворянин Кутаисской губернии, офицер русской армии, получивший ранение на войне, — он показал шрам на лице, — перешел на сторону большевиков? Этому не бывать!

— Что вас так разволновало, штабс-капитан? У нас много офицеров, которые раньше были в царской армии, а теперь служат у нас.

— Нет и нет, — ответил он.

— Как хотите, дело добровольное.

Расстались мы все-таки мирно.

Наша цель была достигнута: нам удалось усыпить бдительность азербайджанских офицеров и солдат, не дать им почувствовать, что мы готовимся к выступлению.

...Ночь на 27 апреля. Погода стояла теплая, тихая, ярко светила луна.

Ефремов провел беседу с командирами бронепоездов, дал им необходимые указания. В половине двенадцатого устроили митинг экипажей бронепоездов и десантного отряда. Митинг открыл Ефремов. Он разъяснил оперативную задачу, поставленную командованием армии перед бронепоездами. Его выступление заняло не больше пяти — семи минут. Столь же кратко мною было разъяснено политическое значение нашего выступления, значение Азербайджана, как ворот на Восток, для победы мировой революции, значение бакинской нефти для всей экономики нашей страны. Мы должны быть готовы на любые жертвы, чтобы выполнить историческое задание: лихим налетом пробиться в Баку.

Красноармейцы заняли свои места в вагонах.

Мы с Ефремовым находились на оружейной площадке бронепоезда. Впереди поезда была прицеплена платформа, на которой стояли два заранее проинструктированных красноармейца.

Ефремов держал часы в руках и ровно в ноль часов десять минут он приказал начать движение.

Двигались тихо, осторожно, чтобы не быть преждевременно обнаруженными. Въехали на мост, подходим к азербайджанскому посту. Там ничего не понимают...

— Что происходит? — спрашивают.

— Едем в Баку. Хотите, поедете с нами, — отвечаем им.

Тем временем два красноармейца соскочили с передней платформы, осмотрели места, которые им указал Ефремов, перерезали телефонные и телеграфные провода, идущие от караульного помещения к станции Ялома.

Выслушав рапорт красноармейцев о выполнении задания, Ефремов громко скомандовал:

— Десантному отряду высадиться!

Азербайджанские солдаты разбежались. Кто-то из них открыл огонь, но вспыхнувшая было стрельба быстро прекратилась. Минут через пятнадцать бронепоезд пошел вперед.

По данным разведки, слева по ходу поезда, недалеко от станции Ялома, в лесу, был расположен отряд жандармерии. Чтобы его обезвредить, высадили десант с заданием пробраться лесом к казармам и окружить жандармов. Наши орудия сделали несколько выстрелов по казармам. Произошли короткие стычки, жандармы разбежались. Десантный отряд, состоявший из латышских стрелков, потерял при этом троих убитыми, несколько человек было ранено.

Но возникла новая опасность. На путях у станции Ялома стоял паровоз под парами. Ефремов высказал опасение, что его могут пустить нам навстречу, чтобы столкнуть с нашим бронепоездом и сорвать операцию. Он дал команду ударить по передним колесам паровоза. У нас были хорошие артиллеристы: уже третий снаряд попал прямо в цель, и паровоз уткнулся в землю.

Подъехали к станции. Никого нет. Ефремов и я сошли с бронепоезда с карабинами на плечах. Я хотел войти в здание вокзала, но Ефремов остановил меня.

— Нет, так не делают, — сказал он и, вытащив для предосторожности гранату, открыл дверь. Вошли. В зале никого. Открываем дверь в соседний зал и видим: за столами, стульями спрятались человек пятнадцать железнодорожников и несколько пассажиров. Железнодорожники там были в большинстве русские. Обращаемся к ним:

— Почему прячетесь? Вы что, против Советской власти?

— Нет, — говорят.

— Красная Армия идет, железнодорожники должны быть на местах.

Среди присутствовавших был толстый азербайджанец в форме чиновника лесничества. Он очень волновался и спросил, может ли он уйти в свой служебный вагон. Ему, конечно, разрешили: мы стремились создать атмосферу мирного похода, а не военной обстановки.

Поговорив с железнодорожниками, поручили им поддерживать полный порядок на станции Ялома. Оставили там двух красноармейцев.

Когда уже рассвело и наступил день, мы с движущегося поезда видели, как по обеим сторонам железнодорожного полотна крестьяне обрабатывают свои поля, пахут, сеют. Поезд наш шел с поднятым красным стягом. Крестьяне неизменно приветствовали нас возгласами и поднятием рук. Мы восклицали в ответ: «Да здравствует Советский Азербайджан!», «Да здравствует дружба между азербайджанским и русским народами!»

У станции Худат дал о себе знать мусаватский блиндированный поезд. Из-за холма он открыл огонь по нашему бронепоезду, но стрелял неметко — не было ни одного попадания. Мы не отвечали: видимости цели не было, расходовать снаряды понапрасну не хотели.

Двигались осторожно, опасаясь, не минирована ли дорога. Мусаватский поезд продолжал стрелять, уходя все дальше.

Вскоре он вообще скрылся. На станции Худат я вызвал по телефону соседнюю станцию, спросил, не находится ли там азербайджанский блиндированный поезд и его командир Лордкипанидзе. Через некоторое время к телефону подошел Лордкипанидзе.

На наше предложение перейти на сторону Красной Армии он снова ответил категорическим отказом.

Подходя к станции Хачмас, мы увидели, что большой отряд рабочих ремонтирует поврежденное железнодорожное полотно. Нас глубоко тронула и обрадовала забота рабочих о продвижении Красной Армии. Мы получили возможность продолжать путь без задержек. По прибытии нашего поезда на станции возник митинг с участием всех, кто там был. Говорили о значении установления Советской власти, о дружбе народов, о необходимости соблюдать полный порядок.

Вдруг кто-то со слезами радости на глазах бросается ко мне на шею. Узнаю бакинского коммуниста Перевердиева, с которым вместе работали в подполье. Обнялись. Помню, я сказал ему, что сейчас не время для слез, что нужно работать. Его тут же, на митинге, объявили председателем ревкома Хачмаса.

Подходим к станции Сумгаит. Ефремов регулярно посылал с дороги донесения Левандовскому о нашем продвижении. Командование знало, где мы находимся, и, видимо, было довольно нашими действиями. Неожиданно в Сумгаите мы получили телеграмму Левандовского о том, что бронепоезд «III Интернационал» далеко оторвался от основных частей, что есть угроза его уничтожения, поэтому нужно несколько отойти назад и держаться ближе к своим войскам.

Телеграмма была неприятной. Мы не понимали, чем вызвано изменение прежнего приказа, какая информация могла послужить поводом для этого. Никакой другой причины, кроме предосторожности, мы себе не могли представить. Стали обсуждать создавшееся положение. Если двинемся назад, противник подумает, что мы отступаем, и может разрушить железнодорожное полотно. Как поступить? Ответили Левандовскому, что находимся в Сумгаите и, следовательно, прибрежный участок железной дороги уже прошли. В случае нашего отхода назад Каспийская флотилия мусаватского правительства может расстрелять нас с моря. А ведь эту опасность мы уже миновали. Считаем, писали мы в завершение донесения, что теперь двигаться вспять уже невозможно, а

надо продолжать выполнять приказ и прорываться в Баку, что мы и делаем.

Так как указание о нашем отходе было изложено Левандовским не в очень строгом тоне, мы решили, не ожидая ответа на нашу телеграмму, двинуться дальше.

Еще на станции Хачмас нам в руки попала свежая бакинская газета, из которой узнали, что 27 апреля вечером азербайджанское правительство устраивает в Баку прием для иностранных представителей.

— Хорошо было бы нам занять Баладжары¹, перекрыть дипломатам путь по железной дороге из Баку и не дать им бежать в Тифлис, — сказал я Ефремову.

Он посмотрел на часы, подумал и сказал:

— Наверное, успеем. Они не смогут удрать.

— Знаете, почему нам так важно задержать иностранных дипломатов в Баку? — спросил я Ефремова. — Если они там застрянут, мы сможем потом обменять их как заложников на революционеров, арестованных англичанами.

Ефремов меня поддержал. Дипломаты были нами арестованы, не успев даже выехать из Баку. Однако через некоторое время Чичерин прислал телеграмму с требованием освободить их, и нам пришлось это требование наркома иностранных дел выполнить.

Случай с дипломатами напомнил мне один эпизод, который произошел у меня с английским офицером капитаном Уалтоном, о котором я уже рассказывал. Тогда на ехидное замечание Уалтона, что листовки, выпущенные нами для английских солдат, написаны на плохом английском языке и цели своей не достигают, я не без иронии пообещал Уалтону, что, как только Советская власть победит в Баку, мы используем с удовольствием его самого в качестве нашего более квалифицированного переводчика. Тогда это вызвало у Уалтона довольно кислую улыбку.

Когда я теперь рассказал Ефремову об этом эпизоде, мы оба искренне посмеялись, представив, как потешно выглядел бы Уалтон, окажись он случайно среди задержанных нами дипломатов и вновь услышав предложение стать нашим переводчиком!..

...Когда мы подходили к Баладжарам, уже стемнело. По нашему поезду был открыт артиллерийский огонь. Ефремов

¹ Баладжары — узловая железнодорожная станция, от которой отходит тупиковая линия на Баку.

приказал десантному отряду высадиться и продвигаться вдоль железной дороги по обеим сторонам бронепоезда. Впереди поезда шли несколько красноармейцев и проверяли, не минирован ли путь. Поезд шел медленно и в полночь прибыл в Баладжары.

Здесь мы провели краткий митинг, на который пришло много рабочих. Затем собрали коммунистов местной ячейки — их было человек тридцать — и раздали им винтовки. Назначили из местных рабочих ревком станции Баладжары.

Ефремов получил сведения на телеграфе о том, что азербайджанское правительство попросило у грузинского меньшевистского правительства прислать бронепоезд. Грузинское правительство дало указание выделить бронепоезд и еще какие-то другие силы. В связи с этим Ефремов принял решение: одному из наших бронепоездов углубиться километров на 150—200 в сторону Елизаветполя (так при царизме назывался древний азербайджанский город Гянджа). Если появится бронепоезд грузин, стычек с ним избегать, а взорвать лежащий на его пути мост, чтобы задержать продвижение бронепоезда на двое суток, пока подойдут наши главные силы. Остальным бронепоездам было поручено обеспечить продвижение частей 11-й армии.

Ночью из Баку мне позвонил Камо и сообщил, что наши товарищи предложили азербайджанскому правительству под угрозой восстания мирно сдать власть коммунистам. Те, видя боевое настроение бакинских рабочих, а также узнав о занятии Баладжар нашим бронепоездом и общем подходе частей Красной Армии, решили выполнить это требование. В ночь на 28 апреля они освободили из тюрьмы всех арестованных большевиков и сдали власть. Попросту говоря, мусаватистские министры разбежались...

Обрадованный этим сообщением, я заявил Камо, что мы немедленно выезжаем и рано утром будем в Баку. Поезд двинулся вперед. Шел он медленно: боялись, не заминировано ли полотно железной дороги.

К 6 часам утра 28 апреля наш бронепоезд благополучно прибыл на Бакинский вокзал. Встречал нас Камо. Вместе с ним поехали на автомашине к зданию азербайджанского парламента, где уже несколько часов заседали члены Военно-революционного комитета и ЦК Компартии Азербайджана.

Свободный Первомай.— Съезд народов Востока.— Я прощаюсь с Баку.

Мы появились в Баку, когда старой, буржуазной власти уже не стало, а новая, Советская власть еще не установилась. Поэтому на улицах нам встречались полицейские, которые продолжали нести свою службу, не зная еще, что власть в городе переменилась. На рассвете открывались лавки, казалось, жизнь идет своим чередом...

Местная Красная гвардия взяла на себя охрану нефтепромыслов и нефтескладов, а также заботу о поддержании в городе необходимого порядка. Для этого она располагала оружием, нелегально накопленным здесь ранее, а также присланным в Баку с Туркестанского фронта по распоряжению М. В. Фрунзе. Непосредственно в Баку это оружие было доставлено одним из наших отчаянных смельчаков — моряком-коммунистом Сторожуком.

В ночь на 28 апреля 1920 года состоялось провозглашение Советской власти в Азербайджане во главе с временным правительством — Военно-революционным комитетом и его председателем Н. Наримановым.

Когда мы ехали в автомашине по городу, то видели, что на стенах домов было уже расклеено обращение Азербайджанского Военно-революционного комитета:

«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!!!

Москва, Ленину.

Временный Военно-революционный комитет Азербайджанской советской независимой республики, ставший у власти по воле революционного пролетариата г. Баку и трудового крестьянства Азербайджана, объявляя старое мусаватское правительство изменниками народа и врагами независимости страны, порывает всякие отношения с Антантой и с другими врагами Советской России.

Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции, Военно-революционный комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым

империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии.

Военно-революционный комитет Азербайджанской республики: Нариман Нариманов, Мирза Давуд Гусейнов, Гамид Султанов, Алимов и Али Гейдар Караев».

Мы подъехали к зданию парламента. При входе в это здание нас охватило острое, радостное чувство. Помню, как в моей памяти, до мельчайших подробностей, ожила картина событий, проходивших именно здесь, ровно год назад, во время первомайской демонстрации бакинских рабочих... Вспомнился митинг и моя речь, произнесенная с грузовика... Вспомнились и заключительные слова этой речи: «Господа помещики и капиталисты! Знайте, что в следующий международный праздник в этом здании будет заседать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Азербайджана!..»

Было радостно вспоминать теперь все это, год спустя, накануне первомайского праздника, когда в этом здании заседало уже действительно рабоче-крестьянское правительство Советского Азербайджана! Мечта бакинских революционеров сбылась. И в памяти опять возникали незабвенные образы наших друзей, бакинских комиссаров... Как было жаль, что их нет сейчас с нами!

Две ночи мы не смыкали глаз: не было времени, да и желания спать. Радость победы и неукротимая жажда деятельности переполняли наши сердца...

30 апреля в Баку начали входить части 11-й армии. До этого в течение двух дней наш бронепоезд «III Интернационал» был единственной воинской частью в Баку. Остальные войска были на подходе.

В город прибыли Орджоникидзе, Киров, Левандовский, Механошин. Они посетили стоянку нашего бронепоезда, чтобы поздравить красноармейцев с успешным рейдом. Орджоникидзе вручил Ефремову орден боевого Красного Знамени.

Вспоминаю, что награждению Ефремова мы все радовались не меньше, чем он сам. Тогда редко кому вручался орден Красного Знамени, единственный тогда боевой орден. Это было признанием больших заслуг Ефремова как красного командира.

Всего два-три дня, проведенных вместе с Ефремовым, оставили глубокий след в моем сознании. Бывают в борьбе, в

жизни такие моменты, когда за несколько дней узнаешь человека лучше, чем иногда за много лет совместной работы. Я проникся глубоким уважением и товарищеской любовью к этому ранее незнакомому мне человеку, обаятельному в общении с людьми, бесстрашному в бою, спокойному и решительному, внушающему к себе доверие товарищей и подчиненных. Таким навсегда остался в моей памяти этот командир-герой.

Помню, что я попросил тогда Орджоникидзе наградить орденом Красного Знамени за успешную тайную доставку оружия с Туркестанского фронта в Баку и нашего Сторожака, который играл большую роль в нелегальных перевозках бензина в Астрахань. Орден ему был вручен мною под аплодисменты заполнивших городской театр рабочих.

Наступило 1 Мая. Основная масса пехоты в это время входила в город. С раннего утра по улицам шли колонны красноармейцев, утомленных, в пыли, но радостных, воодушевленных. Со всех районов, с промыслов, с заводов рабочие с семьями заполнили улицы города. Началось настоящее братание населения с красноармейцами. Объятия, всеобщее ликование. Это был замечательный, радостный Первомай в Баку. Повсюду — на перекрестках и площадях — возникали митинги.

Состоялась рабочая конференция. В этом представительном органе рабочего класса участвовали делегаты от каждого промысла, каждого предприятия. Горячие поздравления раздавались в честь Ленина, Красной Армии, Советской России. С приветствием от имени правительства Российской Федерации и от Красной Армии выступил Серго Орджоникидзе. Он поздравил бакинский пролетариат, весь азербайджанский народ с победой Советской власти, с водружением знамени социализма на азербайджанской земле.

В течение нескольких дней во всех центрах Азербайджана расквартировывались красноармейские части. Красная Армия дошла до границ меньшевистской Грузии и дашнакской Армении.

* *
*

Однако мирная обстановка в Азербайджане продержалась недолго. Уже в двадцатых числах мая азербайджанские феодалы, которые собрались в губернском городе Гянджа (нынешний Кировабад) вместе с бежавшими из Баку министрами, контрреволюционным офицерством и чиновничеством,

подняли там вооруженное восстание. Завязались уличные бои, в ходе которых мятеж был подавлен. Но не прошло и двух недель, как разбитые части мятежников перебравшись в Карабах и подняли там новое восстание. Оно было также подавлено. Через некоторое время начались контрреволюционные волнения в некоторых других уездах. Скоро и с ними было покончено.

Боевые операции по разгрому этих мятежей, в которых участвовали и дислоцированные здесь мусаватские войска, осуществлялись частями 11-й армии под командованием Левандовского вместе с Военно-революционным комитетом Азербайджанской республики.

* Хочется поделиться впечатлениями об этом незаурядном человеке.

Михаил Карлович Левандовский запомнился мне как решительный и волевой командир. Вдумчивый, скупой на слова, он говорил обычно кратко, но всегда продуманно и содержательно.

Большие организаторские способности, выдающийся талант военачальника, беспредельная преданность Коммунистической партии и советскому народу — главные черты этого замечательного человека.

* *
*

Как нам стало потом известно, после прихода Красной Армии в Азербайджан начали возрастать повстанческие настроения в Александрополе (ныне Ленинакан) — крупнейшем партийном центре Армении. Под давлением масс Александропольский горком партии попросил разрешения Арменкома начать организованное восстание для свержения дашнакского правительства. 10 мая в Александрополе Военно-революционный комитет провозгласил Советскую власть в Армении.

В тот же день знамя восстания было поднято в Карсе. Затем в Сарыкамыше, Кавтарлу, Нор-Баязете, Шамшадине, в Идживане. Потом оно перекинулось и в Зангезур. Во всех этих местах революционные комитеты провозгласили свержение дашнакского правительства и объявили об установлении Советской власти в Армении. Обо всем этом армянские коммунисты сообщили в Баку и Кавбюро ЦК с большим опозданием. Поэтому мы этого вопроса в Баку не обсуждали и никакого плана помощи повстанцам, естественно, не имели.

Красная Армия в это время была занята подавлением восставших мусаватских частей. Серго Орджоникидзе с полевым штабом находился в тех местах. Вскоре к нам поступило печальное сообщение о том, что повстанцы через три дня в Александрополе, а затем и в других районах были разбиты, многие участники восстания были арестованы, 11 же руководителей, в том числе Алавердян, Мусаелян, Гарибджанян, Гукасян, как мы узнали позже, расстреляны.

Получив сообщение об этом от армянских товарищей с просьбой оказать армянским повстанцам Казахского уезда помощь, я немедленно дал телеграмму Серго Орджоникидзе, адресуя ее в г. Шушу. Оказалось, что он находится в другом районе. Телеграмма была ему переслана из Шуши. Она сохранилась в архиве Орджоникидзе, вот ее текст:

«Записка по проводу из Шуши
Председателю Каввоенсовета Кав. фронта

тов. Орджоникидзе

20 к утру у нас будет делегация от армянских повстанцев. Они по телеграфу передают о разгроме повстанцев в Александрополе и просят оказать вооруженную помощь повстанцам армянского Казахского уезда.

Телеграмма от Карахана заявляет, что Россия берет на себя посредничество между Арменией и Азербайджаном. Временно все спорные территории занимаются русской Красной Армией. Есть благоприятный повод ввода Красной Армии в пределах Армении согласно просьбе восставшего народа. Сообщите, какие меры считаете возможным принять немедленно

Микоян».

Это были те дни, когда части Красной Армии были еще заняты подавлением мусаватских повстанцев. На месте никто не мог принять решения по такому важному политическому вопросу без получения согласия центра. К тому же вопрос был перед нами поставлен, когда в главных центрах восстания уже было подавлено.

Майское восстание в Армении хотя и кончилось поражением, но явилось историческим событием в борьбе за свержение антинародного правительства дашнаков, установление Советской власти в Армении и соединение ее с Советской Россией. Это восстание было массовым, что говорило о нарастании социалистической революции в Армении. Оно оказало большое влияние на трудящихся Армении. Поражение

этого восстания подготовило победоносное восстание в ноябре того же года во всей Армении.

29 ноября Армения была провозглашена советской социалистической республикой.

¹⁴ 28 февраля была провозглашена Грузинская Советская Социалистическая Республика.

Все Закавказье стало советским.

* *
*

После ликвидации всех очагов восстания в Азербайджане Серго Орджоникидзе, возглавлявший Кавбюро ЦК, взялся совместно с ЦК Компартии Азербайджана за осуществление политических и экономических мероприятий, направленных на то, чтобы выбить почву из-под ног помещиков и капиталистов. Вскоре был издан декрет Азербайджанского ревкома о конфискации помещичьей земли, ее национализации и передаче в пользование трудовому крестьянству. Это экономически подрывало корни помещиков и настраивало крестьян в пользу Советской власти.

В двадцатых числах мая 1920 года была вторично (первый раз еще в 1918 году, до поражения Советской власти в Баку) национализирована бакинская нефтяная промышленность — более 250 предприятий частных фирм. На их базе было организовано государственное объединение «Азнефть». Надо было как можно быстрее наладить вывоз огромной массы накопившихся запасов нефти морем в Россию, где свирепствовал топливный голод. Путь через Астрахань уже был открыт, началась навигация. Одновременно надо было увеличить добычу нефти.

Для выполнения этих важных задач Орджоникидзе организовал местных товарищей. Большую помощь оказал прибывший из Москвы А. П. Серебровский. Старый большевик, опытный инженер и талантливый организатор, Серебровский возглавил «Азнефть». Опираясь на профсоюз рабочих нефтяной промышленности, на Союз моряков и ту часть технической интеллигенции, которая и раньше поддерживала с нами деловые связи, он наладил добычу нефти и вывоз ее в Астрахань.

13 июня 1920 года состоялось первое торжественное заседание Бакинского Совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов. Орджоникидзе выступил с приветственной речью и был избран постоянным председателем Бакин-

ского Совета. На этом же заседании Серго было поручено передать от имени бакинского пролетариата братский привет 1-й Конной армии в связи с ее первой блестящей победой над белополяками и вручить командарму Буденному и члену РВС 1-й Конной Ворошилову подарки бакинских рабочих¹⁸ — золотые кинжалы.

У Серго была уйма дел, трудно было справиться со всем. Но он был крепок, здоров, молод — ему было тогда 34 года. Всегда он был жизнерадостен, подтянут, как будто и не знал утомления. Работали мы тогда без отдыха, о выходных днях даже и не помышляли. Серго любил верховую езду. Но лишь дважды нам удалось вместе выбраться верхом на прогулку в окрестности Баку, и мы радовались возможности побеседовать в спокойной обстановке.

На Серго лежала не только забота об 11-й армии и Азербайджане. Возглавляя Кавбюро ЦК РКП(б), он осуществлял руководство партийными организациями всего Закавказья и Северного Кавказа, часто выезжал в Ставрополь, Ростов, Грозный, Краснодар, Владикавказ (ныне Орджоникидзе), выступал там на съездах, собраниях, совещаниях с активом. Выпела работа по укреплению Советской власти на местах. Надо было разрешать сложные вопросы, возникавшие у горских народов, впервые получивших возможность свободного национального развития, налаживать хозяйственную жизнь. Требовалось ускорить доставку хлеба и другого продовольствия в Москву: запасы его на Северном Кавказе тогда были большие, а города Центральной России переживали значительные продовольственные трудности.

Красная Армия одерживала крупные победы. Гражданская война шла к концу. Разъезжая по городам и селам, Серго ставил перед советскими и партийными организациями задачи восстановления хозяйства, перевода работы на рельсы мирного строительства.

Однако в августе 1920 года стало ясно, что Антанта решила еще раз попытаться спасти разгромленную контрреволюцию, подбив буржуазно-помещичью Польшу к нападению на Советскую Россию. Несмотря на ряд попыток Ленина и Советского правительства урегулировать мирным путем отношения с Польшей, белополяки разожгли войну. Антанта одновременно помогала вооружением Врангелю, которому удалось, закрепившись в Крыму, высадить десант Улагая на Кубани и поднять там восстание.

20 августа Серго получает телеграмму Ленина с поруче-

нием Политбюро ЦК РКП(б) срочно выехать для участия в ликвидации врангелевского десанта. Он тут же выезжает и уже 4 сентября телеграфирует Ленину о разгроме десанта в районе Ахтырки. Однако Врангель был еще силен и нацелил наступление из Крыма на север. Его войска были хорошо вооружены: Англия, Франция и Америка обеспечили их всем необходимым.

Вновь пришлось ЦК нашей партии призывать страну к обороне. По примеру других партийных организаций ЦК Компартии Азербайджана решил мобилизовать на фронт десять процентов всего числа коммунистов. Совет профессиональных союзов республики постановил мобилизовать два процента членов профсоюзов для пополнения рядов Красной Армии на фронтах борьбы с белополяками и врангелевцами. Бакинский Совет рабочих, красноармейских и матросских депутатов принял постановление мобилизовать пять процентов своих депутатов на фронт.

* *
*

В сентябре 1920 года, менее чем через год после II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, был созван первый съезд народов Востока, на котором участвовали и представители коммунистических партий ряда зарубежных стран.

Организаторами этого съезда явились Исполком Коминтерна и часть делегатов, прибывших в Москву в конце июня 1920 года на II Всемирный конгресс Коминтерна.

ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна создали Организационное бюро, которое от имени ряда стран обратилось к народам Востока с предложением подготовить съезд представителей трудящихся всего Востока.

Основную организационную работу по подготовке съезда вел Серго Орджоникидзе вместе с Еленой Стасовой. Я также был в курсе всех вопросов, так как входил в состав Организационного бюро.

На съезд ожидалось прибытие делегатов от народностей бывшей Российской империи, включая закавказские республики и Дагестан, делегатов от других северокавказских народностей, от народов, живших в Туркестанской республике, от Хивы и Бухары, Башкирии, от татар и калмыков, от Китая, Индии, Афганистана, от Персии, Турции, Японии, от арабов, курдов.

Необходимо было установить связь со всеми этими делегациями. Особенно трудно было наладить контакты с персами и турками. Поскольку тогда уже в Баку находилось Бюро турецких коммунистов (Субхи, Сулейман Нури), а также Персидское бюро, через них велась работа по привлечению делегатов из их стран. Они нам помогали установить связь с Индией, курдами, арабами.

Было решено привлечь на съезд не только коммунистов, но и представителей национальных революционных организаций и беспартийных антиимпериалистически настроенных деятелей стран Востока.

Местом созыва съезда единодушно был выбран город Баку. Этот город был не случайно намечен для встречи испытанных пролетарских борцов Запада с передовыми борцами за освобождение народов Востока. Этот рабочий город, подвергавшийся гнету отечественного и иностранного капитала, являлся центром возрождавшегося социалистического сознания на Востоке, ареной политической и экономической борьбы за освобождение не только азербайджанского народа. Теперь ему выпала большая честь — послужить местом, где собрались представители 37 народностей с целью соединить усилия в совместной борьбе за уничтожение гнета империалистов, за освобождение народов Востока.

На съезд прибыл 1891 делегат, в том числе 1273 коммуниста. Таким образом, беспартийные составляли третью часть делегатов. Среди приехавших было 55 женщин.

В качестве гостей приехали представители ряда коммунистических партий из Европы и США: из Венгрии — Бела Кун, из Англии — Квелч, из Франции — Росмер, из Америки — Джон Рид и др. Китай был представлен на съезде восемью делегатами, из них Ван был избран в члены созданного на последнем заседании Совета действия и пропаганды на Востоке.

Съезд происходил в исторический момент. Страна только что пережила громадную волну иностранной интервенции. Были разгромлены продажные наемники империализма — Колчак, Деникин, Юденич. Англия начала вступать с нами в мирные переговоры, но одновременно сумела натравить на нас белую Польшу. Это был как раз тот период, когда, начав гнать белополяков, Красная Армия потерпела неудачу, что вновь окрылило капиталистов. Но именно в этот момент они неожиданно встали перед фактом, что волна антиимпериалистической борьбы перекинулась из России на Восток.

Съезд начал свою работу 1 сентября 1920 года. Накануне собрался Бакинский Совет, на котором было доложено о проведенной работе по подготовке к съезду. Так как ожидалось прибытие поезда с представителями Коминтерна и делегациями компартий ряда стран, депутаты решили организованно встретить гостей. Поезд пришел ночью. Все депутаты Совета, многочисленные рабочие делегации отправились его встречать. Прямо с вокзала гостей привезли в театр, где возобновилось заседание Совета. Закончилось оно в пятом часу утра. Слушали приветственные выступления представителей Коминтерна. Один за другим выступали с пламенными речами ораторы.

Джон Рид в своей яркой речи сказал:

«Я представляю здесь революционных рабочих одной из великих империалистических держав, Соединенных Штатов Америки, которая эксплуатирует и угнетает народы колоний.

Вы, народы Востока, народы Азии, еще не испытали на себе власти Америки. Вы знаете и ненавидите английских, французских и итальянских империалистов и, вероятно, думаете, что «свободная Америка» будет лучше управлять, освободит народы колоний, будет их кормить и защищать.

Нет. Рабочие и крестьяне Филиппин, народы Центральной Америки, островов Карибского моря — они знают, что значит жить под властью «свободной Америки».

Например, народы Филиппин. В 1898 году филиппинцы восстали против жестокого колониального испанского правительства, и американцы помогли им. Но когда испанцы были выгнаны, американцы не захотели уйти.

Тогда филиппинцы поднялись против американцев, и на сей раз «освободители» стали убивать их, их жен и детей, пытали их и, наконец, победили их, захватили их земли и заставили их работать и доставлять прибыль американским капиталистам.

Американцы обещали филиппинцам независимость. Вскоре будет объявлена независимая Филиппинская республика. Но это не значит, что американские капиталисты уйдут отсюда или филиппинцы не будут продолжать работать, создавая для них прибыль. Ибо американские капиталисты дали филиппинским вождям часть прибыли — они дали им государственные посты, земли и деньги, — они создали филиппинский капиталистический класс, который тоже живет от прибыли, создаваемой рабочими. И чей интерес состоит в том, чтобы держать филиппинцев в рабстве?

Это уже имело место на Кубе, которая была освобождена от испанского господства при помощи американцев. И сейчас она является независимой республикой; но американские миллионеры владеют всеми сахарными плантациями, за исключением маленьких участков, которые они предоставляют капиталистам Кубы, которые и управляют страной. И как только рабочие Кубы пытаются избрать правительство, которое не в интересах американских капиталистов, Соединенные Штаты Америки посылают солдат на Кубу, чтобы заставить народ голосовать за своих угнетателей».

Речь молодого прозорливого революционера, произнесенная полвека тому назад, отражает картину и сегодняшних методов американских империалистов, которыми они пользуются для угнетения народов Азии, Африки и Латинской Америки. Это выступление Джона Рида было последним на коммунистических форумах. Он умер в том же 1920 году в России, заболев тифом. Отдавая дань американскому революционеру, советские люди похоронили его в Москве на Красной площади, у Кремлевской стены. Написанная им книга «10 дней, которые потрясли мир» издана миллионами экземпляров и будет привлекать интерес дальнейших поколений. Высокого мнения о Джоне Риде, одном из основателей Коммунистической партии США, был Ленин.

Столь же актуально, как и речь Джона Рида, звучит и по сегодняшний день речь венгерского делегата Бела Куна. «Для покорения колониальных народов эксплуататоры-империалисты мобилизуют европейских рабочих, — говорил Бела Кун, — которых они стараются привлечь на свою сторону, давая им взятку: кроху из сверхприбылей, выжимаемых ими из колониальных народов; так это всегда делалось в Англии и в Германии. Этим способом хотят сбить рабочих с пути их революционного призвания. С другой стороны, в особенности в последнее время, империалистическая буржуазия усиленно думает о том, чтобы против европейских рабочих посылать на вербованные колониальные войска, пользуясь их несознательностью, и таким образом защитить свою пошатнувшуюся государственную власть от натиска рабочего класса.

Я, товарищи, лично был свидетелем подобной попытки империалистической буржуазии. Когда мы, венгерские рабочие и беднейшие крестьяне, захватили власть в свои руки, французская буржуазия сразу же сделала попытку задушить нашу революцию руками мусульманских колониальных войск.

Но как ни трудно было нам общение с этими солдатами

из-за различия языков, нам все-таки удалось найти путь к уму и сердцу этих колониальных войск, они побросали оружие, узнав, что их хотели заставить потопить в крови революцию.

Империалистической буржуазии обыкновенно удается найти в колониальных странах тот слой туземного населения и тот господствующий класс в полуколониальных странах, с помощью которых она может добиться того, чтобы ее эксплуататорская политика стала легче, дешевле и стоила меньше крови...»

О коварной политике империализма говорил и делегат от Франции Росмер: «Когда нужно было бороться против немцев, когда нужно было мобилизовать сотни тысяч алжирцев, тунисцев и марокканцев, тогда им обещали разные свободы, а на другой день после разгрома Германии все эти жалкие свободы были отняты».

С яркой речью выступил на съезде делегат от английской коммунистической партии Квелч. Он говорил, что «враг британского рабочего класса — английские империалисты в то же самое время являются врагом народов Востока, угнетенного Востока». Поэтому борьба английского рабочего класса против британского капитализма является и борьбой против него угнетенных народов Востока.

Собрание проходило на большом подъеме, говорили вдохновенно. Настроение у всех было приподнятое; царил атмосфера боевой готовности воевать за Советскую власть, против белополяков, против Врангеля.

Незабываемое впечатление производили и речи выступавших на съезде, и сам зал. Делегаты, охваченные одним общим порывом, встали, и некоторые, потрясая имевшимся оружием, клялись рука об руку с европейскими рабочими бороться против угнетателей.

На таком же подъеме проходили выступления делегатов, представлявших передовые слои азиатских народностей. Все они выражали пробуждение воли угнетенных народов к борьбе с империализмом за свое освобождение.

Делегат Индии Фазма Кадыр зачитал заявление одной индусской революционной организации, подписанное ее президентом Магомед-Абдур-Рабе-Берк. В заявлении говорилось, что от имени 315 миллионов угнетенного народа Индии он обращается к делегатам съезда и представителям Советской России с просьбой помочь Индии. «Все надеются, что эта помощь будет дана без всякого вмешательства во внутреннюю и религиозную жизнь».

Большой страстью звучало и выступление казахского делегата Рыскулова. Он говорил, что «самая кардинальная задача — это объединение трудящихся, объединение разрозненного революционного движения на Востоке с движением на Западе... Для этого вопроса мы здесь собрались, и этот вопрос здесь разрешаем».

Бурными аплодисментами встретил зал появление на трибуне турчанки Наджи Ханум. Обращаясь к делегатам-мужчинам, она сказала: «Выслушайте наши требования и окажите нам действительную помощь и содействие: 1) полное равноправие, 2) обеспечение женщин безусловным пользованием мужскими просветительными и ремесленными учреждениями, 3) равенство прав брачующихся сторон, 4) безусловное допущение женщин к службе в законодательных и административных учреждениях, 5) повсюду, в городах, местечках и селах, должны быть учреждены комитеты прав и охраны женщин».

Коммунисты, признавшие за нами равное право, протянули нам руку, и мы, женщины, будем самыми верными их спутницами».

А представительница женщин Туркестана Бибинур, приветствовавшая съезд от имени работниц-пролетарок города Ауэле-Ата (ныне Джамбул), заверила делегатов: «Мы, женщины, пробудились от гнета и кошмара и с каждым днем вливаем свои лучшие силы в ваши ряды. Мы также должны работать не покладая рук, работать за освобождение всех угнетенных народов Востока».

Бурей аплодисментов съезд встречает предложение утвердить в президиуме женщин: Булач от Дагестана, Наджию Ханум от Турции и Шабанову от Азербайджана.

К сожалению, Серго Орджоникидзе — один из главных организаторов съезда — на нем не присутствовал, так как в это время участвовал в ликвидации врангелевского десанта на Кубани. Он прислал телеграмму съезду народов Востока с теплым приветствием. В приветствии говорилось:

«От имени нанесшей смертельный удар врангелевскому десанту на Кубани и окончательно уничтожившей его 9-й Кубанской армии приветствуем первый съезд народов Востока. Будучи отвлечены от непосредственного участия в работе съезда, мы с восхищением следим за поднимающимся против ига западноевропейского империализма Востоком. Мы гордимся, что наша победоносная Красная Армия в братском единении с азербайджанским крестьянством и рабочими, свергнув правительство беков и ханов, создала красный Азербайджан, в столице которого вы ныне заседаете. Недалек момент, когда над всем Востоком загорится красная заря освобождения...»

На съезде народов Востока были обсуждены многие важные вопросы: о международном положении и задачах трудящихся народов Востока, о Советах в странах Востока, аграрный, национально-колониальный вопросы и другие. Вся работа съезда проходила под знаком единства с решениями недавно закончившегося в Москве II конгресса Коммунистического Интернационала.

Владимир Ильич Ленин пристально следил за ходом работы этих исторических форумов. Высоко оценивая значение съездов, он говорил в речи 15 октября 1920 года на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии: «Что сделали съезд коммунистов в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку, — этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира.

...Это те международные съезды, которые сплотили коммунистов и показали, что во всех цивилизованных странах и во всех восточных странах большевистское знамя, программа большевизма, образ действий большевиков — есть то, что для рабочих всех цивилизованных стран, для крестьян всех отсталых колониальных стран является знаменем спасения, знаменем борьбы, что действительно Советская Россия за эти три года не только отбила тех, кто бросался, чтобы ее душисть, но и завоевала себе сочувствие трудящихся во всем мире, что мы не только разбили наших врагов, но мы приобрели и приобретаем себе союзников не по дням, а по часам».

* *
*

Летом 1920 года, когда страна приступала к мирному строительству, появилась новая военная угроза Советской власти: войска белогвардейского генерала Врангеля, перевооруженные Антантой, перешли в наступление. Вновь вспыхнул этот опасный очаг гражданской войны.

Имея решение Центрального Комитета партии о направлении на работу в Президиуме Нижегородского губкома партии, я попросил ЦК изменить это решение и направить меня на врангелевский фронт.

Однако Центральный Комитет оставил свое решение в силе.

В конце сентября 1920 года я переехал в Нижний Новгород (ныне г. Горький), а через несколько месяцев меня избрали там секретарем нижегородской губернской партийной организации.

Период моей жизни в Закавказье закончился...

ОТ АВТОРА	3
СТАНОВЛЕНИЕ	7
Из воспоминаний детства	—
Революционная юность	29
«Мои университеты»	48
В дни Февральской революции	77
Подготовка к вооруженному восстанию	108
В ДНИ БАКИНСКОЙ КОММУНЫ	127
Победа Советской власти в Баку	—
Первые шаги коммуны	142
Вооруженная борьба продолжается	161
Падение Бакинской коммуны	176
Уходим, чтобы вернуться с победой	209
Их было 26	226
В ТЮРЬМАХ ЗАКАСПИЯ	250
В Красноводске	—
В Ашхабаде	272
БАКИНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В УСЛОВИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ	304
Борьба за массы	—
За объединение рабочих Закавказья	337
Рождение лозунга «За Советский Азербайджан!»	360
Первая Закавказская партийная конференция	375
Письмо Ленину	414

Рыцари революции	430
Тактика единого фронта	453
Новый арест	488
Объединение коммунистических орга- низаций Азербайджана	505
Москва	527
РОЖДЕНИЕ	СОВЕТСКОГО
ЗАКАВКАЗЬЯ	560
Возвращение из Москвы	—
До свидания, Баку!	574

Микоян А. И.

М59 Дорогой борьбы. Кн. 1. М., Политиздат, 1971.
590 с. с илл. («О жизни и о себе»).

Один из видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, Анастас Иванович Микоян еще юношей вступил в ряды ленинской партии и вместе с нею прошел более чем полувековой путь борьбы за торжество коммунизма.
Первая книга его воспоминаний охватывает период 1895—1920 гг.

Микоян
Анастас Иванович
ДОРОГОЙ БОРЬБЫ

•

Заведующий редакцией *Котеленец А. И.*

Редактор *Гудкова Н. С.*

Младший редактор *Детярэва Н. А.*

Оформление художника *Симашина Н. И.*

Художественный редактор *Семиреченко Г. Ф.*

Технический редактор *Тролюнская Н. Е.*

•

Сдано в набор 18 ноября 1970 г. Подписано в печать
8 февраля 1971 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1 Услови. печ. л. 36,61. Учетно-изд. л. 36,10.
Тираж 200 000 (1—100 000) экз. А02423. Заказ № 3995.
Цена 1 р. 82 к.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.